

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2017

№ 2
(60)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Антонян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;

Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;

Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;

Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;

Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);

Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;

Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL COUNCIL:

Avrutin Yu.E., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;

Antonyan Yu.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;

Baev O.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Borchashvily I.Sh., Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;

Volkov Yu.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;

Gilinsky Ya.I., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;

Golik Yu.V., Doctor of Law, Professor, the Bunin Yelets State University;

Golovnenkov P.V., Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);

Zaitsev O.A., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;

Ishchenko E.P., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Kamyshansky V.P., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Kibalnik A.G., Doctor of Law, Professor, the North Caucasus Federal University;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;

Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Краснодарский университет МВД России;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет;

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;

Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;

Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;

Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Стариллов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;

Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);

Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.

Larichev V.D., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Krasnodar University of the Russian MIA;

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, Belarus State University;

Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;

Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;

Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Kutafin Moscow State Law University;

Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;

Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;

Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);

Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
С ЮБИЛЕЕМ!**

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Ильяшенко А.Н., Никитина Л.К. Дифференциация уголовной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

Ганченко О.И. Компаративное исследование положений уголовного законодательства стран дальнего зарубежья об ответственности за шантаж

Евтушенко И.И., Иванов С.И. Теория и практика применения статей 204.2 и 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации

Кадников Б.Н. К вопросу об уголовной ответственности за мелкое хищение

Пронина М.П. Законодательная техника в механизме правоприменения уголовного законодательства

Танага И.В. Уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Ховавко С.М. Общественная опасность кражи груза из транспортного средства

Абрамов А.Л. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность медицинских работников (к итогам исследования)

Бойко С.Я. Мошенничество в уголовном законодательстве стран с англо-саксонскими языками

Григорян Г.Р. Юридическая характеристика объекта мошенничества в сфере компьютерной информации

Дзюба А.А. Специальные условия освобождения от уголовной ответственности за организацию и участие в деятельности террористической организации и незаконного вооруженного формирования: проблемы систематизации уголовно-правового регулирования и квалификации

Киршина Е.А. Дефиниция «должностное лицо» в уголовном законодательстве стран Евразийского экономического союза

Кунов И.М. О перспективах совершенствования дифференциации уголовной ответственности за распространение криминальной информации

**9 CONGRATULATIONS
WITH ANNIVERSARY!**

**11 CRIMINAL POLICY:
THEORY AND PRACTICE**

11 Ilyashenko A.N., Nikitina L.K. Differentiation of the criminal liability for illegal use of means of individualization of goods (works, services)

16 Ganchenko O.I. Comparative research of the criminal laws of foreign countries on the responsibility for blackmail

21 Evtushenko I.I., Ivanov S.I. Theory and practice of application articles 204.2 and 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

26 Kadnikov B.N. To the issue of criminalizing petty theft

29 Pronina M.P. Legislative technique in the mechanism of enforcement of the criminal law

35 Tanaga I.V. Criminal-legal characteristic and peculiarities of qualification of crimes under article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

40 Khovavko S.M. Social danger of the theft of cargo from a vehicle

46 Abramov A.L. Circumstances excluding criminal responsibility of medical workers (to the results of the research)

50 Boyko S.Ya. Fraudulent in criminal legislation of countries based on a Common Law tradition

54 Grigoryan G.R. The legal characteristic of the object of fraud in the sphere of computer information

58 Dzyuba A.A. Special conditions for exemption from criminal liability for organizing and participating in the activities of a terrorist organization and an illegal armed formation: the problems of systematization of criminal law regulation and qualifications

65 Kirshina E.A. Definition of «official» in the criminal legislation of the countries of the Eurasian Economic Union

69 Kunov I.M. On the prospects of improving the differentiation of criminal responsibility for the distribution of criminogenic information

<i>Пелевина А.В.</i> Уголовная ответственность за посягательства на информационные отношения в странах Евразийского экономического союза	74	<i>Pelevina A.V.</i> Criminal liability for violation of information relations in the countries of the Eurasian Economic Union
<i>Юдин П.А.</i> Актуальные проблемы уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	79	<i>Yudin P.A.</i> Current problems of criminal law counteraction to drugs, psychotropic substances and their precursors trafficking
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	83	PREVENTION OF CRIMINALITY
<i>Лебедев С.Я., Буткевич С.А.</i> Инновационное развитие системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности: постановка проблемы	83	<i>Lebedev S.Ya., Butkevich S.A.</i> Innovative development of the system for preventing crimes of a terrorist nature and extremist orientation: formulation of the problem
<i>Сидоренко Э.Л.</i> Современные криминологические тенденции бытовой коррупции в России	90	<i>Sidorenko E.L.</i> Modern criminological trends of domestic corruption in Russia
<i>Абдулганеев Р.Р.</i> Криминологические аспекты предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в интернет-пространстве	96	<i>Abdulganeev R.R.</i> Criminological aspects of preventing the spread of the ideology of religious extremism in the Internet space
<i>Панов А.Ю.</i> Оперативно-розыскные меры по предупреждению налоговых преступлений	101	<i>Panov A.Yu.</i> Operational-search measures to prevent tax crimes
<i>Рыкова И.Ю.</i> Некоторые элементы конституционно-правового механизма противодействия религиозному экстремизму в современной России	107	<i>Rykova I.Yu.</i> Some elements of the constitutional-legal mechanism of combating religious extremism in modern Russia
<i>Зорин А.В.</i> К вопросу о специальных мерах предупреждения политической преступности	111	<i>Zorin A.V.</i> To the issue of special measures of the prevention of political crime
<i>Кашкарова Н.А.</i> Причины дорожно-транспортной виктимизации	115	<i>Kashkarova N.A.</i> The reasons for the road transport victimization
<i>Мурин С.В.</i> Законодательные коллизии как проблема противодействия коррупции	119	<i>Murin S.V.</i> Legislative conflict as a problem of anti-corruption
<i>Романова В.В.</i> Авторитет должности и его использование при совершении преступлений	125	<i>Romanova V.V.</i> The authority of the position and its use in the commission of crimes
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	130	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
<i>Баев О.Я., Завьялова Д.В.</i> Исключительные следственные ситуации	130	<i>Baev O.Ya., Zavyalova D.V.</i> Exceptional investigative situations
<i>Костенко Р.В.</i> Понятие и значение пределов доказывания в уголовном судопроизводстве	136	<i>Kostenko R.V.</i> The concept and the limits of proof in criminal proceedings
<i>Насонова И.А., Зотова М.В.</i> Условия дознания в сокращенной форме и проблемы их совершенствования	141	<i>Nasonova I.A., Zotova M.V.</i> The terms of the inquiry in an abbreviated form, and problems of improvement
<i>Башинская И.Г.</i> Судебный штраф как государственный способ возмещения расходов за уголовное судопроизводство	149	<i>Bashinskaya I.G.</i> Judicial fine as a state way of reimbursing for criminal proceedings
<i>Машовец А.О.</i> О месте судебного следствия в современном уголовном судопроизводстве и обеспечении его независимости от предварительного расследования	153	<i>Mashovets A.O.</i> On the place of judicial investigation in modern criminal proceedings and ensuring its independence from preliminary investigation

Мисник И.В., Загорьян С.Г. Участие законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе	157	Misnik I.V., Zagoryan S.G. Participation of legal representatives of minors in criminal proceedings
Рудич В.В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения	161	Rudich V.V. To the question of the concept of criminal-procedural mechanism of application of measures of legal coercion – restraint
Сидоренко М.В. Коллизии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов	166	Sidorenko M.V. Conflicts of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other federal laws
Таратонов И.И. Обстоятельства, подлежащие установлению при осуществлении уголовного преследования по делам о преднамеренных банкротствах, и их значение в деятельности прокурора	171	Taratonov I.I. Circumstances to be determined in the course of criminal prosecution in cases of intentional bankruptcies, and their significance in the activity of the prosecutor
Токаренко Е.С. Правовая природа и доказательственное значение получения образцов для сравнительного исследования	176	Tokarenko E.S. Legal nature and evidential value of receipt of standards for comparative research
РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	179	DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES
Варданын А.В., Айвазова О.В. Диспозитивный характер заявлений юридических лиц о преступлениях экономической направленности как повод для возбуждения уголовного дела: дискуссионные вопросы теории и практики	179	Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Dispositive applications of legal entities on economic crimes as a pretext for a criminal case: discussion questions of theory and practice
Гусев А.В. Проблемы соотношения содержания понятий «след» и «фрагмент следа»	185	Gusev A.V. Problems of correlation of the notions «trace» and «track fragment»
Куемжиева С.А. Криминалистическая классификация преступлений против семьи и несовершеннолетних	189	Kuemzhieva S.A. Criminalistic classification of crimes against family and minors
Еремченко В.И. Современные проблемы свободного оборота средств совершения и сокрытия преступлений	195	Eremchenko V.I. Modern problems of free trafficking of the means of committing and concealing crimes
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	198	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS
Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Современные организационные и административно-правовые проблемы государственного управления миграцией населения	198	Zherebtsov A.N., Malyshev E.A. Modern organizational and administrative-legal problems of public management migration
Ищенко С.А. Спорт, общество и право	205	Ischenko S.A. Sport, society and law
Дудин Н.П. К вопросу о принципе справедливости производства по делам об административных правонарушениях	208	Dudin N.P. On the question of the principle of justice of proceedings on affairs on administrative offenses
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	211	LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY
Арутюнов А.С., Науменко О.А. Особенности реализации процессуальных и организационных функций начальника подразделения дознания	211	Arutyunov A.S., Naumenko O.A. Features of implementation of procedural and organizational functions of the chief of inquiry unit
Кобелев Д.Н. Понятие и сущность антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности	215	Kobelev D.N. The concept and essence of anti-terrorist activity of the detachments of special designation of the boundary bodies of federal security service

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Карнаушенко Л.В. Проблема модернизации норм права в условиях трансформации информационно-коммуникационной среды

Глушаченко С.Б. Законотворческая деятельность депутатов Государственной Думы имперского периода

Вакарина Е.А., Назарова Е.А. Социальное страхование рабочих в горнорудной промышленности Российской империи второй половины XIX – начала XX века (правовой аспект)

Маркунин Р.С. Дисциплинарная ответственность депутатов Государственной Думы: исторический и современный аспекты

Гизатуллина Э.Ф. Сентябрьский (1965 год) Пленум ЦК КПСС как поворотный пункт в методах реализации государством функции управления советской экономикой

Конюшихина Н.И. Проблемы взаимодействия органов контрразведки Кубанского краевого правительства и Добровольческой армии в период Гражданской войны

Кравец С.А. Проблемы организации милиции на Кубани во второй половине 1917 года: поиски путей решения

Кузьмина А.В. Деятельность Кубанского областного Комитета и Новороссийского особого Комитета Попечительства о народной трезвости в период Первой русской революции 1905–1907 годов

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Герасимов А.В., Данилов Д.Б. Проблемные аспекты третейского разбирательства в условиях реформирования гражданского и арбитражного процесса

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Костюченко Н.И. Неопределенность соотношения понятий «организация» и «управление» как причина проблем теории и практики управления

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ

Гриценко В.П., Опошнянский А.В. Глобализационный тренд и этнокультурная идентичность

220 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

220 **Karnaushenko L.V.** The problem of modernization of law in the transformation of information and communication environment

224 **Glushachenko S.B.** Legislative activity of deputies of the State Duma of the imperial period

228 **Vakarina E.A., Nazarova E.A.** Social insurance of workers in the mining industry of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX century (legal aspect)

232 **Markunin R.S.** Disciplinary responsibility of deputies of the State Duma: historical and modern aspects

235 **Gizatullina E.F.** September (1965) Plenum of the Central Committee of the CPSU as a turning point in the methods of implementation by the state of the management function of the Soviet economy

240 **Konyushihina N.I.** Problems of interaction of counterintelligence agencies of the Kuban Region Government and the Volunteer Army during the Civil War

247 **Kravets S.A.** The problems of the organization of the militia in the Kuban in the second half of 1917: the search for solutions

252 **Kuzmina A.V.** Activities of the Regional Committee of the Kuban and Novorossiysk special Committee Care of People's Sobriety during the First Russian revolution of 1905–1907

256 CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS

256 **Gerasimov A.V., Danilov D.B.** Problem aspects of arbitration trial in the conditions of reforming of civil and arbitration process

260 MANAGEMENT ACTIVITIES

260 **Kostiuchenko N.I.** Uncertainty of correlation of the notions «organization» and «management» as a reason of problems in management theory and practice

265 QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE

265 **Gritsenko V.P., Oposhnyanskiy A.V.** Globalization trend and ethnocultural identity

Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И., Швец А.А. Специфические черты теоретико-методологического конструирования понятия «жизненная стратегия» в психологическом подходе социального познания	270	Samoilov S.F., Timofeeva N.I., Shvets A.A. Peculiar features of theoretical-methodological designing of the concept «life strategy» of psychological approach of social knowledge
Анистратенко Т.Г. Социальная рефлексия в форме самовыражения: социально-философский анализ	275	Anistratenko T.G. Social reflection in the form of self-expression: social-philosophical analysis
Дементьев С.А. Становление глобального информационного мира: глобальные трансформации в бытии человека	280	Dementiev S.A. Becoming the global information world: global transformations in the human being
Назаренко С.В. Социальный контроль в воинских коллективах: методика социологической экспресс-диагностики нарушений уставных взаимоотношений	285	Nazarenko S.V. Social control in military units: the sociological method of rapid diagnosis of violations of statutory relations
Артюхов А.И., Калиоропуло Е.В. Человек и интенция сверхчеловека	291	Artyukhov A.I., Kalioropulo E.V. Person and intension of the superman
РЕЦЕНЗИИ	296	REVIEWS
Наумов А.В. Рецензия на учебник «Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Особенная часть»	296	Naumov A.V. Review of the textbook «Criminal law of the Republic of Kazakhstan. General part. Special part»
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	301	INTO CONSIDERATION OF AUTHORS

Поздравляем Юрия Ефремовича Аврутина с 70-летием!

23 марта 2017 г. исполнилось 70 лет Юрию Ефремовичу Аврутину – доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заслуженному юристу Российской Федерации.

Юрий Ефремович родился в г. Ташкенте, в 1955 г. его семья переехала в г. Ленинград. После окончания в 1971 г. Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова по специальности «Правоведение» и службы в рядах Вооруженных сил Ю.Е. Аврутин в 1972 г. поступил на службу в органы внутренних дел.

Работая на практике, Юрий Ефремович начал активно заниматься научной деятельностью и в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Штабная культура и пути ее повышения в органах внутренних дел».

Имея богатейший 17-летний опыт работы в аппарате Главного управления внутренних дел г. Ленинграда, Ю.Е. Авру-

тин в 1988 г. занялся преподавательской деятельностью, начав свой путь с должности доцента кафедры оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургской высшей школы МВД России, в дальнейшем преобразованной в Санкт-Петербургский университет МВД России. С 1990 г. Юрий Ефремович последовательно возглавлял кафедры организации охраны правопорядка, административно-служебной деятельности и управления в ОВД, административного права. После окончания службы в органах внутренних дел и выхода в 2006 г. на пенсию в звании полковника милиции Ю.Е. Аврутин продолжил работать на кафедре административного права в должности профессора.

В 1998 г. Ю.Е. Аврутин успешно защитил диссертацию на тему «Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования» на

соискание ученой степени доктора юридических наук. Немногом ранее (в 1997 г.) ему было присвоено ученое звание «профессор».

Сфера научных интересов юбиляра необычайно разнообразна. Лично, в соавторстве и в составе научных коллективов им подготовлено более 80 трудов по криминологии, оперативно-розыскной деятельности, теории управления в сфере обеспечения правопорядка, теории эффективности правоохранительной деятельности. Наиболее известные из них – курс лекций «Основы психологии оперативно-розыскной деятельности аппаратов уголовного розыска»; учебные пособия «Аналитическая работа в органах внутренних дел: организация, методика, техника», «Логико-правовые и социальные основания построения и оценки концептуальных моделей эффективного функционирования органов внутренних дел», «Административная деятельность органов внутренних дел»; учебник «Основы управления в органах внутренних дел»; монографии «Криминологический анализ преступности в регионе. Методология. Методика. Техника», «Эффективность функционирования органов внутренних дел: количественные методы оценки и измерения», «Эффективность деятельности органов внутренних дел: опыт системного исследования», «Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспективы развития)», «Преступность и общество: проблемы социогенеза», «МВД России. 1991–2001 гг.», «Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы», «Правопорядок и его организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации: теоретическое административно-правовое исследование».

Профессор Ю.Е. Аврутин – один из ведущих ученых-полицистов современной России, автор ряда концептуальных положений в области организации и деятельности полиции, получивших поддержку и признание не только широкой научной общественности, но и руководства МВД России. За активное участие в подготовке в составе рабочей группы проекта Федерального закона «О полиции» Ю.Е. Аврутин награжден медалью «За доблесть в службе».

Профессор Ю.Е. Аврутин – признанный авторитет в области подготовки и аттестации научно-педагогических кадров и безусловный лидер научно-педагогической школы в области административного права и административного процесса, много лет успешно развивающейся в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Юрий Ефремович Аврутин активно осуществляет научное руководство и научное консультирование адъюнктов и докторантов, является членом диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций при Белгородском и Нижегородском государственных университетах, членом экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, входит в состав редакционных коллегий ряда ведущих научно-практических журналов: «Административное право и процесс», «Общество и право», «Журнал административного судопроизводства», «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», «Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского», «Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право».

Редакционный совет журнала поздравляет Юрия Ефремовича с юбилеем, желает крепкого здоровья, успехов в научной, педагогической и общественной деятельности, удачи и благополучия!

**Редакционный совет журнала
«Общество и право»**

Ильяшенко Алексей Николаевич
доктор юридических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России

Никитина Людмила Константиновна
кандидат юридических наук,
Российский государственный университет правосудия

(тел.: +78612584050)

Дифференциация уголовной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

В статье проанализирован существующий законодательный подход к дифференциации уголовной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Сформулированы предложения по введению новых квалифицирующих признаков рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, состав преступления, товарный знак, средства индивидуализации, дифференциация уголовной ответственности.

A.N. Ilyashenko, Doctor of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050;

L.K. Nikitina, Candidate of Law, Russian State University of Justice.

Differentiation of the criminal liability for illegal use of means of individualization of goods (works, services)

The article analyses the existing legislative approach to the differentiation of the criminal liability for illegal use of means of individualization of goods (works, services). Formulates proposals for the introduction of new qualifying signs of this crime.

Key words: crime, criminal liability, corpus delicti, trademark, means of individualization, differentiation of criminal liability.

Действующим законодательством об уголовной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) предусматривается два квалифицированных вида преступления, регламентированного ст. 180 УК РФ: незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) группой лиц по предварительному сговору (ч. 3 ст. 180 УК РФ) и аналогичное деяние, совершенное организованной группой (ч. 4 ст. 180 УК РФ).

Предназначением названных квалифицирующих признаков незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) является дифференциация уголовной ответственности за исследуемое преступление. Необходимо обратить внимание на то, что, с позиции законодателя, факт незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) в соучастии весьма существенно отягчает уголовную ответственность: при таких

обстоятельствах незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ч. 1 и 2 ст. 180 УК РФ), являющееся преступлением небольшой тяжести, приобретает статус преступления средней тяжести (ч. 3 ст. 180 УК РФ) или тяжкого преступления (ч. 4 ст. 180 УК РФ).

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Кроме того, на основании ч. 1 ст. 35 УК РФ группа лиц по предварительному сговору предполагает наличие не менее двух соисполнителей преступления.

Под сговором соучастников понимается «согласование воли соучастников, направленной на совершение преступления» [1, с. 210]. Помимо этого, сговор должен быть предварительным, т.е. «иметь место на стадии приготовления, до начала выполнения кем-либо из

соучастников объективной стороны преступления» [1, с. 210].

В юридической литературе отмечается, что «при квалификации преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору, вовсе не обязательно, чтобы соисполнители совершили тождественные действия (бездействие), образующие объективную сторону преступления» [2, с. 158]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» по этому поводу дается следующее разъяснение: «уголовная ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности каждый из соучастников совершает часть действий, входящих в объективную сторону указанных составов преступлений» [3].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору как минимум два субъекта преступления осуществляют согласованные действия по введению в гражданский оборот или обращению в гражданском обороте продукции, оснащенной товарными знаками либо сходными обозначениями без надлежаще оформленного согласия правообладателя (соответственно, в отношении иных средств индивидуализации). Например, одно лицо оснащает производимый товар чужими товарными знаками, другое – осуществляет реализацию данного контрафактного товара.

Вместе с тем, не исключается возможность участия в такой группе, помимо соисполнителей, других видов соучастников (организаторов, подстрекателей, пособников). Однако действия таких лиц подлежат квалификации по соответствующей части ст. 180 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ (ч. 3 ст. 34 УК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Отличительной характеристикой организованной группы выступает устойчивый характер данной преступной группы. Необходимо отметить, что в уголовном законе отсутствует определение такого признака, поэтому он считается оценочным.

В теории уголовного права под устойчивостью как признаком организованной группы предлагается понимать: «1) длительный по времени или интенсивный за короткий промежуток во времени период преступной деятельности группы, складывающийся из значительного числа преступлений, совершенных участниками группы; 2) соорганизованность участников группы (структурная определенность группы, наличие в ней руководства, системы связи и управления); 3) относительно стабильный состав участников группы; 4) постоянство форм и методов преступной деятельности» [4, с. 33].

При квалификации незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) по признаку его совершения организованной группой надлежит устанавливать наличие данных характеристик устойчивости. Кроме того, согласно ч. 5 ст. 35 УК РФ следует учитывать, что лицо, создавшее организованную группу либо руководившее ею, подлежит уголовной ответственности за все совершенные группой преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы несут уголовную ответственность за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Действия «всех участвовавших в совершении преступления организованной группой лиц (участников организованной группы) квалифицируются как действия соисполнителей» [5, с. 115].

Вместе с тем, необходимо учитывать, что незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) следует квалифицировать по признаку его совершения организованной группой и в случае совершения исследуемого преступления преступным сообществом (преступной организацией).

Так, приговором Верховного Суда Республики Башкортостан Х. был признан виновным в незаконном использовании товарного знака, совершенном организованной группой, и организации преступного сообщества. Установлено, что Х. создал преступную организацию для изготовления и сбыта фальсифицированной продукции под видом лекарственного средства «Медицинский антисептический раствор 95%» производства ООО «Гиппократ». Х. обеспечивал подельников оборудованием и компонентами для производства фальсификата. Так, им поставлялись спиртосодержащие жидкости «Максимка», «Мозаика», «Растворитель бытовой», «Антиобледенитель». «Экстрасепт-1», в состав которых входили диэтилфталат и денатурирующая добавка, представляющие опасность для жизни и здоровья потребителей.

Один из участников преступного сообщества, являвшийся директором типографии, изготавливал этикетки на фальсифицированный товар. Еще два участника сообщества занимались реализацией фальсифицированной продукции. Остальные члены преступной группы участвовали в производстве фальсификата. Всего ими было изготовлено более 11500 бутылок поддельного антисептика, которые реализовывались на территории г. Нефтекамска, а также в Калтасинском, Краснокамском и Янаульском районах республики [6].

Вывод о квалификации описанных действий по признаку их совершения организованной группой вполне обоснован, на что указывает Пленум Верховного Суда РФ: при совершении участником преступного сообщества (преступной организации) либо участником объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп тяжкого или особо тяжкого преступления их действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи Особенной части УК РФ, с учетом квалифицирующего признака «организованная группа» [7].

Из приведенного примера следует, что соучастие в данном случае характеризовалось более высоким уровнем организованности. По сути, имело место структурированное производство с налаженным сбытом продукции, незаконно оснащенной чужими товарными знаками.

В отличие от организованной группы, преступное сообщество (преступная организация), помимо присущих организованной группе признаков, характеризуется структурированностью или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких (преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 180 УК РФ, относится к категории тяжких) либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью действий. Структурированной организованной группе, кроме единого руководства, присущи взаимодействие различных ее подразделений в целях реализации общих преступных наме-

рений, распределение между ними функций, наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления и другие формы обеспечения деятельности преступного сообщества (преступной организации) [7].

Необходимо отметить, что значительная доля фактов незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) совершается именно в соучастии. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности установления законодателем рассматриваемых квалифицирующих признаков.

В уголовно-правовой доктрине уделяется немало внимания вопросам дифференциации уголовной ответственности, разработаны правила конструирования квалифицированных составов преступлений. Так, представляется возможным выделить следующие основные правила конструирования рассматриваемых составов преступлений:

1) основанием для конструирования законодателем квалифицированного вида преступления является существенный перепад в уровне общественной опасности деяния по сравнению с зафиксированным в основном составе преступления, причем необходима безусловность такого перепада;

2) типичность обстоятельств, закрепленных в законе в качестве квалифицирующих, т.е. их характерность для отражаемого в квалифицированном составе вида преступления;

3) нехарактерность более опасного варианта преступного поведения для большинства деяний, зафиксированных в основном составе [8, с. 182–185].

По нашему мнению, первое правило соблюдено при конструировании квалифицированных видов незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг), предусмотренных в ч. 3 и 4 ст. 180 УК РФ. Представляется, что законодателем верно оценена общественная опасность незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Несомненно, совершение рассматриваемых действий наносит значительно больший вред, чем незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) в одиночку. Это обусловливается главным образом спецификой рассматриваемого преступления. Масштабы ущерба, нанесенного в результате незаконного оснащения чужими товарными знаками продукции и ее последующей реализации, совершаемых одним лицом, просто не-

соизмеримы с ситуациями совершения исследуемого преступления в группе.

Проведенный анализ материалов следственно-судебной практики показывает, что при незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг) группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) такая деятельность, как правило, является серийной, имеет характер незаконного производства и массовой реализации контрафактной продукции. При этом имеются все основания утверждать, что перепад в уровне общественной опасности квалифицированных видов незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) по отношению к деяниям, указанным в основном составе, является безусловным.

Применительно к вопросу о типичности и характерности анализируемых квалифицирующих незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) обстоятельств следует отметить, что данное правило также соблюдено. Обусловливается это тем, что групповой способ незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) существенно облегчает совершение данного общественно опасного деяния. Продуктивность незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг), которое, как правило, осуществляется путем размещения средств индивидуализации на продукции (оснащение этикетками, упаковками и т.п.), совершаемого одним лицом, крайне низка. Именно поэтому, на наш взгляд, признаки «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» присущи рассматриваемому преступлению в качестве отягчающих ответственность обстоятельств.

В связи с вышеизложенным необходимо отметить и тот факт, что законодатель абсолютно оправданно не включил в число квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ, такую форму соучастия, как «группа лиц». Данный признак является нехарактерным и нетипичным для исследуемого состава преступления, поскольку такой способ незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) едва можно представить теоретически.

По третьему правилу конструирования квалифицированных видов состава преступления применительно к анализируемому общественно опасному деянию необходимо отметить следующее. Результаты проведенного исследования материалов уголовных дел показы-

вают, что в большинстве случаев незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) фактически осуществляется не одним лицом. Однако для подавляющего большинства конкретных уголовных дел о преступлении, регламентированном ст. 180 УК РФ, не характерно применение признаков, указанных в ч. 3 и 4 ст. 180 УК РФ. Данная ситуация объясняется тем, что зачастую осведомленность о незаконности использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) устанавливается только у одного лица – руководителя организации (подразделений организации). Имеют место и ситуации, когда являются еще и соучастники в виде пособников, подстрекателей, что само по себе не дает оснований для квалификации содеянного по ч. 3 ст. 180 УК РФ.

Таким образом, необходимо сделать вывод об обоснованности установления в ст. 180 УК РФ квалифицированных видов незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) по признаку их совершения группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Одним из путей повышения эффективности уголовно-правового противодействия нарушению прав на средства индивидуализации, на наш взгляд, является расширение дифференциации уголовной ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Так, анализ материалов уголовных дел позволил сделать вывод о том, что значительное число изучаемых общественно опасных деяний совершается лицами, использующими свое служебное положение. Под указанными лицами в уголовном праве обычно понимают должностных лиц (примеч. 1 к ст. 285 УК РФ), а также лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях (примеч. 1 к ст. 201 УК РФ). В связи с наличием у данной категории лиц определенных управленческих полномочий они нередко обладают возможностями для масштабного незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг), сравнимого с фактами совершения рассматриваемого преступления организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). В итоге такие действия сопоставимы по уровню общественной опасности с групповым незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг), хотя и могут не обладать признаками последнего. Это обуславливается тем, что субъект, наделенный полномочиями должностного лица или

лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, может не осведомлять подчиненных лиц, например в ходе производственной деятельности, о противоправности использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

В то же время в соответствии с действующим законодательством в описанной ситуа-

ции содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 180 УК РФ. В связи с этим представляется обоснованным внесение предложения о целесообразности нормативного закрепления квалифицированного вида незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) по признаку его совершения лицом с использованием своего служебного положения.

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2008.

2. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. А.В. Наумова. М., 2007.

3. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апр. 2007 г. № 14 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

4. Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010.

6. Архив Верховного Суда Республики Башкортостан за 2008 г.

7. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

8. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002.

1. Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / ed. by A.V. Brilliantov. Moscow, 2009.

2. Modern criminal law. General and Special parts: textbook / ed. by A.V. Naumov. Moscow, 2007.

3. On practice of consideration by courts of criminal cases about infringement author's, adjacent, inventive and patent rights and about illegal use of the trademark: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Apr. 26, 2007 № 14 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 7.

4. Shekler A.V. Criminal legal means of fight against group crime. Krasnoyarsk, 1999.

5. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / ed. by A.V. Brilliantov. Moscow, 2010.

6. Archive of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan for 2008.

7. On judicial practice of consideration of criminal cases about the organization of criminal community (criminal organization) or participation in it: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 10, 2010 № 12 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. № 8.

8. Kruglikov L.L., Vasilyevsky A.V. Differentiation of responsibility in criminal law. St. Petersburg, 2002.

Ганченко Олег Игоревич

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583757)

Компаративное исследование положений уголовного законодательства стран дальнего зарубежья об ответственности за шантаж

В статье проводится сравнительное исследование норм уголовных кодексов иностранных государств, предусматривающих ответственность за шантаж. Рассматриваются особенности нормативного установления уголовной ответственности за шантаж по законодательству стран дальнего зарубежья.

Ключевые слова: уголовная ответственность, угроза, требование, шантаж, принуждение, насилие, позорящие сведения, порочащие сведения.

O.I. Ganchenko, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

Comparative research of the criminal laws of foreign countries on the responsibility for blackmail

In the article the comparative research of standards of criminal codes of the foreign states providing responsibility for blackmail is conducted. The features of the regulatory criminalize blackmail under the legislation of foreign countries are considered.

Key words: criminal responsibility, threat, demand, blackmail, coercion, violence, defamatory information, discrediting information.

Уголовное законодательство стран дальнего зарубежья традиционно содержит множество положений, существенно отличающихся от отечественных. Не являются исключением в этом плане и вопросы нормативного установления уголовной ответственности за шантаж.

Прежде всего, необходимо отметить, что в ряде зарубежных уголовных кодексов этой группы предусматриваются нормы, включающие определения основных понятий. Примером такого законодательного приема может служить УК Республики Польша.

Так, в УК Республики Польша в гл. XIV «Разъяснение понятий, употребляемых в законе» § 12 ст. 115 посвящен понятию угрозы. В соответствии с данной нормой «противозаконной является как угроза совершением преступления, о которой говорится в ст. 190, так и угроза возбудить уголовное преследование или разгласить сведения, оскорбляющие честь угрожаемого или самых близких ему лиц; не составляет противозаконной угрозы предупреждение об уголовном преследовании, если оно только имеет целью охрану права, нарушенного преступлением» [1, с. 106].

Как видно, польский законодатель таким путем избежал многократного повторения в статьях Особой части УК признаков, образующих содержание угрозы. Кроме того, исходя из предложенной формулировки, угроза разгласить сведения, оскорбляющие честь угрожаемого или самых близких ему лиц, т.е. шантаж, рассматривается в качестве разновидности противозаконной угрозы. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что содержание данной угрозы предполагает только оскорбляющие сведения.

Оригинальной особенностью многих иностранных уголовных законов необходимо признать установление уголовно-правовых запретов на угрозу. Причем без детального уточнения содержания угрозы. В частности, самостоятельное преступление по УК Франции образует «угроза совершить преступление или проступок против личности, осуществленная любым способом» (ст. 222-18) [2, с. 194–195]. В ст. 180 УК Швейцарии установлена ответственность для лица, которое «угрозой вызывает у другого лица состояние страха или боязни» [3, с. 204].

При этом в швейцарском уголовном законодательстве угроза без уточнения ее содержа-

ния установлена в качестве признака многих составов преступлений [3, с. 258]. Аналогичным образом поступил и законодатель Голландии, где способом совершения преступления зачастую является, помимо угрозы насилием, угроза другим действием [4, с. 377]. В норвежском уголовном законодательстве в ситуациях обозначения неконкретизированной угрозы используется термин «заставить» [5, с. 189].

В связи с этим представляется возможным сделать вывод, что в рамках подобных норм может наступать уголовная ответственность, в том числе, и за угрозу распространения нежелательных к огласке сведений.

Вполне очевидно, что сущностной характеристикой шантажа является склонение угрожаемого лица к определенному варианту поведения. Следовательно, шантаж характеризуется принуждающим воздействием на потерпевшего. Поэтому целесообразным в контексте компаративного исследования видится анализ уникальных норм зарубежного уголовного законодательства, которые представляют собой общие нормы об ответственности за принуждение.

Например, как и ст. 185 УК Республики Беларусь, ст. 181 УК Швейцарии закреплена ответственность за принуждение без конкретизации содержания требований: «Кто, используя насилие или угрозу серьезного вреда или другие ограничения в свободе выбора поведения лица, принуждает его что-либо сделать, бездействовать или претерпевать какие-либо невыгоды, наказывается...» [3, с. 204]. Такие же по существу нормы предусмотрены в УК Болгарии: «Кто принудит другого совершить или не совершить либо претерпеть что-либо вопреки его воле, применив для этого насилие, угрозу или злоупотребив властью, наказывается...» (ст. 143) [6, с. 111].

Буквальное толкование данных предписаний позволяет утверждать, что угроза распространения нежелательных к огласке сведений может влечь уголовную ответственность по указанным нормам соответствующих законов безотносительно сферы использования лицом шантажа. Стоит подчеркнуть, что российское уголовное законодательство не предусматривает даже аналогов таких норм.

В продолжение подобного рода законодательных идей, когда угроза или принуждение не конкретизированы в нормативных актах и образуют самостоятельные составы преступлений, в УК некоторых государств дальнего зарубежья не определенные по содержанию

принуждение, угроза закреплены в качестве признаков отдельных составов преступлений.

Так, при описании преступления, состоящего в вовлечении в занятие проституцией (п. 3 ст. 225-5 УК Франции), французский законодатель не раскрывает способы совершения данного общественно опасного деяния, указывая лишь на факт «давления на лицо» [2, с. 231]. Не раскрываются способы принуждения и в § 253 УК ФРГ «Вымогательство», где деяние описывается следующим образом: «Кто с применением насилия или угрозы причинения ощутимого вреда противоправно принуждает человека к совершению действий, попустительству или бездействию и этим причиняет вред имуществу потерпевшего или другого лица, с целью собственного противоправного обогащения или обогащения третьего лица, наказывается...» [7, с. 402].

Подобным образом поступил и законодатель Швейцарии, который в норме о вымогательстве (ст. 156) указывает на такие способы совершения преступления, как применение насилия и угроза серьезным вредом [3, с. 182].

Имеются основания полагать, что в подобных случаях вопрос об отнесении конкретной угрозы к числу противозаконных находится в компетенции правоприменительных органов.

Еще более объемные формулировки применяются при нормативном закреплении признаков состава принуждения к даче показаний по УК ФРГ (§ 343): «Кто, будучи должностным лицом... причиняет телесные повреждения другому лицу, применяет к нему какое-либо иное насилие, угрожает применением насилия или мучает его морально...» [7, с. 511].

Думается, что выделенное словосочетание содержит предпосылки для весьма широкого толкования способов совершения обозначенного преступления, в число которых, очевидно, входит и шантаж, поскольку его, как представляется, можно признать моральным мучением ввиду того, что человек переживает о возможности предания огласке определенной компрометирующей информации.

В то же время некоторые уголовные законы, напротив, характеризуются изрядно суженным пониманием шантажа. К примеру, в УК Республики Болгария альтернативным способом вымогательства является лишь угроза разглашением позорящих обстоятельств [6, с. 153]. То есть в сравнении с соответствующими положениями ст. 163 УК РФ некриминальной является угроза распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред

правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Между тем, еще более узкий подход к нормативному закреплению признаков шантажа применен в УК Республики Корея, где в составе вымогательства (ст. 350) в качестве способа совершения преступления названо собственно вымогательство. Анализируемая формулировка представлена так: «Лицо, которое путем вымогательства способствует, чтобы другое лицо признало себя несостоятельным должником...» [8, с. 218].

В этом случае уголовный закон вообще не содержит положений, раскрывающих понимание вымогательства. В итоге оценочным выступает признак более высокого порядка.

Весьма интересные приемы использованы в уголовном законодательстве Норвегии. Так, вымогательство описывается следующим образом: «За вымогательство подлежит наказанию лицо, которое с целью получения незаконной прибыли для себя или другого путем противоправного поведения или, угрожая таким поведением, заставляет кого-либо предпринимать действия, которые наносят ущерб или создают риск ущерба для него или лица, в интересах которого он действует...»

То же самое относится к лицу, которое в вышеназванных целях незаконно принуждает кого-либо предпринимать такие действия, угрожая обвинением или заявлением о совершении чего-либо уголовно наказуемого, выдвиганием обвинения, оскорбляющим честь и достоинство, наносящих урон сведений» [5, с. 225–226].

Тем самым норвежский законодатель, по сути, как в ст. 163 УК РФ, указал на угрозу распространения позорящих сведений либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего. Вместе с тем, в отличие от обозначенной нормы российского уголовного закона, в уголовном законодательстве Норвегии прямо отмечается угроза обвинением или заявлением о совершении чего-либо уголовно наказуемого.

Стоит заметить, что насилие как способ совершения преступления и шантаж отличаются уровнем общественной опасности. Вполне очевидно, что насилие, как правило, оказывает более серьезное воздействие на потерпевшего, нежели угрозы. Вероятно, поэтому в Законе об уголовном праве Израиля вымогательство подразделяется на такое деяние, совершенное путем применения силы (ст. 427) и путем при-

менения угроз (ст. 428) [9]. Вторая норма изложена следующим образом: «Тот, кто письменно, устно либо своим поведением угрожает лицу незаконным причинением вреда телу, свободе, имуществу, заработку, репутации либо частной жизни угрожаемого или иного лица, а равно угрожает лицу распространить либо воздержаться от распространения информации, касающейся его или иного лица, а равно наводит ужас на лицо иным способом, и все это, чтобы склонить лицо совершить действие либо воздержаться от совершения действия, которое он вправе совершить, то он наказывается...». Квалифицирующим обстоятельством данного преступления является совершение угрожаемым указанных действий (бездействия) «из-за вышеупомянутых угроз или наведения ужаса, а равно в их процессе» [9, с. 362–363].

Анализ данных нормативных положений обуславливает необходимость акцентировать внимание на следующих моментах. Во-первых, израильский законодатель закрепляет формы выражения угрозы. Однако сомнительной представляется целесообразность указания в законе на эти признаки. Во-вторых, используется широкий перечень возможных угроз, начиная от угрозы насилием и заканчивая любой другой угрозой, способной «навести ужас» на потерпевшего. В-третьих, в части шантажа применяется ссылка на угрозу репутации либо частной жизни, а также угрозу распространения информации, касающейся потерпевшего или иного лица. Следовательно, в таком случае угроза распространением любой информации, которую потерпевший желает сохранить в тайне, может выступать способом ненасильственного вымогательства. В-четвертых, реализация потерпевшим требований виновного расценивается в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность.

Специфично представлен уголовно-правовой запрет, схожий со ст. 163 УК РФ, в Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. В ст. 669 названного закона сформулировано следующее положение: «Выраженная любым способом в отношении другого лица или его близких родственников угроза причинения вреда жизни и здоровью, чести и достоинству или имуществу либо разглашения тайны частной жизни независимо от того, сопровождалась эта угроза требованием предоставления денежной суммы или имущества либо требованием исполнения или отказа от исполнения какого-либо действия, наказывается...» [10, с. 314].

Показательно, что иранский законодатель признал криминальным любой способ шантажа, включая угрозу распространением информации о частной жизни потерпевшего, причем совершенно не требуется, чтобы такая информация была позорящей или причиняла вред правам либо законным интересам потерпевшего. Кроме того, в анализируемом законе шантаж определен как способ совершения не только вымогательства в отечественном понимании названного преступления, но и как способ склонения потерпевшего к любому иному варианту поведения, даже не связанного с действиями имущественного характера.

Уникальность законодательного подхода к установлению ответственности за шантаж усматривается в УК Франции, где вымогательство и шантаж разведены в самостоятельные отделы гл. II «О вымогательстве» разд. I. При этом под вымогательством понимается «получение путем насилия, угрозы применения насилия или принуждения либо подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо секретной информации, либо денежных средств, ценных бумаг, материальных ценностей или какого бы то ни было иного имущества» (ст. 312-1 УК Франции) [2, с. 288]. В свою очередь, шантаж определяется как «получение путем использования угрозы раскрытием или вменением в вину фактов, способных причинить вред чести и уважению лица, либо подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо секретной информации, либо денежных средств, ценных бумаг, материальных ценностей или какого бы то ни было иного имущества» (ст. 312-10 УК Франции) [2, с. 292].

Следовательно, по УК Франции шантаж определяется как действие, прежде всего, направленное на получение виновным от потерпевшего какой-либо выгоды. При этом содержание угрозы ограничено лишь сведениями, которые способны причинить вред чести и уважению лица.

Примечательно, что «если шантажист привел свою угрозу в исполнение, наказание увеличивается...» (ст. 312-11 УК Франции) [2].

Стоит подчеркнуть два варианта, при которых наступает повышенная ответственность за шантаж. В Законе об уголовном праве Израиля, как выше отмечалось, таковым является выполнение потерпевшим требований виновного. А в УК Франции обстоятельством, отягчающим ответственность за шантаж, выступает приведение виновным в исполнение своей угрозы.

Как видно, оба указанных факта, хотя и являющиеся, так сказать, разнонаправленными, действительно характеризуют повышенную общественную опасность шантажа. Представляется, что данные аспекты могут быть использованы при разработке направлений совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за шантаж.

В то же время УК Франции является не единственным зарубежным уголовным законом, где шантаж регламентирован как самостоятельное преступление.

Как и УК Франции, УК Голландии различает вымогательство и шантаж. В данном уголовном законе под вымогательством понимаются действия лица, «которое с целью получения незаконных доходов для себя или кого-либо другого заставляет лицо актом насилия или угрозой насилием отдать любую собственность, принадлежащую в целом или в части этому лицу или третьему лицу, принять на себя долг, или отказаться от претензий, или сделать доступными данные, имеющие денежную стоимость в коммерции» (ст. 317). Шантажом признаются такие же требования, но подкрепленные угрозой устной клеветой, пасквильной диффамацией или раскрытием тайны [4, с. 397–399].

В данном случае содержание угрозы при шантаже уже не ограничивается лишь порочащими сведениями, поскольку раскрытие тайны не обязательно влечет унижение чести и достоинства потерпевшего.

Таким образом, в результате проведенного компаративного исследования необходимо сделать следующие основные выводы.

1. Опыт уголовного законодательства стран дальнего зарубежья характеризуется противоречивым пониманием шантажа, сопровождающимся непоследовательным нормативным закреплением данного признака. При этом отдельные аспекты имеют преимущества по сравнению с УК РФ. В частности, позитивной оценки заслуживает формулировка, используемая в УК Украины, – «угроза распространения сведений, которые потерпевший или его близкие родственники желают сохранить в тайне».

2. Иностранное уголовное законодательство государств дальнего зарубежья характеризуется существенным разнообразием в подходах к установлению ответственности за шантаж. При этом стоит отметить, что в подавляющем большинстве уголовных кодексов шантаж либо признается самостоятельным криминальным деянием, либо закреплен в качестве способа таких преступлений, как, например, вымогательство,

принуждение к даче показаний, понуждение к действиям сексуального характера, вовлечение в занятие проституцией. Основное различие заключается в существе требований при шантаже, в целом характеризуемом как выгодное для виновного поведение, и в содержании угроз. Угрозы при шантаже по уголовному законодательству стран данной группы варьируются от угроз распространения позорящих потерпевшего или его близких сведений до угроз

разглашения сведений, которые потерпевший не желает предавать огласке.

3. Перспективными следует признать положения Закона об уголовном праве Израиля, где в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, закреплен факт выполнения потерпевшим требований виновного. Положительной оценки заслуживает и квалифицирующий признак шантажа в УК Франции, состоящий в приведении виновным своей угрозы в исполнение.

1. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с пол. Д.А. Барилевич. СПб., 2001.

2. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002.

3. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. СПб., 2002.

4. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб., 2001.

5. Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика; пер. с норв. А.В. Жмени. СПб., 2003.

6. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашов; пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова; вступ. ст. Й.И. Айдарова. СПб., 2001.

7. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова; предисл. Г.-Г. Йешека; пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб., 2003.

8. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева; пер. с кор. В.В. Верхоляка. СПб., 2004.

9. Закон об уголовном праве Израиля / предисл., пер. с иврита М. Дорфман; науч. ред. Н.И. Мацнев. СПб., 2005.

10. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А.И. Ахани; предисл. Ю.Н. Волкова; пер. с перс. М.С. Пелевина. СПб., 2008.

1. Criminal Code of the Republic of Poland / sci. ed. by A.I. Lukashov, N.F. Kuznetsova; introd. art. by A.I. Lukashov, E.A. Sarkisova; transl. from Polish by D.A. Barilovich. St. Petersburg, 2001.

2. Criminal Code of France / sci. ed. by L.V. Golovko, N.E. Krylova; transl. from French and forew. by N.E. Krylova. St. Petersburg, 2002.

3. Criminal Code of Swiss / sci. ed., forew. and transl. from German by A.V. Serebrennikova. St. Petersburg, 2002.

4. Criminal Code of Netherlands / sci. ed. by B.V. Volzhenkin; transl. from English by I.V. Mironova. 2nd ed. St. Petersburg, 2001.

5. Criminal legislation of Norway / sci. ed. and introd. art by Yu.V. Golik; transl. from Norwegian by A.V. Zhmenya. St. Petersburg, 2003.

6. Criminal Code of the Republic of Bulgaria / sci. ed. by A.I. Lukashov; transl. from Bulgarian by D.V. Milushev, A.I. Lukashov; introd. art by J.I. Aydarov. St. Petersburg, 2001.

7. Criminal Code of the Federal Republic of Germany / sci. ed. and introd. art. by D.A. Shestakov; forew. by G.-G. Yeshek; transl. from German by N.S. Rachkova. St. Petersburg, 2003.

8. Criminal Code of the Republic of Korea / sci. ed. and forew. by A.I. Korobeev; transl. from Korean by V.V. Verholyak. St. Petersburg, 2004.

9. Statute about criminal law of Israel / forew., transl. from Hebrew by M. Dorfman; sci. ed. by N.I. Matsnev. St. Petersburg, 2005.

10. Law about Islamic criminal penalties of the Islamic Republic of Iran / sci. ed. by A.I. Ahany; forew. by Yu.N. Volkov; transl. from Persian by M.S. Pelevin. St. Petersburg, 2008.

Евтушенко Инна Ивановнакандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: inna-evt@yandex.ru)**Иванов Святослав Игоревич**кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: sviatoslavigor@gmail.com)

Теория и практика применения статей 204.2 и 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье проводится уголовно-правовой анализ ст. 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп» и ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество». Раскрываются предусмотренные законодательством способы документирования данного преступления. Предлагается внести изменения в действующее законодательство в целях повышения эффективности противодействия взяточничеству как социально-правовому явлению.

Ключевые слова: мелкое взяточничество, мелкий коммерческий подкуп, коррупция, оперативно-розыскная деятельность, оперативный эксперимент, наблюдение.

I.I. Evtushenko, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: inna-evt@yandex.ru;

S.I. Ivanov, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sviatoslavigor@gmail.com

Theory and practice of application articles 204.2 and 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

The criminal-legal analysis of the articles 204.2 «Small commercial bribery» and 291.2 «Small corruption» of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out. The authors reveal the legal means of documentation of this crime. Propose to make appropriate changes to existing legislation to enhance the effectiveness of anti-bribery as a socio-legal phenomenon.

Key words: small corruption, small commercial bribery, corruption, operational-investigative activity, operational experiment, observation.

Реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности, по мнению большинства ученых еще со времен Ч. Беккариа, является самым эффективным способом противодействия различным проявлениям преступной деятельности.

Уголовная политика последних лет приобрела разновекторный характер: усиление уголовной репрессии по одним деяниям сменяется декриминализацией других, менее тяжких, с переводом их в разряд административных проступков. Одновременно в УК РФ массово вводятся составы преступлений с административной преюдицией.

В научной литературе в последнее время высказывается идея о введении в научный оборот понятия «уголовный проступок». А.А. Агеев указывает, что это «тождественное по природе преступлению правонарушение, требующее менее жесткой реакции государства» [1], как противовес массовому распро-

странению уголовных по сути правонарушений, но отнесенных законодателем к числу административных проступков.

Эту же идею поддерживают и другие авторы. Так, А.А. Кашкаров, А.Н. Игнатов и Д.В. Волков справедливо отмечают, что «возникновение административной ответственности в 20-е годы XX века было обусловлено идеологическими соображениями советских политиков, юристов и идеологов, которые пытались доказать превосходство социалистического государства над капиталистическим обществом путем снижения уровня преступности, декриминализовав самые распространенные общественно опасные деяния, такие как кража, хулиганство, указав при этом, что существуют менее опасные их формы» [2], при этом процедура привлечения к ответственности была значительно упрощена без обеспечения судебных гарантий.

Поэтому и в законодательстве советских времен, и в еще большей степени сейчас четко обозначилась тенденция по увеличению административных деликтов, имеющих уголовно-правовую природу. Такие проступки не посягают на управленческие государственные отношения, поэтому их природа не административная, а все-таки уголовная. Это приводит и нас к мысли о необходимости исключения из КоАП РФ всех правонарушений уголовно-правового характера и построения двухуровневой системы уголовно наказуемых деяний с включением в нее составов с неоднократностью (административной преюдицией).

Но, возвращаясь к вопросу о недостатках современной уголовной политики, можно отметить, что идеологи массового введения административной преюдиции в уголовное законодательство во главе с первыми лицами государства и представителями профессионального судейского сообщества идут двумя путями сразу: увеличивают количество административных проступков, ранее признаваемых преступлениями, и вводят новые составы в УК РФ, предусматривая неоднократное совершение административных проступков как криминообразующий фактор состава преступления.

Кроме того, законодатель ввел в УК РФ по аналогии с КоАП РФ понятие мелкого преступления, признаки которого отсутствуют в административном законодательстве (например, ст. 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп» и ст. 291.2 УК РФ «Мелкая взятка»).

Таким образом, уголовная политика приобрела явно репрессивный уклон, и, как отмечает А.И. Рарог, «вместо более эффективного использования не правовых способов законодатель сводит активизацию борьбы с преступностью к усилению уголовно-правовой репрессии, которое проявляется в различных направлениях. Первое из них состоит в избыточной криминализации деяний: российский законодатель исходит из ошибочной презумпции, что любые социально неприемлемые явления можно преодолеть с помощью установления уголовной ответственности... Во всяком случае, необходимо принципиально отказываться от заведомо репрессивного уклона уголовной политики, соответствующего преобладанию функции устрашения населения в ущерб целям восстановления социальной справедливости и исправления осужденных как важному средству предупреждения преступлений» [3]. Законодатель, в том числе и вновь избранные депутаты Государственной Думы Российской Федерации, создают видимость работы по реформированию законодательства, то отменяя одни уголовно-правовые институты, то вновь вводя их. Так, в частности, уже высказываются

предложения о выведении из сферы уголовно-правового влияния «домашнего насилия», выразившегося в действующей редакции ст. 116 УК РФ «Побои», с момента принятия которой еще не прошло и полугодия!

Научный же подход к оценке возможностей уголовной репрессии «в качестве средства противодействия преступности как явлению связан с пониманием того обстоятельства, что уголовное наказание и его применение не устраняет причин и условий совершения преступлений, а следовательно, и не может привести к устранению преступности» [4, с. 63]. Поэтому в качестве одного из способов сужения сферы уголовно-правового принуждения законодатель рассматривает административную преюдицию, которая, как указывает В.П. Малков, служит «своего рода гарантией от возможного нанесения ущерба, который мог бы быть причинен Российскому государству и обществу в результате полного отказа от использования уголовного принуждения в пользу мер общественного воздействия, мер дисциплинарного взыскания и административного наказания» [4, с. 63].

Фактически мы в настоящий момент наблюдаем процесс создания четырехуровневой репрессивной системы законодательства: первый уровень – административные правонарушения; второй уровень – неоднократные административные правонарушения, возведенные в ранг преступления; третий уровень – мелкие уголовно наказуемые деяния; четвертый уровень – более тяжкие преступления, каждое из которых, в свою очередь, может иметь квалифицированные и особо квалифицированные разновидности.

Однако не каждый вид противоправной деятельности формулируется законодателем по данной системе. Некоторые особо опасные проявления такой деятельности имеют один или два уровня уголовно-правового регулирования.

Взятничество как самое опасное преступление коррупционной направленности в законодательстве сформулировано исключительно как уголовно-правовое деяние. Законодатель не устанавливает минимальной суммы взятки или коммерческого подкупа, с получением-передачей которой наступала бы уголовная ответственность. То есть получение или передача взятки в виде денег или имущества на сумму даже 100 руб. влечет уголовную ответственность. Применение ч. 2 ст. 14 УК РФ также невозможно, поскольку даже такое мелкое преступление причиняет ущерб авторитету власти. Видимо, поэтому средняя сумма взятки не только не уменьшается, а растет с увеличением количества выявленных преступлений. Так, по данным ЭБиПК МВД России по Республике Крым, средняя сумма взятки в 2015 г. составила 599 тыс. руб., а за 6 мес. 2016 г. – 203 тыс. руб.

Аналогичным образом выглядит ситуация с коммерческим подкупом. За 2015 г. по Республике Крым было зарегистрировано 27 фактов коммерческого подкупа по ст. 204 УК РФ, а в 2016 г. – 3 факта. При этом общая сумма коммерческого подкупа составила 13,2 млн руб., а средняя – 4,4 млн руб.

Однако строгость российских законов уже на протяжении многих веков компенсируется их необязательностью. Желая исправить некоторую несправедливость уголовного закона в части привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания за менее опасные разновидности взяточничества (коммерческого подкупа), законодатель ввел новые понятия в ст. 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп» и ст. 291.2 УК РФ «Мелкая взятка» и отнес их к категории преступлений небольшой тяжести. Так, из 76 фактов преступлений коррупционной направленности, выявленных подразделениями УЭБиПК МВД России по Республике Крым за 6 мес. 2016 г. (т.е. до внесения изменений в УК РФ от 3 июля 2016 г.), только 17 из них были совершены в крупном и особо крупном размере, т.е. 59 фактов преступной деятельности (78%) совершены на суммы менее 150 тыс. руб.

К чему такая гуманизация привела на практике?

Процедура документирования мелкого взяточничества на сегодняшний день достаточно затруднена тем, что этот состав относится к преступлениям небольшой тяжести, соответственно, есть ряд ограничений, связанных с проведением оперативно-розыскных мероприятий при его документировании. С точки зрения положений ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» нет возможности проводить такие оперативно-розыскные мероприятия, как оперативный эксперимент, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, обследование жилища, без проведения которых задокументировать факт получения взятки достаточно сложно.

Кроме того, если говорить о теоретической возможности документирования фактов получения мелкой взятки уголовно-процессуальными действиями в рамках возбужденного уголовного дела, то и этот вариант является неэффективным, так как он возможен только в случае, если заявитель сообщил о факте дачи взятки, который был ранее, и о факте вымогательства у него новой взятки тем же лицом. Возбудить уголовное дело по информации о готовящейся взятке невозможно, так как взятка (коммерческий подкуп) независимо от суммы считается оконченной с момента фактической передачи-получения хотя бы части предмета взятки (подкупа) [5].

По данным анализа практики использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам о коррупционных преступлениях, проведенного Следственным комитетом РФ в 2015 г., выявление и раскрытие взяточничества в большинстве случаев возможно только путем проведения оперативных мероприятий. Так, в 2013 и 2014 гг. более 30% всех поступивших в органы следствия сообщений о коррупционных преступлениях составляли материалы органов дознания, содержащие результаты оперативно-розыскной деятельности, которые более чем в 60% случаев послужили основанием для возбуждения уголовного дела. При этом упущение «момента» фиксации доказательств порой приводит к безвозвратной утрате следов преступления [6].

Полный перечень оперативно-розыскных мероприятий содержится в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Как показывает анализ вынесенных приговоров, большинство уголовных дел о взяточничестве базируется на данных, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий. Чаще всего, как отмечают практические работники, они в своей деятельности используют при документировании взяточничества наведение справок, наблюдение, оперативный эксперимент, прослушивание телефонных переговоров, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, отождествление личности и опрос. Но «наибольшей эффективностью из перечисленных оперативно-розыскных мероприятий обладают оперативный эксперимент и прослушивание телефонных переговоров. От полученных в результате осуществления данных оперативно-розыскных мероприятий сведений и их процессуального оформления, как правило, зависит возбуждение уголовного дела, а также его дальнейшее расследование с формированием обвинительного заключения» [7].

Оперативный эксперимент – это предусмотренное ст. 6 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскное мероприятие по получению информации о противоправной деятельности путем создания условий для выявления преступных намерений субъектов. Оперативный эксперимент осуществляется органом, уполномоченным проводить оперативно-розыскную деятельность, на основании постановления, утвержденного его руководителем. Его проведение возможно по преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким, т.е. для выявления, предупреждения и раскрытия, например, получения (дачи) взятки в значительном размере за незаконные действия (бездействие)

либо лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, либо главой органа местного самоуправления, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, с вымогательством взятки или в крупном размере (ч. 2–6 ст. 290, ч. 2–6 ст. 291 УК РФ).

Оперативный эксперимент проводится инициативно сотрудниками ЭБиПК МВД России при наличии информации о совершенном или готовящемся коррупционном преступлении. С его помощью выявляются неочевидные (латентные) проявления преступной деятельности, поскольку как взяткодатель, так и взяткополучатель не заинтересованы в передаче информации о совершенном преступлении в правоохранительные органы независимо от суммы взятки.

Введение в УК РФ новых разновидностей коррупционных преступлений – мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества – привело к парадоксальной ситуации: на нормативном уровне не урегулировано, какое именно ведомство и какая служба должны выявлять и документировать данный вид преступления. Очевидно, что по своим функциям, да и по своему названию этим должны заниматься подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел. Однако в настоящее время состав преступления «Мелкое взяточничество» не отнесен к перечню преступлений, которые отнесены к компетенции ЭБиПК. Следовательно, даже выявленные и задокументированные подразделениями ЭБиПК факты мелкого взяточничества согласно официальной статистике не идут в показатель работы этих подразделений. Возникает ситуация, когда сотрудникам этих подразделений нет смысла тратить силы и время на документирование указанного вида преступления, так как это не будет оценено как результат их работы.

Таким образом, вышеуказанные законодательные положения не позволяют оперативно, т.е. на месте и во время совершения преступления, выявлять и фиксировать как мелкое взяточничество по ст. 291.2 УК РФ или взяточничество за совершение законных действий (ч. 1 ст. 290 УК РФ), так и коммерческий подкуп (ч. 1, 2 ст. 204 УК РФ), мелкий коммерческий подкуп (204.2. УК РФ). Их выявление возможно только по заявлению взяткодателя или взяткополучателя и при последующем наблюдении с аудио-, видеофиксацией факта передачи предмета взятки (коммерческого подкупа), что было бы возможно при проведении оперативного эксперимента.

Если же речь идет о ситуации документирования взяточничества, совершенного, как гово-

рится, «в поле», то фактически такое документирование становится просто невозможным.

То есть, вводя такое преступление, как мелкая взятка или мелкий коммерческий подкуп на сумму до 10000 руб. как за законные, так и за незаконные действия, как при вымогательстве взятки или ее групповом совершении, так и без этого [8], не внося одновременно изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», законодатель фактически декриминализировал данное деяние, поскольку у оперативных сотрудников в силу пробелов в законодательстве теперь нет эффективного правового способа выявления и фиксации данных преступлений с точки зрения уголовно-процессуального законодательства при отсутствии заявления от участников взятки (коммерческого подкупа). Взяткополучателю, таким образом, в целях уклонения от уголовной ответственности «выгоднее» брать «мелкими купюрами», делить сумму взятки (подкупа) между несколькими соучастниками и т.д., так как в этом случае вероятность быть задержанным на месте преступления сводится к минимуму.

Однако именно такое взяточничество носит массовый, бытовой характер, затрагивает все сферы жизнедеятельности рядового человека (здравоохранение, образование, трудоустройство, миграция, таможенное оформление, государственное и муниципальное управление, регистрация сделок и т.д.), создавая у него впечатление о бездействии государства в части защиты его законных прав на получение государственных (муниципальных) услуг бесплатно, в соответствии с законом.

Кто, за что и от кого может вымогать и получать такие взятки? Ответ очевиден: мелкие чиновники, за решение всевозможных бытовых вопросов населения; от любого рядового обывателя. Какова же будет ожидаемая количественная численность таких фактов? С большой долей уверенности можно сказать, что при безнаказанности – огромная. На это, кроме всего прочего, также может повлиять и снижение роста экономики, и ухудшение уровня жизни среднестатистического обывателя. Что сможет правоохранительная система противопоставить заявлениям граждан о подобных фактах, и какова будет реакция общественности на рост коррупции на бытовом уровне?

Так, может быть, законодателю следовало пойти дальше и перевести «мелкое взяточничество» и «мелкий коммерческий подкуп» в разряд административных проступков по аналогии с «мелким хищением», юридически закрепить его фактическую декриминализацию, а «неоднократность» его совершения (административную преюдицию) закрепить в УК РФ как криминообразующий признак?

Соответствует ли такое положение дел современному направлению уголовной политики государства?

С одной стороны, да – в части выявления крупного взяточничества и коммерческого подкупа как разрушающего устои общества явления. Коррупция в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. [9] названа как одна из главных угроз национальной безопасности.

А с другой стороны, несовершенство юридической техники фактически выводит «мелкое взяточничество», «мелкий коммерческий подкуп» из сферы контроля государства, так как

они не являются в настоящий момент показателями в деятельности правоохранительных органов (не соответствуют критериям значимости), а значит, нет у сотрудников и служебного интереса их выявлять, не закреплено подразделение правоохранительных органов, которое бы занималось их обнаружением и документированием.

Нам видится, что ответы на эти вопросы на сегодняшний день очень актуальны. Полагаем, что такая пробельность законодательства не соответствует современной уголовной политике государства и нуждается в коррекции.

1. Агеев А.А. О необходимости введения понятия «уголовный проступок» // *Человек: преступление и наказание*. 2015. № 3. С. 126–129.

2. Кашкаров А.А., Игнатов А.Н., Волков Д.В. Уголовный проступок: некоторые аргументы «за» // *Библиотека криминалиста*. 2016. № 4(27). С. 282–286.

3. Рарог А.И. Репрессивный крен уголовной политики // *Криминологический журн. Байкальск. гос. ун-та экономики и права*. 2014. № 3. С. 88–93.

4. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // *Вестн. Академии Генеральной прокуратуры РФ*. 2011. № 3(23).

5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 22 дек. 2015 г.) // *Рос. газ.* 2013. 17 июля.

6. Обзор практики использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам о коррупционных преступлениях, проведенный Следственным комитетом РФ от 29 июля 2015 г. № 224-42-15 (не опубликован).

7. Чуклина Э.Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // *Экономика, социология и право*. 2016. № 26.

8. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ–326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 сент. 2016 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/static4016_00_05_228224 (дата обращения: 28.10.2016).

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // *Рос. газ.* 2009. 19 мая.

1. Ageev A.A. On the necessity of introducing the concept of «criminal misconduct» // *Man: crime and punishment*. 2015. № 3. P. 126–129.

2. Kashkarov A.A., Ignatov A.N., Volkov D.V. Criminal misconduct: some arguments for it // *Library of criminalist*. 2016. № 4(27). P. 282–286.

3. Rarog A.I. Repressive role of criminal policy // *Criminological magazine of the Baikal state university of economics and law*. 2014. № 3. P. 88–93.

4. Malkov V.P. Administrative preclusion: pros and cons // *Bull. of Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2011. № 3(23).

5. On court practice on cases of bribery and other corruption crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 9, 2013 № 24 (as amended on Dec. 22 2015) // *Russian newsp.* 2013. July 17.

6. Overview of the use of results of operatively-search activity in process of proof in criminal cases about corruption crimes, carried out by the Investigative Committee of the Russian Federation on July 29, 2015 № 224-42-15 (unpublished).

7. Chuklina E.Yu. Allocation of criminal liability for minor bribery (article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): critical view // *Economics, sociology and law*. 2016. № 26.

8. The answers to the questions received from the courts, on the application of Federal laws d.d. July 3, 2016 № 323-FL – 326-FL aimed at improving the criminal liability for corruption offences and economic crimes, as well as grounds and procedure of exemption from criminal responsibility (entered into force on July 15, 2016): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on Sept. 28, 2016. URL: http://www.consultant.EN/cons/static4016_00_05_228224 (date of access: 28.10.2016).

9. About Strategy of national security of the Russian Federation till 2020: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 12, 2009 № 537 // *Russian newsp.* 2009. May 19.

Кадников Борис Николаевич

кандидат юридических наук,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
(e-mail: kadnikovbn@yandex.ru)

К вопросу об уголовной ответственности за мелкое хищение

В статье рассматриваются проблемы ответственности за мелкое хищение, совершенное после привлечения лица к административной ответственности за подобное деяние, с учетом новелл УК РФ 2016 г. Анализируются основания привлечения лица к уголовной ответственности за мелкое хищение, вопросы, влияющие на признание мелкого хищения преступлением. Рассматриваются объективные и субъективные признаки мелкого хищения, влекущего уголовную ответственность.

Ключевые слова: уголовная ответственность, мелкое хищение, чужое имущество, основание ответственности.

B.N. Kadnikov, Candidate of Law, Bauman Moscow State Technical University; e-mail: kadnikovbn@yandex.ru

To the issue of criminalizing petty theft

The article discusses the problem of liability for a petty theft committed after the imposition of administrative liability for such act, taking into account the novellas for 2016 of the Criminal Code. Analyses the grounds for holding a person criminally liable for a petty theft, the issues affecting the recognition of the petty theft as offense. The article considers the objective and subjective signs of petty theft, entailing criminal liability.

Key words: criminal liability, petty theft, property of another, basis of responsibility.

В 2016 г. в УК РФ в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ была введена новая статья – ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию». Как следует из диспозиции данной статьи, уголовная ответственность наступает за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. В этом случае законодатель конструирует норму Особенной части УК РФ с использованием административной преюдиции. В соответствии с ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ ответственность наступает за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 и 4 ст. 158, ст. 158.1, ч. 2, 3 и 4 ст. 159, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.1, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.2, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.3, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.5, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.6 и ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ. В качестве административных санкций указаны административный штраф в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее трех тысяч рублей, а также административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток или обязательные работы на срок до ста двадцати

часов. Таким образом, привлечение к ответственности за данное правонарушение лица, подвергнутого административному наказанию за аналогичное мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, является основанием возникновения уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ. Однако мы должны помнить, что решение о привлечении к административной ответственности за совершение первого мелкого хищения по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ должно вступить в законную силу. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Однако решения могут быть обжалованы в различные судебные инстанции (подробно об этом ничего не сказано). Обжалование также является основанием для приостановления течения сроков давности. В соответствии со ст. 31.1 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу: 1) после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано

или опротестовано; 2) после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление; 3) немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

В данном случае, на наш взгляд, требуется более четкое судебное толкование о вступлении в силу решения о привлечении к административной ответственности за первое мелкое хищение с учетом процедуры обжалования.

Что касается ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ, то следует обратить внимание, что в данной норме речь идет о хищении чужого имущества на сумму, не превышающую одну тысячу рублей. Такое мелкое хищение может быть совершено неоднократно, но уголовная ответственность за такую неоднократность не предусмотрена. По нашему мнению, очень слабая норма с точки зрения предупреждения мелких хищений.

Более того, возникает много вопросов, влияющих на признание деяния преступлением. Во-первых, актуален вопрос о сроках давности привлечения к административной ответственности за первое правонарушение. В этом случае есть некоторые разночтения. Более того, не решен вопрос о том, может ли считаться вторым мелким хищением неоконченное деяние, т.е. покушение на мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. На наш взгляд, покушение не может признаваться вторым мелким хищением, которое позволяет говорить о наличии оснований для уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ. Более выверенное решение содержится в ст. 10.5. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающей ответственность за мелкое хищение. Мелким хищением признается деяние, совершаемое путем кражи, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения или растраты, а равно покушение на такое хищение. Таким образом, споров по поводу признания повторности мелкого хищения в этом случае не возникнет.

Вместе с тем, с точки зрения так называемой общей и специальной превенции данная статья может положительно сказаться на снижении количества совершаемых административных правонарушений в области хищений. Так, лицо, привлеченное к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, будет знать, что, совершив повторно данное правонарушение, оно будет привлечено уже к уголовной ответственности со всеми вытекающими последствиями (судимость и др.). Однако

существуют и иные нюансы, о которых также необходимо помнить.

Во-первых, субъект правоприменения обязан знать все юридические тонкости данной нормы КоАП РФ. Во-вторых, необходимо понимать особенность состава преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ, т.е. четко представлять себе уголовно-правовую характеристику данного состава преступления (содержание его элементов и признаков).

Итак, речь идет об анализе объективных и субъективных элементов и признаков состава преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ.

1. Объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие правомочия собственности. Предметом преступления является чужое имущество на сумму свыше одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей. Обоснованно ли выбрана сумма для размера такого мелкого хищения? К примеру, уголовная ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкую взятку наступает в том случае, если их размер не превышает десяти тысяч рублей. Разве мелкое хищение более опасно, чем мелкий подкуп или мелкая взятка? На наш взгляд, размер мелкого хищения не соответствует экономическим реалиям, особенно в период кризиса. Например, незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) наказуемо как преступление в случае причинения гражданину ущерба свыше двух миллионов двухсот пятидесяти тысяч рублей (если нет такого размера ущерба, то нет и преступления). То же самое и по преступлениям, ответственность за которые предусмотрена ст. 172, 196, 197 УК РФ. Можно ли сравнить ущерб от мелкого хищения и от незаконного предпринимательства или других преступлений в сфере экономической деятельности? Какое же деяние в этом случае опаснее для законодателя?

2. Объективная сторона представлена деянием в форме повторного мелкого хищения чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 и 4 ст. 158, ст. 158.1, ч. 2, 3 и 4 ст. 159, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.1, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.2, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.3, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.5, ч. 2, 3 и 4 ст. 159.6 и ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ. При этом все признаки хищения должны быть в наличии, в том числе и причинная связь между деянием и наступившими последствиями.

Следует обратить внимание на мошенничество в предпринимательской сфере (ч. 5 ст. 159 УК), где значительный ущерб вновь отличается от подобного по общему хищению, что позволяет поднять вопрос о нарушении принципа равенства. Наряду с этим встает вопрос: почему такое мошенничество не может

признаваться мелким хищением, если совершено на сумму до двух тысяч пятисот рублей (или до десяти тысяч рублей)? Законодатель сам себя поставил в неудобное положение, заявив о том, что мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, относится не к преступлениям в сфере экономической деятельности, а к преступлениям против собственности. Такое решение явно ошибочно и сводит на нет все усилия власти по гуманизации уголовной ответственности предпринимателей. Причем следует отметить, что речь идет не о незаконном предпринимательстве, а о законном (когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации), но с неисполнением договорных обязательств. Было бы правильнее, на наш взгляд, включить в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности статью о злостном невыполнении договорных отношений, повлекшем причинение значительного ущерба.

3. Субъектом данного преступления является физическое, вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста 16 лет, подвергнутое административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, если не истекли сроки давности привлечения к административной ответственности. Возникает вопрос о возрасте субъекта преступления. В ст. 158 УК РФ возрастной критерий субъекта преступления закреплён на уровне 14 лет, но по ст. 158.1 УК РФ ответственности подлежат лица, достигшие возраста 16 лет. Таким образом, несовершеннолетние от 14 до 16 лет не подлежат уголовной ответственности за такое повторное мелкое хищение, они могут совершать эти хищения бесчисленное количество раз. Почему законодатель так решил – остается только гадать. Однако уголовная ответственность по ст. 158 УК может наступить с 14 лет за хищения в указанных формах на сумму 2501 руб., что вызывает вопросы с позиций принципа равенства и тяжести содеянного. Каково тогда превентивное значение ст. 158.1 УК, если до 16 лет подростки могут совершать большое количество краж и не подлежать ответственности?

Затруднена оценка, на наш взгляд, повторного мелкого хищения на сумму от одной тысячи рублей до двух тысяч пятисот рублей, совершенного группой лиц (одна из форм соучастия). Данное обстоятельство не учитывается ст. 158 как квалифицирующий признак, поэтому действия виновных следует признать мелким хищением. Такие преступления спонтанно совершаются несовершеннолетними в супермаркетах, и нельзя признать их группой лиц, совершающих преступление по предварительному сговору.

4. Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью. Виновный осознает, что, будучи привлеченным к административной ответственности за мелкое хищение на сумму свыше одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей, повторно совершает подобное деяние, предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их наступления. Это звучит при идеальной модели преступления. Весьма интересен вопрос о квалификации повторного мелкого хищения с учетом ошибок в предмете преступления, вернее в его стоимости. Виновный может похитить товар стоимостью свыше одной тысячи рублей, но товар может быть уценен, о чем он мог и не знать. Как тогда оценивать его действия? По правилам фактической ошибки?

Преступление, предусмотренное ст. 158.1 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести. Санкция является относительно определенной с элементами альтернативности (наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до двух месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года).

Как представляется, дифференциация ответственности на законодательном уровне проведена недостаточно. Для более точного применения данной статьи необходимо судебное толкование.

Главный вопрос, который рассматривается в науке уголовного права, состоит в том, что криминализация мелкого хищения в такой форме не соответствует правилам криминализации. Экономические реалии показывают, что население сталкивается с трудностями экономического кризиса. Доходы населения падают, многие оказываются перед выбором: голодать или, нарушая закон, совершать мелкие хищения. В этом случае было бы правильно предусмотреть примечание к ст. 158.1 УК РФ, аналогичное примечанию к ст. 150 УК РФ: «Действие настоящей статьи не распространяется на те случаи, когда деяние совершено вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства».

Можно ли в случае с введением в УК ст. 158.1 говорить о гуманизации уголовной ответственности? Вряд ли, фактически речь идет об ужесточении ответственности за мелкие хищения, которые никогда раньше не признавались преступлением, а сейчас при определенных условиях признаются.

Пронина Мария Петровна

кандидат юридических наук,
Нижегородская академия МВД России
(e-mail: mpronina2010@mail.ru)

Законодательная техника в механизме правоприменения уголовного законодательства

Статья посвящена одному из актуальных направлений юридической науки, связанному с правоприменением как элементом юридической техники в уголовном законодательстве. В статье определяется содержание исследуемого понятия, выделяются признаки правоприменения, включающие в себя: специальный субъектный состав; характер и последовательность совершаемых в процессе правоприменения действий; результат правоприменительной деятельности; особую процедурную форму осуществления правоприменительной деятельности; публично-правовой характер реализации; творческую допустимость.

Ключевые слова: законодательная техника, уголовное законодательство, механизм, правоприменение, признаки, процедурная форма.

M.P. Pronina, Candidate of Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mpronina2010@mail.ru

Legislative technique in the mechanism of enforcement of the criminal law

The article is devoted to one of directions of jurisprudence related to the enforcement of legal technique as a part of the criminal law. The article defines the content of the researched concept, it allocates features of the enforcement, including: special subject composition; the nature and sequence made in the course of the enforcement actions; the result of the enforcement activities; special procedural form of the enforcement activities; public and legal nature of the implementation; creative admissibility.

Key words: legal technique, criminal law, mechanism, law enforcement, features, procedural form.

В юридической технике неразрывно связаны между собой такие понятия и элементы, как законотворчество, правоприменение и толкование. Правоприменение – это следующий за законотворчеством этап юридической деятельности. Создавая правовые нормы, законодатель преследует цель качественного регулирования общественных отношений путем воздействия на волю людей, побуждая их к правомерному поведению, тем самым реализуя одно из направлений государственной политики [1, с. 6–13; 2, с. 84–90]. Важной формой достижения поставленной цели является правоприменение, выступающее в качестве стадии реализации права [3, с. 1]. Именно применение права играет роль инструмента взаимодействия субъектов права. Право может выполнить свое основное предназначение как регулятор общественных отношений только в процессе его применения.

Учитывая реалии развития современного российского права, следует согласиться с мнением Ю.А. Тихомирова и Т.В. Кашаниной в том, что в развитии правовой системы особый акцент необходимо делать на совершенствовании процесса реализации правовых норм [4,

с. 6]. Если ранее проблему юридической техники искали в правотворчестве, то сегодня основной уклон делается на качество применения норм права [5, с. 154].

Термин «применить» буквально означает «осуществить на деле, на практике» [6, с. 728]. При этом роль правоприменения весьма разнообразна. Оно может выступать не только как самостоятельная форма реализации права, но и как самостоятельный этап правового регулирования, а также форма государственной деятельности [7; 8; 9; 10; 11; 12].

Говоря о правоприменении как элементе юридической техники, подчеркнем, что оно представляет собой особый тип осуществления права через установленные законом формы.

В целом, применение права представляет собой процесс по разрешению какой-либо правовой ситуации, возникающей между субъектами права, наделенными соответствующими правами и обязанностями [13, с. 66–69]. По этой причине правоприменительная деятельность включает в себя деятельность уполномоченных на то субъектов в установленных законом формах, характеризующуюся организационными и организационно-властными

признаками, направленную на вынесение конкретных правовых предписаний [9, с. 19]. Как у властного вида деятельности, ее основным предназначением выступает реализация существующих нормативных предписаний, с учетом происходящих конкретных жизненных ситуаций и определенных лиц, причастных к ним [14, с. 260]. Это дает нам основание сделать вывод о том, что субъекты правоприменения являются специальными. И в настоящее время в качестве таковых могут выступать не только государственные органы, но и коммерческие, банковские, общественные и иные структуры, обладающие властными полномочиями, деятельность которых регламентирована законом.

Вышеизложенное дает нам основание сделать вывод о том, что правоприменением не могут заниматься субъекты, созданные для реализации иных, не регулятивных целей. Например, осуществляющие экономическую, культурную и иную деятельность. Однако они также действуют в рамках четко установленных нормативных предписаний, поэтому им косвенно присущ и правовой, регулятивный характер [15, с. 192–193].

Выделяемый нами признак является достаточно новым. В советской юридической доктрине правоприменение не ограничивалось от таких форм реализации права, как исполнение или использование права, тем самым безгранично раздвигая субъектный состав исследуемого вида юридической техники [16, с. 7]. Не исключая возможности реализации такого подхода в других отраслях права, считаем его неприемлемым для уголовного права. Применение уголовно-правовых норм всегда предполагает деятельность компетентных субъектов, что отличает рассматриваемый элемент юридической техники от других способов реализации права. Поэтому компетенция в рамках правоприменения – это главное политико-юридическое свойство субъекта, применяющего закон. Именно она определяет, как и каким образом он участвует в реализации возложенных на субъекта функций.

Все это ставит вопрос, каким содержанием должна обладать такая компетенция. Первая группа ученых соотносит ее с содержанием тех общественных отношений, в которые уполномоченное на то лицо обязано вступать при наличии фактических обстоятельств, определяемых современным законодательством [17, с. 10]. Полагаем, что такой подход полностью приемлем для уголовно-правового правоприменения. Об этом свидетельствует ряд положений, закрепленных в Уголовном кодексе РФ.

Начать можно с положений ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации». В частности, нарушение охраны указанных в ч. 1 этой статьи общественных отношений, благ и ценностей влечет обязательное возникновение уголовно-правовых отношений запретительного толка. Но это возможно и до нарушения уголовно-правовых запретов, так как одной из значимых задач уголовного законодательства является предупреждение преступности. Поэтому реализация компетенций правоприменения в области противодействия преступности возможна в рамках как общей, так и специальной превенции. Обязательность вступления в правоприменительную деятельность продиктована и положениями ст. 8 УК РФ «Основания уголовной ответственности». Их наличие безапелляционно диктует нам возникновение уголовно-правовых отношений, одним из субъектов которых выступает соответствующий компетентный орган.

Другая группа ученых, развивая вышеуказанный подход, предлагает включать в компетенцию не только право на применение закона, но и обязанности [18, с. 101–102]. Не ставя под сомнение данную позицию, подчеркнем, что качественная реализация в рамках компетенций прав без соблюдения обязанностей объективно невозможна и их соблюдение выступает в качестве индикатора правоприменительной деятельности.

Все это, конечно же, дополняется задачами и функциями субъектов правоприменения [19, с. 52]: обладая компетенциями в области применения уголовно-правовых норм, лица, наделенные ими, обеспечивают сохранность наиболее значимых групп общественных отношений, к которым отнесены интересы личности, общества и государства. В связи с этим отметим, что компетенция не может быть унифицированной для всех. Она всегда должна быть конкретизированной по содержанию. Проводя разграничение полномочий, государство тем самым осуществляет разделение труда между соответствующими субъектами. Объясняется это тем, что для одних правоприменителей данная деятельность является основной, например для полиции или суда, а для других сопутствующей, например для муниципальных органов власти. Неслучайно компетенция правоприменительных органов устанавливается законом: применение права выступает в качестве самостоятельной формы юридической деятельности, в рамках которой субъекты, участвующие в ней, действуют либо от имени государства, либо по представленным им полномочиям [20, с. 5].

Государственно-властный характер правоприменительной деятельности определяется следующими факторами. Во-первых, исследуемый вид юридической техники, как правило, является односторонним волеизъявлением. Применение закона не зависит от желания лиц, которым оно адресовано, а значит, не требует двухстороннего соглашения. Это можно наблюдать при выборе вида или размера уголовного наказания виновному. Суд отталкивается исключительно от содержания конкретной санкции, закрепленной в Особенной части Уголовного кодекса РФ, и не учитывает мнение субъекта, нарушившего уголовно-правовой запрет. Во-вторых, правоприменение налагает на субъектов, в отношении которых принят соответствующий нормативный правовой акт, обязанность по исполнению закрепленных в нем предписаний. Уклонение от совершения таких действий влечет за собой усиление ответственности. Так, например, суд, назначивший наказание в виде штрафа, в случае злостного уклонения от его исполнения имеет право заменить его иным более строгим видом наказания, за исключением лишения свободы (ст. 46 УК РФ). В-третьих, реализация правоприменительных актов обеспечивается механизмами государственного принуждения. В частности, исполнением уголовных наказаний занимается специально уполномоченный на то орган – Федеральная служба исполнения наказаний России. В-четвертых, устанавливается специальная юридическая форма применения норм права. Самой распространенной такой формой в области уголовного права является приговор суда.

Это дает нам основание для выделения самостоятельных групп субъектов, непосредственно участвующих в правоприменительной деятельности, перечень которых зависит от содержания и объема представленных полномочий.

В связи с этим на первое место целесообразно выдвинуть государственные органы, в систему которых входит весь комплекс исполнительных и судебных органов.

Ко второй группе необходимо отнести организации, не входящие в группу исполнительных или судебных, но при этом находящиеся в ведении государства. Например, государственные компании и корпорации, где наблюдается смешанное управление.

В третью включаются частные или общественные организации, основным направлением деятельности которых является организация условий для благоприятного существования общества.

Четвертая группа включает в себя саморегулирующиеся организации, осуществляющие

хозяйственную или иную организационную деятельность.

Представленная нами иерархия основана на объемах полномочий в сфере правоприменительной деятельности, что указывает на их непосредственную роль в области реализации основных направлений юридической техники.

Еще одной особенностью исследуемого вида юридической техники является характер, а также последовательность совершаемых в процессе правоприменения действий. Это выражается в совершении четко установленных нормативными предписаниями действий, последовательность совершения которых предопределяет достижение желаемого результата. Поэтому такой вид деятельности имеет государственно-властный характер, выражающийся в издании актов, носящих категорический и императивный характер.

Достижение ожидаемого либо желаемого результата, выражающегося в издании специализированного или персонифицированного акта правоприменения либо государственно-властного предписания, четко регламентирующего условия и правила поведения субъектов правоотношений, – это еще один признак правоприменительной деятельности.

Правоприменительные акты выступают в качестве одного из главных средств реализации норм права и обеспечивают достижение конечного результата. Вместе с тем, не нужно забывать и об особой процедурной форме его осуществления, нарушение которой делает принятое решение нелегитимным [21, с. 198]. Все это ставит вопрос о том, что же должно выступать в качестве предпосылок применения норм права уполномоченными на то субъектами.

Указанные положения обусловлены следующими юридически значимыми фактами. Во-первых, отсутствует реальная возможность получения или реализации принадлежащих субъекту прав и обязанностей без участия компетентных органов.

Во-вторых, уровень и значимость общественных отношений предопределяют обязательное участие при их регулировании государственных органов, т.е. необходимость дополнительного контроля со стороны власти в целях сохранения основных идей государства и права.

В конечном счете это объясняется причинами, порождающими потребность в применении соответствующих норм права.

К ним можно отнести: совершение противоправного деяния, требующего незамедлительной реакции государства в установлении определенного вида и меры юридической от-

ветственности к лицу, нарушившему закон; уклонение от добровольного исполнения возложенных на субъекта обязательств; наличие препятствий для реализации законного права; спор по объему и содержанию прав и отсутствие договоренности между субъектами спора; обязательное удостоверение свершившегося юридического факта специально уполномоченными на то субъектами; невозможность возникновения права или обязанности в одностороннем порядке [22, с. 320].

Данный перечень является исчерпывающим и в каждой сфере юридической деятельности имеет свою специфику. Его обусловленность объясняется еще и тем, что реализация норм материального права осуществляется в рамках процессуальных норм, которые и определяют последовательность действий.

Особое значение соблюдение процессуального законодательства приобретает при реализации норм уголовного законодательства, так как процессуальная урегулированность придает правоприменительной деятельности законный характер. Нарушение процесса уголовного судопроизводства является безапелляционным основанием признания принятого решения незаконным (так, например, ст. 389.15 УПК РФ в качестве одного из оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке рассматривает существенное нарушение уголовно-процессуального закона).

Специфика применения норм права придает указанному процессу публично-правовой характер. Применяя властные полномочия, уполномоченный на то субъект всегда действует в общественных интересах, т.е. воздействие на других участников правоприменения происходит путем реализации мер поощрения, содействия, принуждения и даже привлечения к ответственности.

Вышеизложенные признаки указывают на комплексность правоприменения. Реализация юридических норм невозможна без применения таких форм, как использование, соблюдение и исполнение. Таким образом, применяя установленное законом юридическое предписание, субъект, используя его, исполняет требования правовых норм и волю законодателя.

Еще одной отличительной чертой исследуемого вида юридической техники является ее творческий характер. Обусловленность данного положения объясняется тем, что современное законодательство допускает известную свободу усмотрения правоприменителя [23, с. 18]. Она выражается в возможности выбора одного варианта из числа допустимых и регла-

ментированных правом. Этот признак присущ и уголовному законодательству. Например, ст. 75 УК РФ, определяющая условия применения такого основания освобождения от уголовной ответственности, как «деятельное раскаяние», принятие решения о возможности его использования в конкретных случаях перекладывает на плечи правоприменителя, используя при его определении словосочетание «может быть». Как видно, выполнение всех объективных признаков деятельного раскаяния со стороны виновного не выступает в качестве безоговорочного прекращения уголовно-правовых отношений и не выводит субъекта, совершившего деяние, из разряда субъектов преступления.

Творческая реализация норм уголовного закона прослеживается и в других институтах уголовного права. Закрепляя в ст. 15 УК РФ категории преступлений, законодатель предоставляет сегодня суду право изменить категорию деяния на менее тяжкую, прямо декларируя эти условия в части шестой этой статьи. Учитывая значение отягчающих признаков при установлении характера и степени общественной опасности совершенного преступления, суд сегодня на основании ч. 1.1 ст. 63 УК РФ также имеет право на принятие решения об учете или неучете состояния опьянения как отягчающего. Приведенные примеры свидетельствуют о реализации творческого подхода при применении норм уголовного закона, где роль суда весьма показательна и значима [24, с. 229–233; 25, с. 18–27].

Изложенные выше положения дают возможность выделить следующие основополагающие признаки правоприменения: специальный субъектный состав; характер, а также последовательность совершаемых в процессе правоприменения действий; результат правоприменительной деятельности; особую процедурную форму осуществления правоприменительной деятельности; публично-правовой характер; творческую допустимость.

Выделенные отличительные черты раскрывают сущность правоприменения как составной части юридической техники, под которым следует понимать специализированный вид допустимой творческой юридической деятельности, осуществляемый уполномоченными на то субъектами, основанный на принципах законности, целесообразности, эффективности, обоснованности, доказанности и регламентированности, проявляющийся в совершении четко установленных нормативными предписаниями действий, последовательность совершения которых предопределяет достижение

субъектами правоприменения желаемого результата, закрепленного в изданном специализированном или персонифицированном акте правоприменения либо государственно-властном предписании, четко регламентирующем условия и правила поведения соответствующих субъектов правоотношений.

Указанные признаки и основанная на них дефиниция дают возможность четко отделить правоприменение от иных видов юридической деятельности и вычленив его основную идею, выражающуюся в реализации уже существующих правовых предписаний, что и выступает в качестве единственной его идеи. Такое понимание правоприменительной деятельности создаст условия по недопущению смешения понятий и растворения исследуемого вида юридической техники в иных направлениях юридической деятельности.

Полученные научные результаты в области исследования правоприменения позволяют сделать следующие выводы.

1. Правоприменение является основным показателем не только состояния законодательства, но и уровня правосознания и правовой культуры.

2. Признаки правоприменения включают в себя: специальный субъектный состав; характер, а также последовательность совершаемых в процессе правоприменения действий; результат правоприменительной деятельности; особую процедурную форму осуществления правоприменительной деятельности; публично-правовой характер реализации; творческую допустимость.

3. Правоприменение как элемент юридической техники – это специализированный вид допустимой творческой юридической деятельности, осуществляемый уполномоченными на то субъектами, основанный на принципах законности, целесообразности, эффективности, обоснованности, доказанности и регламентированности, проявляющийся в совершении четко установленных нормативными предписаниями действий, последовательность совершения которых предопределяет достижение субъектами правоприменения желаемого результата, закрепленного в изданном специализированном или персонифицированном акте правоприменения либо государственно-властном предписании, четко регламентирующем условия и правила поведения соответствующих субъектов правоотношений.

1. Малько А.В., Рудковский В.А. *Правоприменительная политика как фактор оптимизации осуществления права* // Юрид. наука и правоохранительная практика. 2014. № 1(27).

2. Самусевич А.Г. *К проблеме соотношения понятий «Правоприменительная деятельность» и «Правоприменение» (теоретико-правовой анализ)* // Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVIII междунар. заоч. науч.-практ. конф., 28 авг. 2013 г. Новосибирск, 2013.

3. Костенко М.А., Орлова Е.С. *Правоприменительная деятельность: понятие, признаки и стадии осуществления* // Таврический научный обозреватель. 2015. № 4.

4. *Правоприменение: теория и практика* / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2008.

5. Логинов А.С. *Современные проблемы применения норм права в российском обществе: теория, практика, техника. Рецензия на монографию «Правоприменение: теория и практика»* / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – 432 с. // Юрид. техника. 2008. № 2.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. М., 2010.

7. Карташов В.Н. *Введение в общую теорию правовой системы общества: текст лек-*

1. Malko A.V., Rudkovsky V.A. *Law-enforcement policy as factor of optimization of implementation of the law* // Jurisprudence and law-enforcement practice. 2014. № 1(27).

2. Samusevich A.G. *To a problem of a ratio of the concepts «Law-enforcement activities» and «Law enforcement» (the theoretical-legal analysis)* // Questions of modern law: proc. of the XXVIII intern. correspondence sci. and practical conf., on Aug. 28, 2013. Novosibirsk, 2013.

3. Kostenko M.A., Orlova E.S. *Law-enforcement activities: concept, signs and stages of implementation* // Taurian scientific observer. 2015. № 4.

4. *Law enforcement: theory and practice* / resp. ed. Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2008.

5. Loginov A.S. *Modern problems of application of rules of law in the Russian society: theory, practice, equipment. Review of the monograph «Law enforcement: theory and practice»* / resp. ed. Yu.A. Tikhomirov. – Moscow: The formula of law, 2008. – 432 pages // Legal equipment. 2008. № 2.

6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *The explanatory dictionary of Russian language*. Moscow, 2010.

7. Kartashov V.N. *Introduction in the general theory of a system of law of society: text of*

ций. Ч. 3: Практика реализации. Правоприменительная практика. Ярославль, 1998.

8. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972.

9. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.

10. Вопленко Н.Н. Реализация права: учеб. пособие. Волгоград, 2001.

11. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правоприменения: учеб. пособие. Саратов, 1995.

12. Божьев В.П. Уголовно-правовые отношения: состав, содержание, связь с процессуальными формами // Проблемы уголовной политики и уголовное право. М., 1994.

13. Егоров К.И. Правоприменение как разновидность юридического процесса // Рос. юрид. журн. 2011. № 3.

14. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие для высших учебных заведений / под ред. В.Г. Стрекозова. М., 1999.

15. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. М., 1995.

16. Лазарев В.В. Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977.

17. Мамутов В.К. Компетенция государственных органов в решении хозяйственных вопросов. М., 1964.

18. Лазарев В.В. Компетенция органов управления. М., 1972.

19. Еропкин М.И. Управление в области общественного порядка. М., 1985.

20. Бочаров Д.А. Доказывание в правоприменительной деятельности: общетеоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2007.

21. Матузов М.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М., 2004.

22. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1.

23. Гильмутдинова М.И. Теоретические основы эффективного правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.

24. Новицкий В.А. Судебное правоприменение: понятие и проблемы соотношения с другими формами реализации права // Вестн. Ставропольского гос. ун-та. 2006. № 4.

25. Абрамова А.И. Правоприменительная практика и ее влияние на развитие законодательства // Журн. рос. права. 2015. № 12.

lectures. Pt. 3: Practice of implementation. Law-enforcement practice. Yaroslavl, 1998.

8. Lazarev V.V. Application of the Soviet law. Kazan, 1972.

9. Dyuryagin I.Ya. Application of regulations of the Soviet law. Sverdlovsk, 1973.

10. Voplenko N.N. Implementation of law: study aid. Volgograd, 2001.

11. Sinyukov V.N., Grigoriev F.A. System of law: Questions of implementation of law: study aid. Saratov, 1995.

12. Bozhyev V.P. Criminal legal relations: structure, maintenance, connection with procedural forms // Problems of criminal policy and criminal law. Moscow, 1994.

13. Egorov K.I. Law enforcement as kind of legal process // Russian legal magazine. 2011. № 3.

14. Hropanyuk V.N. Theory of the state and right: study aid for higher educational institutions / ed. by V.G. Strekozov. Moscow, 1999.

15. Kudryavtsev V.N., Kazimirchuk V.P. The modern sociology of law. Moscow, 1995.

16. Lazarev V.V. Law-enforcement acts and their efficiency in the conditions of the developed socialist society: diss. ... Dr of Law. Moscow, 1977.

17. Mamutov V.K. Competence of state bodies in the solution of economic questions. Moscow, 1964.

18. Lazarev V.V. Competence of governing bodies. Moscow, 1972.

19. Eropkin M.I. Management in the field of public order. Moscow, 1985.

20. Bocharov D.A. Proof in law-enforcement activities: general-theoretical questions: diss. ... Candidate of Law. Kharkov, 2007.

21. Matuzov M.I., Malko A.V. Theory of state and law: textbook for law colleges. Moscow, 2004.

22. Kartashov V.N. Theory of a system of law of society: study aid: in 2 vol. Yaroslavl, 2005. Vol. 1.

23. Gilmudinova M.I. Theoretical bases of effective law enforcement: diss. ... Candidate of Law. Kazan, 2012.

24. Novitsky V.A. Judicial law enforcement: concept and problems of a ratio with other forms of implementation of law // Bull. of Stavropol state university. 2006. № 4.

25. Abramova A.I. Law-enforcement practice and its influence on development of the legislation // Magazine of Russian law. 2015. № 12.

Танага Ирина Владимировна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583563)

Уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье рассматривается одна из дискуссионных в последнее время тем, касающаяся вопросов привлечения к уголовной ответственности за неоднократное нарушение порядка организации и проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Анализируются особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 212.1 УК РФ.

Ключевые слова: публичное мероприятие, собрание, митинг, демонстрация, шествие, пикетирование, неоднократное нарушение, установленный порядок.

I.V. Tanaga, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Criminal-legal characteristic and peculiarities of qualification of crimes under article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

The article discusses one of the most recently debated topics related to the issues of criminal prosecution for the repeated violation of the order of organizing and holding meeting, rally, demonstration, procession or picketing. The specifics of the qualification of crimes provided under art. 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed.

Key words: public event, meeting, rally, processions, demonstration, picketing, repeated violation, established order.

В Российской Федерации на конституционном уровне закреплено право каждого на свободу выражения своих взглядов, однако порой такие действия носят, мягко сказать, небезопасный для общества и государства характер. Как показывает мировая и отечественная практика, в мире возросла негативная тенденция, связанная с активизацией протестной деятельности различного рода оппозиционных движений, возбуждением в сознании населения псевдоидей о демократических ценностях и необходимости свержения легитимной государственной власти. Протестная активность населения используется организаторами для манипуляции общественным сознанием, достижения преступных, антигосударственных целей. Начавшиеся как мирные собрания граждан протестные акции, как правило, впоследствии перерастают в массовые беспорядки, сопровождающиеся причинением вреда жизни, здоровью граждан и сотрудников правоохранительных органов, а также причинением имущественного вреда физическим и юридическим лицам. Указанное выше свидетельствует о существенной общественной опасности нарушений установленного порядка организации либо проведения со-

браний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований.

Бесспорным является тот факт, что право на свободу соборов является конституционным правом человека и гражданина, однако реализация данного права должна основываться на соблюдении установленного порядка организации и проведения различного рода общественных мероприятий.

С целью минимизации угроз в сфере общественной безопасности, а также с учетом волны протестных акций последних лет, прошедших в России, законодатель ввел в действие ст. 212.1 УК РФ, установив ответственность за нарушение требований, регламентирующих порядок организации и проведения публичных массовых мероприятий.

Статья 212.1 УК РФ, введенная в 2014 г., устанавливает ответственность за «неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» [1].

Согласно примечанию к данной норме «нарушением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, совершенным лицом неоднократно, признается на-

рушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней» [1].

Указанная уголовно-правовая норма носит преюдиционный (относящийся к предыдущему судебному решению) характер, так как в примечании к статье прямо указывается, что обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности является совершение аналогичных деяний, за которые лицо было привлечено к административному наказанию.

Определение объекта преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, является обязательным критерием квалификации. Устанавливая объект анализируемого преступления, следует исходить из того, что законодатель поместил данную норму в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», таким образом, объектом преступления будут выступать общественные отношения, которые обеспечивают реализацию законных интересов отдельных граждан, общества и государства в сфере общественной безопасности и общественного порядка.

Общественная безопасность и общественный порядок представляют собой совокупность критериев, которые свидетельствуют о наличии условий защищенности в общедоступных (общественных, публичных) местах неопределенного круга лиц, возможностях реализации конституционных прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также нормальной деятельности юридических лиц, органов государственной власти и/или местного самоуправления. Сходная позиция относительно определения объекта преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, отражена и в специальной литературе, посвященной изучению данного вопроса [2; 3].

Спорным и логически неверным является утверждение ряда авторов о необходимости признания в качестве дополнительных или факультативных таких объектов преступления, как здоровье человека либо имущественные отношения [2, с. 145–146]. Наличие дополнительно объекта преступления в виде здоровья человека либо имущественных отношений дает основание для отграничения анализируемого преступления от преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки», а также преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, от административных деликтов, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ.

Устанавливая объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, необходимо понимать, что диспозиция ст. 212.1 УК РФ является бланкетной. Ее содержание раскрывается в Конституции РФ и Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (в редакции от 3 июля 2016 г.) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее по тексту – Федеральный закон № 54-ФЗ). Статья 31 Конституции РФ прямо указывает: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия, пикетирование» [4]. Вместе с тем, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет следующее правило: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4]. Указанные конституционные положения находят свою детализацию в ст. 1 Федерального закона № 54-ФЗ: «Законодательство Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях основывается на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и включает в себя настоящий Федеральный закон и иные законодательные акты Российской Федерации, относящиеся к обеспечению права на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований. В случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, нормативные правовые акты, касающиеся обеспечения условий проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, издаются Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, принимают и издаются органы государственной власти субъектов Российской Федерации» [5].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, характеризуется выполнением одного из альтернативных действий, а именно: либо организации собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, при наличии обязательного условия, что организация либо проведение собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования совершены неоднократно.

Неоднократное участие в собрании, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании состава преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, не образует, хотя КоАП РФ

предусматривает установление административной ответственности за нарушение установленного порядка участником массового мероприятия (ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ), за участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании, повлекших создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, движению пешеходов и (или) транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры (ч. 6.1 ст. 20.2 КоАП РФ).

Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования имеет значение административного проступка (ст. 20.2 КоАП РФ), а то же деяние, совершенное неоднократно, согласно ст. 212.1 УК РФ, приобретает значение преступления. При этом в примечании к этой статье указано, что неоднократно признается нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение 180 дней. Такой же преюдициальный факт служит критерием разграничения смежных составов, предусмотренных ст. 284.1 УК РФ – ст. 20.33 КоАП РФ и ст. 314.1 УК РФ – ст. 19.24 КоАП РФ.

Законодательного определения понятия «проведение публичного мероприятия» нет, под проведением публичного мероприятия следует понимать руководство публичным мероприятием. Руководство публичным мероприятием может быть как полным, так и частичным. Частичное руководство может быть выражено в обеспечении и организации охраны во время публичного мероприятия, руководстве колонной демонстрантов (протестующих), в различного рода обеспечении реализуемого публичного (массового) мероприятия и пр.

Нарушением порядка проведения публичного мероприятия также следует признавать невыполнение организатором требований уполномоченного представителя органа внутренних дел (ч. 2 ст. 14 Федерального закона № 54-ФЗ); невыполнение требований уполномоченного представителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления в части приостановки либо прекращения публичного мероприятия в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом № 54-ФЗ (п. 2 ч. 1 ст. 13). Порядок прекращения публичного мероприятия определен ст. 17 данного закона.

Понятие «организация публичного мероприятия» закреплено в ст. 4 Федерального закона № 54-ФЗ.

Порядок подачи уведомления о проведении массового мероприятия определен в ст. 7 Федерального закона № 54-ФЗ.

Кроме того, отметим, что Федеральным законом № 54-ФЗ установлено, что порядок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия регламентируется соответствующим законом конкретного субъекта Российской Федерации.

Именно характеристика понятий, которые закреплены в Федеральном законе № 54-ФЗ, раскрывает признаки объективной стороны анализируемого состава преступления.

Неоднократность как признак, характеризующий объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, является наиболее неоднозначным признаком, его трактовка и определение вызывают дискуссию среди теоретиков и правоприменителей.

Согласно примечанию к ст. 212.1 УК РФ неоднократность характеризуется административной преюдицией, виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности при условии, что это же лицо привлекалось к административной ответственности более двух раз по ст. 20.2 КоАП РФ в течение 180 дней. Исходя из законодательной формулировки, раскрывающей неоднократность, можно сделать вывод о том, что третье правонарушение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, образует состав преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ.

Однако ряд правозащитников указывают, что «исходя из того, что написано в Уголовном кодексе, мы понимаем эту статью так: за 180 суток человек должен совершить три правонарушения, за которые он должен быть привлечен к ответственности, а затем совершить в этот же период четвертое – и вот только тогда он может быть привлечен к уголовной ответственности» [6, с. 23]. Однако такого рода утверждение относительно четвертого факта нарушения порядка проведения или организации публичного мероприятия противоречит словарной форме русского языка при описании соотношения количественных характеристик, а также математическому правилу.

Взвешенной является позиция Э.Л. Сидоренко, которая указывает, что «в случаях привлечения к уголовной ответственности по ст. 212.1 УК РФ суд должен исходить из срока, высчитываемого не с момента совершения первого проступка, а с момента вступления в силу первого из двух (или более) постановлений по делу об административном правонарушении» [7]. Продолжая развивать идею, изложенную ранее, следует понимать, что состав преступления,

предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, будет отсутствовать при совершении лицом третьего правонарушения при условии, что по второму из совершенных лицом еще не привлечено к административной ответственности (постановление о привлечении к административной ответственности еще не вступило в законную силу). Лицо считается привлеченным к административной ответственности после вынесения решения о признании лица виновным в совершении административного правонарушения и привлечения последнего к административной ответственности, а также после вступления указанного постановления в законную силу.

Порядок вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении определен ст. 31.1 КоАП РФ, в которой указывается, что «постановление по делу об административном правонарушении вступает в законную силу после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано» [8]. По общему правилу, предусмотренному ст. 30.3 КоАП РФ, срок подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении составляет десять суток, в соответствии со ст. 30.5 КоАП РФ жалоба подлежит рассмотрению судом в десятидневный срок со дня ее поступления.

Правозащитники при критике неоднократности также указывают, что «состав преступления, предусмотренный ст. 212.1 УК РФ, в качестве единственного признака, позволяющего квалифицировать действия лица как преступные, выделяет неоднократность совершения лицом административных правонарушений. Однако неоднократность совершения противоправного деяния не может влиять на характер и степень его общественной опасности, а потому не может являться квалифицирующим признаком, порождающим самостоятельный состав преступления. Такая неоднократность является одной из категорий, характеризующих личность лица, совершившего противоправное деяние. Характеристика личности, в соответствии с требованиями уголовного закона, учитывается при решении вопроса об индивидуализации наказания, в то время как при квалификации содеянного учитывается характеристика совершенного деяния.

С точки зрения законодательной конструкции закрепления в законе об уголовной ответственности объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, преступление имеет формальный состав, преступление будет признаваться оконченным с момента совершения противоправных действий по организации либо проведению пуб-

личного мероприятия лицом, которое более двух раз привлекалось к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ в течение 180 суток.

С учетом того, что состав преступления, предусмотренного ст. 212.2 УК РФ, является формальным, определение субъективной стороны преступления сводится к установлению психического отношения исключительно к деянию, т.е. к организации либо проведению публичного мероприятия.

Интеллектуальный момент субъективной стороны анализируемого преступления свидетельствует о том, что виновное лицо осознает противоправный характер своего поведения, а именно тот факт, что оно либо осуществляет действия, связанные с организацией (подготовкой) проведения публичного мероприятия, либо непосредственно проводит публичное мероприятие вопреки установленному порядку проведения публичных мероприятий. Об осознании противоправности поведения виновного лица также свидетельствует тот факт, что лицо неоднократно (более двух раз) привлекалось за аналогичные действия к административной ответственности.

Волевой момент субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, свидетельствует о том, что виновное лицо желает совершить действия, указанные в диспозиции ст. 212.1 УК РФ, что находит свое подтверждение в его поведении, а именно в организации либо проведении публичного мероприятия.

Из вышеизложенного вытекает вывод, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, характеризуется исключительно умышленной формой вины.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, может выступать вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, если оно является организатором публичного мероприятия либо осуществляет проведение публичного мероприятия и было привлечено неоднократно (более двух раз) за его организацию либо проведение к административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ.

Статья 5 Федерального закона № 54-ФЗ определяет, что организатором публичного мероприятия может выступать гражданин Российской Федерации, однако с точки зрения квалификации преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, гражданская принадлежность виновного лица значения не имеет, так как квалифицируется факт противоправного поведения, при котором организатором противоправного деяния может быть любое лицо.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, не являются лица – участники публичного мероприятия, так как указания

на форму «неоднократное нарушение установленного порядка участия» в диспозиции анализируемого состава нет.

Однако нужно понимать, что лицо, принимающее активное участие в проведении публичного мероприятия, которое осуществляло оповещение возможных участников публич-

ного мероприятия, предварительную агитацию о проведении публичного мероприятия, изготовление и распространение средств наглядной агитации, совершало иные действия, направленные на проведение публичного мероприятия, следует признавать организатором публичного мероприятия.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.09.2016).

2. Устинова Т.Д. Уголовная ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК РФ) // Вестн. ун-та имени О.Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 141–146.

3. Вдовиченко К.Г. Уголовная ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования // Общество и право. 2015. № 1(51). С. 124–127.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с поправками, внесенными Законами РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.09.2016).

5. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/ (дата обращения: 15.09.2016).

6. Андрианов В.К. Техничко-юридическая сторона разграничения преступлений и системных административных правонарушений // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 3(33).

7. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журн. рос. права. 2016. № 6. С. 125–133.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 3 окт. 2016 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=203234&fld=134&dst=102819,0&rnd=0.2334210275607036#0> (дата обращения: 15.09.2016).

1. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 6, 2016). URL: http://www.consultant.EN/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 15.09.2016).

2. Ustinova T.D. Criminal liability for repeated violation of the established procedure of organizing or holding meetings, rallies, demonstrations, marches or picketing (article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bull. of University named after O.E. Kutafin. 2015. № 7. P. 141–146.

3. Vdovichenko K.G. Criminal liability for repeated violation of the established procedure of organizing or holding meetings, rallies, demonstrations, marches or picketing // Society and law. 2015. № 1(51). P. 124–127.

4. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (as amended by the Laws of the Russian Federation d.d. Dec. 30, 2008 № 6-FCL, d.d. Dec. 30, 2008 № 7-FCL, d.d. Febr. 5, 2014 № 2-FCL, d.d. July 21, 2014 № 11-FCL). URL: http://www.consultant.EN/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 15.09.2016).

5. On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing: fed. law d.d. June 19, 2004 № 54-FL (as amended on July 3, 2016). URL: http://www.consultant.EN/document/cons_doc_LAW_48103/ (date of access: 15.09.2016).

6. Andrianov V.K. Technical and legal aspects of differentiation of crimes and related administrative offenses // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2016. № 3(33).

7. Sidorenko E.L. Administrative prejudice in criminal law: problems of law enforcement // Journal of Russian law. 2016. № 6. P. 125–133.

8. Code of the Russian Federation about Administrative Offences d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (as amended on July 6, 2016, come in legal force on Oct. 3, 2016). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=203234&fld=134&dst=102819,0&rnd=0.2334210275607036#0> (date of access: 15.09.2016).

Ховавко Сергей Михайлович

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79787234560)

Общественная опасность кражи груза из транспортного средства

В статье рассматриваются типичные способы совершения краж на объектах транспорта, обосновывается повышенная общественная опасность кражи груза из транспортного средства, предлагается внесение изменений в ст. 158 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: транспорт, груз, преступление, кража, общественная опасность, объект преступления.

S.M. Khovavko, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79787234560.

Social danger of the theft of cargo from a vehicle

The article deals with the typical ways of committing theft at transport facilities, justified the increased social danger of the theft of cargo from the vehicle, it is proposed to amend art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: transport, cargo, crime, theft, social danger, the object of the crime.

Транспорт имеет важнейшее социально-экономическое значение в жизнедеятельности любого общества и государства. Главная функция транспорта – перемещение пассажиров, багажа, грузов. Транспортный комплекс России представлен всеми видами транспорта. В целом транспортная система России характеризуется развитой транспортной сетью, включающей 87 тыс. км железных дорог, из них более 44 тыс. км электрифицированные; более 745 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием; свыше 600 тыс. км воздушных линий; 75 тыс. км магистральных нефте- и продуктопроводов; свыше 170 тыс. км магистральных газопроводов; 102 тыс. км речных судоходных путей и множество морских трасс. В структуре грузооборота 55% приходится на железнодорожный транспорт, 27,5% – на трубопроводный, 11,3% – на морской, 4,7% – на внутренний водный, 1,5% – на автомобильный [1].

Одновременно транспортный комплекс является местом и объектом совершения целого ряда преступлений, которые имеют свои особенности, обусловленные спецификой функционирования транспорта, и, на наш взгляд, представляют более серьезную общественную опасность в сравнении с такими же преступлениями, совершаемыми вне транспорта. Противодействие преступлениям, совершаемым на объектах транспорта, осуществляют в первую

очередь органы внутренних дел на транспорте. Одной из основных задач органов внутренних дел на транспорте является реализация мероприятий по предупреждению и пресечению актов незаконного вмешательства на объектах транспорта.

В 2012 г. на транспорте было зарегистрировано 46,4 тыс. преступлений. В 2014 г. на объектах транспортного комплекса Российской Федерации сохранилась тенденция снижения числа зарегистрированных преступлений (40,4 тыс., минус 4% в сравнении с 2013 г.; Симферопольский ЛО – 228). В Республике Крым небольшое количество преступлений на транспорте обусловлено временным относительно небольшим пассажиро- и грузооборотом. Очевидно, что с увеличением трафика в Крым возрастет и количество преступлений на транспорте.

В числе корыстных противоправных деяний значительна доля краж (2012 г. – 17,1 тыс., 2014 г. – 13,7 тыс., минус 7,2% в сравнении с 2013 г.), в том числе перевозимых грузов (2012 г. – 5,7 тыс., 2014 г. – около 4 тыс., минус 20,1% в сравнении с 2013 г.).

По фактам хищения грузов в 2014 г. возбуждено 141 уголовное дело (сумма ущерба составила почти 4 млн руб.), задержано 342 лица, совершивших преступления, изъято 3,3 тыс. тонн похищенного на сумму 3,9 млн руб. Направлено 55 представлений об устра-

нении причин и условий, способствующих хищениям грузов [2].

Как следует из статистических данных МВД России, подавляющее большинство преступлений, совершаемых на транспорте, составляют кражи (из года в год в среднем 35% от общего количества зарегистрированных преступлений). При этом среди совершаемых на транспорте краж примерно те же 35% составляют кражи перевозимых грузов. Следует помнить о достаточно высоком уровне латентности преступлений, совершаемых на транспорте, что обусловлено спецификой функционирования транспортной системы. По оценкам сотрудников органов внутренних дел на транспорте, ими регистрируется не более 30% преступлений, совершаемых на транспорте.

Каждый вид транспорта имеет свои особенности функционирования, которые обуславливают типичные способы подготовки и совершения преступлений.

Автотранспорт – самый мобильный и оперативный, а потому один из самых востребованных, перевозит широкую номенклатуру грузов, в том числе и опасных. Автоперевозка в основном проходит по неохранным трассам и дорогам. Машины в большинстве случаев перемещаются без охраны. Контроль за сохранностью груза непосредственно осуществляет водитель; обычно в машине один или двое водителей. Многие мелкие перевозчики или частные предприниматели до сих пор экономят на международной связи, GPS навигаторах, не говоря уже об аппаратуре спутникового слежения. Расследованием преступлений на автотранспорте занимаются обычные территориальные отделы ОВД, которые по различным объективным причинам (загруженность, нехватка людей) не могут обеспечить ни охрану автомобиля, ни оперативное и качественное расследование преступления. Особенно если это касается частного, а не государственного перевозчика. Цена груза одной машины в среднем составляет от 50 тыс. до 200 тыс. долларов. Таким образом, автотранспорт – самый незащищенный в криминальном плане вид транспорта. На автомобильном транспорте кражи совершаются с охраняемых и неохранных стоянок, кражи и грабежи, происходящие при остановках и стоянках на ночь в неосвещенных местах, на трассах, людьми, переодетыми в форму ГИБДД, кражи с помощью заранее устроенных засад в безлюдных и глухих местах. Часто соучастниками

краж выступают сами водители транспортных средств, являясь наводчиками и членами преступных групп. Способы краж различны и многообразны: просто угон автомобиля со всем товаром, разрезка тента и перекидывание ящиков в рядом стоящую машину преступников, отжим домкратами дверей с хищением части товара, демонтаж дверей с контейнеров, вскрытие с полной заменой пломб, на ходу, на подъемах, на сложных участках трасс при движении автомобиля с небольшой скоростью с использованием специальных лесенок и приспособлений. При ДТП, когда водитель не в состоянии обеспечить сохранность груза, товар растаскивают обычные участники дорожного движения. Крупные преступные группировки просто нагло грабят, зачастую не оставляя свидетелей.

На железнодорожном транспорте специфическим видом преступлений, совершаемых преступными группами, являются кражи грузов из подвижного состава. Подавляющее большинство краж совершаются из вагонов; меньше – с платформ, а именно из перевозимых на них контейнеров, из полувагонов и из самосвальных вагонов и цистерн. Основная масса названных преступлений совершается на сортировочных станциях, где происходит переформирование состава, во время стоянок составов на крупных грузовых станциях, на железнодорожных перегонах (участках железной дороги между двумя станциями). Также кражи грузов совершаются на небольших, расположенных, как правило, в сельской местности станциях; на пассажирских станциях во время кратковременных остановок грузовых составов. Основная масса таких краж совершается в период с 18 часов вечера до 6 часов утра.

Наиболее распространенными способами совершения краж грузов на железнодорожном транспорте являются следующие:

- а) распиливают проушины крепления пломб, пломбы снимают неповрежденными, выгружают часть или весь груз, ставят пломбы на место, места распилов замазывают холодной сваркой и закрашивают под цвет вагона;
- б) газосваркой вырезают отверстие в полу вагона, крадут груз, отверстие заваривают и закрашивают;
- в) просто съем или срез газосваркой дверей с вагонов;
- г) подъем крыши вагона в ремонтных мастерских и другие способы.

Как свидетельствует статистика, около половины краж грузов на подвижном железнодорожном транспорте совершается групповым способом [3, с. 170–174].

Морской и речной транспорт тоже имеет свою специфику. Ценные грузы в основном перевозятся в контейнерах. Кражи и вывоз товара приходится производить с охраняемых складов морских и речных портов, что является дополнительной сложностью для преступников. Поэтому на морском и речном транспорте кражи происходят тоже не без участия непосредственно работников портов, при этом воруют в крупном и особо крупных размерах, целыми контейнерами. В других случаях используют те же способы, что и на железнодорожном транспорте: съемы дверей с контейнеров, врезание отверстий в контейнерах с помощью газосварки и т.д.

Авиационный транспорт в силу специфики является самым криминально защищенным. Авиационный транспорт дает практически 100% защиту от хищения груза в пути следования, но не в момент загрузки-перегрузки.

На авиационном транспорте в первую очередь совершаются кражи багажа и личных вещей пассажиров работниками багажной системы аэропорта, в чьи обязанности входит комплектование багажа пассажиров. Предметами краж становятся деньги, дорогостоящие продукты питания, косметические средства, элитная алкогольная продукция, мобильные устройства и компьютерная техника [4; 5].

Международные мультимодальные грузоперевозки по определению осуществляются с помощью всех видов транспорта в различных сочетаниях. Поэтому и риск хищения груза гораздо выше по сравнению с перевозками одним конкретным видом транспорта.

Каждый вид преступления имеет свои особенности, которые учитываются как законодателем при формулировании норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за совершение соответствующих преступлений, так и правоприменителями при выработке и реализации наиболее эффективных методик выявления, предупреждения, раскрытия и расследования таких преступлений.

К особенностям краж на транспорте, которые необходимо учитывать в правоприменительной практике и, в частности, в правоохранительной деятельности ОВД, можно отнести объект и предмет преступного посягательства;

время и место совершения краж; способы подготовки и совершения краж; орудия и средства совершения краж; характеристику личности субъектов, совершающих кражи; причины и условия, способствующие совершению краж.

Кражи грузов, совершаемые из транспортного средства, имеют свои особенности, которые, на наш взгляд, дают основания признать их более общественно опасными по сравнению с кражами того же груза, находящегося вне транспортного средства. Общеизвестно, что «общественная опасность» – материальный признак преступления, раскрывающий его социальную сущность. Она проявляется в том, что общественно опасное деяние причиняет вред или создает угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом (объекту преступления).

Законодатель, принимая уголовный закон, прежде всего стремится поставить под охрану основной непосредственный объект преступления, т.е. такой объект, ради которого и создается данная уголовно-правовая норма. Дополнительным же непосредственным объектом преступления являются только те общественные отношения, которым всегда причиняется или создается угроза причинения вреда, и быть таковым объектом могут лишь отношения, опять-таки поставленные под охрану самим законодателем [6, с. 4]. Применительно к задачам уголовно-правовой охраны дополнительный непосредственный объект всегда дополняет основной объект, «примыкает» к нему, придает большую социальную значимость (ценность) общественным отношениям, защищаемым нормой УК, и поэтому всегда свидетельствует о большей общественной опасности [7, с. 101]. Разграничить указанные виды объектов возможно, только лишь ориентируясь на содержание вины (т.е. на отрицательное отношение лица к тем или иным интересам общества) [8, с. 84]. Дополнительный объект лежит, как правило, в плоскости иного родового объекта, чем основной, и при создании данной нормы имелся в виду законодателем не в первую очередь, а ставился под защиту уголовного закона лишь попутно с основным объектом [9, с. 70–74].

Под факультативным объектом принято понимать такие общественные отношения, которые при совершении данного преступления довольно часто, хотя и не обязательно ставятся под угрозу причинения вреда, его нарушение является более или менее типичным для этого

вида преступного поведения, а его наличие не влияет на квалификацию состава преступления. Основное отличие факультативных объектов от основных и дополнительных объектов заключается в том, что факультативные объекты необязательны, они не являются необходимым признаком состава преступления. Эти объекты могут быть, но могут и отсутствовать при совершении конкретного преступления [10, с. 125]. Очевидно, что причинение вреда, кроме основного объекта, еще и факультативному значительно повышает общественную опасность деяния. Это обстоятельство должно учитываться судом при назначении вида и размера наказания [10, с. 125].

Основным непосредственным объектом кражи являются отношения собственности.

Учитывая способы совершения краж грузов на транспорте, можно сделать вывод о том, что общественная опасность таких преступлений выше, чем краж, совершаемых вне объектов транспорта, так как кражи грузов совершаются, как правило, способами, которые могут создавать реальную угрозу причинения вреда безопасности движения и эксплуатации транспорта (создание аварийных ситуаций вследствие повреждения тары, технических средств крепления груза к транспортному средству, нарушения технически безопасного состояния отдельных элементов конструкции транспортного средства; нарушение расписания движения транспорта, обусловленное кражей груза или необходимостью проведения неотложных следственных действий при выявлении кражи груза, и т.п.). Особенно опасными являются кражи грузов из автомобильного транспорта при грузовых перевозках по горным дорогам, что обусловлено сложным рельефом, затяжными подъемами и спусками, крутыми поворотами с ограниченной видимостью, движением через тоннели, сложными погодными условиями, – при таких обстоятельствах вероятность дорожно-транспортных происшествий, спровоцированных кражей груза из транспортного средства, становится значительно выше. При кражах определенных видов грузов (некоторые продукты нефтехимии) в случае их неосторожного попадания в воздух, в воду или на землю может быть причинен вред экологической безопасности.

Кроме перечисленных выше аргументов, повышенная общественная опасность кражи груза из транспортного средства обусловлена и тем фактом, что в соответствии со ст. 1079

Гражданского кодекса РФ само по себе использование транспортных средств признается деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих [11].

Кражи грузов на транспорте в соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» имеют такие признаки акта незаконного вмешательства, как противоправное действие, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий. При этом под транспортной безопасностью понимается состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [12].

Хотим обратить внимание, что осознание законодателем повышенной общественной опасности совершаемых на отдельных видах транспорта краж в последнее время находит отражение в соответствующих изменениях уголовного законодательства и в законодательных инициативах.

Так, в 2006 г. в уголовное законодательство страны внесены изменения, направленные на борьбу с кражами на трубопроводном транспорте. В частности, в ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража» был включен п. «б», предусматривающий уголовную ответственность за кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода [13]. Законодатель учел, что преступное вмешательство в систему трубопроводов обладает рядом характеристик, существенно повышающих уровень его общественной опасности по сравнению с другими имущественными посягательствами. Прежде всего, «криминальные врезки» представляют собой многообъектные преступления, где в качестве дополнительного непосредственного объекта (обязательного или факультативного) могут выступать жизнь или здоровье людей, общественная или экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, интересы государственной или муниципальной службы, службы в коммерческих или иных организациях, государственная безопасность. Таким образом, в составе преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, появился дополнительный объект.

Другим примером может служить инициатива Минтранса России от 25 августа 2015 г. по подготовке поправок в Уголовный кодекс РФ, направленных на ужесточение наказания за

кражу элементов железнодорожной инфраструктуры [14].

Как отмечают разработчики законопроекта, сейчас ответственность за кражу имущества инфраструктуры железнодорожного транспорта установлена ст. 158 УК. В случаях, если ущерб не превышает 250 тыс. руб., такие кражи не подпадают под квалифицирующие составы и максимальное наказание за них составляет до 2 лет лишения свободы. Такая мера ответственности не вполне логична, поскольку кражи на железных дорогах могут привести к достаточно серьезным последствиям, так как при совершении таких преступлений вред причиняется не только отношениям собственности на железнодорожном транспорте, но создается реальная угроза причинения вреда другим общественным отношениям, преимущественно в сфере общественной безопасности.

Кроме того, законодателем при формулировании норм ст. 158 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за кражу, были приняты во внимание особенности отдельных видов краж на транспорте, а именно степень общественной опасности карманных краж и краж личного имущества пассажиров (п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ).

Таким образом, наряду с основным непосредственным объектом кражи груза из транспортного средства, которым является конкретное имущественное отношение, можно утверждать, что в таком преступлении имеет место как дополнительный объект – общественные отношения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, так и в некоторых случаях факультативный объект – общественные отношения в сфере экологической безопасности.

В соответствии с действующей редакцией ст. 158 УК РФ при отсутствии каких-либо квалифицирующих обстоятельств кражи груза из транспортного средства такое деяние следует квалифицировать по ч. 1 названной статьи. Действующий уголовный закон не признает наличие повышенной общественной опасности такого преступления в виде реальной угрозы причинения вреда общественным отношениям в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Учитывая изложенное выше, считаем целесообразным внесение изменений в действующее уголовное законодательство в виде квалифицированного состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ «Кража», а именно: «кража груза из транспортного средства». Таким образом, факт наличия повышенной общественной опасности кражи груза из транспортного средства получит легальное закрепление в виде дополнительного объекта состава преступления, предусмотренного соответствующей частью ст. 158 УК РФ. Одновременно усиление уголовной ответственности за кражу груза из транспортного средства может способствовать снижению таких преступлений и более эффективной защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Считаем, что с предложением о внесении соответствующего изменения в уголовное законодательство Российской Федерации должны выступить совместно Минтранс России и МВД России (по инициативе Главного управления на транспорте МВД России).

1. *Экономическая и социальная география России. География отраслей народного хозяйства России: учеб. для вузов / под ред. В.Л. Бабурина, М.П. Ратановой. М., 2013.*

2. *Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 15.11.2016).*

3. *Крицкая Ю.В. Криминологические особенности хищений, совершаемых преступными группами на железнодорожном транспорте // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1.*

4. *За кражей багажа в Пулково стояла банда сотрудников аэропорта. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/25/03/2015/5592b0429a794719538d404d (дата обращения: 16.09.2016).*

1. *Economic and social geography of Russia. Geography of branches of national economy of Russia textbook for high schools / ed. by V.L. Baburin, M.P. Ratanova. Moscow, 2013.*

2. *The official website of the Ministry of the Interior of Russia. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (date of access: 15.11.2016).*

3. *Kritskaya Yu.V. Criminological characteristics of theft, committed by criminal groups in railway transport // Theory and practice of social development. 2009. № 1.*

4. *For theft of luggage in Pulkovo was a gang of airport staff. URL: http://top.rbc.ru/spb_sz/25/03/2015/5592b0429a794719538d404d (date of access: 16.09.2016).*

5. Службы Домодедово поймали на краже багажа. URL: <http://lifenews.ru/news/61506> (дата обращения: 16.09.2016).

6. Замосковцев П.В. О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью. Омск, 1978.

7. Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.

8. Сташис В.В., Панов Н.И. Непосредственный объект и его значение для квалификации преступлений // Проблемы правоведения. Киев, 1989.

9. Улезко С.И. Классификация объектов преступления // Общество и право. 2013. № 4(46).

10. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Ученые труды Свердловск. юрид. ин-та. Свердловск, 1969. Вып. 10.

11. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2016).

12. О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2006 г. № 283-ФЗ // Рос. газ. 2007. 10 янв.

14. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=39364> (дата обращения: 16.09.2016).

5. Domodedovo Service caught stealing luggage. URL: <http://lifenews.ru/news/61506> (date of access: 16.09.2016).

6. Zamoskovtsev P.V. About many objectivity of criminal attacks // Problems of the fight against crime. Omsk, 1978.

7. Tatsiy V.Ya. Object and subject of crime in the Soviet criminal law. Kharkov, 1988.

8. Stashis V.V., Panov N.I. Direct object and its importance for the qualification of crimes // Problems of law. Kiev, 1989.

9. Ulezko S.I. Classification of objects of crime // Society and law. 2013. № 4(46).

10. Frolov E.A. Controversial issues of general doctrine on the subject of crime // Scientific works of Sverdlovsk law institute. Sverdlovsk, 1969. Iss. 10.

11. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) d.d. Jan. 26, 1996 № 14-FL. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 15.11.2016).

12. About transport security: fed. law d.d. Febr. 9, 2007 № 16-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 7. Art. 837.

13. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 30, 2006 № 283-FL // Russian newsp. 2007. Jan. 7.

14. The federal portal of draft regulations. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=39364> (date of access: 16.09.2016).

Абрамов Ашот ЛеоновичМосковский государственный машиностроительный университет
(e-mail: abramov_ashot@mail.ru)

Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность медицинских работников (к итогам исследования)

В статье представляются итоги исследования проблем теории и практики уголовно-правовой регламентации обстоятельств, исключающих уголовную ответственность медицинских работников. Формулируется понятие таких обстоятельств, раскрываются их специфические признаки, особенности, уточняются условия и пределы правомерности причинения вреда медицинскими работниками в состоянии обоснованного риска, крайней необходимости, исполнения закона и отсутствия вины.

Ключевые слова: уголовная ответственность медицинских работников, обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, обоснованный риск, крайняя необходимость, исполнение закона, невиновное причинение вреда.

A.L. Abramov, Moscow State University of Mechanical Engineering; e-mail: abramov_ashot@mail.ru
Circumstances excluding criminal responsibility of medical workers (to the results of the research)

The article is devoted to the presentation of the results of research of problems of the theory and practice of criminal-legal regulation of circumstances excluding criminal responsibility of medical workers. Formulated the concept of such circumstances, reveal their specific characteristics, the peculiarities, clarifies the conditions and limits of legitimacy of infliction of harm to health workers in a condition of reasonable risk, of emergency, law enforcement, and lack of guilt.

Key words: criminal liability of medical workers, circumstances excluding criminal responsibility, reasonable risk, emergency, law enforcement, infliction of damage.

Вопрос об оценке деятельности медицинских работников является одним из наиболее сложных в доктрине уголовного права. Имеющиеся в этой сфере исследования главным образом посвящены критическому анализу содержания отдельных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых медицинскими работниками [1]. Однако уголовный закон оценивает поведение человека с позиции дихотомии: вредоносное деяние либо является преступлением, либо не является таковым. Это позволяет взглянуть на проблему уголовной ответственности медицинских работников с принципиально другой точки зрения – с позиции предусмотренных законодательством оснований, ее исключающих [2; 3]. Представляется, что на современном этапе отчетливо оформилась необходимость определить параметры уголовно-правового регулирования правомерной медицинской деятельности, сопряженной с причинением вреда жизни или здоровью пациента, выделить виды обстоятельств, исключающих уголовную ответственность медицинских работников, а также конкретизировать их содержание в контексте имеющихся стандартов и правил медицинской деятельности.

К решению этой задачи мы подошли на основе критического анализа положений действующего уголовного законодательства, общения практики его применения и изучения значительного массива специальной литературы. Итоги предпринятого исследования и представляются вниманию читателя.

Под обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность медицинских работников, следует понимать предусмотренные законом основания обязательного и безусловного непривлечения к уголовной ответственности медицинского работника, причинившего вред охраняемым уголовным законом отношениям в связи с осуществлением медицинской деятельности.

Данные обстоятельства характеризуются следующими общими признаками: 1) представляют собой нормативно описанные фактические ситуации, являющиеся внешними по отношению к деянию; 2) распространяются на ограниченный круг лиц – медицинских работников, т.е. физических лиц, которые имеют медицинское или иное образование, работают в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которых входит осуществление медицинской деятельности, либо физических лиц, которые

являются индивидуальными предпринимателями, непосредственно осуществляющими медицинскую деятельность; 3) исключают уголовную ответственность медицинских работников, причинивших вред при осуществлении медицинской деятельности, т.е. профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональной деятельности, связанной с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях; 4) обуславливают обязательное и безусловное (окончательное) исключение уголовной ответственности медицинского работника.

При этом в качестве специальных обстоятельств, исключающих уголовную ответственность медицинских работников, следует рассматривать: казус (ст. 28 УК РФ), крайнюю необходимость (ст. 39 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) и исполнение закона.

Исследование проблем теории и практики правовой регламентации этих специальных обстоятельств позволило сформулировать некоторые значимые тезисы.

1. Казус в медицинской деятельности представляет собой фактическую ситуацию, исключающую виновное отношение медицинского работника в случаях оказания ненадлежащей или неоказания надлежащей медицинской помощи, повлекшего причинение вреда жизни или здоровью пациента, обусловленную ограниченными возможностями (пределами эффективности) медицинской теории и практики.

Невиновное причинение вреда следует отграничивать от случаев добросовестного и своевременного оказания надлежащей медицинской помощи с неблагоприятным исходом. Необходимым фактором для постановки вопроса о наличии или отсутствии невиновного причинения вреда выступает констатация допущенного дефекта при оказании медицинской помощи и прямой причинно-следственной связи такого дефекта со смертью или причинением вреда здоровью пациента [4, с. 10]. При этом пределы вменения медицинскому работнику находятся в прямой зависимости с пределами эффективности самой медицинской теории и практики.

Прогресс в медицинском знании требует определенного времени для распространения информации, и ни одно новое достижение сразу же не становится тем, что называется «общепринятой практикой». Упрек в некомпетентности, приведшей к непрофессиональным действиям при оказании медицинской помощи, должен быть основан только на оценке того

или иного знания как общеизвестного, получившего свое систематическое отражение в публикациях, вошедших в Кокрановскую библиотеку, базы данных EMBASE и MEDLINE, российские профильные журналы, в клинических рекомендациях по диагностике и лечению того или иного заболевания. В тех же случаях, когда медицинский работник не был осведомлен о доказательно подтвержденных, но еще малоизвестных результатах исследований, говорить о виновном причинении вреда нельзя.

Специфика медицинской деятельности позволяет выделить следующие виды невиновного причинения вреда: 1) невиновное причинение вреда в связи с организационными ошибками (ошибки в ведении медицинской документации, ошибки поведения медицинского персонала и др.); 2) невиновное причинение вреда в связи с асимптомностью и атипичностью течения заболевания; 3) невиновное причинение вреда в связи с отсутствием необходимых условий для правильной и своевременной диагностики (нахождение пациента в состоянии опьянения, тяжелое состояние больного, препятствующее проведению необходимых исследований, и др.); 4) невиновное причинение вреда в связи с естественными ограничениями существующих методов диагностики (объективная невозможность правильной диагностики в связи с недостаточностью современных сведений о заболевании, общим несовершенством диагностического оборудования и др.); 5) невиновное причинение вреда в связи с отсутствием необходимых условий для правильного и своевременного лечения; 6) невиновное причинение вреда в связи с естественными ограничениями существующих методов лечения (объективная невозможность исключить риск причинения вреда даже при условии правильного применения признанного современной наукой метода лечения); 7) невиновное причинение вреда в связи с несоответствием психофизиологических качеств медицинского работника требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

2. Медицинскую необходимость не следует отождествлять с крайней необходимостью при осуществлении медицинской деятельности. Медицинская необходимость возникает в связи с наличием деструктивных (вредоносных) физиологических процессов в организме человека, требующих оказания квалифицированной медицинской помощи, априори связанной с ограничением телесной неприкосновенности личности, в том числе с нарушением анатомической целостности органов и тканей человека.

Крайнюю необходимость в медицинской деятельности можно определить как регламентированную уголовным и (или) отраслевым

законодательством в сфере здравоохранения фактическую ситуацию, при которой медицинский работник не подлежит ответственности за причинение вреда в целях предупреждения наступления более тяжких последствий для здоровья личности, охраняемых законом интересов общества и государства, когда имеющаяся опасность не могла быть устранена иными средствами [5].

Видами крайней необходимости в медицинской деятельности выступают: 1) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство без информированного согласия пациента; 2) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; 3) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; 4) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи; 5) ситуации, позволяющие врачу принять решение о разглашении медицинской тайны.

Условиями правомерности крайней необходимости в деятельности медицинских работников выступают: 1) наличие реальной опасности для здоровья личности, охраняемых законом интересов общества и государства; 2) наличие цели устранения такой опасности; 3) отсутствие возможности ее устранения путем проведения медицинского вмешательства (совершения иных действий) с соблюдением обязательных требований регулятивного законодательства в сфере здравоохранения, в том числе имеющихся стандартов по оказанию медицинской помощи; 4) фактически реализованное медицинское вмешательство (иные действия) по своим негативным последствиям не должно явно не соответствовать характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых эта опасность устранялась.

Медицинский работник в условиях крайней необходимости может причинить вред здоровью человека и изъять регенеративную ткань при соблюдении следующих условий: а) наличие реальной опасности для жизни и (или) здоровья реципиента; б) наличие цели устранения такой опасности; в) отсутствие совместимого донора, способного дать добровольное информированное согласие; г) другие медицинские средства не могут гарантировать сохранение жизни и (или) восстановление здоровья больного; д) фактически реализованное медицинское вмешательство (иные действия) не должно причинять вред равный или более значительный, чем предотвращенный; е) правомерным является изъятие исключительно регенеративных тканей.

3. Обоснованный риск в медицинской деятельности может быть определен как регламентированная уголовным и (или) отраслевым законодательством в сфере здравоохранения фактическая ситуация, при которой медицинский работник не подлежит ответственности за причинение вреда при проведении научно обоснованного эксперимента (исследования) или применении новых методов профилактики, диагностики или лечения [6, с. 12].

Признавая необходимость преодоления сохранившейся до настоящего времени конкуренции нормативного материала об обоснованном риске и крайней необходимости, полагаем целесообразным классифицировать медицинский риск в зависимости от преследуемой цели: 1) медицинский риск в интересах получения нового научного знания или эмпирических данных, не связанный с терапевтическим воздействием на организм человека (медицинский эксперимент); 2) медицинский риск в интересах получения нового научного знания или эмпирических данных, связанный с терапевтическим воздействием на организм человека (с целью проверки безопасности и эффективности нового метода или средства оказания помощи пациентам с определенным заболеванием).

Условиями правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников надо признать: 1) наличие специальной цели – получение нового знания или эмпирических данных, необходимых для развития медицинской науки, а также совершенствование методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации пациентов с определенным заболеванием; 2) отсутствие известных в медицинской науке и успешно реализованных в лечебной или исследовательской практике нерискованных (менее рискованных) способов достижения общественно полезной цели; 3) решение о проведении медицинского эксперимента (клинического исследования) должно соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту; 4) отсутствие заведомой угрозы для жизни многих людей, угрозы экологической катастрофы или общественно-го бедствия; 5) предварительное получение добровольного информированного согласия человека на проведение медицинского вмешательства; 6) медицинский эксперимент должен проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию (профессиональную и научную); 7) исследователем приняты все возможные и в своей совокупности достаточные меры для предотвращения вреда испытуемому (испытуемым).

4. Нормативные положения законодательства Российской Федерации о здравоохра-

нении, предусматривающие в определенных ситуациях и с соблюдением определенных условий правомерное причинение вреда здоровью человека, имеют самостоятельное правовое значение и выступают как скрыто-бланкетная часть уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья личности.

Исполнение закона как обстоятельство, исключяющее уголовную ответственность медицинских работников [7], представляет собой регламентированную отраслевым законодательством о здравоохранении фактическую ситуацию, при которой специально уполномоченные лица (медицинские работники) имеют право совершать деяния, предполагающие причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Условиями правомерности исполнения закона как обстоятельства, исключяющего уголовную ответственность медицинских работников, выступают: 1) нормативная регламентация соответствующих фактических ситуаций на уровне Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и принимаемых в соответствии с ним других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации; 2) действительность юридических фактов, с которыми закон связывает право медицинского работника на причинение вреда; 3) выполнение причинивших вред действий уполномоченным на то законодательным актом лицом; 4) соблюдение медицинским ра-

ботником всех необходимых для конкретной ситуации правил, стандартов и ограничений, закрепленных в соответствующем нормативном правовом акте.

Однако уголовное законодательство не нуждается в казуальном определении оснований, при которых медицинские работники имеют право совершать диагностические и (или) лечебные мероприятия, прямо или косвенно причиняющие вред здоровью пациента. С учетом комплексного характера данной проблемы представляется обоснованным дополнение уголовного законодательства общей нормой, закрепляющей исполнение закона, в качестве обстоятельства, исключяющего преступность деяния:

«Статья 36.1. Исполнение закона

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действовавшим во исполнение общеобязательного государственного предписания, предусмотренного Конституцией Российской Федерации, федеральным конституционным законом Российской Федерации, федеральным законом Российской Федерации, а равно принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

2. В предусмотренных законом случаях лицо несет уголовную ответственность на общих основаниях при злоупотреблении правом, превышении предоставленных полномочий, а равно неисполнении или ненадлежащем исполнении общеобязательного государственного предписания».

1. Огнерубов Н.А. *Профессиональные преступления медицинских работников: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.*

2. Дорогин Д.А. *Обстоятельства, исключяющие уголовную ответственность. М., 2013.*

3. Сахаров А.Б. *Обстоятельства, исключяющие уголовную ответственность // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 111–118.*

4. Арчибасова Л.А. *Невиновное причинение вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.*

5. Крылова Н., Павлова Н. *Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения // Уголовное право. 2005. № 1. С. 41–44.*

6. Берестовой А.Н. *Обоснованный риск как обстоятельство, исключяющее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.*

7. Михайлов В.И. *Исполнение закона как обстоятельство, исключяющее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 40–44.*

1. Ognerrubov N.A. *Professional crimes of medical workers: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2014.*

2. Dorogin D.A. *Circumstances excluding criminal liability. Moscow, 2013.*

3. Sakharov A.B. *Circumstances excluding criminal liability // Soviet state and law. 1987. № 11. P. 111–118.*

4. Archibasova L.A. *Innocent causes of harm: auth. abstr. ... Candidate of Law. Omsk, 2005.*

5. Krylova N., Pavlova N. *The extreme need for medical activity: some questions of practical application // Criminal law. 2005. № 1. P. 41–44.*

6. Berestovoy A.N. *The justified risk as the circumstance excluding criminality of the act: auth. abstr. ... Candidate of Law. St. Petersburg, 1999.*

7. Mikhailov V.I. *Execution of the law as a circumstance excluding the criminality of the act // Criminal law. 2007. № 1. P. 40–44.*

Бойко Сергей Яковлевич

Российский университет кооперации

(e-mail: mnn_nn@mail.ru)

Мошенничество в уголовном законодательстве стран с англо-саксонскими языками

В представленной статье проводится компаративное исследование норм об уголовной ответственности за мошенничество в странах англо-саксонской правовой системы, обращается особое внимание на существующие различия при конструировании данного состава преступления.

Ключевые слова: мошенничество, уголовное законодательство, англо-саксонская система, сравнительно-правовая характеристика, дальнее зарубежье.

S.Ya. Boyko, Russian University of Cooperation; e-mail: mnn_nn@mail.ru

Fraudulent in criminal legislation of countries based on a Common Law tradition

The article considers comparative study of criminal standards on fraudulent in criminal laws of countries based on a Common Law tradition (Anglo-Saxon languages speaking countries), with focusing on similarities and differences in structure of the elements of the crime.

Key words: fraudulent, criminal legislation, common law legal system, comparative legal approach, non-CIS countries.

В системе уголовного законодательства стран дальнего зарубежья имущественные преступления, т.е. преступления, посягающие на собственность, занимают особое место. Соответственно, следует признать, что защита прав собственности является приоритетной. По мнению итальянского ученого Ф. Сгуббио, собственность «выступает как существенное юридическое условие функционирования отношений производства и процессов накопления» [1, р. 48].

Посягательства на собственность рассматриваются как подрыв основ современного государства, а защита от преступных посягательств – как одна из важнейших его функций.

Отметим, что имущественные преступления обладают рядом общих признаков с такими традиционными преступлениями, как мошенничество. Неслучайно многие зарубежные уголовные кодексы выделяют в системе имущественных преступлений деяния, сходные с мошенничеством. Поэтому представляется полезным и оправданным в рамках проводимого исследования обратиться к сравнительно-правовой характеристике мошенничества в странах дальнего зарубежья, а именно в странах англо-саксонской системы [2, с. 122–126; 3, с. 66–69; 4, с. 358–389].

Англия. В действующем английском законодательстве предусматривается ответственность за семь видов посягательств на собственность, связанных с обманными действиями, т.е. мошенничеством. Отметим, что в основу мошенничества положен имущественный обман, искажение истины (*stellio natus*).

Состав мошенничества в английском законодательстве был введен в 1757 г. и выражался приобретением материальных ценностей (вещей, денег) путем введения в заблуждение относительно фактов. Затем данные положения законодатель распространил на сходные деяния, такие как получает обманным путем кредит или побуждает к капиталовложению; путем искажения фактов или сокрытия подлинных фактов побуждают составление и подписание документов [5]; корыстное использование суеверных представлений [6].

Продолжая совершенствовать уголовно-правовые запреты, Комиссия по пересмотру уголовного законодательства пришла к выводу, что принятые в различное время многочисленные нормы общего права, предусматривающие ответственность за преступления против собственности, имеют существенные изъяны, противоречат друг другу. Исходя из этого, она подготовила ряд важных актов, которые впоследствии стали законами, регулирующими ответственность за большинство посягательств против собственности. Среди них особое место занимает Закон о краже 1968 г. [7]. В указанном Законе предусматривается ответственность за мошеннические действия.

Английский законодатель существенным образом изменил конструкции преступлений, связанных с мошенничеством, предусмотрел ответственность за различные виды посягательства на собственность, связанные с обманными действиями. Изменения затронули не только конструкции диспозиции, но и санкции: увеличились размеры наказания за совершенные пре-

ступления. В частности, за деяния, связанные с обманными действиями, предусматривалось наказание до 10 лет лишения свободы.

В законе 1968 г. определялся основной вид преступления: получение имущества путем введения в заблуждение, т.е. лицо путем незаконного введения в заблуждение бесчестно присваивает имущество, принадлежащее другому лицу, с намерением навсегда лишиться его этого имущества. Для привлечения к уголовной ответственности не имеет значения, получает имущество виновный на себя или для других лиц, совершает ли он деяние умышленно или неосторожно, вводит в заблуждение словами или определенными действиями, обманывает ли в отношении фактических обстоятельств или юридической стороны дела.

В качестве самостоятельных преступных деяний закрепляются различные виды мошенничества: получение денежной выгоды путем введения в заблуждение (уменьшает сумму страхового взноса, избавляется от уплаты долга, получает повышенную заработную плату и т.п.); получение бесплатных услуг путем обмана, путем введения в заблуждение уклоняется от ответственности (убеждает кредитора продлить срок оплаты платежа или вообще отказаться от него); уклонение путем обманной оплаты оказанных услуг (не оплачивает использованный транспорт, обслуживание в ресторане и т.п.). Приведенный перечень преступных деяний не является исчерпывающим. Обманные действия включены и в другие законы, регулирующие деятельность банков, корпораций, страховых обществ, компаний и т.д. [8, с. 42–43].

Следует отметить, что согласно ст. 18 Закона 1968 г., если присвоение чужой собственности совершается путем мошенничества и обманных действий с явного или молчаливого согласия директора компании, менеджера, секретаря или другого должностного лица компании, предполагается, что они, как и сама компания, несут уголовную ответственность в зависимости от тяжести содеянного.

Широкое внедрение вычислительной техники и Интернета способствовало росту преступлений с применением компьютеров. Использование компьютерного обмана, бесчестное манипулирование программным обеспечением облегчает доступ к информационным системам, регулирующим движение финансовых средств, в результате чего причиняется значительный ущерб государству. В официальном отчете казначейства Великобритании 2002 г. отмечалось, что в результате компьютерного обмана государству причинен ущерб на сумму 210 тыс. фунтов стерлингов. Как установлено, виновные ввели в компьютерную сеть ложные данные, позволившие получить от государства незаконно социальные выплаты [8, с. 49].

Определенными особенностями обладает закон о мошенничестве (The Fraud 2006), объединивший все виды мошеннических обманов, независимо от сферы их свершения и субъектов, их совершивших. Мошенничество в различных его проявлениях, по мнению Министерства внутренних дел Великобритании, не относится к посягательству на собственность. Примером может служить раздел «Мошенничество и подделка документов», в который включен большой перечень видов мошенничества, структурированных в следующие подгруппы: мошенничество, совершенное директорами компаний (составление ложных отчетов, искажение истинных результатов деятельности и т.д.); преступления в сфере банкротства; подделка или использование подложных рецептов на лекарства; подделка документов [9, р. 51].

Ввиду повышенной опасности преступлений мошеннического характера принят Закон, определяющий процедуру расследований экономических преступлений [10], и образованы специальные подразделения по борьбе с серьезными мошенничествами (Serious Fraud Office), в компетенцию которых входит расследование наиболее сложных, многоэпизодных уголовных дел в сфере коммерческой деятельности [11, р. 1–5].

Законодатель к таким деяниям отнес обман, преступления, связанные с отмыванием денежных средств, составление ложных отчетов [11, р. 29], правонарушения в сфере инвестирования, посягательства на интересы кредиторов компаний, банковских и иных финансовых институтов, центрального и местного правительства, манипуляций на финансовых рынках.

Указанное законодательное положение о преступлениях мошеннического характера нашло свое отражение в статистической отчетности Министерства внутренних дел Великобритании [9, р. 49–55].

Соединенные Штаты Америки. Уголовное законодательство США в отличие от уголовного законодательства европейских стран не имеет единой кодифицированной системы. Федеральное уголовное законодательство в общепринятом понимании отсутствует: основными источниками уголовного законодательства Штатов служат Конституция США, конституции Штатов, акты Конгресса, многочисленные уголовные законы, подзаконные нормативные акты, нормы международного права, право индийских племен.

Его характерной особенностью является полисемичность, многовариантность, наличие большого количества архаичных, казуистических уголовно-правовых положений. Неслучайно американские ученые в своих трактатах подвергли его уничижительной критике. Так, по мнению Шварца и Брауна, уголовное законодательство не отличается единством и находит-

ся в «хаотичном состоянии» [12, с. 110], по заключению Зиглера, оно является «фактически непригодно для использования и, несомненно, несправедливым» [12, с. 110].

Предпринимаемые попытки реформирования уголовного законодательства путем разработки Примерного УК не принесли желаемого результата, так как не все Штаты восприняли его рекомендации. В Примерном УК в разд. 223 сгруппированы противоправные деяния, связанные с хищениями и близкими к нему посягательствами. В указанном правовом акте мошенничество в общем виде понимается как приобретение права на имущество посредством осознания ложного представления имевших или имеющих место материальных фактов с намерением обмануть потерпевшего. Они включают описание разнообразных мошеннических действий, в частности предусматривают хищение путем обмана, заключающегося в том, что виновный обманывает кого-либо, получает имущество, принадлежащее другому физическому или юридическому лицу [13]. Поэтому неслучайно признаки мошенничества в уголовном законодательстве Штатов содержатся более чем в 130 статьях, находящихся в различных структурных образованиях.

Так, в УК Штата Нью-Йорк выделяют посягательства, включающие в себя различные виды краж, компьютерных преступлений, мошенничества, связанные с социальным обеспечением, ограблением, другие преступления, связанные с хищением, посягательства, включающие обман (подлог, фальсификация документов, страховое мошенничество и другие преступления). Характерной особенностью посягательств, совершенных путем кражи, присвоения (растраты), получения имущества под ложным предлогом, является то, что они могут быть совершены путем обмана. Понятие «обманная практика» охватывает многие виды мошеннических действий. Так, УК Штата Пенсильвания включает в себя: выдачу недействительного чека или неправомерное использование кредитной карточки, обманные приемы коммерческой деятельности, обман, касающийся кошерной пищи, сертификации малого или женского бизнеса, жульничество на публичных состязаниях, обман кредиторов по обеспеченному долгу, обман в случае неплатежеспособности, прием депозитов в неплатежеспособное финансовое учреждение, обеспечение использования документа путем обмана и др. [8, с. 157–158]. Согласно § 4106 УК Штата Пенсильвания лицо совершает посягательство, если использует кредитную карточку с целью получения имущества или услуг, зная, что: карточка похищена или подделана; карточка принадлежит другому лицу, которое не разрешало пользоваться ею; карточка ото-

звана или аннулирована; по какой-либо причине его пользование карточкой не разрешено лицом, выдавшим ее, и лицом, которому она выдана. Указанные совершенные деяния, если они превышают стоимость имущества или услуг, наказываются в виде лишения свободы на срок до 7 лет (фелония 3 степени). В свою очередь в УК Штата Техас ответственность за неправомерное использование кредитной карточки (ст. 32.31) наступает вне зависимости от стоимости имущества или услуг и наказывается лишением свободы до 2 лет.

О противоречивости в установлении ответственности за мошеннические действия, совершенные путем обмана, свидетельствуют положения Примерного УК, который предлагает выдачу недействительного чека квалифицировать как мисдиминор (мисдиминор, согласно Примерному УК, – это деяние, наказуемое лишением свободы на срок до 1 года), и положения уголовных кодексов большинства Штатов, рассматривающих аналогичные деяния как фелонии. Так, согласно УК Штата Огайо, если чек выдан на сумму от 300 до 500 долл. или лицо ранее было судимо за какое-либо хищение, выдачу необеспеченного чека, его признают виновным в совершении фелонии 4 степени (лишение свободы от 1,5 до 5 лет). В случае выдачи необеспеченного чека на сумму более 5000 долл. лицо наказывается на срок от 2 до 10 лет (фелония 3 степени).

В Соединенных Штатах Америки расследованием экономических преступлений, в том числе и связанных с мошенничеством, занимается Федеральное бюро расследований. Особое внимание в процессе деятельности уделяется предупреждению и пресечению мошеннических деяний, совершаемых против национальных и международных финансовых инструментов. К их числу следует отнести: корпоративные мошенничества, обман или получение незаконного преимущества в сфере обращения ценных бумаг, страхование, ипотечные мошенничества, отмывание преступных доходов, нарушение законодательства о банкротстве, в банковской сфере, получение незаконных преимуществ в сфере бизнеса, инсайдерскую деятельность [14, с. 123].

К корпоративным мошенничествам относятся также налоговые деликты, подделка финансовой документации, воспрепятствование осуществлению правосудия, сокрытие любого из указанных видов преступного поведения и препятствие представлению данных по запросам Комиссии по ценным бумагам США (SEC), других контролирующих и правоохранительных органов.

Деятельность ФБР заключается также в расследовании крупных мошенничеств, совершенных в отношении отдельных лиц, организаций

и отраслей, превышающих 1 млрд долларов. Мошеннические деяния транснационального характера или совершаемые на территории нескольких штатов находятся в юрисдикции Департамента расследования финансовых преступлений (FCS) [14, с. 123].

Проведенное исследование ответственности за мошенничество в странах англо-саксонской системы (Англия, США) показало, что в них: во-первых, отсутствует единая кодифицированная система уголовного законодательства; во-вторых, сформулированные специальные

составы об ответственности за мошенничество не отличаются совершенством, избылуют юридико-техническими изъятиями, затрудняющими правоприменительную практику; в-третьих, конструкции преступлений, предусматривающих ответственность за мошенничество, связаны с обманными действиями; в-четвертых, сложным, дискуссионным для науки и трудно решаемым для правоприменителя вопросом является разграничение конкурирующих и смежных уголовно-правовых предписаний о запрете разных видов мошенничества.

1. Sgubbio F. *Uno studio sulla tutela penale del patrimonio*. Malano, 1980.

2. Кузнецов А.П. Уголовно-правовые принципы в странах ближнего зарубежья // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2016. № 1(33).

3. Кузнецов А.П. Сравнительное правоведение: компаративистское исследование принципов уголовного законодательства // Проблемы в рос. законодательстве. 2016. № 1.

4. Кузнецов А.П. Часть II. Раздел II: Принципы уголовного права: сравнительно-правовой анализ // Уголовное право. Общая часть. Преступление: акад. курс: в 10 т. Т. II: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.

5. Larcen Act, art. 32,33 Debtors Act, 1869, art. 13 (I). Prevention of Frand (investments) Act, 1939, art. 12.

6. R.v. Maria Giles, 1865. 10 C.C.C.R. 44 (решение по конкретному делу).

7. Theft Act 1968.

8. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учеб. пособие / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М., 2004.

9. Criminal statistics England and Wales 2001. Statistics relating to Criminal Proceedings for the year 2001 – TSO. London, 2002.

10. Criminal justice Act 1987.

11. SFO Annual Report 2001–2011. Letter to the Attormeg Geniral.

12. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2001.

13. Примерный УК США. М., 1969.

14. Чупрова А.Ю. Содержание понятия «экономическая преступность» в российском и зарубежном законодательстве // Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применение его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 1 марта 2012 г. / под. ред. П.Н. Панченко, А.В. Козлова. Н. Новгород, 2012.

1. Sgubbio F. *Uno studio sulla tutela penale del patrimonio*. Malano, 1980.

2. Kuznetsov A.P. *Criminal legal principles in neighboring countries // Jurisprudence and practice: Bull. of Nizhny Novgorod academy of Russian MIA*. 2016. № 1(33).

3. Kuznetsov A.P. *Comparative jurisprudence: a comparative research of the principles of the criminal legislation // Gaps in Russian legislation*. 2016. № 1.

4. Kuznetsov A.P. Part II. Section II: Principles of criminal law: comparative and legal analysis // Criminal law. General part. Crime: academic course: in 10 vol. Vol. II: System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law / ed. by N.A. Lopashenko. Moscow, 2016.

5. Larcen Act, art. 32,33 Debtors Act, 1869, art. 13 (I). Prevention of Frand (investments) Act, 1939, art. 12.

6. R.v. Maria Giles, 1865. 10 C.C.C.R. 44 (decision on concrete case).

7. Theft Act 1968.

8. Criminal law of the foreign states. Special part: study aid / ed. and forew. by I.D. Kozochkin. Moscow, 2004.

9. Criminal statistics England and Wales 2001. Statistics relating to Criminal Proceedings for the year 2001 – TSO. London, 2002.

10. Criminal justice Act 1987.

11. SFO Annual Report 2001–2011. Letter to the Attormeg Geniral.

12. Criminal law of foreign countries. General part / ed. by I.D. Kozochkin. Moscow, 2001.

13. Approximate UK of the USA. Moscow, 1969.

14. Chuprova A.Yu. The maintenance of the concept «economic crime» of the Russian and foreign legislation // Criminal legislation in the XXI century: the current state, problems of a treatment and application of it provisions taking into account problems of further strengthening of economic law and order: proc. of the Intern. sci.-practical conf., Nizhny Novgorod, on March 1, 2012 / ed. by P.N. Panchenko, A.V. Kozlov. Nizhny Novgorod, 2012.

Григорян Гарик РафиковичСамарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева
(e-mail: garik00063@yandex.ru)

Юридическая характеристика объекта мошенничества в сфере компьютерной информации

В статье проводится юридико-технический анализ такого элемента основного состава мошенничества в сфере компьютерной информации, как объект. При этом обращается внимание на двухобъектный характер анализируемого посягательства. Исследуются признаки предмета мошенничества в сфере компьютерной информации и потерпевшего от указанного преступления. Делается вывод о самостоятельной социально-правовой природе мошенничества в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, преступления против собственности, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, преступления в сфере компьютерной информации.

G.R. Grigoryan, Samara National Research University named after Academician S.P. Koroley;
e-mail: garik00063@yandex.ru

The legal characteristic of the object of fraud in the sphere of computer information

The article is devoted to the legal and technical analysis of such an element of the basic structure of fraud in the sphere of computer information as an object. Attention is drawn to the two-object nature of the analyzed assault. The signs of fraud in the sphere of computer information and the victim of the specified crime are investigated. A conclusion about the independent social and legal nature of fraud in the sphere of computer information is made.

Key words: economic crimes, crimes against property, fraud, computer information fraud, crimes in the sphere of computer information.

Уголовная ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации установлена ст. 159.6 УК РФ. Данная статья введена в действующее уголовное законодательство России Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в целях противодействия угрозам экономической безопасности и имущественной стабильности граждан, организаций, государства путем посягательства на собственность с мошенническим использованием компьютерной информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей.

Заметим, что отдельные исследователи более десяти лет назад предлагали дополнить УК РФ новой нормой об ответственности за «компьютерное мошенничество»: «незаконное безвозмездное получение имущественной выгоды в значительном размере путем использования ЭВМ, системы ЭФМ или их сети» [1, с. 11–12; 2, с. 281].

В научных исследованиях по рассматриваемой тематике, помимо понятия «компьютерное

мошенничество», встречаются такие категории, как «кибермошенничество» и «мошенничество в сети Интернет». В настоящее время содержание данной терминологии в действующем законодательстве России не раскрывается, указанные категории носят, скорее, криминологический характер. «Кибермошенничество», «компьютерное мошенничество» и «мошенничество в сети Интернет» являются синонимами и указывают на случаи завладения чужим имуществом (главным образом, электронными деньгами) путем использования средств компьютерной техники в сети Интернет.

Родовым объектом мошенничества в сфере компьютерной информации являются общественные отношения в сфере экономики. Так, одним из современных видов экономических преступлений выступает банкинг – имущественный обман через Интернет. С этим посягательством связаны почти все убытки от несанкционированного снятия денежных средств, о чем свидетельствуют данные «Альфа-Страхования». Последние сформированы

на основе статистики обращений по страховым случаям с банковскими картами, произошедшим с клиентами компании. По оценкам экспертов, с июля 2015 г. по июнь 2016 г. количество несанкционированных снятий денежных средств со счетов держателей банковских карт через интернет-банкинг увеличилось в 5,5 раза. На банковский «фрод» с использованием сети интернет-банкинга приходится 93% от убытков, связанных с несанкционированным снятием [3].

Видовым объектом мошенничества в сфере компьютерной информации следует считать отношения собственности. В уголовном праве России собственности присущи экономико-правовое (комплексное) понимание и весьма широкая трактовка по сравнению с положениями ГК РФ. В уголовно-правовом смысле указанной категорией охватываются вещные и обязательственные отношения, а также иные имущественные отношения. Для мошенничества характерен объект в виде совершенных форм собственности – акционерной, банковской, корпоративной.

Основным непосредственным объектом мошенничества в сфере компьютерной информации являются конкретные имущественные отношения.

Как представляется, мошенничество в сфере компьютерной информации относится к числу многообъектных деликтов, где в роли дополнительного объекта выступает, прежде всего, общественная безопасность. В настоящее время законодатель не определяет понятия общественной безопасности. Очевидно, что данное понятие является составной частью таких более общих категорий, как «безопасность» и «национальная безопасность».

Говоря об определении понятия безопасности, обратимся к положениям Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390 «О безопасности». В ст. 1 этого источника, в частности, установлено, что данный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Согласно ст. 4 указанного закона государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объ-

единенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

Легальное определение понятия «национальная безопасность» дается в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. В соответствии с п. 6 названного документа национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Из вышеизложенного видно, что общественная безопасность – одна из составляющих безопасности (национальной безопасности), выраженная в состоянии защищенности личности, общества и государства преимущественно от внутренних угроз общепопасного характера.

Принимая во внимание структуру построения Особенной части УК РФ, заметим, что одной из разновидностей общественной безопасности является безопасность в сфере компьютерной информации.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» дается определение понятия «информация». В соответствии со ст. 2 этого источника информация есть сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. В свою очередь, согласно примечанию к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Говоря о компьютерной информации, не следует забывать, что не только личные данные носят информационный характер, но и программное обеспечение, онлайн игры, пере-

писки, сообщения и пр. Одна из особенностей компьютерной информации – связь с носителем. Данное свойство означает, что компьютерная информация неотделима от носителя. Компьютерная информация существует в двух формах: а) программное обеспечение соответствующего устройства, являющееся его неотъемлемой частью, продолжением технического свойства этого устройства; б) собственно информация в том смысле, который придает ей примечание к ст. 272 УК РФ. Виртуальность – еще одно свойство компьютерной информации. Это свойство означает, что только благодаря специальным устройствам, как обеспечивающим доступ к такой информации, так и позволяющим производить различные операции с такой информацией (копирование, изменение, распространение), она становится доступной для восприятия. Наконец, укажем на трансграничность как еще один важный признак компьютерной информации, который свидетельствует о том, что компьютерная информация может без особых усилий перемещаться из одного устройства в другое, от одного пользователя к другому [4, с. 31].

Согласно уголовному закону предметом мошенничества в сфере компьютерной информации является чужое имущество и право на него.

Под имуществом применительно к анализируемой статье УК РФ следует понимать такие объекты гражданских прав, как вещи или совокупность вещей, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги.

В соответствии со ст. 140 и 861 ГК РФ платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов. В настоящее время такое имущество, как деньги, можно конвертировать в электронный формат, покупать «баллы» в различных социальных сетях или «биткоинты» с тем, чтобы расплачиваться за покупаемые товары и получаемые услуги. К безналичной форме приравнены электронные кошельки. Основы правового статуса и правил использования электронных денег закреплены в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», а конкретизированы в нормативных документах Банка России. В этой связи обратимся к памятке «Об электронных денежных средствах», утвержденной информационным письмом Банка России от 11 марта 2016 г. № ИН-017-45/12. В соответствии с п. 1.2 указанного письма электронные

денежные средства (ЭДС) – это безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте, учитываемые кредитными организациями без открытия банковского счета и переводимые с использованием электронных средств платежа.

Под правом на имущество согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 УК РФ)» понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества.

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» мошенничество квалифицируется как безвозмездное обращение лицом в свою пользу или в пользу других лиц денежных средств, находящихся на счетах в банках, совершенное с корыстной целью путем обмана или злоупотребления доверием. Исходя из этого, с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению.

В случаях, когда указанные деяния сопряжены с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений либо с созданием заведомо вредоносных программ для электронно-вычислительных машин, внесением изменений в существующие программы, использованием или распространением вредоносных программ для ЭВМ, содеянное подлежит квалификации по ст. 159 УК РФ, а также, в зависимости от обстоятельств дела, по ст. 272 или ст. 273 УК, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошло уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Потерпевший от преступления – понятие прежде всего уголовно-правовое, хотя его определение дается в уголовно-процессуальном законодательстве. В ст. 42 УПК РФ потерпевший определяется как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения

преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, является физическое или юридическое лицо (пользователь), использующее ЭВМ, систему ЭВМ или их сеть.

В заключение заметим, что противоправные уловки корыстного характера с использованием ЭВМ, системы ЭВМ или их сети могут рассматриваться как преступные деяния даже при отсутствии обмана или злоупотребления дове-

рием в качестве их обязательных признаков. В самом деле, использование электронной техники и информационных технологий оттесняет на второй план такие традиционные способы имущественных преступлений, как «тайность», «открытость», «обман», «злоупотребление доверием». В свете сказанного преступление, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», представляет собой самостоятельный вид имущественного посягательства [5, с. 13–14].

1. Безверхов А.Г. Развитие понятия мошенничества в отечественном праве // Уголовное право. 2001. № 4. С. 9–12.

2. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002.

3. Мошенничество через интернет-банкинг в России выросло пятикратно. URL: <http://www.dailycomm.ru/m/36525/> (дата обращения: 28.02.2017.)

4. Ефремова М.А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. М., 2015.

5. Безверхов А.Г. Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. С. 8–14.

1. Bezverkhov A.G. Development of the concept of fraud in the domestic law // Criminal law. 2001. № 4. P. 9–12.

2. Bezverkhov A.G. Property crimes. Samara, 2002.

3. Fraud through Internet banking in Russia has grown fivefold. URL: <http://www.dailycomm.ru/m/36525/> (date of access: 28.02.2017.)

4. Efremova M.A. Criminal liability for crimes committed with using information and telecommunication technologies. Moscow, 2015.

5. Bezverkhov A.G. Fraud and its types: issues of legislative regulation and qualification // Criminal law. 2015. № 5. P. 8–14.

Дзюба Анна Александровна
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79284876205)

Специальные условия освобождения от уголовной ответственности за организацию и участие в деятельности террористической организации и незаконного вооруженного формирования: проблемы систематизации уголовно-правового регулирования и квалификации

В статье анализируются проблемы систематизации уголовно-правового регулирования и квалификации специальных видов деятельного раскаяния как оснований освобождения от уголовной ответственности за организацию и участие в деятельности террористической организации и незаконного вооруженного формирования (ст. 205.5, 208 УК РФ).

Ключевые слова: терроризм, террористическая организация, незаконное вооруженное формирование, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, компромиссно-поощрительные меры борьбы с преступностью, совершение преступления впервые.

A.A. Dzyuba, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79284876205.

Special conditions for exemption from criminal liability for organizing and participating in the activities of a terrorist organization and an illegal armed formation: the problems of systematization of criminal law regulation and qualifications

In the article the author analyzes the problems of systematization of legal regulation and qualification of special types of active repentance as the grounds of exemption from criminal liability for organizing and participating in the activities of terrorist organizations and illegal armed formations (art. 205.5, 208 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Key words: terrorism, terrorist organization, illegal armed formation, exemption from criminal liability, active repentance, compromise stimulus measures in the fight against crime, crime for the first time.

Для осуществления задачи борьбы с терроризмом как частного случая обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и предупреждения преступлений законодатель в ч. 2 ст. 2 УК РФ устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений [1]. К числу иных мер уголовно-правового характера, помимо прочих, следует отнести компромиссно-поощрительные меры борьбы с терроризмом, которые представляют собой специальные виды освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, регламентированные в при-

мечаниях к семи статьям Особенной части УК РФ: ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208 УК РФ. Такие меры борьбы с особо тяжкими преступлениями террористического характера играют весьма значительную роль в процессе осуществления задач УК РФ, поскольку направлены на предотвращение наступления или снижение тяжести уже наступивших общественно опасных последствий терроризма.

Необходимо отметить, что, несмотря на, казалось бы, традиционные основы регламентации уголовно-правовых оснований и порядка применения таких компромиссно-поощрительных мер борьбы с терроризмом, в настоящее время приходится констатировать, что некоторые из них не укладываются в общепризнанный алгоритм, противоречат положениям общих норм об основаниях уголовной

ответственности, о множественности преступлений и другим нормам Общей части УК РФ. Это порождает несогласованность положений уголовного законодательства, что, в свою очередь, исключает возможность достижения системного эффекта в борьбе с терроризмом. В связи с этим для достижения максимального результата в борьбе с терроризмом, а также обеспечения ясности, логичности и последовательности положений отечественного уголовного законодательства рассматриваемые нормы УК РФ о специальных видах освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений террористического характера следует привести в соответствие положениям Общей и Особенной частей УК РФ.

Первое, на что следует обратить внимание в процессе анализа системы специальных условий освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений террористического характера, это влияние фактора множественности таких преступлений на возможность применения к виновному рассматриваемых компромиссно-поощрительных норм.

Исходя из общего правила, изложенного в ч. 2 ст. 75 УК РФ, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, при совершении преступлений, отличных от категории впервые совершенных преступлений небольшой или средней тяжести, «лицо освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Анализ соответствующих положений Особенной части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за терроризм позволил выявить особенности отдельных компромиссно-поощрительных норм, исключающих их применение в случае квалификации факта множественности соответствующих преступлений террористического характера.

Так, в частности, в соответствии с положениями примечания к ст. 205.5 УК РФ «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Аналогичным образом сконструированы положения примечания к ст. 208 УК РФ, в соответствии с которым «Лицо, впервые совершившее

преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Необходимо отметить, что примечания к иным нормам УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за не менее опасные преступления террористического характера не предусматривают каких-либо ограничений их применения в зависимости от факта множественности террористической деятельности виновного (примечания к ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 206 УК РФ). Не содержат подобного ограничения и абсолютное большинство соответствующих примечаний к иным нормам Особенной части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Кроме того, термин «впервые» в качестве ограничения применения специальных условий освобождения от уголовной ответственности за организацию деятельности террористической организации или незаконного вооруженного формирования или за участие в их деятельности отсутствовал в первоначальных редакциях примечаний к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ и был включен в них только с принятием Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ [2].

Необходимо отметить, что ни в законопроекте, ни в самом законе, ни в действующих редакциях рассматриваемых примечаний не содержится легального определения термина «впервые», в связи с чем представляется, что его толкование должно соответствовать общепризнанному алгоритму квалификации множественности преступлений и, соответственно, случаев совершения преступления впервые. Так, в соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «впервые совершившим преступление следует считать лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности; г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на

момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности» [3].

Таким образом, с уголовно-правовой точки зрения, лицом, впервые совершившим преступление, признается не только лицо, фактически впервые совершившее преступление, но и лицо, ранее фактически совершившее преступление, при отсутствии уголовно-правовых последствий его совершения. Следовательно, о совершении лицом ранее преступления террористического характера можно вести речь только в период действия судимости за совершение рассматриваемых преступлений.

С учетом вышеизложенного лицами, впервые совершившими организацию деятельности террористической организации или незаконного вооруженного формирования или участие в их деятельности, предусмотренные ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ, должны признаваться не только лица, фактически впервые совершившие данные преступления, но и лица, которые либо ранее совершили данные преступления, но еще не были осуждены, либо лица, которые были осуждены, но в отношении которых либо еще не наступили (приговор не вступил в законную силу), либо уже завершились уголовно-правовые последствия совершения преступлений (судимость за преступление снята или погашена), либо такие правовые последствия, по сути, завершились, «практически не начавшись» (когда лицо на законных основаниях было освобождено от уголовной ответственности или наказания, что исключает судимость).

Таким образом, ограничительные изменения и дополнения ст. 205.5, 208 УК РФ в части возможности применения специального основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только в отношении лиц, впервые совершивших рассматриваемые преступления, распространяются только лишь на лиц, по сути, имеющих за них судимость, и не распространяются на иные категории лиц, включая тех, которые ранее фактически организовывали либо участвовали в деятельности террористической организации или незаконного вооруженного формирования, а также иных преступлений как общеуголовного, так и террористического характера.

Вышеобозначенные выводы и рекомендации верховного правоприменителя по квалификации признака «впервые совершенного преступления» вполне согласуются с положениями Общей части УК РФ и конституционным принципом презумпции невиновности. Так, в

соответствии с положениями ч. 1 ст. 49 Конституции РФ «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [4].

Кроме того, в соответствии со ст. 86 УК РФ «Судимость» «1. Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость в соответствии с настоящим Кодексом учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами. 2. Лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. <...> 6. Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью».

Следовательно, для юридически значимого признания факта повторного совершения лицом рассматриваемых преступлений террористического характера, с уголовно-правовой точки зрения, необходимо установить, что, во-первых, в отношении данного лица имеется уже вступивший в законную силу обвинительный приговор суда за совершение обозначенных преступлений; во-вторых, судимость за них еще не погашена или не снята; в-третьих, это лицо не освобождено от наказания. Только при совокупности названных условий лицо не может быть признано «впервые совершившим преступление»; во всех остальных случаях лицо признается совершившим преступление впервые.

Такой же подход к квалификации признака «совершение преступления впервые» поддерживается и в доктрине уголовного права и находит отражение в работах многих известных авторов.

Таким образом, ограничительные меры в виде «совершения преступления впервые», влекущие принципиальную недопустимость освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием виновного в организации деятельности или участия в террористической организации или незаконном вооруженном формировании на основании примечаний к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ, распространяются только на лиц, осужденных, отбывающих наказание или уже отбывших наказание за рассматриваемые преступления, но в

период действия судимости. К обозначенной категории лиц рассматриваемые компромиссно-поощрительные меры не могут быть применены, даже несмотря на наличие всей совокупности иных признаков деятельного раскаяния, включая действительную добровольность прекращения их участия в преступной деятельности террористической организации или незаконного вооруженного формирования.

С нашей точки зрения, обозначенный ограничительный подход в части регламентации компромиссно-поощрительных норм в борьбе с преступлениями террористического характера исключительно и только в отношении лиц, впервые их совершивших, не вполне логичен.

Представляется, что освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от продолжения участия в террористической организации или незаконном вооруженном формировании есть компромиссно-поощрительная норма. При этом А.В. Кайшев, характеризуя подобного рода нормы, а также основания и условия их применения, отмечает, что они представляют собой, с одной стороны, «средства удовлетворения государством своего интереса, выражающегося в достижении цели установления справедливости посредством отказа от своего права или исполнения своей обязанности наказывать лицо, совершающее или совершившее преступление при условии точного выполнения им требований закона». С другой стороны, это есть «средства удовлетворения государством своего интереса, выражающегося в достижении целей уголовного наказания посредством определения модели активного позитивного поведения лица, совершившего общественно опасное деяние, и его правовых последствий в виде исключения преступности деяния, освобождения от уголовной ответственности или наказания либо смягчения последнего» [5, с. 182].

При этом к критериям допустимости компромисса, а также к основаниям применения поощрения в уголовном праве А.В. Кайшев относит высокую «социальную значимость охраняемых уголовным законом интересов», а также «социально полезное поведение лица после совершения им общественно опасного деяния, делающее нецелесообразным привлечение его к уголовной ответственности, либо назначение наказания в полном объеме». Х.Д. Аликперов, обосновывая значимость компромиссно-поощрительных норм в уголовном праве, указывает на необходимость отказа от, по сути, законодательно обусловленного стремления к подавлению во что бы то ни ста-

ло виновного как инициатора конфликта. По его мнению, «именно учет интересов виновного и возможность разумного смягчения его участи в рамках и на основе закона в обмен на положительный посткриминальный поступок в ряде случаев обеспечивают оптимальные результаты, как с точки зрения их справедливости, так и с точки зрения обеспечения или восстановления целостности объектов правоохраны, компенсации причиненного вреда, экономии сил и средств правоохранительных органов» [6, с. 12]. При этом, по мнению Х.Д. Аликперова, «под нормами уголовного законодательства, допускающими компромисс, следует понимать нормы Общей и Особенной части уголовного закона, в которых лицу, совершившему преступление, гарантируется освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом поступков, определенных в законе».

Подобного рода выводы относительно оснований применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на основе положений Особенной части УК РФ получены многими другими авторами. При этом они не относят к числу обоснованно необходимых принципов уголовно-правовой регламентации и условиям применения компромиссно-поощрительных норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при совершении особо тяжких преступлений террористического характера наличие или отсутствие факта их множественности или же, напротив, совершения данных преступлений впервые.

С нашей точки зрения, при действительной значимости цели компромиссно-поощрительного взаимодействия с преступником и при нецелесообразности ее достижения уголовно-репрессивными или иными подобными, не связанными с компромиссом мерами вопрос о характеристике личности виновного как рецидивиста или лица, впервые совершившего преступление, не может и не должен иметь определяющего значения. Кроме того, отметим, что множественность совершения преступлений, равно как и совершение лицом преступления впервые, по большей части относится к характеристикам личности виновного, которые, с точки зрения отечественного уголовного законодательства, чаще всего учитываются не в процессе дифференциации ответственности, а в процессе индивидуализации наказания.

Значимость и необходимость использования в рассматриваемых примечаниях словосоче-

тания «совершение преступления впервые» требует обратить внимание на ряд особенностей построения аналогичных компромиссно-поощрительных примечаний к общим и специальным нормам Особенной части УК РФ, регламентирующих ответственность за преступления, существенно различающиеся по характеру и степени общественной опасности. Так, к примеру, примечание к ст. 126 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за похищение человека предусматривает в качестве условий правоприменения добровольное освобождение похищенного. В то же самое время состав незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ), как состав менее опасного преступления, сходного с похищением человека по отдельным объективным признакам, вообще не предусматривает компромиссных мер пресечения преступления.

С другой стороны, регламентированный ст. 206 УК РФ состав захвата заложника, как наиболее опасный вид незаконного лишения свободы, представляющий собой преступление террористического характера, предусматривает возможность освобождения виновного от уголовной ответственности не только в случае добровольного освобождения потерпевшего, но и в случае такого освобождения, осуществленного по требованию властей. Таким образом, приведенный пример характеризует достаточно устоявшийся алгоритм уголовно-правовой регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных мер: чем выше общественная опасность преступления, тем меньше правоограничений регламентируется законом для применения уголовно-правового компромисса в целях осуществления задач Уголовного кодекса.

Подобного рода ситуация наблюдается в процессе анализа положений ст. 210 УК РФ об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), а также содержания ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем». Анализ санкций основных составов рассматриваемых преступлений позволяет сделать вывод о (пусть и ненамного, но все же) большей общественной опасности террористического преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ по сравнению с общественной опасностью организации или участия в деятельности общеуголовных преступного сообщества или преступной организации, предусмотренных ст. 210 УК РФ. Вместе с тем, примечание к составу менее опасного преступления, предусмо-

тренного ст. 210 УК РФ, в качестве оснований освобождения от уголовной ответственности требует не только добровольного прекращения участия в преступном сообществе или организации и сообщения об их существовании (чего уже достаточно для применения примечания к антитеррористической ст. 205.4 УК РФ), но и активного способствования виновного раскрытию или пресечению этих преступлений. Этого, в свою очередь, не требуется для освобождения виновного от уголовной ответственности за организацию или участие в деятельности террористического сообщества. Таким образом, в приведенном примере также прослеживается взаимосвязь между высокой общественной опасностью преступления и более широкими возможностями применения компромиссно-поощрительных мер осуществления задач Уголовного кодекса по предупреждению преступлений террористического характера.

Представляется, что распространение рассматриваемых специальных условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только на виновных, впервые совершивших преступления террористического характера, предусмотренные ст. 205.5 и 208 УК РФ, недостаточно обосновано. Они не в полной мере согласуются с вышеприведенными положениями УК РФ, описывающими традиционно устоявшийся алгоритм регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных норм в процессе пресечения особо тяжких преступлений террористического характера. При этом следует отметить, что положения Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, в соответствии с которыми в примечания к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ были внесены ограничивающие их применение признаки «совершение данных преступлений впервые», не были аргументированы в пояснительной записке к законопроекту [7]. Они не нашли ни положительных, ни отрицательных отзывов в сопроводительных документах к законопроекту: ни в официальных отзывах со стороны Верховного Суда РФ [8] и Правительства РФ [9], ни в заключении Комитета по безопасности и противодействию коррупции (решение № 174/6) [10] и не прошли должного обсуждения в процессе законотворческой деятельности по их принятию.

Принимая во внимание вышеизложенное, предлагаем исключить из текстов примечаний к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ слова «впервые». Это позволит расширить действие обозначенных компромиссно-поощрительных норм до традиционных границ. Такие изменения, в

свою очередь, будут способствовать обеспечению максимальной степени реализации задач уголовного закона посредством применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием после совершения особо тяжких преступлений террористического характера. Кроме того, такие изменения будут способ-

ствовать систематизации уголовно-правовой регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных мер в борьбе с терроризмом. В свою очередь, обозначенная систематизация положений уголовного закона будет способствовать повышению степени его ясности, а также логичной последовательности и обоснованности его положений.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 7 марта 2017 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2017).

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2017).

3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29 нояб. 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2017).

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2017).

5. Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

6. Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.

7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”». URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2017).

1. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on March 7, 2017). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 06.02.2017).

2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and public security: fed. law d.d. July 6, 2016 № 375-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 14.02.2017).

3. On application by courts of the legislation regulating the grounds and procedure of exemption from criminal responsibility: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 27, 2013 № 19 (as amended on Nov. 29, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 14.02.2017).

4. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (as amended by Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation d.d. Dec. 30, 2008 № 6-FCL, d.d. Dec. 30, 2008 № 7-FCL, d.d. Febr. 5, 2014 № 2-FCL, d.d. July 21, 2014 № 11-FCL). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 14.02.2017).

5. Kayshev A.V. Criminal law value of the trade-offs and incentives: diss. ... Candidate of Law. Izhevsk, 2005.

6. Alikperov Kh.D. The problem of the permissibility of compromise in the fight against crime: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 1992.

7. Explanatory note «To the draft Federal law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and public security”». URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (date of access: 17.02.2017).

8. The official opinion of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Febr. 3, 2016 № 3-VS-701/16 «On the draft Federal law № 1039101-6 “On amendments to the Criminal

8. *Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 3 февр. 2016 г. № 3-ВС-701/16 «На проект федерального закона № 1039101-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”».* Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2017).

9. *Официальный отзыв Правительства РФ от 16 марта 2016 г. № 1681п-П4 «На проект федерального закона № 1039101-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”».* Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2017).

10. *Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10 мая 2016 г. № 174/6 «О проекте федерального закона № 1039101-6 “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”».* Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2017).

Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and public security”». Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.02.2017).

9. *The official opinion of the Government of the Russian Federation d.d. March 16, 2016 № 1681п-П4 «On the draft Federal law № 1039101-6 “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and public security”».* Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 17.02.2017).

10. *The decision of the Committee on Security and Combating corruption d.d. May 10, 2016 № 174/6 «On the draft Federal law № 1039101-6 “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and public security”».* Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 18.02.2017).

Киршина Елена Анатольевна
Нижегородская академия МВД России
(e-mail: kirshina-91@mail.ru)

Дефиниция «должностное лицо» в уголовном законодательстве стран Евразийского экономического союза

В статье автор рассматривает законодательное определение понятия «должностное лицо» в уголовных кодексах государств – членов ЕАЭС, исследует их достоинства и недостатки. Обращает внимание на юридико-технические изъяны в конструировании понятия «должностное лицо».

Ключевые слова: должностное лицо, государства – члены ЕАЭС, Уголовный кодекс, уголовное законодательство.

E.A. Kirshina, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kirshina-91@mail.ru

Definition of «official» in the criminal legislation of the countries of the Eurasian Economic Union

The author considers the legal definition of «officer» in the Criminal Codes of states – EAEC members, explores their advantages and disadvantages, expressing their own point of view. In addition, the author draws attention to the legal and technical flaws in the design of the concept of «official».

Key words: official, state – members of the EAEC, Criminal Code, criminal legislation.

Образование на постсоветском пространстве самостоятельных государств в число приоритетных задач выдвинуло интеграционное взаимодействие между ними. Поэтому неслучайно в 2000 г. в Астане был подписан и вступил в силу 30 мая 2001 г. после его ратификации всеми государствами-членами Договор об учреждении ЕАЭС (Евразийское экономическое сообщество) [1]. В настоящее время в данное сообщество вошли: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Российская Федерация, Республика Армения. Основными целями международного сотрудничества государств – членов ЕАЭС являются:

содействие развитию партнерства на международной арене для формирования более справедливой системы мировой торговли, основанной на строгом соблюдении норм международного права, равенстве и взаимном учете интересов;

укрепление региональной стабильности и обеспечение экономической безопасности государств – членов ЕАЭС при достижении максимального экономического эффекта от участия в международном разделении труда и др.

Кроме первостепенных целей экономического характера, данное сообщество предусматривает также и локализацию преступных проявлений в области экономики. Последние получили широкое распространение и приобрели трансграничный характер, они подрывают основы государственных институтов стран сообщества, тормозят развитие рыночных отношений, дестабилизируют правовой порядок.

В этих условиях требуется объединение усилий всех государств, правоохранительных органов, членов гражданского общества. Особое внимание должно быть уделено гармонизации правовых систем, в том числе и уголовного законодательства. В системе экономических преступлений особую опасность представляют коррупционные преступления. Объясняется это тем, что субъектами преступлений коррупционной направленности преимущественно становятся должностные лица [2; 3]. Однако, как показало исследование уголовно-правовых институтов стран ЕАЭС, понятие «должностное лицо» оказалось не унифицированным, что отрицательно сказывается на противодействии коррупционным преступлениям. Подтверждением этому является сформулированная в уголовных кодексах стран ЕАЭС дефиниция «должностное лицо». Сравнительное правоведение занимает особое место в содержании науки, в том числе уголовно-правовой, поэтому представляется оправданным провести сравнительное исследование уголовно-правовых положений в уголовном законодательстве. Такой подход позволит выявить ценность правовых решений, лучше узнать их специфические черты и особенности [4].

Российский законодатель в гл. 30 УК РФ 1996 г. «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» в примеч. 1 к ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» указывает, что «должностными лицами в статьях настоящей

главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации» [5].

Как видно из законодательной конструкции, сфера применения данного понятия распространяется лишь на нормы гл. 30 УК РФ, хотя должностное лицо может являться субъектом не только тех преступлений, которые охвачены вышеуказанной главой, но и другими статьями, например: ст. 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской и иной деятельности», ст. 170 «Регистрация незаконных сделок с недвижимостью». Такое юридико-техническое решение не позволяет применять дефиницию «должностное лицо» к иным нормам УК РФ.

Следует также отметить, что в примеч. 2 к ст. 290 УК РФ «Получение взятки» говорится о том, кого следует понимать под иностранным должностным лицом. Однако и в этом случае законодатель вновь ограничил круг распространения данного понятия лишь на указанную норму, а также на ст. 291 и 291.1 УК РФ. Получается, что в примечании понятие иностранного должностного лица, способного получить взятку, сформулировано только лишь к указанным статьям.

Законодатель Республики Армения в гл. 29 «Преступления против государственной службы» в ст. 308 «Злоупотребление должностными полномочиями» определяет перечень «должностных лиц», распространяя данное понятие лишь на указанную главу, и относит:

1) лиц, постоянно, временно или по особому полномочию осуществляющих функции представителя власти;

2) лиц, постоянно, временно или по особому полномочию осуществляющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, их организациях, а также в Вооруженных Силах Республики Армения, других войсках и воинских объединениях Республики Армения [6].

По мнению автора, данное законодательное решение имеет некоторые юридико-техниче-

ские изъяны, а именно понятие «должностное лицо» ограничивается пределами гл. 29 УК.

Законодатель Республики Кыргызстан в гл. 30 «Должностные преступления» в примеч. 1 к ст. 304 «Коррупция» сформулировал понятие «должностное лицо». В соответствии с указанным примечанием «под должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, контрольно-ревизионные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Кыргызской Республики и иных воинских формированиях». Отдельным пунктом выделены должностные лица, занимающие ответственное положение, – это лица, занимающие государственные должности, установленные Конституцией Кыргызской Республики, конституционными законами Кыргызской Республики для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Законодатель предусмотрел отдельный пункт, где указано, что государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, не относящиеся к числу должностных лиц, несут уголовную ответственность по соответствующим статьям настоящего Кодекса [7].

Данное законодательное решение имеет существенный недостаток, так как дефиниция «должностное лицо» распространяется лишь на нормы гл. 30 УК Кыргызской Республики.

Законодатель Республики Беларусь избежал указанных выше ошибок путем включения в разд. I «Уголовный закон» ст. 4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса», в котором закрепил некоторые понятия, в том числе и понятие должностного лица. Так, под должностными лицами понимаются:

1) представители власти, т.е. депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представители общественности, т.е. лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отпращиванию правосудия;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов [8].

Отдельной категорией рассматриваются должностные лица, занимающие ответственное положение, к их числу относятся:

1) Президент Республики Беларусь, Председатель Палаты представителей и Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Премьер-министр Республики Беларусь и их заместители;

2) руководители государственных органов, непосредственно подчиненных или подотчетных Президенту, Парламенту, Правительству Республики Беларусь, и их заместители;

3) руководители местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов и их заместители;

4) судьи;

5) прокуроры областей, города Минска, прокуроры районов (городов), межрайонные и приравненные к ним прокуроры и их заместители;

6) начальники следственных подразделений, органов дознания и их заместители, следователи;

7) руководители органов государственного контроля, внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований, таможенных, налоговых органов и их заместители [8].

Одновременно с этим в Уголовном кодексе Республики Беларусь дефинируются и другие понятия, в частности понятие начальника: «это лицо, на которое распространяется статус военнослужащего и которое по своему служебному положению или воинскому званию имеет право отдавать подчиненным приказы и требовать их исполнения» [8].

По мнению автора, такое законодательное решение следует признать правильным.

Во-первых, такой юридико-технический прием во многом облегчает применение уголовного закона и исключает возможность правоприменителя обращаться к другим нормативным правовым актам.

Во-вторых, разработанные универсальные дефиниции «должностное лицо», «начальник» позволяют распространять их на все уголовное законодательство в целом.

В-третьих, законодатель не только называет различные категории должностных лиц либо представителей власти, но и раскрывает их содержание.

По аналогичному пути пошел и законодатель Республики Казахстан. В уголовном законодательстве Республики Казахстан в ст. 3 «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» в Общей части разд. 1 «Уголовный закон» предусматривается толкование таких понятий, как должностное лицо, представитель власти, административно-хозяйственные функции, организационно-распорядительные функции. В частности:

должностное лицо – лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, а также в Вооруженных Силах Республики Казахстан, других войсках и воинских формированиях Республики Казахстан;

представитель власти – лицо, находящееся на государственной службе, наделенное в установленном законом Республики Казахстан порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, в том числе сотрудник правоохранительного или специального государственного органа, органа военной полиции, военнослужащий, участвующий в обеспечении общественного порядка;

административно-хозяйственные функции – предоставленное в установленном законом Республики Казахстан порядке право управления и распоряжения имуществом, находящимся на балансе организации;

организационно-распорядительные функции – предоставленное в установленном законом Республики Казахстан порядке право издавать приказы и распоряжения, обязательные для исполнения подчиненными по службе лицами, а также применять меры поощрения и дисциплинарные взыскания в отношении подчиненных [9].

Бесспорно, нельзя не оценить положительную сторону сконструированной подобным образом нормы, при которой правоприменитель сталкивается с меньшим количеством возникающих казусов и противоречий.

Проведенное исследование показало, что в уголовном законодательстве стран ЕАЭС понятие «должностное лицо» формулируется по-разному. Такой подход нельзя признать пра-

вильным, исходя из того, что в вопросах оценки противоправных деяний должны использоваться единые критерии. Наличие полисемии в определении понятия «должностное лицо»

будет препятствовать качественному применению уголовно-правовых положений, снизит их эффективность, ослабит систему правоохраны общественных отношений.

1. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (в ред. от 6 окт. 2007 г., с изм. от 10 окт. 2014 г.). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106656/ (дата обращения: 20.07.2016).

2. Кузнецов А.П. Многополярность и полифункциональность коррупции: проблемы противодействия (вместо предисловия) // Государство и бизнес против коррупции: сб. материалов науч.-практ. конференции / под ред. А.П. Кузнецова. Н. Новгород, 2012. С. 7–9.

3. Кузнецов А.П. Противодействие коррупции: теоретико-прикладное исследование // The fifth session of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China, 2013. P. 268–316.

4. Кузнецов А.П. Принципы уголовного права: сравнительно-правовой анализ // Уголовное право. Общая часть. Преступление: акад. курс: в 10 т. Т. II: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 358–360.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.07.2016).

6. Уголовный кодекс Республики Армения. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1365 (дата обращения: 20.07.2016).

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=233 (дата обращения: 20.07.2016).

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=HK9900275#load_text_none_1_ (дата обращения: 20.07.2016).

9. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 20.07.2016).

1. Treaty on the Establishment of the Eurasian Economic Community (as amended on Oct. 6, 2007, on Oct. 10, 2014). Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106656/ (date of access: 20.07.2016).

2. Kuznetsov A.P. Multipolarity and poly-functionality of corruption: problems of counteraction (instead of a preface) // State and business against corruption: proc. of sci. and practical conf. / ed. by A.P. Kuznetsov. Nizhny Novgorod, 2012. P. 7–9.

3. Kuznetsov A.P. Counteraction to corruption: a theoretical and applied study // The fifth session of the international forum on crime and criminal law in the global era. Beijing, China, 2013. P. 268–316.

4. Kuznetsov A.P. Principles of criminal law: comparative and legal analysis // Criminal law. General part. Crime: academic course: in 10 vol. Vol. II: System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law / ed. by N.A. Lopashenko. Moscow, 2016. P. 358–360.

5. The Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 6, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 20.07.2016).

6. The Criminal Code of the Republic of Armenia. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1365 (date of access: 20.07.2016).

7. The Criminal Code of the Kyrgyz Republic. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=233 (date of access: 20.07.2016).

8. The Criminal Code of the Republic of Belarus. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=HK9900275#load_text_none_1_ (date of access: 20.07.2016).

9. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (date of access: 20.07.2016).

Кунов Инвер Мурадович

Кубанский государственный университет

(e-mail: kunov.inver@mail.ru)

О перспективах совершенствования дифференциации уголовной ответственности за распространение криминогенной информации

В статье рассматриваются отдельные перспективные направления совершенствования дифференциации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.2, ч. 3 ст. 212, ст. 280, ст. 280.1, ст. 282, ст. 354, ст. 354.1 УК РФ. На основании имеющихся точек зрения ученых и материалов судебно-следственной практики предлагается типовая модель системы квалифицированных видов распространения криминогенной информации.

Ключевые слова: уголовный закон, дифференциация уголовной ответственности, свобода слова, система ограничений свободы слова.

I.M. Kunov, Kuban State University; e-mail: kunov.inver@mail.ru

On the prospects of improving the differentiation of criminal responsibility for the distribution of criminogenic information

The article considers the individual perspective directions of perfection of differentiation of criminal responsibility for crimes under art. 205.2, pt. 3 of art. 212, art. 280, art. 280.1, art. 282, art. 354, art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. On the basis of the points of view of scientists and materials of trial investigative practices proposed standard model system qualified kinds of crime information dissemination.

Key words: criminal law, differentiation of criminal responsibility, freedom of speech, restrictions on freedom of speech system.

Принимая во внимание криминогенный потенциал распространения информации, возбуждающей или укрепляющей желание у неопределенно большого круга лиц на совершение преступлений, а равно оправдывающей такое поведение (криминогенной информации), отечественный законодатель последовательно демонстрирует тенденцию криминализации все новых и новых форм таких действий. Итогом реализации данного уголовно-политического курса на уровне правотворчества явилось формирование относительно целостной системы преступлений, общественная опасность которых заключается в распространении криминогенной информации: ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», ч. 3 ст. 212 «Призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами», ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской

Федерации», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны», ст. 354.1 «Реабилитация нацизма».

Сопоставление указанных преступлений позволяет сделать вывод, что российский законодатель основательно запутался в сравнительной оценке степени опасности различных видов распространения криминогенной информации. При этом расположение квалифицирующих признаков не позволяет делать утверждение о наличии какого-либо единообразного подхода. Так, специальное указание на использование электронных сетей имеет место лишь в двух нормах – ст. 205.2 УК РФ и ст. 280.1 УК РФ, на распространение криминогенной информации в составе организованной группы только в одной – ст. 282 УК РФ. Использование средств массовой информации упоминается во всех нормах, однако в ст. 282 УК РФ данный признак использован в качестве конструктивного. Это, безусловно, свидетельствует о несовершенстве отечественного уголовного закона, требует критического осмысления и решения.

Как известно, проблематика социально-правовых оснований, критериев, пределов и средств дифференциации ответственности за совершение конкретных преступлений занимает прочное место в современных научных исследованиях по уголовному праву. Это вполне логично и объяснимо. Уголовно-правовой запрет сам по себе, без стройной системы квалифицирующих признаков, можно сравнить с ненастроенным музыкальным инструментом – исполнение будет иметь весьма отдаленное отношение к замыслу автора произведения.

В аспекте проблематики дифференциации уголовной ответственности за распространение криминогенной информации вызывает интерес тот факт, что уголовный закон никак не учитывает имеющуюся градацию средств массовой информации в зависимости от их зоны обслуживания. Местный, региональный, национальный или международный статус средства массовой информации объективно влияет на перепад общественной опасности распространения криминогенной информации ввиду хотя бы и одного, но весьма важного критерия – массовости аудитории. Кроме того, изучение законодательства о средствах массовой информации позволяет выделить и такой вид, как «обязательные, общедоступные телеканалы или радиоканалы», перечень которых в настоящее время устанавливается Указом Президента РФ от 24 июня 2009 г. № 715 (в редакции от 15 июля 2015 г.) «Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах» [1]. Данные средства массовой информации обладают не только особым статусом, но и аккумулируют абсолютное большинство отечественной аудитории.

Принимая во внимание специфику рассматриваемых преступлений, считаем обоснованным дифференцировать уголовную ответственность за распространение криминогенной информации в зависимости от регионального статуса средства массовой информации с использованием следующих квалифицирующих признаков: 1) с использованием средств массовой информации, продукция которых предназначена для распространения на территории муниципального образования, субъекта либо нескольких субъектов Российской Федерации; 2) с использованием средств массовой информации, продукция которых предназначена для распространения на всей территории Российской Федерации, а равно за ее пределами; 3) с использованием обязательных общедоступных телеканалов или радиоканалов.

Проведенное исследование судебно-следственной практики не позволило выявить случаи применения такого квалифицирующего признака, как «использование электронной сети». Изучение литературных источников позволяет сделать вывод, что электронная сеть и информационно-телекоммуникационная сеть являются совпадающими категориями, синонимами [2, с. 249–251]. В связи с этим возникают два закономерных вопроса: почему законодатель на определенном этапе все же использовал его? И следует ли далее сохранять его в тексте уголовного закона?

Отвечая на первый вопрос, позволим себе предположить, что оговорка о совершении публичных призывов к террористической деятельности с использованием электронной сети появилась в результате несовершенства первоначальной редакции ч. 2 ст. 280.1 УК РФ, которая устанавливала повышенную ответственность за подобного рода деяния с использованием средств массовой информации, а равно ресурсов сети Интернет, однако лишь имеющих статус средства массовой информации, т.е. прошедших регистрацию в установленном законом порядке. Осознавая масштаб криминогенной пропаганды в онлайн-пространстве, законодатель попытался исправить ситуацию путем специального указания на любую информационную, т.е. электронную сеть (Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 274-ФЗ). Позднее аналогичным образом была скорректирована ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ). Решать так обозначенную проблему, конечно же, не следовало. Требовалось лишь изложить данные квалифицирующие признаки с использованием разделительного союза.

Таким образом, специальное указание на электронную сеть в ряду квалифицирующих признаков уголовно-правовых норм о распространении криминогенной информации явилось следствием непродуманного и отчасти спонтанного законотворчества и в современных условиях лишено какого-либо смысла. Представляется, что в целях чистоты уголовного закона его необходимо исключить.

Сочетание распространения криминогенной информации и насилия имеет место в случаях публичного причинения вреда жизни или здоровью потерпевшему (потерпевшим), сопровождаемого призывами, выкриками или лозунгами экстремистского содержания. Так, например, по одному из дел суд кассационной инстанции, указал: «...с доводами кассационных жалоб об отсутствии в действиях осужден-

ных состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, согласиться нельзя, поскольку совершенные ими действия, а именно применение насилия, носили публичный характер, в общественном месте, в дневное время, при большом скоплении людей, в присутствии которых осужденные в громкой форме высказывали призывы к изгнанию с территории России людей по признаку их принадлежности к той или иной расе или национальности» [3].

Вместе с тем, вопросом принципиальной важности является сама обусловленность признания отягчающим признаком применения лицом насилия при распространении криминогенной информации. Включение квалифицирующего признака в состав преступления необходимо в случаях, когда он объективно повышает вероятность наступления вредных последствий, что является важнейшим показателем опасности действия. Как справедливо писал по этому поводу В.Н. Кудрявцев, «опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определенные вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут сравнительно тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий» [4, с. 102].

В отличие от ряда иных преступлений (грабежа, принуждения к даче показаний и др.) вряд ли следует утверждать, что насильственные действия лица выступают своего рода более эффективным способом распространения криминогенной информации или имеют более убедительный пропагандистский характер. Объективно они могут вызывать чувство страха, но не более того. Следовательно, использование такого квалифицирующего признака, как применение насилия или угроза его применения, в уголовно-правовых нормах об ответственности за распространение криминогенной информации, на наш взгляд, не имеет под собой разумных оснований.

Групповое распространение криминогенной информации объективно обладает более высокой степенью общественной опасности ввиду того очевидного обстоятельства, что совместными усилиями нескольких лиц гораздо легче и эффективнее такую информацию изготавливать, тиражировать и в последующем пропагандировать. В связи с этим вызывает недоумение то обстоятельство, что ни в одной из анализируемых статей не предусмотрен такой квалифицирующий признак, как совершение распространения криминогенной информации группой лиц по предварительному сговору.

Данный пробел, безусловно, требует своего законодательного решения.

Выделение в качестве квалифицирующего признака распространения криминогенной информации лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, представляется вполне логичным. Перечень таких должностей регламентируется федеральным законодательством, и, как показывает изучение судебно-следственной практики, установление данного признака не вызывает серьезных затруднений. Авторитет занимаемой должности, публичность положения, несомненно, увеличивают вредоносный эффект криминогенной пропаганды. Даже однократное публичное криминогенное заявление высокопоставленного чиновника может иметь весьма серьезные последствия для политической, экономической и социальной стабильности региона или даже целого государства. Именно поэтому полагаем, что использование данного квалифицирующего признака в анализируемых составах преступлений должно иметь не выборочный, а строго обязательный характер.

Использование в ст. 354.1 УК РФ такого признака, как «с искусственным созданием доказательств обвинения» является инновацией законодателя. Прежде всего, необходимо отметить, что термин «доказательство обвинения» применительно к реабилитации нацизма не следует толковать в узкопроцессуальном смысле, т.е. как некое полученное в установленном законом порядке свидетельство, направленное на установление предмета доказывания по уголовному делу.

Хотя в современной литературе некоторые авторы предлагают исходить именно из такого понимания. Так, отмечается, что искусственное создание доказательств обвинения может выражаться в совершении следующих действий: 1) подделка заведомо недостоверного доказательства, т.е. его изготовление любым способом; 2) внесение в имеющееся доказательство изменений, искажающих достоверность сведений, содержащихся в нем. Согласно доминирующей позиции данное деяние считается оконченным с момента приобщения сфальсифицированных доказательств к уголовному делу, поскольку «только при этом условии таковые приобретают доказательственное значение» [5, с. 31].

Очевидно, что законодатель имел в виду отнюдь не это. Данной формулировке в целях самой возможности ее использования должно быть дано весьма расширительное значение, а

именно: под ним необходимо понимать любой материал, который был создан для обоснования заведомо ложных утверждений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Это может быть личная переписка, статистические сводки, аналитические обзоры тех лет, приказы и т.п.

Приведенная формулировка квалифицирующего признака представляется крайне неудачной не только по причине некорректного использования процессуальной терминологии. Так, например, непонятно, как квалифицировать действия лица, которое фальсифицирует «доказательства защиты» в целях отрицания холокоста, медицинских опытов над военнопленными или других злодеяний нацистских преступников. Как справедливо пишет А.П. Плешаков, можно сделать предположение, что виновный искусственно измышляет какие-то доказательства для «отрицания фактов». Однако не очень понятно, при чем здесь обвинение? Если виновный сфальсифицировал доказательства для одобрения преступлений нацистов, то остается непонятной логика его действий: как одобрять преступления других и при этом их же ложно обвинять? [6, с. 69].

В связи с этим полагаем, что редакция ч. 2 ст. 354.1 УК РФ требует законодательной коррекции. Более предпочтительным видится указание на реабилитацию нацизма «с фальсификацией исторических источников», т.е. документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события, на основании которых воссоздается представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются гипотезы о причинах или последствиях, повлекших за собой те или иные исторические события [7].

В науке уголовного права можно встретить разные предложения по дифференциации уголовной ответственности за распространение криминогенной информации. Следует, пожалуй, согласиться с мнением тех авторов, которые обосновывают необходимость дифференциации уголовной ответственности в зависимости от их направленности на несовершеннолетних [8, с. 123]. Как справедливо отмечает Д.Г. Сергушкин, «степень влияния подобной информации будет тем сильнее, чем менее сформирована личность человека», в связи с чем «экстремистские материалы представляют большую угрозу для неокрепшего сознания несовершеннолетних» [9, с. 125].

Изучение современной правоприменительной практики позволяет констатировать наличие определенной тенденции – довольно

часто действия, связанные с распространением криминогенной информации, осуществляются в отношении верующих при посещении ими религиозных учреждений. Так, например, Абдрахманов, признавая правильными и нуждающимися в поддержке и подражании идеологию и практику терроризма, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, преследуя цель побудить окружающих к осуществлению террористической деятельности и к вступлению в вооруженные формирования, в общественных местах, т.е. в мечетях, расположенных в Урус-Мартановском районе Чеченской Республики, предполагая, что его могут слышать прихожане мечети и жители указанного населенного пункта, находящиеся рядом, оправдывал терроризм, призывал к осуществлению террористической деятельности, а именно призывал с оружием в руках совершать «джихад», т.е. физическое уничтожение лиц, не исповедующих ислам, а также демонстрировал со своего мобильного телефона видеоролики боевых действий и с призывами к джихаду [10].

В октябре 2016 г. Кавказский окружной военный суд признал имама мечети «Восточная», председателя совета имамов Хасавюрта Магомеднаби Магомедова виновным по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ и ч. 1 ст. 282 УК РФ и приговорил его к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Как установил суд, 5 февраля 2016 г. в поселке Восточном Хасавюрта в мечети он призывал к осуществлению террористической деятельности и публично оправдывал терроризм [11].

С учетом вышеизложенного представляется обоснованным на законодательном уровне признать факт распространения криминогенной информации «в образовательной организации, а также местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний» квалифицирующим признаком.

Таким образом, вышеизложенное позволяет предложить следующую примерную типовую модель системы квалифицированных видов распространения криминогенной информации:

«2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

- а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) с использованием средств массовой информации, продукция которых предназначена для распространения на территории муниципального образования, субъекта либо нескольких субъектов Российской Федерации, – наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

- а) с использованием средств массовой информации, продукция которых предназначена для распространения на всей территории Российской Федерации, а равно за ее пределами;
- б) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;
- в) в образовательной организации, а также местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- г) лицом с использованием своего служебного положения, –
наказывается...

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

- а) организованной группой;
- б) с использованием обязательных общедоступных телеканалов или радиоканалов;
- в) лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, –
наказывается...».

Реализация данной модели, на наш взгляд, позволит гармонизировать отечественное уголовное законодательство в части ответственности за распространение криминогенной информации.

1. *Рос. газ.* 2009. 25 июня.

2. Ковлагина Д.А. Понятие «электронные сети» в контексте некоторых составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ // *Молодой ученый*. 2016. № 16.

3. Кассационное определение от 24 мая 2011 г. по делу № 22-5519 // *Архив Верховного Суда Республики Башкортостан*.

4. Кудрявцев В.Н. *Объективная сторона преступления*. М., 1960.

5. Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ч. 1, 2 ст. 354.1 УК РФ) // *Уголовное право*. 2015. № 4.

6. Плешаков А.М. *Реабилитация нацизма: проблемы уголовно-правового регулирования // Реформирование законодательства в сфере противодействия преступности и проблемы его применения: материалы межвуз. науч.-метод. семинара / отв. ред. М.Г. Жилкин*. М., 2015.

7. Иванов Г.М. *Исторический источник и историческое познание*. Томск, 1973.

8. Шибзухов З.А. *Уголовная ответственность за публичные призывы к террористической деятельности и публичное оправдание терроризма: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2012.

9. Сергеушкин Д.Г. *Особенности квалификации публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности // Социальные, экономические и правовые аспекты борьбы с преступностью: сб. материалов науч.-практ. конф., 26 мая 2006 г., г. Рязань*. Рязань, 2006.

10. *Приговор по делу № 2-6/2014 от 27 янв. 2014 г.* // *Архив Верховного Суда Чеченской Республики*.

11. *Приговор имаму* // *Черновик*. 2016. 28 окт.

1. *Russian newsp.* 2009. June 25.

2. Kovlagina D.A. Concept of «electronic networks» in the context of certain offenses under the Criminal Code of the Russian Federation // *Young scientist*. 2016. № 16.

3. The appeal decision d.d. May 24, 2011 in the case № 22-5519 // *Archive of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan*.

4. Kudryavtsev V.N. *The objective aspect of the crime*. Moscow, 1960.

5. Kibalnik A.G., Ivanov A.Yu. *Criminal liability for the rehabilitation of Nazism (pt. 1, 2 of art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)* // *Criminal law*. 2015. № 4.

6. Pleshakov A.M. *Rehabilitation of Nazism: problems of legal regulation // Reforming legislation on combating crime and the problem of its application: proc. of interuniv. sci.-methodological seminar / resp. ed. M.G. Zhilkin*. Moscow, 2015.

7. Ivanov G.M. *Historical sources and historical knowledge*. Tomsk, 1973.

8. Shibuskhov Z.A. *Criminal liability for public calls for terrorist activities and public justification of terrorism: diss. ... Candidate of Law*. Moscow, 2012.

9. Sergushkin D.G. *Qualification features of public calls for extremist activities // The social, economic and legal aspects of the fight against crime: coll. of papers of sci.-practical conf., on May 26, 2006, Ryazan*. Ryazan, 2006.

10. *The verdict in the case № 2-6/2014 d.d. Jan. 27, 2014* // *Archive of the Supreme Court of the Chechen Republic*.

11. *The sentence to Imam* // *Draft*. 2016. Oct. 28.

Пелевина Алла Валерьевна

Российский университет кооперации

(e-mail: allochka_90@bk.ru)

Уголовная ответственность за посягательства на информационные отношения в странах Евразийского экономического союза

В представленной статье исследуются вопросы ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в странах Евразийского экономического союза, обращается особое внимание на отсутствие единых унифицированных подходов в формулировании криминообразующих признаков, включенных в диспозиции уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовная ответственность, компьютерная информация, Евразийский экономический союз, криминообразующие признаки.

A.V. Pelevina, Russian University of Cooperation; e-mail: allochka_90@bk.ru

Criminal liability for violation of information relations in the countries of the Eurasian Economic Union

This paper explores the question of responsibility for crimes in the field of computer information systems in countries of the Eurasian Economic Union, focusing on the lack of unified approaches in formulating criminal characteristics included in the disposition of criminal law.

Key words: criminal liability, computer information, Eurasian Economic Union, criminogenic signs.

Современный этап развития государства на постсоветском пространстве характеризуется углублением интеграционных связей в экономике, совершенствованием правового механизма управления рыночными отношениями. Решение указанных и других важнейших вопросов в области хозяйственной политики возможно только в рамках единого экономического и политического объединения. Поэтому неслучайно на основе Астане представителями государств Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан был подписан договор о создании Евразийского экономического союза, который вступил в силу с 1 января 2015 г. Этот проект базируется на совершенно новой системе взаимоотношений и направлен на создание на постсоветском пространстве политической и экономической организации по модели Европейского союза. Впоследствии в его состав вошли и другие страны СНГ – Республика Армения и Республика Кыргызстан [1].

Деловое сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) будет эффективным и результативным при разработке новой модели информационного обмена. Использование информационных массивов открывает принципиально новые возможности в области обеспечения научно-технических, про-

изводственно-технологических, организационно-экономических, социально-политических и культурных отношений миллионов людей. Поэтому основными задачами ЕАЭС являются формирование единого информационного пространства, обеспечение информационной безопасности личности, общества, государства, становление отрасли информационных услуг, расширение правового поля, регулирование общественных отношений, связанных с получением, распространением и использованием информации. Решение данных задач позволит повысить эффективность социально-экономических и политико-правовых отношений, обеспечить динамичное развитие стран и их безопасность.

Отметим, что реализация указанных мер во многом зависит от правового обеспечения информационных отношений, активной роли государств Евразийского экономического союза. Создание и эффективное применение такой нормативно-правовой базы позволит, с одной стороны, обеспечить стабильность экономики, а с другой – надежно защитить информационные отношения от противоправных посягательств. Вместе с тем, как показало исследование, слабость правового регулирования информационных отношений является одним из факторов, сдерживающих развитие информационного обмена стран ЕАЭС, не

позволяет объединить усилия в области противодействия преступности вообще и компьютерной преступности в частности. Более того, отсутствие четко выверенных правовых механизмов в области информационной безопасности ставит под угрозу разглашение государственной и других тайн, ослабляет систему мер по организации противодействия информационному терроризму и информационному криминалу [2; 3].

Таким образом, информационные отношения приобретают особую ценность и значимость и поэтому требуют надежной защиты. Проблема защиты информационных систем, компьютерной информации становится одной из актуальных. Широкая доступность и распространенность информационных технологий делают данную сферу чрезвычайно привлекательной для представителей криминальных структур. Более того, развитие телекоммуникационных сетей, использование совершенных технических устройств облегчают совершение преступлений различного характера. Преступления в сфере компьютерной информации относятся к так называемым трансграничным, что заставляет объединять усилия всех государств в направлении создания единой законодательной базы, разработке унифицированных критериев оценки противоправных деяний [4].

В связи с этим перед законодателями стран ЕАЭС стоит задача с помощью уголовно-правовых инструментов надежно обеспечить защиту информационных отношений от преступных посягательств. Как показало исследование, именно уголовное законодательство оказалось не готовым в силу несогласованности и противоречивости активно противодействовать компьютерным преступлениям. В этих условиях необходимо найти адекватные формы и методы правового противодействия указанным противоправным посягательствам [5, с. 29–33].

В представленной статье автор исследует некоторые проблемные вопросы, связанные с уголовно-правовой охраной информационных отношений. В законодательстве многих стран, в том числе и в странах ЕАЭС, явно недостаточно внимания уделено регулированию ответственности за компьютерные преступления, отсутствует необходимый механизм международного сотрудничества, имеются упущения и погрешности в описании элементов и признаков составов преступлений, наличествуют неточности законодательных формулировок. Все это негативно влияет на правоприменительную практику, в том числе и на оценку при квалификации деяний, совершаемых в сфере компьютерной информации.

Республика Армения. В Уголовном кодексе Республики Армения [6] законодатель выделил гл. 24 «Преступления против безопасности компьютерной информации», в которую включил семь статей: «Несанкционированный доступ (проникновение) к системе компьютерной информации» (ст. 251); «Изменение компьютерной информации» (ст. 252); «Компьютерный саботаж» (ст. 253); «Неправомерное завладение компьютерной информацией» (ст. 254); «Изготовление или сбыт специальных средств неправомерного доступа (проникновения) к компьютерной информации» (ст. 255); «Разработка, использование и распространение вредоносных программ» (ст. 256); «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети» (ст. 257). В структуре указанных статей предусмотрены обстоятельства, отягчающие наказание, такие как совершение с использованием должностного положения; совершение группой лиц по предварительному сговору; повлекшие по неосторожности тяжкие последствия; деяния, сопряженные с несанкционированным доступом (проникновением) к компьютерной системе или сети; повлекшие по неосторожности тяжкие последствия; деяния, сопряженные с применением насилия к лицу или его близким; причинившие потерпевшему значительный ущерб; совершенные в целях получения информации, имеющей особую ценность; совершенные организованной группой; сопряженные с причинением по неосторожности вреда здоровью либо повлекшие иные тяжкие последствия; совершенные из корыстных побуждений; деяния, совершенные при эксплуатации компьютерной системы или сети, содержащей информацию, имеющую особую ценность.

За деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 указанных статей, законодатель предусмотрел наказание в виде штрафа, исправительных работ, ареста, лишения свободы, лишения права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью, а за особо квалифицированные – в виде лишения свободы.

Республика Беларусь. В Уголовном кодексе Республики Беларусь [7] ответственность за преступления в сфере компьютерной информации закреплена в гл. 31 «Преступления против информационной безопасности». В данной главе законодатель выделил семь статей: «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» (ст. 349); «Модификация компьютерной информации» (ст. 350); «Компьютерный саботаж» (ст. 351); «Неправомерное завладение компьютерной информацией» (ст. 352); «Изготовление либо сбыт специаль-

ных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети» (ст. 353); «Разработка, использование либо распространение вредоносных программ» (ст. 354); «Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети» (ст. 355). В число квалифицирующих признаков законодатель включил: корысть или личную заинтересованность, тяжкие последствия. За указанные выше деяния предусматривается ответственность в виде: штрафа, ареста, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения свободы, лишения свободы, общественных работ. Максимальный срок лишения свободы устанавливается в пределах до 10 лет. Необходимо отметить, что в УК Республике Беларусь предусмотрен такой вид наказания, как ограничение свободы и общественные работы.

Республика Казахстан. В Уголовном кодексе Республики Казахстан [8] законодатель выделил гл. 7 «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи», в которую включил девять статей об ответственности за посягательства на информационные отношения: «Неправомерный доступ к информации, в информационную систему или сеть телекоммуникаций» (ст. 205); «Неправомерные уничтожение или модификация информации» (ст. 206); «Нарушение работы информационной системы или сетей телекоммуникаций» (ст. 207); «Неправомерное завладение информацией» (ст. 208); «Принуждение к передаче информации» (ст. 209); «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов» (ст. 210); «Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа» (ст. 211); «Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели» (ст. 212); «Неправомерные изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства» (ст. 213). В структуре указанных статей предусмотрены обстоятельства, отягчающие наказание, а именно: деяния, совершенные в отношении государственных электронных информационных ресурсов или информационных систем государственных органов, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия; группой лиц по предварительному сговору, преступной группой, повлекшие тяжкие последствия, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых

законом интересов общества или государства, сопряженное с применением физического насилия над лицом или его близкими, с целью получения информации из государственных электронных информационных ресурсов или информационных систем государственных органов, с использованием своего служебного положения, из корыстных побуждений.

Отметим, что если за деяния, регламентированные ч. 1 указанных статей, законодатель предусматривает ответственность, как правило, до 2 лет лишения права занимать определенной должности или заниматься определенной деятельностью, то за квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений наказание предусматривается в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет. Такой подход в конструировании уголовно-правовых норм об ответственности за компьютерные преступления свидетельствует о том, что он уделяет особое внимание противодействию указанным деяниям, исходя из их повышенной общественной опасности.

Республика Кыргызстан. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации законодателем Кыргызстана предусмотрена в гл. 28 Уголовного кодекса Республики Кыргызстан [9] в трех статьях: «Неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 289); «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» (ст. 290); «Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ и их сети» (ст. 291).

В частности, в ст. 289 устанавливался запрет на неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, т.е. информации на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ч. 1), и на то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения, а равно имеющим доступ к ЭВМ или их сети (ч. 2).

В ст. 290 регламентируется ответственность за создание программ для ЭВМ или внесение изменений в существующие программы, заведомо приводящих к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, а равно использование либо распространение таких программ или машинных носителей с такими

программами (ч. 1) и за те же деяния, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия (ч. 2).

В ст. 291 предусматривается наказание за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред (ч. 1), и за то же деяние, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия (ч. 2). Впоследствии законодатель, совершенствуя статьи об ответственности за компьютерные преступления, исключил из Уголовного кодекса ст. 289, ст. 291, а из ст. 290 «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ» исключил квалифицирующий признак. За указанные деяния предусмотрена ответственность в виде публичного извинения с возмещением ущерба или штрафа от пятисот до одной тысячи расчетных показателей либо ограничения свободы на срок до 3 лет, либо лишения свободы до 3 лет. Такой законодательный подход свидетельствует о декриминализации деяния и депенализации наказания за указанные выше деяния.

Следует отметить, что при регламентации ответственности за компьютерные преступления законодатель Кыргызстана в ряде статей отразил особенности совершения деяний, связанных с использованием компьютерных информации и технологий. В частности, предусмотрел ответственность за нарушение тайны переписки, почтовых переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, совершенное с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 2 ст. 136); незаконное производство, сбыт или приобретение в целях сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ч. 3 ст. 136); выпуск под своим именем также чужой программы для ЭВМ или базы данных либо иное присвоение авторства на такое произведение, присвоение авторства и изобретения, а равно принуждение к соавторству (ч. 1 ст. 150); незаконное использование программы для ЭВМ или базы данных, если эти деяния умышленно или по неосторожности причинили крупный ущерб (ч. 2 ст. 150); сбор сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем перехвата информации в средствах связи, незаконного проникновения в компьютерную систему или сеть, использования специальных технических средств (ст. 193) [10, с. 224–231].

Российская Федерация. В Уголовном кодексе Российской Федерации [11] законодатель в

гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» включил три статьи. Виновные подлежат наказанию за следующие деяния:

неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию, либо копирование компьютерной информации (ч. 1 ст. 272);

то же деяние, причинившее крупный ущерб или совершенное из корыстной заинтересованности (ч. 2 ст. 272);

деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 272, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 272);

деяния, предусмотренные ч. 1, 2 или 3 ст. 272, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления (ч. 4 ст. 272);

создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации (ч. 1 ст. 273);

деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 273, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения, а равно причинившие крупный ущерб или совершенные из корыстной заинтересованности (ч. 2 ст. 273);

деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 273, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления (ч. 3 ст. 273);

нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб (ч. 1 ст. 274);

деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 274, если оно повлекло тяжкие последствия или создало угрозу их наступления (ч. 2 ст. 274).

Законодатель в конструкцию уголовно-правовых норм включил широкий перечень отягчающих обстоятельств и предусмотрел повышенную опасность и крупный ущерб в размере свыше одного миллиона рублей.

Проведенное исследование правовой регламентации информационных отношений в

странах Евразийского экономического союза показало, что информационно-телекоммуникационная сеть стала одной из главных сегментов мировой экономики, вследствие чего уголовно-правовая охрана компьютерной информации является приоритетной. Вместе с тем, уголовно-правовое регулирование в странах ЕАЭС нуждается в корректировке и совершенствовании. Дальнейшую законодательскую деятельность необходимо стро-

ить, исходя из норм международного права, разработанных и принятых в этой области, изучения передового опыта зарубежных стран и судебной практики.

В связи с этим защита компьютерной информации должна носить комплексный характер и базироваться не только на положениях уголовно-правовых норм, но и на положениях информационно-телекоммуникационного законодательства.

1. URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 15.07.2016).

2. Кузнецов А.П. Криминалистические меры по предотвращению террористических проявлений на объектах транспортной инфраструктуры // *Рос. юстиция*. 2015. № 7.

3. Кузнецов А.П. Правовое регламентирование формирования единого антитеррористического пространства в международных актах и российском законодательстве // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2015. № 4.

4. Кузнецов А.П. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: учеб.-практ. пособие. 2007.

5. Кузнецов А.П. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200 УК РФ): уголовно-правовая регламентация и вопросы квалификации // *Рос. следователь*. 2015. № 2.

6. URL: <http://www.competition.am/uploads/resources/qreakanRUS.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

7. URL: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/> (дата обращения: 15.03.2017).

8. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&show_di=1#pos=2335;-261 (дата обращения: 15.03.2017).

9. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30222833 (дата обращения: 15.07.2016).

10. Пелевина А.В. Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации в странах среднеазиатского региона // *Фундаментальные и прикладные исследования правового регулирования деятельности государства в социально-экономической сфере и осуществлении правосудия: сб. ст. Междунар. заоч. науч.-практ. конф., 18 нояб. 2015 г. Чебоксары, 2016.*

11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.03.2017).

1. URL: <http://www.eaeunion.org/> (date of access: 15.07.2016).

2. Kuznetsov A.P. Criminalistic measures to prevent terrorist manifestations at the objects of transport infrastructure // *Russian justice*. 2015. № 7.

3. Kuznetsov A.P. Legal regulation of the formation of a single anti-terrorist space in international acts and Russian legislation // *International criminal law and international justice*. 2015. № 4.

4. Kuznetsov A.P. Responsibility for crimes in the field of computer information: study and practical manual. 2007.

5. Kuznetsov A.P. Smuggling of cash and (or) monetary instruments (art. 200 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law regulation and qualification issues // *Russian investigator*. 2015. № 2.

6. URL: <http://www.competition.am/uploads/resources/qreakanRUS.pdf> (date of access: 15.03.2017).

7. URL: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/> (date of access: 15.03.2017).

8. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&show_di=1#pos=2335;-261 (date of access: 15.03.2017).

9. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30222833 (date of access: 15.07.2016).

10. Pelevina A.V. Responsibility for crimes in the field of computer information in the countries of the Central Asian region // *Fundamental and applied research on the legal regulation of state activities in the socio-economic sphere and the implementation of justice: coll. of papers of the Intern. correspondence sci.-practical conf., on Nov. 18, 2015. Cheboksary, 2016.*

11. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 15.03.2017).

Юдин Павел Александрович

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева
(e-mail: pashaadio@mail.ru)

Актуальные проблемы уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Автор анализирует действующие нормы об уголовной ответственности за наркотические преступления, условия освобождения от уголовной ответственности лиц, их совершивших, вопросы, возникающие в связи с применением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: наркотические преступления, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, уголовная политика, противодействие преступности.

P.A. Yudin, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev; e-mail: pashaadio@mail.ru

Current problems of criminal law counteraction to drugs, psychotropic substances and their precursors trafficking

The current problems of criminal law counteraction to drug, psychotropic substances and their precursors trafficking are considered in the article. The author analyzes the existing rules of criminal liability for the drug crimes, the conditions of application of the institute of the exemption from criminal liability and also some questions in scope of the Federal law «About operational search activity».

Key words: drug crimes, criminal liability, exemption from criminal liability, criminal policy, crime counteraction.

Учитывая рост преступности, как прямо, так и косвенно связанной с незаконным оборотом наркотиков, автор статьи поставил следующие цели: анализ действующих уголовно-правовых норм, участвующих в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; выявление существующих проблем в применении примеч. 1 к ст. 228 УК РФ, теоретическая разработка проблематики применения ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Актуальность данной работы обусловлена тем, что незаконный оборот наркотиков является острой мировой проблемой, ставящей под угрозу и подрывающей нравственное, психическое и физическое здоровье человека. Помимо указанных социальных факторов, данная проблема не лишена теоретической актуальности в вопросах применения института освобождения от уголовной ответственности, а также теоретической обоснованности снижения возраста уголовной ответственно-

сти по ряду статей, в частности ст. 228, 228.1 и 231 УК РФ.

Научная новизна исследования определяется кругом анализируемых в ней проблем и вопросов с учетом новейших механизмов, регулирующих незаконный оборот наркотиков, изучением различных методологических подходов, определяющих курс дальнейшего развития уголовного законодательства Российской Федерации.

Согласно статистике о состоянии преступности в январе – декабре 2015 г. зарегистрировано 2352,1 тыс. преступлений, или на 8,6% больше, чем за тот же период прошедшего года. Из них выявлено 234,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, где каждое двадцать третье преступление совершено несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения [1]. Необходимо также обратить внимание на то, что за 2015 г. в отношении несовершеннолетних возбуждено 429 уголовных дела по ст. 229 УК РФ. Е.Л. Харьковский справедливо отмечает, что если бы по таким статьям, как ст. 228, 228.1 и

231 УК, снизить уголовно наказуемый возраст до 14 лет, то уровень преступлений, совершаемых несовершеннолетними, значительно бы вырос [2, с. 163].

Решение данной проблемы, как и ее превенция, видится в снижении возраста уголовной ответственности по ст. 228, 228.1 и 231 УК до 14-летнего возраста. Объясняется это прежде всего тем, что, как свидетельствует ряд клинических испытаний, проводимых НИИ наркологии, современные подростки в возрасте от 14 до 16 лет осознают опасность наркотических средств и психотропных веществ как в отношении себя, так и в отношении общества в силу различных государственных программ, проводимых на федеральных и региональных уровнях исполнительной власти [3, с. 13].

Подобное решение вопроса позволяет говорить о том, что снижение возраста уголовной ответственности по ряду статей Уголовного кодекса обеспечивает возможность государству осуществить воздействие на противоправное поведение, а также на противоправное сознание несовершеннолетнего на более ранних этапах не только посредством наказания несовершеннолетних, но и в силу использования принудительных мер воспитательного воздействия. О строгости рассматриваемых мер свидетельствует их длительный характер (пп. «б», «г» ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 92 УК РФ), а также возможность одновременного назначения нескольких принудительных мер воспитательного воздействия. В том случае, когда подобные меры оказались неэффективными, за правоприменителем сохраняется возможность отмены таких мер с последующим назначением и исполнением в отношении подростка уголовного наказания (ч. 4 ст. 90).

Вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за незаконные приобретение, переработку, изготовление, хранение, перевозку, сбыт, пересылку, производство наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также культивирование наркосодержащих растений многими теоретиками оценивается положительно. В частности, представляется возможным согласиться с позицией Л.М. Бабкина, отмечающего, что «факт повышения общественной опасности распространения и, как следствие, злоупотребления запрещенными средствами и веществами должен вызывать незамедлительную реакцию законодателя на подобную угрозу, в частности путем снижения уголовного возраста до 14 лет» [4, с. 11].

Также в защиту рассматриваемого выше тезиса о снижении возраста уголовной ответственности можно привести то обстоятельство, что субъектом преступления в ст. 229 УК является лицо, достигшее 14-летнего возраста, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК. В данном случае мы сталкиваемся с тем, что законодатель предусматривает такое обстоятельство, как осознание 14-летним субъектом общественной опасности изъятия такого предмета, как наркотики, тогда как осознавать общественную опасность приобретения или, допустим, сбыта таких веществ он может и в 14-летнем возрасте, но к уголовной ответственности привлекается лишь с 16 лет. Подобная ситуация парадоксальна, и факт необходимости устранения подобного несоответствия очевиден.

Другой аспект законодательной воли мог выражаться в том, что законодатель в вопросе установления возраста субъекта в ст. 229 УК отталкивался от способа совершения данного преступления. В ч. 2 ст. 20 УК РФ прямо установлено, что уголовная ответственность за совершение таких преступлений, как кража (ст. 158 УК), грабеж (ст. 160 УК), разбой (161 УК) и вымогательство (ст. 163 УК) наступает с 14 лет. Однако Д.А. Леонов справедливо отмечает, что «осознание лица, совершившего преступное деяние, осложнено тем, что помимо осознания самого факта преступного изъятия и (или) обращения, равно незаконное требование передачи не принадлежащего субъекту преступления предмета преступного посягательства, но и то, что такая опасность повышается за счет обстоятельства, что предметом преступления являются средства или вещества, находящиеся в ограниченном обороте или изъятые из него» [5, с. 152]. Сказанное выше подтверждает, что законодатель при криминализации состава ст. 229 УК предусматривал осознание субъектом не только степени общественной опасности кражи, грабежа, разбоя или вымогательства, но степени общественной опасности, которая повышается в связи с тем обстоятельством, что посягательство направлено на специфический предмет преступления.

Подобное утверждение демонстрирует, во-первых, необходимость снижения возраста уголовной ответственности до 14 лет по ст. 228, 228.1 и 231 УК, так как сознанием несовершеннолетнего охватывается степень общественной опасности совершаемых преступлений, исходя из вышеназванного аспекта. Например, сбыт, культивирование или незаконное производство предмета преступлений не может быть по своей степени общественной опасно-

сти меньше, чем хищение или вымогательство того же предмета преступлений. Во-вторых, снижение возраста уголовной ответственности устранил несоответствие субъекта преступления между рассматриваемыми статьями и ст. 229 УК РФ.

Привлечение к уголовной ответственности лиц, которые осуществляют сбыт наркотических средств или психотропных веществ в крупном или особо крупном размере, является достаточно сложной задачей для правоохранительных органов. Мерой, способствующей ее решению, считаем использование института освобождения от уголовной ответственности лиц, которые указаны в примеч. 1 к ст. 228 УК РФ. Однако юридическая конструкция, установленная законодателем в рассматриваемом примечании, в силу своего несовершенства не обеспечивает возможности применения всего потенциала рассматриваемого института в полном объеме. Юридическая конструкция примечания устроена таким образом, что освобождение субъекта преступления от уголовной ответственности зависит напрямую от исполнения целой совокупности обязательных условий, что зачастую невозможно [6, с. 5]. В конечном результате лицо, совершившее преступление, может выполнить все возможные для достижения указанных целей действия, однако результат не может быть достигнут по не зависящим от виновного лица обстоятельствам. В данном случае нам приходится говорить о том, что построение примечания произведено таким способом, что встретить эту «идеальную» совокупность на практике можно достаточно редко.

Также необходимо обратить внимание на то, что лицо, осознавая отсутствие возможности сдачи предмета преступления, вряд ли будет заинтересовано оказывать содействие в раскрытии или пресечении преступлений, изобличении лиц, совершивших преступление, а также поиске имущества, добытого преступным путем. Тем более, что указанные действия могут повлечь угрозу жизни или здоровью этого лица. Именно в этом заключается вопрос о неэффективности данного примечания. Поэтому предлагается из примеч. 1 к ст. 228 исключить первую часть, предусматривающую обязательность сдачи наркотического средства или психотропного вещества, и установить, что лицо, активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных средств, веществ или их аналогов, а также с незаконным приобретением, хранением, перевозкой таких рас-

тений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление.

В Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» включена по своей сущности уголовно-правовая норма. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 18 данного закона лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступления, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации [7].

Анализ судебной практики показывает, что большое количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков совершается именно организованными преступными группами или преступными сообществами. Выходит, что данная норма установлена в целях разрушения стабильности связей, а также взаимопомощи между участниками в преступных группах, что определяет положительную динамику в расследовании таких преступлений и образует продуктивный вектор в борьбе с преступностью. Однако необходимо отметить юридически значимый факт, который заключается в том, что уголовное законодательство России состоит из Уголовного кодекса, где основания освобождения от уголовной ответственности имеют закрытый и исчерпывающий перечень, и рассматриваемое выше основание отсутствует в уголовном законодательстве.

В ч. 1 ст. 1 УК РФ закреплено, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит из данного Кодекса. Законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в вышеуказанный Кодекс. В ч. 2 ст. 1 УК РФ законодатель определил, что Уголовный кодекс основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права. Как мы видим, уголовный закон исчерпывающим образом определяет перечень источников уголовного права. Указанный довод означает следующее: правоприменитель лишен возможности использования положений, предусмотренных в ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в силу действия принципа законности в

исследуемой отрасли права и по причине законодательно ограниченного перечня источников российского уголовного права.

По нашему мнению, вышеуказанная правовая норма Федерального закона «Об опера-

тивно-розыскной деятельности» должна быть включена в гл. 11 УК РФ в качестве самостоятельного вида освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного отдельной статьей.

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Статистика преступности январь – декабрь 2015 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/6917617/> (дата обращения: 16.03.2016).

2. Харьковский Е.Л. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

3. Воробьева И.А. Наркозависимость: проблемы медицины // Вопросы наркологии. 2015. № 1.

4. Бабкин Л.М. Ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ по законодательству России и других государств – участников Содружества Независимых Государств: уголовно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2009.

5. Леонов Д.А. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

6. Мартынович А.Ю. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: квалификация, освобождение от уголовной ответственности, назначение наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 21 дек. 2013 г.) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 6.

1. The Ministry of the Interior of the Russian Federation. Crime statistics, January – December, 2015. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/6917617/> (date of access: 16.03.2016).

2. Kharkovsky E.L. Criminal liability for the illegal traffic in narcotic drugs and psychotropic substances: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2002.

3. Vorobyova I.A. Drug addiction: problems of medicine // Problems of narcology. 2015. № 1.

4. Babkin L.M. Responsibility for crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances under the laws of Russia and other states members of the Commonwealth of Independent States: criminal legal analysis: auth. abstr. ... Candidate of Law. Ryazan, 2009.

5. Leonov D.A. Theft or extortion of narcotic drugs or psychotropic substances: diss. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2006.

6. Martynovich A.Yu. Illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues: qualification, exemption from criminal liability, punishment: auth. abstr. ... Candidate of Law. Krasnoyarsk, 2004.

7. On the operational search activity: fed. law d.d. Aug. 12, 1995 № 144-FL (as amended on Dec. 21, 2013) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 6.

Лебедев Семён Яковлевич

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: lebesem@yandex.ru)

Буткевич Сергей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: butkevich-sa@mail.ru)

Инновационное развитие системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности: постановка проблемы

Рассмотрены научные предпосылки криминологического обеспечения инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности. На основании теоретического анализа существующих научных взглядов и практического опыта правоохранительных органов в области антитеррористической и контрэкстремистской безопасности сформулированы инновационные научные задачи, направленные на модернизацию существующей модели криминологической превенции терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: инновации в правоохранительной деятельности, предупреждение преступности, предупреждение преступлений террористического характера, предупреждение преступлений экстремистской направленности.

S.Ya. Lebedev, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lebesem@yandex.ru;

S.A. Butkevich, Candidate of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: butkevich-sa@mail.ru

Innovative development of the system for preventing crimes of a terrorist nature and extremist orientation: formulation of the problem

The scientific prerequisites of criminological provisions of the innovative development of the system for preventing crimes of a terrorist nature and of extremist orientation are considered. On the basis of the theoretical analysis of existing scientific views and practical experience of law enforcement agencies in the field of antiterrorism and counter-extremist security innovative scientific tasks aimed at modernizing the existing model of criminological prevention of terrorism and extremism are specified.

Key words: innovations in law enforcement activity, crime prevention, prevention of crimes of a terrorist nature, prevention of extremist crimes.

Инициация предлагаемых к осмыслению научному (главным образом, криминологическому) сообществу авторских размышлений по поводу нового концептуального подхода к развитию системы предупреждения опаснейших по масштабам своих проявлений и равно трагических последствий преступлений, связанных с террористическими и сопутствующими им экстремист-

скими угрозами, объективно вызвана двумя взаимосвязанными между собой обстоятельствами. Во-первых, современные процессы инновационно-технологической модернизации большинства обыденных сторон жизнедеятельности человека обоснованно заставляют специалистов концентрироваться на развитии аналогичных таким инновациям, опять-таки, инновационных систем социального управле-

ния. Во-вторых, закономерное проникновение инновационных технологий в традиционные сферы жизнедеятельности людей, в том числе сопровождаемые негативным, асоциальным и преступным поведением человека, требуют адекватной социально-правовой реакции, нацеленной на их предупреждение и нейтрализацию пагубных последствий. Подобная адекватность, безусловно, вызывает жизненно важную необходимость развития соответствующих инновационно-технологических ресурсов, позволяющих достигать требуемой превентивной эффективности ради обеспечения безопасности людей от каких-либо криминальных угроз.

Современный терроризм и лежащий в его основе экстремизм, несомненно, представляют приоритетную угрозу не только безопасности обычных людей, но и региональной, национальной и мировой безопасности в целом. Эскалация таких угроз, по сути, становится приоритетным субстанциальным вызовом международной безопасности. В России, равно как и во многих государствах мирового сообщества, их активные проявления имеют свою антиобщественную специфику [1, с. 76–78]. Таковая связана как с отечественными криминологическими закономерностями, так и с последствиями становления и современного демократического развития Российского государства и общества.

На протяжении всего постсоветского периода объектами террористических посягательств, сопровождавшихся масштабным ущербом и огромным числом человеческих жертв, становились государственные и общественные деятели, объекты инфраструктуры, жизнеобеспечения и стратегического назначения. Постепенно в террористической и экстремистской деятельности наметилась устойчивая тенденция использования иностранных агентов влияния и специальных служб зарубежных государств для подрыва общественно-политической и социально-экономической стабильности в Российской Федерации. Терроризм и экстремизм стали средством военной агрессии, неотъемлемого участия инструкторов, наемников и частных военных компаний в боевых действиях на Северном Кавказе. Параллельно силовым террористическим акциям активизировались информационно-пропагандистские технологии влияния на общественное сознание, сознание отдельных граждан и социальных групп, нацеленные на разжигание и обострение межэтнической, межконфессио-

нальной вражды, ненависти, насильственную смену конституционного строя, насильственный захват власти, нарушение территориальной целостности и др. [2]. Все это свидетельствует о процессах модернизации форм и содержания террористической и экстремистской деятельности, создающих устойчивую инновационную платформу будущих, более масштабных криминальных угроз безопасности и их осуществления в Российской Федерации и за ее пределами.

Возникновение и распространение терроризма и экстремизма в России имеют определенные исторические предпосылки и связаны как с внутренними социальными, экономическими, политическими, межнациональными, межконфессиональными, межэтническими противоречиями, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества, детерминантами. Дополнением этих общих источников современных террористических и экстремистских угроз в Российской Федерации выступают проблемы деятельности правоохранительных органов в сфере обеспечения национальной и общественной безопасности, связанные, главным образом, с ресурсными (правовыми, организационными, материально-техническими, финансовыми, кадровыми и др.) дисбалансами правоохранительного контроля над инновационными процессами, происходящими в преступности и наиболее агрессивных ее проявлениях.

Анализ результатов специальных, в том числе криминологических, исследований позволяет определить ряд ключевых негативных тенденций развития террористических и экстремистских угроз в Российской Федерации и детерминирующих их процессов и явлений, каковыми являются:

- 1) консолидация сторонников националистических и религиозно-экстремистских идеологий;
- 2) ориентация идеологов терроризма и экстремизма на широкое использование в реализации своих угроз не только традиционных, но, главным образом, инновационно-технологических форматов достижения общественно опасных целей, так называемые гибридные атаки;
- 3) наличие большого числа потенциально опасных и уязвимых в террористическом плане объектов жизнедеятельности, большей частью по своим ресурсам не рассчитанных на адекватное отражение инновационных террористических атак;

4) неконкретность стратегического нарратива, слабый профессиональный ресурс контртеррористической информационно-пропагандистской работы, в частности по противодействию распространению материалов террористического и экстремистского содержания в сети Интернет;

5) недостаточный уровень научного и методического сопровождения, а также участия институтов гражданского общества и средств массовой информации в мероприятиях по противодействию терроризму и экстремизму;

6) несовершенство методик выявления каналов и механизмов блокирования источников финансирования террористической и экстремистской деятельности, раскрытия приемов и способов совершения таких операций и др.

К тому же активное участие России в урегулировании длительных вооруженных и «замороженных» конфликтов, решение задач по пресечению международной террористической деятельности за ее пределами определяют форсирование милитаризации смежных регионов, увеличение иностранного военного присутствия и размещения ультрасовременных систем вооружения других государств и их военно-политических блоков вблизи российских границ и, как следствие, повышают риски террористических угроз в том или ином субъекте Российской Федерации.

Высокие темпы научно-технического прогресса во всех сферах жизнедеятельности человека делают очевидным тот факт, что для преступных организаций, групп и отдельных лиц появляются новые возможности отхода от «типичной» террористической либо экстремистской деятельности, наращивания в ней инновационных форматов, позволяющих их организаторам и исполнителям вместе с достижением большего социально опасного эффекта становиться менее уязвимыми для традиционного правоохранительного контроля. Это иллюстрируют:

кибертерроризм, осуществляемый на фоне свободного доступа (открытости) информации и глобализации информационного пространства и включающий: кибер-инциденты и масштабные DDoS-атаки на электронные коммуникации и государственные электронные информационные ресурсы; создание «страниц суицида» с целью пропаганды самоубийств в подростковой среде, константные вербовки новых адептов в социальных сетях и на интернет (веб)-форумах; умышленное искажение в информа-

ционном пространстве реальных фактов, исторических событий и другого контента в общей информационной картине мира;

технологии «гибридной» террористической деятельности, в том числе: создание «спящих» ячеек; «консервация» и активация террористов-одиночек; поддержка псевдопатриотических организаций, де факто являющихся незаконными вооруженными формированиями;

культивация и стимуляция религиозного (главным образом исламистского) и этнонационального факторов;

финансовая и иная поддержка международного терроризма со стороны отдельных государств;

интенсификация проявлений фундаментализма, неофашизма, национализма, в первую очередь в подростковой и молодежной среде;

возможности применения террористами ядерного, биологического (бактериологического), химического, психотронного и других видов оружия массового поражения;

эскалация неконтролируемых масштабных миграционных процессов, прежде всего из зон вооруженных конфликтов либо ведения военных действий, в том числе с территории террористической организации «Исламское государство».

С точки зрения криминологической науки, названные явления многоаспектны, противоречивы и в XXI в. приобретают все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Именно поэтому современный терроризм и экстремизм справедливо относят к числу самых опасных и трудно прогнозируемых социальных явлений [3, с. 135–136].

Очевидно, что тенденции модернизации терроризма и экстремизма, изменения их доктринальных и идеологических установок, организационной структуры, источников финансирования и широкое применение высоких технологий требуют создания адекватной системы криминологической превенции, основанной на результатах соответствующих научных изысканий. При этом с сожалением следует констатировать отсутствие в современной практике криминологических исследований профессиональной специализации проведения таковых в инновационных сферах проявления сегодняшних криминальных угроз.

Если оценивать с криминологических позиций современные антитеррористическую и контрэкстремистскую практики, то нетрудно заметить, что и в них преобладают далекие от

совершенства образцы правоохранительной активности. Консервативная структура правоохранительных органов, нередко закостенелое мышление и явно устаревший алгоритм действий личного состава, недостаточное (как уже отмечалось выше) ресурсное обеспечение в этой области не дают им возможности в полном объеме контролировать деятельность идеологов и организаторов террора и нейтрализовать растущие угрозы экстремистской деятельности. Решение правоохранительных задач в этой сфере, как правило, сводит деятельность специальных структурных подразделений правоохранительных органов к реакции на свершившийся факт, т.е. ликвидации уже созданных и функционирующих террористических ячеек и экстремистских групп, минимизации последствий деятельности последних, задержанию реальных террористов, изъятию экстремистских материалов, блокированию конкретных Интернет-ресурсов и фрагментарному удалению запрещенного контента.

В этом случае, как, к сожалению, вообще в большинстве современных отечественных правоохранительных сюжетов, весьма ярко проявляется противоречие между богатым криминологическим знанием о закономерностях преступности и ее предупреждении, нацеливающим государство и общество на приоритет социально-правовой превенции, и традиционными, не имеющими под собой какой-либо научной основы государственными воззрениями на преступность как объект, требующий всемерного исключительно силового подавления. Тогда как именно криминология, объединяющая в себе научное знание закономерностей развития преступности и ее последствий, комплекса детерминантов, качеств и свойств различных типов личности преступника и жертв преступных посягательств, механизмов преступного поведения и системы предупреждения преступлений, без чего невозможно профессионально воспринимать ни одну из практических сторон правоохранительной деятельности, создает научно обоснованные предпосылки совершенствования всей системы социально-правового контроля над преступностью. Наряду с огромным арсеналом теоретического знания о преступности и ее предупреждении, исключительной прерогативой криминологии выступает постоянно совершенствуемая ею система криминологического прогнозирования, создающая научные основы модернизации будущей правоохранительной деятельности, нацеленной

на обеспечение общественной безопасности от преступности. Именно криминологическое прогнозирование лежит в основе программно-целевого планирования предупреждения преступности, фактически оставшегося в тридцатилетнем прошлом ОВД.

Все это имеет прямое отношение к предмету инновационного укрепления системы предупреждения преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом, поскольку, с точки зрения обеспечения безопасности личности, общества и государства, модернизирующимся терроризму и экстремизму необходимо противопоставлять опережающую превентивную деятельность правоохранительных органов, основанную на научном, прежде всего криминологическом, ее обеспечении, постоянном анализе происходящих внутри этих явлений и влияющих на их модернизацию инновационных процессов. Отметим, в этом относительно новом для криминологической науки деле заложен огромный ресурс ее собственного инновационного развития.

Представляется, что актуальность и своевременность предлагаемой авторами к осмыслению новой масштабной научно-исследовательской работы объясняются потребностью в первую очередь теоретического раскрытия сути проявляемых и развивающихся противоречий между, с одной стороны, масштабами террористических и экстремистских угроз, характеризующимися современными инновационными процессами, и потребностями в разработке и реализации пропорциональных и адекватных таким угрозам превентивных инновационных социально-правовых программ и, с другой стороны, недостаточным инновационным обеспечением существующей предупредительной, да и в целом правоохранительной антитеррористической и контрэкстремистской практик, а также существующим разбалансированным по своим потенциальным и реальным ресурсам правоохранительным контролем, формально нацеленным на минимизацию анализируемых криминальных угроз и их общественно опасных последствий, достигаемым, главным образом, силовыми средствами. При этом, конечно, нельзя не признавать, что отчасти антитеррористическая и контрэкстремистская практики не обходятся без соответствующего предупредительного сегмента, однако он весьма далек от требуемого системного оформления, поскольку здесь очевидны пробелы и противоречия, прежде всего, в законодательном регу-

лировании такой целенаправленной превенции и правоприменительном ее воплощении, неструктурированность звеньев правоохранительного механизма, несоординированность их действий и др.

Бесспорно, познание перечисленных противоречий должно стать предметом самостоятельного научного исследования, нацеленного на получение нового криминологического знания о путях их преодоления. При этом названные проблемы и параномии, отражающиеся на неадекватном правоохранительном противодействии современным инновационно развиваемым форматам терроризма и экстремизма, определяют необходимость их изучения главным образом с позиций криминологической науки, позволяющей разработать научно обоснованные предпосылки инновационного развития системы предупреждения терроризма и экстремизма.

Изложенные обстоятельства не являются исчерпывающими, однако именно они определяют необходимость научного осмысления и выработки перспектив инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Разработка позиционируемой проблематики в рамках криминологической науки даст возможность подготовить научно обоснованные предложения и рекомендации для инновационного развития адекватной характеру современных криминальных угроз и оптимальной по своим требуемым для этого ресурсам системы предупреждения терроризма и экстремизма, чем в целом и обосновывается актуальность темы настоящего исследования.

При этом подразумевается, что инновационное обеспечение системы предупреждения преступности должно развиваться не столько по логике противодействия инновационно-технологическим сюжетам в осуществлении террористической и экстремистской деятельности, сколько, на основании новых научных данных (включая прогностические), – опережения реализации стратегических планов террористических и экстремистских организаций.

При этом важно обеспечивать инновационное развитие предупреждения террористических и экстремистских угроз на междисциплинарной основе, аккумулировать существующие в указанной области идеи и примеры их активной реализации, стремиться к объединению научных и практических сил, обеспечивающих антитеррористическую

и контрэкстремистскую безопасность, задействовать в качестве ресурсной основы инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности потенциал соответствующих научных и образовательных учреждений, активно использовать аналогичный инновационный опыт зарубежных коллег. Разумеется, речь идет не только о внедрении зарубежного передового опыта (законодательного, правоприменительного, информационно-технологического и др.), но и повышении уровня собственной медиа-культуры общества, создании социально ответственной информационной среды, применении своих интерактивных форм и методов предупреждения терроризма и экстремизма.

Предметная область криминологического анализа инновационных процессов, сопровождающих современные проявления терроризма и экстремизма, и разработка научных криминологических предпосылок формирования адекватной этим процессам и оптимальной по своим, прежде всего, правоохранительным ресурсам системы их предупреждения базируются на существующей теоретической и методологической платформах научного анализа терроризма, экстремизма и предупреждения связанных с ними преступлений, отчасти уже нашедших свое отражение в специальной литературе (см. работы А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, Г.Ф. Байрака, А.Н. Безрука, Э.А. Биджиевой, С.В. Борисова, Ю.А. Брусницына, В.А. Бурковской, Ю.В. Голика, Н.Н. Гриб, С.Д. Гринько, А.И. Гурова, М.Д. Давитадзе, К.К. Демирова, Ю.Н. Дерюгиной, С.У. Дикаева, А.И. Долговой, С.В. Дьякова, А.Л. Еделева, И.Е. Елизарова, В.П. Емельянова, В.П. Журавель, И.В. Задорожной, Д.И. Ивановой, А.Н. Игнатова, Р.Ю. Казакова, М.П. Киреева, А.В. Ключева, В.С. Комиссарова, Н.С. Кондракова, Д.А. Корецкого, М.Н. Косарева, Н.Ф. Кузнецовой, И.В. Лебедева, Н.Д. Литвинова, В.В. Лунеева, Е.Г. Ляхова, С.В. Максиной, С.Ф. Милюкова, А.И. Моисеенко, Б.А. Мыльникова, А.В. Наумова, Д.А. Некрасова, А.В. Никитина, В.С. Овчинского, А.В. Петрянина, М.С. Пешкова, К.Н. Селимова, Н.В. Степанова, В.В. Устинова, С.Н. Фридинского, А.Г. Хлебушкина и др.). В то же время, учитывая развивающиеся во всех сферах государственной и общественной жизни инновационные процессы, в том числе активно демонстрирующие себя в социально негативных явлениях, угрожающих национальной

безопасности, требующие соответствующих инновационных подходов к организации анти-террористической и контрэкстремистской деятельности, научную составляющую в ней нельзя исчерпывать только опубликованными рекомендациями. Более того, постоянные изменения в федеральном законодательстве и системе научных взглядов на эту проблематику также требуют своего инновационного структурирования и совершенствования [4].

Таким образом, несмотря на весомый вклад ученых, значительный практический интерес к этой проблеме, динамизм социальных и правовых процессов и явлений, связанная с ним инновационная активность, особенно в последнее десятилетие (2005–2016 гг.), вызывают острую потребность в формировании адекватной инновационной, основанной на глубоких научных познаниях, системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Предметом самостоятельного научного анализа, по сути, представляющего в своем единстве новую теоретико-прикладную концепцию инновационного развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности, должны выступить:

а) закономерности, тенденции и противоречия инноваций в теории и практике предупреждения преступности и преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

б) теоретические и методологические основы криминологического познания инновационных процессов развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

в) криминологическая характеристика преступлений террористического характера и экстремистской направленности, совершаемых с использованием инновационных технологий;

г) криминологические критерии современного состояния и перспектив развития инновационной деятельности в практике предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

д) организационно-методические основы и моделирование инновационного обеспечения системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

е) перспективы инновационно-технологического обеспечения криминологического прогнозирования развития системы предупреждения

преступлений террористического характера и экстремистской направленности;

ж) разработка криминологически обоснованных критериев формирования и развития системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности с использованием инновационных технологий.

Предполагается, что решение перечисленных научных задач должно быть направлено, прежде всего, на достижение цели получения нового криминологического знания о состоянии, перспективах развития и предупреждения инновационно-технологического обеспечения террористической и экстремистской деятельности, разработку на основе такого нового научного знания криминологических основ формирования и развития адекватной этим негативным процессам и оптимальной по своим ресурсам системы предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности с использованием инновационных технологий. В то же время, помимо достижения подобных криминологических результатов, развитие предлагаемой концепции позволит переосмыслить существующие модели системы и типологии предупреждения преступности, критически отнестись к ним, по-новому взглянуть на существующие коллизии и пробелы в сфере инновационного обеспечения системы предупреждения не только преступлений террористического характера и экстремистской направленности, но и преступности в целом.

Не без научной гордости следует заметить, что в иницируемом концептуальном формате авторская идея не имеет аналога в правовой (включая криминологическую) литературе и, безусловно, несет новую научную информацию о качественной обоснованности комплекса проблем в теории и практике предупреждения преступности с учетом новых социально-правовых условий и происходящих в мире и российском обществе инновационно-технологических процессов развития общественных отношений, в том числе в сфере предупреждения преступности.

Теоретическая значимость предполагаемых научных результатов состоит в том, что они призваны, прежде всего, восполнить пробелы в криминологической теории предупреждения преступности в части ее нового наполнения предметной научной информацией об инновационно-технологических потенциях и перспективах развития теории и практики преду-

преждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Предполагается, что такая новая предметная научная информация станет доминирующей в развитии образовательного процесса, нацеленного на подготовку качественно новых профессиональных кадров, которые впоследствии будут задействованы в системе предупреждения терроризма и экстремизма, а также раскрытии национального научного и научно-технического потенциала.

Представляется, что иницилируемая авторами новая масштабная научно-исследовательская работа способна вывести криминологию, а вслед за ней постепенно всю правоохранительную практику на новые, весьма продуктивные стратегические перспективы инновационного развития системы предупреждения не только террористических либо экстремистских преступлений, но и в целом всей преступности, так или иначе подверженной современным инновационно-технологическим воздействиям.

1. Буткевич С.А., Коноплева А.А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестн. Казанск. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 1(19). С. 76–93.

2. Лебедев С.Я. Криминологическая оценка и перспективы антикриминогенной превенции террористического потенциала киберпространства // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. [Электронный ресурс]. Симферополь, 2015. С. 376–380.

3. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Тенденции проявлений экстремизма и терроризма в Крымском федеральном округе и пути повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию им // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2(14). С. 127–137.

4. Дубко Ю.В., Заброда Д.Г. Нормативно-правовое регулирование противодействия терроризму: региональный аспект // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Симферополь, 2016. С. 161–175.

1. Butkevich S.A., Konopleva A.A. The extension of extremism in the Republic of Crimea: problems of counteraction and solutions // Bull. of the Kazan law institute of Russian MIA. 2015. № 1(19). P. 76–93.

2. Lebedev S.Ya. Criminological evaluation and prospects anticrime prevention of terrorist capabilities of cyberspace // Combating extremism and terrorism in the Crimea Federal District: theory and practice: proc. of All-Russian sci. and practical conf. [Electronic resource]. Simferopol, 2015. P. 376–380.

3. Ignatov A.N., Kashkarov A.A. Trends in manifestations of extremism and terrorism in the Crimea Federal District and ways of increasing the efficiency of law enforcement agencies to counteract them // Library of criminal law and criminology. 2016. № 2(14). P. 127–137.

4. Dubko Yu.V., Zabroda D.G. Normative and legal regulation of counteraction to terrorism: regional aspect // Counteraction to extremism and terrorism in the Crimea Federal District: problems of theory and practice. Simferopol, 2015. P. 161–175.

Сидоренко Элина Леонидовна

доктор юридических наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел РФ
(e-mail: 12011979@list.ru)

Современные криминологические тенденции бытовой коррупции в России

В работе проводится комплексный криминологический анализ состояния и динамики бытовой преступности, разрабатываются статистические индикаторы ее проявлений в социальной сфере. Особое внимание автор уделяет определению понятия и признаков бытового взяточничества и его отграничению от экономической коррупции.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, криминологическая характеристика, состояние, тенденции.

E.L. Sidorenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: 12011979@list.ru

Modern criminological trends of domestic corruption in Russia

The complex criminological analysis of the state and dynamics of everyday crime is conducted in the work, statistical indicators of its manifestations in the social sphere are developed. The author pays special attention to the definition of the concept and signs of domestic bribery and its delimitation from economic corruption.

Key words: corruption, domestic corruption, criminological characteristics, condition, trends.

В Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг., утвержденном Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147, криминологический анализ бытовой коррупции назван одним из приоритетных направлений научных исследований, и это не случайно. Несмотря на существенное ужесточение в Российской Федерации уголовной ответственности за коррупционные преступления, их количество продолжает расти, а преступные схемы становятся более сложными и организованными.

Но особую тревогу вызывает хабиатурализация (опривычивание) коррупции. Как справедливо отметили П. Бергер и Т. Лукман, «любое действие, которое часто повторяется, становится образцом. Позднее оно совершается с меньшими энергетическими потерями, поскольку воспринимается лицом как стандарт поведения. Таким образом, впоследствии оно может совершаться таким же образом и с таким же минимальным усилием» [1, с. 65]. В таких условиях криминология обязана предложить принципиально новые средства противодействия бытовой коррупции, основанные на верном понимании ее природы и «реперных» точек мониторинга.

В современных научных работах под бытовой коррупцией понимается либо «низовый» уровень коррупционных проявлений, когда в преступные схемы вовлечены муниципальные служащие [2, с. 18], либо административная коррупция [3, с. 8], либо мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ и ст. 204.2 УК РФ) и др. В отдельных случаях ученые даже не делают различий между этими терминами.

Во многом это объясняется широким диапазоном возможных критериев. В первом случае в основу понимания бытовой коррупции закладывается статус взяточполучателя, во втором – характер правонарушения, в третьем – размер взятки.

Если рассматривать данное понятие, отталкиваясь от этимологического определения быта как уклада повседневной жизни, внепроизводственной сферы жизни человека, логично предположить, что бытовая коррупция должна быть непосредственно связана с производственной частью жизни личности, удовлетворением ею повседневных потребностей.

На основе предложенного обоснования можно определить бытовую коррупцию как устойчивую социальную практику человека по удовлетворению своих повседневных по-

требностей в социальных услугах коррупционным путем.

В рамках предложенного определения можно выделить следующие криминологические признаки бытовой коррупции.

1. Ограниченность субъектного состава физическими лицами, не обладающими статусом индивидуального предпринимателя. Данный критерий позволяет отделять бытовую коррупцию от экономического взяточничества в случаях, когда последнее осуществляется на низовом уровне и сопряжено с мелким взяточничеством муниципальных чиновников. Тот факт, что в большинстве случаев бытовая коррупция связана с дачей взятки (коммерческого подкупа) в размере до 10 тыс. рублей, позволяет некоторым специалистам ограничивать ее статистические границы деяниями, предусмотренными ст. 291.2 УК РФ. Данный подход является ошибочным хотя бы на том основании, что около 20% от общего объема мелкого взяточничества напрямую связано с предпринимательской деятельностью небольших компаний и индивидуальных предпринимателей.

2. Вторым важным признаком бытовой коррупции является ее направленность на удовлетворение внепроизводственных нужд взяткодателей. В отличие от корпоративной коррупции, подчиненной законам экономического развития, бытовая коррупция имеет преимущественно социальный характер и позволяет выявить слабые места в системе оказания социальных услуг населению как со стороны государственных органов, так и коммерческих (некоммерческих) организаций [4, с. 156].

3. Особенности развития коррупционных отношений не позволяют ограничивать изучаемое явление только уголовно наказуемой коррупцией. Устойчивым трендом последнего десятилетия является увеличение случаев подкупа лиц, не обладающих специальным правовым статусом, при осуществлении ими служебных полномочий. Отсутствие признаков специального субъекта не позволяет квалифицировать такие деяния как получение взятки или коммерческий подкуп, а отсутствие признаков обмана не дает оснований для вменения состава мошенничества (ст. 159 УК РФ). Таким образом, данные коррупционные схемы находятся за рамками уголовного законодательства, но при этом не теряют свойства бытовой коррупции. Скорее напротив, обеспечивают ее высокую латентность и формируют ресурсную основу уголовно наказуемой коррупции.

Можно условно выделить три модели бытовой коррупции:

1) коррупция – действие – в этом случае лицо за дополнительное вознаграждение совершает действия, которые входят в его должностные либо служебные обязанности; данную группу составляют как уголовно наказуемые деяния, так и действия, не являющиеся преступными, как показал проведенный нами социологический опрос, в 60% случаев имеют место побои при регистрации прав, когда подкупаются лица, не обладающие должностным статусом, за совершение технических действий, например ускорение процедуры;

2) коррупция – бездействие – эта модель основана на отказе должностного лица либо руководителя организации от осуществления действий, входящих в его обязанности, за вознаграждение со стороны физического лица (например, отказ от составления протокола об административном правонарушении, отказ от возбуждения уголовного дела и др.), в отличие от первой модели, схема «коррупция – бездействие» предполагает наличие у получателя подкупа соответствующего статуса должностного лица или управленца организации;

3) коррупция – сверхдействие предполагает совершение в интересах физического лица действий, выходящих за рамки «законопослушной программы»; в этом случае должностное лицо за вознаграждение злоупотребляет своими полномочиями либо превышает их, например, предоставляет дополнительные социальные льготы, списывает долг по коммунальным платежам, необоснованно предоставляет квоту на операцию и др.

Показательно, что в отличие от экономической коррупции, для которой характерна 3 модель [5, с. 190], бытовой сегмент ориентирован преимущественно на первую (45%) и вторую (35%) схемы.

К сожалению, современная система государственной статистики не ведет отдельный учет бытовой коррупции, что, однако, не препятствует ее системной оценке в рамках условно определенной системы координат.

В качестве таковых можно назвать общий уровень регистрируемой коррупции, количество обращений граждан по факту совершения коррупционных преступлений, показатели прокурорского реагирования на заявления о совершении коррупционных преступлений в социальной сфере, динамику и структуру мелкого взяточничества, субъектный состав кор-

рупционных преступлений и средний размер взятки (коммерческого подкупа).

Являясь составной частью уголовно наказуемой коррупции, она подчинена основным криминологическим трендам ее развития.

Согласно данным официальной статистики (форма 1-Корр) в последние три года наблюдается линейное сокращение преступлений коррупционной направленности. Свидетельством объективности данного процесса является пропорциональное сокращение количества заявлений о совершении преступлений коррупционной направленности. Если в 2014 г. их численность составила 41 тыс., то в 2016 г. было зарегистрировано на 14,5% меньше. Объем зарегистрированных преступлений при этом сократился на 10%, а количество отказов в возбуждении уголовных дел – на 27%.

Таким образом, наблюдается в целом благоприятная динамика снижения коррупции за счет объективного сокращения численности преступлений. Вместе с тем, увеличение объемов материального вреда (прирост в 2016 г. +100%) говорит о качественной трансформации коррупции, когда ее низовой бытовой сегмент уступает место «верхушечной» экономической коррупции.

На фоне сокращения численности сообщений о совершении коррупционных преступлений уменьшается и число возбужденных дел при сохранении в среднем позитивного соотношения уголовных дел и количества заявлений (2/3). Однако если сравнивать данные цифры с показателями соотношения возбужденных дел по всем статьям УК РФ и числом заявлений (1/20), становится очевидно, что при выявлении коррупционных преступлений правоохранительные органы предпочитают работать на основе оперативных данных по «подготовленным» ранее сценариям, что автоматически исключает из числа регистрируемых преступлений дачу и получение мелких взяток, поскольку по таким случаям оперативно-розыскные мероприятия, как правило, не проводятся.

Общие представления об уровне бытовой коррупции дает и анализ результатов прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Принимая во внимание то обстоятельство, что основной объем бытовой коррупции составляет деятельность лиц, не наделенных соответствующим правовым статусом, представляется целесообразным включить в анализ динамику привлечения к дисциплинарной

ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства.

Как показывают результаты прокурорского надзора, за последние пять лет сохранено соотношение показателей привлечения к дисциплинарной ответственности чиновников и представителей государственных (муниципальных) учреждений.

Высокие коррупционные риски отмечаются в исполнительных органах местного самоуправления и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Это объясняется тем, что в отличие от экономической коррупции бытовая ориентирована на поиск оптимальных способов получения социальной услуги, предоставляемой, как правило, органами исполнительной власти.

Но если пик числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности пришелся на 2014 г., то наибольшее количество дисциплинарных производств по нарушению антикоррупционного законодательства был отмечен в 2015 г., что может свидетельствовать о некотором статистическом отставании последних данных вследствие продолжительности прокурорских проверок и поздней фиксации их результатов.

Особый интерес вызывает соотношение фактов привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства в социальной сфере. Так, согласно результатам прокурорских проверок (форма К (501)) о выявленных коррупционных факторах и количестве возбужденных дисциплинарных и уголовных дел самым высоким уровнем латентности обладает коррупция в органах представительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

В первом случае показатель соотношения выявленных коррупционных факторов и дисциплинарной ответственности находится в границах 1 к 7, а в соотношении с уголовной ответственностью – 1 к 100. На муниципальном уровне соотношение коррупционных факторов с дисциплинарной ответственностью составляет 1 к 8, а с преступлениями – 1 к 2000.

Поскольку бытовая коррупция непосредственно связана со сферой исполнительной власти, есть основание полагать, что уровень ее латентности находится в границах 1/50. То есть на один зарегистрированный случай бытовой коррупции приходится 50 реально совершенных деяний.

В криминологической литературе называются и иные показатели латентности, построенные преимущественно на основе анализа общественного мнения. В одних работах утверждается, что средний коэффициент латентности коррупционных преступлений находится в границах 10 [6, с. 249], в других работах – 100 [7, с. 13], в третьих – в пределах 2000 [8, с. 3].

Но несмотря на высокий уровень латентности бытовой коррупции, есть основания для вывода о ее существенном сокращении на фоне активного развития экономического взяточничества.

Такая модель трансформации коррупции хорошо известна западной криминологии, установившей обратную зависимость между развитием экономики и динамикой бытовой коррупции.

Развитие инфраструктуры услуг за счет вложения инвестиций в экономику облегчает доступ граждан к социальным услугам, но с неизбежностью порождает конкуренцию между хозяйствующими субъектами на рынке товаров и услуг.

Будучи заинтересованными в развитии бизнеса, они используют коррупционные схемы для защиты и продвижения своих интересов. Таким образом, освобождающийся ареал бытовой коррупции замещается экономическим сегментом.

В отличие от бытовой, экономическая коррупция имеет преимущественно организованный характер; затрагивает представительные органы власти и причиняет значительный материальный ущерб. Кроме того, она, как правило, сопряжена с коммерческим подкупом, легализацией преступных доходов и мошенничеством, предполагает развитие посреднических услуг и имеет некоторые закрытые зоны, недоступные бытовой коррупции (сфера государственных закупок, внеэкономическая деятельность, оборона и др.).

Знание типовых качеств экономического взяточничества позволяет с высокой долей точности говорить о его динамике. Так, согласно данным официальной статистики, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. были отмечены следующие тенденции: на 15,6% увеличилась доля преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере; на 16,3% возросла организованная коррупция; на 80,4% увеличилась доля представителей законодательной ветви власти при одновременном сокращении на 43% представителей органов исполнительной власти.

В то же время была отмечена положительная динамика мошенничества коррупционной направленности (+12,3%), легализации преступных доходов (+43%) и посредничества во взяточничестве (+23,4%). Однако наибольшую тревогу вызывает тот факт, что на фоне относительно стабильной динамики регистрации коррупционных преступлений на 79,5% увеличился размер причиненного ими материального вреда.

С учетом усредненных показателей отклонения динамики преступлений, совершаемых преимущественно в экономической сфере, можно говорить о том, что при сохранении количественных параметров коррупции она подвергается внутренней трансформации за счет сокращения бытового сегмента и экономического роста в среднем на 23%. А поскольку отмеченные выше тенденции фиксировались и ранее, есть все основания говорить об устойчивости динамики сокращения бытовой коррупции.

Однако снижение ее количественных показателей вовсе не означает утрату ею общественной опасности. Скорее напротив, спад регистрации преступлений нередко свидетельствует о негативной качественной трансформации преступности.

В первую очередь это касается хабитурализации (опривычивания) бытовой коррупции. Проведенный нами интернет-опрос показал, что более 95% опрошенных считают дачу взятки преступлением, но только 17% признали, что не готовы ее дать.

На вопрос «Как Вы оцениваете общественную опасность бытовой коррупции?» ответы распределились следующим образом: высокая общественная опасность – 12%; средняя общественная опасность – 31%; невысокая общественная опасность – 43%, не общественно опасное деяние – 5%; затруднились ответить 9%.

Тревогу вызывает тот факт, что подавляющая доля опрошенных не воспринимают бытовое взяточничество как серьезное преступление и не рассматривают угрозу уголовной ответственности как эффективный сдерживающий фактор.

Уклон в сторону самооправдания заметен при сравнении ответов на вопрос о собственной готовности и готовности окружающих дать взятку.

В первом случае утвердительно ответили 23% респондентов, а во втором – 78%. Эти цифры являются наглядным свидетельством

того, что бытовая коррупция воспринимается населением как привычная повсеместная практика, к которой прибегает большинство населения с целью ускорения или улучшения качества социальных услуг.

В дополнительной научной оценке нуждается политический (конъюнктурный) аспект бытовой коррупции. И хотя он выражен в меньшей мере, чем политическая составляющая экономической коррупции, тем не менее, он позволяет выявить ряд интересных закономерностей в динамике бытового взяточничества.

Так, сравнение динамических рядов преступлений коррупционной направленности и структуры власти позволяет заключить, что основной объем бытовой коррупции сосредоточен на уровне муниципальной власти (22%), муниципальных учреждений образования и здравоохранения (37%), исполнительных органов субъектов (12%) и государственных учреждений образования и здравоохранения (29%).

Обращает на себя внимание приобретение коррупцией очагового характера. Она сосредоточена только в точках «пиковой заинтересованности» граждан в получении социальной услуги, что позволяет успешно выявлять коррупционные риски и предупреждать их через создание дистанционного документооборота и ограничение контактов граждан с производителем социальных услуг.

В пользу данного вывода говорит заметное сокращение числа коррупционных преступлений в регионах, где активно внедряются служба «одного окна» и многофункциональные центры. Исключение очного знакомства потребителя и производителя публичной услуги значительно сокращает риски дачи и получения взятки, но побуждает чиновников изобретать более сложные коррупционные схемы с привлечением посредников.

Именно это обстоятельство объясняет существенный рост случаев посредничества во взяточничестве (с 298 преступлений в 2014 г. до 774 в 2016 г.).

Следует обратить внимание и на то, что повышение уровня антикоррупционного образования чиновников, вопреки ожиданиям, приводит к повышению уровня коррупции. Данная закономерность подтверждает вывод о том, что коррупционное поведение в России является устойчивой формой социальной активности, а антикоррупционное образование используется взяточполучателями для усложнения и совершенства преступных схем.

В целом, исследование политического компонента бытовой коррупции позволило говорить о ее институализации на уровне муниципальных органов и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации ввиду привычного ареала бытовой коррупции и несовершенства системы государственного контроля за муниципальными чиновниками.

Общие представления о распространении бытовой коррупции дает и динамика среднего размера взятки и коммерческого подкупа.

Увеличение суммы взятки на фоне роста показателей организованности взяточничества и усложнения преступных схем может рассматриваться как свидетельство вытеснения бытового сегмента экономической коррупцией и перехода должностной преступности на качественно новый криминальный уровень.

Корреляционное сравнение динамических рядов бытовой коррупции и отдельных социально-экономических показателей выявил ряд интересных криминологических закономерностей.

1. Вопреки ожиданиям бытовое взяточничество не чувствительно к показателям политической стабильности и протестных настроений. Ключевым параметром здесь является стабильность низовых структур власти, обеспечивающих реализацию бытовых потребностей граждан (в первую очередь, муниципальных органов исполнительной власти, государственных и муниципальных учреждений).

2. На фоне восприятия населением бытовой коррупции как привычного инструмента решения отдельных непроизводственных задач возрастает социальная нетерпимость к экономической коррупции, ориентированной на высокий и средний уровень чиновников и имеющей организованный характер.

3. В регионах с высокими экономическими показателями бытовое взяточничество вытесняется из сферы социальных услуг внедрением современных дистанционных систем документооборота и развитием экономической коррупции «чиновник – бизнес». Напротив, в дотационных субъектах Российской Федерации по-прежнему сохраняются высокие показатели бытовой коррупции «чиновник – гражданин» [9, с. 12].

4. Внедрение службы «одного окна» приводит к заметному сокращению фактов административно и дисциплинарно наказуемой коррупции в сфере исполнительной власти, но, вместе с тем, обуславливает усложнение

форм «коррупция – сверхдействие» в сфере представительной власти.

5. Постепенно изменяются коррупционные рынки бытовой коррупции. При сохранении лидирующих позиций у образования, здравоохранения и сферы ЖКХ неуклонно растет число преступлений, совершаемых в сфере недвижимости, потребительского рынка и миграции.

Во многом это объясняется ростом потребительского спроса на оформление земельных участков в связи с дачной амнистией, ростом внешней миграции с одновременным усложнением миграционных требований и слабостью контроля за их соблюдением, а равно неустойчивостью потребительского рынка вследствие перехода на программу импортозамещения.

1. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М., 2001.

2. Мигущенко О.Н. *Проблема предупреждения коррупционного поведения муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2015. № 2. С. 16–19.

3. Бесчастнова О.В. *Основы антикоррупционного поведения*. Астрахань, 2015.

4. Сидоренко Э.Л. *Мониторинг коррупции в России: первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии*. 2015. № 2(10). С. 155–162.

5. Сидоренко Э.Л. *Реформирование российского антикоррупционного законодательства: требования ОЭСР или правовая необходимость // Вестн. МГИМО Университета*. 2014. № 3. С. 188–194.

6. Бородин С.В. *Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы*. М., 2014.

7. Воронин Ю.А. *Коррупционная преступность в системе государственной и муниципальной службы // Чиновник*. 2006. № 2(42). С. 12–16.

8. *Преступность в России. Аналитическое обозрение*. М., 2007.

9. Юхачев С.П. *Коррупция как экономические отношения социума: дис. ... д-ра экон. наук*. Тамбов, 2010.

1. Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Moscow, 2001.

2. Migushchenko O.N. *The problem of preventing corruption behaviour of municipal employees // Municipal service: legal issues*. 2015. № 2. P. 16–19.

3. Beschastnova O.V. *Fundamentals of anti-corruption behaviour*. Astrakhan, 2015.

4. Sidorenko E.L. *Monitoring of corruption in Russia: first results and prospects // Library of criminal law and criminology*. 2015. № 2(10). P. 155–162.

5. Sidorenko E.L. *Reforming of Russian anti-corruption legislation: OECD requirements or legal necessity // Bull. of MGIMO University*. 2014. № 3. P. 188–194.

6. Borodin S.V. *The fight against crime: a theoretical model of an integrated program*. Moscow, 2014.

7. Voronin Yu.A. *Corruption crime in the system of state and municipal service // Officer*. 2006. № 2(42). P. 12–16.

8. *Crime in Russia. Analytical review*. Moscow, 2007.

9. Yukhachev S.P. *Corruption as economic relations of society: diss. ... Dr of Economics*. Tambov, 2010.

Абдулганеев Ренат Рафаилович

кандидат юридических наук,
Казанский юридический институт МВД России
(e-mail: renatabd001@mail.ru)

Криминологические аспекты предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в интернет-пространстве

В статье анализируются наиболее перспективные направления предупреждения преступлений религиозной экстремистской направленности, совершаемых с использованием новых технологий, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Рассматриваются специальные криминологические меры предупреждения роста воспроизводимого потенциала религиозных экстремистских организаций, их финансирования и координации деятельности в интернет-пространстве.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, интернет-пространство, безопасность государства, негативное социальное явление.

R.R. Abdulganeev, Candidate of Law, Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: renatabd001@mail.ru

Criminological aspects of preventing the spread of the ideology of religious extremism in the Internet space

The article is devoted to the most promising areas of prevention of crimes of religious extremism committed with the use of new technologies, including the information and telecommunications network «Internet». The article deals with special criminological measures to prevent the growth of the reproduced potential of religious extremist organizations, their financing and coordination of activities in the Internet space.

Key words: religious extremism, Internet space, state security, negative social phenomenon.

Развитие цифровых технологий, средств передачи, приема, хранения и обработки данных является неотъемлемой составляющей современного общества, а повсеместное распространение телекоммуникационных систем делает доступным для населения широкие массивы информации, аккумулированные в сети «Интернет».

Преступность как наиболее динамичная часть социальной ткани чутко реагирует на возникающие перспективы дальнейшего развития, особенно в условиях «информационного скачка», что приводит к качественным изменениям отдельных негативных социальных явлений, в том числе и религиозного экстремизма, путем распространения его идеологии в интернет-пространстве.

На необходимость правового решения данной проблемы указывает Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, где к основным источникам угроз общественной безопасности отнесена экстремистская деятельность религиозных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и

социальной ситуации в стране, совершаемая с активным использованием новых технологий, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [1].

По данным ГИАЦ МВД России, в период с 2011 по 2016 г. было выявлено 6027 преступлений экстремистской направленности, из них совершенных с использованием сети «Интернет» – 1687 (27,9%). Наибольшее количество преступлений данной категории было выявлено за совершение деяний, предусмотренных ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» – 1201 преступление (71,1%) и ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» – 404 преступления (23,9%) [2].

Отметим, что с 2015 г. наблюдается устойчивый рост использования информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в качестве площадки для распространения идеологии религиозного экстремизма. Так, в 2015 г. из 1329 преступлений экстремистской направленности 737 преступлений (55,4%) были совершены с использованием сети «Интернет», из них по мотивам религиоз-

ной ненависти или вражды – 113 преступлений (15,3%); в 2016 г. из 1450 преступлений – 950 преступлений (65,5%), из них по мотивам религиозной ненависти или вражды – 119 преступлений (12,5%) [3].

По нашему мнению, одной из причин роста преступлений данной категории являются качественные изменения, произошедшие в определении набора наиболее эффективных средств и перспективных подходов при распространении идеологии религиозного экстремизма, где основной площадкой такой деятельности стало интернет-пространство.

Согласимся с позицией Ю.П. Хохлова, что современный экстремизм характеризуется вовлечением в свои ряды молодежи, в том числе путем распространения информационных материалов, направленных на разжигание религиозной ненависти или вражды, в сети «Интернет» [4].

В соответствии с данными статистики с 2011 по 2016 г. средний возраст лиц, выявленных за совершение преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», составляет от 18 до 24 лет (426 лиц, или 40,2%) и от 25 до 29 лет (212 лиц, или 20%) [5].

Отечественные подходы к формированию правовых барьеров на пути распространения данного негативного социального явления в интернет-пространстве имеют неоднородную структуру и зачастую носят разнонаправленный характер. К ключевым направлениям антиэкстремистской деятельности в сети «Интернет» стоит отнести:

1. Ограничение доступа к информационным ресурсам, распространяющим в интернет-пространстве информацию, содержащую призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также формирование реестра записей о принятых мерах по ограничению доступа к таким информационным ресурсам (приказ Роскомнадзора от 12 августа 2013 г. № 912 (в редакции от 13 мая 2015 г.) «О порядке функционирования Информационной системы взаимодействия» [6]).

2. Включение сведений об информационных материалах в федеральный список экстремистских материалов, признанных таковыми вступившим в законную силу решением суда, а также внесение изменений в сведения об информационных материалах, содержащихся в федеральном списке экстремистских материалов (приказ Минюста России от 11 декабря 2015 г. № 289 (в редакции от 24 ноября 2016 г.) «О порядке ведения федерального списка экстремистских материалов» [7]).

3. Мониторинг сети «Интернет» в целях выявления размещенных материалов экстремистского характера, сообщений о готовящихся или совершенных преступлениях экстремистской направленности (приказ Следственного комитета РФ от 12 июля 2011 г. № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности» [8]).

4. Установление требований по недопущению распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов блогером или новостным агрегатором в сети «Интернет» (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в редакции от 19 декабря 2016 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9]).

5. Обязанность предоставления необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений организатором распространения информации в сети «Интернет», а также хранения на территории Российской Федерации информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений и информации об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий; текстовых сообщений, голосовой информации, изображения, звуков, видео-, иных электронных сообщений до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки (Федеральный закон от 6 июня 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [10]).

Исходя из указанного, мы считаем, что осуществление антиэкстремистской деятельности на современном этапе требует реализации решительных мер, направленных на предупреждение: а) воспроизводимого потенциала религиозных экстремистских организаций (противодействие религиозной экстремистской интернет-пропаганде); б) финансирования экстремистской деятельности посредством электронных платежных систем, аккумулированных в интернет-пространстве; в) координации деятельности религиозной экстремистской организации при помощи сети «Интернет».

Полагаем, что достижение указанных целей требует реализации следующих предложений.

1. Достойными внимания являются меры просветительского характера, направленные на контрпропаганду религиозной экстремистской идеологии в интернет-пространстве. Полагаем, что создание плотного информационного массива с антиэкстремистской тематикой позволит сделать ее доступной для широкой аудитории пользователей русскоязычного сегмента сети «Интернет».

По нашему мнению, реализация таких мер возможна в следующих направлениях:

а) путем привлечения представителей традиционных религиозных конфессий к антиэкстремистской работе в интернет-пространстве на официальных сайтах религиозных организаций и русскоязычных контентных популярных социальных сетей «Facebook», «Twitter» и «VK»; в целях реализации указанного направления значимым является закрепление в ст. 24.2 «Порядок осуществления миссионерской деятельности» Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в редакции от 6 июля 2016 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [11] требования об обязательном наличии и администрировании раздела «Противодействие экстремизму» на официальном сайте религиозной организации в сети «Интернет»;

б) привлечение популярных отечественных блогеров (владельцев сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет») и новостных агрегаторов (доступ к которым в течение суток составляет более одного миллиона пользователей сети «Интернет») к антиэкстремистской пропаганде; в связи с этим считаем важным закрепить в рамках ст. 10.2 «Особенности распространения блогером общедоступной информации» и ст. 10.4 «Особенности распространения информации новостным агрегатором» Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в редакции от 19 декабря 2016 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9] обязанности размещать на постоянной основе информационные материалы антиэкстремистской направленности, предоставляемые федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

2. Одним из ключевых направлений в вопросах выявления и устранения источников и каналов финансирования экстремистской деятельности является формирование действен-

ных барьеров на пути предоставления или сбора денежных средств (в наличной или безналичной форме), а также иных материальных средств в сети «Интернет» для финансирования организации, подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации [12].

Полагаем, что реализация ограничительных мер финансового характера должна включать в себя следующие процедуры.

Совершенствование механизмов финансового контроля в интернет-пространстве за новыми пиринговыми платежными системами как одной из форм безналичного оборота денежных средств, в первую очередь над такими виртуальными денежными суррогатами, как «Биткоин» (Bitcoin).

Опасность такого рода криптовалют состоит в полной бесконтрольности проводимых с ними операций со стороны надзорных государственных органов, анонимности информации о субъектах финансовых операций и отсутствии данных о назначении платежа.

При этом денежный суррогат «Биткоин» при помощи виртуальных финансовых бирж или онлайн-сервисов обмена цифровых денег (Bitstamp, Cryptsy, Kraken, Bitfinex и др.) может быть конвертирован в любую валюту и обналичен без ограничений через банковские счета организаций и физических лиц в любой точке мира, где имеется доступ к сети «Интернет».

Исходя из указанного, считаем важным дополнить п. 6 ст. 7 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (в редакции от 28 декабря 2016 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [13] положением об обязательном применении мер по замораживанию (блокированию) денежных средств, принадлежащих организации или физическому лицу, полученных при помощи пиринговых платежных систем в сети «Интернет», в отношении которых имеются достаточные основания подозревать их причастность к экстремистской или террористической деятельности (в том числе к финансированию экстремизма или терроризма).

Правового разрешения требуют вопросы фактического осуществления деятельности порталов по продаже товаров и оказанию услуг от организаций и физических лиц в русскоязычном сегменте сети «Интернет». По нашему мнению, особое внимание следует уделить деятельности в России таких интернет-порталов, как «Авито», «Ebay», «Ozon», имеющих многомиллионную аудиторию посетителей.

Данные интернет-площадки предоставляют возможность приобретения различных товаров и услуг, сохраняя свою анонимность, связываясь непосредственно с лицом, подавшим объявление по адресу электронной почты или телефонному номеру.

Считаем, что в целях недопущения обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации путем предоставления или сбора материальных средств через сеть «Интернет» требует изменения политика конфиденциальности, связанной с информацией об организации или физическом лице, реализующем товар или оказывающем услугу на торговых интернет-порталах в российском сегменте сети «Интернет».

Таким образом, актуальным является внесение изменений в ст. 6 «Операции с денежными средствами или иным имуществом, подлежащие обязательному контролю» Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (в редакции от 28 декабря 2016 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» путем ее дополнения положением об обязательном осуществлении финансовых операций на порталах по продаже товаров и оказанию услуг в сети «Интернет» только через банковский расчетный счет организации или физического лица, разместившего объявление.

3. Выработка правовых механизмов по противодействию координации деятельности экстремистских организаций или экстремистского сообщества при помощи сети «Интернет» выступает одним из передовых направлений как в деятельности правоохранительных органов, так и у исследователей данного вопроса.

В связи с этим к направлению, требующему первоочередного реагирования, относится создание барьеров на пути использования файлообменных сетей «Интернета», таких как «теневой Интернет» (Dark Net) или «глубинный Интернет» (Deep Web), для обмена информа-

цией и координации деятельности экстремистской организации.

Особенностью указанных элементов интернет-пространства является криптошифрование IP-адресов с конечной переадресацией сигнала в любую точку мира, что обеспечивает полную конфиденциальность между абонентами и кратно снижает эффективность проведения специальных технических мероприятий правоохранительными органами. При этом для инициирования доступа используется программа луковичной маршрутизации «Tor» с набором браузеров и анонимайзеров, которая позволяет сформировать защищенное и полностью конфиденциальное соединение в сети «Интернет» для передачи закодированной информации. Данная программа доступна к скачиванию из открытых сегментов сети «Интернет».

По нашему мнению, в целях повышения эффективности противодействия координации деятельности экстремистской организации или экстремистского сообщества при помощи сети «Интернет» требуется предусмотреть в ст. 10.3 «Обязанности оператора поисковой системы» Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в редакции от 19 декабря 2016 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» процедуру прекращения выдачи ссылок на информацию о программе «Tor» в случае указания ее в требовании заявителя, при показе результатов поиска по запросам пользователей поисковой системы русскоязычного сегмента сети «Интернет».

Полагаем, что реализация перечисленных криминологических мер позволит сформировать необходимые правовые, тактические и информационные барьеры в ходе организации противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма в интернет-пространстве, а также представит возможность субъектам предупреждения экстремизма в России определить наиболее перспективные направления дальнейшего совершенствования антиэкстремистской деятельности в сети «Интернет».

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Характеристика преступлений экстремистской направленности: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2011 по 2016 г. М., 2017.

3. О преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2011 по 2016 г. М., 2017.

1. The Concept of public safety in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on Nov. 14, 2013 № Pr-2685. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Characteristics of extremist crimes: a consolidated report of the Main Information Analytical Center of the Ministry of the Interior of Russia for the period from 2011 to 2016. Moscow, 2017.

3. On crimes of a terrorist nature, extremist orientation and related to terrorist activities: a consolidated report of the Main Information Analytical

4. Хохлов Ю.П. Этот опасный Интернет. Генеральная прокуратура Российской Федерации реализует комплекс мер, направленных на обеспечение профилактики экстремизма и терроризма // Прокурор. 2015. № 3. С. 15–19.

5. Характеристика выявленных лиц, совершивших преступления: сводный отчет ГИАЦ МВД России за период с 2011 по 2016 г. М., 2017.

6. О порядке функционирования Информационной системы взаимодействия: приказ Роскомнадзора от 12 авг. 2013 г. № 912 (в ред. от 13 мая 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О порядке ведения федерального списка экстремистских материалов: приказ Минюста России от 11 дек. 2015 г. № 289 (в ред. от 24 нояб. 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О мерах по противодействию экстремистской деятельности: приказ Следственного комитета РФ от 12 июля 2011 г. № 109. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 19 дек. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3448.

10. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

11. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

12. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 3 нояб. 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33, ч. I. Ст. 3418.

Center of the Ministry of the Interior of Russia for the period from 2011 to 2016. Moscow, 2017.

4. Khokhlov Yu.P. This dangerous Internet. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation implements a set of measures aimed at ensuring the prevention of extremism and terrorism // Prosecutor. 2015. № 3. P. 15–19.

5. Characteristics of the identified persons who committed crimes: the consolidated report of the Main Information Analytical Center of the Ministry of the Interior of Russia for the period from 2011 to 2016. Moscow, 2017.

6. About the order of functioning of the Information system of interaction: order of Roskomnadzor d.d. Aug. 12, 2013 № 912 (as amended on May 13, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. On the procedure for maintaining a federal list of extremist materials: order of the Ministry of Justice of Russia d.d. Dec. 11, 2015 № 289 (as amended on Nov. 24, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. On measures to counteract extremist activity: order of the Investigative Committee of the Russian Federation d.d. July 12, 2011 № 109. Access from legal reference system «Consultant Plus».

9. On information, information technologies and information protection: fed. law d.d. July 27, 2006 № 149-FL (as amended on Dec. 19, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 31, pt. 1. Art. 3448.

10. On amendments to the Federal Law «On counteracting terrorism» and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety: fed. law d.d. July 6, 2016 № 374-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 28. Art. 4558.

11. On freedom of conscience and on religious associations: fed. law d.d. Sept. 26, 1997 № 125-FL (as amended on July 6, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465.

12. On judicial practice in criminal cases on extremist crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 28, 2011 № 11 (as amended on Nov. 3, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

13. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism: fed. law d.d. Aug. 7, 2001 № 115-FL (as amended on Dec. 28, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 33, pt. I. Art. 3418.

Панов Александр Юрьевич

кандидат юридических наук,

Приволжский институт повышения квалификации ФНС России

(e-mail: rony_2005@mail.ru)

Оперативно-розыскные меры по предупреждению налоговых преступлений

В статье с учетом современного состояния криминогенной обстановки в налоговой сфере и положительного опыта практики рассмотрены перспективные направления оперативно-розыскной профилактики налоговых преступлений. Определены отдельные проблемы, возникающие в процессе данной деятельности, предложены пути их решения.

Ключевые слова: предупреждение налоговых преступлений, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, общая профилактика, индивидуальная профилактика, предотвращение преступлений.

A.Yu. Panov, Candidate of Law, Privolzhskiy Institute of Advanced Training of the Federal Tax Service; e-mail: rony_2005@mail.ru

Operational-search measures to prevent tax crimes

In the article on the base of the contemporary state of crime in the tax area, the positive experience of the practice of prospective directions of operational-investigative prevention of tax crimes are considered. It is identified some problems arising in the process of the activity and the ways of their solution.

Key words: prevention of tax crimes, divisions of economic security and combating corruption, general prevention, individual prevention, prevention of crimes.

Изучение ситуации, сложившейся в настоящее время в экономике нашей страны, свидетельствует о том, что криминогенные факторы стали в значительной степени определять ее состояние и перспективы развития. Этому способствовали следующие обстоятельства: нестабильность общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности; несовершенство норм права; неэффективная правоохранительная деятельность [1, с. 53–55].

Особое беспокойство вызывает налоговая сфера. Криминогенная обстановка в ней характеризуется уже на протяжении длительного времени крайне негативными тенденциями. Структура и динамика налоговой преступности свидетельствуют о том, что она стала более организованной, профессиональной и наносит колоссальный ущерб нашему государству, организациям и отдельным гражданам [2, с. 5; 3, с. 98; 4, с. 140].

Исследование механизма противодействия налоговым правонарушениям показало, что одним из методов, потенциал которого в настоящее время не используется полностью, является предупреждение преступлений. Целесообразность изменения отношения к данному методу обусловлена его возможностями, позволяющими на са-

мых ранних стадиях упреждать зарождение и развитие противоправных действий, а в конечном счете приближать решение задачи сокращения и полного искоренения преступлений в налоговой сфере. Эффективность и результативность рассматриваемого направления работы напрямую зависит от четкого планирования, которое должно пронизывать все формы правоохранительной деятельности. В связи с этим следует уделить особое внимание вопросам организации и тактики профилактики преступности.

В юридической науке общей и специальной превенции посвящено значительное количество исследований [5; 6; 7]. Их изучение позволило автору сформулировать дефиницию понятия «предупреждение преступлений», под которым следует понимать целенаправленную деятельность по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений (общая профилактика), установлению лиц с признаками криминальной активности и оказанию на них воздействия, обеспечивающего их положительную переориентацию (индивидуальная профилактика), а также предотвращению подготавливаемых преступлений.

Эффективное предупреждение налоговых преступлений зависит от субъектов данной де-

ятельности, согласованности и координации их действий. К субъектам относятся:

государственные органы (Министерство финансов России, Счетная палата России, Федеральная налоговая служба России, Министерство внутренних дел РФ, Генеральная прокуратура России, Федеральная служба безопасности России, Федеральная таможенная служба России, Федеральная служба по финансовому мониторингу РФ, судебные органы);

негосударственные организации (аудиторские, общественные);

руководители и бухгалтеры государственных и негосударственных организаций, а также граждане и др. [8, с. 26].

Отметим, что важное место в системе субъектов профилактической работы занимают оперативные подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел РФ (далее – подразделения ЭБиПК). Именно они находятся на переднем плане противодействия экономической, налоговой преступности и почти всегда первыми сталкиваются с проявлениями противоправных действий, совершающими их лицами, обстоятельствами и явлениями, которые детерминируют такое поведение. Не случайно предупредительная направленность противодействия преступности сегодня присуща оперативно-разведывательным структурам полиции почти всех цивилизованных стран мира [9, с. 190].

Исследование системы факторов, детерминирующих совершение преступлений в сфере налогообложения, а также мер воздействия на них позволяет сделать вывод, что основу общей профилактики, осуществляемой подразделениями ЭБиПК, должны составлять следующие направления деятельности:

поисковая работа по выявлению нелегальных схем товарно-денежных потоков, позволяющих уходить от уплаты налогов, что позволяет дать прогноз развития таких схем и выработать меры их недопущения;

экспертиза и изучение государственных и ведомственных нормативных актов с точки зрения их возможного использования для уклонения от уплаты налогов;

структурированное исследование системы уплаты налогов;

изучение межотраслевых, межрегиональных товарных и финансовых потоков;

разработка экономико-математической модели коррупционных процессов в налоговой сфере.

Особое внимание в профилактике налоговых преступлений должно уделяться оперативно-экономическому прогнозу, результаты которого способствуют направленному изучению закономерностей совершения налоговых преступлений и более эффективному использованию негласных сил и средств. В частности, такой подход позволит:

оценить состояние налоговой дисциплины в хозяйствующих субъектах;

определить условия, которые могут быть использованы для злоупотреблений, а также определить конкретные криминогенные участки и объекты;

более качественно осуществить подбор и расстановку лиц, оказывающих конфиденциальное содействие;

выявить факты и признаки нарушений налогового законодательства, а также лиц, способствующих созданию условий совершения налоговых преступлений [10, с. 31].

Среди всех сил, которые используются подразделениями ЭБиПК для выявления обстоятельств, способствующих совершению налоговых преступлений, наиболее эффективным источником поступления и документирования оперативно значимых сведений традиционно являются негласные сотрудники [11, с. 252–260]. Эффективная работа с ними ставит оперативные подразделения в исключительные условия по сравнению с другими субъектами предупреждения преступлений, поскольку позволяет вести такую деятельность на качественно иной основе, что обеспечивает высокий уровень ее результативности. С помощью негласного аппарата возможно дать не только оценку организационно-хозяйственной обстановке на объектах, вскрыть недостатки, определить меру ответственности должностных лиц, внести конкретные предложения, но и обеспечить решение последующих задач профилактики преступлений [12, с. 18].

Практика свидетельствует, что, помимо перечисленных способов, сотрудники подразделения ЭБиПК могут выявлять обстоятельства, способствующие совершению налоговых преступлений, путем осуществления деятельности в следующих направлениях:

информационно-исследовательская работа в ходе использования автоматизированных банков данных оперативно-розыскного назначения;

проведение проверочных мероприятий по поступившим заявлениям и сообщениям;

осуществление оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по уголовным делам;

изучение оперативных материалов и уголовных дел;

изучение административной практики по привлечению налогоплательщиков к административной ответственности за уклонение от уплаты налогов;

изучение нормативной правовой базы, регулирующей налоговую сферу, и др.

Необходимо отметить, что информация, получаемая указанными способами, обязательно должна подлежать оценке и проверке, в результате чего могут быть выявлены условия, способствующие совершению налоговых преступлений. После этого в каждом конкретном случае намечается комплекс мероприятий по устранению данных условий.

Сами подразделения ЭБиПК не наделены полномочиями по устранению условий совершения налоговых преступлений и могут только принимать участие в организации данной деятельности. С этой целью они осуществляют следующие действия:

1. Используют негласный аппарат. При этом постановка задач, выбор способов по устранению причин, условий совершения преступлений целиком и полностью должны зависеть от возможностей конфиденентов в конкретной ситуации.

2. Используют возможности печати, радио, телевидения и других источников средств массовой информации. Так, распространение сообщений о совершении налоговых преступлений через различные телепередачи, опубликование информации о данных фактах в периодической печати, использование телефона доверия, несомненно, способствует вовлечению населения в противодействие рассматриваемым противоправным деяниям.

3. Готовят заинтересованным лицам сообщения и предложения, обеспечивающие принятие эффективных мер по предупреждению налоговых преступлений.

4. Проводят комплексные мероприятия, проверки, рейды, операции совместно с различными государственными контролирующими органами.

5. Исследуют состояние преступности в сфере налогообложения. При этом осуществляется постоянный мониторинг динамики налоговых преступлений, ее криминологических особенностей путем изучения статистических данных, новых способов уклонения от уплаты налогов, личности налогового преступника, причин и условий налоговой преступности [6, с. 45].

6. Обобщают практику применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, разрабатывают предложения по его совершенствованию, подготавливают проекты нормативных правовых актов, участвуют в разработке международных договоров, касающихся деятельности в области противодействия налоговым преступлениям.

Другим важным направлением деятельности подразделений ЭБиПК по предупреждению налоговых преступлений является индивидуально-профилактическая деятельность. Ее успешное осуществление предполагает наличие у оперативных сотрудников специальных познаний не только в области оперативно-розыскной деятельности, финансовой и налоговой сферах, но и в таких отраслях знаний, как психология и педагогика.

Индивидуально-профилактическая деятельность подразделений ЭБиПК по содержанию неразрывно связана с общей профилактикой. Поэтому результативное предупреждение налоговых преступлений может быть достигнуто только при рациональном сочетании обоих направлений.

Изучение практики противодействия налоговой преступности позволило выделить несколько групп лиц, которые должны являться объектами профилактической работы, а именно:

1) допускаяшие нарушения налогового законодательства;

2) замышляющие и подготавливающие преступления в налоговой сфере – к данной группе относятся следующие лица:

высказывающие намерения совершить финансовые или различного рода корыстные преступления;

выражающие неудовлетворенность своим финансовым положением;

обсуждающие способы совершения различного рода финансовых афер и др.;

3) совмещающие работу в государственных структурах с предпринимательской деятельностью;

4) привлекавшиеся в прошлом к ответственности за различные корыстные или финансовые проступки;

5) поддерживающие дружеские и деловые связи с лицами, криминальными структурами, состоящими на оперативно-розыскных учетах органов внутренних дел.

Основной задачей подразделений ЭБиПК в рамках индивидуально-профилактической деятельности является перемена ценностных ориентаций личности и устранение условий,

создающих благоприятную обстановку для совершения налоговых преступлений. Для решения данных задач традиционно применяются два метода – убеждение и принуждение.

При использовании метода убеждения целесообразно доводить до профилактируемого лица сведения, побуждающие его к отказу от преступных намерений. Наиболее эффективным способом при этом является пропаганда уголовного законодательства, в результате которой в сознании потенциальных правонарушителей должна появиться боязнь уголовной ответственности за совершенные преступления.

Важное место при использовании рассматриваемого метода занимает негласный аппарат. Именно конфидененты, пользующиеся авторитетом у профилактируемых лиц, имеют реальные возможности по влиянию на них в целях отказа их от совершения замышляемого преступления.

В ситуациях, когда по разным причинам убеждение не приносит желаемых результатов, необходимо переходить к методу принуждения. Использование последнего состоит в ограничении определенных прав и свобод потенциальных правонарушителей, а также в исключении возможности осуществления ими определенных действий. Для этого целесообразно применять следующие меры:

- официальное предостережение относительно совершения противоправных действий;
- побуждение к добровольному отказу от завершения начатых налоговых преступлений;
- привлечение к административной ответственности за совершение налоговых правонарушений;
- проведение проверок соблюдения налоговой дисциплины и др.

Важным элементом индивидуальной профилактики налоговых преступлений служит последующий оперативный контроль, включающий в себя сбор и изучение информации, позволяющей фиксировать выявленные отклонения и координировать деятельность профилактируемых лиц.

Практическая ценность оперативного контроля состоит в том, что он позволяет:

- оценить изменения ценностных ориентаций лиц, на которых направлено индивидуально-профилактическое воздействие;
- оценить эффективность использования в индивидуальной профилактике оперативно-розыскных возможностей;
- определить и ликвидировать источники отрицательного влияния на профилактируемое лицо;

установить существование необходимости проведения дополнительных индивидуально-профилактических мероприятий.

Практика свидетельствует, что оперативный контроль в ходе индивидуально-профилактической деятельности целесообразно осуществлять гласным и негласным путем.

Гласный контроль выражается в проведении бесед непосредственно с профилактируемым, его родственниками, друзьями, коллегами по работе. Полученная при этом информация позволяет установить уровень нравственного и правового сознания личности, а также дать оценку ее личностным ориентациям. Преимущество указанного вида контроля заключается в том, что, охватывая все сферы жизнедеятельности профилактируемых лиц, он создает широкий фронт источников положительного влияния на данную категорию граждан. В конечном итоге это способствует формированию не просто пассивного подчинения требованиям закона, а внутренней солидарности с ним, уважения к праву на уровне личной убежденности [13, с. 69].

В случае если профилактируемое лицо не отказалось от своих установок на совершение преступлений в налоговой сфере, то сотрудникам подразделений ЭБиПК целесообразно использовать оперативные возможности по негласному контролю за данным лицом.

Главное отличие негласного контроля от гласного заключается в том, что лицо, в отношении которого осуществляются профилактические мероприятия, не знает, что за ним ведется наблюдение со стороны оперативных сотрудников. В качестве субъектов профилактического воздействия в этом случае целесообразно использовать негласных сотрудников. Их деятельность в первую очередь необходимо направить на получение ценной информации о личностных качествах профилактируемого лица. Такой подход позволит оценить, насколько изменилась его жизненная ориентация, можно ли ожидать от него совершения преступления, требуется ли принятие дополнительных мер профилактического воздействия и каковыми они должны быть.

В случае если индивидуально-профилактическая деятельность не достигла необходимых результатов, а сведения об уклонении от уплаты налогов поступили в момент реализации умысла на совершение преступления, то сотрудники подразделений ЭБиПК должны направить свои усилия на предотвращение выявленных противоправных действий.

Положительный опыт практики свидетельствует, что предотвращение налоговых преступлений включает в себя систему оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, направленных на установление лиц или группы лиц, подготавливающих совершение налогового преступления, и принятие к таким лицам мер профилактического воздействия с целью их отказа от преступных намерений.

Особые трудности возникают в процессе оперативно-розыскной деятельности по созданию условий, затрудняющих совершение налоговых преступлений организованными преступными группами. При этом важно не только обеспечить выявление таких групп на начальной стадии их формирования, когда еще не совершены конкретные преступления, но и осуществить их разоблачение.

При получении информации, свидетельствующей о формировании преступной группы, требуется установить ее полный состав, лидеров, характеристики каждого члена группы, противоправную направленность, степень общественной опасности, криминогенную активность, дальнейшие намерения и наличие конфликтных отношений. Получив материалы и определив круг лиц, вовлекаемых в преступную группу, следует выявить «колеблющихся» субъектов и принять меры, которые приведут

к отказу их от участия в формирующейся или действующей преступной группе.

В заключение отметим, что современное состояние профилактики налоговых преступлений обуславливает потребность повышения активности в данном направлении деятельности именно подразделений ЭБиПК. С этой целью следует скорректировать систему оценки результатов работы указанных подразделений и, наряду с раскрытием преступлений, в качестве обязательного критерия предусмотреть показатели по предупреждению преступлений.

На основании вышеизложенного полагаем, что защита экономических интересов нашего государства не может быть достигнута только с помощью оперативно-розыскной деятельности. Для обеспечения достижения данной цели необходимо сочетание контрольно-регулирующих и правоохранительных функций государства, координации деятельности экономических и правоохранительных ведомств, расширение возможностей общественного контроля в сфере обеспечения правопорядка. Это требует усиления роли государства при разработке и реализации системы мер по противодействию и снижению криминогенных факторов, влияющих на состояние экономической преступности в целом.

1. Кузнецов А.П. *Политика государства в налоговой сфере (уголовно-правовые средства и организационно-тактические методы)* Н. Новгород, 1995.

2. Кузнецов А.П. *Государственная политика противодействия налоговым преступлениям: проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления* / под ред. П.Н. Панченко. Н. Новгород, 2003.

3. Панов А.Ю. *Особенности оперативно-розыскного документирования налоговых преступлений в случаях применения института крайней необходимости* // Бизнес в законе: экономико-юридический журнал. 2016. № 4. С. 98–102.

4. Панов А.Ю. *К вопросу о совершенствовании оперативно-розыскных мер по противодействию коррупции в налоговой сфере* // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 140–145.

5. Галахов С.С. *Сущность и задачи оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел* // Проблемы оперативно-розыскной профилактики: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1990. С. 3–11.

1. Kuznetsov A.P. *State policy in the tax area (criminal-legal and organizational-tactical methods)*. Nizhny Novgorod, 1995.

2. Kuznetsov A.P. *State policy of combating tax crimes: problems of formation, legislative regulation, documentation and implementation* / ed. by P.N. Panchenko. Nizhny Novgorod, 2003.

3. Panov A.Yu. *Features of operational-investigative documentation of tax offences in cases of application of the institute of extreme necessity* // Business in law: economic-legal journal. 2016. № 4. P. 98–102.

4. Panov A.Yu. *To the issue of improving the operational-search measures on counteracting corruption in the tax area* // Bull. of Nizhny Novgorod university named after N.I. Lobachevsky. 2016. № 1. P. 140–145.

5. Galakhov S.S. *The nature and objectives of operational-investigative prevention of internal affairs bodies* // Problems of operational-investigative prevention: interuniv. coll. of sci. papers. Omsk, 1990. P. 3–11.

6. Sattarov B.V. *Preventive measures and ways to improve the application of criminal law on tax crimes* // Investigator. 2007. № 5. P. 43–46.

6. Самтаров Б.В. Профилактические меры и пути совершенствования применения уголовного закона о налоговых преступлениях // Следователь. 2007. № 5. С. 43–46.

7. Арефьев А.Ю. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений (по материалам оперативных подразделений органов внутренних дел): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2013.

8. Серeda И.М. Понятие и общая характеристика стратегий борьбы с налоговыми преступлениями // Сибир. криминологический журн. 2006. № 3. С. 21–28.

9. Устинов В.С., Чих Н.В. Роль уголовно-правовых мер в предупреждении налоговых преступлений // Криминологические проблемы современного российского общества: сб. науч. тр. Н. Новгород, 2001. С. 182–194.

10. Голубятников С.П., Дубровин В.А. Организация оперативно-экономического анализа в аппаратах БХСС. Горький, 1979.

11. Кузнецов А.П. Использование специалиста при расследовании и квалификации налоговых преступлений // Следователь. 1997. № 3(6). С. 41–45.

12. Гучков В.В., Крестинский М.В., Шишков В.Д. Предупреждение и раскрытие преступлений аппаратами БХСС: метод. указания. М., 1987.

13. Лаптев С.Г. Предупреждение экономических преступлений: учеб. пособие. Киев, 2008.

7. Arefyev A.Yu. Theoretical and applied problems of operational-investigative provision of crime prevention (for the information of the operative subdivisions of organs of internal affairs): diss. ... Dr of Law. Nizhny Novgorod, 2013.

8. Sereda I.M. Concept and general characteristics of strategies of struggle against tax crimes // Siberian criminological journal. 2006. № 3. P. 21–28.

9. Ustinov V.S., Chikh N.V. The role of criminal law measures in the prevention of tax crimes // Criminological aspects of modern Russian society: coll. of sci. works. Nizhny Novgorod, 2001. P. 182–194.

10. Golubyatnikov S.P., Dubrovin V.A. Organization of operational-economic analysis in the apparatus BHSS. Gorky, 1979.

11. Kuznetsov A.P. Use of a specialist in the investigation and qualification of tax crimes // Investigator. 1997. № 3(6). P. 41–45.

12. Guchkov V.V., Krestinsky M.V., Shishkov V.D. Prevention and detection of crime by BHSS devices: methodical manual. Moscow, 1987.

13. Laptev S.G. Prevention of economic crimes: study aid. Kiev, 2008.

Рыкова Ирина Юрьевна

кандидат юридических наук,

Всероссийский институт повышения квалификации

сотрудников МВД России

(e-mail: press_bfvipk@mvd.gov.ru)

Некоторые элементы конституционно-правового механизма противодействия религиозному экстремизму в современной России

В статье рассмотрены понятие религиозного экстремизма, некоторые правовые и организационные аспекты противодействия религиозному экстремизму. Сформулированы предложения по совершенствованию конституционно-правового механизма противодействия религиозному экстремизму.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, конституционно-правовой механизм, национальная безопасность, правоохранительные органы, закон.

I.Yu. Rykova, Candidate of Law, Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: press_bfvipk@mvd.gov.ru

Some elements of the constitutional-legal mechanism of combating religious extremism in modern Russia

This article examines the concept of religious extremism, some legal and organizational aspects of countering religious extremism. The author suggests ways for improvement of the constitutional legal mechanism to counter religious extremism.

Key words: religious extremism, constitutional legal mechanism, national security, law enforcement agencies, law.

Укрепление национальной безопасности и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу требует консолидации гражданского общества вокруг таких ценностей, как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, религиозная терпимость, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм.

В Стратегии национальной безопасности РФ сказано, что одной из основных угроз государственной и общественной безопасности является деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию [1].

Количество зарегистрированных преступлений экстремистского характера, по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, с 2010 по 2016 г. возросло с 656 до 1410. Только за январь 2017 г. было зарегистрировано 108 преступлений данной направленности [2].

В России за последние пять лет в три раза выросло число осужденных по ст. 282 УК РФ, говорится в докладе Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР). Для доклада «Борьба с экстремизмом в современной России: правоприменительная практика» эксперты ЦЭПР опирались на статистику судебного департамента при Верховном Суде. По их подсчетам, с 2011 г. резко выросло число осужденных по вышеуказанной статье и трем ее пунктам (возбуждение ненависти) – со 137 до 414 человек. В первую очередь растет число осужденных по ч. 1 этой статьи (возбуждение ненависти либо вражды, совершенное с использованием Интернета). Если в 2011 г. было 82 таких осужденных, то в 2015 г. – уже 369.

Довольно многочисленной оказалась группа осужденных – религиозных экстремистов, в основном исламистов. Почти все они входят в запрещенную в России организацию «Хизбут-Тахрир аль-Ислами». Под религиозный экстремизм также подпадают «Свидетели Иеговы», разные нетрадиционные христианские ответвления и даже атеисты. В 2015 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 282 УК РФ

в отношении омского студента за критический пост о «православных активистах», отменивших концерт Мэрилина Мэнсона. А в апреле 2016 г. житель Кубани был оштрафован за распространение литературы, пропагандирующей «неполноценность атеистов» [3].

В связи с этим не вызывает сомнения необходимость выработки эффективного конституционно-правового механизма в области регулирования межнациональных и межконфессиональных вопросов. Современное развитие Российского государства требует адекватного правового обеспечения в религиозной сфере, разумного контроля за деятельностью различных религиозных объединений. Вместе с тем, принимаемые государством меры не должны противоречить конституционным принципам светского государства и провозглашенной свободе совести и вероисповедания.

Конституционно-правовой механизм – это осуществляемая государством правовая и организационная деятельность, реализуемая с помощью комплекса мер нормативного, материально-технического, социально-психологического и иного характера, направленных на создание условий для успешной реализации правовых норм, содержащихся в Конституции.

Одним из основных элементов вышеуказанного механизма является, прежде всего, правовая основа, регламентирующая соответствующие общественные отношения.

Рассматривая правовое обеспечение противодействия религиозному экстремизму в современной России, следует обратить внимание на следующие аспекты.

Российской Федерацией ратифицирована Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. В ст. 1 данного международного документа понятие «экстремизм» определено как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемое в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [4]. Следует подчеркнуть, что понятие «экстремизм» в данной дефиниции тесно связано с насилием и реализуется исключительно в конкретных действиях.

В ч. 2 ст. 29 Конституции РФ закреплено, что не допускаются пропаганда или агитация, воз-

буждающие религиозную ненависть и вражду, а также запрещается пропаганда религиозного превосходства.

Таким образом, не только насильственные действия, но и действия в виде агитации и пропаганды могут быть отнесены к экстремистским.

Основополагающим законом в исследуемой сфере является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [5] (далее – Закон), в котором закреплены основные принципы и направления противодействия экстремистской деятельности.

Обращаясь к понятию «религиозный экстремизм», стоит отметить, что отечественное законодательство не содержит определения религиозного экстремизма, хотя и закрепляет ответственность за экстремистскую деятельность религиозных объединений. Поэтому сегодня среди специалистов ведутся споры относительно этого понятия. Существуют полярные точки зрения – от полного отрицания самого этого явления до неоправданного придания религиозному фактору в его экстремистских проявлениях ключевого значения. Это является очевидным минусом с точки зрения противодействия экстремизму, так как отсутствие законодательного определения порождает многообразие научных взглядов на данное понятие, а соответственно, и разрозненность мнений при разработке мер по предотвращению экстремизма.

Опираясь на нормы Закона, можно предположить, что под религиозным экстремизмом следует понимать противоправную деятельность, направленную на возбуждение религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной принадлежности или отношения к религии; совершение преступлений по мотивам религиозной ненависти.

Основными, наиболее общественно опасными признаками религиозного экстремизма являются:

идеология превосходства, основой которой является восприятие сторонников иных религиозных взглядов как врагов;

религиозное обоснование применения насильственных способов в отношении иноверцев; насаждение религиозных взглядов и модели поведения, основанных на противопоставлении общепринятым социальным нормам,

через приемы воздействия на эмоциональную сферу, вплоть до психически деформирующих способов и средств.

В период с 2008 по 2014 г. в Российской Федерации решением суда была приостановлена деятельность свыше 40 общественных и религиозных организаций, связанных с экстремистской деятельностью. Среди таких можно выделить религиозную группу «Краснодарская Православная Славянская община ВЕК РА», «Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов», Группа «Джамаат мувахидов», «Объединенный Вилаят Кабарды, Балкарии и Карачая» и др. Распоряжением Главного управления Министерства юстиции РФ по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области от 5 сентября 2016 г. № 767 была приостановлена деятельность местной религиозной организации Свидетелей Иеговы в г. Биробиджане. Распоряжением Министерства юстиции РФ от 15 марта 2017 г. № 320-р была приостановлена деятельность религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» [6]. Все они были закрыты в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», действующим на территории Российской Федерации.

Для совершенствования правового аспекта конституционно-правового механизма противодействия религиозному экстремизму можно предложить следующее:

создать правовую базу по противодействию религиозному экстремизму на региональном и муниципальном уровнях, предусматривающую, прежде всего, принятие соответствующих целевых программ, включающих формирование системы профилактики религиозного экстремизма, предупреждения межконфессиональных конфликтов;

дополнить Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» определением понятия «религиозный экстремизм», провести разграничение данного понятия со смежными правовыми категориями;

включить в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» нормы, посвященные противоправной деятельности деструктивных сект и религиозных объединений, культивирующих экстремистскую идеологию;

дополнить Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» исчерпывающим переч-

нем критериев, в соответствии с которыми религиозное объединение будет признано экстремистским.

При рассмотрении организационного аспекта конституционно-правового механизма противодействия религиозному экстремизму особое внимание следует уделить деятельности правоохранительных органов.

Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 [7] на органы внутренних дел возложены функции координатора в сфере выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений экстремистской направленности.

Координирующая деятельность предусматривает не только создание специализированных органов, которые в настоящее время действуют на всех уровнях системы МВД России, но и постоянное повышение эффективности их деятельности, совершенствование отдельных форм и методов противодействия экстремизму в целом и религиозному экстремизму в частности.

Для этого необходимо, в том числе, повысить эффективность взаимодействия органов внутренних дел с иными государственными органами и должностными лицами, органами местного самоуправления, с политическими партиями, общественными и религиозными объединениями по пресечению экстремистских проявлений.

Особое внимание необходимо уделить взаимодействию со средствами массовой информации. Данное взаимодействие должно быть, как минимум, двухаспектным: с одной стороны, следует привлекать СМИ для распространения антиэкстремистских материалов, с другой – проводить профилактическую работу по разъяснению понятия «экстремистские материалы» и недопущению размещения подобной информации в средствах массовой информации.

Не менее важным является взаимодействие с религиозными объединениями. Оно также должно осуществляться по двум направлениям:

совместное проведение профилактической, просветительской работы, направленной на устранение среди верующих экстремистских настроений в отношении иноверцев и атеистов;

превенция пропаганды и агитации, направленных на возбуждение религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии, осуществляемых религиозными деятелями и верующими данной конфессии.

Важное значение также имеет проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию идеологии экстремизма.

Для этого необходимо принять меры по совершенствованию организации и проведения превентивных оперативно-розыскных мероприятий, гласного и негласного наблюдения, оценки и прогнозирования поведения лиц, склонных к совершению экстремистских действий.

Для реализации данных направлений, безусловно, важна научно-методическая работа по подготовке и обучению сотрудников органов внутренних дел. Необходима разработка новых частных методик по различным направлениям предупреждения и раскрытия преступлений экстремистско-религиозной направленности.

Особое внимание необходимо уделять профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел и получению ими дополнительного профессионального образования по

утвержденным в установленном порядке учебным программам по вопросам выявления, пресечения, раскрытия, профилактики и квалификации экстремистских преступлений. В рамках различных учебных дисциплин и модулей важно уделять внимание этнопсихологическим особенностям приверженцев различных религий, особенностям их культуры и мировоззрения.

Рассматривая проблему противодействия религиозному экстремизму, можно сделать вывод, что данная деятельность требует комплекса мер правового, организационного, социального, экономического характера и объединения усилий как государства в лице его органов и должностных лиц, так и всех институтов гражданского общества для создания атмосферы религиозной терпимости, согласия и межконфессионального мира.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // *Собр. законодательства РФ*. 2016. № 1, ч. II. Ст. 212.

2. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 03.03.2017).

3. Дергачев В., Винокуров А. Экстремизм до степени смешения. В России в три раза выросло число осужденных по антиэкстремистской статье (05.05.2016). URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml/ (дата обращения: 22.02.2017).

4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // *Собр. законодательства РФ*. 2003. № 41. Ст. 3947.

5. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 23 нояб. 2015 г.) // *Собр. законодательства РФ*. 2002. № 30. Ст. 3031.

6. Министерство юстиции РФ. URL: http://minjust.ru/nko/perechen_priostanovleni/ (дата обращения: 01.03.2017).

7. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 6 сент. 2008 г. № 1316 (в ред. от 5 сент. 2011 г.) // *Собр. законодательства РФ*. 2008. № 19. Ст. 1315.

1. *On the Strategy of national security of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 31, 2015 № 683 // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2016. № 1, pt. II. Art. 212.

2. *The Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. URL: <http://crimestat.ru/> (date of access: 03.03.2017).

3. Dergachev V., Vinokurov A. *Extremism to the point of confusion. In Russia three times increase in the number of convictions in anti-extremist article* (05.05.2016). URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/05/04_a_8211929.shtml/ (date of access: 22.02.2017).

4. *The Shanghai Convention on fighting against terrorism, separatism and extremism // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2003. № 41. Art. 3947.

5. *On countering extremist activities: fed. law of the Russian Federation d.d. July 25, 2002 № 114-ФЗ (as amended on Nov. 23, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2002. № 30. Art. 3031.

6. *The Ministry of Justice of the Russian Federation*. URL: http://minjust.ru/nko/perechen_priostanovleni/ (date of access: 01.03.2017).

7. *On some issues of the Ministry of the Interior of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Sept. 6, 2008 № 1316 (as amended on Sept. 5, 2011) // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2008. № 19. Art. 1315.

Зорин Алексей Вячеславович

Российский государственный гидрометеорологический университет

(e-mail: Politruk06@mail.ru)

К вопросу о специальных мерах предупреждения политической преступности

В статье рассматриваются наиболее актуальные специальные меры предупреждения политической преступности, способные повлиять на ее состояние в России. Анализируется их взаимодействие в ходе воздействия на факторы, обуславливающие политическую преступность. Особое внимание уделено проблеме предупреждения преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: политическая преступность, государственная преступность, факторы политической преступности, политика и преступность.

A.V. Zorin, Russian State Hydrometeorological University; e-mail: Politruk06@mail.ru

To the issue of special measures of the prevention of political crime

The article deals with the most relevant special measures to prevent political crime, which can affect its state in Russia. Their interaction is analyzed among themselves in the course of influencing the factors that cause political criminality. Particular attention is paid to the problem of preventing extremist crimes.

Key words: political crime, state crime, factors of political crime, policy and crime.

Среди всех мер по предупредительному воздействию на преступность традиционно выделяются специальные меры, дополняющие и/или корректирующие меры общесоциального воздействия. Ряд авторов не выделяет их в специальную группу, но обязательно раскрывает их суть в разделе о субъектах специального предупреждения [1, с. 304–312]. Выделение специальных мер в самостоятельную группу создает возможность для развития целой системы мер по предупредительному воздействию на преступность, дополняя ее новейшими средствами, методами и инструментами. Специальные меры предупреждения преступности указываются и в зарубежной литературе. В западных странах конкретная профилактическая работа имеет несколько большее значение, чем общесоциальные меры противодействия преступности [2, р. 10–17]. При этом особое внимание уделяется ситуационному предупреждению преступлений и профилактике преступности с широкой опорой на общественность [3, р. 34–77]. Особую роль в предупреждении политической преступности играют именно специальные меры. Как отмечают российские криминологи, специальные (специально-криминологические) меры предупреждения преступности в целом, равно как и политической преступности в частности, должны осуществляться уполномоченными субъектами предупреждения и противодействия данному феномену путем применения специальных правовых средств и методов [4, с. 104; 5, с. 327; 6, с. 82]. Специ-

ально-криминологические меры носят локальный и конкретный характер. Данные меры реализуются сотрудниками правоохранительных органов и всей системы уголовной юстиции, руководителями предприятий и учреждений, местными органами власти и общественными организациями, образовательными учреждениями. Основанием для их принятия служат те криминогенные обстоятельства, которые были выявлены в процессе расследования уголовных дел, а также факторы преступности, установленные в результате специального изучения криминологической обстановки на определенной территории. Специальные меры направлены, прежде всего, на нейтрализацию и ограничение влияния факторов и условий, обуславливающих политическую преступность, и преследуют следующие цели:

понижение качественных и количественных криминологических показателей политической преступности и причиняемых ею опасных социальных последствий;

защита и восстановление законных прав и интересов лиц, пострадавших от политических преступлений, а также компенсация им понесенного материального и морального ущерба.

Достижение перечисленных целей напрямую зависит от эффективности работы специальных субъектов предупреждения преступности, а именно правоохранительных, контролирующих и судебных органов, и от самого общества, которое может послужить в качестве дополнительного барьера на пути распространения преступного поведения в сфере политики.

В деятельности по противодействию преступлениям «экстремистской направленности» органам внутренних дел зачастую приходится сталкиваться с аудио-, видео- и печатной продукцией, предположительно содержащей признаки самого «экстремизма». В этом случае по действующему законодательству перед сотрудниками возникает два вида разноплановых задач:

1) указанные сотрудники на первоначальном этапе сами должны уметь выявить признаки «экстремизма»;

2) необходимо четкое определение алгоритма построения совместной работы с экспертами по проведению исследований и изысканий на предмет содержания в аудио-, видео- и печатных материалах признаков «экстремизма».

Для правильного решения данных задач согласно действующему законодательству каждый сотрудник должен уметь:

определять перечень видов необходимых экспертиз для аудио-, видео- и печатных материалов;

давать правильные формулировки постановочных вопросов в ходе проведения таких исследований;

определять необходимый уровень квалификации привлекаемых к работе специалистов для проведения исследований в данном направлении;

выявлять основные признаки содержания в аудио-, видео- и печатных материалах призывов к осуществлению «экстремистской деятельности».

Поскольку само понятие экстремизма в действующем УК РФ и Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» небыло, перед правоохранительными органами встает трудно разрешимая задача. Существует реальный риск использования «экстремистских» составов УК РФ в качестве инструментов политического давления. При этом эффективная деятельность правоохранительных органов по противодействию политическим преступлениям повышает вероятность наступления негативных социальных и правовых последствий для подготавливающего или совершившего политическое преступление лица. В качестве санкции за совершение подобных преступлений применяется лишение свободы на определенный срок. В данном случае реальным эффектом этого наказания за совершение политического преступления экстремистской направленности является только удержание осужденного от совершения преступления на время содержания в пенитенциарном учреждении. В подавляющем большинстве случаев из уголовно-исполнительных учреждений общество получает назад

озлобленное, психически искаженное лицо, зачастую утратившее навыки свободной жизни и готовое к совершению новых преступлений [7, с. 137]. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие – вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества» [8, с. 18]. Потенциальный преступник должен осознавать неотвратимость наказания. Но для достижения эффективности деятельности правоохранительных органов необходим целый ряд комплексных мер. Прежде всего, необходима ориентация ведомственных научных и образовательных учреждений высшего и послевузовского профессионального образования на приоритетное изучение различных криминологических аспектов преступности в целом и политической преступности в частности. Речь идет о максимальном расширении курса криминологии в вузах и изучении данной дисциплины одновременно с курсами уголовного и уголовно-процессуального права. В более отдаленном будущем это позволит создать ряд специализированных научных учреждений или отдельных структурных подразделений, занимающихся изучением взаимосвязи преступности и политики. В свою очередь на основе подробных научных исследований возможно подготовить комплексную федеральную или региональную программу по предупреждению политической преступности или отдельных ее видов, а также появится возможность разработать научно обоснованные проекты нормативных актов, направленных на противодействие политической преступности.

Необходимо и надлежащее материально-техническое обеспечение деятельности правоохранительных органов, судов и специальных подразделений, предназначенных для предупреждения, выявления, пресечения и расследования политических преступлений. В первую очередь это касается технических средств бесконтактного обнаружения взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов в местах массового скопления граждан в целях предупреждения террористических актов и других политических преступлений как со стороны отдельных лиц, так и стороны преступных сообществ. Настоятельно необходимо очищение правоохранительных органов от дискредитирующих их лиц, потому что без этого не представляется возможным повышение результативности их деятельности, обеспечение национальной безопасности государства, а главное доверия к ним со стороны общества. Также государство должно обеспечивать эффективное взаимодействие между правоохранительными органами и спец-

службами других государств в целях предупреждения, пресечения и расследования актов политической преступности [9]. Необходимо отметить, что противодействие любому виду преступности, в том числе и политической, не может иметь целью ее полное и необратимое искоренение [10]. Отечественная и зарубежная история убедительно доказывает, что такое искоренение немыслимо и невозможно, ибо у любой существующей власти всегда находятся принципиальные внутренние политические оппоненты. Поэтому перед современными правоохранительными органами необходимо ставить реальные задачи по уменьшению объема политической преступности, ограничению сферы ее распространения, изменению характера политических преступлений на менее опасный (не насильственный), ограничению опасного взаимодействия политической и иных видов преступности, особенно организованной и коррупционной. Поэтому наряду с департаментом по противодействию экстремизму целесообразно восстановить департамент по борьбе с организованной преступностью, поскольку, по данным профессора В.С. Овчинского, уровень организованной преступности в настоящее время выше уровня преступности экстремистской направленности в 100 раз [11].

Выстроить действенную систему противодействия политической преступности без взаимодействия на международном уровне невозможно, особенно если на территории отдельных стран политическим преступникам предоставляется реальная возможность укрываться и тем самым избегать уголовно-правовой ответственности. В связи с этим актуальным является вопрос организации и обеспечения эффективного международно-правового сотрудничества между государствами и их правоохранительными органами в противодействии политической преступности и политическим преступниками. Для работы по данному направлению в первую очередь требуется совершенствование международно-правовых норм и выработка специального понятийного аппарата. Новые международно-правовые нормы должны включать в себя исчерпывающий перечень политических преступлений, в соответствии с которым выдача преступников обязательна, а также перечень мнимых политических преступлений [12], т.е. деяний, по которым выдача лица иностранному государству не производится. Необходимо оградить жертву противоправного преследования со стороны государства, его органов и должностных лиц от навешивания различных ярлыков (экстремист, фашист и т.д.) за правомерную оппозиционную политическую деятельность, не наносящую вреда обществу и го-

сударству. Однако, как справедливо отмечает профессор А.И. Долгова, в международно-правовых документах до сих пор нет развернутой дефиниции политического преступника, безусловно подлежащего выдаче [13, с. 341].

Особое место среди специальных мер предупреждения политической преступности занимают социально-психологические меры, специально направленные на формирование в государстве атмосферы общественного спокойствия, создание у населения уверенности в безопасности и готовности оказать посильную помощь правоохранительным органам. Только законное, правовое противодействие политической преступности со стороны государства и его органов может сформировать у граждан чувство уверенности в безопасности жизнедеятельности, обеспечить общественное спокойствие и привлечь его к оказанию добровольной помощи. Для этого необходимо внедрение системы правового просвещения граждан по вопросам реального состояния и направления изменений политической преступности и государственных мер по ее ограничению или локализации. Большое влияние на население в социально-психологическом плане оказывают различные СМИ. В современных российских телевизионных программах, кинофильмах, газетах, журналах доминируют кровавый криминал, насилие и жестокость, а современные герои – безжалостные преступники. Все это служит наглядными учебными пособиями для молодежи [14, с. 127]. Эта тенденция сохраняется, так как данная продукция приносит большой доход при относительно малых затратах на производство, а также пользуется материальной поддержкой со стороны государства и крупного бизнеса. С прекращением государственного финансирования подобных проектов на телевидении и в других СМИ количество данной продукции пойдет на убыль, а рост образовательного и культурного уровня населения сведет ее популярность к минимуму. Органы СМИ обязаны грамотно подходить к освещению таких мероприятий, как специальные операции вооруженных сил или правоохранительных органов. Есть риск того, что они могут стать невольными пособниками политических преступников, раскрывая и освещая информацию по изготовлению, хранению, транспортировке и применению взрывчатых веществ, о тактике ведения партизанской войны и террористической деятельности [15, с. 53–54]. В преподносимых СМИ сюжетах нельзя допускать данных о расстановке сил и средств участников антитеррористической или иной спецоперации по установлению правопорядка и противодействию политической преступности. Обусловлено это тем, что утечка через СМИ хотя

бы одного из второстепенных замыслов проводимой спецоперации может повлечь за собой ее срыв или снижение эффективности.

Последующее изучение системы мер по специальному предупреждению политической преступности имеет высокую научную значимость. Разработка и реализация специальных мер по противодействию политической преступности и ее отдельным видам, имея свою специфику, неотделимы от противодействия всей преступности в целом. Отсюда следует настоятельная необходимость в дальнейшем использовании разработок программ противо-

действия преступности Института государства и права РАН и других научных учреждений для создания комплексной общегосударственной программы противодействия преступности. К сожалению, с 2001 г. разработка таких федеральных программ прекратилась [14, с. 210]. Необходимо и дальнейшее изучение особенностей личности преступника. Для достижения этих целей понадобится целый комплекс работ не только в области криминологии, но и в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, социологии, политологии, экономики, психологии и других наук.

1. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2008.
2. *Crime and Crime Control Integrating Europe* / ed. by A. Kauko, S. Nevala. Helsinki, 2003.
3. Graham J., Bennett T. *Crime Prevention Strategies in Europe and North America*. N.Y., 1995.
4. Каныгин В.И. Проблемы комплексного анализа и предупреждения преступности в регионе (по материалам Приволжского федерального округа). Н. Новгород, 2004.
5. Лунеев В.В. Политическая преступность // Криминология: учеб. / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
6. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Г., Горшенков Г.Н. Стратегия борьбы с преступностью: учеб. пособие. Сыктывкар, 2005.
7. Гилинский Я.И. Социальное насилие. СПб., 2013.
8. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
9. Кузнецhevский В. Чью тень скрывают террористы? // Рос. газ. 1999. 24 сент.
10. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009.
11. Бороган И. Антикризисный пакет Кремля: кто страшнее – бандит или экстремист? URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9109> (дата обращения: 19.03.2017).
12. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб., 2011.
13. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
14. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учеб.: в 2 т. Т. II: Особенная часть. М., 2011.
15. Кларк Р.Ч. Технологический терроризм // Международный терроризм и право: реферативный сб. М., 2002.

1. *Criminology* / ed. by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. Moscow, 2008.
2. *Crime and Crime Control Integrating Europe* / ed. by A. Kauko, S. Nevala. Helsinki, 2003.
3. Graham J., Bennett T. *Crime Prevention Strategies in Europe and North America*. N.Y., 1995.
4. Kanygin V.I. *Problems of complex analysis and crime prevention in the region (based on the information of the Volga Federal District)*. Nizhny Novgorod, 2004.
5. Luneev V.V. *Political crime* // *Criminology: textbook* / ed. by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2004.
6. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.G., Gorshenkov G.N. *Strategy for combating crime: study aid*. Syktyvkar, 2005.
7. Gilinsky Ya.I. *Social violence*. St. Petersburg, 2013.
8. Zhalinsky A.E. *Criminal law in anticipation of change. Theoretical and instrumental analysis*. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2009.
9. Kuznechevsky V. *What is the shadow of the terrorists concealing?* // *Russian newsp*. 1999. Sept. 24.
10. Gilinsky Ya.I. *Criminology: theory, history, empirical basis, social control*. 2nd ed., rev. and augm. St. Petersburg, 2009.
11. Borogan I. *Anticrisis package of the Kremlin: who is more terrible – a bandit or an extremist?* URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9109> (date of access: 19.03.2017).
12. Shestakov D.A. *Introduction to the criminology of law*. St. Petersburg, 2011.
13. Dolgova A.I. *Crime, its organization and criminal society*. Moscow, 2003.
14. Luneev V.V. *The course of world and Russian criminology: textbook: in 2 vol. Vol. II: Special part*. Moscow, 2011.
15. Clark R.Ch. *Technological terrorism* // *International terrorism and law: abstr. coll*. Moscow, 2002.

Кашкарова Наталья Алексеевна
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583563)

Причины дорожно-транспортной виктимизации

В статье рассмотрены причины виктимизации участников дорожно-транспортного движения, осуществлена классификация причин на объективные, субъективные и смешанные. Сделан вывод о том, что такого рода классификация должна быть принята для разработки механизмов предупреждения виктимизации участников дорожного движения.

Ключевые слова: жертва, дорожно-транспортное нарушение, преступление, правила дорожного движения, участник дорожного движения, пешеход, водитель.

N.A. Kashkarova, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.
The reasons for the road transport victimization

This article examines the causes of victimization of participants of road traffic, classifies the causes of the objective, subjective, and mixed. The article concluded that this kind of classification should be adopted for the development of mechanisms for the prevention of victimization of participants of road traffic.

Key words: victim, traffic violation, crime, traffic rules, participant of road traffic, pedestrian, driver.

Автомобильное сообщение в современном обществе является необходимым условием экономического роста, обеспечивает важнейшую социальную функцию по непосредственной коммуникации людей друг с другом, однако оно таит в себе угрозу, так как обеспечивается посредством использования источника повышенной опасности – автомобиля. Выходя на улицу, каждый человек в любом населенном пункте приобретает статус участника дорожного движения (водителя транспортного средства, пешехода либо пассажира транспортного средства), что автоматически резервирует угрозу дорожно-транспортного травматизма.

Проблема дорожно-транспортного травматизма является достаточно острой не только для России, но и для всего мирового сообщества. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире в дорожно-транспортных происшествиях погибают около 1,3 млн чел. Около 50 млн получают травмы. На каждый смертельный случай 20–30 чел. получают серьезные увечья, многие становятся инвалидами. Травмы, полученные на дорогах, являются основной причиной смертности молодежи в возрасте 15–29 лет и второй по значимости причиной смертности детей и подростков в возрасте 5–14 лет. Прогнозируется, что к 2020 г. травмы, полученные в результате дорожно-транспортных про-

исшествий, станут шестой по значимости причиной смертности населения в мире, а число пострадавших превысит 2 млн чел. в год [1].

Определение причин травмирования жертв дорожно-транспортных происшествий играет важную роль для выработки различных, в том числе и виктимологических, мер предупреждения дорожно-транспортной преступности и минимизации негативных последствий, устранения или локализации дорожно-транспортной опасности, иными словами, для установления минимальной безопасности дорожного движения.

Как показывает практика, существующая на сегодняшний день система оказания помощи лицам, пострадавшим в результате дорожно-транспортного происшествия, малоэффективна. По данным Министерства здравоохранения и социального развития России, до прибытия в лечебное учреждение погибает 55% от общего количества лиц, погибших вследствие ДТП. Очевидно, что оказание помощи пострадавшим немедленно после дорожно-транспортного происшествия является основой предотвращения или снижения тяжести уже наступивших последствий [2, с. 51].

Согласно ст. 2 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» дорожно-транспортное происшествие – это «событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при

котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб» [3]. Исходя из приведенного определения и положений, закрепленных в ст. 263.1, 264, 264.1 и 268 УК РФ, можно сделать вывод, что вред, имеющий уголовно-правовое значение в результате дорожно-транспортного происшествия, может иметь как физическое выражение в виде тяжкого вреда здоровью человека либо смерти человека, так и материальное в виде крупного ущерба (более 1 млн руб.).

Дорожно-транспортные происшествия могут иметь различную природу происхождения, это может быть либо техногенный фактор (конструктивная техническая неисправность транспортного средства), либо человеческий фактор (управление транспортным средством с непристегнутым ремнем безопасности), в некоторых случаях природный фактор может выступать причиной дорожно-транспортного происшествия (оползни дорог, обвалы грунта на проезжую часть и пр.), но во всех дорожно-транспортных происшествиях есть две константы, первая из которых – транспортное средство; вторая – дорога, проезжая часть и прилегающая территория, в некоторых случаях парковка и специальная техническая территория (станции технического обслуживания, автозагоды, морские и речные порты и аэропорты).

Давая уголовно-правовую характеристику дорожно-транспортных преступлений, все исследователи отмечают, что данный вид преступлений относится к так называемым неосторожным преступлениям, субъективная сторона указанных преступлений характеризуется неосторожной формой вины, исключение составляет преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, в котором субъективная сторона характеризуется исключительно умышленной формой вины [4, с. 108–113]. Определяя субъективную сторону дорожно-транспортных преступлений, необходимо отметить ее взаимосвязь с объективной стороной анализируемых преступлений, а точнее обратить внимание на факультативные признаки объективной стороны. Характеристика факультативных признаков объективной стороны дорожно-транспортного преступления находится за пределами квалификации и не подлежит доказыванию, но характеристика реальной ситуации чаще всего указывает на то, что такого рода обстоятельства являются внезапно возникшими (наличие впереди идущего транспортного сред-

ства и желание обогнать попутный транспорт по встречной полосе движения) либо неожиданными (появление в ночное время пешехода на автодороге за пределами населенного пункта). Такого рода обстоятельства приводят к изменению скорости транспортного средства (увеличению/снижению), изменению траектории движения транспортного средства. Случайно возникшие, внезапно ухудшившиеся для участника дорожного движения (чаще всего лица, управляющего транспортным средством) дорожные условия максимально повышают риск наступления дорожно-транспортного происшествия, в том числе и с причинением телесных повреждений как водителю, так и иным участникам дорожного движения.

Осуществляя классификацию причин виктимности участников дорожного движения, отметим, что любая классификация носит относительно условный характер, именно по этой причине приведенная ниже классификация не претендует на догматизм, скорее она носит рекомендательный характер, обусловленный целями и задачами нашего исследования.

Причины дорожно-транспортной виктимизации могут носить субъективный и объективный характер, а также смешанный. Такого рода градация причин дорожно-транспортной виктимизации обусловлена психическим отношением потенциальной жертвы к своим действиям, которые характеризуют ее отношение к правилам дорожного движения, собственной безопасности и безопасности иных участников дорожного движения.

К субъективным причинам дорожно-транспортной виктимизации следует относить те причины, которые зависят от поведения участника дорожного движения, при котором потенциальный потерпевший осознает либо допускает факт нарушения правил дорожного движения, а также тот факт, что поведение лица создает угрозу наступления общественно опасных последствий в виде дорожно-транспортного преступления, например, пешеход переходит проезжую часть на запрещающий сигнал светофора.

Отметим, что с точки зрения психологии поведения виновного в нарушении правил дорожного движения, нарушение самих правил дорожного движения может быть обусловлено разными мотивами и целями (в данном случае мотив и цель не относятся к уголовно-правовым категориям). Например, причиной нарушения правил дорожного движения может высту-

пать такой мотив, как правовой нигилизм либо желание похвастаться навыками вождения или самим транспортным средством.

Хотя возросший уровень автомобилизации населения и относится к объективным показателям виктимизации дорожно-транспортного движения, отметим, что она коррелирует с рядом социально-культурных и социально-демографических факторов, которые в большей степени относятся к субъективным причинам дорожно-транспортной виктимизации. Уровень культуры управления транспортными средствами, а также соблюдения правил дорожного движения водителями транспортных средств оставляет желать лучшего [5]. Как свидетельствуют данные проведенного в 2016 г. исследования, 35% российских водителей считают, что уровень вождения за последние 3–5 лет снизился [6]. Данный факт, на наш взгляд, обусловлен и тем, что:

во-первых, сам факт управления транспортным средством – это источник создания стрессовой ситуации; управляя транспортным средством, водитель в некоторых случаях достигает предельной концентрации, а в некоторых, наоборот, отвлекается от управления, и любое действие другого участника дорожного движения может вызывать крайнюю степень раздражения, что приводит к возникновению аварийных ситуаций и появлению новых стрессов, а в некоторых случаях и психозов;

во-вторых, нынешние водители транспортных средств – это водители в первом, а в лучшем случае во втором поколении, уровень культуры вождения, основанный на примере старшего поколения, еще не сформирован, а если и сформирован, то в большей степени негативный, о чем свидетельствует распространенная практика отказа от применения ремней безопасности и детских удерживающих устройств.

К субъективным причинам дорожно-транспортной виктимизации также можно отнести различного рода отвлекающие факторы, которые влияют на поведение как жертвы, так и виновника дорожно-транспортного происшествия. Примерами отвлекающих факторов, которые влияют на поведение участников дорожного движения, могут выступать использование мобильных средств связи во время

движения транспортного средства водителем, курение за рулем и пр.

Объективными причинами дорожно-транспортной виктимизации необходимо признавать такие, которые не связаны с поведением жертвы, их возникновение обусловлено либо поведением иных участников дорожного движения, либо силами природы, например просадка дорожного полотна на участке автодороги либо локальный гололед на трассе.

К объективным причинам дорожно-транспортной виктимизации также можно отнести и возросший уровень автомобилизации населения. Как указывают современные исследователи, автомобилизация – одна из наиболее характерных и неотъемлемых составляющих современной цивилизации, автомобиль стал доступнее, можно констатировать, что из средства роскоши он превратился в общедоступную вещь. Не уменьшая и положительные стороны, в специальной литературе отмечают, что в России негативные последствия автомобилизации приобрели крайне острый характер [7, с. 532].

Под смешанными причинами дорожно-транспортной виктимизации следует понимать совокупность объективных и субъективных признаков, которые могут возникнуть в сфере дорожного движения, например агрессивное вождение транспортного средства, вызванное соперничеством двух и более водителей транспортных средств, либо минимизация возможных негативных последствий, вызванных дорожной ситуацией различного генезиса (резкое торможение транспортного средства в результате внезапного появления пешехода на проезжей части автодороги).

Отдельной причиной дорожно-транспортной виктимизации является управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, а также алкоголизация населения в целом.

Проведенный нами анализ причин дорожно-транспортной виктимизации свидетельствует о том, что причины носят как субъективный, так и объективный характер, и, учитывая это обстоятельство, необходимо подходить тщательно к разработке мер по предупреждению виктимного поведения среди участников дорожного движения.

1. Безопасность дорожного движения. Призыв к действию. URL: <http://www.ifrc.org/Global/Publications/road-safety/174800-ROADSAFETY-Report-RU.pdf>

2. Танага И.В. Нужна ли в Уголовном кодексе Российской Федерации специальная норма об уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия? // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4(26).

3. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 дек. 1995 г. № 196-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/2154abcb9e24bd897e871e2f7c5024e34f3347a5/

4. Уголовное право России. Особенная часть: учеб.: в 2 ч. / под ред. М.Л. Прохоровой. Краснодар, 2015. Ч. 2.

5. Шульжевский Э. Свежая голова. URL: <https://rg.ru/2014/10/02/mnenie.html>

6. Культура вождения в России. URL: <https://iom.anketolog.ru/2016/05/31/kul-tura-vozhdeniya-v-rossii>

7. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учеб. для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

1. Traffic safety. Call to action. URL: <http://www.ifrc.org/Global/Publications/road-safety/174800-ROADSAFETY-Report-RU.pdf>

2. Tanaga I.V. Whether the Criminal Code of the Russian Federation needs a special rule on criminal responsibility for leaving the scene of traffic accident? // Bull. of the Krasnodar university of Russian MIA. 2014. № 4(26).

3. On the road safety: fed. law d.d. Dec. 10, 1995 № 196-FL (as amended on July 3, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/2154abcb9e24bd897e871e2f7c5024e34f3347a5/

4. Criminal law of Russia. Special part: textbook: in 2 pt. / ed. by M.L. Prokhorova. Krasnodar, 2015. Pt. 2.

5. Shulzhevsky E. Fresh head. URL: <https://rg.ru/2014/10/02/mnenie.html>

6. Culture of driving in Russia. URL: <https://iom.anketolog.ru/2016/05/31/kul-tura-vozhdeniya-v-rossii>

7. Prevention of crimes and administrative offenses by bodies of internal affairs: textbook for students studying in the field of «Law» and «Law enforcement» / ed. by V.Ya.Kikot, S.Ya. Lebedev. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2017.

Мурин Станислав Владимирович
Нижегородская академия МВД России
(e-mail: murin_stanislav@mail.ru)

Законодательные коллизии как проблема противодействия коррупции

В статье рассматриваются технико-юридические недостатки законодательных установлений, предусматривающих уголовную и административную ответственность за коррупционные преступления и правонарушения физических и юридических лиц. Исследованы нормы международного законодательства, имплементированного в национальные правовые акты, определяющие легальные основания привлечения к ответственности юридического лица. Раскрыто содержание проблемы, выраженной в том, что в УК РФ закреплены основания освобождения физического лица от уголовной ответственности за взяточничество, в отличие от административного законодательства, где правовой механизм освобождения юридического лица от ответственности отсутствует. Автор обращает внимание на трудности выявления коррупционного административного правонарушения органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и формулирует предложения по совершенствованию административного и уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный закон, юридическое лицо, административная ответственность, взяточничество.

S.V. Murin, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: murin_stanislav@mail.ru

Legislative conflict as a problem of anti-corruption

The author discusses the technical and legal flaws legislative enactments providing for criminal and administrative responsibility for corruption crimes and offenses of individuals and entities. A study of international law, implemented in the national legal acts defining the legal base to bring to responsibility the legal entity. The article deals with the problem of the content, expressed in the fact that the Criminal Code of the Russian Federation enshrined the base release an individual from criminal liability for bribery and administrative legislation legal mechanism for the release of a legal entity from liability absent. The author also drew attention to the problem of detection of corruption offenses administrative bodies engaged in operational investigative activities. The paper suggests measures to improve the administrative and criminal legislation of the Russian Federation.

Key words: criminal law, a legal person, administrative responsibility, bribery.

Одним из значимых направлений государственной политики в современный период является совершенствование нормативно-правовой базы противодействия коррупции. Данная проблема широко обсуждается общественностью, бизнес-сообществом, учеными и практиками, выступает предметом дискуссий на различных научных форумах.

Изучение национального законодательства свидетельствует, что в последнее время российская правовая система пополнилась целым рядом новых правовых актов, направленных на противодействие коррупции. В настоящее время Российская Федерация ратифицировала пакет важных международных договоров, оказывающих позитивное влияние на формирование национального законодательства в области противодействия коррупции, в частности: Конвенцию Организации Объединенных

Наций против коррупции [1], Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию [2], Конвенцию против транснациональной организованной преступности [3]. В правовых нормах международного законодательства закреплена ответственность юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений, которая может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. Обзор зарубежного законодательства свидетельствует, что некоторые иностранные государства установили в своем уголовном законодательстве возможность привлечения к ответственности юридических лиц [4]. Совершенно очевидно, что положительный опыт имплементации положений международных нормативных документов зарубежными странами можно использовать с учетом особенностей правовой системы при доработке национального законодательства. Особого внимания

заслуживает положительный опыт установления уголовной ответственности юридических лиц иностранными государствами со схожей правовой системой, в частности странами СНГ.

В правовой системе Российской Федерации требования международного законодательства частично учли и приняли нормы, предусматривающие административную ответственность юридического лица за коррупционное правонарушение (см.: КоАП РФ [5]). Однако вопрос о привлечении к уголовной ответственности юридического лица не нашел отражение в уголовном законодательстве Российской Федерации и остался открытым.

В теории уголовного права целесообразность привлечения к ответственности юридических лиц является предметом острых дискуссий. Исследование доктринальных источников свидетельствует, что между теоретиками уже давно ведутся споры о возможности и целесообразности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. В частности, в научной среде обсуждаются две противоположные точки зрения. Представители первой полагают, что следует привлекать к уголовной ответственности юридическое лицо, и приводят довольно убедительные аргументы [6]. Во-первых, к таким обстоятельствам относится необходимость исполнения рекомендаций перечисленных выше международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией, где содержатся требования установления уголовной ответственности юридических лиц. Во-вторых, зарубежная практика привлечения юридических лиц к уголовной ответственности подтверждает, что с юридических лиц взыскиваются крупные размеры штрафов, все это дисциплинирует участников рыночных отношений и способствует созданию прозрачных финансовых отношений, а также обеспечивает существенное пополнение бюджета. Как правило, юридические лица имеют более высокое имущественное положение в сравнении с физическими лицами, что позволяет взыскивать с них штрафы, размеры которых обеспечивают возмещение причиненного материального ущерба юридическим лицом от коррупционных преступлений. В-третьих, как верно заметила Н.А. Голованова, «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности» [7, с. 153].

Оппоненты с изложенным мнением не согласны и считают, что достаточно имеющейся

возможности привлечения юридических лиц к административной ответственности [8]. В качестве основного аргумента указывается, что уголовная ответственность юридических лиц не соответствует принципам личной и виновной уголовной ответственности. В пользу приведенного аргумента Н.Ф. Кузнецова пишет, что «вина всегда не что иное, как психическое отношение лица к своему деянию. Этой вины у юридических лиц нет. Если требуется усилить ответственность юридических лиц, а ее действительно следует ужесточить, то это вполне можно осуществить в рамках гражданского, хозяйственного, финансового права» [9, с. 20]. Автор не согласен с изложенной позицией, так как степень общественной опасности от совершенных коррупционных преступлений не всегда дает возможность адекватной оценки посредством применения положений административного или гражданского законодательства, поэтому целесообразно установить уголовную ответственность юридического лица.

К сожалению, сложившаяся судебная практика привлечения к административной ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения вызывает существенные критические замечания в бизнес-сообществе. В частности, много вопросов и нареканий возникает к составу, предусмотренному ст. 19.28 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за незаконную передачу, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу, в том числе иностранному, либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег и любых других благ имущественного характера за совершение действий в интересах юридического лица. Санкция статьи предусматривает административные штрафы для юридического лица от 1000000 руб. до 100000000 руб.

Изучение судебной практики и национального законодательства свидетельствует, что в настоящее время государственная политика в области противодействия коррупции в основном применяет репрессивные меры воздействия на бизнес, что не соответствует принципу справедливости. В административном законодательстве Российской Федерации не предусмотрены поощрительные меры, выраженные в освобождении от административной ответственности юридических лиц, что вызывает обоснованную критику со стороны бизнес-сообщества и подрывает принимаемые государством меры в области противодействия коррупции.

Правоприменительные проблемы обусловлены законодательными недостатками правовой защищенности представителей бизнеса, оказывающих активное содействие в расследовании и раскрытии коррупционных преступлений органами предварительного расследования, в частности по фактам взяточничества. В УК РФ содержатся примечания к ст. 291, 291.1, 291.2, предусматривающие основания освобождения от уголовной ответственности взятодателей, а также посредников. Как следует из примечания, «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки» [10].

Безусловно, указанное законодательное установление справедливо, и его целесообразность не вызывает сомнений ввиду способствования эффективной борьбе с фактами взяточничества, а также заинтересованности субъекта преступления активно содействовать раскрытию и расследованию коррупционного посягательства.

В то же время законодательное несовершенство правовой нормы, закрепленной в диспозиции ст. 19.28 КоАП РФ – незаконное вознаграждение от имени юридического лица, – приводит к существенному противоречию с уголовным законодательством и подрывает эффективную работу правоохранительных органов в области противодействия коррупции. Проблема заключается в том, что в уголовном законодательстве содержатся поощрительные нормы, освобождающие физических лиц от уголовной ответственности, а в административном законодательстве аналогичные нормы не предусмотрены, что явно не способствует сотрудничеству физических и юридических лиц с правоохранительными органами в области противодействия коррупции ввиду неотвратимого привлечения к административной ответственности юридического лица. Нужно отметить, что в юридической литературе неоднократно указывалось на значительное количество технико-юридических дефектов уголовного закона, которые обуславливают неэффективную практику применения его положений (см., например: [11, с. 23; 12, с. 125–129; 13, с. 31]).

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных кор-

рупционных преступлениях» указано, что привлечение лиц к уголовной ответственности за дачу взятки или незаконную передачу предмета коммерческого подкупа не освобождает от ответственности юридическое лицо, от имени или в интересах которого совершены соответствующие коррупционные действия, установленные ст. 19.28 КоАП РФ [14]. Из указанного акта судебного толкования следует, что юридическое лицо не освобождается от административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. По мнению автора, изложенная позиция отрицательно влияет на практику привлечения к административной ответственности юридических лиц, оказывающих активное содействие в раскрытии и расследовании коррупционных преступлений.

Таким образом, физические лица, действующие в интересах юридического лица, освобождаются от уголовной ответственности, а юридическое лицо даже при условии позитивного посткриминального поведения привлекается к административной ответственности. Указанный законодательный недостаток является существенным, что нарушает принцип справедливости и требует законодательного устранения.

В качестве положительного примера судебной практики освобождения от административной ответственности юридического лица рассмотрим определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Приоритет» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 19.28 Кодекса РФ об административных правонарушениях». Как следует из представленного определения, положения международных договоров подразумевают виновность лица, совершающего коррупционные деяния от имени юридических лиц или в интересах юридического лица. В том случае, если деяния совершаются с уведомлением или под контролем правоохранительных органов, преднамеренность в поведении физического лица отсутствует и, соответственно, по смыслу этих положений, ни состав преступления, совершенного физическим лицом, ни состав административного правонарушения, совершенного юридическим лицом, не образуются, а указанные лица не подлежат ответственности [15]. Буквальное толкование изложенного определения свидетельствует, что юридическое и физическое лицо не подлежат уголовной и административной ответственности, если передает незаконное денежное вознаграждение в рамках проведения опера-

тивно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент». В то же время если в ходе расследования уголовного дела или проведения оперативно-розыскных мероприятий выяснится либо физическое лицо добровольно сообщит о ранее совершенных коррупционных преступлениях в интересах юридического лица, то в этом случае юридическое лицо привлекается к административной ответственности, что нашло подтверждение в определении Конституционного Суда РФ.

Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ в судебном акте указал, что не исключает возможность определения в законе условий, при которых юридические лица, исполнительные органы которых сообщили в правоохранительные органы о незаконном вознаграждении, могут быть освобождены от административной ответственности [15]. При этом механизм реализации указанного положения не разъясняется. В итоге вопрос об основании и о правовом механизме освобождения от административной ответственности юридического лица остался не решенным.

В правоприменительной практике возможна ситуация, когда конкурент по бизнесу за материальное денежное вознаграждение склонил сотрудника другого юридического лица либо физическое лицо, не имеющее никакого отношения к юридическому лицу, «подставить» добросовестную конкурирующую организацию путем незаконной передачи, предложения или обещания денег или иного имущественного блага должностному лицу от имени или в интересах юридического лица, без согласия и уведомления исполнительного органа и учредителей. Возникает вопрос, подлежит ли при таких обстоятельствах юридическое лицо административной ответственности? Решение указанного вопроса требует теоретической разработки положений об условиях привлечения к ответственности юридического лица. Обратимся к трудам Б.В. Волженкина, который совершенно верно установил, что необходимо выяснять следующие условия: «действие (бездействие) совершено: 1) с ведома юридического лица (его органа управления) или было им санкционировано; 2) в пользу (в интересах) юридического лица (при умышленной преступной деятельности); 3) субъектом, уполномоченным юридическим лицом» [16]. С учетом изложенных обстоятельств правоприменителю следует принимать решение о возможности привлечения к ответственности юридического лица, что приведет к справедливому судебному решению.

Анализ административной практики привлечения к ответственности юридических лиц за коррупционное правонарушение свидетельствует, что большинство материалов по ст. 19.28 КоАП РФ возбуждаются прокурорами только на основании сведений, полученных в результате прокурорского надзора за коррупционными уголовными делами. Генеральная прокуратура РФ в методических рекомендациях для территориальных органов прокуратуры разъяснила, что в случаях, если результаты оперативно-розыскной деятельности содержат данные, указывающие на признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, соответствующая информация в объеме, определяемом руководителем оперативного подразделения, незамедлительно направляется прокурору для решения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении с соблюдением установленного законодательством порядка рассекречивания [17]. Указанное требование Генеральной прокуратуры РФ является незаконным, так как органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации не могут предоставлять и рассекречивать результаты оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующие о совершении административных правонарушений [18]. Как правило, по фактам взяточничества основным доказательством в суде служат результаты оперативно-розыскной деятельности. Возникает вопрос, как выявлять правонарушение, ответственность за которое установлена в ст. 19.28 КоАП РФ, если в соответствии с требованиями оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, проводить оперативно-розыскные мероприятия на выявление административного правонарушения запрещено. Проблема обеспечения оперативно-розыскного сопровождения расследования ряда криминальных посягательств уже не раз была в фокусе внимания представителей научной общественности, что свидетельствует о необходимости ее актуализации [19]. При этом отметим, что практически невозможно в порядке прокурорского надзора и иных гласных проверочных мероприятий выявить указанное выше коррупционное правонарушение в связи с его латентностью.

К сожалению, детальное изучение административного и уголовного законодательства в части установления ответственности за коррупционные преступления свидетельствуют,

что юридические лица не заинтересованы в обращении в правоохранительные органы с сообщениями о фактах взяточничества.

Таким образом, в целях обеспечения эффективной уголовной политики противодействия коррупции, а также устранения имеющихся коллизий необходимо внести изменения в административное законодательство Российской Федерации, определяющие легальную возможность освобождения юридического лица от ответственности в случае добровольного сообщения физическими лицами о незаконном вознаграждении от имени юридического лица либо в случае передачи незаконного вознаграждения

под контролем правоохранительных органов в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент». Юридические лица должны освобождаться от административной ответственности по аналогии с физическими лицами в уголовном законодательстве. Более того, как справедливо заметила С.Г. Келина, «близость административного и уголовного права свидетельствует о том, что если административное право ввело ответственность юридических лиц, то логичным, с точки зрения системы права, было бы и положительное решение вопроса об ответственности этих субъектов в уголовном праве» [20].

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята в г. Нью-Йорке 31 окт. 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Бюл. международных договоров. 2006. № 10. С. 7–54.

2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию: заключена в г. Страсбурге 27 янв. 1999 г. // Бюл. международных договоров. 2009. № 9. С. 15–29.

3. Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята в г. Нью-Йорке 15 нояб. 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Бюл. международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33.

4. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). М., 2013.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г., с изм. от 17 нояб. 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Федоров А.В. К вопросу о введении уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Юрид. мир. 2014. № 12. С. 43–47.

7. Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных науч. чтений памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2013.

8. Михайлов В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-

1. *United Nations Convention against Corruption: adopted in New York on Oct. 31, 2003 by Resolution 58/4 on the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly // Bull. of international treaties. 2006. № 10.*

2. *Criminal Law Convention on Corruption: concluded in Strasbourg on Jan. 27, 1999 // Bull. of international treaties. 2009. № 9. P. 15–29.*

3. *Convention against Transnational Organized Crime: adopted in New York on Nov. 15, 2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly // Bull. of international treaties. 2005. № 2. P. 3–33.*

4. Golovanova N.A., Lafitsky V.I., Tsirina M.A. *Criminal liability of legal persons in international and national law (comparative-legal research)*. Moscow, 2013.

5. *Code of the Russian Federation about Administrative Offences d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (as amended on July 6, 2016, Nov. 17, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus».*

6. Fedorov A.V. *On the question of the introduction of criminal liability of legal persons for corruption offenses // Legal peace. 2014. № 12. P. 43–47.*

7. Golovanova N.A. *Tendencies of development of the institute of criminal liability of legal persons abroad // Legal liability: current challenges and solutions: proc. for the VIII annual sci. readings in memory of professor S.N. Bratus. Moscow, 2013.*

8. Mikhaylov V.I. *Is a criminal liability of legal persons in the Russian Federation necessary? // Criminal law in relation to legal persons: proc. of the Russian-German criminal law seminar, on June 26, 2012. Moscow, 2013. P. 97–102.*

9. Kuznetsova N.F. *Codification of economic crimes // Bull. of Moscow university. Ser. 11: Law. 1993. № 4.*

10. *Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on Dec.*

правового семинара, 26 июня 2012 г. М., 2013. С. 97–102.

9. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право.* 1993. № 4.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Агапов П.В. Критерии разграничения организованной группы и преступного сообщества // *Законность.* 2007. № 5.

12. Петров С.В. Коллизии уголовного законодательства (на примере отдельных положений ст. 210 УК РФ) // *Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России.* 2015. № 31. С. 125–129.

13. Кузнецов А.П., Маршак Н.Н. Ответственность за преступления экстремистской направленности (ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ): лекция. Н. Новгород, 2008.

14. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

15. *Вестн. Конституционного Суда РФ.* 2014. № 6 // *Официальный интернет-портал правовой информации.* URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2014

16. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998.

17. Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории: письмо Генпрокуратуры России от 16 февр. 2015 г. № 86-242-2014/Нд4167-15. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Петров С.В. Эффективность нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия криминальным посягательствам, характеризующимся наличием сложных форм соучастия // *Теория и практика общественного развития.* 2011. № 8. С. 71–77.

20. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // *Уголовное право: новые идеи: сб. ст. М., 1994.*

30, 2015). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. Agapov P.V. Criteria for distinguishing between organized groups and criminal organizations // *Legality.* 2007. № 5.

12. Petrov S.V. Conflict of criminal law (the provisions of article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Legal science and practice: Bull. of Nizhny Novgorod academy of Russian MIA.* № 31. 2015. P. 125–129.

13. Kuznetsov A.P., Marshakova N.N. Responsibility for extremist crimes (articles 280, 282.1, 282.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): lecture. Nizhny Novgorod, 2008.

14. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 9, 2013 № 24. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

15. Bull. of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2014. № 6 // *The official internet-portal of legal information.* URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2014

16. Volzhenkin B.V. Criminal liability of legal entities. St. Petersburg, 1998.

17. On organization of interaction of regulatory bodies, the bodies implementing operative investigative activities, and investigation bodies with prosecutors in detecting signs of crime, provided by article 19.28 of the Code of the Russian Federation about Administrative Offences, and in the investigation of administrative cases of this category: letter of the Prosecutor General's Office of Russia d.d. Febr. 16, 2015 № 86-242-2014/Нд4167-15. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

18. On operative-investigative activities: fed. law d.d. Aug. 12, 1995 № 144-FL (as amended on July 6, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

19. Petrov S.V. Efficiency of legal regulation of operational-investigative activity in the sphere of combating criminal attacks, characterized the presence of complex forms of complicity // *Theory and practice of social development.* 2011. № 8. P. 71–77.

20. Kelina S.G. Liability of legal persons in the new draft of the Criminal Code of the Russian Federation // *Criminal Law: New ideas: coll. of papers.* Moscow, 1994.

Романова Вероника Валерьевна
Академия Генеральной прокуратуры РФ
(e-mail: nika77m@yandex.ru)

Авторитет должности и его использование при совершении преступлений

В статье обсуждаются вопросы толкования понятия «авторитет занимаемой должности», содержания действий, связанных с использованием авторитета занимаемой должности, определения субъектов, чье служебное положение позволяет использовать авторитет занимаемой должности.

Ключевые слова: авторитет должности, значимость, использование авторитета занимаемой должности, личные отношения, служебные отношения.

V.V. Romanova, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: nika77m@yandex.ru

The authority of the position and its use in the commission of crimes

The article discusses the interpretation of the concept of «authority position», the contents of the action associated with the authority of position, determining agents, whose position allows you to use the authority of their position.

Key words: authority of the position, significance, use of authority of the position, personal relations, office relations.

Использование лицом своего служебного положения при совершении преступления – признак, характеризующий объективную сторону преступления и повышающий степень его общественной опасности, что учтено законодателем при конструировании многих составов преступлений, включающих данный признак в качестве квалифицирующего. Но в некоторых случаях, как, например, при получении взятки за содействие совершению действий (бездействию) в интересах взяткодателя или представляемых им лиц, использование служебного положения относится к конститутивным признакам состава преступления.

Вопрос о соотношении служебного положения и служебных полномочий в современной доктрине уголовного права особых дискуссий не вызывает. Большинство исследователей сходятся во мнении, что служебное положение не ограничивается совокупностью служебных полномочий, но включает в себя дополнительные возможности, вытекающие из занимаемой лицом должности.

Как справедливо отмечал Б.В. Волженкин, использование служебного положения связано с тем, что субъект, занимая соответствующую должность и исполняя определенные обязанности в пределах своей служебной компетенции, в силу этого обладает определенным ав-

торитетом, имеет служебные связи с другими должностными лицами, способен оказывать на них влияние, благодаря чему располагает рядом фактических возможностей, отсутствующих у других лиц, не занимающих данную должность. Поэтому использование субъектом своего служебного положения – это использование им тех прав или фактических возможностей, которыми он обладает именно в связи с занимаемой должностью [1, с. 127].

Аналогичной позиции придерживается и судебная практика, о чем свидетельствуют положения, закрепленные в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Одна из форм использования лицом при совершении преступлений своего служебного положения заключается в использовании авторитета занимаемой должности. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указывается, что использование служебного положения при совершении преступлений, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ, выражается не только в умышленном использовании такими лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, определяемого значимостью и авторитетом занимаемой ими должности, на других лиц в целях

побуждения их к совершению действий, направленных на содействие террористической деятельности. Аналогичные положения содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

Вместе с тем, судебная практика, в том числе и практика высшей судебной инстанции, свидетельствует о неоднозначном подходе к толкованию самого понятия «авторитет занимаемой должности», к содержанию действий, связанных с использованием авторитета занимаемой должности, а также к определению субъектов, чье служебное положение позволяет использовать авторитет занимаемой должности. Недостаточно этим вопросам уделено внимание и в научных публикациях.

Авторитет (лат. *Autoritas*) – власть, влияние. Но существуют понятия «авторитет должности», «функциональный авторитет», «профессиональный авторитет» и «авторитет личности». Авторитет должности (авторитет Положения) (англ. *authority, positional*; нем. *Autoritat, dienstliche*) – авторитет, приобретенный в силу занимаемой должности в бюрократической или формальной организации [2].

В.Е. Солдатов, раскрывая сущность авторитета должности, указывает, что под авторитетом должности понимается мера социальной значимости субъекта – носителя комплекса юридически закрепленных властных полномочий, которыми наделена существующая должность. И власть, и авторитет относятся к такому виду общественных отношений, продолжает автор, где одна сторона определяет поведение другой. Субъекты власти и авторитета обладают способностью определяющего воздействия на объект. Далее делается вывод о том, что, поскольку должность представляет собой комплекс юридически фиксированных властных полномочий, делегируемых определенным социальным институтом (организацией), под авторитетом должности понимается мера социальной значимости субъекта – носителя комплекса юридически закрепленных властных полномочий, которыми наделена соответствующая должность [3].

Именно такое понимание авторитета должности заложено в постановлении Пленума

Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «Способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц выражается в использовании взяткополучателем авторитета и иных возможностей занимаемой должности для оказания воздействия на других должностных лиц в целях совершения ими указанных действий (бездействия) по службе. Такое воздействие заключается в склонении другого должностного лица к совершению соответствующих действий (бездействию) путем уговоров, обещаний, принуждения и др.».

Итак, первый вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что авторитет должности зависит не от качеств личности, эту должность занимающей, не от ее функциональных обязанностей, связанных с осуществлением сугубо профессиональных функций, а от совокупности полномочий, которые официально закреплены за определенной должностью.

Например, Верховный Суд РФ, прекращая за отсутствием состава преступления уголовное дело в отношении Замкова Ю.И., осужденного за получение взятки, указал, что Замков совершил действия, обусловленные лишь его личным авторитетом в силу профессиональных качеств и личными связями, использование которых при влиянии на других должностных лиц, взаимоотношения между которыми законом не оформлены и не обусловлены исполнением им должностных функций, не может рассматриваться в качестве обязательного признака объективной стороны состава преступления. Использование возможностей других лиц предполагает объективную возможность виновного оказать на них влияние, употребив для этой цели свое должностное положение [4].

Из первого вывода логически вытекает второй: полномочия, которые свидетельствуют о возможности оказывать воздействие на поведение других лиц в целях совершения действий (бездействия) в личных интересах носителя полномочий или в интересах других лиц, представляемых носителем полномочий, должны свидетельствовать о выполнении функций представителя власти, организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных функций, но не сугубо профессиональных. Следовательно, субъектом преступлений, совершенных лицом с исполь-

зованием служебного положения в форме использования авторитета занимаемой должности, может быть только должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Причем обладание соответствующими полномочиями должно быть правомерным и наличным, что означает фактическое обладание соответствующими полномочиями на момент совершения преступления.

Особое практическое значение приобретает понимание использования значимости и авторитета занимаемой должности при разграничении получения взятки за содействие совершению действий в интересах взяткодателя или представляемых им лиц с использованием должностного положения и мошенничества с использованием служебного положения. При получении взятки у должностного лица реально существует возможность в силу занимаемой должности способствовать действиям (бездействию) в интересах взяткодателя, в том числе и с использованием авторитета и значимости занимаемой должности, а при мошенничестве создается видимость наличия такой возможности.

Интерес в этом плане представляет кассационное определение Верховного Суда РФ по делу в отношении бывшего главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил РФ генерал-полковника Чиркина В.В., который за денежное вознаграждение, используя свое влияние, обусловленное занимаемой должностью, обратился к подчиненному ему по службе начальнику КЭУ Московского военного округа Ц. с просьбой во внеочередном срочном порядке принять решение о выделении жилищной комиссией гр-ну Л. однокомнатной квартиры во исполнение решения суда. В ходе судебного рассмотрения дела вышестоящими инстанциями квалификация содеянного Чиркиным В.В. изменялась с п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Не соглашаясь с такой квалификацией, Верховный Суд РФ признал, что без должного внимания оставлены положенные в основу приговора нормативные правовые, а также ведомственные акты Министерства обороны РФ, регламентирующие объем служебных полномочий Чиркина, который обратился с указанной просьбой к своему подчиненному Ц., а тот, сославшись на просьбу генерала Чиркина, поручил начальникам КЭУ округа и юридической службы разобраться в этом вопросе. Таким образом, относительно своих служебных воз-

можностей и фактических обстоятельств правомерности выделения жилплощади гр-ну Л. Чиркин никого в заблуждение не вводил, но использовал отношения подчиненности, которые при удовлетворении его просьбы в ускорении решения вопроса сыграли решающую роль в силу значимости и авторитета занимаемой им вышестоящей должности [5].

Только лишь занятие «авторитетной» должности еще не свидетельствует об использовании авторитета занимаемой должности при совершении преступления, так как ответственность за квалифицированные виды преступлений обусловлена не значимостью занимаемой лицом должности, а использованием ее авторитета. Вряд ли можно согласиться с Н.В. Мирошниченко, полагающей, что «использование при совершении преступления авторитета занимаемой должности не может образовывать часть деяния (действия или бездействия), а следовательно, и не может входить элементом в систему признаков, характеризующих основание уголовной ответственности или основание ее дифференциации. Использование авторитета и значимости занимаемой должности в большей степени характеризует лицо, совершившее преступление, а потому может учитываться лишь при определении меры уголовного наказания» [6, с. 125–126].

Признаки специального субъекта преступления действительно определяются исходя из полномочий, которыми он наделен, и занимаемого положения, но «использование» – это действие (в определенных случаях и бездействии), которое характеризует объективную сторону преступления.

Под использованием авторитета занимаемой должности, исходя из положений, закрепленных в упомянутых выше постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, следует понимать оказание влияния на других лиц в целях совершения ими определенных действий (бездействия). А такое влияние возможно лишь в силу наличия управленческих полномочий.

Поскольку авторитет должности базируется на наличии полномочий представителя власти, административно-хозяйственных либо организационно-распорядительных, то и влияние на поведение других лиц подкрепляется реальной возможностью лица, занимающего эту должность, совершить действие (бездействие), которое может повлечь наступление нежелательных последствий для лица, на которое оказывается влияние, т.е. присутствует

элемент необходимости или вынужденности поступить тем или иным образом.

По делу в отношении Востокова С.И. суд признал использование им авторитета занимаемой должности в осуществлении подчиненными ему сотрудниками надзорных функций применительно к поднадзорному юридическому лицу и обусловленной в связи с этим зависимости перед ним как перед руководителем отдела Управления [7].

По делу в отношении Фаизова М.Ф. суд использование авторитета занимаемой им должности обосновал тем, что Фаизов, как заместитель председателя правительства <...> области, курирующий сельское хозяйство, входил в Совет директоров ОАО «Областной агропромышленный холдинг» от правительства <...> области, поэтому генеральный директор ООО считал себя обязанным выполнять задачи, которые ставил перед ним Фаизов в силу занимаемой должности [8].

Следовательно, третий вывод, который можно сделать, заключается в том, что использование авторитета занимаемой должности заключается в оказании влияния (путем предложений, уговоров, указаний, принуждения, но не в рамках реализации официальных полномочий) на лицо, которое находится в сфере служебной деятельности должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации в силу отношений подчиненности, подконтрольности, поднадзорности или в силу других обстоятельств.

По мнению А. Грошева, рассматривающего использование авторитета занимаемой должности применительно к получению взятки, использование взяткополучателем значимости и авторитета занимаемой должности предполагает главным образом легальные (законные) способы воздействия (например, издание приказа, устное распоряжение в отношении подчиненных лиц; использование авторитета вышестоящего органа власти и т.п.) [9]. Но использование легальных способов воздействия подразумевает использование полномочий, но не авторитета занимаемой должности.

Использование значимости и авторитета занимаемой должности следует разграничивать

с использованием при совершении преступления личных отношений, в том числе сложившихся в процессе служебной деятельности, а также приобретенных в связи с ранее занимаемой должностью.

Равнозначными по должности в системе одной организации сотрудниками при совершении преступлений также используются сложившиеся личные отношения, основанные на взаимном доверии, уважении, симпатии, при которых возможность оказания влияния для решения вопроса в своих интересах вытекает не из значимости и авторитета занимаемой ими должности, а из личных взаимоотношений как коллег по работе.

В связи с этим вызывает сомнение квалификация действий Тимошенко М.В. по ч. 1 ст. 290 УК РФ. По мнению суда, она способствовала в силу своего должностного положения совершению бездействия другими равнозначными ей по должности сотрудниками линейного отдела полиции в аэропорту. Суд, давая оценку действиям подсудимой, указал, что она склонил своих коллег по службе к беспрепятственному прохождению иностранными гражданами предполетного досмотра путем уговоров, используя авторитет занимаемой должности и служебные взаимоотношения, основанные на доверии [10]. Вряд ли есть основания в данном случае говорить об использовании авторитета занимаемой должности.

Таким образом, использование значимости и авторитета занимаемой должности относится к одной из форм использования служебного положения, характерной особенностью которой является наличие возможности у должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, оказывать воздействие на другое лицо в целях совершения им желаемых действий (бездействия) в силу отношений подчиненности, подконтрольности, поднадзорности либо иной служебной зависимости. Причем воздействие оказывается не путем использования управленческих полномочий, а посредством потенциально существующей угрозы наступления неблагоприятных, нежелательных последствий для лица, на которое оно оказывается.

1. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000.

2. Слово о человеке: энцикл. словарь. URL: <http://www.slovochel.ru/av-dolgnosti.htm> (дата обращения: 15.02.2017).

3. Солдатов В.Е. Авторитет должности и авторитет личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1990. URL: <http://cheloveknauka.com/avtoritet-dolzhnosti-i-avtoritet-lichnosti#ixzz4NbkxyqgG> (дата обращения: 15.02.2017).

4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 окт. 2016 г. № 201-УДП16-16. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 15.02.2017).

5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 авг. 2012 г. № 19-О12-32. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 15.02.2017).

6. Мирошниченко Н.В. Совершение преступлений лицом с использованием служебного положения: проблемы квалификации и перспективы законодательной регламентации // Общество и право. 2013. № 3(45).

7. Приговор Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 12 окт. 2015 г. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 15.02.2017).

8. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11 февр. 2013 г. № 29-О13-2. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 15.02.2017).

9. Грошев А. О проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взятничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. 2013. № 5.

10. Приговор Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 9 нояб. 2015 г. URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения: 15.02.2017).

1. Volzhenkin B.V. Office crimes. Moscow, 2000.

2. Word about the human: encyclopedic dictionary. URL: <http://www.slovochel.ru/av-dolgnosti.htm> (date of access: 15.02.2017).

3. Soldatov V.E. Authority of a position and authority of the personality: auth. abstr. ... Candidate of Philosophy. Sverdlovsk, 1990. URL: <http://cheloveknauka.com/avtoritet-dolzhnosti-i-avtoritet-lichnosti#ixzz4NbkxyqgG> (date of access: 15.02.2017).

4. Cassation determination of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Oct. 11, 2016 № 201-UDP16-16. URL: <http://www.sudrf.ru> (date of access: 15.02.2017).

5. Cassation determination of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Aug. 16, 2012 № 19-O12-32. URL: <http://www.sudrf.ru> (date of access: 15.02.2017).

6. Miroshnichenko N.V. Commission of crimes by the person with use of official position: problems of qualification and prospect of a legislative regulation // Society and law. 2013. № 3(45).

7. A sentence of the Kirov district court of Rostov-on-Don d.d. Oct. 12, 2015. URL: <http://www.sudrf.ru> (date of access: 15.02.2017).

8. Cassation determination of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Febr. 11, 2013 № 29-O13-2. URL: <http://www.sudrf.ru> (date of access: 15.02.2017).

9. Groshev A. About the draft of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About jurisprudence on cases of bribery, commercial bribery and other corruption crimes» // Criminal law. 2013. № 5.

10. A sentence of the Southern Sakhalin city court of the Sakhalin region d.d. Nov. 9, 2015. URL: <http://www.sudrf.ru> (date of access: 15.02.2017).

Баев Олег Яковлевич

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН,
Воронежский государственный университет
(e-mail: baev@law.vsu.ru)

Завьялова Дарья Владимировна

Воронежский государственный университет
(e-mail: dasha-zavyalova@bk.ru)

Исключительные следственные ситуации

Рассматриваются проблемные вопросы проведения отдельных следственных действий в исключительных ситуациях, позволяющих определенные отступления от общего порядка их производства. Обосновывается необходимость определения понятия «исключительная ситуация» в уголовно-процессуальном законе.

Ключевые слова: следственная ситуация, следственные действия, меры пресечения, исключительный случай, случай, не терпящий отлагательства.

O. Ya. Baev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Voronezh State University; e-mail: baev@law.vsu.ru;

D. V. Zavyalova, Voronezh State University; e-mail: dasha-zavyalova@bk.ru

Exceptional investigative situations

We consider problematic issues of particular investigative actions, in exceptional circumstances, which allow certain derogations from the general order of their production. It is substantiated the need to define the concept of «exceptional situation» in the Criminal Procedure Act.

Key words: investigative situation, investigative actions, measure of restraint, exceptional case, case of urgency.

Участие любого лица в уголовно-процессуальных отношениях и необходимость в связи с этим производства с ним неких процессуальных (в первую очередь, следственных) действий неизбежно влекут за собой ограничение его конституционных прав и свобод.

К примеру, даже вызов лица на допрос в качестве свидетеля в определенное следователем время зачастую существенным образом сказывается на его праве распоряжаться своим временем (мы уже не говорим о производстве с участием гражданина следственных действий отчетливо принудительного характера, таких как обыск, освидетельствование и т.п.).

УПК РФ (далее – УПК) предусматривает ряд положений, исключающих (либо ставящих в определенные правовые рамки) возможность необоснованных ограничений названных прав и свобод лица, вовлекаемого в уголовное судопроизводство. К таким гарантиям, в частности, можно отнести:

запреты на производство следственных действий в ночное время и применение мер пресечения в отношении подозреваемых лиц;

избрание таких мер пресечения, как залог, содержание под стражей, домашний арест, только судом;

необходимость получения предварительного судебного разрешения на производство обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложения ареста на имущество (осмотр жилища, если проживающие в нем лица возражают против его проведения, также требует предварительного судебного разрешения на его производство).

В то же время законодатель осознает и возможность возникновения процессуальных (в первую очередь, следственных – возникающих на стадии предварительного расследования преступлений) ситуаций, в которых соблюдение указанных выше запретов и требований в целях реализации самого назначения уголовного судопроизводства либо невозможно, либо крайне (как минимум) не рационально.

Речь идет о таких законодательных конструкциях, как «исключительный случай», «случай, не терпящий отлагательства» и «в случае невозможности». В частности, такие отступления предусматриваются в следующих нормах:

«в исключительных случаях [...], мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого» (ч. 1 ст. 100 УПК);

«производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства» (ч. 3 ст. 164 УПК);

«в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки изложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, [...] не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения» (ч. 5 ст. 165 УПК);

«в случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись» (ч. 3 ст. 170 УПК).

Помимо этого, законодатель оперирует также термином «в случае невозможности». Здесь признание ситуации исключительной, а потому допускающей некие отступления от общих правил производства некоего действия, связано с реальной невозможностью их выполнения в сложившихся условиях предварительного следствия. Примерами таковой «невозможности» являются производство опознания по фотографии (ч. 5 ст. 193 УПК), производство следственного действия при отсутствии понятых и технических средств фиксации хода и результата мероприятия (ч. 3 ст. 170 УПК).

Однако, закрепляя право следователя на отступление от общих процессуальных правил в названных ситуациях, УПК не содержит легального их определения, что, как полагает Конституционный Суд РФ, вполне корректно, поскольку «термин исключительный случай не является настолько неопределенным, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений» [1].

Не думаем, что такой подход верен. Отсутствие законодательно закрепленных определений позволяет следователям достаточно вольно трактовать соответствующие понятия, что, по сути, приводит к возможности признания любой ситуации исключительной, допускающей отступления от общих требований закона независимо от наличия или отсутствия соответствующих оснований для подобного вывода.

Например, в одном случае следователь обосновал необходимость производства обыска без разрешения суда ссылкой на нерабочее

время суда, что не позволяло получить соответствующее разрешение [2].

По другому делу следователь обосновал невозможность применения технических средств фиксации хода и результата следственного действия разрядкой аккумуляторной батареи видеокамеры [3].

Исследуя эту проблему, О.З. Челохсаев верно заметил, что любое совершенное преступление может вызвать у органов предварительного расследования желание провести без санкции суда осмотр, обыск и выемку в любом жилище. Однако далее автор приходит к неожиданному для нас выводу о необходимости исключения из УПК РФ возможности проведения осмотра, обыска и выемки без разрешения суда в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ в принципе [4, с. 93].

Нам данное положение представляется излишне радикальным, ригористическим и, очевидно, не учитывающим реалии практики осуществления уголовного преследования. Такой подход делает невозможным адекватное и, самое главное, своевременное реагирование правоохранительных органов на различные действия (зачастую противоправные) участников уголовного судопроизводства и (это главное!) не учитывает специфику раскрытия и расследования преступлений.

В то же время формально признание любого случая исключительным может считаться законным (что и подтверждает правоприменительная практика), поскольку законодатель, как сказано, не определяет ни понятия случаев, рассматриваемых в качестве исключительных, ни критериев признания их таковыми. Более того, УПК не обязывает следователя мотивировать наличие исключительного случая в соответствующих процессуальных актах, обосновывать, чем в конкретном случае вызывается необходимость отступления от предусмотренных законом общих правил.

Так, следователь обратился в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ в отношении Р., который подозревался в совершении мошеннических действий с использованием своего служебного положения. На вопрос адвоката о том, какие исключительные обстоятельства обусловили необходимость избрания в отношении подозреваемого меры пресечения, следователь ответить не смог; более того, он не понял сущности самого вопроса, а потому, отвечая на него, перечислил основания, указанные в ст. 97 УПК. В связи с этим суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя.

Приведенный пример (а он достаточно «штатен» для правоприменительной практики) наглядно подтверждает необходимость как легального, законодательного определения исключительности ситуации, так и отражения в каждом конкретном случае факта признания сложившейся ситуации таковой, а потому препятствующей возможности проведения действия в обычном, предусмотренном УПК порядке в соответствующем этому действию процессуальном акте (постановлении, протоколе).

Нет сомнений в безусловной правомерности усмотрения следователя о возможности в исключительных случаях проводить процессуальные/следственные действия с некими отступлениями от общеустановленного порядка их проведения.

Но оно должно быть ограничено необходимыми правовыми рамками, дабы предупредить и/или нейтрализовать возможные злоупотребления следователей полномочиями на признание сложившейся следственной ситуации исключительной.

Нам представляется, что такое усмотрение может быть допустимо лишь, когда:

а) это не скажется на объективности уголовно-процессуального исследования преступления;

б) социально-этическая необходимость правомерности таких отступлений будет мотивирована в процессуальном акте следователя: в выносимом по этому вопросу самостоятельном постановлении или в самом протоколе проведенного следственного действия.

В первую очередь, это связано с необходимостью достаточно четкого определения понятия «исключительной» ситуации в уголовно-процессуальном законе. Дело в том, что анализ норм, допускающих возникновение нетипичных случаев, свидетельствует о том, что законом используются различные термины, по существу характеризующие одно и то же явление.

Так, например, упомянутая ч. 5 ст. 165 УПК, закрепляя формулировку «в исключительных случаях, когда следственное действие не терпит отлагательства...», одновременно содержит указание на исключительность и безотлагательность случая, которые в контексте данной нормы рассматриваются как синонимы. А потому возникает вопрос о целесообразности подобного терминологического нагромождения, которое ведет лишь к дезориентации правоприменителей в решении рассматриваемой проблемы, существенно и очевидно влияющей на обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

В уголовно-процессуальной литературе неоднократно высказываются предложения законодательно закрепить перечни обстоятельств, которые следует признавать нетипичными, а также исключительных/безотлагательных случаев [5, с. 125].

Не думаем, что такие предложения являются рациональными. Установление закрытого, исчерпывающего перечня приведет к противоположной ситуации, при которой «жесткий», исключаящий любое варьирование список лишит следователей возможности осуществления правового регулирования в тех случаях, которые прямо законом не называются. Более того, представляется в принципе невозможным создание такого исчерпывающего перечня, поскольку жизненные ситуации настолько многообразны, что не поддаются какому-либо обстоятельному перечислению.

Закрепление же открытого перечня нетипичных ситуаций ставит под сомнение возможность достижения целей, ради которых он собственно и принимался – воспрепятствование расширительному толкованию исключительных случаев, приводящему к неограниченному отступлению от общих, установленных правил, поскольку следователи всегда смогут сослаться на отсутствие исчерпывающего перечня и, соответственно, признать любую ситуацию исключительной.

Другие ученые считают необходимым закрепление критериев, в соответствии с которыми случай должен признаваться не терпящим отлагательства. Так, например, по мнению А.Б. Соловьева, такой случай имеет место, когда:

ситуация возникает неожиданно и вытекает из динамики расследования преступления;

ситуация должна быть обусловлена дефицитом времени для принятия решения, когда нет возможности без ущерба для результативности следственных действий обращаться в суд либо к прокурору;

непроведение либо несвоевременное их проведение может повлечь тяжкие последствия: продолжение преступной деятельности, утрату или сокрытие важных доказательств;

следственные действия должны проводиться при наличии оснований, предусмотренных УПК, и при неукоснительном соблюдении процессуальной процедуры следственного действия (при этом автор специально оговаривает, что в этих случаях «с особой тщательностью необходимо проверять наличие оснований к их проведению у лиц, не являющихся подозреваемыми и обвиняемыми» [6, с. 103–104]).

Иными словами, по нашему мнению, автор по существу излагает не перечень ситуаций,

которые следует признавать исключительными, а критерии признания следственной ситуации исключительной. Этот подход в целом нам представляется более верным, чем изложенный выше.

В то же время два последних из названных А.Б. Соловьевым критериев признания ситуации исключительной требуют комментария. Так, по нашему мнению, необходимость производства следственных действий лишь при наличии предусмотренных законом оснований и соблюдение процессуальной процедуры следственного действия являются настолько общими и естественными обстоятельствами, что не нуждаются в упоминании в контексте исключительных случаев. Основное отличие производства следственных действий в условиях исключительной или безотложной ситуации состоит в том, что при ее возникновении следователь, например, имеет право произвести необходимые действия без получения судебного разрешения, однако остальные требования, предъявляемые законом к конкретному следственному действию, должны соблюдаться следователем в обязательном порядке.

Аналогичным образом решается вопрос с последним из предложенных автором критериев: тщательное установление и проверка оснований, необходимых для производства следственного действия с отступлением от общих требований закона, является общим, обязательным правилом, соблюдение которого должно иметь место независимо от статуса лица, участвующего в деле.

Таким образом, на наш взгляд, лишь три предложенных А.Б. Соловьевым критерия отвечают требованиям не терпящих промедления случаев, а именно: неожиданность возникшей ситуации, возможность наступления тяжких последствий и дефицит времени при принятии решения.

В.М. Быков, в целом соглашаясь с мнением А.Б. Соловьева, добавляет, что на первое место в ряду критериев следует поставить наличие правовых и фактических оснований производства следственных действий, после которых должны стоять все остальные критерии [7, с. 155–156].

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что критерии нетипичных случаев должны указывать на экстраординарность ситуации, показывать, ввиду чего возможно отступление от требований закона. В свою очередь, производство любого следственного действия, независимо от того, проводится ли оно в общем порядке или с отступлением от общих правил,

невозможно без наличия правовых и фактических оснований. Таким образом, данные основания не свидетельствуют о неординарности ситуации, поскольку являются универсальными, применимыми к производству любого следственного действия, и, следовательно, рассматриваться в качестве критериев безотлагательных случаев не могут.

По нашему мнению, примерный перечень критериев исключительных и безотлагательных случаев должен отвечать нескольким условиям.

Во-первых, эти критерии должны характеризовать экстраординарность возникших обстоятельств и свидетельствовать о невозможности или нецелесообразности совершения всех требуемых по закону действий, поскольку в противном случае выполнение всех предусмотренных законом требований может привести к наступлению различных негативных последствий.

Во-вторых, данный перечень должен характеризоваться системностью и последовательностью. Иными словами, каждый из закрепленных исключительных/безотлагательных случаев должен не просто свидетельствовать о неординарности ситуации, а обязан соотноситься с конкретным следственным действием, перечисленным в ч. 5 ст. 165 УПК, и обуславливать необходимость его производства без судебного разрешения.

Так, в качестве критериев, допускающих производство следственного действия при отсутствии судебного разрешения, можно рассматривать внезапно возникшие ситуации, когда имеется:

а) реальная возможность утраты следов преступления в силу действия объективных, не зависящих от людей причин (например, плохие погодные условия, особенности местности, где было совершено преступление, и т.п.);

б) реальная угроза уничтожения, сокрытия, изменения следов преступления и доказательств в силу умышленных, противоправных действий лиц, причастных к преступлению;

в) реальная возможность заинтересованных лиц продать, подарить или иным образом способствовать отчуждению имущества, на которое может быть наложен арест в целях обеспечения гражданского иска;

г) возможность наступления иных неблагоприятных для следствия последствий.

Вместе с тем, мы убеждены в том, что одно лишь закрепление критериев исключительных/безотлагательных случаев не решит сложившейся проблемы и не сведет к минимуму

возможность злоупотребления следователями своим должностным положением.

Нам представляется необходимым дополнение ст. 5 УПК понятием исключительной ситуации.

По нашему мнению, под таковой следует понимать «процессуальную ситуацию, допускающую в целях обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства отступление от общего порядка производства процессуальных, в том числе и следственных, действий в случаях нецелесообразности и/или невозможности их соблюдения в пределах и при условиях, предусмотренных для этого нормами настоящего Кодекса. Обоснование возникновения исключительной ситуации со ссылкой на конкретные обстоятельства, позволившие прийти к такому выводу, должно быть отражено в соответствующем процессуальном акте субъекта доказывания (постановлении, протоколе)».

Закрепление в законе единого термина, с одной стороны, обеспечивает единое и однородное понимание сущности исключительных случаев, с другой – способствует ограничению усмотрения правоприменителей при разрешении вопроса об отнесении конкретной ситуации к категории нетипичной.

Кроме того, нет никаких сомнений в том, что, если в предоставляемых суду/прокурору/руководителю следственного органа документах не будет мотивирована неотложность ситуации, которая обусловила необходимость отступления от общего порядка производства осуществленного действия, проверка их законности и обоснованности в принципе невозможна (в данном контексте следует указать, что обязанность следователя обосновывать наличие экстраординарных обстоятельств предусматривалась еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., в ст. 363 которого устанавливалось, в частности, что «обыск и выемка производятся днем, но, в случае необходимости, дозволяются и ночью, не иначе, однако, как с объяснением в протоколе причин, побудивших следователя прибегнуть к этой чрезвычайной мере»).

Заметим, что возникновение исключительной ситуации вовсе не означает полное устранение контрольных полномочий суда относительно решений следователей. Предварительный контроль в этом случае заменяется последующим. А потому остается возможность признания действий следователя незаконными, а полученные доказательства недопустимыми.

Однако практика свидетельствует о том, что суд в таких случаях анализирует лишь наличие оснований для проведения следственного действия как таковых, но по существу не исследует вопрос, являлась ли ситуация исключительной, допускавшей необходимость отступлений от общего порядка его проведения. Возможно, обуславливается это тем, что в ч. 5 ст. 165 УПК лишь закрепляется, что суды проверяют законность произведенного следственного действия и выносят постановление о его законности или незаконности; многочисленные решения Конституционного Суда РФ также подчеркивают, что суд проверяет и делает вывод лишь о законности или незаконности проведенного следственного действия (см., например: определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П «По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчукковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 967-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 165, 182 и 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Однако законность проведения следственного действия оценивается с позиций, когда его производство осуществляется уполномоченным лицом при наличии правовых и фактических оснований, с соблюдением принципов уголовного судопроизводства. А поскольку в случаях производства следственного действия в условиях исключительной ситуации необходимо наличие не только вышеназванных условий, но и обстоятельств, свидетельствующих об экстраординарности ситуации, представляется логичным вывод о том, что в законе должно непосредственно быть закреплено указание на необходимость проверки и оценки этих исключительных обстоятельств со стороны суда.

В связи с этим предлагаем дополнить ст. 165 УПК частью 5.1 следующего содержания:

«В исключительных случаях, когда производство следственных действий, перечисленных в части пятой настоящей статьи, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения. В постановлении должны быть мотивированы причины, вызы-

вающие необходимость отступления от общих правил производства данного следственного действия. [...] Получив указанное уведомление, судья в срок, предусмотренный частью второй настоящей статьи, проверяет наличие исключительного случая и законность произведенного следственного действия и выносит

постановление о его законности или незаконности. В случае, если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со статьей 75 настоящего Кодекса».

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Катаранова Эдуарда Ринатовича и Трухина Петра Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 985-О-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Дело № 3/6-171/2011. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 06.11.2016).

3. Дело № 22-265/2015 Воркутинского городского суда. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Челохсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика государства. Владикавказ, 2009.

5. Осипов А.В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2012. № 2-2(74).

6. Соловьев А.Б. Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2.

7. Быков В.М. Правовые основания и условия производства следственных действий по УПК РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 1.

1. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizens Kataranov Eduard Rinatovich and Trukhin Petr Yuryevich to violation of their constitutional rights by part the fifth of article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 16, 2009 № 985-O-O. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Case № 3/6-171/2011. URL: <https://rospravosudie.com>. (date of access: 06.11.2016).

3. Case № 22-265/2015 of the Vorkuta city court. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Chelokhsayev O.Z. Modern criminal procedure policy of the state. Vladikavkaz, 2009.

5. Osipov A.V. Standard model of exceptional cases at which production of investigative actions doesn't suffer delay // Bull. of Altai state university. 2012. № 2-2(74).

6. Solovyov A.B. Ensuring validity of carrying out survey of the dwelling, a search and dredging in the dwelling in exceptional cases, being urgent // Criminal law. 2004. № 2.

7. Bykov V.M. Legal grounds and conditions of production of investigative actions under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Urgent problems of economy and law. 2007. № 1.

Костенко Роман Валерьевичдоктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет
(e-mail: rom-kostenko@yandex.ru)

Понятие и значение пределов доказывания в уголовном судопроизводстве

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с определением понятия и значения пределов доказывания в уголовном судопроизводстве. Анализируются различные точки зрения по данному вопросу.

Ключевые слова: доказательства в уголовном процессе, доказывание в уголовном процессе, пределы доказывания в уголовном судопроизводстве, процесс доказывания по уголовным делам.

R.V. Kostenko, Doctor of Law, Professor, Kuban State University; e-mail: rom-kostenko@yandex.ru

The concept and the limits of proof in criminal proceedings

This article considers the problematic issues related to the definition and the limits of proof in criminal proceedings. Different points of view on this issue are analyzed.

Key words: evidence in criminal proceedings, proving in criminal proceedings, limits of proof in criminal proceedings, process of proof in criminal cases.

В науке уголовного процесса категория «пределы доказывания» представляет одну из наиболее спорных и сложных проблем, которая не находит единого понимания среди ученых. Первоначально в теории уголовного процесса термин «пределы доказывания» использовался как идентичный понятию «предмет доказывания» [1, с. 4]. В дальнейшем авторы стали разграничивать предмет и пределы доказывания [2, с. 85; 3, с. 7–8; 4, с. 11–12]. В настоящее время в процессуальной литературе существует довольно большое количество различных определений пределов доказывания. В качестве подтверждения наличия разнообразных точек зрения можно привести лишь некоторые определения понятия «пределы доказывания» в уголовном процессе. В частности, под пределами доказывания понимают:

совокупный объем доказательственной информации, необходимый и достаточный для достоверного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, по достижении которого дальнейшая доказательственная деятельность теряет свою целесообразность [5, с. 204];

систему доказательств, необходимых для вывода о наличии или отсутствии обстоятельств, составляющих предмет доказывания [6, с. 41];

число источников доказательств, требуемое для обоснования процессуального решения [7, с. 64];

технологический элемент теории доказательств, который представляет собой совокуп-

ность доказательств, необходимую для полного, всестороннего, объективного установления обстоятельств, имеющих значение для дела [8, с. 176];

категорию, которая предопределяется пределами уголовной ответственности [9, с. 315];

границы использования доказательственных возможностей совокупности доказательств [10, с. 95];

границы доказательственной деятельности, обеспечивающие меру знаний субъекта доказывания об обстоятельствах дела, которая достаточна для принятия процессуального решения данного вида [11, с. 199].

Наибольшее количество сторонников привлекает позиция о том, что под пределами доказывания следует понимать совокупность доказательств, необходимых и достаточных для установления обстоятельств, образующих предмет доказывания [12, с. 62–64; 13, с. 18–21; 14, с. 79–80; 15, с. 173–174; 16, с. 187].

Анализ представленных и других точек зрения показывает, что общим для определения сущности пределов доказывания в уголовном процессе является ответ на вопрос о том, при помощи чего, какими средствами обеспечиваются оптимальная глубина и достоверность познания фактов и обстоятельств, составляющих предмет доказывания. «Взаимодействие между предметом и пределами доказывания есть взаимодействие между целью и средствами ее достижения» [2, с. 85].

Методологически обосновано, что процесс познания обстоятельств уголовного дела ха-

характеризуется переходом от незнания к знанию. При этом указанный путь перехода от незнания к знанию содержит в себе моменты, когда результаты познания будут сначала вероятными, а затем достоверными. По нашему мнению, нельзя согласиться с тем, что познание, помимо названных результатов, иногда завершается достижением «частичной достоверности» [17, с. 22–23]. Надо полагать, признание того факта, что возможным результатом познания обстоятельств уголовного дела может стать «частичная достоверность», ставит под сомнение достижение самой достоверности. Поскольку довольно сложно в этом случае определить границы, а также критерии разграничения между «частичной достоверностью» и собственно «достоверностью».

Результаты познавательной деятельности, заканчивающиеся вероятными выводами об обстоятельствах уголовного дела, характеризуются степенями, показателями уровней достигаемого знания. Соответственно, с гносеологической точки зрения термину «достоверность» не могут сопутствовать категории «более достоверный» или «менее достоверный». Тогда как указанные значения вполне применимы к описанию вероятного знания. Поэтому допустимым является использование и употребление таких критериев, как «маловероятный», «менее вероятный», «более вероятный», «максимально вероятный».

Вместе с тем, процесс познания обстоятельств совершенного преступления в силу гносеологических закономерностей может заканчиваться либо вероятными, либо достоверными результатами. Иные варианты исключаются. В таких условиях уровни вероятного и достоверного знания сосредоточивают в себе качество и пределы уголовно-процессуального познания.

«Отражая специфику процессуального доказывания, состояния вероятного или достоверного знания предопределяют и в то же время находятся в прямой зависимости от тех целей, которые достигаются познанием, и тех средств, которыми оперируют субъекты познавательной деятельности. Для уголовно-процессуального познания важно, чтобы обстоятельства предмета доказывания всегда устанавливались достоверно, однако такое не всегда случается. При достижении достоверного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание характеризуется одними пределами, при получении вероятного знания об обстоятельствах предмета доказывания познание имеет другие пределы доказывания. Таким образом,

предмет доказывания и пределы доказывания соотносятся как категории «форма – содержание». Обстоятельства выступают формой существования объективной действительности, достоверность или вероятность – содержанием полученных результатов в доказывании» [18, с. 166–167].

По мнению И.А. Пелиха, необходимо выделять ряд критериев, влияющих на установление пределов доказывания. К таковым он, в частности, относит: во-первых, предмет доказывания; во-вторых, принцип полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств преступления; в-третьих, общеизвестные, преюдициально установленные и презюмируемые законом факты [19, с. 31–34].

Пределы доказывания, как результаты получаемых знаний об обстоятельствах предмета доказывания, зависят от наличия или отсутствия в уголовном деле достаточных доказательств. Наличие достаточных доказательств означает достижение достоверного знания об обстоятельствах и фактах уголовного дела. Недостаточные доказательства свидетельствуют о вероятном знании. Поэтому можно сказать, что пределы доказывания соотносятся с достаточностью доказательств. Соответственно, в ходе производства по уголовным делам необходимо правильно оценивать объем получаемых доказательств с тем, чтобы были достигнуты надлежащие пределы доказывания, связанные с наличием достаточных доказательств [20, с. 162–167].

Таким образом, пределы доказывания означают границы познавательной деятельности, которые определяются количеством собранных, проверенных и оцененных доказательств с точки зрения их достаточности. При этом пределы доказывания могут характеризоваться как достоверным, так и вероятным знанием. В основе достоверного знания об обстоятельствах и фактах уголовного дела лежат достаточные доказательства. Обоснованием вероятного знания выступают недостаточные доказательства.

Значение пределов доказывания по уголовным делам определяется в науке по-разному.

Как указывают одни процессуалисты, «пределы доказывания – многоаспектное, многокомпонентное понятие, сложность определения которого связана с тем, что нет одинаковых уголовных дел: разные составы преступления, разные способы, мотивы и цели их совершения, разные люди их совершают. Тем не менее правильно раскрыть содержание рассматриваемого понятия – значит предложить модель,

которая в большей степени учитывала бы задачи, цели, путь движения к конечному результату» [20, с. 74]. По словам О.В. Левченко, «оптимальное установление пределов доказывания по уголовному делу имеет теоретическое и важное практическое значение, которое выражается в том, что пределы доказывания:

упорядочивают процесс доказывания и определяют его границы;

определяют такое количество средств доказывания, которое необходимо для установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу;

позволяют экономить средства доказывания; определяют полноту исследования обстоятельств уголовного дела» [21, с. 51].

Другие утверждают, что проблема понятия «пределы доказывания» особо злободневна в современных условиях упрочнения состязательного процесса, когда возникает настоятельная необходимость в разграничении понятий «процессуальное познание» и «доказывание» [8, с. 177].

Третьи полагают, что пределы доказывания оказывают влияние на формирование пределов производства по уголовному делу [22, с. 7–8].

Д.В. Зотов акцентирует внимание на определении доказательственного значения «пределов доказывания» в уголовно-процессуальной деятельности через их взаимосвязь со свойствами законности и обоснованности процессуальных решений [23, с. 18–19].

В достаточно оригинальном значении использует рассматриваемую категорию П.С. Пастухов, который предлагает установить пределы технологизации судебного доказывания и сформулировать правовые ограничения, необходимые для сохранения гуманистической природы уголовного правосудия [24, с. 11].

А.В. Руденко анализирует пределы доказывания применительно к реализации полномочий судами первой и вышестоящих судебных инстанций [25, с. 7].

Коллектив авторов Доктринальной модели доказательственного права РФ предлагает абсолютно новый подход к пониманию сущности

и значения доказывания в целом посредством выработки «доказательственного стандарта», который будет определять уровни уголовно-процессуального познания, иными словами, будет обуславливать пределы доказывания по уголовным делам [26, с. 20]. Доказательственный стандарт, по мнению Т.В. Хмельницкой, составляет единое целое с формой уголовного процесса и обуславливает определенную парадигму уголовно-процессуального познания, технологию доказывания (производства) истины. Определяются три вида доказательственных стандартов: «вне разумного сомнения», «высокая степень вероятности», «судебная (процессуальная) истина» [27, с. 63–64]. «Доказательственный стандарт “высокая степень вероятности” представляется в виде совокупности доказательств, которые были представлены обвинителем в судебное заседание, убеждающие суд (следственного судью) в том, что если они не будут опровергнуты в процессе судебного разбирательства, то будет вынесен судом обвинительный приговор с высокой степенью вероятности» [27, с. 64]. А.С. Александров считает, что такой доказательственный стандарт, как высокая степень вероятности, является вторым по своей силе, и не указывает, какой именно доказательственный стандарт следует считать наименьшим по своей значимости. Как отмечает ученый, именно доказательственный стандарт «высокая степень вероятности» будет являться наименьшим по своей значимости, отправной точкой шкалы доказательственных стандартов [26, с. 21].

На наш взгляд, представленные выше рассуждения по поводу «доказательственных стандартов» могут рассматриваться в качестве альтернативной концепции существующей модели уголовно-процессуального доказывания в целом и пределов доказывания в частности. Однако их реализация невозможна без полноценной смены действующего уголовно-процессуального законодательства во многом инквизиционного (розыскного) типа на совершенно другие по своей типологии и идеологии состязательные нормы уголовно-процессуального права [28, с. 79–92; 29, с. 32–36].

1. Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956.

2. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.

3. Курдадзе М.З. Пределы доказывания на предварительном следствии. Тбилиси, 1986.

1. Minkovsky G.M. The limits of evidence in the Soviet criminal process. Moscow, 1956.

2. Gorsky G.F., Kokorev L.D., Elkind P.C. Problem of evidence in the Soviet criminal process. Voronezh, 1978.

3. Kurdadze M.Z. The limits of proof at the preliminary investigation. Tbilisi, 1986.

4. Михайловская И.Г. Предмет и пределы доказывания в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958.
5. Пелих И.А. Понятие пределов доказывания // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». 2014. № 3(40).
6. Зиновьев А.Ю. Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Право». Вып. 13. 2008. № 2.
7. Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном процессе: формально-количественное исследование // Вестн. СамГУ. 2014. № 11/2(122).
8. Белохонова А.О., Короленко И.И. Пределы доказывания и их значение в уголовном процессе // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всерос. науч.-теорет. конф. курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов и соискателей: в 2 ч. Ростов н/Д, 2015. Ч. 1.
9. Кучина Я.О. Пределы доказывания по уголовным делам и их соотношение с пределами уголовной ответственности // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2016. № 3-2.
10. Костенко Р.В. Доказательства и пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2008. № 4.
11. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М., 2017.
12. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
13. Муратова Н.Г. Пределы уголовно-процессуального доказывания коррупционных фактических обстоятельств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12.
14. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.
15. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания. М., 2011.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева и др.; редкол.: Н.В. Жогин (отв. ред.), Г.М. Миньковский, А.Р. Ратинов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман. 2-е изд., испр., и доп. М., 1973.
17. Стойко Н.Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1984.
18. Костенко Р.В. Объективная истина – цель уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2012. № 4.
19. Пелих И.А. Критерии установления пределов доказывания в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3.
4. Mikhailovskaya I.G. The subject and limits of proving in the Soviet criminal trial: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 1958.
5. Pelikh I.A. The concept of the limits of the evidence // Bull. of Omsk university. Ser. «Law». 2014. № 3(40).
6. Zinoviev A. Yu. The limits of proof in a stage of excitation of criminal // Bull. of SUSU. Ser. «Law». Iss. 13. 2008. № 2.
7. Zotov D.V. The limits of proof in criminal proceedings: the formal quantitative study // Bull. of Samara state university. 2014. № 11/2(122).
8. Belohonova O.A., Korolenko I.I. The limits of proof and their importance in the criminal process // Prospects of state-legal development of Russia in the XXI century: proc. of All-Russian sci.-theoretical conf. of cadets and listeners of educational institutions of the MIA of Russia, students of humanitarian universities, adjuncts and competitors: in 2 pt. Rostov-on-Don, 2015. Pt. 1.
9. Kuchina Ya.O. Limits of proof in criminal cases and their correlation with the limits of criminal liability // Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences. 2016. № 3-2.
10. Kostenko R.V. Evidence and the limits of proof in criminal proceedings // Criminal law. 2008. № 4.
11. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Criminal procedure: textbook for universities / gen. ed. by A.V. Smirnov. 7th ed., rev. Moscow, 2017.
12. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal proceedings: proof and proving. Voronezh, 1995.
13. Muratova N.G. The limits of criminal procedure proof of corruption of the actual facts // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. № 12.
14. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2009.
15. Rudenko A.V. Substantive logic of the evidence. Moscow, 2011.
16. Theory of evidences in Soviet criminal process / R.S. Belkin, A.I. Vinberg, V.Ya. Dorokhov, L.M. Karneeva, et al.; ed. board: N.V. Zhogin (resp. ed.), G.M. Minkovsky, A.R. Ratinov, V.G. Tanasevich, A.A. Eysman. 2nd ed., corr. and augm. Moscow, 1973.
17. Stoyko N.G. Failure to prove the circumstances of the criminal case. Krasnoyarsk, 1984.
18. Kostenko R.V. An objective truth – the purpose of the criminal procedure of proof // Criminalist's Library Scientific Journal. 2012. № 4.
19. Pelikh I.A. The criteria for establishing the limits of proof in criminal proceedings // Actual problems of struggle against crimes. 2015. № 3.

20. Бойченко О.И. Пределы доказывания по уголовным делам // Проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности: тр. КубГАУ. Сер. «Право». Краснодар, 2012. Вып. 15.
21. Левченко О.В. Доказательства и процесс уголовно-процессуального доказывания: учеб. пособие. Оренбург, 2014.
22. Жидкова Е.И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
23. Зотов Д.В. Роль «пределов доказывания» в системе уголовно-процессуального познания // Мировой судья. 2016. № 6.
24. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
25. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011.
26. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М., 2015.
27. Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
28. Россинский С.Б. Методологические проблемы доказывания в состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2016. № 1(24).
29. Россинский С.Б. Дискуссионные вопросы методологии уголовно-процессуального познания // Рос. юстиция. 2016. № 4.
20. Boychenko O.I. The limits of proof in criminal cases // Problems of legal science and law enforcement: proc. of Kuban state agrarian university. Ser. «Law». Krasnodar, 2012. Iss. 15.
21. Levchenko O.V. Proof and process of criminal procedure proof: study aid. Orenburg, 2014.
22. Zhidkova E.I. Formation of the limits of the proceedings in the pretrial stages of criminal proceedings: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 2007.
23. Zotov D.V. The role of the «limits of proof» in criminal procedure knowledge // Magistrate. 2016. № 6.
24. Pastukhov P.S. Modernization of criminal procedure evidence in the context of the information society: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2015.
25. Rudenko A.V. Substantial evidence logic: dialectical and formal-logical framework (criminal procedure and forensic research): auth. abstr. ... Dr of Law. Krasnodar, 2011.
26. Doctrinal model of criminal procedure evidentiary law of the Russian Federation and its commentary / ed. by A.S. Alexandrov. Moscow, 2015.
27. Khmel'nitskaya T.V. Problems of formation of evidence during pre-trial criminal proceedings: diss. ... Candidate of Law. Nizhny Novgorod, 2016.
28. Rossinsky S.B. Methodological problems of proof in adversarial criminal process // Criminalist's Library Scientific Journal. 2016. № 1(24).
29. Rossinsky S.B. Discussion the methodology of the criminal procedural knowledge // Russian justice. 2016. № 4.

Насонова Ирина Александровна
доктор юридических наук, профессор,
Воронежский институт МВД России
(e-mail: nasonova-amelina@mail.ru)

Зотова Марина Владимировна
кандидат юридических наук,
УМВД России по г. Брянску
(e-mail: missleytenant@gmail.com)

Условия дознания в сокращенной форме и проблемы их совершенствования

Дознание в сокращенной форме существует в форме правоотношений, и юридические предпосылки ее возникновения и существования – это разновидность предпосылок правоотношений вообще и уголовно-процессуальных отношений в частности. В статье рассматриваются условия дознания в сокращенной форме как правила, вытекающие из исходных, основополагающих, фундаментальных правовых норм и обеспечивающие их действие.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, условия дознания в сокращенной форме, процессуальная правосубъектность, признание подозреваемым вины, неоспаривание правовой оценки деяния.

I.A. Nasonova, Doctor of Law, Professor, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nasonova-amelina@mail.ru;

M.V. Zotova, Candidate of Law, Department of the Ministry of the Interior of Russia in the city of Bryansk; e-mail: missleytenant@gmail.com

The terms of the inquiry in an abbreviated form, and problems of improvement

Inquiry in abbreviated form is in the form of legal relations, and legal background of its emergence and existence is a kind of prerequisite relations in general, and of criminal procedural relations in particular. This article discusses the conditions of inquiry in abbreviated form as the regulations from the original, base, fundamental legal rules and ensure their action.

Key words: inquiry in abbreviated form, terms of inquiry in abbreviated form, procedural legal personality, recognition of guilt by the suspect, unchallenged legal assessment of the act.

Удовлетворение ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме связано с соблюдением определенных условий. Для начала следует указать, что условия дознания в сокращенной форме можно рассматривать как правила, вытекающие из исходных, основополагающих, фундаментальных правовых норм и обеспечивающие их действие. Они определяют характер, содержание дознания в сокращенной форме, раскрывая его назначение.

Указанные условия являются своего рода его предпосылками. Это факторы, предшествующие появлению дознания в сокращенной форме, обстоятельства, порождающие его. Каждый вид предпосылок играет свою определенную роль в возникновении дознания в сокращенной форме. Прежде чем раскрывать содержание этих условий, необходимо отметить следующее. Так как дознание в сокращенной форме существует в форме правоотношений, то юри-

дические предпосылки ее возникновения и существования – это разновидность предпосылок правоотношений вообще и уголовно-процессуальных отношений в частности.

Понимая под предпосылками правоотношений условия и обстоятельства, при наличии которых они возникают, изменяются, прекращаются, авторы включают в них: нормы права; правосубъектность (правоспособность и дееспособность); юридические факты [1, с. 319, 323].

Указанные факторы, учитывающие специфику уголовно-процессуальных отношений, в частности отношений, сопровождающих дознание в сокращенной форме, определяют происхождение и существование данного вида дознания в уголовном судопроизводстве. Их можно считать общими условиями возникновения дознания в сокращенной форме.

Говоря о правовых нормах как о важных юридических предпосылках дознания в сокращенной форме, следует отметить, что они со-

держат модели данной деятельности, которые закрепляются в УПК РФ.

Данные нормы являются важной составляющей системы юридических предпосылок возникновения дознания в сокращенной форме, так как они провозглашают возможность его осуществления; регламентируют его механизм, важное место в котором отводится правам и обязанностям участников указанного вида дознания.

Для того чтобы лица могли воспользоваться предусмотренными в нормах субъективными правами, им необходимо получить способность иметь эти права, а также способность своими личными действиями осуществлять их. Такие способности лицо может приобрести только в рамках процессуальной правосубъектности, которая является второй общей предпосылкой дознания в сокращенной форме.

В литературе дается следующее пояснение рассматриваемой категории: «Процессуальная правосубъектность означает, что при наличии определенных условий лицо способно обладать и лично реализовывать соответствующие субъективные права и нести возложенные на него обязанности» [2, с. 6]. Она объединяет в себе два понятия: правоспособность и дееспособность участников дознания в сокращенной форме.

Правоспособность лица возникает с момента рождения человека и прекращается с его смертью. Она не является естественным свойством лица, а порождается объективным правом. Однако, чтобы стать реальным участником правоотношений, сопровождающих дознание в сокращенной форме, правоспособный субъект должен быть дееспособным, т.е. способным своими действиями приобретать процессуальные права и создавать для себя процессуальные обязанности.

Закрепленные в нормах права субъективные права и обязанности участников дознания в сокращенной форме реализуются в правоотношения защиты путем действий, образующих основной вид юридических фактов, под которыми понимают конкретные жизненные обстоятельства, с которыми правовые нормы связывают наступление определенных юридических последствий [3, с. 139]. При этом действиям отводится приоритетная роль для возникновения, изменения, прекращения уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в сокращенной форме дознания.

Общие условия дознания в сокращенной форме должны обязательно дополняться специфическими условиями.

Полный перечень последних содержится в законе и сводится к следующим обстоятельствам:

1) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;

3) отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме.

Первым в списке предусмотренных законом условий дознания в сокращенной форме стоит требование, согласно которому уголовное дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Приведенный в данной норме перечень преступлений является исчерпывающим и не подлежащим расширительному толкованию.

Все эти преступления объединяет невысокая общественная опасность, позволяющая их относить к категории преступлений небольшой или средней тяжести. Составы преступлений отличаются достаточно простой конструкцией. Перечень их в законе довольно широкий. Однако, несмотря на это, на практике наиболее часто в указанной форме дознания расследуются деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 158 «Кража» (24,1%), ч. 1 ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (16,2%), ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и ст. 116 «Побои» (8,4%), ч. 1 и 3 ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» (6,9%) УК РФ, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (13,3%) [4, с. 37].

Нужно сказать, что при отсутствии других условий и основания для производства дознания в сокращенной форме по преступлениям, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, производится дознание в общем порядке.

Требование, предъявляемое к составам преступлений, расследуемых в сокращенной форме дознания, должно дополняться условием признания подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, неоспаривания указанным участником уголовного судопроизводства правовой оценки деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Отношение среди ученых к данному требованию закона неоднозначно. Связано это с тем, что создается угроза для реализации принципа презумпции невиновности, согласно которому обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 14 УПК РФ). Ведь согласно формуле доказывания, действующей в сокращенной форме дознания, признательные показания лица фактически становятся основным доказательством. На данное обстоятельство обращали внимание М.С. Колосович, О.С. Колосович, Ю.С. Митькова [5, с. 14], С.С. Безруков [6, с. 37] и др.

Полагаем, что в рассматриваемом контексте следует говорить о возможном нарушении не только принципа презумпции невиновности, но и принципа свободы оценки доказательства, в частности его требования о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). В сокращенной форме дознания признанию подозреваемым своей вины придается настолько большое значение, что без него не только невозможен данный вид дознания, но и все доказывание при производстве по уголовному делу базируется на нем. Тем самым создаются все предпосылки для облегченной доказательственной конструкции в сокращенной форме дознания.

Что касается признания подозреваемым характера и размера причиненного преступлением вреда применительно к сокращенной форме дознания, то оно не должно подменяться требованием обязательного возмещения причиненного ущерба. По крайней мере, действующее законодательство этого не требует. И изучение уголовных дел это подтверждает. Добровольное возмещение имущественного ущерба имело место лишь по 17% уголовных дел [7].

Однако в свое время прокурорами Ивановской области к использованию сокращенной формы дознания предъявлялось именно это требование [4, с. 37]. Практики не одиноки в таком подходе к рассматриваемому условию сокращенной формы дознания. Некоторые авторы из числа тех, кто выступает за совершенствование сокращенного производства, предлагают добровольное возмещение причиненного преступлением ущерба рассматривать в будущем в качестве обязательного условия сокращенной формы дознания [8, с. 151–152].

Последствия принятия такого предложения очевидны. С одной стороны, будут усилены

гарантии прав лица, пострадавшего от совершения преступления, а с другой – усложнится применение данной формы, уменьшится количество уголовных дел, расследуемых в ее рамках. Надо сказать, что и в рамках действующего законодательства у потерпевшего найдутся действенные механизмы побуждения подозреваемого к возмещению причиненного преступлением ущерба. Потерпевший может не давать согласия на производство дознания в сокращенной форме до тех пор, пока такое возмещение не состоится, таким образом, подталкивая подозреваемого, ходатайствующего о сокращенной форме дознания, к возмещению ущерба.

Следующее условие для сокращенной формы дознания связано с отсутствием предусмотренных ст. 226.2 УПК РФ обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме. Среди них: подозреваемый является несовершеннолетним; имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном гл. 51 УПК РФ; подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный гл. 52 УПК РФ; лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ; подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; потерпевший возражает против производства дознания в сокращенной форме.

С учетом перечня обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, а также условий, предусмотренных пп. 1, 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ, вся система условий дознания в сокращенной форме, по мнению Е.Н. Арестовой, выглядит следующим образом: уголовное дело возбуждено не по факту совершения преступления, а в отношении конкретного лица; уголовное дело подлежит расследованию в форме дознания, а не предварительного следствия; подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела; подозреваемый на момент совершения преступления достиг возраста 18 лет; подозреваемый вменяем и не страдает психическим расстройством, делающим невозможным назначение наказания или его исполнение; подозреваемый не относится к категории лиц, в

отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст. 447 УПК РФ); подозреваемый владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство; потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме [9, с. 32]. Полагаем, данная система условий сокращенной формы дознания, исходя из особенностей ее закрепления действующим уголовно-процессуальным законодательством, отличается полнотой. Обстоятельства, охваченные ею, как справедливо отмечает Е.Н. Арестова, могут считаться предпосылкой дознания в сокращенной форме, если они будут выявлены до первого допроса лица в качестве подозреваемого [9, с. 32].

Обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, могут быть рассмотрены в контексте не только условий данного вида дознания, но и процессуальных гарантий.

Предусмотренный законом перечень таких обстоятельств дает основание говорить о них как о дополнительных гарантиях для соответствующих участников уголовного судопроизводства – подозреваемого, потерпевшего – в связи с упрощенностью производства по уголовному делу, допускающей некоторое отступление от общих правил предварительного следствия и дознания не в пользу указанных участников (например, не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Отсутствие возражения потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме является одним из условий дознания в сокращенной форме, которое наиболее наглядно демонстрирует свою принадлежность к уголовно-процессуальным гарантиям. Юридическое значение для перехода на сокращенную форму дознания указанное возражение имеет лишь по делам, по которым выносится постановление о признании потерпевшим. Это дела о преступлениях, предусматривающих наличие потерпевшего. Однако не во всех преступлениях, перечисленных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, есть пострадавшие. Особенно это каса-

ется преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (например, ч. 1 ст. 228 УК РФ), а также преступлений, предусмотренных ч. 1, 4 ст. 222, ч. 1 ст. 241, ч. 1, 3 ст. 327 УК РФ и др. А.С. Есина справедливо говорит о том, что по таким делам производство сокращенной формы дознания возможно, если соблюдены все остальные условия такого производства [10, с. 65–66]. И таких дел на практике немало. Так, изучая положительный опыт производства дознания в сокращенной форме сотрудниками подразделения дознания Управления МВД России по Нижнекамскому району (Республика Татарстан), И.А. Попов приходит к выводу о том, что упомянутый вид дознания в основном проводился по уголовным делам, в которых отсутствовал такой участник уголовного судопроизводства, как потерпевший [11, с. 21].

Изучение же практики сокращенной формы дознания по уголовным делам, находившимся в производстве дознавателей Воронежской, Ростовской и Брянской областей, дало совсем иные результаты. Большинство таких уголовных дел (77%) предполагало участие потерпевшего и получение его согласия.

Для того чтобы выявить отсутствие возражения потерпевшего против производства дознания, необходимо выяснить мнение потерпевшего. Форма его выражения законом не предусмотрена. Однако практикой выработано несколько ее вариантов:

1. Первый связан с подачей потерпевшим отдельного заявления о том, что он не возражает против производства дознания в сокращенной форме. Такой способ выражения мнения потерпевшим не получил широкого распространения. По изученным уголовным делам он применялся в 14% случаев. Следует согласиться с О.А. Андреевой в том, что такие заявления в большей степени удовлетворяют интересам потерпевших, так как создают им возможность обдуманно, а при необходимости и после консультаций с адвокатом принять решение о форме дознания [12, с. 9].

2. Второй способ выражения мнения потерпевшего относительно возможности производства дознания в сокращенной форме реализуется в ходе его допроса. Давая показания, потерпевший сообщает, что положения гл. 32.1 УПК РФ ему разъяснены и понятны в полном объеме и против производства дознания в сокращенной форме по настоящему уголовному делу он не возражает [13]. Таких уголовных дел значительно больше. Они составляют 52% от общего числа изученных.

3. Третий способ не связан с активным выражением мнения потерпевшего. Потерпевший молчит и никак не выражает своего несогласия с производством сокращенной формы дознания. И этого дознавателю достаточно, чтобы не переходить к дознанию в общем порядке. Изучение правоприменительной практики показало, что таких дел заметно меньше. Они составляют 11% от общего числа дел.

Проблемным является и момент получения согласия потерпевшего на производство сокращенной формы дознания. Некоторые авторы утверждают о необходимости получения такого согласия еще при удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме [14, с. 246]. Думается, что стремление пораньше узнать мнение потерпевшего о форме расследования является справедливым, поскольку, с одной стороны, повысит гарантированность прав потерпевшего при производстве дознания в сокращенной форме, с другой – обеспечит стабильность в работе дознавателей, применяющих указанную форму, сократив число случаев перехода на дознание в общем порядке из-за изменения позиции потерпевшего. Однако полагаем, что мнение потерпевшего необходимо уточнять с еще более раннего периода – до вынесения постановления об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме. Отражать его предлагается либо в протоколе допроса потерпевшего, либо в отдельном протоколе [9, с. 32].

Как уже было отмечено, потерпевший может изменить свое мнение, возразив против производства дознания в сокращенной форме, что полностью согласуется с требованием сохранения за участниками уголовного судопроизводства права выбора между общим порядком дознания и его сокращенной формой.

Такое возражение потерпевшего является обстоятельством, исключающим производство дознания в сокращенной форме. Распространенным способом обнаружения такого возражения как со стороны потерпевшего, так и со стороны его представителя, подозреваемого, обвиняемого является получение лицом, в производстве которого находится уголовное дело, ходатайства от указанных участников уголовного судопроизводства о прекращении дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке. Такое ходатайство подлежит удовлетворению, причем, как верно отмечается в литературе, от заявителя не требуется сколь-нибудь убедительно его обосновывать [15, с. 42].

Возражение потерпевшего, как и любое другое обстоятельство, указанное в ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, приводит к замене сокращенной формы дознания на дознание в общем порядке при условии, что оно стало известно или возникло до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора (ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ). При этом решение, приводящее к такой замене уголовно-процессуальной формы, может приниматься разными субъектами:

лицом, в производстве которого находится уголовное дело (в интервале после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, но до направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления), путем вынесения постановления о производстве дознания в общем порядке;

прокурором (в интервале после поступления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления и до направления уголовного дела в суд) путем принятия решения о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке;

судом (в ходе судебного производства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора) путем возвращения уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке.

Указанные виды юридических последствий наступают при обнаружении не только обстоятельства, указанного в п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, но и других обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ). Причем этап производства по уголовному делу, на котором были обнаружены данные обстоятельства, определяет вид юридических последствий. Однако каждый из видов в конечном счете предполагает переход к дознанию в общем порядке. Это и позволяет объединить в одну систему все юридические последствия обнаружения обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

Возвращаясь к проблеме возражения потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме, нельзя не затронуть вопрос об обеспеченности соответствующего права потерпевшего.

В настоящее время гарантиями реализации права потерпевшего на возражение против производства дознания в сокращенной форме являются допрос потерпевшего в той части, где он выражает свое отношение к производству дознания в сокращенной форме; его подро-

ное уведомление со стороны дознавателя об удовлетворении ходатайства подозреваемого о проведении расследования по уголовному делу в сокращенной форме; возможность заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора; обязательность удовлетворения лицом, в производстве которого находится уголовное дело, ходатайства о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке. Наконец, к таким гарантиям относится переход на дознание в общем порядке при нахождении потерпевшего за пределами Российской Федерации. Ведь в последнем случае выяснить мнение потерпевшего, проследить его эволюцию, как правило, не представляется возможным.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что потерпевший так же, как и подозреваемый, обвиняемый, наделен возможностью принимать участие в выборе формы расследования. В связи с этим следует говорить о праве на возражение против производства дознания в сокращенной форме как гарантии законных интересов потерпевшего от риска их ограничения при упрощении производства по уголовному делу. Данная возможность, создавая процессуальный комфорт для потерпевшего, причиняет неудобства правоприменителю, связанные с заменой уголовно-процессуальной формы, в результате которой нагрузка на органы дознания увеличивается, в том числе и за счет необходимости выполнять дублирующие действия. Указанный фактор обусловил формирование мнения среди некоторых ученых и практиков о недопустимости влияния потерпевшего [16, с. 15], впрочем, как и подозреваемого и обвиняемого [17, с. 181], на выбор формы расследования по уголовному делу [16, с. 15] и необходимости либо ограничения потерпевшего сроком для реализации им права на возражение против сокращенного дознания до направления уголовного дела прокурору [10, с. 67], либо исключения указанного возражения потерпевшего из числа условий как для производства дознания в сокращенной форме [18, с. 16], так и для его замены на дознание в общем порядке. Отдельные авторы, признавая необходимым сохранить положение о получении согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме, полагают необходимым дополнить его запретом на изменение этого согласия [14, с. 246; 19, с. 117].

Полагаем, что мнение потерпевшего при принятии решения о переходе на сокращенный порядок предварительного расследования должно учитываться безоговорочно. А решать указанные выше проблемы необходимо в другой плоскости, распространив на все виды производств единые правила доказывания. Тогда не придется опасаться за бесперспективность уголовного дела в случае прекращения производства дознания в сокращенной форме и продолжения производства дознания в общем порядке.

К тому же исключение возражения потерпевшего против сокращенной формы дознания из числа обстоятельств, обуславливающих переход на дознание в общем порядке, саму проблему такого нежелательного для дознавателя перехода до конца не решит. Это связано с тем, что круг обстоятельств, с которыми законодатель связывает такой переход, не претерпит каких-либо масштабных изменений. Например, останется риск перехода на дознание в общем порядке в ситуациях, связанных с невозможностью составления обвинительного постановления в десятисуточный срок вследствие большого объема следственных и иных процессуальных действий, производство которых с учетом особенностей доказывания, предусмотренных ст. 226.5 УПК РФ, является обязательным; невозможностью завершения ознакомления обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела в трехсуточный срок со дня составления обвинительного постановления; невозможностью окончания дознания в сокращенной форме после продления срока до 20 суток.

Все сказанное свидетельствует о необходимости бережного и продуманного отношения к системе условий сокращенных процедур и, в частности, к системе условий дознания в сокращенной форме. Полагаем, что существующая система условий сокращенной формы дознания должна претерпеть изменения в части коррекции перечня обстоятельств, исключаяющих производство дознания в сокращенной форме. Учитывая изложенные в литературе на этот счет предложения, полагаем, что перечень предусмотренных ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ обстоятельств, исключаяющих производство дознания в сокращенной форме, может быть дополнен следующим образом: «7) имеются основания, указывающие на необходимость применения мер процессуального принуждения; 8) дознаватель не убежден в причастности подозрева-

емого к совершению преступления (в том числе, не исключает возможность самоговора); 9) потерпевший является несовершеннолетним; 10) требуется обязательное назначение судебной экспертизы, для производства которой потребуются длительные сроки; 11) на момент заявления ходатайства подозреваемого дознавателем в значительном объеме выполнены следственные действия, собранные доказательства достаточны для окончания предварительного расследования с обвинительным актом».

Анализ условий дознания в сокращенной форме, причем как предусмотренных УПК РФ, так и предлагаемых к закреплению в нем, позволяет говорить о том, что они могут быть объединены в два блока, образуя в совокупности систему указанных условий. К первому блоку относятся условия, зависящие от свойств расследуемого уголовного дела (уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица; уголовное дело подлежит расследованию в форме дознания). Второй блок представлен условиями, относящимися к участникам уголовного судопроизводства. Условия сокращенной формы дознания, принадлежащие ко второй части соответствующей системы, могут быть классифицированы по субъектам, к которым они относятся, на две группы: условия, касающиеся подозреваемого (признание данным участником своей вины, характера и размера

причиненного преступлением вреда, а также неоспаривание им правовой оценки деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ); подозреваемый на момент совершения преступления достиг возраста 18 лет; подозреваемый вменяем и не страдает психическим расстройством, делающим невозможным назначение наказания или его исполнение; подозреваемый не относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст. 447 УПК РФ); подозреваемый владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство), и условия, касающиеся потерпевшего (потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме).

В заключение следует отметить, что развитие системы условий дознания в сокращенной форме должно осуществляться в первую очередь за счет резервов, которые скрыты во второй ее части. Речь идет о блоке, объединяющем условия дознания в сокращенной форме, относящиеся к участникам уголовного судопроизводства. Приоритетность в развитии указанного блока обусловлена необходимостью компенсировать свойственный упрощенным процедурам дефицит процессуальных гарантий, так как условия, принадлежащие к этому блоку, стоят на защите интересов личности в уголовном судопроизводстве.

1. Хропанюк В.Н. *Теория государства и права: учеб. пособие для высших учебных заведений* / под ред. В.Г. Стрекозова. М., 1995.

2. Яшин С.В. *Защита прав и законных интересов личности в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук.* СПб., 2004.

3. *Теория государства и права: учеб. для вузов* / под ред. Г.Н. Манова. М., 1996.

4. Горовой А. *Производство дознания в сокращенной форме* // *Полиция России.* 2015. № 6. С. 36–39.

5. Колосович М.С., Колосович О.С., Митькова Ю.С. *Оформление материалов уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме: учеб. пособие.* Волгоград, 2014.

6. Безруков С.С. *Производство дознания в сокращенной форме и принципы уголовного процесса* // *Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. № 22 по материалам межведомственного круглого стола «Процессуальные, организационные и криминалистические проблемы расследова-*

1. Hropanyuk V.N. *Theory of state and law: textbook for higher educational institutions* / ed. by V.G. Strekozov. Moscow, 1995.

2. Yashin S.V. *Protection of rights and lawful interests of individuals in pre-trial criminal proceedings: diss. ... Candidate of Law.* St. Petersburg, 2004.

3. *Theory of state and law: textbook for high schools* / ed. by G.N. Manov. Moscow, 1996.

4. Gorovoy A. *Proceedings of inquiry in abbreviated form* // *Police of Russia.* 2015. № 6. P. 36–39.

5. Kolosovich M.S., Kolosovich O.S., Mitkova Yu.S. *Registration of criminal case materials in the proceedings of inquiry in abbreviated form: study aid.* Volgograd, 2014.

6. Bezrukov S.S. *Proceedings of inquiry in abbreviated form and principles of the criminal process* // *Problems of preliminary investigation and inquiry: coll. of sci. works № 22 according to the materials of the interagency round table «Procedural, organizational and forensic issues of investigation of crimes by the bodies of inquiry».* Moscow, 2013. P. 33–39.

ния преступлений органами дознания». М., 2013. С. 33–39.

7. Архив мировых судебных участков Советского судебного района г. Брянска. Дело № 1-11/2015; Архив мировых судебных участков Бежицкого судебного района г. Брянска. Дело № 1-35/2015.

8. Мельников В.Ю. Роль института дознания в уголовном процессе России // Путь науки: междунар. науч. журн. 2014. № 1(1). С. 151–152.

9. Аrestова Е.Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Рос. юстиция. 2013. № 11. С. 32–34.

10. Есина А.С. Некоторые проблемы правоприменительной практики по применению новелл уголовно-процессуального закона и пути их разрешения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2013. № 7. С. 64–67.

11. Попов И.А. Дознание в сокращенной форме: достоинства, недостатки и первые результаты // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 19–22.

12. Андреева О.И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестн. Томск. гос. ун-та. Право. 2014. № 4(14). С. 5–14.

13. Архив судебных участков мировых судей Коминтерновского судебного района г. Воронежа. Дело № 1-83/15.

14. Шипицина В.В., Чухлиб А.В. Дознание в сокращенной форме // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства: сб. науч. ст. / под общ. и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. Краснодар, 2014. С. 244–248.

15. Евстигнеева О.В. Дознание в сокращенной форме в свете требования справедливости уголовного судопроизводства // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер.: Юрид. науки. 2014. № 2(17). С. 41–43.

16. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12–19.

17. Гирько С.И. Деятельность полиции в уголовном судопроизводстве. М., 2013.

18. Науменко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

19. Бегова Д.Я. Гарантии прав личности при производстве дознания в сокращенной форме // Юрид. вестн. ДГУ. 2014. № 4. С. 116–119.

7. Archive of global judicial districts of the Soviet district court of Bryansk. Case № 1-11/2015; Archive of global judicial districts of the judicial Bezhtsk district of Bryansk. Case № 1-35/2015.

8. Melnikov V.Yu. The role of inquiry in the criminal procedure of Russia // Path of science: intern. sci. journal. 2014. № 1(1). P. 151–152.

9. Arestova E.N. New procedural act – the petition of the suspect on the inquiry in abbreviated form // Russian justice. 2013. № 11. P. 32–34.

10. Esina A.S. Some problems of law enforcement practice in the application of the novellas of the criminal procedure law and the ways of their solution // Bull. of Moscow university of Russian MIA. 2013. № 7. P. 64–67.

11. Popov I.A. Inquiry in abbreviated form: advantages, disadvantages and early results // Criminal proceedings. 2013. № 3. P. 19–22.

12. Andreeva O.I. Problems of the inquiry in abbreviated form // Bull. of Tomsk state university. Law. 2014. № 4(14). P. 5–14.

13. Archive of judicial districts of magistrates of the Kominternovskiy court district of Voronezh. Case № 1-83/15.

14. Shipitsina V.V., Chukhlib A.V. Inquiry in abbreviated form // Actual problems of the judiciary, Prosecutor's supervision, law enforcement and human rights advocacy, criminal justice: coll. of sci. papers / gen. and sci. ed. by O.V. Gladysheva, A.V. Sementsov. Krasnodar, 2014. P. 244–248.

15. Evstigneeva O.V. Inquiry in abbreviated form in the light of the requirements of justice in criminal proceedings // Vector of science of Togliatti state university. Ser.: Law. 2014. № 2(17). P. 41–43.

16. Alexandrov A.S., Lapatnikov M.V. Abbreviated inquiry: novellas of the Criminal Procedure Code and the complexity of their application // Criminal trial. 2013. № 4. P. 12–19.

17. Girko S.I. Activities of police in criminal proceedings. Moscow, 2013.

18. Naumenko O.A. Ensuring the rights of the personality in proceedings of inquiry: diss. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2014.

19. Begova D.Ya. Guarantees of personality rights in the proceedings of inquiry in abbreviated form // Legal bull. of the Far Eastern State University. 2014. № 4. P. 116–119.

Башинская Инна Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583757)

Судебный штраф как государственный способ возмещения расходов за уголовное судопроизводство

В статье рассмотрены новеллы уголовно-процессуального законодательства о судебном штрафе, вопросы уголовно-процессуальной ответственности. Обозначена проблема, связанная с недобросовестным поведением участников уголовного судопроизводства, проанализированы возможности использования судебного штрафа в качестве меры не только уголовно-правового характера, но и уголовно-процессуальной ответственности.

Ключевые слова: судебный штраф, процессуальные издержки, мера уголовно-правового характера, уголовно-процессуальная ответственность.

I.G. Bashinskaya, Candidate of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

Judicial fine as a state way of reimbursing for criminal proceedings

The article deals with the novella of criminal procedure legislation on judicial fines, criminal and procedural questions of responsibility. Identifies the problems associated with the unconscionable behaviour of participants in criminal proceedings and the possibility of using the judicial penalty, not only as a measure of criminal law, but also measures of criminal procedural justice.

Key words: judicial fine, procedural costs, measure of criminal law, criminal procedural responsibility.

С 15 июня 2016 г. в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] появилось новое основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера – судебного штрафа (ст. 25.1). Суд по собственной инициативе либо на основании заявленного ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа (дознавателем с согласия прокурора), в порядке, установленном УПК РФ, в ситуациях, которые предусмотрены ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], имеет право прекратить уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если он возместил ущерб либо другим образом загладил причиненный преступлением вред, и назначить такому лицу меру уголовно-правового характера – судебный штраф. Уголовное дело может быть прекращено лишь в случае, если преступление совершено впервые.

Из содержания ст. 42 УПК РФ следует, что потерпевшему может быть причинен имущественный, физический, моральный вред. При определении понятий имущественного и

морального вреда необходимо обратиться к нормам гражданского законодательства. Не углубляясь в дискуссионность вопросов цивилистики по данным вопросам в формате настоящей статьи, можно сказать, что понятие «имущественный ущерб» обычно связывают с убытками. Понятие «убытки» раскрывается в ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3]: это расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб); неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В соответствии со ст. 151 ГК РФ под моральным вредом понимаются физические или нравственные страдания, нарушающие личные неимущественные права потерпевшего либо посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага. Сравнительный анализ норм УПК РФ (ч. 4 ст. 42, ч. 2 ст. 136) и ГК РФ (ст. 151, п. 1 ст. 1101) свидетельствует о том, что в настоящее время компенсация морального вреда возможна лишь в денежной форме.

Тяжесть физического вреда определена в УК РФ (тяжкий, средней тяжести, легкий, побои).

Стоит учитывать, что частичное возмещение ущерба не является предусмотренным ст. 25.1 УПК РФ основанием прекращения уголовного преследования, но учитывается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Относительно «формы заглаживания причиненного преступлением вреда» законодатель умалчивает. Представляется, что она может быть любой при условии, что не нарушает требования закона или иного нормативного правового акта. Под заглаживанием вреда здесь следует понимать не только собственно возмещение ущерба, но и другие меры, которые направлены на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего, например выполнение работ, оказание услуг и т.д. При этом способы заглаживания вреда, размер его возмещения должны определяться потерпевшим.

Так, подсудимым К., обвиняемым по ч. 1 ст. 158 УК РФ, был в трехкратном размере возмещен ущерб, причиненный преступлением. Защитником А. было заявлено ходатайство об освобождении К. от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела на основании ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа в размере 5000 руб., поскольку на иждивении подсудимого находятся двое малолетних детей. Суд удовлетворил данное ходатайство [4].

Законодатель установил, что размер назначаемого судебного штрафа не может быть выше половины максимального размера штрафа, который предусмотрен статьей УК РФ в качестве санкции за совершенное преступление. Так, Волгоградским гарнизонным военным судом в отношении А., который из корыстной заинтересованности умолчал о факте, влекущем прекращение ранее назначенных ему страховой пенсии по случаю потери кормильца и федеральной социальной доплаты к данной пенсии, и незаконно получил данные выплаты в сумме 23789 рублей, которыми распорядился по своему усмотрению, было прекращено уголовное дело на основании ст. 25.1 УПК РФ, т.е. в связи с назначением судебного штрафа. Санкция ч. 1 ст. 159.2 УК РФ предусматривает штраф в размере до 120 тыс. рублей. А. назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 20000 (двадцать тысяч) рублей [5].

В случаях, когда штраф не предусмотрен в качестве наказания статьей, по которой привлекается виновное лицо, он не может быть назначен свыше 250 тыс. рублей. Суд опреде-

ляет размер штрафа с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения виновного лица и его семьи, а также с учетом возможности получения данным лицом заработной платы или иного дохода (ст. 104.5 УК РФ).

В ст. 76.2 УК РФ законодателем употреблена формулировка, которая при буквальном ее толковании может привести правоприменителя к мнению, что заглавить причиненный преступлением вред и возместить ущерб для наличия оснований ст. 25.1 УПК РФ вправе только сам подозреваемый (обвиняемый). Между тем применительно к этому случаю Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [6] пояснил, что возмещение ущерба либо заглаживание вреда в случаях, предусмотренных ст. 75–76.1 УК РФ, могут производиться не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия либо одобрения) иными лицами (п. 3).

Таким образом, в отечественном законодательстве появилась новая мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, представляющая собой денежное взыскание, которое назначается судом при освобождении лица от уголовной ответственности.

В рамках данной проблематики хотелось бы обратить внимание на процессуальные издержки, которые возникают в ходе уголовного судопроизводства. Процессуальными издержками принято считать денежные суммы, которые включают в себя возмещение необходимых и оправданных расходов, неполученных доходов, а также вознаграждение и выплаты, причитающиеся к уплате физическим и юридическим лицам, которые были вовлечены в уголовное судопроизводство в качестве участников либо другим образом были привлечены к решению стоящих перед ним задач. В качестве процессуальных издержек рассматривают три группы расходов, связанные: а) с явкой участников процесса; б) с компенсацией ими утраченного дохода либо имущества; в) с вознаграждением за выполнение поручений органов предварительного расследования [7]. Перечень процессуальных издержек дается в ч. 2 ст. 131 УПК РФ.

Как правило, издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета. В нормах ст. 132 УПК РФ конкретизируется, в каких именно случаях процессуальные издержки взыскиваются с осужденного (освобожденного)

от наказания), а в каких возмещаются за счет средств федерального бюджета. Однако законодателем в момент закрепления нового основания прекращения уголовного дела не были внесены изменения в ст. 132 УПК РФ, что позволяет судам в случаях принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) не рассматривать вопросы о процессуальных издержках, что подтверждается анализом судебной практики.

Полагаем, ст. 132 УПК РФ нуждается в дополнении пунктом 9.1 следующего содержания: «При прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа процессуальные издержки взыскиваются с одной или обеих сторон».

Помимо этого представляется, что судебный штраф может выступать достаточно эффективным способом пополнения федерального бюджета, за счет которого возмещаются процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве.

Так, профессор З.Ф. Коврига писал, что уголовно-процессуальная ответственность существует объективно, в области непосредственной видимости таких правовых явлений, как отмена, изменение незаконных процессуальных решений, вынесение частных процессуальных решений, а также частных определений (постановлений) по поводу установленных фактов нарушения закона, наложения штрафа за противоправные действия, совершенные в сфере уголовного судопроизводства, и т.д. [8, с. 36].

При этом ученый выделял позитивную и негативную ответственность. В содержание первой названной формы входят: 1) требования, которые предъявляются к участникам уголовного судопроизводства относительно использования ими своих процессуальных прав и исполнения обязанностей; 2) осознание участниками необходимости активного использования прав и добросовестного выполнения обязанностей; 3) система мер, направленная на обеспечение использования прав и исполнение субъектами лежащих на них обязанностей; 4) оценка исполнения обязанностей и добросовестности при реализации прав [8, с. 40].

Невыполнение предписаний конституционных положений, норм уголовно-процессуального права представляет собой нарушение правоотношения общего характера, а также основание возникновения конкретных отношений ответственности в негативной форме, влечет применение санкций [8, с. 43].

В уголовном судопроизводстве существуют нормы, предусматривающие процессуальную ответственность его участников. В качестве меры процессуального принуждения названо денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ), которое по своей сути является штрафом. В соответствии с ч. 2 ст. 111 УПК РФ дознаватель, следователь или суд имеют право применить к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и понятому меры процессуального принуждения, а именно обязательство о явке, привод, денежное взыскание. Как видим, денежное взыскание не применяется к подозреваемому, обвиняемому. В ст. 117 УПК РФ круг участников, к которым может применяться денежное взыскание, не конкретизирован. Представляется правильным в ст. 111 УПК РФ внести соответствующее изменение, что позволит применять денежное взыскание более широко.

Следует обратить внимание и на коллизии норм ст. 111 и 118 УПК РФ. В соответствии с первой названной статьей денежное взыскание может применяться дознавателем, следователем, судом. В ч. 1 ст. 118 указано, что денежное взыскание налагается судом, а в соответствии с ч. 3 в процессе досудебного производства дознаватель, следователь составляет протокол о нарушении и направляет его в районный суд, протокол подлежит рассмотрению судьей в течение 5 суток с момента его поступления в суд. Полагаем, что данный порядок требует упрощения. Необходимо предоставить возможность наложения денежного взыскания непосредственно дознавателю и следователю, что будет способствовать наиболее эффективному применению денежного взыскания.

Подводя итог исследованию, проведенному в данной статье, полагаем, что ст. 132 УПК РФ нуждается в дополнении пунктом 9.1 следующего содержания: «При прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа процессуальные издержки взыскиваются с одной или обеих сторон».

Помимо этого, возникла целесообразность внесения изменений в нормы о денежном взыскании. В частности, следует предусмотреть возможность наложения денежного взыскания на подозреваемого (обвиняемого), дополнив данной мерой ч. 1 ст. 111 УПК РФ, а также изменить порядок наложения данной меры, предоставив право наложения денежного взыскания непосредственно дознавателю и следователю.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 22 нояб. 2016 г. № 392-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921; 2016, ч. 1. № 48. Ст. 6732.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 22 нояб. 2016 г. № 392-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2016, ч. 1. № 48. Ст. 6732.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ, № 333-ФЗ, № 354-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2016. № 27, ч. 2. Ст. 4248, 4266, 4287.

4. Постановление мирового судьи судебного участка № 219 Реутского судебного района Московской области от 23 авг. 2016 г. о прекращении уголовного дела № 1-36/219/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-219-mirovogo-sudi-reutovskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-231115571/> (дата обращения: 20.11.2016).

5. Постановление Волгоградского гарнизонного военного суда от 28 июля 2016 г. о прекращении уголовного дела № 1-67/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-garnizonnyj-voennyj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-533100711/> (дата обращения: 20.11.2016).

6. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29 нояб. 2016 г.) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2.

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001 № 174-FL (as amended on Nov. 22, 2016 № 392-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921; 2016, pt. 1. № 48. Art. 6732.

2. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on Nov. 22, 2016 № 392-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954; 2016, pt. 1. № 48. Art. 6732.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) d.d. Nov. 30, 1994 № 51-FL (as amended on July 3, 2016 № 315-FL, № 333-FL, № 354-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301; 2016. № 27, pt. 2. Art. 4248, 4266, 4287.

4. Resolution of the magistrate court plot № 219 of Reutsky judicial district of the Moscow region d.d. Aug. 23, 2016 to dismiss the criminal case № 1-36/219/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-219-mirovogo-sudi-reutovskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-231115571/> (date of access: 20.11.2016).

5. Resolution of the Volgograd garrison military court d.d. July 28, 2016 to dismiss the criminal case № 1-67/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-volgogradskij-garnizonnyj-voennyj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-533100711/> (date of access: 20.11.2016).

6. On the application by courts of the law regulating grounds and procedures for exemption from criminal liability: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 27, 2013 № 19 (as amended on Nov. 29, 2016) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 8.

7. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Comment to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (itemized) / gen. ed. by A.V. Smirnov. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. Kovriga Z.F. Criminal procedure liability // Judiciary power and criminal procedure. 2016. № 2.

Машовец Асия Океановнакандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный юридический университет
(e-mail: okeanovna@me.com)

О месте судебного следствия в современном уголовном судопроизводстве и обеспечении его независимости от предварительного расследования

В статье поднимается вопрос о соотношении досудебного и судебного способов доказывания в действующем уголовном судопроизводстве. Анализируется общее состояние судебного следствия и входящих в него процедур.

Ключевые слова: судебное следствие, судебное доказывание, уголовный процесс, предварительное следствие.

A.O. Mashovets, Candidate of Law, Assistant Professor, Ural State University of Law; e-mail: okeanovna@me.com

On the place of judicial investigation in modern criminal proceedings and ensuring its independence from preliminary investigation

The article raises the question of the relationship between pre-trial and trial methods of proof in criminal proceedings. The author analyzes the general condition of the judicial trial and its procedures.

Key words: judicial investigation, trial evidence, criminal procedure, preliminary investigation.

Для начала необходимо в самом общем виде внести ясность по вопросу о том, где происходит судебное следствие. Это позволит в будущем подготовить предложения по разработке механизма более действенной реализации норм права, которые определяют порядок проведения судебного следствия, либо по изменению его отдельных функций или содержания, предназначения.

Термин «судебное следствие» используется законодателем для характеристики совершенно определенной части стадии судебного разбирательства, носящей одноименное название (гл. 37 УПК РФ). Это собственное или узкое значение термина «судебное следствие», в котором он употребляется в ч. 1 ст. 273, ч. 3 ст. 274, ч. 1 и 2 ст. 291, ст. 294 УПК РФ. Из системного анализа уголовно-процессуальных норм вытекает, что судебное следствие имеет место при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей (ч. 1, 5 ст. 335, ч. 1 ст. 336, ч. 1 ст. 338 УПК РФ), мировым судьей – при рассмотрении дел частного обвинения (ч. 5 ст. 321 УПК РФ), а также при апелляционном пересмотре дела (ст. 389.13 УПК РФ). Судебное следствие имеет место при рассмотрении судом дела о применении принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 441 УПК РФ). Судебное следствие происходит при рассмотрении уголовного дела в особом порядке (ч. 5 ст. 316 УПК РФ), в том числе по уголовным

делам, по которым в ходе досудебного производства было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Означает ли отсутствие термина «судебное следствие» в статьях, регулирующих порядок производства по уголовному делу в иных судебных стадиях или особых производствах, что следствие по этим делам не проводится? Думается, что нет. Доказывание осуществляется судом в каждом случае, когда ему надо прийти к какому-то решению по делу, разрешающему это дело по существу, или по отдельному спорному вопросу, или на каком-то отдельном этапе. В настоящей статье будет предпринята попытка доказать, что оно имеет место во всех судебных стадиях и процедурах, завершающихся принятием судом процессуального решения, разрешающего спор сторон.

Нельзя полностью отождествлять судебное разбирательство, а тем более уголовное судопроизводство, с судебным следствием. Понятно, что судебное следствие – только часть судебного разбирательства. Однако все части судебного разбирательства неразрывно связаны между собой. Окончание судебного доказывания происходит в прениях сторон. А начало его завязывается в подготовительной части судебного заседания. Так что судебное следствие «подготавливается» в подготовительной части судебного заседания, и результаты его становятся предметом судебных прений. Важ-

но понимать и то, что каждая из частей судебного разбирательства имеет свое назначение. Назначение судебного следствия состоит в разработке доказательственного материала, его исследовании. Для формирования выводов из проведенного судебного доказывания предназначены судебные прения. Как правильно отмечается в литературе, предоставленное сторонам право делать во время судебного следствия замечания, давать объяснения, возражать свидетелям и опровергать доводы противной стороны не должно быть воспринимается в смысле права смешивать судебное следствие с судебными прениями и представлять до окончания первого такие объяснения, которые могут служить только предметом последних [1, с. 152].

То же самое надо сказать и о разделении процессуального труда участников судебного разбирательства в подготовительной части судебного заседания и судебном следствии. Конечно, не может подвергаться сомнению то, что доказывание, в неявном виде, но от того не менее влиятельно, начинается в подготовительной части, совершать следственные действия здесь нельзя. Судебное следствие отличается тем, что в нем совершаются судебные действия, они составляют его содержание, хотя полностью его не исчерпывают. Из сказанного вытекает то, что правовая организация судебного следствия составляет часть общей проблемы – правильной организации судебного разбирательства, процессуальной деятельности, осуществляемой в суде, но также и до суда.

Следующая проблема состоит в определении соотношения досудебного и судебного расследования обстоятельств дела. Она одновременно является продолжением темы о соотношении досудебного и судебного доказывания в структуре уголовного процесса, или, иначе говоря, о типологии процесса. Мы говорим о наличии двух уголовно-процессуальных институтов, которые регулируют два важнейших этапа в развитии познавательной уголовно-процессуальной деятельности: предварительное следствие и судебное следствие. Сам факт их сосуществования является следствием структуры нашего уголовного процесса, в котором имеются две самостоятельные досудебные стадии.

В свое время точно выразил назначение судебного следствия в его соотношении с предварительным следствием Л.Е. Владимиров: «Судебное следствие не есть ни повторение, ни дополнение, ни даже воспроизведение предварительного следствия, а совершенно самостоятельное исследование истины на суде. Предварительное следствие должно только

подготовить материал для судебного исследования, в котором и должен лежать центр тяжести всего процесса» [2, с. 216]. Ему же принадлежит еще одно точное замечание по данной проблеме: «Внутреннее убеждение вызывает необходимость судебного следствия, производимого предрешающими исход дела судьями. Это рассмотрение пред теми, кто решает дело, всего собранного доказательственного материала. При господстве формальной теории доказательств судебного следствия нет, судьи, решающие дело, живых доказательств не видят; они имеют только акты следствия; их источники – второстепенные. Судебное следствие не есть только проверка предварительного расследования, а, напротив, совершенно самостоятельное исследование истины не только по доказательствам, собранным следователем, но и представленным сторонами в суде. Предварительное следствие не есть даже необходимый момент процесса, вытекающий из логики последнего; это требование практики. Центр уголовного процесса – рассмотрение доказательств перед судьями, решающими дело; предварительное следствие – просто удобство» [3, с. 123–124]. Это – важнейшая мысль: правовая организация досудебного производства как стадии уголовного процесса есть явление заботы исполнительной власти о себе, но не об обществе. В нормальном уголовном судопроизводстве предварительного расследования как правового института нет. Судебное расследование – единственно настоящая уголовно-процессуальная форма доказывания фактов, когда они являются предметом спора стороны обвинения и стороны защиты.

Является очевидным то, что судебное следствие вторично, зависимо от расследования, проведенного органом предварительного расследования. Так, И.Я. Фойницкий писал, что «судебное следствие является в большинстве случаев лишь бледною тенью предварительного следствия, с неопределенными ответами экспертов, с нерешительными показаниями свидетелей, забывших все мелкие факты и передающих даже в крупных фактах без всяких, часто столь характеристических подробностей» [4, с. 59]. И даже апологет независимого судебного следствия К.К. Арсеньев указывал: «Предварительное следствие имеет целью приготовление и разработку материалов для судебного следствия. Если оно вполне достигло этой цели, суду остается только поверить данные, им собранные, не предпринимая никаких новых следственных действий; но если во время судебного следствия будет возбужден вопрос, при предварительном следствии не возникший или по оплошности следствия оставленный без надлежащего исследова-

ния, то суд обязан принять для приведения в ясность этого вопроса, те же самые меры, какие был бы обязан принять следователь» [1, с. 278–279].

В советский период по данной проблематике вполне ожидаемо было высказано несколько принципиальных суждений, выражающих следственную идеологию. Учеными-процессуалистами подчеркивалось, что у предварительного и судебного следствия есть общие черты: а) они должны носить всесторонний, объективный и полный характер; б) они имеют общую цель – достижение объективной истины по делу. У следователя больше, чем у суда, возможностей раскрыть преступление, применять тактические и технические приемы и методы. В частности, Г.М. Миньковский писал: «Фундамент для установления объективной истины по каждому делу закладывается именно в ходе предварительного расследования. ...Поскольку предварительное расследование призвано подготовить полноценный доказательственный материал во всем объеме... постольку пределы доказывания (исследования) – одни и те же на предварительном следствии и в суде» [5, с. 29, 30].

Вместе с тем, некоторые отечественные процессуалисты признавали, что, хотя предварительное следствие обладает известной самостоятельностью, оно все же носит подчиненный характер по отношению к судебному следствию, именно последнее имеет решающий характер, где предстоит главное исследование обстоятельств дела. В то же время суд проводит исследование в условиях состязательности, четкого разделения процессуальных функций. Благодаря этому создаются большие гарантии для установления истины [6, с. 5–6, 43–44, 74]. Данная идея наиболее ярко проявилась у М.С. Строговича, который, с одной стороны, утверждал, что предварительное следствие существует до суда и для суда [7, с. 63], а, с другой стороны, писал, что по отношению к судебному разбирательству предварительное следствие имеет «субсидиарный (подсобный) характер», «материалы и выводы предварительного следствия ни в коей мере не связывают суд» [8, с. 222–223].

В наши дни в результате реализации ряда принципиальных положений судебной реформы объективно повысилась значимость судебного следствия. Говоря о тех свершениях, которыми ознаменовалось принятие УПК РФ, А.С. Александров отмечает, что в концентрированном виде новая правовая идеология ведения судопроизводства воплотилась в нормах, предусматривающих правила представления и исследования сторонами доказательств в суде. Именно в судебном следствии, в отли-

чие от предварительного, реформа уголовного процесса продвинулась настолько далеко, насколько это было вообще возможно в условиях сохранения письменной формы досудебного производства и, как следствие, сохранения доказательственного значения протоколов и иных документов, со всеми вытекающими из этого последствиями для порядка доказывания в суде. Суть произошедших перемен состоит в качественно новом понимании таких традиционных процессуальных категорий, как состязательность, диспозитивность, истина, юридический формализм, внутреннее убеждение, а также устность, непосредственность, гласность и пр. [9, с. 270].

Между тем выводы о качественном изменении правового режима расследования фактических обстоятельств уголовного дела в связи с принятием УПК РФ, как минимум, преждевременны. На наш взгляд, в существующей уголовно-процессуальной системе «переходного типа» судебное следствие является приложением к предварительному расследованию. Некоторые ученые разделяют точку зрения о значимости предварительного следствия как единственного способа раскрытия преступления. Так, С.А. Шейфер пишет, что доказательственная база, необходимая для правильного разрешения дела, формируется в основном на предварительном следствии [10, с. 40]. Другие авторы, анализирующие современный порядок формирования доказательств, указывают на значимость предварительного следствия как основного «поставщика» доказательственного материала, на основании которого уголовное дело разрешается в суде [11, с. 102–104].

Самым наглядным проявлением зависимости современного судебного следствия от следствия предварительного является сложившийся в судебно-следственной практике такой элемент судебного следствия, как «исследование материалов уголовного дела». Об этом делается специальная отметка: «Суд переходит к исследованию материалов уголовного дела. Судом исследуются материалы уголовного дела». Эти материалы оглашаются самим председательствующим и включают в себя процессуальные документы, составленные органом предварительного расследования, которые, по мнению председательствующего, имеют доказательственную информацию. Еще более усугубляет то, что председательствующий по ходу задает вопросы подсудимому, фактически избобляя его исследуемыми материалами уголовного дела.

Отличие судебного следствия от предварительного следствия уголовно-процессуальными правилами (но также и природой устной речи) отмечалось в уголовно-процессуальной

науке [12, с. 17–18]. Следует признать верными наблюдения, сделанные по поводу открытости, гласности судебного следствия; фактора неожиданности в представлении новых доказательств; непосредственности восприятия участниками процесса доказательств; наличия фактора судебной аудитории; сравнительной скоротечности судебного следствия и всех следственных действий; повторности исследования многих доказательств в суде, зачастую существующего большого разрыва во времени между событием, имевшим место в прошлом, и судебным допросом, предметом которого явля-

ется выяснение обстоятельств данного события, и пр. [13, с. 9]. Наконец, различие прослеживается в наборе следственных действий, не говоря уже о неотложности и неповторимости в судебном следствии некоторых следственных действий (но также и оперативно-розыскных мероприятий), уместных только в ходе предварительного расследования или еще раньше (во всяком случае, вне судебного заседания): обыск, выемка, контроль и запись телефонных и иных переговоров и т.п., которыми фиксируются не только следы преступления, но и сама преступная деятельность.

1. Арсеньев К.К. Судебное следствие: сб. практических заметок. СПб., 1871.

2. Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков, 1873.

3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. СПб., 1910.

4. Фойницкий И.Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению // Журн. гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 6.

5. Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956.

6. Колбая Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975.

7. Строгович М.С. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства и некоторые вопросы защиты в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. Ленинград, 1967.

8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1970. Т. 2.

9. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003.

10. Шейфер С.А. Предварительное и судебное следствие по УПК РФ: проблемы соотношения // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу РФ: материалы Межрегиональной науч.-практ. конф., 18–19 дек. 2002 г. Самара, 2003.

11. Азаров В.А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 311.

12. Руководство для государственных обвинителей. Криминалистический аспект деятельности / под общ. ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 1998. Ч. 1.

13. Белова Г.Д. Обеспечение прокурором законности и обоснованности поддержания государственного обвинения: лекция. М., 2006.

1. Arseniev K.K. The judicial investigation: coll. of practical notes. St. Petersburg, 1871.

2. Vladimirov L.E. Jury trial. The conditions of the institution of the jury and the method of developing evidence. Kharkov, 1873.

3. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. Parts General and Special. St. Petersburg, 1910.

4. Foynitsky I.Ya. Justices of jury and measures to reduce them // Journal of civil and criminal law. 1879. B. 6.

5. Minkovsky G.M. The limits of evidence in the Soviet criminal process. Moscow, 1956.

6. Kolbaya G.N. The ratio of preliminary investigation and trial. Moscow, 1975.

7. Strogovich M.S. The ratio of preliminary investigation and trial and some issues of protection in the Soviet criminal process // Questions of protection in criminal cases. Leningrad, 1967.

8. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal trial: in 2 vol. Moscow, 1970. Vol. 2.

9. Aleksandrov A.S. Introduction to forensic linguistics. Nizhny Novgorod, 2003.

10. Sheyfer S.A. Preliminary and judicial investigation under the Criminal Procedure Code: correlation problems // Problems of ensuring the rights of participants in the process under the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation: proc. of the Interregional sci. and practical conf., on Dec. 18–19, 2002. Samara, 2003.

11. Azarov V.A. The ratio of preliminary and judicial investigation of the CPC of the Russian Federation // Bull. of Tomsk state university. 2008. № 311.

12. Guide for public prosecutors. Criminalistic aspect of the activity / gen. ed. by O.N. Korshunova. St. Petersburg, 1998. Pt. 1.

13. Belova G.D. Provision by the prosecutor of the legality and validity of public prosecution: lecture. Moscow, 2006.

Мисник Ирина Владиславовнакандидат юридических наук, доцент,
Восточно-Сибирский институт МВД России
(тел.: +79086477351)**Загорьян Сергей Георгиевич**кандидат юридических наук, доцент,
Восточно-Сибирский институт МВД России
(тел.: +73952410284)

Участие законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе

В статье рассматриваются вопросы процессуального положения законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого). Анализируются проблемы, связанные с его участием в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, несовершеннолетний, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, законный представитель, родители.

I.V. Misnik, Candidate of Law, Assistant Professor, Eastern-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79086477351;

S.G. Zagoryan, Candidate of Law, Assistant Professor, Eastern-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +73952410284.

Participation of legal representatives of minors in criminal proceedings

The article is devoted to the procedural position of the legal representative of a minor victim, the suspect (accused). The authors analyze problems associated with participation of the legal representative in criminal proceedings.

Key words: criminal procedure, minor, victim, suspect, accused, legal representative, parents.

Современные реалии развития нашего общества свидетельствуют о том, что проблемы подрастающего поколения требуют основательного переосмысления, выработки новых адекватных подходов к их решению, отвечающих требованиям сегодняшнего дня. Статистические данные, отражающие количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, неутешительны.

По данным МВД России, в 2016 г. несовершеннолетними и при их соучастии было совершено 53736 преступлений, т.е. каждое 22 преступление (4,5%) [1].

В докладе Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка прозвучало, что жертвами преступлений в 2015 г. стали 102695 детей (из них 52 тыс. пострадали от преступлений насильственного характера) [2].

Несовершеннолетние, вовлеченные в орбиту уголовного судопроизводства, в силу интеллектуальных, психологических особенностей, недостаточного жизненного опыта независимо от своей процессуальной роли нуждаются в особой правовой защите и поддержке. Важной

гарантией реализации прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, подозреваемых (обвиняемых) является участие законных представителей.

В Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), закреплены основные процессуальные гарантии, среди которых предусмотрено и право на присутствие родителей или опекуна при производстве расследования и в суде. В п. 15.2 отмечается, что родители или опекун имеют право участвовать в судебном разбирательстве и компетентный орган власти может потребовать их присутствия в интересах несовершеннолетнего. Однако компетентный орган власти может отказать им в таком участии, если имеются основания полагать, что это необходимо в интересах несовершеннолетнего.

Термин «представитель» в Словаре русского языка С.И. Ожегова толкуется как «лицо, которое действует по чьему-нибудь поручению, выражает чьи-нибудь интересы, взгляды» [3, с. 579].

Законный представитель несовершеннолетнего допускается к участию в уголовном деле на основании мотивированного постановления следователя (дознавателя) и документов, удостоверяющих факт родства, усыновления, опеки или попечительства над потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым либо подтверждающих полномочия представителя учреждений и организаций, на попечении которых они находятся, а также представителя органов опеки и попечительства. К числу таких документов можно отнести:

свидетельство о рождении несовершеннолетнего потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого);

паспорт родителя, если в нем содержится информация о детях;

документ, удостоверяющий установление над несовершеннолетним опеки и попечительства, доверенность на представителя соответствующего учреждения или организации, на попечении которых находится несовершеннолетний потерпевший, подозреваемый (обвиняемый).

Важно определить, с какого же момента законный представитель вправе вступить в уголовно-процессуальные отношения. В ч. 1 ст. 426 УПК РФ закреплено, что законные представители допускаются к участию в деле с момента первого допроса в качестве подозреваемого или обвиняемого. Представляется, что данная норма затрудняет реализацию отдельных прав законного представителя, в частности, знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний. В связи с этим представляется целесообразным допускать к участию законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) с момента приобретения им процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого (с момента возбуждения уголовного дела в отношении этого лица, с момента задержания, с момента применения меры пресечения до предъявления обвинения, уведомления о подозрении в совершении преступления, с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого), что касается законного представителя потерпевшего, то он должен вступать в процесс после вынесения постановления о признании лица потерпевшим.

В п. 12 ст. 5 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень лиц, которые могут выступать в качестве законных представителей потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого): родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего, представители учреж-

дений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства.

Следует отметить, что в судебно-следственной практике имеют место случаи участия ненадлежащих лиц в качестве законных представителей. Так, по уголовному делу № 1-41/2015 было установлено, что в ходе дознания были грубо нарушены права несовершеннолетней потерпевшей, которая показала, что в качестве ее законного представителя привлечено ненадлежащее лицо – ее биологическая мать, лишенная родительских прав, с участием которой она незаконно была допрошена в качестве потерпевшей по уголовному делу, ознакомлена с постановлениями о назначении двух взрывотехнических экспертиз и их заключениями, а также с материалами уголовного дела. В силу требований п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ протоколы следственных действий были признаны недопустимыми доказательствами по уголовному делу [4].

В СО-2 СУ УМВД России по г. Иркутску основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ послужило то, что в нарушение требований п. 12 ст. 5 УПК РФ в качестве законного представителя несовершеннолетней обвиняемой вместо органа опеки и попечительства привлечен социальный педагог учебного заведения, в котором последняя обучалась, но не находилась на попечении данного учреждения [5].

В качестве законного представителя несовершеннолетнего следователи (дознаватели) привлекают, как правило, одного из родителей, что, безусловно, обоснованно с социально-этической и правовой точек зрения, но все же не всегда приемлемо. Связано это с тем, что иногда родители вместо поддержки могут оказать и отрицательное психологическое воздействие на несовершеннолетнего. Так, гражданин К. был признан виновным в совершении действий сексуального характера в отношении своей малолетней дочери с использованием ее беспомощного состояния по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Законным представителем несовершеннолетней потерпевшей по данному делу выступала ее мать. Однако суд по ходатайству государственного обвинителя отстранил мать от участия в деле в качестве законного представителя, поскольку поведение и высказывания матери потерпевшей, которая стала утверждать, что она и дочь оговорили К. в совершении данного преступления, свидетельствовали о том, что ее интересы противо-

речат интересам малолетней потерпевшей. В дальнейшем интересы потерпевшей по данному делу представляла сотрудник органа опеки и попечительства администрации города [6].

Противоречие интересов возможно и в том случае, когда родитель выступает одновременно в качестве законного представителя подозреваемого (обвиняемого) и в качестве гражданского ответчика.

В ч. 2.2 ст. 45, ч. 3 ст. 191, ч. 4 ст. 426 УПК РФ предусмотрено, что законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Об этом следователь выносит постановление, в котором должны быть указаны конкретные причины невозможности участия в деле родителя в качестве законного представителя и основания. Такая аргументация, как «может воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу», не является основанием для отстранения законного представителя несовершеннолетнего от участия в деле [7].

Верховный Суд РФ в постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 пояснил, что к действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, следует относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела [8]. Недопустимо привлечение к участию в деле в качестве законных представителей лиц, которые совершили преступление совместно с несовершеннолетним подсудимым, а также лиц, в отношении которых несовершеннолетний совершил преступление.

В подобных случаях необходимо установить, кто из родителей и других близких родственников мог бы представлять интересы несовершеннолетнего, с кем он находится в доверительных отношениях, кому небезразлична его судьба. Если несовершеннолетний не имеет родителей и проживает один или у лица, не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в качестве его законного представителя вызывается представитель органа опеки или попечительства.

Следует отметить, что наличие гражданско-правовой дееспособности несовершеннолетнего, не достигшего 18-летнего возраста, не освобождает следователя от обязанности по привлечению законного представителя.

Важно, чтобы следователь (дознатель) обдуманно в каждом отдельном случае подходил к выбору законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Если лицо, совершившее преступление в возрасте до 18 лет, на момент рассмотрения дела в суде достигло совершеннолетия, полномочия законного представителя по общему правилу прекращаются, однако в исключительных случаях реализация этих функций может быть продолжена. Такое решение может быть принято судом исходя из характера совершенного этим лицом деяния и данных о его личности с приведением соответствующих мотивов.

Законные представители несовершеннолетнего, достигшего к моменту производства по делу в судах апелляционной и кассационной инстанций возраста 18 лет, вправе обжаловать судебное решение и принимать участие в судебных заседаниях этих судов.

Жалобы законных представителей в суде второй инстанции подлежат рассмотрению независимо от позиции, занимаемой по делу несовершеннолетним.

Отличительной особенностью участия законных представителей в уголовном судопроизводстве является то, что они могут быть допрошены в качестве свидетелей. При этом следователь обязан разъяснить им конституционное право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ. При отказе законного представителя от дачи показаний ему необходимо разъяснить необходимость получения от него сведений о физическом и психическом состоянии потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, условиях его жизни и воспитания.

В ч. 1 ст. 191 УПК РФ закреплено, что при проведении ряда следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего вправе присутствовать законный представитель. Представляется, что присутствие законного представителя потерпевшего по делам о половых преступлениях не всегда целесообразно, а в некоторых случаях может препятствовать установлению психологического контакта с малолетней потерпевшей и получению необходимых сведений из-за чувства стыдливости или стеснительности. В связи с этим

следует выяснить у законного представителя, желает ли он участвовать в допросе. Оптимальным решением в данном случае является использование специального помещения, оборудованного зеркалом А. Гезелла, для производства следственного действия с участием несовершеннолетнего [9, с. 40].

1. *Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/>*

2. URL: <https://ria.ru/interview/20160404/1402047748.html> (дата обращения: 03.03.2016).

3. *Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990.*

4. *Уголовное дело № 1-41/2015, рассмотренное Нижнедевицким районным судом (Воронежская область).*

5. *Обзор практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и с их участием за 1 полугодие 2015 г., подготовленный Главным следственным управлением ГУ МВД России по Иркутской области.*

6. *Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2013 г.: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс», 2015.*

7. *Куликова М.М. Участие родителей несовершеннолетних в качестве законных представителей в уголовном процессе // Судья. 2015. № 7. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».*

8. *Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 4.*

9. *Методические рекомендации по организации и ведению допроса несовершеннолетних в специализированном помещении на этапе следствия. СПб., 2014.*

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что институт представительства в уголовно-процессуальном законодательстве нуждается в коррективах и дополнениях, необходим комплексный подход к формулировке основных понятийных категорий в уголовно-процессуальном законе.

1. *Official site of the Ministry of the Interior of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.mvd.ru/>*

2. URL: <https://ria.ru/interview/20160404/1402047748.html> (date of access: 03.03.2016).

3. *Dictionary of the Russian language: 70000 words / ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1990.*

4. *Criminal case № 1-41/2015 considered by Nizhnedevitsky district court (Voronezh region).*

5. *Overview of the investigation and trial of criminal cases of crimes committed by juveniles and with their participation for the 1st half of 2015 by the Chief investigation department of the Chief directorate of the Ministry of the Interior of Russia in the Irkutsk region.*

6. *The overview of court practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2013: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on Nov. 20, 2013 [Electronic resource]. Access from legal reference system «ConsultantPlus», 2015.*

7. *Kulikova M.M. The participation of the parents of a minor as legal representatives in the criminal process // Judge. 2015. № 7. Access from legal reference system «Garant».*

8. *Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 4.*

9. *Methodical recommendations on the organization and conduct of the interrogation of a minor in a specialized area at the stage of investigation. St. Petersburg, 2014.*

Рудич Валерий Владимирович

кандидат юридических наук,

Уральский институт экономики, управления и права

(e-mail: ruvv66@bk.ru)

К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения

В статье объясняется устройство правового уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения в виде наказания, мер пресечения, иных мер правового принуждения. Объясняется работа данного правового механизма по выработке правовых оснований и процессуальных решений по применению принуждения к нарушителям закона. Проводится принципиальное различие предлагаемого понятия правового механизма с предыдущими теоретическими представлениями о механизме уголовно-процессуального и уголовно-правового регулирования. Раскрывается значение судебной власти, роль суда в правоприменении, уголовного иска, других деталей этого механизма.

Ключевые слова: правовой механизм, правоприменение, суд, уголовный иск, правовое принуждение.

V.V. Rudich, Candidate of Law, Ural Institute of Economics, Management and Law; e-mail: ruvv66@bk.ru

To the question of the concept of criminal-procedural mechanism of application of measures of legal coercion – restraint

The article explains the legal device of the criminal-procedural mechanism of application of measures of legal coercion in the form of punishment, preventive measures and other measures of legal coercion. The author explains the work of this legal mechanism for the development of the legal bases and procedural decisions for use of coercion to offenders of the law. It is shown the fundamental difference of the proposed concept of the legal mechanism with the previous theoretical considerations about the mechanism of criminal-procedural and criminal-legal regulation. Reveals the importance of the judiciary, the role of the court in the enforcement of the criminal action, as well as other parts of the mechanism.

Key words: legal mechanism, law enforcement, court, criminal action, legal coercion.

Понятие «механизм правового регулирования» сложилось в советской правовой науке и стало образцом для отраслевых юридических наук, включая науку уголовного процесса. Почти в неизменном виде это понятие практикуется и в современных исследованиях ученых, посвященных и проблематике применения мер процессуального принуждения [1, с. 31–42, 63 и др.].

Мы хотели бы вложить иной смысл в термин «правовой механизм», чтобы, во-первых, по-иному объяснить соотношение уголовно-процессуальной деятельности и применения норм уголовного права, во-вторых, по-иному объяснить природу правового принуждения, которое имеет место в ходе производства по уголовному делу.

Исходным пунктом наших рассуждений следует избрать понятие организационно-правового механизма привлечения к уголовной ответственности. Правильнее даже говорить об организационно-правовом механизме при-

менения уголовно-правовых норм в случаях совершения преступлений. Для нас очевидно, что это уголовно-процессуальный механизм, ибо иных способов применения уголовного закона не существует. Поэтому мы вообще считаем некорректными, например, выражения «механизм уголовно-правового регулирования» или «уголовно-правовой механизм». В этом плане мы вполне разделяем позицию ряда авторов о том, что уголовное право не имеет никакого иного смысла, кроме того, что был понят в ходе уголовного процесса. Уголовное право – это Уголовный кодекс плюс уголовный процесс [2, с. 4–18]. Применение уголовного права может быть осуществлено только посредством работы уголовно-процессуального правового механизма.

Необходимо подчеркнуть, что термин «правовой механизм» в том значении, о котором мы говорим, а именно как уголовно-процессуальный механизм применения норм Уголовного

кодекса, был использован недавно Пленумом Верховного Суда РФ [3] (преамбула). В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 перечисляются нормы, которые его образуют, в том числе нормы, регулирующие применение меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ).

В отечественном правоведении и в науке уголовно-процессуального права в том числе под «механизмом уголовно-процессуального регулирования» понимают уголовно-процессуальное право, которое используется государством в качестве средства регулирования общественных отношений. По мнению ученых, указанный механизм образуют различные элементы: а) уголовно-процессуальные нормы; б) уголовно-процессуальные отношения; в) процессуально-правовое положение субъектов этих отношений; г) юридические факты, порождающие такие отношения; д) правосознание субъектов уголовно-процессуальной деятельности и пр. [4, с. 35–38, 68–70; 5, с. 48–61]. Рассуждения о структуре уголовно-процессуального механизма приводят к выводу о наличии у уголовного процесса некоей внутренней формы [6, с. 53]. Через понятие «механизм» объясняется, как происходит применение уголовно-процессуального права, т.е. он является внутренней формой уголовного процесса. В качестве «внешней формы» уголовный процесс рассматривался по отношению к уголовному праву. В чем отличие нашей позиции от приведенных выше взглядов ученых-процессуалистов?

Указанные исследователи возникновение уголовно-правового отношения связывают не с уголовно-процессуальной деятельностью, а с фактом совершения преступления (как фактом реальной действительности). По их мнению, преступление порождает право государства на привлечение к уголовной ответственности преступника, нарушившего уголовный закон. Уголовно-правовое отношение между государством и преступником возникает с момента совершения преступления. Но реализуется это отношение через деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений. В результате уголовного процесса ответственность реализуется при установлении к тому основания – виновности лица в совершенном преступлении [7, с. 91–92; 8, с. 11]. Субъектами, участвующими в реализации уголовной ответственности, последовательно выступают вначале орган предварительного расследования, а затем суд, который и завершает реализацию уголовной ответственности путем применения нормы уголовного закона к виновному либо оправдывает привлеченное лицо [5, с. 91]. Таким образом, в уголовно-правовом отношении

(порождаемом фактом совершения преступления) в качестве контрагента преступнику противостоит государство (имеющее право на наказание); в уголовно-процессуальных отношениях лицо, обвиняемый вступает в отношения с органами, ведущими уголовное дело: органом предварительного расследования, судом [9, с. 21; 10, с. 49; 11, с. 252; 12, с. 34–38]. Получается, что подосновой уголовно-процессуальных отношений между правоохранительными (судебно-следственными) органами и обвиняемым (подсудимым) выступает уголовно-правовое отношение между государством и преступником; это базовое материально-правовое отношение (существующее объективно, само собой) просвечивает через всю уголовно-процессуальную систему, оно определяет сущность всех элементов уголовно-процессуальных отношений, характер деятельности правоохранительных органов.

Традиционное представление о государстве как источнике «объективного права», которое используется для урегулирования (охраны) общественных отношений, и, вместе с тем, как о «мета-субъекте» во всех публично-правовых, в том числе уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, отношениях, приводит к выводу, типичному для следственной идеологии, а именно: государство и его органы (судебно-следственные) представляют единое целое («вертикаль власти» – судебно-следственной, прокурорской), которое «создает» уголовное дело, наказывает преступника, совершает в его отношении другие общественно полезные практики (принуждения в том числе). И все это делается по объективной необходимости: в силу неотвратимого наступления уголовной ответственности за каждое совершенное преступление. В контексте таких представлений о преступлении, наказании, праве, государстве и человеке трудно, если вообще не невозможно выстраивать какие-либо правовые конструкции составительного содержания. Между тем, только составительная процедура должна лежать в основе правоприменения, ведущегося в правовом государстве.

Пора отбросить те элементы существующего учения о механизме правоприменения, которые вытекают из марксистско-ленинского учения о государстве и праве. Необходимо на теоретико-методологическом уровне переходить от учения о полицейском государстве к правовому. Разница между этими моделями государства, каждой из которых соответствует правовая организация деятельности правоохранителей, т.е. уголовно-процессуальный правовой механизм, состоит, прежде всего, в разделении властей (судебной и исполнительной) и наличии системы сдержек и противовесов

между ними. Указанный принцип разделения властей государства должен определять сущность того организационно-правового механизма применения уголовного закона, о котором мы говорим. Суд противостоит исполнительной власти, в этом противостоянии заключается самоограничение, сдерживание государства [13, с. 284; 14, с. 72, 73]. Запрет на совмещение судебной и обвинительной функции – самый важный и достаточно трудно исполнимый запрет, но на нем основывается работа уголовно-процессуального механизма. Верховенство права, гарантирующего права и свободы личности и определяющего пределы полномочий судебной и исполнительной властей, их деятельности, является вторым принципиальным моментом устройства правосудия в правовом государстве. Н.Н. Розин писал, что, когда отпадает нужда в преувеличенной заботе о государственных интересах, поглощающей интересы личности, «полицейский элемент исчезает из процесса, и суд из орудия управления превращается в нормальный институт правосудия – в орган разрешения правового спора» [15, с. 300].

Организационно-правовой механизм применения уголовного закона – это и есть система сдержек и противовесов между обвинительной (исполнительной) властью и судебной властью, которые определяют составительную правовую организацию деятельности всех участников правоприменительного процесса. Поэтому под указанным «механизмом» мы будем понимать правовую организацию деятельности сторон и суда по определению основания и выработке решения о применении нормы уголовного права ввиду означенного основания, каковым является доказанный факт совершения преступления, совершения иного общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ. Мы считаем, что понятие «уголовно-процессуальный механизм» должно объяснять то, как происходит применение норм УК РФ к конкретным случаям совершения преступлений.

Главное в понимании этого «организационно-правового механизма» состоит в том, что он является процессуальным, а еще – судебным. Это «уголовно-процессуальное право в работе» [16, с. 589]. Мы считаем, что данный механизм, используя в качестве сырья информацию о реальной действительности, «вырабатывает» «юридические факты» и «процессуальные решения» (акты правоприменения). Само по себе совершение преступления создает не «фактическое основание уголовной ответственности» (применения уголовного закона), а материально-правовую предпосылку для возникновения такого факта, правообразующего как для уголовно-процессуального, так и для уголовно-правового отношения. При поступле-

нии информации о признаках преступления в правоохранительный орган и подтверждении ее достоверности, дающей основание для уголовного преследования, возникает уголовно-процессуальное отношение. Уголовно-правового отношения же как такового нет. Вопрос об уголовно-правовом отношении становится предметом уголовно-процессуального отношения между обвинителем и судом; этот вопрос ставится перед судом обвинителем в виде обвинения – «предмета доказывания». Базовое уголовно-процессуальное отношение возникает между обвинительной (исполнительной) властью государства в лице его правоохранительных органов, уполномоченных законом на уголовное преследование, в виде треугольника «прокурор – суд – обвиняемый».

В уголовном процессе, организованном по следственному типу, в досудебном производстве происходит формирование базового уголовно-процессуального отношения в виде «следователь – обвиняемый». Постановление следователя о привлечении в качестве обвиняемого равнозначно внесудебному привлечению к уголовной ответственности, и, хотя это утверждение подлежит проверке в суде, тем не менее, именно это решение создает правовую основу и для применения к обвиняемому предварительных мер правового принуждения, в том числе в виде мер пресечения. Отсутствие судебного института обвинения делает возможным установление для решения о применении меры пресечения следственного стандарта в виде «обоснованности подозрения», правовая значимость и сущность которого недавно вполне были разъяснены Пленумом Верховного Суда РФ [3]. Мы же имеем в виду стандарт «обоснованности обвинения», которое можно представить только в контексте составительного процесса – и судебного порядка выработки и предъявления обвинения.

Считаем существующую следственную конструкцию досудебного производства ненадежным фундаментом для применения мер процессуального принуждения. Полагаем, что только судебный порядок выдвижения обвинения и проверки его основательности судом создает материально-правовую предпосылку и для применения мер процессуального принуждения. Мы поддерживаем мнение о необходимости введения в российский процесс института искового обвинения. Обвинение – это уголовный иск, предъявляемый обвиняемому в судебном порядке [17, с. 45–47]. Концепция «искового обвинения» позволяет составить новые представления о «материальных основаниях»: а) уголовной ответственности; б) применения мер предварительного принуждения (мер пресечения); в) правоприменения

вообще. В нашем представлении производство оснований для процессуальных решений, выступающих актами применения мер государственного принуждения, каковыми могут выступать и наказание, и меры пресечения, и иные ограничения правового статуса лица, нарушившего уголовный закон, происходит в результате работы уголовно-процессуального механизма правоприменения.

Прокурор утверждает о факте совершения преступления лицом в обвинении – уголовном иске. Этим он осуществляет правопритязание, выступает с правовым требованием о привлечении к уголовной ответственности обвиняемого. Предварительное подтверждение судом обоснованности иска позволяет прокурору в дальнейшем ставить вопрос о применении мер правового принуждения к обвиняемому с целью обеспечения дальнейшего судебного уголовного преследования и, вместе с тем, процесса, в котором уголовно-правовой спор находит разрешение по существу.

По аналогии можно сказать, что обращение обвинительной власти к судебной с правопритязанием на применение предварительной меры правового принуждения к «обвиняемому» ввиду обоснованности обвинения (подозрения) также имеет исковую природу. Обвинение – это судебный иск, ходатайство о применении меры пресечения – это тоже судебный иск. И там и там ставится вопрос о правоприменении, применении правового принуждения. (Разумеется, разница между ними есть, что не отменяет необходимости существования единого – состязательно-судебного механизма).

Значит, центральной деталью или рычагом, приводящим в движение судебный механизм применения уголовного закона, должно быть обвинение – уголовный иск. Другой важнейшей деталью этого механизма будет институт мер уголовно-процессуального принуждения. Мы разделяем информационно-процессуальный подход к трактовке основания уголовной ответственности и права государства на принуждение в виде мер уголовной ответственности или других мер правового принуждения, включая меры пресечения. Этот подход в концептуальном виде изложен в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ» [18, с. 26]. Основанием для воз-

никновения уголовно-процессуального отношения, включая отношения по поводу применения меры пресечения, является информация – сведения, создающие предположение о том, что лицом совершено преступление. Обвинительные доказательства составляют процессуальное основание уголовного иска – обвинения; а в равной степени искового требования о применении меры пресечения к обоснованному обвиняемому. При этом пресловутое «верховенство закона» проявляется в «стандарте допустимости», который, на наш взгляд, применим как к доказательствам, так и к принуждению. Судья обязан исходить из критерия допустимости ограничения прав личности при получении доказательств органами уголовного преследования. Уголовное преследование есть форма правового принуждения, поскольку о преследовании как таковом можно говорить только тогда, когда совершаются какие-либо действия (принимаются решения), так и или иначе направленные на применение уголовного закона к лицу, совершившему преступление.

Мы вполне согласны с доктриной об исключительном и служебном (обеспечительном) характере мер пресечения, равно как и иных мер уголовно-процессуального принуждения, применение которых обслуживает достижение главной цели – решения вопроса о применении или неприменении уголовного закона в данном случае в конкретному лицу [19, с. 39; 20, с. 91]. Однако считаем нужным напомнить, что, по мнению классиков русского правоведения, меры пресечения и наказание являются правовыми последствиями преступления и по своей природе составляют возмездие за него [21, с. 95; 22, с. 4, 60, 61]. Смысл в том, что один и тот же организационно-правовой механизм (уголовно-процессуальный) должен приводить к их применению, как норм уголовного права, так и уголовно-процессуального права. В основание своих решений суд кладет не факт совершения преступления как фрагмент реальной действительности, а определенную совокупность доказательств, подтверждающих в случае избрания меры пресечения обоснованность выдвинутого обвинения (первый стандарт доказанности), а в случае применения уголовного закона – стандарт обоснованности обвинительного приговора.

1. Вершинина С.И. *Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения*. М., 2017.

2. Александров А.С., Александрова И.А. *Уголовный кодекс + Уголовный процесс = Уголовное право // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процес-*

1. Verzhinina S.I. *Normative and legal essence of criminal procedure coercion*. Moscow, 2017.

2. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. *Criminal Code + Criminal Process = Criminal Law // Actual problems of the interrelation between criminal law and criminal procedure: coll. of materials of the All-Russian sci. and practical conf. with intern.*

са: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Уфа, Ин-т права БашГУ, 31 окт. 2016 г. Уфа, 2016.

3. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2016 г. № 48 // Рос. газ. 2016. 24 нояб.

4. Зусь Л.Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства.

5. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования. Хабаровск, 2010.

6. Шпилев В.Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1983.

7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1968. Т. 1.

8. Уголовный процесс / под ред. А.Н. Алексеева. М., 1995.

9. Советский уголовный процесс / под ред. М.А. Чельцова. М., 1962.

10. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М., 1956.

11. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.

12. Элькин П.С. Сущность уголовно-процессуального права. Л., 1963.

13. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1.

14. Мизулина Е.Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. ст. и материалов. М., 2006.

15. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. М., 1914.

16. Александров А.С., Александрова И.А., Терехин В.В. Шесть критических эссе о праве и правосудии // Постклассическая онтология права. СПб., 2016.

17. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2.

18. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. М., 2015.

19. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003.

20. Щерба С.И., Цоколова О.И. Заключение под стражу и содержание под стражей на предварительном следствии. М., 1996.

21. Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. Харьков, 1903.

22. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград, 1914.

participation, Ufa, Institute of Law, Bashkir State University, on Oct. 31, 2016. Ufa, 2016.

3. On the practice of courts applying legislation that regulates the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Nov. 15, 2016 № 48 // Russian newsp. 2016. Nov. 24.

4. Zus L.B. Legal regulation in the field of criminal justice.

5. Bakhta A.S. The mechanism of criminal procedure regulation. Khabarovsk, 2010.

6. Shpilev V.N. The essence, content and forms of Soviet criminal proceedings: diss. ... Dr of Law. Minsk, 1983.

7. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process: in 2 vol. Moscow, 1968. Vol. 1.

8. Criminal procedure / ed. by A.N. Alekseev. Moscow, 1995.

9. Soviet criminal procedure / ed. by M.A. Chel-tsov. Moscow, 1962.

10. Soviet criminal procedure / ed. by D.S. Karrev. Moscow, 1956.

11. Polyansky N.N. Questions of the theory of the Soviet criminal process. Moscow, 1956.

12. Elkind P.S. The essence of criminal procedure law. Leningrad, 1963.

13. Iering R. The goal in law. St. Petersburg, 1881. Vol. 1.

14. Mizulina E.B. On the technological theory of the criminal process // Lessons of criminal justice reform in Russia (based on the materials of the work of the Interagency Working Group on Monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary of its adoption and introduction into action): coll. of papers and materials. Moscow, 2006.

15. Rozin N.N. Criminal proceedings. Moscow, 1914.

16. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A., Terekhin V.V. Six critical essays on law and justice // Postclassical ontology of law. St. Petersburg, 2016.

17. Aleksandrov A.S. The concept and essence of a criminal claim // State and law. 2006. № 2.

18. Doctrinal model of the criminal procedural evidence law of the Russian Federation and Comments on it. Moscow, 2015.

19. Bulatov B.B. State coercion in criminal proceedings. Omsk, 2003.

20. Shcherba S.I., Tsokolova O.I. Detention in custody and detention on preliminary investigation. Moscow, 1996.

21. Vladimirov L.E. The criminal legislator as the educator of the people. Kharkov, 1903.

22. Zhizhilenko A.A. Punishment. Its concept and difference from other law enforcement means. Petrograd, 1914.

Сидоренко Мария Васильевна

кандидат юридических наук,

Московский институт государственного управления и права

(e-mail: proectormvs@yandex.ru)

Коллизии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов

В работе предпринят анализ основных коллизий применения российского уголовно-процессуального права, образующихся в связи с неопределенностью системы и иерархии форм выражения этого права в практических правовых отношениях.

Ключевые слова: система права, иерархия норм, общепризнанные принципы и нормы международного права, Уголовно-процессуальный кодекс.

M.V. Sidorenko, Candidate of Law, Moscow Institute of Public Administration and Law; e-mail: proectormvs@yandex.ru

Conflicts of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other federal laws

The paper analyzes the main collisions in the application of Russian criminal procedural law, which are formed in connection with the uncertainty of the system and hierarchical forms of expressing this law in practical legal relations.

Key words: legal system, hierarchy of norms, generally recognized principles and norms of international law, Criminal Procedure Code.

В последние годы предметом анализа российской уголовно-процессуальной доктрины все чаще служат коллизии, которые наиболее остро и явно проявляются применительно к судебным стадиям и производствам уголовного судопроизводства России. Предметом дискуссии, в частности, стали проблемы истинного назначения предварительных слушаний (гл. 34 УПК РФ); особенно той их формы, которая неразрывно связана с процессом рассмотрения вопросов о легитимности доказательств, поставленных под сомнение ходатайством одной из сторон [1].

Еще более серьезной коллизией практики стал институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), который изначально по сути отрицал любые аналоги института возвращения дела на дополнительное расследование. Однако со временем, в том числе посредством актов конституционного правосудия, усилий Пленума Верховного Суда РФ и законодателя, не только был «преобразован» в явный аналог указанного института, но и аккумулировал его наиболее негативное инквизиционное содержание. При этом если одни из ученых принципиально указывают на изначальную несогласованность внесенных новаций и «коррелирующих» актов конституционного правосудия с состязательным строем процесса и ролью суда в нем

[2, с. 98–103], то другие с не меньшей уверенностью отстаивают «независимую» роль и назначение суда в процессе отправления правосудия [3, с. 6–10].

Не меньше коллизий содержит и процессуальная форма рассмотрения дел в первой инстанции, где, прежде всего, объективировано кардинальное различие взглядов и текущей правоприменительной практики в вопросах:

о пределах «активной» роли суда в доказывании (при изначальном декларированном состязательном строе процесса) [4, с. 84–88]; особенно в принципиальных вопросах поиска «объективной истины» – как цели процесса [5, с. 10–17];

оправданных отступлений от правил устности и непосредственности при оглашении показаний тех или иных лиц, полученных на предварительном расследовании (ст. 276, 281 УПК РФ) [6, с. 27–35];

произвольного рассмотрения и отклонения судом ходатайств сторон, направленных к выполнению доказательственного материала, призванного к обоснованию их притязаний [7, с. 66–74];

внесения замечаний на протокол судебного разбирательства и реального обеспечения права сторон на доказательственное значение аудио-, видеозаписи судебного разбирательства [8, с. 8] и т.п.

Стремительно нарастающие «показатели» рассмотрения дел в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), столь одобрительно воспринятые и «претворенные в жизнь» практикующим судебским сообществом, закономерно объективировались в достаточно острые дискуссии о реальном предмете и «правилах» проверки указанных дел в апелляционной инстанции или, к примеру, в Европейском суде по правам человека [9, с. 33–41]. Как следствие, практические результаты этой дискуссии вполне в состоянии значительно изменить как указанные показатели, так и субъективное стремление судей к реализации именно данного порядка отправления правосудия.

Не менее известны и обсуждаемы коллизии, суть которых в различном понимании доктриной и практикой правомерности «преюдициального» использования приговоров, постановленных в отношении лиц, сотрудничающих с прокурором и судом (гл. 40.1 УПК РФ), и в дальнейшем используемых как безусловное (достоверное) доказательство в обвинении иных соучастников, «сотрудничать» не пожелавших [10, с. 24–25]. При анализе данной коллизии особо настораживает и тот факт, что, несмотря на неоднократные констатации Президиума Верховного Суда РФ о недопустимости обращения к подобным «преюдициальным» средствам доказывания, практика все так же считает возможным ставить к «исследованию» суть предрешающих (особенно фактических) выводов указанных актов.

Кардинальное реформирование апелляции, столь широко анонсированное Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, прежде всего, стало предметом весьма острых коллизий и споров относительно истинного назначения этой формы проверки – как нового рассмотрения дела по существу более опытным и компетентным судом [11, с. 23–25] или лишь формы «документальной» проверки доводов и притязаний сторон [12]; впоследствии – однозначной констатацией вывода о нарастающих закономерностях реализации этой формы проверки по негативному образцу «советской» кассации [13, с. 60–67].

Состоянием той же нарастающей коллизии характеризуются результаты кардинальной реформы кассационного и надзорного порядка проверки судебных решений в уголовном судопроизводстве России (Закон № 433-ФЗ). Последние, укажем, при изначально состязательной сущности [14, с. 99–107], все более «корректируются» разъяснительными толкованиями Пленума Верховного Суда РФ [15,

с. 107–111], новациями закона [16], прецедентами высших судебных инстанций России [17, с. 121–130] и, естественно, суждениями российской уголовно-процессуальной доктрины [18, с. 64–79].

Каждая из данных коллизий в той или иной мере подрывает общее состояние правовой определенности в статике и динамике российского уголовно-процессуального права, прямо или косвенно объективируя в сфере правовой реальности либо отсутствие стабильности текущего нормативного регулирования, либо дефекты в правосознании властных субъектов применения права. Однако, как выяснилось, не менее весомую «лепту» в общее состояние правовой определенности в уголовном судопроизводстве России вносят и итоговые правоприменительные акты, принимаемые судами по итогам отправления правосудия.

Приведем для примера судебные «модификации» норм ч. 7 ст. 246 УПК РФ. В случае полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения в суде первой инстанции и изложения мотивировки такого отказа суд императивно обязан прекратить производство по уголовному делу.

Основания указанного содержатся не только в нормах ч. 7 ст. 246 УПК РФ, но и в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ибо «...суд, осуществляющий судебную власть посредством... уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия» [19].

В свою очередь, в соответствии с п. 6 ст. 5, ч. 3 ст. 37 УПК РФ функция поддержания обвинения в суде является исключительной компетенцией прокуратуры. Предложения российской доктрины о целесообразности наделения потерпевшего (в указанной ситуации – М.С.) функцией «субсидиарного» обвинения [20, с. 37–41], как известно, не нашли понимания ни у законодателя, ни у высшего органа конституционного правосудия [21], однозначно определивших, что указанная функция является деятельностью сугубо публичной, осуществляемой *ex officio* в общественном интересе. В данной связи потерпевшие *a priori* не могут быть объективированы в качестве правомочных носителей функции уголовного преследования обвиняемых.

Соответственно, при столь очевидной однозначности правовых предписаний алгоритм действий и решений суда для указанной ситу-

ации, по сути, predetermined: суд не вправе продолжить производство по делу, а императивно обязан его завершить [22].

Именно указанные решения и были приняты судами первой инстанции в ситуациях, к примеру, описываемых Т. Ермаковой [23, с. 90–96]. При ясной сути исходных предписаний закона и их понимании в актах конституционного правосудия, по идее, не возникало сомнений и в критериях законности и обоснованности итоговых актов суда.

Тем не менее, при проверке в вышестоящей инстанции указанная однозначность правовых предписаний не стала препятствием к опровержению постановленных актов суда первой инстанции. В первом случае, отменяя 12 ноября 2014 г. решение суда первой инстанции, судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда указала, что отказ государственного обвинителя от обвинения следует расценивать формально, так как данный отказ является немотивированным по сути и, соответственно, нарушающим права потерпевшего на справедливое правосудие. В силу каких причин мотивы государственного обвинителя, высказавшего суждение о неподтверждении отстаиваемого обвинения исследованными материалами дела, следует оценивать как отсутствие мотивации, вышестоящий суд, к сожалению, не поясняет [24].

В аналогичном случае судебная коллегия по уголовным делам Воронежского областного суда, отменяя 28 февраля 2013 г. решение суда первой инстанции, сослалась на то, что отказ от государственного обвинения может иметь место только по завершении исследования

всех доказательств сторон и заслушивании их итоговых прений [25]. Поскольку потерпевшие были лишены возможности к изложению своих мнений, принятое решение в итоге нельзя считать законным и обоснованным.

Еще ранее судебная коллегия Томского областного суда 19 ноября 2012 г. при установлении факта отказа государственного обвинителя от обвинения (ввиду отсутствия достаточной совокупности доказательств по делу) отменила аналогичное решение суда первой инстанции. Мотивировано это решение исключительно тем, что государственный обвинитель не дал всесторонней оценки каждому из доказательств, в силу чего мотивировка отказа является неполной и нарушающей права потерпевшей [26].

Нам, по идее, понятна столь неожиданная «забота» вышестоящих инстанций об обеспечении интересов и прав указанных потерпевших. Возможно, отчасти она и социально оправдана. Однако ни один из приведенных актов суда вышестоящей инстанции не имеет надлежащей основы ни в законе, ни в актах конституционного правосудия. Не отражают указанные примеры и общих закономерностей практики, поскольку не менее известны примеры, когда обращения потерпевших в полностью тождественных ситуациях не находили ни малейшего «отклика» ни в судах вышестоящих инстанций, ни в Конституционном Суде РФ. В итоге посредством столь избирательного отправления правосудия правовая определенность несколько не прибавляет в своем состоянии, а судьи, как следствие, все более «утверждаются» в своих установках и «в праве» манкировать волю закона.

1. Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации. Казань, 2005.

2. Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. 2013. № 3.

3. Рябинина Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Рос. следователь. 2013. № 24.

4. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. 2014. № 6.

5. Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4.

1. Kovtun N.N., Yunusov A.A. The stage of preparing a criminal case for judicial proceedings: the problems of regulatory regulation and practical implementation. Kazan, 2005.

2. Dikarev I.S. The criminal trial: «quiet revolution» was replaced by a reaction // Bull. of Volgograd state university. Ser. 5: Jurisprudence. 2013. № 3.

3. Ryabinina T.K. Return of the criminal case to the prosecutor: old problems in a new light // Russian investigator. 2013. № 24.

4. Zaitsev O.A., Pastukhov P.S. On the active role of the court in criminal procedural proof // Criminal law. 2014. № 6.

5. Smirnov G.K. Restoration of objective truth in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a goal of proof // Criminal process. 2012. № 4.

6. Брусницын Л.В. *Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших по согласию и без согласия сторон: Позиции ЕСПЧ и российского законодателя в УПК РФ // Государство и право.* 2013. № 7.

7. Калинин Л.Д. *Повторные ходатайства об исключении доказательств в российском уголовном процессе // Уголовный процесс.* 2012. № 5.

8. Куприянов А.А. *Ждем видеозапись заседания // Уголовный процесс.* 2016. № 2.

9. Трубникова Т.В. *Особый порядок принятия судебного решения: возможна ли успешная жалоба в ЕСПЧ? // Уголовный процесс.* 2016. № 2.

10. Степаненко Д.А., Днепровская М.А., Шумилина Н.Ю. *Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые вопросы практики применения // Рос. юстиция.* 2013. № 8.

11. Ляхов Ю.А. *Введение апелляции в уголовном судопроизводстве России – усиление гарантий правосудия // Рос. юстиция.* 2011. № 10.

12. *Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: в 2 ч. М., 2015. Ч. I.*

13. Ковтун Н.Н. *Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // Уголовный процесс.* 2014. № 2.

14. Алексеева Т. *Пределы принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам // Уголовное право.* 2015. № 2.

15. Дикарев И. *Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам производства в суде кассационной инстанции // Уголовное право.* 2014. № 2.

16. *О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 518-ФЗ // Рос. газ.* 2015. 12 янв.

17. Ковтун Н.Н. *Res judicata реформированной российской кассации // Рос. журн. правовых исследований.* 2015. № 4(5).

18. Фомин М.А. *Пределы обжалования приговора в суде кассационной инстанции // Уголовный процесс.* 2016. № 2.

19. *По делу о проверке конституционности положений чч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, чч. 1 и 2 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного*

6. Brusnitsyn L.V. *Announcement in court of the testimony of witnesses and victims with the consent and without the consent of the parties: The positions of the ECHR and the Russian legislature in the Criminal Procedure Code // State and law.* 2013. № 7.

7. Kalinkina L.D. *Repeated petitions to exclude evidence in the Russian criminal trial // Criminal process.* 2012. № 5.

8. Kupriyanov A.A. *We are waiting for the video recording of the proceedings // Criminal process.* 2016 № 2.

9. Trubnikova T.V. *Special procedure for making a court decision: is a successful complaint to the ECHR possible? // Criminal process.* 2016. № 2.

10. Stepanenko D.A., Dneprovskaya M.A., Shumilina N.Yu. *Pre-trial agreement on cooperation: some issues of practice of application // Russian justice.* 2013. № 8.

11. Lyakhov Yu.A. *Introduction of an appeal in the criminal proceedings of Russia – strengthening of guarantees of justice // Russian justice.* 2011. № 10.

12. *Appeal, cassation, supervision: novels of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The first results of the application: in 2 pt. Moscow, 2015. Pt. I.*

13. Kovtun N.N. *Appeal a year later: realities and forecasts // Criminal process.* 2014. № 2.

14. Alekseeva T. *Limits of the principle of legal certainty in supervisory proceedings in criminal cases // Criminal law.* 2015. № 2.

15. Dikarev I. *Clarification of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the issues of the court of cassation instance // Criminal law.* 2014. № 2.

16. *On amendments to articles 401.2 and 412.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the recognition of certain legislative acts of the Russian federation as expired: fed. law d.d. Dec. 31, 2014 № 518-FL // Russian newsp.* 2015. Jan. 12.

17. Kovtun N.N. *Res judicata of the reformed Russian cassation // Russian journal of legal studies.* 2015. № 4(5).

18. Fomin M.A. *Limits of the appeal of the verdict in the court of the cassation instance // Criminal process.* 2016. № 2.

19. *On the case of verification of the constitutionality of the provisions of pt. 2 and 4 of art. 20, pt. 6 of art. 144, p. 3 of pt. 1 of art. 145, pt. 3 of art. 318, pt. 1 and 2 of art. 319 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia*

суда г. Мурманска: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // Рос. газ. 2005. 8 июля.

20. Лапатников М.В. Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе // Рос. юстиция. 2014. № 2.

21. Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Баска Ю.Б. на нарушение его конституционных прав частью 7 статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. URL: <http://sutyajnik.ru/documents/3932.pdf>

22. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 13 июня 2006 г. №14-о06-18.

23. Ермакова Т. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? // Уголовное право. 2015. № 6.

24. Апелляционное определение Самарского областного суда от 12 нояб. 2014 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие». URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

25. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 28 февр. 2013 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие». URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

26. Кассационное определение Томского областного суда от 19 нояб. 2012 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие». URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

and the Oktyabrsky district court of Murmansk: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. June 27, 2005 № 7-P // Russian newsp. 2005. July 8.

20. Lapatnikov M.V. Prospects of a subsidiary accusation in the Russian criminal trial // Russian justice. 2014. № 2.

21. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation on the refusal to accept the complaint to the citizen Baska Yu.B. on violation of his constitutional rights by part 7 of article 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. URL: <http://sutyajnik.ru/documents/3932.pdf>

22. The cassation determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 13, 2006 № 14-o06-18.

23. Yermakova T. Refusal of the prosecution: who should support the state accusation after the court's decision to terminate the criminal case is canceled? // Criminal law. 2015. № 6.

24. The appellate ruling of the Samara regional court d.d. Nov. 12, 2014. The text of the ruling is posted in GAS «Justice». URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

25. The appellate ruling of the Voronezh regional court d.d. Febr. 28, 2013. The text of the ruling is posted in the GAS «Justice». URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

26. The cassation ruling of the Tomsk Regional Court d.d. Nov. 19, 2012. The text of the ruling is posted in the GAS «Justice». URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

Таратонов Илья Игоревич
прокуратура г. Санкт-Петербурга,
Академия Генеральной прокуратуры РФ
(e-mail: taratonov.il@yandex.ru)

Обстоятельства, подлежащие установлению при осуществлении уголовного преследования по делам о преднамеренных банкротствах, и их значение в деятельности прокурора

На основе анализа теории и практики уголовно-процессуального права в статье рассматриваются обстоятельства, подлежащие установлению при осуществлении уголовного преследования по делам о преднамеренных банкротствах. Аргументируются действия прокурора как в ходе предварительного расследования, так и при поддержании государственного обвинения, состоящие в установлении причинно-следственной связи между действиями субъекта преступления и наступившими последствиями в виде причинения ущерба.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие установлению, преднамеренное банкротство, прокурор, уголовное преследование.

I.I. Taratonov, Prosecutor's Office of St. Petersburg, Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation; e-mail: taratonov.il@yandex.ru

Circumstances to be determined in the course of criminal prosecution in cases of intentional bankruptcies, and their significance in the activity of the prosecutor

On the basis of the analysis of the theory and practice of criminal procedural law, the article considers the circumstances to be determined in the course of criminal prosecution in cases of intentional bankruptcies. The actions of the prosecutor both in the course of the preliminary investigation and in the support of the state prosecution are stated, they are the establishment of a causal relationship between the actions of the subject of the crime and the consequences that have come about in the form of causing damage.

Key words: circumstances to be determined, intentional bankruptcy, prosecutor, criminal prosecution.

Обстоятельства, подлежащие установлению по уголовным делам, являются важной составной частью уголовного преследования любого преступления.

В уголовно-процессуальном праве используется термин «предмет доказывания», установленный ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) в обстоятельствах, подлежащих доказыванию. В криминалистике данные обстоятельства конкретизируются с помощью уголовно-правовой и криминалистической характеристик преступлений, а также с помощью имеющих значение фактов, необходимых для воссоздания всей картины совершенного преступления. Данные факты в науке называют «доказательственными».

При расследовании преступлений, наряду с выводимыми из положений уголовно-процессуального и уголовного права обстоятельствами, всегда возникает необходимость выяснить и другие побочные, вспомогательные, «промежуточные» доказательственные факты,

выполняющие самую различную роль в установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания [1, с. 48].

С.Н. Чурилов под доказательственными фактами понимает средства доказывания или факты наличия следов преступления и преступника и характеристики их причинной связи с отдельными обстоятельствами преступного события [2, с. 335].

А.А. Хмыров отмечает, что «содержание, характер и количество доказательственных фактов, в отличие от предмета доказывания, не могут быть названы законом, они каждый раз определяются следователем и судом в зависимости от сложившейся ситуации» [3, с. 50–51].

Законодатель установил границы предмета доказывания, указав те обстоятельства, которые подлежат доказыванию в обязательном порядке при осуществлении уголовного преследования по всем категориям преступлений и представляют конечную цель доказывания. Однако в процессе осуществления уголовного

преследования возникает необходимость в выявлении доказательственных фактов, с помощью которых и устанавливаются обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие установлению, в криминалистике образуют совокупность обстоятельств, состоящих из предмета доказывания и имеющих значение доказательственных фактов.

При оценке материалов уголовного дела как на стадии предварительного расследования, так и при поддержании государственного обвинения в суде прокурору в первую очередь нужно обращать внимание на выявление всех обстоятельств, подлежащих установлению.

Ключевым обстоятельством, подлежащим установлению по делам о преднамеренных банкротствах, является способ совершения преступления, смысл которого заключается в создании и (или) увеличении неплатежеспособности должника. На сегодняшний день в криминалистике изучено огромное количество способов совершения преступления, предусмотренного ст. 196 Уголовного кодекса РФ, и, как справедливо отмечает Е.Б. Серова, «способы совершения указанных преступлений и способы их сокрытия постоянно совершенствуются, что значительно усложняет деятельность правоохранительных органов по их выявлению и доказыванию» [4, с. 89].

К наиболее распространенным способам относят: реализацию активов по заниженным ценам, передачу имущества в экономически нецелесообразную аренду, принятие заведомо невыгодных для себя сроков и (или) способов оплаты на поставляемые (приобретаемые) товары, работы, услуги, списание денежных средств и имущественных ценностей на приобретение ценных бумаг, реальная рыночная цена которых практически равна нулю, разделение учредителями единой имущественной структуры предприятия, формирование уставного капитала таким образом, чтобы 50,1% принадлежали другим лицам, осуществление расходов, несоразмерных со стоимостью активов предприятия, непринятие активных мер по взысканию дебиторской задолженности, передачу в залог всего имущества должника под обеспечение экономически невыгодной кредитной линии и т.д.

Суть всех известных способов совершения преднамеренного банкротства заключается в том, что обвиняемый, с одной стороны, совершает деяния, направленные на увеличение обязательств, а с другой – на уменьшение имущества должника.

Таким образом, способ совершения преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, представляет собой двусторонний комплекс действий и (или) бездействий, целью которых является увеличение разницы между имуществом и обязательствами должника. Чем больше разница между этими двумя экономическими показателями, тем вероятнее наступление несостоятельности лица.

Последствия преднамеренных банкротств чаще всего выражаются в виде нарушения прав граждан, работавших в обанкротившейся организации, на своевременную оплату труда, их вынужденного массового увольнения, наличия задолженности по налогам, сборам и страховым взносам, ущерба, причиненного иным кредиторам и самому должнику. Причем выражаются эти последствия в причинении крупного ущерба, под которым в соответствии с примечаниями к ст. 170 Уголовного кодекса РФ признается ущерб в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

Важным и сложным для установления обстоятельством по делам о преднамеренных банкротствах является наличие причинно-следственной связи между действиями субъекта преступления и наступившими последствиями в виде причинения крупного ущерба. В материалах уголовного дела должно быть установлено, что ущерб наступил именно из-за умышленного действия (бездействия) учредителей (участников), руководителей и индивидуального предпринимателя, которые повлекли за собой создание или увеличение неплатежеспособности.

Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденными постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 (далее – Правила), предусмотрено, что арбитражным управляющим делается вывод о наличии признаков преднамеренного банкротства, если руководителем должника, ответственным лицом, выполняющим управленческие функции в отношении должника, индивидуальным предпринимателем или учредителем (участником) должника совершались сделки или действия, не соответствующие существовавшим на момент их совершения рыночным условиям и обычаям делового оборота, которые стали причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности должника.

Согласно ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный управля-

ющий при выявлении признаков преднамеренного банкротства обязан сообщать в органы предварительного расследования.

Однако арбитражным управляющим не исследуются вопросы ущерба, причиненного в результате вышеуказанных действий, и наличия между ними причинно-следственной связи. Данные вопросы подлежат установлению при осуществлении уголовного преследования по делам о преднамеренных банкротствах.

Таким образом, даже если в заключении арбитражного управляющего установлены признаки преднамеренного банкротства, это еще не означает, что действия подозреваемого или обвиняемого образуют состав преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ. Арбитражный управляющий выявляет признаки преднамеренного банкротства без учета ущерба и причинно-следственной связи между преступными действиями и последствиями. Вместе с тем, вопрос о наличии причинно-следственной связи по делам о преднамеренных банкротствах может быть поставлен следователем, прокурором или судом перед экспертом при осуществлении финансово-экономической и (или) бухгалтерской экспертизы.

Субъект совершения преднамеренного банкротства четко определен в ст. 196 УК РФ: руководитель или учредитель (участник) юридического лица; индивидуальный предприниматель; гражданин. Зачастую преступления, предусмотренные ст. 196 УК РФ, совершаются не одним лицом, а организованными преступными группами. При осуществлении уголовного преследования преступной группы необходимо установить ролевые функции каждого ее участника. Многие авторы приходят к единому мнению о том, что структура преступных групп, совершающих криминальные банкротства, зависит от способа совершения преступления. Наиболее опасны группы, имеющие сложную многоуровневую структуру, во главе которых стоят организаторы, подчас не участвующие в противоправных действиях. В таких группах каждый участник выполняет определенные, только ему присущие функции по ведению бухгалтерского учета, подготовке юридических документов, реализации процедур банкротства и т.д. [5].

В то же время, как справедливо отмечает Е.Б. Серова, «далеко не всегда лица, осуществляющие различные действия с активами организации и ее отчетностью, осведомлены об истинном характере данных действий» [4, с. 87].

Так, в ходе предварительного следствия установлено, что Н., являясь участником Об-

щества, не желая официально возлагать на себя обязанности директора Общества и нести ответственность за осуществление финансово-хозяйственной деятельности при осуществлении организационно-распорядительных полномочий, на основании протокола общего собрания учредителей назначил на должность генерального директора Л., который фактически руководство деятельностью Организации не осуществлял, денежными средствами Общества не распоряжался, о преступных намерениях Н. осведомлен не был.

Н., являясь учредителем и фактическим руководителем Общества, наделенным организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями, достоверно зная о финансовой неустойчивости и зависимости Общества от заемных средств, а также о росте кредиторской задолженности, не желая за счет имущества организации погашать обязательства Общества, в том числе по налогам и сборам в бюджеты различных уровней, решил с целью увеличения неплатежеспособности организации, сокрытия и увода имущества от наложения ареста и последующей его реализации в счет погашения кредиторской задолженности совершить действия, заведомо влекущие неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и уплате обязательных платежей.

С целью реализации задуманного Н. дал генеральному директору Л., который был введен в заблуждение относительно истинных намерений Н., указание о заключении с Б. договора купли-продажи всех автотранспортных средств Общества, а также о предоставлении ему займа Обществом в сумме 21900000 руб., что привело к его несостоятельности. По результатам рассмотрения уголовного дела в суде в отношении Н. в 2016 г. состоялся обвинительный приговор [6].

При осуществлении уголовного преследования по делам о преднамеренном банкротстве организации необходимо установить: ее организационно-правовую форму, вид деятельности, является ли она бюджетной или коммерческой, кредитной или общественной, кто является ее собственником, состав учредителей, совета директоров, акционеров, характеристику трудового коллектива, особенности налогообложения юридического лица.

Кроме того, необходимо установить, кто исполняет обязанности руководителя организации (директор или конкурсный управляющий), какими правами это лицо (лица) наде-

лено (наделены), назначен ли арбитражный управляющий, круг его полномочий, переданы ли ему бывшим руководителем документы организации.

Важной отличительной чертой неплатежеспособного лица является наличие у него имущества, имущественных прав и обязательств и их характеристика. Субъекту уголовного преследования необходимо установить вид имущества, имущественных прав и обязательств, основание возникновения, наличие первичной документации, их правовой режим, местонахождение имущества, чем обеспечены имущественные права и/или обязательства, как организован их учет и т.д. Анализ финансового состояния предприятия-должника и условий заключенных за это время сделок следует проводить за последние 2–3 финансовых периода, предшествующих несостоятельности лица, в целях рассмотрения финансовой деятельности предприятия в динамике. Для этого, в том числе, целесообразно использовать результаты ранее проводившихся инвентаризаций и аудиторских проверок.

Мотивы, цели и умысел каждого участника преступной группы должны быть предметом исследования как на досудебной стадии уголовного преследования, так и в ходе рассмотрения уголовного дела в суде.

Так, М., являясь директором Предприятия, обвинялся в заключении с Обществом договора, исполнение которого существенно нарушило права и законные интересы Предприятия в виде возникновения у него обязательств перед Обществом и причинения крупного ущерба Предприятию, в результате чего был сделан вывод о совершении подсудимым преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ.

Вместе с тем, в ходе судебного следствия установлено, что директором Предприятия целенаправленно был заключен договор с Обществом, в соответствии с которым фактически функции по вывозу мусора, которые объективно Предприятие могло выполнять самостоятельно, передавались Обществу, в обогащении которого директор Предприятия был заинтересован.

Подсудимый был осведомлен об отсутствии экономической обоснованности данной сделки, а также о том, что продолжительные договорные отношения могут повлечь тяжкие последствия в виде постепенно образующейся у Предприятия задолженности по обязательствам перед Обществом, которое, в свою очередь, было привлечено для извлечения прибыли при условии отстранения Пред-

приятия от предоставления услуг населению в сфере сбора и вывоза бытовых отходов.

Директор Предприятия был заинтересован не только в предоставлении возможности Обществу заниматься прибыльным делом, но и в систематическом получении данной организацией дохода при своевременной оплате выполненных работ, в связи с чем банкротство Предприятия фактически сорвало бы выгодную для Общества сделку.

Несмотря на неоспоримые тяжкие последствия для Предприятия, по результатам предварительного расследования объективная неплатежеспособность данной организации установлена не была.

Кроме того, каких-либо активных действий со стороны Предприятия по признанию банкротом либо наличия первоначальных признаков неплатежеспособности, связанных с введением процедур банкротства, установлено не было. Ввиду того, что вся сделка была направлена на финансовое обогащение Общества, сторона обвинения не нашла объективных оснований для уголовного преследования М. по ст. 196 Уголовного кодекса РФ.

Между тем вышеуказанные обстоятельства позволили утверждать, что директором Предприятия были использованы полномочия вопреки интересам данной организации, в целях извлечения выгод и преимуществ для Общества, что повлекло причинение существенного вреда, выразившееся в образовании кредиторской задолженности, в связи с чем подсудимый в 2016 г. привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 201 Уголовного кодекса РФ [6].

Более детальный анализ умысла, мотивов и целей совершенного преступления позволил государственному обвинителю обоснованно отказаться от обвинения по ст. 196 Уголовного кодекса РФ, что впоследствии было подтверждено вступившим в законную силу обвинительным приговором суда.

Важными обстоятельствами, подлежащими установлению по делам о преднамеренных банкротствах, являются время и место совершения преступления. В литературе встречаются несколько подходов к определению места совершения преднамеренных банкротств. Так, С.Р. Акимов полагает, что местом совершения криминальных банкротств будет являться место нахождения должника, его юридический и фактический адрес, его структурных подразделений и активов [7, с. 218]. А. Шестакова отмечает, что место совершения преступления может определяться целой отраслью производства, районом регистра-

ции предприятия, местом заключения сделки, местом нахождения основных средств производства, отдельных предметов имущества, где располагаются деловые партнеры, кредитные учреждения, куда перечислялись средства [5].

Нам представляется, что место совершения преднамеренного банкротства имеет сложную характеристику, все описанные выше места, наряду с местом наступления последствий совершенного преступления, имеют криминалистическое значение и необходимы для установления при осуществлении уголовного преследования.

Одна из особенностей преднамеренного банкротства заключается в том, что оно может совершаться задолго до наступления последствий совершенного преступления и возбуждения процедуры банкротства в арбитражном суде. Действия, направленные на совершение данного вида преступления, очень часто затянуты по времени, что, несомненно, еще более затрудняет осуществление уголовного преследования.

Для наиболее полного анализа совершенного преступления оценивать сделки, движе-

ние оборотных средств должника необходимо как минимум за 2 года до возбуждения дела о банкротстве.

Причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и обстановка его совершения также являются обязательными для установления при осуществлении уголовного преследования. Используя сложную экономическую ситуацию в стране, прикрываясь «финансовым кризисом», невыгодной для предпринимателей кредитной политикой банков, преступники зачастую реализуют свои намерения по созданию неплатежеспособности предприятия и незаконному получению от этого прибыли.

Таким образом, прокурору при осуществлении уголовного преследования по делам о преднамеренных банкротствах как в ходе предварительного расследования, так и при поддержании государственного обвинения в суде необходимо добиваться установления всех вышеуказанных обстоятельств и учитывать их характеристику при изучении материалов проверок и уголовных дел.

1. Косарев С.Ю. *Основы теории криминалистических методов расследования преступлений*. СПб., 2011.

2. Чурилов С.Н. *Криминалистическая методика: История и современность*. М., 2002.

3. Хмыров А.А. *Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалист, характеристика преступлений: сб. науч. тр.* М., 1984.

4. Серова Е.Б. *Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о преднамеренных банкротствах // КриминалистЪ*. 2012. № 2(11).

5. Шестакова А. *Криминальное банкротство // Эж-Юрист*. 2008. № 33. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

6. *Архив прокуратуры Московской области*. URL: <http://mosoblproc.ru/>

7. Акимов С.Р. *Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств: дис. ... канд. юрид. наук*. Тюмень, 2006.

1. Kosarev S.Yu. *Fundamentals of the theory of criminalistic methods of investigating crimes*. St. Petersburg, 2011.

2. Churilov S.N. *Forensic methodology: History and modernity*. Moscow, 2002.

3. Khmyrov A.A. *Criminalistic characteristics of crimes: discussion issues and ways to solve them // Criminalist, crime characteristics: coll. of sci. works*. Moscow, 1984.

4. Serova E.B. *Circumstances to be established and proved in cases of intentional bankruptcies // Criminalist*. 2012. № 2(11).

5. Shestakova A. *Criminal bankruptcy // EJ-Lawyer*. 2008. № 33. Access from information-legal system «Garant».

6. *Archive of the Prosecutor's Office of the Moscow Region*. URL: <http://mosoblproc.ru/>

7. Akimov S.R. *Forensic support for the investigation of criminal bankruptcies: diss. ... Candidate of Law*. Tyumen, 2006.

Токаренко Екатерина Сергеевна
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: e.tokarenko767@mail.ru)

Правовая природа и доказательственное значение получения образцов для сравнительного исследования

В статье исследуются вопросы правовой природы, сущности, процессуальной регламентации такого следственного действия, как получение образцов для сравнительного исследования. Автор анализирует высказанные в науке мнения и обосновывает отнесение данного процессуального действия к следственным.

Ключевые слова: следственные действия, получение образцов для сравнительного исследования, доказательства, проверка доказательств.

E.S. Tokarenko, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e.tokarenko767@mail.ru

Legal nature and evidential value of receipt of standards for comparative research

In the article the questions of legal nature, essence, judicial regulation of such inquisitional action, as receipt of standards for comparative research are investigated. The author analyses opinions offered in science and grounds attributing of this judicial action to investigative.

Key words: investigative actions, receipt of standards for comparative research, proof, verification of proofs.

Актуальность выяснения правовой природы получения образцов для сравнительного исследования продиктована практической необходимостью установления доказательственного значения самих образцов, получаемых в ходе данного процессуального действия. В настоящее время вопрос о сущности и природе получения образцов для сравнительного исследования является дискуссионным.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» образцами для сравнительного исследования являются объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследования и дачи заключения [1].

Статья 202 УПК РФ регламентирует процессуальный порядок получения экспериментальных образцов для сравнительного исследования.

Будут ли образцы для сравнительного исследования доказательствами или нет, зависит от того, рассматривается ли получение образцов для сравнительного исследования в качестве следственного действия.

По мнению О.А. Чабукиани, основным признаком, по которому образцы для сравнительного исследования не могут стать вещественными доказательствами, является их заменимость и отсутствие непосредственной связи с совершенным преступлением [2,

с. 152]. Отсюда следует, что процессуальное действие, регламентированное ст. 202 УПК РФ, к следственным не относится.

О.Г. Дьяконова также утверждает, что без направления на экспертизу получение образцов не имеет значения, так как это только подготовка объектов для экспертного исследования [3, с. 102].

В.А. Гавриков приходит к выводу, что в получении образцов для сравнительного исследования отсутствует важный признак следственного действия – направленность на формирование доказательств. Сами образцы для сравнительного исследования автор называет самостоятельной категорией объектов, используемых в уголовном судопроизводстве, отмечая отсутствие их непосредственной связи с преступлением. При этом утверждает, что цель получения образцов – необходимость установления такой связи с событием преступления объектов, от которых получены образцы [4, с. 32].

Подобные мнения представляются спорными. В соответствии с позицией, изложенной С.А. Шейфером, если образцы передают индивидуальные особенности идентифицируемого объекта, то при сопоставлении с ним именно образцы позволяют ответить на вопрос, является ли образец и вещественное доказательство отражением одного и того же объекта. Таким образом, получая образцы с отображением признаков идентифицируемого объекта, следователь получает новую информацию.

Это является существенным признаком любого следственного действия. То, что следователь не может истолковать эту информацию самостоятельно, не означает, что получение образцов – лишь технический прием [5, с. 40].

Заслуживает внимания научное исследование природы процессуального действия, проведенное Ю.А. Кудрявцевой. Автор усматривает в нем все признаки следственного действия:

- 1) осуществляется в целях получения и проверки доказательств;
- 2) необходимое условие – наличие фактических и юридических оснований для его производства;
- 3) осуществляется уполномоченными на то законом лицами;
- 4) производится только в рамках расследования или судебного разбирательства;
- 5) имеет внутреннюю структуру;
- 6) регламентировано уголовно-процессуальным законом.

Указанные Ю.А. Кудрявцевой признаки следственного действия можно дополнить еще возможностью применения государственного принуждения, что также характерно для производства следственных действий, во имя достижения целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ.

Одним из фактических оснований производства получения образцов для сравнительного исследования является потребность в проверке имеющейся информации с помощью экспертного исследования, обусловливаемой задачами расследования и разрешения уголовного дела по существу.

Ю.А. Кудрявцева отмечает, что соблюдение установленного процессуального порядка получения образцов связано со свойством допустимости доказательств. В свою очередь, такой правовой режим гарантирует достоверность той информации, носителем которой являются образцы для сравнительного исследования. Таким образом, образцы представляют собой один из видов вещественных доказательств, хотя и не всегда являются непосредственными отражателями события преступления. Автор обращает внимание, что отсутствие такого процессуального документа, как постановление о признании вещественным доказательством и приобщении его к делу, в связи с процессуальными особенностями производства данного следственного действия заменяется на постановление о назначении экспертизы, в котором, наряду с вещественными доказательствами, фигурируют и образцы для сравнительного исследования. Исходя из ст. 202 УПК РФ, целью данного следственного действия является получение образцов, которые призваны проверять доказательства, отражающие эти же признаки и свойства [6, с. 23–24].

Ряд ученых поддерживают данную точку зрения, утверждая, что получение образцов

для сравнительного исследования – самостоятельное следственное действие [7, с. 117; 8, с. 32]. А.Н. Чашин выделяет в качестве основного критерия поисково-доказательственный характер получения образцов для сравнительного исследования, однако отмечает его неразрывную связь с производством экспертизы [9].

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 74 УПК РФ заключение эксперта является одним из видов доказательств. Необходимо помнить, что при оценке заключения эксперта оцениваются и образцы для сравнительного исследования, направленные для производства экспертизы. В соответствии со ст. 240 УПК РФ все доказательства, полученные в ходе досудебного производства, могут быть положены в основу приговора при условии признания их относимыми, допустимыми и достоверными [10, с. 98].

В особую группу можно выделить мнения ученых, точка зрения которых наиболее близка к вышеизложенной, но имеет свои особенности. Так, В.Ю. Стельмах получение образцов для сравнительного исследования относит к следственным действиям, но называет его «вспомогательным», так как оно находится в системной взаимосвязи с итогами судебной экспертизы. Автор солидарен с Ю.А. Кудрявцевой в части наличия в данном процессуальном действии всех признаков следственного [11, с. 79].

Е.А. Бравилова обращает внимание, что в отличие от других следственных действий название следственного действия, предусмотренного ст. 202 УПК РФ, отсутствует в названии гл. 27 УПК РФ, несмотря на то, что его производство и процессуальное оформление не отличаются от других следственных действий. В связи с чем Е.А. Бравилова делает вывод о том, что получение образцов для сравнительного исследования является следственным действием, носящим вспомогательный характер [12, с. 58].

Таким образом, из данных положений можно сделать вывод, что получение образцов для сравнительного исследования обладает всеми признаками следственного действия, имеющего своей целью проверку доказательств, уже полученных в ходе расследования уголовного дела (таких как изъятые в ходе иных следственных действий следы и вещественные доказательства, нуждающиеся в идентификации). Если же придерживаться мнения, что получение образцов для сравнительного исследования не следственное действие и образцы не несут доказательственного значения, так как для придания им доказательственного значения необходимо производство экспертизы, то аналогично следует оценивать и иные следы и предметы (например, изъятые в ходе осмотра места происшествия, обыска и др.) – как не несущие никакой доказательственной информации, поскольку извлечение этой ин-

формации требует применения специальных познаний и также производства экспертиз для установления связи с событием преступления. Изучив вышеизложенные мнения, можно сделать вывод о том, что все следственные дей-

ствия, предусмотренные УПК РФ, находятся в неразрывной системной связи и определяют производство следующего следственного действия в зависимости от стоящих перед субъектом расследования задач.

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Рос. газ. 2001. 5 июня.

2. Чабукяни О.А. Получение образцов для сравнительного исследования как процессуальное проверочное действие следователя // Науч. диалог. 2013. № 7(19): Экономика. Право. Политология. С. 149–157.

3. Дьяконова О.Г. Получение образцов для сравнительного исследования как процессуальное действие // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2015. № 4(35). С. 100–107.

4. Гавриков В.А. Получение образцов для сравнительного исследования (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

5. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004.

6. Кудрявцева Ю.А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном процессе России (процессуальная природа, порядок, доказательственное значение): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

7. Брагер Д.К. Вопросы тактико-правового характера при принудительном получении образцов для сравнительного исследования // Социогуманитарный вестн. 2012. № 1(8). С. 115–122.

8. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях самостоятельного уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

9. Чашин А.Н. Получение образцов для сравнительного исследования и экспертиза в уголовном процессе. URL: <http://s-yu.ru/articles/2011/6/5232.html>

10. Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в ходе судебного производства по уголовным делам // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 3(33). С. 98–101.

11. Стельмах В.Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2016. № 1(69). С. 79–80.

12. Бравилова Е.А. Получение образцов для сравнительного исследования: понятие, сущность, назначение и проблемы производства // Вестн. Уральск. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 4. С. 56–62.

1. About state judicial-expert activity in the Russian Federation: fed. law d.d. May 31, 2001 № 73-FL // Russian newsp. 2001. June 5.

2. Chabukiani O.A. Receipt of standards for comparative research as a judicial verification action of investigator // Sci. dialogue. 2013. № 7(19): Economy. Law. Political science. P. 149–157.

3. Diakonova O.G. Receipt of standards for comparative research as a judicial action // Bull. of Volgograd academy of Russian MIA. 2015. № 4(35). P. 100–107.

4. Gavrikov V.A. Receipt of standards for comparative research (criminal-procedural and criminalistics aspects): diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2004.

5. Sheyfer S.A. Investigative actions. Grounds, procedural order and evidential value. Moscow, 2004.

6. Kudryavtseva Yu.A. Receipt of standards for comparative research in criminal procedure of Russia (procedural nature, order, evidential value): auth. abstr. ... Candidate of Law. Chelyabinsk, 2013.

7. Brager D.K. Questions of tactical-legal character at a force receipt of standards for comparative research // Sociohumanitarian bull. 2012. № 1(8). P. 115–122.

8. Zaytseva E.A. Conception of development of institute of judicial examination in the conditions of contented criminal trial: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2008.

9. Chashin A.N. A receipt of standards for comparative research and examination are in criminal procedure. URL: <http://s-yu.ru/articles/2011/6/5232.html>

10. Kostenko R.V. The exclusion of evidence obtained in violation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation during court proceedings in criminal cases // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2016. № 3(33). P. 98–101.

11. Stelmakh V.Yu. Receipt of standards for comparative research under criminal-procedural legislation of the Russian Federation: concept, order of production and problem questions // Bull. of St. Petersburg university of Russian MIA. 2016. № 1(69). P. 79–80.

12. Bravilova E.A. Receipt of standards for comparative research: concept, essence, setting and problems of production // Bull. of Ural law institute of Russian MIA. 2016. № 4. P. 56–62.

Варданян Акоп Вараздатовичдоктор юридических наук, профессор,
Ростовский юридический институт МВД России
(e-mail: avardanyan@yandex.ru)**Айвазова Ольга Владиславовна**кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский юридический институт МВД России
(e-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru)

Диспозитивный характер заявлений юридических лиц о преступлениях экономической направленности как повод для возбуждения уголовного дела: дискуссионные вопросы теории и практики

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы механизма реализации уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях экономической направленности, обязательным условием которого является наличие заявления о возбуждении уголовного дела от имени организации, пострадавшей в результате совершения преступления. Делается вывод о целесообразности унификации двух процессуальных режимов принятия решения о возбуждении уголовного дела, предусмотренных ч. 3 ст. 20 УПК РФ и ст. 23 УПК РФ, первый из которых прямо признан частно-публичным обвинением, второй фактически отнесен некоторыми исследователями и практиками к разновидности частно-публичного обвинения, но с точки зрения закона таковым не является.

Ключевые слова: экономическая деятельность, преступления экономической направленности, организация, юридическое лицо, уголовное преследование, коммерческая организация, частно-публичное обвинение, судопроизводство, руководитель.

A.V. Vardanyan, Doctor of Law, Professor, Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: avardanyan@yandex.ru;

O.V. Aivazova, Candidate of Law, Assistant Professor, Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru

Dispositive applications of legal entities on economic crimes as a pretext for a criminal case: discussion questions of theory and practice

The article deals with debatable questions of the mechanism of realization of criminal prosecution on criminal cases about the crimes of economic orientation, a prerequisite of which is a statement of a criminal case on behalf of the organization affected by the crime. It is made the conclusion about expediency of unification of the two procedural modes of decision-making on excitation of criminal case under pt. 3 of art. 20 and art. 23 of the Criminal Procedure Code, the first of which is recognized as a private-public accusation, the second is actually related by some researchers and practitioners to the kind of private-public prosecution, but from the point of view of the law is not.

Key words: economic activities, economic crimes, organization, legal entity, criminal prosecution, commercial organization, private-public prosecution, judiciary, head.

Современная уголовно-процессуальная политика, отражая устойчивую тенденцию в России гражданского общества, необходимым атрибутом которого являются соблюдение, охрана и защита основных прав, свобод, законных интересов личности и организаций, постепенно реализует тенденцию признания значимости деловой репутации

юридических лиц, активно участвующих в предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности [1, с. 3–9; 2, с. 50–53; 3, с. 28–31]. Публичный по общему правилу характер отечественного уголовного судопроизводства в предусмотренных законом случаях приобретает элементы диспозитивности, в частности при принятии решения

о возбуждении уголовного дела и осуществлении уголовного преследования в отношении сотрудников коммерческих или иных организаций, совершивших отдельные виды преступлений экономической направленности.

Вместе с тем, данное само по себе позитивное начало, обеспечивающее юридическим лицам право на самоопределение касательно обращения в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела либо отказа от этого действия в случае, если неизбежное оглашение событий, связанных с осуществлением расследования, способно причинить существенный вред деловой репутации организации, нередко неоднозначно реализуется на практике. В теории уголовного процесса, криминалистики и иных смежных юридических наук оно также является предметом обсуждения и полемики по целому спектру взаимосвязанных вопросов [4, с. 49–52; 5, с. 55–58].

Еще в первоначальной редакции УПК РФ 2001 г. содержалась ст. 23 «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации», основное содержание которой сохранилось прежним по сей день, неоднократные изменения заключались лишь в уточнении категорий организаций, подпадающих под действие указанной нормы. Итак, в соответствии со ст. 23 УПК РФ «если деяние, предусмотренное главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия. Причинение вреда интересам организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования одновременно влечет за собой причинение вреда интересам государства или муниципального образования». Напомним, что гл. 23 УК РФ, к которой отсылает ст. 23 УПК РФ, содержит ряд посягательств, совершаемых лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях, предусмотренных ст. 201, 202, 203, 204, 204.1, 204.2 УК РФ.

В юридической литературе и в практической деятельности данный режим осуществления

уголовного преследования постепенно стал известен как прямо не урегулированная в УПК РФ фактическая разновидность обвинения (уголовного преследования) в частно-публичном порядке.

Вместе с тем, виды уголовного преследования предусмотрены в ст. 20 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ к уголовным делам частно-публичного обвинения, иницируемым не иначе как по заявлению потерпевшего, но не подлежащим прекращению в связи с примирением, согласно действующему законодательству относятся посягательства не только на здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность личности, но и на права и законные интересы индивидуальных предпринимателей и организаций. К таким деяниям относятся преступления, предусмотренные ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, совершенные «индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случаев, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество».

Таким образом, в УПК РФ постепенно, в результате реализации государственной политики по поддержанию малого и среднего бизнеса, стимулированию свободных рыночных отношений, фактически оказались закреплены две по сути сходные формы частно-публичного уголовного преследования, реализуемые в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

Процессуальные формы уголовного преследования в соответствии с ч. 3 ст. 20 и ст. 23 УПК РФ обладают общностью в плане диспозитивного характера инициации публичной изобличительной деятельности стороны обвинения, что заключается в праве потерпевшего представить заявление о преступлении, имеющее

юридическое значение для принятия решения об осуществлении уголовного преследования, при наличии комплекса оснований, касающихся:

категорий совершенных деяний;

связи преступного посягательства с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности;

организационно-правовой формы и формы собственности хозяйствующих субъектов;

направленности и характера причиненного вреда, категорий потерпевших.

Часть 4 ст. 20 УПК РФ содержит исключение из общего правила об уголовном преследовании в частном или частно-публичном порядке, позволяющее руководителю следственного органа, следователю, дознавателю с согласия прокурора возбудить уголовное дело о любом преступлении, относящемся, в том числе, к категории дел частно-публичного обвинения, если соответствующее деяние совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

Учитывая, что различные организации, функционируя в сфере как экономической инфраструктуры, так и уголовно-процессуальных правоотношений, в любом случае выражают свою позицию через руководителей или иных уполномоченных сотрудников, полагаем, что частным случаем зависимого или беспомощного состояния может являться совершение соответствующего деяния самим руководителем организации. Практика показывает, что случаи совершения преступлений экономической направленности руководителями в отношении имущества и деловой репутации возглавляемых ими организаций, к сожалению, не являются редкостью [6, с. 745–754; 7, с. 3–9; 8, с. 97–104]. И это несмотря на то, что именно руководитель организации в соответствии с гражданским законодательством не только обязан представлять законные интересы возглавляемого им юридического лица, но и вправе действовать при этом без доверенности как в различных государственных органах, так и во взаимоотношениях с иными участниками предпринимательской или иной экономической деятельности. Тем более, что законодатель в анализируемой норме демонстрирует широкий подход к трактовке невозможности для пострадавших самостоятельной защиты своих прав и законных интересов, включая в ее содержание и совершение преступления лицом, данные о котором неизвестны. Кроме того, УПК РФ вообще демонстрирует различные подходы при

обозначении адресатов различных уголовно-процессуальных правоотношений в плане дифференциации физических и юридических лиц. В некоторых случаях он прямо указывает на юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан как на участников соответствующих правоотношений. Но встречаются и варианты употребления нейтрального понятия «лицо» («лица»), под которым, как нам представляется, можно понимать как физических, так и юридических лиц, если юридическое лицо как правовая фикция способно выполнить соответствующее действие. Например, юридическое лицо не может быть допрошено, но может быть адресатом заявления о преступлении.

Вместе с тем, представляется, что в целях единообразного применения положений ч. 4 ст. 20 УПК РФ желательно нормативное отражение этого правила. В качестве одного из вариантов, на наш взгляд, возможно следующее уточнение: в последнем предложении ч. 4 ст. 20 УПК РФ после слов «к иным причинам» добавить слова: «относятся также случаи совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны, а равно случаи совершения преступлений, указанных в части 3 статьи 20 настоящего Кодекса руководителем организации».

Часть 5 ст. 20 УПК РФ констатирует, что уголовные дела, за исключением дел, указанных в ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ, считаются уголовными делами публичного обвинения. Таким образом, согласно ч. 5 ст. 20 УПК РФ действие ч. 4 ст. 20 УПК РФ не распространяется на деяния, категории которых в бланкетном порядке указаны в ст. 23 УПК РФ. То есть получается, что в отношении преступлений, указанных в ст. 23 УПК РФ (гл. 23 УК РФ), нет такой гарантии защиты прав и законных интересов в случаях, если потерпевший не способен осуществить самозащиту.

Полагаем, что вряд ли такая дифференциация форм осуществления уголовного преследования в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ и ст. 23 УПК РФ оправданна, особенно с учетом общности родового объекта преступного посягательства (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности), категорий организаций, оказавшихся в орбите уголовно-процессуальных правоотношений, и т.д. Кроме того, на практике названные виды деяний, подпадающих под действие ч. 3 ст. 20 и ст. 23 УПК РФ, нередко совершаются в совокупности.

Поэтому считаем целесообразным унифицировать режим частно-публичного уголовно-

го преследования в отношении преступлений, указанных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ и ст. 23 УПК РФ (гл. 23 УК РФ).

Итак, если преступлениями указанных категорий причинен вред исключительно интересам данной организации, то необходимым условием для принятия решения о возбуждении уголовного дела является заявление или согласие руководителя этой организации (ст. 23 УПК РФ) либо заявление потерпевшего или его законного представителя (ч. 3 ст. 20 УПК РФ).

В сравнительном аспекте категории субъектов подачи такого заявления, согласно указанным нормам, не являются принципиально различными. Интересы организации в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации реализует ее руководитель, он же с точки зрения гражданского законодательства является ее представителем по закону (иными словами, законным представителем). Другое дело, что с точки зрения УПК РФ институт законных представителей предусмотрен в отношении физических лиц, которые вследствие возраста, состояния здоровья, психических расстройств не способны самостоятельно осуществлять свои права на защиту. В отношении организаций предусмотрено участие представителей. Поэтому, учитывая, что действующая редакция ч. 3 ст. 20 УПК РФ предусматривает ряд деяний, совершенных в отношении коммерческих организаций, в числе заявителей следует также предусмотреть представителя юридического лица, которым в силу гражданского законодательства является руководитель либо, при наличии доверенности, иное уполномоченное лицо.

Согласно ст. 23 УПК РФ для инициации уголовного преследования возможно как собственное заявление руководителя юридического лица (как активное выражение позиции по вопросу о привлечении к уголовной ответственности), так и его согласие (как пассивное отражение мнения организации). Часть 3 ст. 20 УПК РФ предусматривает только заявление. Законодатель в ст. 23 УПК РФ не уточняет, письменное или устное заявление является юридически значимым. Письменное согласие по сути сближает эту форму реагирования с заявлением. Устное заявление, на наш взгляд, недостаточно достоверно отражает позицию организации по вопросу о привлечении ее сотрудника к уголовной ответственности, даже если оно будет отражено в протоколе. Поэтому в обоих случаях предпочтительно письменное заявление юридического лица о преступлении, подписанное его полномочным представителем, а также со-

держащее иные реквизиты, позволяющие индивидуализировать организацию как субъекта гражданского общества.

Таким образом, заявление от имени юридических лиц о совершенных в отношении их преступлений экономической направленности названных категорий при условии соблюдения всех требований, изложенных в ч. 3 ст. 20 и ст. 23 УПК РФ, является единственным поводом для возбуждения уголовных дел соответствующих категорий, что не вполне учитывается на практике.

Например, нередко заявление от имени организации попросту не истребуется. Это могут быть случаи реализации оперативных материалов в отношении руководителей юридических лиц [9, с. 62–66]. Данная ситуация актуальна и тогда, когда не определены характер и размер причиненного вреда. Так, руководителем структурного подразделения организации РДЖ подписан акт приема-сдачи работ, которые фактически не были завершены (один из вагонов поезда пригородного сообщения, не находящийся в момент производства работ в эксплуатации вследствие его неисправности, не был оснащен системой видеонаблюдения, устанавливаемой в рамках реализации социальной программы по борьбе с экстремизмом и терроризмом). Вред, причиненный организации, не являлся значительным, что согласовывалось с отсутствием гражданского иска к обвиняемому и в целом с позицией представителя потерпевшего, не заинтересованного в привлечении к уголовной ответственности и не выражающего заявления об этом. Само оборудование не было присвоено или утрачено обвиняемым, а находилось на ответственном хранении в данной организации. Тем не менее, уголовное дело было возбуждено по ч. 1 ст. 201 УК РФ, и в постановлении о возбуждении уголовного дела указано на факт причинения имущественного вреда интересам организации. В процессе расследования и судебного разбирательства было установлено, что, несмотря на то, что организация – подразделение РЖД не настаивает на привлечении сотрудника к уголовной ответственности, вред причинен не столько организации, сколько обществу, поскольку незавершенность работ заключалась в неустановке в одном из вагонов поезда пригородного сообщения системы видеонаблюдения в целях реализации социальной программы по борьбе с экстремизмом и терроризмом, что не способствует антитеррористической и антиэкстремистской защищенности объектов железнодорожного транспорта.

С другой стороны, необходимым условием привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 201 УК РФ является наличие у субъекта преступления специфических целей: извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства. Очевидно, что в данном случае уместно говорить об угрозе причинения вреда, но не о наступлении реального вреда. Тем не менее, указанные доводы стороны защиты были отвергнуты, а подсудимый осужден [10].

Полагаем, что нормативно закрепленный диспозитивный характер заявлений об указанных преступлениях не является случайным. Принцип диспозитивности в принятии решения о привлечении к уголовной ответственности за отдельные категории преступлений экономической направленности, со-

вершенных в отношении юридических лиц, восходит к конституционным гарантиям свободы предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, что необходимо учитывать при рассмотрении информации о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. Неотъемлемым условием принятия верного решения об инициации уголовного преследования либо об отказе от такового выступает более тщательное, а не формальное, как, к сожалению, иногда бывает на практике, исследование в стадии возбуждения уголовного дела не только размера, но и характера вреда, причиненного преступлением. Если же характер вреда изначально был определен ошибочно и вред был причинен исключительно имуществу или деловой репутации юридического лица, то уголовное дело подлежит прекращению по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению.

1. Варданян А.В., Гончаров К.В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2015. № 4-2. С. 3–9.

2. Варданян А.В. Методологические проблемы классификации исходных следственных ситуаций, типичных для расследования злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 1(56). С. 50–53.

3. Варданян А.В. Учение о следственной ситуации как теоретико-методологический ориентир для совершенствования организации расследования злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 2(57). С. 28–31.

4. Варданян А.В., Гончаров К.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 2(69). С. 49–52.

5. Варданян А.В. Осуществление управленческих полномочий в коммерческой или иной организации вопреки интересам службы: ак-

1. Vardanyan A.V., Goncharov K.V. Mechanism of the abuse of power subjects of administrative functions in commercial and other organizations as the methodological basis for the formation of private criminalistics methods of crime investigation // Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences. 2015. № 4-2. P. 3–9.

2. Vardanyan A.V. Methodological problems of classification of initial investigative situations, typical for the investigation of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial or other organizations // Lawyer. 2013. № 1(56). P. 50–53.

3. Vardanyan A.V. The doctrine of the investigative situation as a theoretical and methodological guideline to improve the organization of the investigation of abuse of authority in commercial and other organizations // Lawyer. 2013. № 2(57). P. 28–31.

4. Vardanyan A.V., Goncharov V.K. Abuse of managerial powers in a commercial or other organization: the experience of law enforcement practice and some problems of excitation of criminal case and preliminary investigation // Lawyer. 2015. № 2(69). P. 49–52.

5. Vardanyan A.V. Managerial powers in a commercial or other organization contrary to the service interests: actual problems of investigation // Philosophy of law. 2014. № 6(67). P. 55–58.

6. Vardanyan A.V., Kazakov V.V. Forensic analysis of the subjects of offences related

туальные проблемы расследования // *Философия права*. 2014. № 6(67). С. 55–58.

6. Варданян А.В., Казаков В.В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования // *Всерос. криминологический журн.* 2015. Т. 9. № 4. С. 745–754.

7. Варданян А.В., Варов И.И. Дискуссионные вопросы формирования исходных следственных ситуаций, типичных для первоначального этапа злоупотреблений полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // *Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки*. 2013. № 2-2. С. 3–9.

8. Варданян Г.А. Криминалистически значимые особенности организованных групп, осуществляющих серийное производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, как информационный ориентир для организации раскрытия и расследования указанных преступлений // *Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки*. 2014. № 3-2. С. 97–104.

9. Павличенко Н.В. Новая уголовная политика в сфере борьбы с экономическими преступлениями сквозь призму оперативно-разыскной деятельности // *Юрид. наука и правоохранительная практика*. 2013. № 1(23). С. 62–66.

10. Уголовное дело 1-59/2010. Железнодорожный районный суд г. Ростова-на-Дону, 2010 г.

to impeding the legitimate business or other activities, as the factor of increase of effectiveness of investigation // *Russian criminological journal*. 2015. Vol. 9. № 4. P. 745–754.

7. Vardanyan A.V., Varov I.I. Controversial issues of generate the initial investigative situations, typical for the initial stage of the abuse of power by persons performing managerial functions in commercial or other organizations // *Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences*. 2013. № 2-2. P. 3–9.

8. Vardanyan G.A. Forensically significant features of organized groups engaged in mass production and trafficking of counterfeit medicines, as an information reference point for the organization of disclosure and investigation of these crimes // *Bull. of Tula state university. Economic and legal sciences*. 2014. № 3-2. P. 97–104.

9. Pavlichenko N.V. The new criminal policy in the sphere of fight against economic crimes through the prism of operational-investigative activity // *Legal science and law enforcement practice*. 2013. № 1(23). P. 62–66.

10. Criminal case 1-59/2010. Railway district court of Rostov-on-Don, 2010.

Гусев Алексей Васильевич

доктор юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79183534517)

Проблемы соотношения содержания понятий «след» и «фрагмент следа»

В статье рассматриваются актуальные вопросы криминалистической классификации материальных следов-отображений. Обосновывается необходимость проведения дополнительной классификации материальных следов в трасологии путем введения дополнительного классификационного элемента – «фрагмент следа-отображения». Определяются сущность фрагмента следа-отображения и его отличие от полного отображения следа. Высказывается предложение о введении определенных классификационных признаков фрагментов следов-отображений, позволяющих определить степень криминалистической значимости фрагмента для решения идентификационных и диагностических вопросов криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, следы преступления, следы-отображения, классификация материальных следов.

A.V. Gusev, Doctor of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183534517.

Problems of correlation of the notions «trace» and «track fragment»

The article considers topical issues of forensic classification of material traces display. The necessity of an additional classification of material traces in the trace evidence analysis by introducing additional classification element – «fragment of the trace display» is substantiated. The essence of the fragment of the trace display and its difference from the full display track are considered. There is a proposal for the introduction of certain classification signs of fragments of the traces display, determining the forensic significance of the fragment to solve the identification and diagnostic forensics.

Key words: forensic science, trace evidence analysis, traces of crime, traces display, classification of material traces.

Криминалистическая наука сформировалась, в том числе, благодаря исследованиям, проведенным в области механизма следообразования различных материальных следов. Этому вопросу посвятили свои научные труды многие отечественные и зарубежные ученые, сформулировавшие научную основу криминалистической трасологии: Г. Гросс [1], С.Н. Трегубов [2], И.Н. Якимов [3], С.М. Потапов [4], П.С. Семеновский [5], Б.И. Шевченко [6; 7], Г.Л. Грановский [8], И.Ф. Крылов [9], Н.П. Майлис [10], А.Н. Василевский [11] и др. Со временем знание криминалистической трасологии систематизировалось и расширялось путем добавления в его содержание новых открытых учеными видов следов и описания их признаков, а также выявления ранее не изученных специфических особенностей следообразующего процесса.

В настоящее время криминалистическая трасология относится к достаточно полно систематизированному элементу криминалистической теории, в котором четко сформулирована классификация материальных следов,

различаемых в зависимости от следообразующего объекта, условий формирования следа, степени восприятия следов. Несмотря на это, процесс совершенствования знаний в области криминалистической трасологии продолжается. В первую очередь это касается вопросов расширения классификации уже известных видов следов, в том числе в результате разработки новых направлений трасологических исследований, к которым, например, следует отнести микротрасологию (трасологические исследования микроследов) и зоотрасологию (трасологические исследования следов животных). Позитивное значение для дальнейшего развития знаний трасологии имеет и терминологическое уточнение понимания следа как единого элемента, носителя криминалистически значимой информации и его фрагмента – носителя неполной информации криминалистического значения.

Большинство научных исследований в области трасологии посвящены вопросам изучения классификационных признаков следа как целостного информационного элемента.

Вопросы научного анализа фрагментов материальных следов практически не исследуются, что оказывает негативное влияние на решение классификационных и диагностических вопросов по отношению к слеодообразующему объекту. Особенно это касается следов-отображений, исследование фрагментов которых не всегда позволяет их классифицировать по отношению к определенному виду слеодообразующей поверхности. В первую очередь это связано с недостаточно изученным механизмом образования и исследования фрагментов следов-отображений.

Проведение научных исследований в обозначенной проблематике позволит дополнить знания криминалистической трасологии информацией, которая позволит оперировать более точными понятиями в случае выявления фрагментов следов-отображений. Терминологическое разграничение понимания целого следа и его фрагмента создаст условия для формирования единого подхода к описанию в процессуальных документах данных видов отображений. Указанное уточнение создаст условия, исключающие возможные ошибки в практике следственной и судебно-экспертной деятельности, связанные с пониманием того, в каком виде (целый, часть целого) след был обнаружен и в каком виде (целый; часть целого) он изучался в ходе судебно-экспертного исследования.

Говоря о необходимости уточненной классификации в трасологии признаков фрагмента следа, необходимо отметить, что происхождение слова «фрагмент» связано с латинским языком, в котором таким образом обозначался обломок, кусок, осколок [12]. В русском языке под фрагментом понимается отрывок текста, художественного, музыкального произведения или обломок, остаток древнего произведения искусства [13]. Со временем русская транскрипция слова «фрагмент» стала использоваться как синоним слова «часть» [14]. В русской речи есть и производное от слова «фрагмент» слово «фрагментарность», смысловое содержание которого представляет собой обрывочность, неполноту, частичность [15]. Таким образом, широкое понимание фрагмента следа в криминалистике может определяться как часть чего-то целого, имеющего отношение к событию преступления и лицам, вовлеченным в механизм этого события.

Общее криминалистическое понимание «фрагмента» в качестве части чего-то целого имеет и более узкое понимание по отношению к изучаемым криминалистической трасологией

следам-отображениям, которые наиболее часто становятся объектом судебно-трасологической экспертизы. Полагаем, что в этом случае фрагмент следа-отображения может рассматриваться как какое-либо частичное (неполное) отображение поверхности слеодообразующего объекта на поверхности объекта следовоспринимающего. Наряду с пониманием фрагмента следа-отображения, необходимо уточнить трасологические критерии, позволяющие определять признаки части целого следа. Выработка обозначенных критериев может осуществляться в рамках такой физической величины [16], которая характеризует размер части следа-отображения по отношению к общей площади слеодообразующей поверхности.

Поскольку не всегда есть возможность по фрагменту следа определить действительные размеры контактной поверхности слеодообразующего объекта, возникают затруднения в классификации данного следа в качестве целой части или части целого (фрагмента). Решение этой задачи должно осуществляться в ходе предварительного диагностического исследования обнаруженного следа-отображения. При таком исследовании классификационное отнесение следа к целой части или фрагменту этой части зависит от соотношения размерных величин изучаемого следа и размерных величин предполагаемой контактной поверхности слеодообразующего объекта.

Во многих случаях такое диагностирование не составит труда. Например, несложно определить по следу обуви, является ли он фрагментом или полностью передает подошвенную часть обуви, оставившей след. Однако в ряде случаев такое диагностирование затруднено в силу отсутствия возможности установления групповых признаков слеодообразующего объекта, а соответственно, определения величины его предполагаемой зоны контакта. Невозможность классифицировать размерную величину изучаемого следа-отображения по отношению к сформировавшей его контактной поверхности не дает основания определять данный след в качестве фрагмента. Такое предложение объясняется тем, что фрагмент следа может быть определен только тогда, когда будет понятно, что он является только частью контактной поверхности слеодообразующего объекта.

В основе предлагаемого разграничения терминов «след» и «фрагмент следа» должна лежать устанавливаемая в ходе предварительного или судебно-экспертного исследования информация о том, является или нет обнаруженный след частью контактной поверхности слеодо-

образующего объекта. В качестве фрагмента следа-отображения не стоит рассматривать след, где полностью передается строение контактной поверхности следообразующего объекта, а также след, форма и размеры которого не позволяют диагностировать истинные размеры контактной поверхности объекта следообразования.

Считаем возможным рассматривать след как фрагмент только тогда, когда его площадь составляет менее 100% от размеров площади контактной поверхности следообразующего объекта. Сложность механизма следообразования может приводить к тому, что площадь отражаемого следа может быть уменьшена от 99% до 1% от суммарной площади контактной поверхности следообразующего объекта. В этом случае необходимо установить дополнительные классификационные критерии, зависящие от размеров контактной поверхности следообразующего объекта и размеров следа-отображения: 1) крупный фрагмент следа – от 99% до 71% площади контактной поверхности следообразующего объекта; 2) средний фрагмент следа – от 71% до 40% площади контактной поверхности следообразующего объекта; 3) небольшой фрагмент следа – от 41% до 10% площади контактной поверхности следообразующего объекта; 4) малый фрагмент следа – от 9% до 1% площади контактной поверхности следообразующего объекта.

Указанные критерии классификации фрагментов следов-отображений выбраны произвольно с учетом приблизительной диагностической возможности определения действительных размеров контактной поверхности. Данное разграничение позволит иметь представления о том, какую часть контактной поверхности следообразующего объекта отражает обнаруженный фрагмент следа-отображения. Части следов-отображений также можно классифицировать по их форме. Это необходимо потому, что фрагмент следа-отображения полностью не отражает формы контактной поверхности следообразующего объекта, но позволяет ее диагностировать в соответствии с установленными классификационными признаками.

Форма фрагмента следа-отображения должна определяться исходя из известных геометрических фигур, описание которых в совокупности с указанием размерных характеристик рассматриваемого следа позволит наиболее полно передать информацию о его признаках (например, обнаружен (исследуется) малый треугольный фрагмент следа-отображения обуви). В ряде случаев форма фрагмента следа-отобра-

жения может быть неопределенной. Для таких ситуаций следует предусмотреть классификационный признак «бесформенный». Такое уточнение даст возможность указать на отсутствие у фрагмента следа-отображения какого-либо строения его границ, позволяющего определить конкретную геометрическую форму (например, обнаружен (исследуется) средний бесформенный фрагмент следа-отображения обуви). Со временем, по мере установления новых криминалистических свойств и признаков данного вида материальных отражений, возможно, криминалистические критерии, определяющие форму и размеры фрагмента следа-отображения, могут быть дополнены.

Рассматривая криминалистическое значение фрагмента следа-отображения, необходимо указать на такую его информационную значимость, которая присуща любому материальному следу. Недопустимо принижение информационной сущности фрагментов следов-отображений. Своевременное изъятие и исследование таких следов оказывает положительное влияние на формирование доказательственной базы по уголовному делу. Высказанные в данной статье предложения направлены на единое понимание в трасологии того, какой из следов-отображений может быть отнесен к целому элементу или к части этого элемента. Возможно, использование предлагаемого классификационного подхода исключит разночтения в определении свойств и признаков фрагментов следов-отображений, указанных в протоколах следственных действий, и фрагментов следов, ставших объектом судебно-экспертного исследования.

Дополнение классификационной системы следов и их фрагментов в криминалистике сформирует, в том числе, условия для эффективной работы специалистов-криминалистов, осуществляющих поиск, обнаружение, фиксацию, изъятие и предварительное исследование материальных следов преступления. Особенно это касается вопроса введения данной классификации в структуру типовых информационно-следовых комплексов, предложенных нами как средство более полного познания следовой картины места происшествия [17, с. 546–549]. Разработка указанных информационно-следовых комплексов и их использование в практической деятельности специалистов-криминалистов направлены на точное применение технико-криминалистических средств, приемов и методов в процессе обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования материальных следов преступления, а также их фрагментов [18, с. 221].

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002.
2. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. М., 1915.
3. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М., 2003.
4. Потапов С.М. Криминалистика. М., 1939; 1945.
5. Семеновский П.С. Дактилоскопия как метод регистрации. М., 1923.
6. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасологии. М., 1947.
7. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975.
8. Грановский Г.Л. Основы трасологии. Общая часть. М., 1965.
9. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. Л., 1976.
10. Майлис Н.П. Судебная трасология: учеб. для студентов юрид. вузов. М., 2003.
11. Василевский А.Н. Трасологические исследования при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962.
12. Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.02.2017).
13. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.vedu.ru> (дата обращения: 10.02.2017).
14. Книги по экономике, праву и финансам. URL: <http://lybs.ru> (дата обращения: 10.02.2017).
15. Словарь русских синонимов. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 10.02.2017).
16. Физические величины. URL: <http://www.calc.ru> (дата обращения: 10.02.2017).
17. Гусев А.В. Формирование информационно-следовых комплексов мест происшествий в целях эффективной алгоритмизации процесса поисково-познавательной деятельности субъекта расследования // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Лузгина и 80-летию со дня рождения профессора Е.И. Зуева): сб. материалов 50-х криминалистических чтений: в 2 ч. М., 2009. Ч. 1.
18. Гусев А.В. Актуальные направления криминалистического исследования механизма реализации познаний специалиста // Общество и право. 2015. № 1(51).
1. Gross G. Guidelines for court investigators as the system of criminalistics. New ed., repr. of the ed. of 1908. Moscow, 2002.
2. Tregubov S.N. Fundamentals of criminal techniques. Scientific and technical methods of crime investigation. Moscow, 1915.
3. Yakimov I.N. Forensics. Guide to the criminal technics. New ed., repr. from ed. of 1925. Moscow, 2003.
4. Potapov M.S. Forensic science. Moscow, 1939; 1945.
5. Semenovskiy P.S. Fingerprinting as a method of registration. Moscow, 1923.
6. Shevchenko B.I. Scientific basis of modern trace evidence analysis. Moscow, 1947.
7. Theoretical basis of the track identification in forensic science. Moscow, 1975.
8. Granovsky G.L. Fundamentals of trace analysis. General part. Moscow, 1965.
9. Krylov I.F. Criminalistic doctrine about traces. Leningrad, 1976.
10. Mailis N.P. Forensic trace evidence analysis: textbook for law students. Moscow, 2003.
11. Vasilevskiy A.N. Forensic trace evidence analysis in an investigation of the crimes: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 1962.
12. Wikipedia – the free encyclopedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (date of access: 10.02.2017).
13. Dictionary of the Russian language. URL: <http://www.vedu.ru> (date of access: 10.02.2017).
14. Books on economics, law and finance. URL: <http://lybs.ru> (date of access: 10.02.2017).
15. Dictionary of Russian synonyms. URL: <http://dic.academic.ru> (date of access: 10.02.2017).
16. Physical quantity. URL: <http://www.calc.ru> (date of access: 10.02.2017).
17. Gusev A.V. Formation of information-tracking complexes of the incidents in order to effectively algorithm of the process of the search cognitive activity of the subject of investigation // Theory and practice of using special knowledge in the detection and investigation of crimes (the 90th anniversary of the birth of professor I.M. Luzgin and the 80th birthday of professor E.I. Zuev): coll. of papers of the 50's forensic readings: in 2 pt. Moscow, 2009. Pt. 1.
18. Gusev A.V. Current trends in forensic studies of realization of mechanism of specialist knowledge // Society and law. 2015. № 1(51).

Куемжиева Светлана Александровнакандидат юридических наук, профессор,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
(тел.: +78612215893)

Криминалистическая классификация преступлений против семьи и несовершеннолетних

В статье изложены основные положения криминалистической классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних. Исследованы основания классификации: объект и предмет преступления, способы совершения и сокрытия, сфера совершения преступлений против семьи. Дана характеристика расследования с использованием теоретических положений классификации преступлений, обоснован вывод о двух группах преступлений: против семьи и несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминалистическая классификация преступлений, уголовно-правовые основания криминалистической классификации преступлений, предмет преступления, функции семьи, расследование как деятельность.

S.A. Kuemzhieva, Candidate of Law, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; tel.: +78612215893.

Criminalistic classification of crimes against family and minors

In article basic provisions of criminalistic classification of crimes against a family and minors are stated. The bases of classification are investigated: object and subject of a crime, ways of commission and concealment, sphere of commission of crimes against a family. The characteristics of the investigation with the use of theoretical provisions of the classification of crimes are given, the conclusion about two groups of crimes is justified: against the family and minors.

Key words: criminalistic classification of crimes, criminal law grounds of criminalistic classification of crimes, subject of crime, family functions, investigation as an activity.

Криминалистическая классификация преступлений является важным условием рационального познания преступления, его отражения в форме следов и иных фактических данных, условием качественного расследования.

Теория и практика расследования опираются на уголовно-правовую классификацию преступлений, зафиксированную в Уголовном кодексе. Преступления распределены по главам Кодекса в зависимости от объектов посягательства, что необходимо и обоснованно. Однако такое распределение не всегда обеспечивает потребности криминалистики и практики расследования [1, с. 6; 2, с. 118].

При классификации преступлений необходимо учитывать ряд принципиальных положений. Построение классификации предполагает конкретизировать сочетание указанных оснований: преступление, среда, в которой оно совершено, расследование и признаки, характеризующие эти основания. Содержание

преступления отражено в криминалистической характеристике. В ней же содержатся сведения о среде совершения преступления [1; 2]. Расследование как деятельность также имеет свои характеризующие признаки [об этом см.: 3, с. 4–34; 4, с. 154–176; 5; 6, с. 18–27]. Анализ указанных признаков позволяет осуществлять классификацию преступлений по криминалистическим основаниям. Использование в классификации преступлений различных оснований несколько не противоречит теории классификации. В.А. Образцов пишет по этому поводу, что в качестве оснований криминалистической классификации преступлений выступают признаки не только классифицируемых объектов, но и других связанных с ними систем [1, с. 47–49]. Полагаем, что такие суждения вполне обоснованны. Более того, классифицировать преступления только по уголовно-правовым основаниям можно и нужно. Но такая классификация не учитывает признаки всех систем, связанных с преступлением как

объектом, а потому несовершенно. Считаем криминалистическую классификацию, использующую признаки различных взаимосвязанных систем (преступление – среда совершения – расследование), более обоснованной.

На основании изложенных общих положений криминалистической классификации преступлений, исходя из целей настоящей работы, попытаемся рассмотреть проблемы криминалистической классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Ведущим основанием классификации преступлений является уголовно-правовая. С ее позиций гл. 20 УК РФ содержит преступления против семьи и несовершеннолетних. Классификация осуществляется по объекту преступного посягательства. Видовым объектом преступлений, объединенных в гл. 20 УК РФ, является совокупность общественных отношений по охране семьи и нормального физического и нравственного развития несовершеннолетних. В зависимости от непосредственного объекта преступления подразделяются на две группы:

1) преступления против семьи (ст. 153, 154, 155, 157 УК РФ);

2) преступления против несовершеннолетних (ст. 150, 151, 156 УК РФ) [7, с. 560].

Представители науки уголовного права считают подобное подразделение условным, поскольку ряд преступлений посягают как на интересы семьи, так и на интересы детей. Происходит это потому, что такие интересы взаимосвязаны и разделить их можно только на теоретическом уровне с целью обеспечения процесса изучения темы [8, с. 345–346].

Отметим, что уголовный закон предусматривает ряд других преступлений, направленных на физическое и нравственное развитие несовершеннолетних (ст. 134, п. «б» ч. 2 ст. 127.1, ст. 210 УК РФ). Это также преступления против несовершеннолетних. Но с точки зрения уголовного права названные преступления имеют иной видовой и непосредственный объект. Сразу отметим, что в отдельных случаях это далеко не бесспорно.

Учитывая положения уголовно-правовой характеристики рассматриваемых преступлений, классификационные методики будем рассматривать на основе характеристики объекта, предмета преступлений; способа совершения и сокрытия, механизма преступления. При этом всегда будем иметь в виду три ведущие основания классификации: преступление, сферу совершения преступления и характеристику расследования.

Предмет преступного посягательства в рассматриваемых преступлениях – семья как организационно-правовое формирование, ее функционирование, в том числе осуществление основной функции – воспитания детей, деятельности по их физическому и нравственному развитию. Как отмечалось, нередко сложно разделить направленность преступного посягательства (семья и дети), даже с точки зрения уголовного права. Поэтому все преступления, включенные в гл. 20 УК РФ, – это преступления против семьи и несовершеннолетних. Но направленность преступных действий дает основания все-таки выделять преступления, где основной непосредственный объект – семья. В гл. 20 УК РФ к ним относятся практически все преступления, кроме тех, где непосредственным объектом являются права несовершеннолетнего. Это преступления, предусмотренные ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий». Есть мнение [7, с. 560], что к рассматриваемой подгруппе преступлений относится и ст. 156 «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Это спорная точка зрения. Большая часть предусмотренных ст. 156 деяний совершается в семье. Но рассматриваемая правовая норма предусматривает и иные места совершения преступления и специальных субъектов. Поэтому данное преступление наглядно демонстрирует условность деления составов, направленных против семьи и против несовершеннолетних. Поэтому состав, предусмотренный ст. 156, можно относить к преступлениям против семьи и несовершеннолетних.

Криминалистические признаки объекта представляют более широкую систему, чем содержание и отражение преступления. Составным элементом объекта является личность потерпевшего. В рассматриваемых преступлениях она имеет особое значение, так как в ее качестве выступает несовершеннолетний. Но в качестве потерпевшего несовершеннолетний может быть по различным преступлениям. Означает ли это, что такие преступления (например, изнасилование, развратные действия, торговля людьми, похищение человека и др.) относятся к категории преступлений против несовершеннолетних? В широком понимании – да, относятся. Но в перечисленных и других преступлениях личность несовершеннолетнего, его права и законные интересы составляют

лишь часть объекта этих составов. В качестве основного объекта выступают другие общественные отношения.

Для криминалистической классификации преступления значительными являются признаки преступления и сферы его совершения, а не только объект преступления в его уголовно-правовом значении. Рассматриваемые преступления совершаются в семье. Как отмечалось, в плане среды семья рассматривается не только как формирование, ячейка общества. Функции семьи осуществляются и за ее пределами, в том числе воспитание детей и обеспечение их физического и духовного развития. Любые преступления против несовершеннолетних в той или иной степени задевают функции семьи, осуществляемые вне пределов семьи. С учетом связи указанных функций с семьей надо рассматривать их реализацию как сферу действия семьи. Проявление связей при расследовании функций семьи может быть слабым, практически малозаметным и значимым. В известной мере зависит это и от вида преступления, механизма его совершения. Но в любом случае осуществление функций семьи вне семьи (в детских учреждениях и других объектах) является средой совершения преступных посягательств против несовершеннолетних. При любой степени проявления связей с семьей. Этот признак влечет за собой проявление особенностей расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Таким образом, криминалистические признаки – характеристика потерпевшего и среды совершения преступления – являются основанием для классификации преступлений, не входящих в гл. 20 УК РФ, как относящихся к преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Такие преступления могут совершаться в семье (например, развратные действия и др.). Они могут совершаться вне семьи, но связаны с семьей средой совершения преступления.

Потерпевший несовершеннолетний может жить в семье. В этих случаях все преступления, направленные на причинение ущерба потерпевшему, в первую очередь, посягающие на нравственное и физическое развитие его личности, следует относить к рассматриваемой категории. В качестве основания такой классификации выступают уголовно-правовые признаки и признаки криминалистической характеристики преступления. Они сходны с признаками преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Среди преступлений против несовершеннолетних можно выделить такие, когда диспозиции норм уголовного закона прямо указывают на возраст потерпевшего как на составной элемент преступления. К ним относятся ст. 135 УК РФ «Развратные действия» (в отношении несовершеннолетних), ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». От последнего состава незначительно отличается преступление, предусмотренное ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера». То же можно сказать и о ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» (в отношении несовершеннолетних). Преступления, предусмотренные указанными статьями УК, в части несовершеннолетних относятся, на наш взгляд, к преступлениям рассматриваемой категории. Практически все преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенные в семье или вне семьи, но связанные со средой осуществления функций семьи, можно классифицировать как преступления против несовершеннолетних.

В среде совершения перечисленных преступлений при классификации учитывается сходство признаков по характеру непосредственного предмета преступного посягательства; по месту расположения предмета посягательства. В качестве непосредственного предмета выступает половая неприкосновенность несовершеннолетнего, а также его физическое и нравственное развитие. Последние признаки существенны для преступлений против несовершеннолетних. Именно поэтому половые преступления против несовершеннолетних и относятся к преступлениям рассматриваемой категории.

Местом расположения непосредственного предмета преступного посягательства в данном случае является среда осуществления функций семьи.

Способы совершения рассмотренных преступлений против несовершеннолетних также сходны. Это физическое и нравственное насилие. Выражается в угрозах, в нанесении побоев, в половом акте либо иных насильственных действиях сексуального характера.

По признакам предмета посягательства и способу совершения преступления, предусмотренные ст. 150 и 151 УК РФ, сходны с вовлечением несовершеннолетних в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ). По существу данное преступление является частным случаем во-

влечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий. То же самое можно сказать и об истязании несовершеннолетнего (ст. 117 УК РФ) и о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Можно сделать вывод, что рассмотренные преступления против несовершеннолетних по указанным сходным признакам уголовно-правового и криминалистического характера можно отнести к одной криминалистической классификационной группе.

Преступления против семьи также не все сосредоточены в гл. 20 УК РФ. Расположенные вне этой главы преступления сходны по признакам непосредственного предмета и его расположения.

Объектом и непосредственным предметом торговли детьми и иных сделок с ними является, помимо свободы, чести и достоинства личности вообще, охрана интересов семьи, а также нравственное и физическое развитие несовершеннолетних. Достаточно сказать, что до 8 декабря 2003 г. торговля несовершеннолетними находилась в составе главы Уголовного кодекса о преступлениях против семьи. Сходство признаков непосредственного предмета преступного посягательства, расположение предмета – в семье или в сфере функционирования семьи – позволяют сделать единственно верный вывод о том, что криминалистическая классификация относит торговлю несовершеннолетними к преступлениям против семьи и несовершеннолетних.

К торговле несовершеннолетними примыкает, а иногда совершается в сочетании, его похищение, незаконное лишение свободы. Непосредственным предметом преступного посягательства являются интересы семьи и защита этих интересов, а также физическое и нравственное состояние несовершеннолетнего. Похищение направлено не только на свободу личности. Похищаются дети и другие несовершеннолетние по различным мотивам, чаще корыстным. Вторым непосредственным предметом преступления является семья, интересы семьи, а также несовершеннолетний.

Лишение свободы несовершеннолетнего часто связано как с похищением, так и с торговлей детьми. Предмет преступного посягательства представляет собой интересы семьи и воспитания детей, а также физическое и нравственное состояние несовершеннолетних. Встречаются, хотя и редко, случаи лишения свободы детей в семье, совершаемые родителями или другими родственниками несовершеннолетних.

Таким образом, на основе анализа уголовно-правовых признаков, а также криминалистических признаков предмета посягательства, среды преступления, личности потерпевших можно классифицировать подгруппы преступлений против семьи и несовершеннолетних: а) преступления против семьи; преступления против несовершеннолетних, предусмотренные в гл. 20 УК РФ; б) преступления в сфере половой неприкосновенности несовершеннолетних (гл. 18 УК РФ), совершаемые в семье и в сфере функционирования семьи; в) преступления против семьи и несовершеннолетних, не включенные в гл. 20 УК РФ, а расположенными в гл. 17 и других главах УК РФ.

Мы рассмотрели процесс криминалистической классификации преступлений несовершеннолетних по признакам уголовно-правовой характеристики и частично криминалистической характеристики преступления. Для полноты классификации необходимо исследовать и признаки расследования указанных преступлений и рассмотреть этот процесс в сочетании всех признаков.

Расследование как деятельность состоит из трех подсистем: получение доказательств и доказывание (в основном процессуальная деятельность следователя); поиск и получение ориентирующей информации (в основном оперативно-розыскная деятельность); применение специальных знаний в процессуальной и непроцессуальной деятельности (в основном производство экспертиз). Можно выделить и организационно-аналитическую и организационно-познавательную деятельность [3, с. 4–6]. На наш взгляд, последнее вряд ли верно, так как организационно-аналитический и познавательский аспекты присущи любому виду деятельности, в том числе и названным трем.

В настоящей работе нас интересует в первую очередь основная составляющая расследования как деятельности – получение доказательств и доказывание, а также сходные признаки в расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних. Попытаемся выявить эти признаки в криминалистической характеристике указанных преступлений и в организации производства следственных и иных действий и их сочетаний – тактических операций.

Продолжая анализ преступления и среды, в которой оно совершается, рассмотрим способ совершения преступления.

Способ совершения преступления, как сочетание методов действий по подготовке

к совершению преступления, детерминируется обстановкой, качествами личности преступника. В настоящем анализе можно выделить способы совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних, так как они довольно существенно различаются. При совершении преступлений против семьи действия преступника носят обычно скрытый ненасильственный характер. Особенно это присуще тем преступлениям, которые внешне мало чем отличаются от административных правонарушений (незаконное усыновление, злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей и др.). Для другой части преступлений против семьи, где непосредственным предметом преступного посягательства является несовершеннолетний (торговля детьми, похищение детей и др.), действия носят чаще насильственный характер и именно так проявляются вовне. Но в первом и во втором случаях способ совершения преступлений направлен против семьи, что и позволяет с позиций криминалистики объединять преступления в одну группу.

Преступления против несовершеннолетних, как входящие в гл. 20 УК РФ, так и расположенные в других частях Уголовного кодекса, совершаются посредством открытых насильственных действий. Это угрозы, насилие, нанесение побоев, причинение телесных повреждений. По этим признакам способы совершения рассматриваемых преступлений сходны между собой.

Особую группу таких преступлений составляют посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Способы совершения таких преступлений в большинстве выражаются в насильственных действиях. Особенность состоит в том, что совершаются они в семье, членом семьи (отец, отчим) или иными родственниками, проживающими в семье или состоящими в сфере ее функционирования.

У большинства упомянутых преступлений сходны признаки обстановки. Это семья, включая места проживания и иные территории, связанные с жизнедеятельностью семьи. Вторая группа – помещения различных государственных учреждений, связанных с содержанием и воспитанием детей: родильные дома, детские дома и др.

Для всех рассматриваемых преступлений выделяются сходные признаки следообразования – возникновение следов и иных фактиче-

ских данных. По признакам следообразования преступления можно разделить на группы. При совершении преступлений против семьи значительная часть сведений о фактах находит отражение в различных документах.

Вторая группа характерна тем, что фактические данные – это большей частью материальные следы, прежде всего на теле и одежде несовершеннолетнего. Это следы насилия, следы, косвенно подтверждающие наличие или существование какого-либо факта (например, полового акта).

Сходство признаков следообразования обусловливает сходство в проверочных действиях и первоначальном этапе расследования. В ситуациях сопровождения деяний документооборотом проводятся ревизии, иные проверки, а затем экспертизы. В случаях телесных повреждений и следов на теле и одежде потерпевшего – освидетельствование, следственные осмотры, судебно-медицинские и иные экспертизы.

Сходны признаки допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших: организация, тактика, использование результатов в расследовании.

Таким образом, можно выделить группы признаков преступлений и их расследования, сходных между собой и являющихся критерием классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних. Это признаки объекта и предмета преступного посягательства: обстановки совершения преступлений (включая место совершения преступлений); способа совершения преступлений; признаки видов следов и иных фактических данных; способов и содержания предварительной проверки; тактика отдельных видов следственных действий.

Сходство указанных признаков дает основание для криминалистической классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних. Таким образом, исходным основанием для классификации названных преступлений являются объект и непосредственный предмет преступного посягательства, преступление и сфера его совершения и содержание расследования. Признаки, отражающие сущность названных оснований, сходны. Поэтому все преступления можно объединить в группу преступлений против семьи и несовершеннолетних. Группа эта неоднородна. По определенным различиям названных признаков во всей группе преступлений можно выделить два уровня классификации.

Первый уровень классификации предполагает деление по характеристике объекта:

- а) преступления против семьи;
- б) преступления против несовершеннолетних.

Второй уровень классификации основан на учете признаков всех оснований:

1) преступления против семьи, совершенные в семье и в пределах ее непосредственного функционирования;

2) преступления против семьи, совершенные вне семьи, но в среде ее функционирования;

3) преступления против несовершеннолетних в семье и в пределах ее непосредственного функционирования;

4) преступления против несовершеннолетних, совершаемые вне семьи, но в среде ее функционирования.

В совокупности все перечисленные посяательства составляют преступления против семьи и несовершеннолетних. Расследование указанных преступлений является предметом групповой методики.

1. Образцов В.А. *Криминалистическая классификация преступлений*. Краснодар, 1988.

2. Шмонин А.В. *Методология криминалистической методики*. М., 2010.

3. Зеленский В.Д. *Теоретические вопросы расследования преступлений*. Краснодар, 2011.

4. Коновалов С.И. *Теоретико-методические проблемы криминалистики*. Ростов н/Д, 2001.

5. Самытин Л.Д. *Расследование преступлений как система деятельности*. М., 1989.

6. Корноухов В.Е. *Методика расследования преступлений: теоретические основы*.

7. *Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учеб.* / под ред. А.В. Наумова. М., 2007.

8. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. *Уголовное право: учеб.* М., 2004.

1. Obratsov V.A. *Criminalistic classification of crimes*. Krasnodar, 1988.

2. Shmonin A.V. *Methodology of criminalistic methods*. Moscow, 2010.

3. Zelensky V.D. *Theoretical issues of investigation of crimes*. Krasnodar, 2011.

4. Konovalov S.I. *Theoretical and methodological problems of criminalistics*. Rostov-on-Don, 2001.

5. Samyitin L.D. *Investigation of crimes as a system of activities*. Moscow, 1989.

6. Kornoukhov V.E. *Methodology for investigating crimes: theoretical basis*.

7. *The modern criminal law. General and Special parts: textbook* / ed. by A.V. Naumov. Moscow, 2007.

8. Prokhorov L.A., Prokhorov M.L. *Criminal law: textbook*. Moscow, 2004.

Еремченко Владимир Игоревич

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: mail_lom@mail.ru)

Современные проблемы свободного оборота средств совершения и сокрытия преступлений

В статье рассмотрены средства, позволяющие осуществлять ряд преступлений на высоком профессиональном уровне, свободно распространяемые в настоящее время преимущественно через интернет-магазины. Дана краткая характеристика отдельных видов таких средств, предложены пути решения проблемы их свободного оборота, потенциально создающего возможность их использования в преступных целях.

Ключевые слова: незаконный оборот, средства совершения преступлений, маскировка, маски, отмычки, взлом, свободный оборот, предотвращение преступлений, сокрытие преступлений.

V.I. Eremchenko, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mail_lom@mail.ru

Modern problems of free trafficking of the means of committing and concealing crimes

The article considers means to implement a series of crimes at a high professional level, freely available at present, mainly through online shopping. Brief characteristics of individual types of these funds is given, as well as proposed solutions to the problems of their free circulation, potentially creating the possibility of their use for criminal purposes.

Key words: illegal trafficking, means of committing crimes, disguise, mask, lock pick, hacking, free trafficking, prevention of crimes, concealing crimes.

Преступление и преступность – явления цивилизованного общества, сопровождающие его развитие на всем пути. Как бы ни изменялось законодательство, как бы ни совершенствовались организационные меры борьбы с криминальными элементами, очевидно одно: преступность неискоренима. Однако, несмотря на данное убеждение, поддерживаемое многими учеными-криминологами, особо опасным явлением была и остается профессиональная преступность [1], для субъекта которой характерно наличие определенных знаний и навыков, используемых им в процессе преступной деятельности для постоянного извлечения за счет этого процесса преступных доходов.

Именно раскрытие и расследование преступлений, совершаемых профессионалами своего дела, вызывают у сотрудников правоохранительных органов особые трудности. В первую очередь это связано, как мы уже отметили, с профессионализмом самих преступников, которые, обладая необходимым преступным опытом, предпринимают все меры, направленные на возможное сокращение количества оставляемых ими на месте преступления следов, сокращение времени нахождения

на месте преступления, избрание наиболее эффективных способов реализации преступных намерений. Но если в прошлом веке для достижения профессионального мастерства необходимо было прикладывать значительные усилия, направленные на отыскание лиц, способных обучить такому ремеслу, а после оттачивать полученные навыки в процессе реализации преступлений, то в наше время путь от обывателя к преступному профессионалу сокращен в разы.

Уровень технического прогресса и просторы всемирной сети Интернет привнесли в нашу жизнь множество новых возможностей, ряд из которых также нашли свое востребование в преступном мире. Теперь не нужно обучаться преступному мастерству, вступая в преступные группировки, отбывая срок в местах лишения свободы среди преступных элементов, набирая собственные шишки на своем неудачном опыте. В интернет-магазинах уже сегодня можно приобрести различные обучающие материалы и средства, позволяющие осуществлять ряд преступлений на высоком профессиональном уровне. Проблема свободного оборота некоторых из них ранее уже отмечалась в научном мире [2]. Среди наиболее распростра-

ненных, вызывающих интерес стоит выделить три категории товаров:

обучающие материалы и средства, позволяющие осуществлять вскрытие механических запирающих устройств;

обучающие материалы и средства, позволяющие осуществлять вскрытие электронных (цифровых) запирающих устройств;

средства, маскирующие внешность.

Рассмотрим подробнее каждую из обозначенных категорий товаров.

Среди средств, позволяющих вскрывать механические запирающие устройства, наиболее популярны отмычки, которые предоставляют возможность без ключа, за счет метода манипуляции открыть замок. Сейчас в продаже можно найти комплексные наборы отмычек, выполненных из высококачественных материалов, позволяющих вскрывать сувальдные, дисковые и цилиндрические замки, в том числе замки, которыми оборудуются банкоматы, терминалы оплаты, автотранспортные средства. Вполне понятно, кто является основным потребителем таких наборов.

Поиск и приобретение наборов для вскрытия замков не составляет особого труда: достаточно всего лишь набрать в поисковой строке интернет-браузера «продажа отмычек», как тут же находится множество интернет-магазинов, в которых можно приобрести искомые наборы за приемлемую цену, составляющую в среднем около 1500 рублей. Особое опасение вызывают не только предлагаемые средства вскрытия замков, но также и реализуемые обучающие средства. Как правило, это наборы замков, корпуса которых изготовлены из прозрачных материалов для наблюдения за действиями по использованию отмычек, а также обучающие фильмы по вскрытию того или иного замка с указанием, как не оставлять следов рук на поверхности замка и прилегающих конструкциях.

Очевидно, что свободный оборот данных средств значительно облегчает преступную деятельность злоумышленников, поэтому изделия подобного рода необходимо ограничивать в свободном обороте, предусмотрев узкий перечень субъектов, для которых такой оборот будет разрешен.

Кроме отмычек, в последнее время особую опасность для всех автомобилистов представляют программируемые дистанционные ключи, используемые для вскрытия электронных (цифровых) запирающих устройств автомобилей, так называемые код-грабберы. Многие из нас уже становились свидетелями рассказов, а некоторые, к сожалению, основными участни-

ками историй о вскрытии их автотранспортного средства без явных следов взлома при посещении крупных торговых центров с большими паркинговыми комплексами. Злоумышленники используют данный прибор, позволяющий перехватывать сигнал от пульта дистанционного управления сигнализацией автомобиля, считывать и запоминать его с возможностью последующего воспроизведения для быстрого и незаметного вскрытия автомобиля.

Ценовой диапазон код-грабберов, в зависимости от качества исполнения и возможностей цифрового блока, колеблется в диапазоне от 20000 рублей до 300000 рублей.

Оборот таких устройств на территории Российской Федерации до настоящего времени также не регламентирован нормативными правовыми актами, что является одной из причин их активного распространения.

Здесь следует отметить, что в качестве средств противодействия угонщикам и ворами, использующим возможности код-грабберов, обозначаются три линии:

разработка новых алгоритмов кодирования, в корне отличающихся от наиболее распространенной технологии Keeloq (данная мера позволит сделать охранную систему не восприимчивой к имеющимся на рынке код-грабберам);

выпуск двухканальных сигнализаций (они также уязвимы для уже имеющихся код-грабберов, однако требуют для своего взлома применения более дорогих моделей);

личные предосторожности водителей, основанные на знании принципов работы охранных автомобильных систем (так, например, при обнаружении признаков работы код-граббера – пропуск первой посылки сигнала пульта управления охранной сигнализацией автомобиля и запоздалая реакция охранной системы на второй сигнал – следует демонстративно осмотреться, тем самым дав понять потенциальным грабителям о своей осведомленности об их стороннем вмешательстве, после чего, не снимая автомобиль с охраны, подать команду охранной системе типа «паника», «сигнал», «световая дорожка» и т.п., что сделает недействительными все ранее пропущенные охранной системой коды и тем самым не позволит вскрыть автомобиль за счет ранее перехваченных сигналов при помощи код-граббера) [3].

Еще недостаточно распространенным за счет своей дороговизны и новшества на рынке являются различные высококачественные средства маскировки внешности человека. Ярким представителем таковых выступают реалистичные погрудные силиконовые маски,

позволяющие передать структуру кожного и волосяного покрова тела человека, не отличимую для невооруженного глаза от настоящей. При этом за счет использования высококачественного силикона и его незначительной толщины (от 0,1 до 1 мм) достигается возможность передачи мимики человека. Спектр реализуемых масок такого производства достаточно широк. Сейчас на рынке можно найти множество вариантов их исполнения в зависимости от возраста, пола, национальной принадлежности требуемого персонажа. А если при использовании такой маски добавить еще немного аксессуаров: головной убор, очки, платок, наушники, серьги и пр., то можно получить образ, который не вызовет никакого сомнения в своей реалистичности. Такие комплекты свободно реализуются на площадках множества интернет-магазинов, распложенных как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Ценовой диапазон масок колеблется от 20000 рублей до 140000 рублей в зависимости от качества исполнения, толщины маски, объема покрываемого маской тела (только зона лица, голова в целом, погрудные варианты), наличия и степени передаваемого волосяного покрова. Изначальная ориентация производителей таких масок – киноиндустрия, праздничные маскарадные мероприятия. Несложно догадаться, что это далеко не полный перечень целевого использования таких изделий, и они могут найти своего клиента, в том числе, и в преступном мире, что вызывает особое опасение в свете значительного роста насильственной преступности в России [4]. Только представьте себе, что свидетели и потерпевшие будут давать подробное описание преступников, ненамеренно вводя правоохранительные органы в заблуждение относительно их реаль-

ной внешности. Возможности камер наблюдения, снимки с банкоматов при обналичивании денежных средств больше не будут иметь никакого значения. При таком течении событий уровень раскрываемости преступлений может катастрофически упасть, ограничившись преимущественно теми преступлениями, которые совершаются без подготовки.

В завершение полагаем необходимым обозначить ряд видимых путей решения проблемы свободного оборота средств совершения и сокрытия преступлений:

1) установить жесткий контроль за оборотом криминально ориентированных товаров профессионального вскрытия механических и цифровых запирающих устройств, для чего необходимо лицензировать деятельность по обороту и использованию таковых;

2) ввести уголовную ответственность за оборот средств открытия механических и цифровых запирающих устройств без ключа, осуществляемый без лицензии;

3) ограничить свободный оборот средств маскировки внешности человека, выполненных максимально реалистично;

4) усилить таможенный контроль для товаров, ввозимых из-за рубежа, путем введения дополнительных категорий товаров, подлежащих обязательной сертификации на территории Российской Федерации;

5) провести профилактическую работу с населением путем информирования об основных признаках, указывающих на попытки взлома замка или перехвата радиосигнала от пульта сигнализации, а также мерах превентивного характера.

Данные мероприятия позволят значительно снизить возможность использования описанных нами средств в преступных целях.

1. Гуров А.И. *Профессиональная преступность: прошлое и современность*. М., 1990.

2. Колотушкин С.М., Лосева С.Н. *Незаконный оборот товаров через сеть Интернет: проблемы и пути решения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2015. № 5. С. 26–28.

3. *Защита от Код-граббера*. URL: <https://www.drive2.ru/b/611985/> (дата обращения: 14.02.2017).

4. Буз С.И., Федченко В.В. *Состояние и основные тенденции насильственной преступности в России // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2016. № 4(34). С. 8–12.

1. Gurov A.I. *Professional criminality: past and present*. Moscow, 1990.

2. Kolotushkin S.M., Loseva S.N. *Trafficking goods via the Internet: problems and solutions // Penal system: law, economics, management*. 2015. № 5. P. 26–28.

3. *Protection from Code-grabber*. URL: <https://www.drive2.ru/b/611985/> (date of access: 14.02.2017).

4. Buz S.I., Fedchenko V.V. *Status and trends of violent crime in Russia // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2016. № 4(34). P. 8–12.

Жеребцов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: admgan66@mail.ru)

Малышев Евгений Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет МВД России
(e-mail: e_malishev31@rambler.ru)

Современные организационные и административно-правовые проблемы государственного управления миграцией населения

В статье авторы выделяют наиболее актуальные организационные и административно-правовые проблемы государственного управления миграцией населения, предлагают пути совершенствования организации и нормативно-правового регулирования государственного управления миграционными процессами на фоне обострившегося мирового миграционного кризиса.

Ключевые слова: миграция населения, управление миграцией, органы управления миграцией, функции управления, задачи управления, миграционные потоки, иностранные граждане, административное дело, административное судопроизводство.

A.N. Zherebtsov, Doctor of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: admgan66@mail.ru;

E.A. Malyshev, Candidate of Law, Assistant Professor, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e_malishev31@rambler.ru

Modern organizational and administrative-legal problems of public management migration

In the present article the authors distinguish the most urgent organizational, administrative and legal problems of migration governance, suggest ways to improve the organization and state regulation of migration management on the background of intensified global migration crisis.

Key words: migration, migration management, controls migration authorities, management functions, management tasks, migration flows, foreign citizens, administrative case, administrative proceedings.

В настоящее время в современной отечественной административно-правовой науке активно продолжается научная дискуссия, обусловленная не только активно развивающимися миграционными процессами, затрагивающими социально-экономическую сферу функционирования Российского государства, но и мировым миграционным кризисом, который затронул Европейский и Американский континенты. Безусловно, исследование данных проблем лежит в плоскости целого ряда общественных наук, а миграционная сфера нуждается в комплексном научном анализе, вместе с тем, представляется не менее значимым юридический анализ проблем государственного управления миграционными процессами. Тем более это актуально в связи с тем, что общество и государство

могут эффективно воздействовать на данные социально значимые процессы (тем не менее, не умаляя экономические методы воздействия на миграционные процессы) в соответствии с правом, на основе права, посредством правовой регламентации.

Современные научные исследования и сложившаяся социально-демографическая ситуация позволяют нам акцентировать внимание на ряде насущных проблем государственного управления миграционными процессами организационного и административно-правового характера.

1. Организационные проблемы управления миграцией населения. Эволюция становления, развития и закрепления административно-правового статуса органов государственного управления миграцией населения в Россий-

ской Федерации достаточно подробно показана в ряде научных исследований [1; 2]. Постоянно происходившие и происходящие в настоящее время процессы реформирования системы органов государственного управления миграцией населения свидетельствуют о том внимании, которое уделяется формированию эффективной организационной системы управления миграцией населения. Однако, как показывает проведенный анализ реформы организации государственного управления миграцией населения за последние 25 лет, ничего нового для решения проблем организации управления миграцией населения создать не удалось. В итоге все «вернулось на круги своя» [3, с. 26–27], а именно полномочия по государственному управлению миграцией населения были возвращены в ведение органов внутренних дел, произошла ликвидация Федеральной миграционной службы [4]. Очевидно, что реформирование системы органов управления миграцией населения без наделения их всем необходимым для этого инструментарием в виде методов властного воздействия на указанные процессы не могло достичь цели. Отсутствие государственно-принудительных, административно-юрисдикционных средств у ФМС России приводило к необходимости тесного взаимодействия миграционных органов с органами полиции, что предусматривалось в прежней редакции Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, утвержденного постановлением Правительства РФ от 13 ноября 2012 г. № 1162 [5]. Эффективное осуществление функций государственного управления миграцией населения невозможно без так называемого «силового обеспечения» этих функций, о чем мы ранее неоднократно писали [6, с. 131–172; 7, с. 264–278; 8, с. 153–156]. Имеется два варианта всеобъемлющего организационного обеспечения осуществления методов убеждения и принуждения в сфере управления миграцией: первый – создание миграционной полиции, что в современных экономических условиях вряд ли уместно; второй – передача функций и полномочий по управлению миграцией населения в систему МВД России. Этот вариант является более предпочтительным, при условии наделения органов внутренних дел функциями и полномочиями по управлению всеми выделяемыми миграционными потоками. Данное обстоятельство порождает вторую проблему государственного управления миграцией населения.

2. Проблема определения функций, задач и полномочий органов управления миграцией населения. Функции, задачи и полномочия органов управления миграцией населения должны быть направлены на упорядочение пяти миграционных потоков. При этом миграционный поток следует понимать как «закрепленный в системе однородных правовых предписаний и обособленный из миграционного процесса по признаку причины, правовым основаниям, видам субъектов, участвующих в территориальном перемещении в пределах административных границ или за их пределы, представляющих собой совокупность территориальных перемещений людей» [9, с. 12]. В настоящее время функции, задачи и полномочия органов управления миграцией населения в Российской Федерации определяются Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (далее – Положение о МВД России) [10] и Положением о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел России, утвержденным приказом МВД России от 15 апреля 2016 г. № 192 (далее – Положение о ГУВМ МВД России) [11]. При этом частично функции, задачи и полномочия в сфере управления миграцией закрепляются и за иными федеральными органами исполнительной власти. Так, отдельными функциями государственного управления внешней трудовой миграцией наделяется Министерство труда и социальной защиты РФ, которое в соответствии с п. 5.6.39 Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 610 [12], осуществляет подготовку в установленном порядке предложений по определению потребности: а) в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы; б) по привлечению профессионально-квалификационных групп иностранных граждан; в) по утверждению квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности; г) по утверждению квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы,

разрешений на работу. Таким образом, Министерство труда и социальной защиты РФ устанавливает квоты на привлечение иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности, а ГУВМ МВД России предоставляет такое право иностранным гражданам в пределах определенных квот.

Приведенные правовые акты, определяющие административно-правовой статус органов управления миграцией населения, не совсем внятно или вообще не определяют отдельные функции указанных органов, что в конечном счете влечет бессистемное изложение задач и полномочий данных органов. Традиционно в административно-правовой науке функциями государственного управления признаются прогнозирование, сбор, обработка и анализ управленческой информации, планирование, взаимодействие, учет, организация, регулирование, контроль (надзор), координация и некоторые другие. Пункт 10 Положения о ГУВМ МВД России содержит обширную систему функций данного подразделения МВД России, где предусматриваются следующие функции ГУВМ МВД России в сфере миграции: сбор, обобщение и анализ информации (пп. 10.1, 10.7, 10.26, 10.28); прогнозирование (п. 10.3); проектирование (пп. 10.4, 10.8–10.10, 10.16, 10.23); организация (пп. 10.5, 10.17, 10.24, 10.25); планирование (п. 10.6); обеспечение (п. 10.11); координация (пп. 10.17, 10.19); учет (пп. 10.21, 10.29). Вместе с тем, пп. 10.2, 10.12–10.15, 10.18, 10.20, 10.22, 10.27, 10.30–10.38 Положения о ГУВМ МВД России, отнесенные к разделу функций ГУВМ МВД России, по существу являются полномочиями данного подразделения МВД России. В современной административно-правовой доктрине нет единства мнения в понимании функции органа государственного управления (исполнительной власти). В настоящее время сложилось как минимум два основных подхода к пониманию данной управленческой категории:

1) функция управления – это реальное, силовое, целенаправленное, организующее и регулирующее воздействие на управляемые объекты [13, с. 120–121];

2) функция управления – это направление целенаправленного, организующего и регулирующего воздействия на управляемые объекты [14, с. 40–43].

Мы все же склонны согласиться с теми авторами, которые понимают функцию управления как направление целенаправленного, организующего и регулирующего воздействия на управляемые объекты (управленческие отношения),

по следующим основаниям. Во-первых, функция неразрывно связана с целеполаганием, и в этом смысле функции есть развитие цели государственно-управленческого воздействия на управляемый объект. Во-вторых, осуществление полномочий (компетенции) управляющего субъекта является основой или предпосылкой осуществления функции управления, где содержанием процесса реализации полномочий (компетенции) является управленческая деятельность управляющего субъекта [15, с. 64–65]. Приведенные обстоятельства позволяют нам признать не уместным выделять в Положении о ГУВМ МВД России п. 2, который предусматривает направления деятельности ГУВМ МВД России, так как это является дублированием функций рассматриваемого органа, определенных в п. 9 Положения о ГУВМ МВД России. Фактически получается, что п. 2 Положения о ГУВМ МВД России содержит следующие функции управления миграцией: а) организация производства по делам о гражданстве, оформление и выдача документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, выдача иностранным гражданам документов для въезда в Российскую Федерацию, исполнения законодательства Российской Федерации о беженцах, вынужденных переселенцах и лицах, ищущих политическое убежище; б) регистрационный учет граждан Российской Федерации, миграционный учет иностранных граждан; в) контроль (надзор) в сфере миграции, в сфере внешней трудовой миграции; г) взаимодействие с иными структурными подразделениями Министерства, территориальными органами МВД России, иными государственными органами по предупреждению и пресечению незаконной миграции, исполнение государственной программы переселения соотечественников; д) координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации государственной программы переселения соотечественников, проживающих за рубежом. Кроме этого, в п. 11 ГУВМ МВД России наделяется полномочиями по осуществлению управления миграцией населения. Из приведенных выше положений видно, что полномочия ГУВМ МВД России содержатся не только в п. 11, но и в п. 10 рассматриваемого положения.

Пункт 9 Положения о ГУВМ МВД России закрепляет основные задачи ГУВМ МВД России. Их анализ позволяет признать, что они в большей мере выступают как функции управления миграцией населения. В частности, следует

отметить, что п. 9 содержит: функцию организации, которая предусмотрена в пп. 9.1, 9.4, 9.5 Положения о ГУВМ МВД России; функцию координации в п. 9.4; функцию обеспечения в пп. 9.2 и 9.3. В отечественной доктрине административного права и теории государственного управления одни считают, что задачи являются составной частью компетенции органа управления, другие «имеют в виду предписанные правовыми нормами основные направления деятельности органа, осуществляемой посредством разнообразных управленческих функций» [15, с. 62–63]. Мы склонны полагать, что задачи все же есть установленные нормами права характер совершаемых управленческих действий по осуществлению предписанных функций государственного управления миграцией населения. Что касается подхода, в соответствии с которым мы не признаем задачи в качестве составной части компетенции органа управления, то нами эта проблема решалась ранее неоднократно [16, с. 26–37; 17, с. 235–259]. В связи с этим задачи органа управления миграцией населения должны быть выражены в следующей форме: «подготавливать; разрабатывать, осуществлять и т.п.» определенные действия.

Проведенный анализ позволяет признать, что проблемы определения функций, задач и полномочий органов управления миграцией населения в действующих правовых актах научно не определены. В связи с этим считаем, что, во-первых, подзаконные нормативные правовые акты, определяющие административно-правовой статус органов управления миграцией населения в Российской Федерации, нужно привести в соответствие выработанным наукой административного права положениям. Во-вторых, полномочия органов управления миграцией населения должны быть выражены либо в форме правомочия указанного органа, либо в форме должностования, что исключит двусмысленность в их толковании на практике.

3. Проблемы объекта и сущности государственного управления миграцией населения в Российской Федерации. В настоящее время в отечественной административно-правовой и иных науках, изучающих проблемы территориального перемещения населения, является дискуссионным вопрос об объекте управления миграцией населения. Так, социологическая наука утверждает, что объектом управляющего воздействия выступает не миграция населения как процесс территориального перемещения людей, а региональная среда, в рамках которой территориальное перемещение осуществляет-

ся, и миграционное поведение [18, с. 62]. Данный подход поддерживают и отдельные представители административно-правовой науки [19, с. 29–33]. Нами ранее высказывалась мысль о том, что государство, реализуя государственную политику в сфере миграции населения посредством правовых средств, осуществляет воздействие на общественные отношения, возникающие в процессе территориального перемещения населения, т.е. управляет миграционными отношениями [7, с. 92–94]. Это положение подтверждается и действующим миграционным законодательством, регламентирующим общественные отношения по территориальному перемещению населения. Вместе с тем, государство, реализуя миграционную политику, может посредством права воздействовать на миграционную среду, побуждая тем самым желаемое миграционное движение населения, например предоставление так называемого «дальневосточного гектара». Но в любом случае право воздействует именно на отношения, возникающие в связи с приобретением это гектара, а не на миграционную среду.

А.Н. Сандугей отмечает, что «государственное администрирование в миграционной сфере представляет собой административную деятельность полномочных органов исполнительной власти по обеспечению миграционных процессов, а также реализации миграционной политики государства» [19, с. 32]. В целом весьма справедливое определение, вместе с тем, нуждается в определенном уточнении. Представляется вряд ли уместным противопоставлять по существу идентичные понятия «государственное управление» и «государственное администрирование», тем более, что последнее отличается от первого лишь тем, что реализует государственную политику. Очевидно, что любая управленческая деятельность, включая управление миграцией населения, есть по существу волевое властное воздействие на управляемый объект с целью реализации государственной политики в той или иной сфере жизнедеятельности общества и государства. Государственное управление есть практический инструментальный осуществления государственной политики. В этой связи государственное управление миграцией населения есть практическая, волевая и созидательная деятельность уполномоченных органов исполнительной власти и иных субъектов, наделенных полномочиями исполнительной власти в сфере миграции, по реализации государственной политики в сфере миграции населения в Российской Федерации.

4. Проблемы судебной защиты прав участников миграционно-правовых отношений и создания миграционных судов в Российской Федерации. В настоящее время мировой миграционный кризис становится основным фактором, представляющим угрозу национальной безопасности многих государств. Не исключение в этом смысле и Российская Федерация. В этой связи решение спорных вопросов осуществления миграционно-правовых отношений приобретает особое значение. В условиях развития административного судопроизводства России необходимо учитывать опыт зарубежных стран по формированию миграционных судов и иммиграционных судей. Безусловно, полностью перенимать опыт реализации судебной власти в зарубежных странах необходимости нет, но использовать его для дальнейшей модернизации судебной власти Российской Федерации будет крайне полезно. При этом мы склонны полагать, что в создании специализированных миграционных судов в нашей стране нет необходимости. Вместе с тем, подобного рода суды созданы в зарубежных странах. Так, например, в Королевстве Швеция и Соединенных Штатах Америки действуют как самостоятельные миграционные суды в рамках административной юстиции (Швеция), так и иммиграционные судьи, существующие в структуре Министерства юстиции США. В шведской судебной системе выделяется самостоятельная ветвь в виде административных судов (суды лена, апелляционные административные суды и Высший административный суд) [20]. Следует признать, что многие ключевые вопросы миграции населения решаются судами, например решение о депортации, обжалование решений миграционных органов (Швеция), обжалование решений иммиграционной службы, которая отказала в выдаче политического убежища, предоставлении политического убежища или депортации лиц, которые попытались незаконно проникнуть на территорию государства (США) [21]. Считаем уместным в рамках российского административного судопроизводства расширить раздел, посвященный особенностям производства по миграционным делам. В частности, нам пред-

ставляется необходимым решать в порядке административного судопроизводства следующие административные дела:

- а) о законности реадмиссии и депортации иностранных граждан;
- б) о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение;
- в) о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении;
- г) об отмене решения по вопросам гражданства Российской Федерации.

Одна из актуальных проблем, которую мы вынуждены констатировать, заключается в том, что российским законодательством не установлен предельный срок содержания иностранного гражданина, подлежащего реадмиссии или депортации, в специальном учреждении ГУВМ МВД России. Речь здесь идет только о необходимом для осуществления его реадмиссии или депортации сроке. Это указывает на то, что в рассматриваемой сфере существует правовой пробел, связанный с отсутствием четко установленного срока содержания лица, подлежащего реадмиссии или депортации, в специальном учреждении территориального органа ГУВМ МВД России. В соответствии с последними тенденциями европейского законодательства максимально возможный срок ограничения свободы лица, нарушившего миграционное законодательство, составляет 18 месяцев [22, с. 264; 23]. Высказывается и отличный от приведенного подход, в соответствии с которым срок содержания иностранного гражданина, подлежащего реадмиссии или депортации, в специальном учреждении может определяться судом на основании нормативно установленных критериев [24, с. 34–40]. Этот подход, как представляется, может быть принят за основу при подготовке предложений по восполнению пробела отечественного законодательства в указанной сфере общественных отношений, так как в отечественном законодательстве отсутствуют правовые нормы о предельном сроке ограничения свободы лица, подлежащего реадмиссии или депортации.

1. Жеребцов А.Н. *Правовое регулирование миграционных отношений и генезис консервативной правовой миграционной политики Российской Федерации*. Краснодар, 2007.

2. Малышев Е.А. *Становление и развитие системы управления миграционными процес-*

1. Zherebtsov A.N. *Legal regulation of migratory relations and genesis of conservative legal migration policy of the Russian Federation*. Krasnodar, 2007.

2. Malyshev E.A. *Formation and development of the system of migration management in the*

сами в Российской Федерации // *Вестн. Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России*. 2010. № 2.

3. Сандугей А.Н. О генезисе государственной системы управления миграционными процессами в Российской Федерации // *Административное право и процесс*. 2016. № 11.

4. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента РФ от 5 апр. 2016 г. № 156 (с изм. и доп.) // *Собр. законодательства РФ*. 2016. № 15. Ст. 2071.

5. *Собр. законодательства РФ*. 2012. № 47. Ст. 6511.

6. Малышев Е.А. Внешняя трудовая миграция в Российской Федерации: теория, история, административно-правовые методы государственного управления. М., 2015.

7. Жеребцов А.Н. Правовое регулирование миграционной политики Российской Федерации. Краснодар, 2007.

8. Малышев Е.А. О материальных и процессуальных формах реализации методов государственного управления в сфере внешней трудовой миграции // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2016. № 2.

9. Жеребцов А.Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

10. *Собр. законодательства РФ*. 2016. № 52, ч. V. Ст. 7614.

11. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm (дата обращения: 05.02.2017).

12. *Собр. законодательства РФ*. 2012. № 26. Ст. 3528.

13. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М., 1997.

14. Бачило И.Л. Функции органов управления. М., 1976.

15. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972.

16. Жеребцов А.Н. Публично-правовая обязанность: проблемы теории и практики осуществления // *Философия социальных коммуникаций*. 2013. № 4.

17. Жеребцов А.Н. Общая теория публично-правовой обязанности. СПб., 2013.

18. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // *Социологические исследования*. 1978. № 1.

Russian Federation // *Bull. of Kaliningrad branch of St. Petersburg university of Russian MIA*. 2010. № 2.

3. Sandugej A.N. About the genesis of the state system of migration management in the Russian Federation // *Administrative law and process*. 2016. № 11.

4. On improving state administration in the field of control of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in the field of migration: decree of the President of the Russian Federation d.d. Apr. 5, 2016 № 156 (amended) // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2016. № 15. Art. 2071.

5. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2012. № 47. Art. 6511.

6. Malyshev E.A. External labour migration in the Russian Federation: theory, history, legal and administrative methods of public administration. Moscow, 2015.

7. Zherebtsov A.N. Legal regulation of migration policy of the Russian Federation. Krasnodar, 2007.

8. Malyshev E.A. On substantive and procedural forms of implementation approaches to public management in the sphere of external labour migration // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2016. № 2.

9. Zherebtsov A.N. Concept of administrative legal relations regulating migration in the Russian Federation (complex analysis of theory and practice): auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2009.

10. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2016. № 52, pt. V. Art. 7614.

11. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm (date of access: 05.02.2017).

12. *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2012. № 26. Art. 3528.

13. Atamanchuk G.V. Theory of public administration: course of lectures. Moscow, 1997.

14. Bachilo I.L. Functions of the bodies of administration. Moscow, 1976.

15. Lazarev B.M. Competence of the bodies of administration. Moscow, 1972.

16. Zherebtsov A.N. Public legal duty: problems of theory and practice of implementation // *Philosophy of social communications*. 2013. № 4.

17. Zherebtsov A.N. General theory of public law responsibilities. St. Petersburg, 2013.

18. Zaslavskaya T.I., Rybakovsky L.L. Migration processes and their management in socialist society // *Sociological researches*. 1978. № 1.

19. Sandugej A.N. To a question about the nature of public administration in the field of migration // *Administrative law and process*. 2016. № 12.

19. Сандугей А.Н. К вопросу о сущности государственного администрирования в сфере миграции // *Административное право и процесс*. 2016. № 12.

20. Обзор судебной системы Швеции. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/obzor_sudebnoj_sistemy_shvecii (дата обращения: 07.02.2017).

21. Гулина О.Р. Депортация иностранца: иммиграционное законодательство и практика его применения в США // *Вопросы правоведения*. 2014. № 1. URL: <http://www.politicalasylumusa.com/ru/получение-убежища-америка/иммиграционный-судья/> (дата обращения: 07.02.2017).

22. Малышев Е.А. О мерах административного пресечения, применяемых в сфере внешней трудовой миграции // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы тринадцатой междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Барнаул, 2015. Ч. 1.*

23. Бюро международной организации по миграции в Москве. *Руководство по реадмиссии. Для экспертов и специалистов-практиков // Практика реализации Соглашений о реадмиссии в Российской Федерации. М., 2009. Т. 2.* URL: http://moscow.iom.int/russian/publications/Manual_on_Readmission_Vol_2_ru.pdf (дата обращения: 07.02.2017).

24. Жеребцов А.Н. Некоторые проблемные вопросы процессуального регулирования производства по административному делу о помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение или о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении // *Актуальные проблемы административной деятельности полиции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015.*

20. *Review of the judicial system of Sweden.* URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/obzor_sudebnoj_sistemy_shvecii (date of access: 07.02.2017).

21. Gulina O.R. *Deportation of an alien: immigration legislation and practice of its application in the United States // Questions of jurisprudence.* 2014. № 1. URL: <http://www.politicalasylumusa.com/ru/получение-убежища-америка/иммиграционный-судья/> (date of access: 07.02.2017).

22. Malyshev E.A. *On administrative measures of restraint applied in the sphere of external labour migration // Actual problems of struggle against crimes and other offences: proc. of the thirteenth intern. sci.-practical conf.: in 2 pt. Barnaul, 2015. Pt. 1.*

23. *The Bureau of the International Organization for Migration in Moscow. Guide to the readmission. For experts and practitioners // Implementation of readmission agreements in the Russian Federation. Moscow, 2009. Vol. 2.* URL: http://moscow.iom.int/russian/publications/Manual_on_Readmission_Vol_2_ru.pdf (date of access: 07.02.2017).

24. Zherebtsov A.N. *Some issues of procedure regulate the proceedings in the administrative case of the premises of an alien subject to deportation or readmission to the special institution or to extend the stay of the alien subject to deportation or readmission to the special institution // Actual problems of administrative policing: proc. of All-Russian sci.-practical conf. Krasnodar, 2015.*

Ищенко Станислав Андреевич

доктор юридических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: stanislavischenko@yandex.ru)

Спорт, общество и право

В статье рассматриваются проблемы современного спортивного движения и пути их решения. Анализируются составляющие понятия «спортивное движение». Отмечается его роль в развитии современного общества.

Ключевые слова: спортивное движение, право, спорт, санкции, стимулирующие препараты, общественные спортивные объединения.

S.A. Ischenko, Doctor of Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: stanislavischenko@yandex.ru

Sport, society and law

The article deals with the problems of the modern sports movement and the ways of their solution. The components of the notion «sports movement» are analyzed. Its role in the development of modern society is noted.

Key words: sports movement, law, sport, sanctions, stimulating drugs, public sports associations.

Существенные изменения на политической арене, произошедшие в ряде государств в последние годы, коснулись многих сторон международной жизни и выдвинули перед всем спектром гуманитарных наук новые задачи.

В этом направлении принципиальное значение приобретает решение организационно-управленческих, правовых и педагогических проблем.

В современный период спортивное движение занимает особое место в жизни большинства людей нашей планеты, способствуя укреплению сотрудничества и сплоченности народов во имя мира, прогресса и демократии, физическому и нравственному развитию человечества.

Как объект управления российское и международное спортивное движение (РМСД) представляет собой, прежде всего, объединение людей для осуществления совместной деятельности (спортивной, организационной и др.), т.е. сплочение их в определенные коллективы. Отсюда можно сделать вывод, что сущность РМСД выражается в специфических чертах, характеризующих спортивное движение как вид и как одну из социальных систем управления мирового сообщества.

Такое понимание управлением РМСД, по нашему мнению, отражает тесную взаимосвязь деятельности неправительственных организаций и подчеркивает общие закономерности социального управления.

Существующий механизм РМСД, куда входят организованные структуры, формы управления и действующее спортивное законодательство, требует корректировки и совершенствования. Это отражается как на массовом спорте, так и на спорте высших достижений. Более того, слабо разработаны вопросы правовой регламентации управления и организации физической культуры и спорта; отсутствует административно-правовое обеспечение статуса субъектов отношений в этой сфере деятельности. Это особенно заметно на примере применения спортсменами допинговых препаратов.

Для решения этих проблем необходимы, как представляется, совершенствование организации деятельности общественных объединений и управление ими, а также разработка правовой направленности этого процесса. Особенно это касается спортивных федераций и коллегий судей по видам спорта.

Развивая мысль о российском и международном спортивном движении, нужно заметить, что РМСД – понятие очень емкое. Если говорить о международном спортивном движении, то в большинстве случаев речь идет об олимпийских играх, в то же время олимпийское движение как часть международного спортивного движения – философское, феноменальное понятие и социальное явление.

Но, если толковать международное спортивное движение (МСД) в расширительном

понимании, оно значительно объемнее понятий Международного олимпийского комитета (МОК) и национальных олимпийских комитетов (НОК). В то же время нужно отметить, что самого понятия МСД нет ни в учебных изданиях, ни в спортивных, ни в юридических, ни в философских, ни в социальных справочниках, нет его и в Большой советской энциклопедии третьего издания.

Сегодня для решения теоретических вопросов с точки зрения как юридических, так и педагогических подходов недостаточно прежнего методологического инструментария, необходимы интенсивные поиски научных исследований. В связи с этим представляется, что наиболее перспективные из них должны быть связаны с методологией системного анализа, комплексного подхода к изучению различных феноменов социальной жизни, связанных общностью социальных корней.

Одной из важнейших проблем в ОМСЖ является недостаточная законодательная база и слабая разработанность механизмов правового регулирования и взаимоотношений в рассматриваемой сфере, на разных уровнях.

Рамки международной деятельности каждой спортивной организации и объединения, их активность и значимость на международной спортивной арене определяются социальными условиями и характером общества, где созданы и функционируют общественные спортивные организации (ОСО).

В результате проведенного анализа можно предложить классификацию ОСО по различным основаниям:

- 1) по географическому признаку – всемирные и региональные;
- 2) по характеру членства в них – коллективные и индивидуальные;
- 3) по ведомственной принадлежности – общественные и социальные;
- 4) по религиозным убеждениям – социальные и универсальные.

Также необходимо добавить, что ОСО могут быть классифицированы по срокам их деятельности на временные и постоянные.

РМСД сегодня волнует ряд проблем:

1. Взаимоотношения между Международным олимпийским комитетом (МОКом), национальными олимпийскими комитетами (НОКами) и международными спортивными федерациями (МСФ).

2. Совершенствование управления в РМСД и его правового регулирования.

3. Состояние и перспектива будущих олимпийских игр или их новая, оптимальная модель.

4. Безопасность на спортивных аренах.

5. Коррупционная составляющая в спорте (договорные матчи).

6. Допинговые проблемы в РМСД.

7. Перспективы современного спортивного движения.

Реализация указанных проблем может коснуться необходимости реорганизации некоторых общественных спортивных международных и национальных организаций (имеются в виду национальные олимпийские комитеты и национальные спортивные федерации). Этот вопрос необходимо увязывать со вступлением в силу недавно принятых нормативных актов, в частности в Российской Федерации, касающихся спортивного движения, где участники спортивных отношений могли в более совершенной форме строить взаимоотношения на правовой основе как субъекты административных правоотношений (см., например: [1]).

В то же время следует отметить, что спортивное движение, как общественная формация, не осуществляет полномочия государственно-властного характера, однако основные методы деятельности имеют правовой оттенок, т.е. при практическом применении вызывают юридические последствия. Так, например, применяются административные санкции в виде дисквалификации на определенный срок за употребление спортсменами стимулирующих препаратов (ст. 6.8. и 6.9. КоАП РФ) [2].

Касаясь анализа статуса международных спортивных объединений и организаций, можно отметить, что их организационная деятельность осуществляется автономно, на основе уставов, а сами такие организации подчиняются какому-либо объединяющему руководящему органу, например МОКу или МСФ, однако МСФ организационно не представляет собой единого целого.

Следует подчеркнуть, что МОК является высшим руководящим органом только в олимпийском движении, а не в международном спортивном движении в целом, и юридически ни Генеральная Ассамблея Ассоциации национальных олимпийских комитетов (ГА АНОК), ни Генеральная Ассамблея Ассоциации международных спортивных федераций (ГАА МСФ) не подчиняются никому, хотя они и претендуют на определенные полномочия, например, в организации олимпийских игр или

выделении части дохода от проведения олимпиады. Однако МОК не может не считаться с оппозицией, которую создали некоторые НОКи и МСФ. В связи с этим МОК вынужден создавать различные комиссии и подкомитеты по разработке отдельных олимпийских проблем, проводить консультации и совеща-

ния с представителями НОКов и МСФ, в том числе и по правовым вопросам.

В то же время, как показывает практика международной спортивной жизни, только единство и консолидация усилий субъектов управления спортом способны обеспечить прогрессивное развитие спортивного движения в обществе.

1. Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства РФ от 16 дек. 2013 г. № 1156 // Собр. законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6886.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

1. On the approval of the rules for the behaviour of spectators in the conduct of official sports competitions: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 16, 2013 № 1156 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 51. Art. 6886.

2. The Code of the Russian Federation about Administrative Offenses d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (as amended on July 6, 2016) Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1, pt. 1. Art. 1.

Дудин Николай Павлович

кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный работник прокуратуры РФ,
Российская таможенная академия
(e-mail: n.p.dudin@yandex.ru)

К вопросу о принципе справедливости производства по делам об административных правонарушениях

В статье рассматриваются различные классификации принципов производства по делам об административных правонарушениях. Автором исследуется и обосновывается возможность дополнения существующих классификаций новым принципом – принципом справедливости.

Ключевые слова: административное правонарушение, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, производство по делам об административных правонарушениях, принципы права, принцип справедливости.

N.P. Dudin, Candidate of Law, Professor, Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russian Customs Academy; e-mail: n.p.dudin@yandex.ru

On the question of the principle of justice of proceedings on affairs on administrative offenses

The article presents various classifications of the principles of proceedings on cases of administrative offences. The author investigates an opportunity to add the new principle of justice in the existing classification.

Key words: administrative offence, Code of the Russian Federation about administrative offences, administrative proceedings, principles of law, principle of justice.

Являясь составной частью управленческой деятельности, административный процесс основывается на общих принципах государственного управления, которые, однако, находят в нем специфическое отражение. Важнейшей частью административного процесса является производство по делам об административных правонарушениях. В отличие от уголовного, гражданского и арбитражного производства, каждое из которых оснащено процессуальными кодексами, производство по делам об административных правонарушениях регламентируется нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Слово «принцип» (от лат. *principium*) означает буквально основу, первоначало, руководящую идею, исходное положение какого-либо явления организации, деятельности и т.п. Еще древние обращали внимание на то, что «принцип есть важнейшая часть всего» (*principium est potissima pars cujunque rei*).

По мнению ряда авторов [1, с. 55], принципы права выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, в основе которой покоятся и реализуются не только нормы, институты, но

и вся правовая система. Как категория идеологическая, принципы формируются под воздействием общественно-политических идей. Однако пока идеи не закреплены в нормах права, они остаются началами правосознания, научными выводами, но не принципами. Чтобы стать таковыми, они должны быть непременно облечены в правовую форму.

Вопрос о классификации принципов производства по делам об административных правонарушениях до сих пор остается дискуссионным. Прежде чем подойти к анализу основных принципов, отметим, что общепризнанной для ученых является классификация принципов на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Этот подход к конструированию системы принципов основывается на выявлении важных взаимосвязей разных групп принципов – через диалектику соотношения философских категорий общего и отдельного [2, с. 54].

Зачастую общеправовые принципы права воплощаются в его отраслевых или межотраслевых принципах, поскольку сами общеправовые принципы являются абстрактными выражениями тех и других. Исходя из этого, отраслевые и межотраслевые принципы, конечно же, нельзя

рассматривать как дополнение общеправовых принципов. К общеправовым принципам можно отнести: принцип законности, принцип равенства всех перед законом и судом, принцип состязательности и др. К межотраслевым принципам относятся: принцип языка, принцип права на защиту, принцип объективности и беспристрастности. К отраслевым принципам относятся: принцип открытого рассмотрения, принцип оперативности производства по делам об административных правонарушениях, принцип ответственности должностных лиц за принятое решение и др.

Каждый из принципов производства по делам об административных правонарушениях имеет довольно сложное строение. Он состоит из разнообразных юридических требований, которые взаимодействуют между собой. На наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения А.В. Гриненко, по мнению которого принципы необходимо классифицировать на требования, которые обеспечивают надлежащую процессуальную процедуру, и положения, которые направлены на реализацию прав и обеспечение свобод лиц – участников производства по делу. К первой группе автор относит: законность; публичность; независимость судей и подчинение их только закону; принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела; гласность. К принципам, которые направлены на обеспечение прав и свобод участников процесса, нужно отнести: принцип уважения чести и достоинства личности; неприкосновенности личности; охраны прав и свобод человека и гражданина; обеспечения права на защиту; презумпцию невиновности [3, с. 31].

Кроме того, любой из этих принципов индивидуален, имеет свое персональное предназначение и присущее только ему значение, за исключением принципа законности, который играет своеобразную интегрирующую роль по отношению ко всем другим принципам, так или иначе проявляется в их осуществлении и поэтому в юридической литературе иногда не без оснований именуется принципом принципов.

Правила ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [4] предполагают существование принципа справедливости судебного разбирательства, гарантированного конституционными предписаниями. Его содержание сводится к установлению основных гарантий обеспечения беспристрастного правосудия. В связи с особым статусом

этих гарантий, практически каждое из которых, в свою очередь, также является принципом, можно говорить о комплексном, общеправовом характере данного принципа.

Во всех видах судопроизводства, в том числе и административном, особого внимания заслуживает право на судебную защиту. Закрепленное в ст. 46 Конституции РФ, это право сводится к следующему: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд; в соответствии с международными договорами Российской Федерации все имеют право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Как уже говорилось выше, общие принципы осуществления правосудия распространяются на все виды судопроизводства – конституционное, гражданское, административное и уголовное. Они являются для них едиными, вне зависимости от предмета рассмотрения в каждом виде судопроизводства.

Применительно к производству по делам об административных правонарушениях ссылка на ст. 6 Европейской конвенции означает, что принцип права на защиту реализуется посредством возможности предоставления доказательств своей невиновности либо представления обстоятельств, смягчающих ответственность возможности знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться при рассмотрении дела помощью адвоката или иного представителя. Причем этими правами указанные лица вправе пользоваться не только на стадии рассмотрения дела, но и на стадии его возбуждения. Принцип права на защиту распространяется также и на потерпевшего, который вправе знакомиться со всеми материалами дела об административном правонарушении, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью представителя, обжаловать постановление по данному делу, пользоваться иными процессуальными правами в соответствии со ст. 25.2 КоАП РФ.

Если сравнить перечень предписаний ст. 6 Европейской конвенции с общеправовыми принципами, то обращает на себя внимание

некий симбиоз: здесь и презумпция невиновности, и принцип реализации права на защиту, и право пользования родным языком. Из чего можно сделать вывод, что соблюдение права на справедливое судебное разбирательство возможно только посредством системного толкования различных отраслей права, общепризнанных принципов и норм международного права.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: принцип справедливости в производстве по делам об административных правонарушениях формально законодательно не закреплен. Вместе с тем, мотивации ссылками на него заложены прежде всего в положениях ст. 46 Конституции РФ и ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

1. Деревесников А.В. *Справедливость как принцип права (историко-теоретический аспект)*. Кострома, 2007.

2. Добровольская Т.Н. *Принципы уголовного процесса*. М., 1971.

3. Гриненко А.В. *Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Воронеж, 2001.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // *Собр. законодательства РФ*. 2001. № 2. Ст. 163.

1. Derevesnikov A.V. *Justice as a principle of law (historical and theoretical aspect)*. Kostroma, 2007.

2. Dobrovolskaya T.N. *Principles of criminal procedure*. Moscow, 1971.

3. Grinenko A.V. *The system of principles of criminal procedure and its implementation at pre-trial stages: auth. abstr. ... Dr of Law*. Voronezh, 2001.

4. *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms* // *Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2001. № 2. Art. 163.

Арутюнов Александр Самсонович
кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583181)

Науменко Оксана Александровна
кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: kseny1010@mail.ru)

Особенности реализации процессуальных и организационных функций начальника подразделения дознания

В статье рассматриваются полномочия начальника подразделения дознания, закрепленные в УПК РФ и в ведомственных нормативных правовых актах. Авторы выделяют процессуальные и организационные полномочия начальника подразделения дознания, анализируют проблемные вопросы в данной области, предлагают пути их решения.

Ключевые слова: дознание, полномочие, начальник подразделения дознания, контроль, расследование.

A.S. Arutyunov, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583181;

O.A. Naumenko, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kseny1010@mail.ru

Features of implementation of procedural and organizational functions of the chief of inquiry unit

This article discusses the powers of the chief of the inquiry unit embodied in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and in the departmental normative legal acts. The authors identify procedural and organizational functions of the head of inquiry units, highlighting problematic issues in this sphere, ways of their decision.

Key words: inquiry, authority, chief of inquiry unit, control, investigation.

В досудебном производстве выделяют две разновидности контроля: 1) контроль за соблюдением административно-правовых предписаний, регулирующих отношения, связанные с организацией уголовного судопроизводства, так называемый административный (организационный) контроль;

2) процессуальный контроль, служащий обеспечению исполнения норм уголовно-процессуального законодательства.

Вопросам изучения различных аспектов процессуального контроля в досудебном производстве со стороны начальника подразделения дознания посвящены многие научные работы, авторами которых являются, в частности, Л.В. Черепанова, М.М. Кузембаева, В.И. Безрядин, С.В. Щербич, П.А. Петров и др., рассматривавшие отдельные проблемы в этом виде деятельности [1–4].

В уголовно-процессуальном законодательстве начальник подразделения дознания наделен широкими полномочиями, среди которых процессуальное руководство уголовно-процессуальной деятельностью подчиненных ему дознавателей. В ст. 40.1 УПК РФ закреплены такие полномочия к подчиненным дознавателям, как поручение им проверки сообщения о преступлении, принятие по этому сообщению решения, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу; изъятие уголовного дела у дознавателя и передача его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи; отмена необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу; внесение прокурору ходатайства об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела [5].

Очевидно, что такие полномочия требуют от начальника подразделения дознания определенных средств контроля. Это могут быть систематическое наблюдение и проверка уголовных дел или материалов, содержащих сведения о преступлении, находящихся у дознавателей на рассмотрении, а также различные средства предупреждения и устранения нарушений нормативных требований и последствий. Полагаем, что все средства контроля должны быть направлены на проверку законности и обоснованности процессуальных решений дознавателей; устранение нарушений закона со стороны дознавателей.

По мнению Т.А. Арепьевой, «основные направления уголовно-процессуальной деятельности начальника подразделения дознания – это наиболее важные виды уголовно-процессуальной деятельности, каждый из которых представлен определенной совокупностью действий, совершаемых начальником подразделения дознания в установленном процессуальным законом порядке для решения возложенных на него задач, обусловленных назначением уголовного судопроизводства» [6, с. 9].

Поддерживая позицию Б.Я. Гаврилова, И.А. Насоновой, Т.А. Степановой о необходимости дальнейшего совершенствования деятельности начальника подразделения дознания [7; 8], отметим, что, осуществляя контрольные полномочия, начальник подразделения дознания вправе не только проверять материалы уголовного дела, находящегося в производстве у дознавателей, но и давать им указания.

УПК РФ выделяет следующие направления указаний начальника подразделения дознания:

- 1) о направлении расследования;
- 2) о производстве отдельных следственных действий;
- 3) об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения;
- 4) о квалификации преступления;
- 5) об объеме обвинения.

Под понятием «направление расследования», которое помимо п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ упоминается также в п. 4 ч. 2 ст. 37, п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, по нашему мнению, следует понимать указания, которые касаются планирования расследования (например, выдвижение и проверка версий), некоторые организационные указания по производству отдельных следственных действий (например, начальник

подразделения дознания может дать указание провести какие-либо следственные действия незамедлительно в целях качественного и быстрого расследования и раскрытия преступления). Кроме того, под понятием «направление» расследования можно понимать и отдельные указания о незамедлительном приводе или производстве ареста и др.

Проведя сравнительный анализ полномочий прокурора и начальника подразделения дознания, мы пришли к выводу, что последний вправе давать указания о направлении расследования по вопросам выяснения обстоятельств дела так же, как и прокурор, но есть исключения. Начальник подразделения дознания не вправе давать указания:

- 1) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования);
- 2) об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 3) о направлении дела по подсудности в следственный орган или по подсудности мировому судье.

Изучение содержания указаний, которые в письменном виде дает начальник подразделения дознания, выявило тот факт, что руководители составляют их формально, во всех материалах мы встретили достаточно «шаблонные» указания. Возможно, на практике начальники подразделений в устной форме осуществляют закрепленные за ними полномочия по указанию направления расследования и объясняют дознавателям особенности расследования того или иного дела. К сожалению, конкретики в указаниях начальников подразделений дознания при изучении уголовных дел нами не было отмечено. В большинстве случаев, например в уголовных делах по неочевидным преступлениям, указания были о составлении плана оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, о направлении отдельных поручений. Полагаем, что в указании начальника подразделения дознания должно содержаться описание конкретных следственных действий или раскрываться содержание отдельного поручения. Получается, что начальник подразделения дознания дает письменное указание с содержанием очевидных процессуальных действий, невыполнение которых в любом случае повлечет ответственность дознавателя. Но указание о производстве, например, дополнительного допроса свидетеля или производстве очной ставки с указанием каких-либо вопросов нами не было

зафиксировано при анализе и изучении материалов уголовных дел.

Говоря о полномочии по отмене постановлений о приостановлении производства дознания по уголовному делу, необходимо отметить, что их количество ежегодно растет [9]. Но до настоящего времени не решена проблема отсутствия такого права начальника подразделения дознания, как установление срока дознания (в случае отмены постановления о приостановлении его производства). Таким правом обладает только прокурор. Мы считаем, что законодательство в этой части необходимо изменить, наделив соответствующим правом начальника подразделения дознания.

Что касается организационных полномочий начальника подразделения дознания, отметим, что эти полномочия прямо связаны с процессуальными.

Основным нормативным правовым актом в организационных вопросах деятельности рассматриваемого субъекта является приказ МВД России от 21 ноября 2012 г. № 1051 «Вопросы организации деятельности подразделений дознания (организации дознания) территориальных органов внутренних дел Российской Федерации», согласно которому начальники подразделений дознания различных уровней несут персональную ответственность за организацию оперативно-служебной деятельности сотрудников, находящихся в их подчинении, в том числе за принятие решений, повлекших неоправданные расходы федерального бюджета [10]. Организация оперативно-служебной деятельности дознавателей тесно связана с расследованием уголовных дел, с процессуальной деятельностью, так как одной из составных частей этой деятельности можно назвать пла-

нирование расследования как в целом всего подразделения (например, распределение нагрузки дознавателей), так и конкретного уголовного дела или даже следственного действия. Кроме того, начальник подразделения дознания вправе установить специализации среди дознавателей по расследованию конкретных уголовных дел (например, поручать производство уголовных дел по преступлениям в сфере экономики одним дознавателям, а преступления против личности – другим). Однако, исходя из личного опыта работы в подразделениях дознания, считаем, что специализация неэффективна, потому что закрепление за отдельными дознавателями как определенных территориальных зон, так и определенных категорий преступлений влечет отсутствие опыта работы у других дознавателей в данном направлении. Это отрицательно сказывается на расследовании, ведь не всегда в подразделении на рабочем месте находятся все дознаватели. Проблема в организации возникает при их уходе в отпуск, на больничный или при увольнении, поскольку не все дознаватели в результате такой организации имеют опыт расследования определенных категорий преступлений.

Наряду с указанными выше организационными полномочиями, существуют: организация внедрения в практику деятельности дознавателей рекомендаций по научной организации труда, проведение оперативных совещаний; организация обучения личного состава в системе боевой и служебной подготовки и др. Пробелом нормативного правового регулирования рассматриваемого вопроса является отсутствие четкого закрепления организационных полномочий начальника подразделения дознания.

1. Черепанова Л.В., Кузембаева М.М. *Процессуальный контроль и надзор за производством дознания: учеб. пособие.* Барнаул, 2010.

2. Безрядин В.И., Щербич С.В., Петров П.А. *Прокурорский надзор и процессуальный контроль начальника органа (подразделения) дознания в досудебном производстве: некоторые проблемы // Юридическая наука: история и современность.* 2014. № 10. С. 103–109.

3. Адаменко А.И. *К вопросу о соотношении компетенции дознавателя и органа дознания // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России.* 2012. № 4(18). С. 83–85.

1. Cherepanova L.V., Kuzembaeva M.M. *Procedural control and supervision for proceedings of inquiry: study aid.* Barnaul, 2010.

2. Bezryadin V.I., Sherbich S.V., Petrov P.A. *Public prosecutor's supervision and procedural control of the head of the body (division) of inquiry in pre-trial proceedings: some problems // Legal science: history and modernity.* 2014. № 10. P. 103–109.

3. Adamenko A.I. *To a question of a ratio competences of the investigator and inquiry body // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA.* 2012. № 4(18). P. 83–85.

4. Хамова И.Е. Оценка допустимости заключения эксперта с точки зрения надлежащих субъектов получения // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2011. № 1. С. 56–59.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 7 марта 2017 г., с изм. от 16 марта 2017 г.). URL: <http://www.consultant.ru/>

6. Арепьева Т.А. Начальник подразделения дознания в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

7. Гаврилов Б.Я. О полномочиях прокурора в досудебном производстве: современное состояние и пути совершенствования // *Вестн. института: преступление, наказание, исправление*. 2011. № 15. С. 29–33.

8. Насонова И.А., Степанова Т.А. Полномочия начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе: понятие и классификация // *Вестн. Воронеж. ин-та МВД России*. 2012. № 2. С. 111–114.

9. Архив Главного управления МВД России по Краснодарскому краю. Докладные записки начальников подразделений дознания за период 8 месяцев 2013 г. (по сост. на 1 сент. 2013 г.).

10. Вопросы организации деятельности подразделений дознания (организации дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 21 нояб. 2012 г. № 1051 (в ред. от 28 июня 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142057/

4. Hamova I.E. Evaluation of the admissibility of the conclusion of the expert from the point of view of appropriate subjects of the reception // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2011. № 1. P. 56–59.

5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001 № 174-FL (as amended on March 7, 2017, March 16, 2017). URL: <http://www.consultant.ru/>

6. Arepieva T.A. Chief of division of inquiry in the Russian criminal trial: auth. abstr. ... Candidate of Law. Moscow, 2013.

7. Gavrilov B.Ya. About the powers of the Prosecutor in pre-trial proceedings: current status and ways of improvement // *Bull. of the Institute: crime, punishment, correction*. 2011. № 15. P. 29–33.

8. Nasonova I.A., Stepanova T.A. Powers of the chief of the unit of inquiry in the Russian criminal trial: concept and classification // *Bull. of Voronezh institute of Russian MIA*. 2012. № 2. P. 111–114.

9. Archive of the Main Department of the MIA of Russia in Krasnodar. Reports of the chiefs of the inquiry units for the period of 8 months of 2013 (as of Sept. 1, 2013).

10. Issues of organization of activity of divisions of inquiry (the organization of inquiry) of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of the Interior of Russia d.d. Nov. 21, 2012 № 1051 (as amended on June 28, 2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142057/

Кобелев Дмитрий Николаевич

Калининградский центр судебной экспертизы и оценки

(e-mail: omonek@mail.ru)

Понятие и сущность антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности

В статье дано определение понятия «антитеррористическая деятельность», выделены основные элементы, образующие содержание антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности, дано авторское определение содержания антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности.

Ключевые слова: антитеррористическая деятельность, подразделения специального назначения, противодействие терроризму, борьба с терроризмом, объект и субъект антитеррористической деятельности, внутриведомственные правовые акты.

D.N. Koblelev, Kaliningrad Center of Judicial Examination and Evaluation; e-mail: omonek@mail.ru

The concept and essence of anti-terrorist activity of the detachments of special designation of the boundary bodies of federal security service

The article defines the concept of «anti-terrorist activity», identifies the main elements that form content of anti-terrorist activity of the unconventional units of the Federal Security Service bother authorities. The article provides an author's understanding of anti-terrorist activity carried out by the unconventional units of Federal Security Service bother authorities.

Key words: anti-terrorist activity, unconventional units, counter terrorism, anti-terrorism efforts, coordinator and subject of anti-terrorism activity, intradepartmental regulatory documents.

События, которые за последнее десятилетие происходят в мире, свидетельствуют о существенных изменениях терроризма. Это связано, прежде всего, с тем, что классическое понятие терроризма, рассматриваемое рядом ученых [1; 2; 3], не отображает изменения, происходящие в действительности. Террористическая деятельность, если рассматривать ее глобально, несет угрозу государственности в целом. Так, по данным Национального антитеррористического комитета, в 2016 г. предотвращено в 2,3 раза больше терактов, чем за 2015 г., что подтверждает сохранение террористической активности на территории Российской Федерации [4].

Создание Исламского государства Ирака и Леванте (далее – ИГИЛ) стало высшей точкой развития организации террористической направленности. Государство ИГИЛ с 2013 г. начало действовать на территории Сирии и Ирака в качестве непризнанного квазигосударства с шариатской формой правления, а 29 июня 2014 г. было провозглашено в качестве всемирного халифата со столицей в Эр-Ракка. Помимо Сирии и Ирака, ИГИЛ или подконтроль-

ные ему группировки участвовали в боевых действиях в Ливии, Ливане, Пакистане, Афганистане, Алжире, Египте, Йемене, Нигерии, вели и продолжают вести по настоящее время террористическую деятельность в некоторых других странах, в результате чего были признаны многими странами и международными организациями как террористическая организация [5; 6]. Это и является главной опасностью данного вида террористической организации, так как она несет угрозу территориальной целостности уже существующих государств. В мире, в целом, закончилось формирование государственной территории и фактически единственным способом получения территории становится агрессия со стороны новых образований.

Целостность и неприкосновенность территории находится в ведении Российской Федерации [7, ст. 4] и является основным элементом государства, а их защита и обеспечение – основа его существования. На достижение данной цели направлены положения Конституции России, запрещающие создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на подрыв без-

опасности, насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни [7, ст. 13].

Для определения сущности антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности (далее – пограничные органы) вначале необходимо рассмотреть данные категории.

Под «сущностью» в философии понимается все то, что делает явление самим собой, т.е. тем, что определяет его природу (сущность – стержень явления). Говоря о сущности какого-либо явления, мы всегда затрагиваем (определяем) его «содержание», а оно, в свою очередь, образует все те элементы и связи между этими элементами, которыми обрастает сущность, т.е. сущность явления определяет его содержание [8]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «сущность» и «содержание» – это категории, неразрывно связанные между собой и образующие друг друга.

Что же касается термина «антитеррористическая деятельность», то необходимо заметить об упоминании его в нормативных правовых актах [9, п. «д» ст. 4 р. I; 10, п. «б» ст. 1; 11, ст. 5 р. V; 12, п. «ж» ст. 2; 13, ст. 10 р. II], рассмотрении в научно-исследовательских работах [14; 15; 16], но на сегодняшний день нет единого понятийного аппарата относительно данного направления и его сущности (содержания).

Для осуществления антитеррористической деятельности подразделениями специального назначения пограничных органов необходимо в первую очередь определить ее сущность. Никогда не будет возможности сформировать нормативную базу, на которой будет основываться антитеррористическая деятельность, определить организационную составляющую этой деятельности, если не установлен предмет исследования. Также возникнут трудности с выделением комплекса методов, способов и средств, посредством которых должна осуществляться эта деятельность. Исходя из этого, с точки зрения автора, используя системно-структурный анализ, проведенный в других работах, «под антитеррористической деятельностью следует понимать деятельность международных организаций, государств и их органов власти, основанную на реализации норм международного и национального законодательства, имеющую своей целью предупреждение и борьбу с террористической деятельностью во всех ее проявлениях, минимизацию по-

следствий от нее, осуществляемую в общих и специальных формах» [17, с. 242].

По мнению автора, при рассмотрении сущности антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов следует использовать уже сформированную систему на основе изученных ранее теоретических положений [17].

Внутригосударственные субъекты антитеррористической деятельности можно разделить на три больших группы:

в ведении первой группы находится определение основ, направлений деятельности, установление компетенций федеральных органов исполнительной власти, а также организация самой деятельности этих органов и координация действий других субъектов: Президент РФ, Правительство РФ, Национальный антитеррористический комитет;

основной задачей второй группы является предупреждение терроризма, минимизация и ликвидация последствий террористической деятельности: федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и т.д.;

субъекты третьей группы, исходя из полномочий, наличия сил и средств, осуществляют борьбу с терроризмом: силовые ведомства.

При рассмотрении последней категории необходимо отметить главенствующее положение органов федеральной службы безопасности (далее – ФСБ России) в исследуемой области. Доказательством является закрепление в ст. 8 Указа Президента РФ № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» задач, в числе которых:

выявление, предупреждение и пресечение террористической и диверсионной деятельности;

организация и осуществление во взаимодействии с другими государственными органами борьбы с деятельностью незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ и групп, ставящих своей целью осуществление вооруженного мятежа, насильственное изменение конституционного строя России, насильственный захват или насильственное удержание власти [18].

Важно отметить, что именно ФСБ России является активным участником международных отношений в рассматриваемой области и выступает в роли как участника международных переговоров, так и органа государственной власти, на который возлагаются задачи по реализации взятых на себя государством обязательств в соответствии с нормами международных договоров. Значимость норм

международного права непосредственно для подразделений специального назначения заключается в том, что они наделяют государство возможностью проведения национальными специальными службами специальных операций и преследования террористов-иностранцев, совершивших преступления, на территории других государств, с которыми заключены двухсторонние или многосторонние международные соглашения.

Продолжая рассматривать исследуемую область, необходимо выделить основную задачу подразделений специального назначения: это реализация таких полномочий органов федеральной службы безопасности, как предупреждение и противодействие террористической и диверсионной деятельности.

Например, применение специальных подразделений, спецслужб для нейтрализации террористов и ведения переговоров с ними Дж. Поланд выводит в отдельную стадию противодействия терроризму [19, с. 192].

Опираясь на определение автора, можно сделать вывод о том, что подразделения специального назначения не могут рассматриваться в качестве полноценного субъекта антитеррористической деятельности, так как выполняют только ограниченное количество функций, а именно предупреждение и противодействие террористической и диверсионной деятельности. Но даже предупреждение осуществляется в специальных формах, например проведение мероприятий по нейтрализации террористов до проведения террористического акта.

Вторым элементом являются нормативные правовые акты, регламентирующие антитеррористическую деятельность. Значение международных договоров для подразделений специального назначения, как уже отмечалось автором, сводится к тому, что на такие подразделения возлагаются задачи по реализации отдельных положений указанных нормативных актов, что выражается в качестве положений национальных нормативных правовых актов и ведомственных инструкций. Например, при проведении зимних Олимпийских игр в Сочи подразделения специального назначения (в том числе пограничных органов) реализовывали обязанность государства, принимавшего у себя игры, по обеспечению безопасности проведения массовых спортивных мероприятий [20, с. 177–187].

В регулировании деятельности подразделений специального назначения первостепенное значение имеют внутриведомственные правовые акты. Это обусловлено, прежде всего,

следующими факторами: необходимость защиты информации (персональных данных) в отношении лиц, участвующих в проведении антитеррористической деятельности; обеспечение доступа к информации, содержащей особенности тактики действий подразделений специального назначения, ограниченный круг лиц; обеспечение скрытности проводимых мероприятий; раскрытие особенностей реализации форм антитеррористической деятельности подразделений.

В качестве третьего элемента системы антитеррористической деятельности выступает объект. В силу своей специфики подразделения специального назначения пограничных органов реализуют свои функции в пределах ограниченного пространства. Основные усилия сосредоточиваются на действиях, ограниченных пограничным пространством Российской Федерации, как на суше, так и на море, но допустимо их использование и в иных направлениях. Например, обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной охране, обеспечение безопасности проводимых международных мероприятий, таких как встреча глав государств.

Четвертый элемент, а именно формы и методы осуществления антитеррористической деятельности подразделениями специального назначения пограничных органов, тоже имеет свои особенности. Как уже отмечалось автором выше, подразделения специального назначения применяются для реализации только отдельных функций антитеррористической деятельности.

Например, Е.Н. Егоров утверждает о существовании в мире двух направлений борьбы с терроризмом: до 2000-х гг. – стратегия антитерроризма (реакция на уже совершенные противоправные действия) и после 2000-х гг. – стратегия контртерроризма (наступательные действия в отношении терроризма). А на основании уже проведенного анализа выделяет в Российской Федерации «антитеррористическую» стратегию до 2006 г., так как в России в основном действия силовых структур были частично ответственными, и с 2006 г. «контртеррористическую», так как она ориентирована на предупреждение террористических акций, а не на их пресечение. При этом автор отмечает, что использование силы является наиболее частым методом противодействия террору [21, с. 51]. При этом термин «сила» в указанном исследовании значительно расходится по содержанию с общепринятым. Сюда включается нанесение периодических точечных ударов,

проведение кампаний по подавлению военной интервенции, проведение силовых операций, осуществление защитных мер силового характера в отношении различных объектов и т.д.

Из всего многообразия форм противодействия терроризму, используемых различными субъектами (например, наиболее универсальные – антитеррористические действия, мероприятия и операции), автор считает необходимым выделить те направления, которые будут выступать в качестве характерных для подразделений специального назначения в антитеррористической деятельности: участие в проведении специальных операций, целью которых является уничтожение или похищение террористов; участие в проведении оперативных мероприятий с целью проникновения агентуры в террористические сети, добывания необходимой информации; осуществление силовых операций по нейтрализации террористов и предотвращение проведения террористического акта; осуществление защитных мероприятий, нацеленных на охрану объектов,

представляющих потенциальный интерес для террористов.

Таким образом, сущность антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности целесообразно рассматривать через содержание этой деятельности с выделением основных элементов, которые ее образуют, анализом их совокупности и исследованием взаимодействия между ними.

Автор приходит к выводу, что под содержанием антитеррористической деятельности подразделений специального назначения пограничных органов федеральной службы безопасности следует понимать совершение на основании правовых норм Российской Федерации подразделениями специального назначения пограничных органов действий, осуществляемых как самостоятельно, так и в тесном взаимодействии с представителями иных органов государственной власти, в пределах пограничного пространства России и реализуемых преимущественно в силовых формах.

1. Коваленко Н.А. Антитеррористическая деятельность муниципальных органов власти в городских поселениях: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.

2. Нозиков В.Н., Печерская Е.А., Печерский А.В., Грузин Д.П. Антитеррористическая безопасность: учеб. пособие / под ред. А.Я. Гришина. Пенза, 2006.

3. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М., 2011.

4. URL: <http://izvestia.ru/news/626672> (дата обращения: 01.08.2016).

5. URL: <http://tass.ru/info/1264570> (дата обращения: 01.08.2016).

6. URL: <https://www.bfm.ru/news/304817> (дата обращения: 12.09.2016).

7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (по сост. на 21 июля 2014 г.) // Рос. газ. 1993. 12 дек.

8. URL: http://studopedia.ru/6_6216_filosofskoe-ponyatie-sushchnosti.html

9. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 5 окт. 2009 г. // Рос. газ. 2009. 20 окт.

10. О компетенции Федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области

1. Kovalenko N.A. Anti-terrorism activity of municipal authorities within residential areas: sociological analysis: diss. ... Candidate of Sociology. Moscow, 2008.

2. Nozikov V.N., Pecherskaya E.A., Pecherskiy A.V., Gruzin D.P. Anti-terrorist security: study aid / ed. by A.Ya. Grishin. Penza, 2006.

3. Sidorenko A.G., Tikhomirov Yu.V. Terrorism and anti-terrorism security within a context of history and modern geopolitics. Moscow, 2011.

4. URL: <http://izvestia.ru/news/626672> (date of access: 01.08.2016).

5. URL: <http://tass.ru/info/1264570> (date of access: 01.08.2016).

6. URL: <https://www.bfm.ru/news/304817> (date of access: 12.09.2016).

7. Constitution of the Russian Federation: approved by national vote on Dec. 12, 1993 (as of July 21, 2014) // Russian newsp. 1993. Dec. 12.

8. URL: http://studopedia.ru/6_6216_filosofskoe-ponyatie-sushchnosti.html

9. The Concept of combating terrorism in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on Oct. 5, 2009 // Russian newsp. 2009. Oct. 20.

10. On authority of Federal Executive Bodies governed by the Government of the Russian Federation in respect to counterterrorism: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. May 4, 2008 № 333 (as of June 6, 2013). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

противодействия терроризму: постановление Правительства РФ от 4 мая 2008 г. № 333 (по сост. на 6 июня 2013 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 22 нояб. 2008 г. № 1734-р. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об особенностях обеспечения единства измерений при осуществлении деятельности в области обороны и безопасности Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 2 окт. 2009 г. № 780. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) федеральной службы по техническому и экспортному контролю, ее территориальных органов и подведомственных организаций и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий): постановление Правительства РФ от 29 авг. 2014 г. № 875. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Шевелев А.В. Антитеррористическая деятельность в системе безопасности региона России: дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2011.

15. Галон А.А. Министерство внутренних дел Российской Федерации как структурно-функциональный элемент механизма антитеррористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

16. Макорин А.А. Организация антитеррористической деятельности в органах внутренних дел (по материалам Федеральной антитеррористической комиссии): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

17. Кобелев Д.Н., Луцай А.А. К вопросу о содержании понятия «антитеррористическая деятельность» // Общество и право. 2016. № 3(57).

18. Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 авг. 2003 г. № 960 // Собр. законодательства РФ. 2003. № 33. Ст. 3254.

19. Poland J. Understanding terrorism groups, strategies. Sacramento. 1988.

20. Кобелев Д.Н. Актуальные вопросы обеспечения безопасности морских портов // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 2(32).

21. Егоров Е.Н. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государства Центральной Азии : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.

11. On approval of the Russian Federation transport strategy for the period up to 2030: order of the Government of the Russian Federation d.d. Nov. 22, 2008 № 1734-p. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

12. On special aspects of measurements uniformity during the Russian Federation defense and security activities: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Oct. 2, 2009 № 780. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

13. On approval of requirements to anti-terrorism security of facilities (areas) of Federal Service for Technical and Export Control, its local bodies and subdivisions, and security passport form for these facilities (areas): resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Aug. 29, 2014 № 875. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

14. Shevelev A.V. Anti-terrorism activity within regional security structure of Russia: diss. ... Candidate of Sociology. Tyumen, 2011.

15. Gapon A.A. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as structural-functional element of anti-terrorism activity process: diss. ... Candidate of Law. St. Peresburg, 2008.

16. Makorkin A.A. Organizing of anti-terrorism activity within internal affairs bodies (based on materials of Federal Anti-terrorism Committee): diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2003.

17. Kobelev D.N., Lutsai A.A. About the «anti-terrorist activity» concept content // Society and law. 2016. № 3(57).

18. Issues of Federal Security Service of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Aug. 11, 2003 № 960 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 33. Art. 3254.

19. Poland J. Understanding terrorism groups, strategies. Sacramento. 1988.

20. Kobelev D.N. Pressing questions on maritime ports antiterrorist security // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2016. № 2(32).

21. Egorov E.N. Countermeasures to terrorism and religious extremism: experience of Central Asian countries: diss. ... Candidate of Political Sciences. St. Petersburg, 2015.

Карнаушенко Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583414)

Проблема модернизации норм права в условиях трансформации информационно-коммуникационной среды

В статье отмечается, что глубокие, всесторонние изменения социокоммуникативной сферы современного социума, в основе которых прогресс информационно-компьютерных, телекоммуникационных технологий, приводят к масштабным трансформациям основных подсистем общественной жизни. В этой ситуации положение многих социальных институтов существенно осложняется, так как наблюдается временная утрата эффективности систем социального контроля. В частности, институт государства испытывает проблемы, связанные с «устареванием» норм права, периодически возникающим эффектом «правового вакуума», вследствие чего возникает необходимость модернизации норм права.

Ключевые слова: социальная система, трансформация, информационно-компьютерные технологии, модернизация, нормы права, социальный контроль, риски развития.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

The problem of modernization of law in the transformation of information and communication environment

The article notes that a deep, comprehensive change of socio-communicative sphere of modern society, based on progress information and computer and telecommunication technologies leads to large-scale transformations of the basic subsystems of public life. In these conditions, the situation of many social institutions is significantly complicated, as there is a temporary loss of efficiency of systems of social control. In particular, the institution of the state is experiencing the problems associated with «aging» of the law, recurring effect of «legal vacuum», resulting in the necessity of modernization of the law.

Key words: social system, transformation, information and computer technology, modernization, rules of law, social control, risks of developing.

Современное российское общество находится в сложном динамическом положении, обусловленном масштабными социально-коммуникационными трансформациями, стремительным прогрессивным развитием информационно-компьютерных технологий, ростом влияния в обществе глобальной компьютерной сети Интернет. Наряду с очевидными индикаторами социального прогресса, наблюдаются и существенные отрицательные последствия. Следует отметить, что условия постиндустриального информационного пространства, особенно потенциал воздействия Интернета, новейших информационно-компьютерных технологий на сознание и поведение людей, требуют эффективного научного анализа.

В частности, исследователи обращают внимание на то, что в качестве технологии сетевого взаимодействия Интернет создает материальные возможности полномасштаб-

ной реализации наиболее продуктивной модели взаимодействия государства и индивида – двусторонней сбалансированной связи, способствующей консолидации гражданского общества. В связи с этим у миллионов людей появляется возможность личного участия в формировании общественного мнения; наблюдается информационное сближение центра и провинции; основополагающей тенденцией выступает отказ от цензуры и, шире, фильтрации информации [1, с. 108].

Происходящие масштабные изменения социальной реальности оказывают воздействие на социальный институт государства, в частности на такой важнейший его функциональный элемент, как правовое регулирование действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей.

В современных условиях ускоренного инновационного развития государство сталкивается с новой реальностью, новыми факторами дез-

организации, требующими адекватного реагирования. В частности, ведущая роль информации и информационных технологий в жизни современного социума детерминирует и повышенные риски вследствие нарушения целостности информационных потоков, их содержания, направленности, разбалансированности структурных элементов. Отрицательные эффекты, которые отчетливо наблюдаются время от времени в обществе и обуславливают дезорганизационные тенденции широкого круга (от распространения панических слухов до взлома компьютерных баз данных), актуализируют научно-управленческий поиск путей оптимизации ситуации. Вместе с тем, быстрое развитие социальных процессов с неизбежностью детерминирует новые угрозы и вызовы, ранее неизвестные и не изученные наукой.

В настоящее время особое внимание следует обратить на риски и угрозы деструктивного влияния агрессивных коммуникаторов на сознание и, соответственно, поведение массовой аудитории посредством информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий. В традиционном и индустриальном обществе данная проблема не проявлялась настолько серьезно, как в постиндустриальном обществе XXI в. В последнее время глубокое проникновение информационно-компьютерных технологий в быт, повседневную жизнь людей, в их досуговую сферу позволило агрессивным коммуникаторам реализовать сложные технологии «вживления» в сознание людей «фоновой» информации, на которую в подавляющем большинстве случаев реакция индивидов просто отсутствует. Возникает эффект привыкания сознания к подобного рода информационному воздействию. И если реклама, пропаганда и пр. подобные необъективные, ангажированные формы воздействия на массовую аудиторию не имеют очевидных тяжелых последствий для сознания, то информационный терроризм, манипуляция сознанием представляют весьма серьезную опасность. Данный пример наглядно иллюстрирует возникающий в определенных сферах современного общества социально-правовой вакуум, свидетельствующий о возрастающей потребности в модернизации норм права. Вместе с тем, нормы права, в отличие от других разновидностей социальных норм, обладают неповторимой спецификой. Данное обстоятельство необходимо учитывать как при научных исследованиях, так и при повседневной управленческой работе с нормами права.

С точки зрения Е.В. Пузыревой, нормы права представляют собой легально закрепленные, рассчитанные на неоднократное применение,

общеобязательные установления и правила, модели, стандарты поведения, направленные на регулирование общественных отношений и санкционированные в случае необходимости государственной силой [2, с. 36].

По мнению Ю.О. Чугунова, норма права – это абстрактное общеобязательное установленное государством правило поведения, реализация которого обеспечивается возможностью применения государственного принуждения. Для воплощения нормы права в жизнь необходимо наличие эффективно функционирующего механизма правового воздействия [3, с. 82].

Исследователи обращают внимание на особенность норм права, заключающуюся в необходимости создания условий для эффективного выполнения функции регулирования общественных отношений. Именно для этих целей содержание, закрепленное в источнике права, должно обладать совокупностью определенных свойств – качеством выражения [2, с. 14].

Одним из специфических признаков норм права выступает ориентация на стабильность, предсказуемость социальных действий и взаимодействий. Именно нормы права продуцируют и поддерживают в репрезентативном для большинства состоянии определенные правила поведения людей, носящие общеобязательный, во многом универсальный характер. Эффективность норм права достигается силой принуждения государства, его особыми инструментами, в первую очередь правоохранительной системой. Однако опора лишь на репрессивные системы социального контроля института государства является ненадежным и во многом противоречивым социальным регулятором.

Как отмечают исследователи, в современном российском обществе происходит трансформация общественных отношений, что влечет за собой изменение содержания социальных норм, в частности правовых, как одного из основных средств регулирования поведения и взаимодействия людей. Социальная норма воплощает общественную волю и осознанную необходимость, представляя собой определенную конструкцию образа жизни общества. В настоящее время исследователи констатируют, что у населения России нет прочных традиций законопослушания и законопочитания, происходит деформация правового сознания, утрата доверия к власти и правоохранительным органам [4, с. 23–27].

Для достижения стабильного функционирования норм права необходимо постоянно совершенствовать данный механизм, преодолевать деструктивно-дисфункциональные тенденции, которые могут возникать в силу ряда причин как объективного, так и субъективного

плана. Именно отказ от модернизации, «зако-
стение» норм права, их отрыв от объектив-
ной социальной реальности, на наш взгляд,
выступает одним из серьезных источников ри-
сков для социально-правовой системы и, как
следствие, всего социума в целом.

Стоит отметить, что весьма серьезной на-
учно-управленческой проблемой выступает
эффективная, научно обоснованная и одно-
временно практически ориентированная мо-
дернизация норм права. Такая целевая уста-
новка особенно актуализируется в социуме
в период его исторического развития, когда
ключевые социальные институты и подсисте-
мы стремительно развиваются. При этом на-
блюдается (на теоретическом и эмпирическом
уровне) опасный дисбаланс между потребно-
стями в инновационном развитии социальной
системы и сохранением основ стабильного су-
ществования в его традиционном виде. Имен-
но на ликвидацию нарастающего (по мере
усиления трансформационных процессов)
противоречия с целью сохранения определен-
ного позитивного наследия и одновременно
недопущения архаизации и демодернизации
системы должны быть направлены основные
ресурсы института государства. Однако на
деле зачастую так не происходит, главным об-
разом, вследствие того, что решения прини-
маются наобум, без должной научной экспе-
ртизы, всесторонней оценки эффективности и
релевантности проблемной ситуации осущест-
вляемых действий.

В последние годы у российских исследовате-
лей вполне закономерно наблюдается возрас-
тание интереса к проблематике модернизации
права. В связи с этим правомерно указывает-
ся, что российское право в ходе модернизации
оказывается перед лицом двоякого вызова.
С одной стороны, ему предстоит выработать
теоретические стратегии адаптации своих ба-
зовых идей к новым условиям человеческой
свободы – свободы информационной при со-
хранении фундаментальных ценностей есте-
ственно-правовой доктрины. С другой – раз-
работать на теоретическом уровне решение
глобальной задачи информационного обще-
ства, преодоления так называемого «цифрово-
го разрыва» (неравенство граждан в доступе к
современным цифровым коммуникационным
технологиям и предоставляемым ими услугам)
[1, с. 109–110].

По мнению А.В. Белинкова, модернизация
права – это такое качественное изменение
существующей правовой системы, которое
использует опыт мировых правовых систем,
одновременно сохраняя преемственность в
развитии собственной правовой системы [5,

с. 8–11]. В связи с этим исследователь обра-
щает внимание и на обратный процесс; ведь
именно государство инициирует и поддержи-
вает процесс модернизации права, определяет
ее задачи и цели. В процессе социальной мо-
дернизации именно право является наиболее
мощным инструментом в руках государства
для проведения необходимых преобразований
[5, с. 7–8].

Следует отметить, что в последнее десяти-
летие в нашей стране достаточно активно идет
процесс модернизации права с учетом прогрес-
сирующей информационно-коммуникационной
подсистемы общества, генезиса локальных на-
циональных структур постиндустриального ми-
ропорядка. Как представляется, нормативные
правовые акты, принятые в России в послед-
ние годы, являются закономерным отражением
попыток государства адаптировать свои струк-
туры социального контроля к условиям постин-
дустриального информационного общества,
обеспечить информационную и национальную
безопасность России – как в микро-, так и ма-
кросоциальном масштабе. Безусловно, важ-
ность данных мероприятий не может подвер-
гаться сомнению; вместе с тем, необходимы
конкретизация и дополнение произведенных
действий, глубокий научный анализ судебной
практики по таким делам, устранение возмож-
ных противоречий и дисфункциональных мо-
ментов, которые с неизбежностью возникают,
когда речь идет о модернизации норм права
применительно к сфере «высоких технологий».
Движение Российского государства по данному
пути будет весьма непростым, однако другой
конструктивной альтернативы просто нет, учи-
тывая тяжесть угроз и вызовов для института
государства в начале XXI в.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в
настоящее время становится очевидной необ-
ходимость модернизации норм права с учетом
происходящих технико-технологических из-
менений и становления структур глобального
информационного общества. По нашему мнe-
нию, основные направления проводимых ме-
роприятий должны быть осуществлены с уче-
том виртуализации социального пространства,
вследствие чего отчетливо наблюдаются ин-
дикаторы инновационных, ранее не известных
социальных действий и взаимодействий инди-
видов, групп, общностей. В частности, стоит
обратить внимание на дистанционное, техни-
чески опосредованное взаимодействие людей,
как правило, с помощью новейших интернет- и
телекоммуникационных технологий. Зачастую
сложившимся положением достаточно успеш-
но пользуются злоумышленники в целях хище-
ния информации, финансовых средств и т.д.

Не меньшую проблему представляет деструктивное воздействие посредством системы массовых коммуникаций на психику, сознание людей. В этом аспекте нормы права в их нынешнем виде не соответствуют актуальным угрозам и вызовам безопасности как общества в целом, так и отдельной личности. В частности, существующая в нынешней редакции УК РФ ст. 110 «Доведение до самоубийства» («Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» [6]) не отражает всего спектра актуальных угроз. В современном «электронном» мире доведение до самоубийства может происходить манипулятивным путем, посредством продуманного, изолированного воздействия на психику жертвы, введения ее в заблуждение. Именно так действовали «группы смерти» [7] в социальных сетях, которые осуществляли свою антисоциальную деятельность посредством игр, «затуманивания» разума, достижения особых пограничных состояний сознания у жертв. Этот эффект может достигаться просто доверительным, приватным, межличностным общением с человеком, однако современное право не акцентирует на данной проблеме внимания,

позволяя преступникам практически безнаказанно осуществлять противоправную деятельность в Интернете. Особенно опасна обозначенная нами проблема в молодежной среде с ее лабильным, неустойчивым, нестабильным сознанием, желанием самоидентификации и одновременно активным «поиском себя» во взрослом мире.

Ситуация осложняется тем, что деструктивное информационно-компьютерное воздействие на сознание людей может осуществляться широкой группой антисоциальных коммуникаторов: экстремистами, криминалитетом, идеологами сект, террористами, радикалами и пр. Современное интернет-пространство предоставляет широкие возможности для маскировки противоправной деятельности, реализации дистанционных продуманных алгоритмов ухода от ответственности. Сложившаяся ситуация как с состоянием норм права, так и с их реализацией правоохранительными органами в сфере интернет-технологий вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку в настоящее время необходимо оперативное устранение возникшей проблемы, грозящей опасными социальными последствиями для российского общества, особенно его подрастающего поколения.

1. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6.

2. Пузырева Е.В. Нормы российского права: теоретические аспекты понимания и качества выражения: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

3. Чугунов Ю.О. Норма права и правоотношение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

4. Степанцова Е.В. Правовая норма в контексте социального нормирования: дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2012.

5. Белинков А.В. Модернизация права в России: теоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/bddefeedee59e3a0cd80ee378c510bee13dabeb0/ (дата обращения: 20.03.2017).

7. URL: <http://dinskie.ru/threads/Группы-смерти-ВКОНТАКТЕ-пропаганда-суицида.491/#post-863> (дата обращения: 20.03.2017).

1. Rybakov O. Yu., Tikhonova S. V. *Modernization of law and socio-humanitarian science: problems of communication* // *Public sciences and modernity*. 2011. № 6.

2. Puzyreva E. V. *Norms of Russian legislation: theoretical aspects of the understanding and quality of expression: diss. ... Candidate of Law*. St. Petersburg, 2007.

3. Chugunov Yu. O. *Rule of law and the law relationship: diss. ... Candidate of Law*. Moscow, 2004.

4. Stepanцова E. V. *Legal regulation in the context of social regulation: diss. Candidate of Philosophy*. Kemerovo, 2012.

5. Belinkov A. V. *Modernization of law in Russia: theoretical analysis: auth. abstr. ... Candidate of Law*. Moscow, 1999.

6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/bddefeedee59e3a0cd80ee378c510bee13dabeb0/ (date of access: 20.03.2017).

7. URL: <http://dinskie.ru/threads/Gruppy-smerti-VKONTAKTE-propaganda-suitsida.491/#post-863> (date of access: 20.03.2017).

Глушаченко Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
(e-mail: gospravogpu@gmail.com)

Законотворческая деятельность депутатов Государственной Думы имперского периода

В статье исследуется законотворческий процесс в первом российском парламенте. Автор проводит анализ обсуждений законопроектов в Государственной Думе четырех созывов и позиций, занимаемых различными фракциями.

Ключевые слова: Государственная Дума, парламент, депутаты, фракции, законопроекты.

S.B. Glushachenko, Doctor of Law, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: gospravogpu@gmail.com

Legislative activity of deputies of the State Duma of the imperial period

The article is devoted to the study of the legislative process in the first Russian parliament. The author analyzes discussions of bills in the State Duma of four convocations and positions held by various factions.

Key words: State Duma, parliament, deputies, factions, bills.

Изучая историко-правовой опыт законотворческой деятельности депутатов первого российского парламента, важно обратиться к «Учреждению Государственной думы», подписанному Николаем II 6 августа 1905 г. Документ имел специальный раздел «О предметах ведения Государственной думы», определявший полномочия Думы: а) предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены; б) финансовые сметы министерств и главных управлений и государственная роспись доходов и расходов, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные, – на основании особых по сему предмету правил; в) отчет государственного контроля по использованию государственной росписи; г) дела об отчуждении части государственных доходов или имущества, требующие высочайшего соизволения; д) дела о постройке железных дорог непосредственным распоряжением казны и за ее счет; е) дела об учреждении компаний на акциях, когда при сем испрашиваются изъятия из действующих законов; ж) дела, вносимые на рассмотрение Думы по особым высочайшим повелениям» [1]. На Думу возлагалась обязанность «возбуждать предложения об отмене или изменении действующих и издании новых законов». Однако «предложения эти не должны касаться начал государственного устройства». Такой объем полномочий Думы был установлен законом. С помощью парламента

правительство пыталось решить объективные исторические задачи: во-первых, модернизировать государственную систему, приспособив ее к новым социально-экономическим условиям и сохранив при этом императорскую власть; во-вторых, осуществить реформы и избежать тем самым новых социальных потрясений.

Важнейшим вопросом как для страны, так и для Думы был аграрный вопрос. Проанализируем, как проходило обсуждение аграрного законопроекта в Государственной Думе четырех созывов и какие позиции занимали различные фракции. На рассмотрение I Думой было представлено два законопроекта. Первый – от кадетской партии, подписанный 42 депутатами, включал следующие требования: «Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян и других разрядов земледельцев, – государственными, удельными, кабинетскими, монастырскими, церковными землями и путем обязательного отчуждения для той же цели, за счет государства, в потребительских размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке...» [2, с. 169].

В противоположность кадетскому законопроекту объединившиеся в группу трудовиков крестьяне внесли на рассмотрение I Думы свой проект закона о земле, подписанный 104 депутатами. Он предусматривал, что «Земельное законодательство должно стремиться к тому,

чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на такое пользование ею» [2, с. 172].

Согласно обоим законопроектам сущность аграрной реформы заключалась в создании «государственного земельного запаса» (кадетский законопроект) или «общенародного земельного фонда» (законопроект трудовиков) для обеспечения безземельного и малоземельного населения путем отвода ему в пользование участков в пределах трудовой или потребительской нормы. Однако, по проекту трудовиков, земельный фонд должен был быть образован за счет казенных, удельных, монастырских и частновладельческих земель, превышающих трудовую норму. А кадеты считали возможным сохранить за помещиками имения, которые местными земельными учреждениями будут признаны имеющими общепольное значение. Оба проекта отличались и в вопросе о вознаграждении владельцев за отчуждаемые земли. Крестьяне требовали безвозмездного отчуждения, кадетский проект обеспечивал помещикам соответствующую оценку отчуждаемой земли и выкуп ее за счет казны. Следует отметить, что общим требованием крестьянства была национализация всех видов земель. Об этом свидетельствуют многочисленные решения крестьянских собраний и сельских сходов, принятые в период обсуждения в Думе аграрного вопроса. Например, в «приговоре» крестьянского схода села Стрижевки Киевской губернии, направленном в Государственную Думу, говорилось: «Нам нужна, прежде всего, земля для приложения нашего труда, поэтому требуем передачи всей земли без какого-либо выкупа в общее народное пользование по уравнительной разверстке на трудовых началах» [2, с. 230].

Законопроекты кадетов и трудовиков были основными документами, вызвавшими бурные прения по аграрному вопросу в I Думе. Правительство выступило с резкой критикой обоих законопроектов. 20 июня 1906 г. было опубликовано обращение к народу, в котором правительство категорически высказывалось против принудительного отчуждения помещичьих земель. В обращении говорилось: «Распространяемое среди сельского населения убеждение, что земля не может составлять чьей-либо собственности, а должна состоять в пользовании только трудящихся... поэтому

необходимо произвести принудительное отчуждение всех частновладельческих земель, правительство признает совершенно неправильным» [2, с. 86]. После такого заявления кадеты хотели пойти на уступки, но это не спасло Думу. 9 июля 1906 г. был опубликован Манифест о роспуске Государственной Думы, в котором указывалась причина роспуска: «...крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям» [3]. В то же время император заверял: «Воля наша к сему непреклонна, и пахарь русский, без ущерба чужому владению, получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение... разрешение этой задачи в законодательном порядке, – считал Николай II, – будет принадлежать будущему составу Думы» [3].

Дискуссия по аграрному вопросу возобновилась во II Думе, депутатский корпус которой оказался более решительным: кроме кадетов и трудовиков в Думе появились социал-демократы, революционные демократы. Крестьянские депутаты понимали, что не только правительство, но и Дума не сможет решить аграрный вопрос в их пользу. Выступая в Думе, депутат Зимин четко обозначил эту позицию: «Аграрный вопрос должен быть разрешен самим народом непременно на местах и Дума только есть собирательница тех мнений, которые выскажет там, в глубине России, сам русский народ» [4]. Объединенная группа трудовиков, народных социалистов, эсеров и социал-демократов внесла во II Думу заявление с требованием принудительного отчуждения частновладельческих земель. Однако аграрная реформа в крестьянской постановке не была принята Думой. 3 июня 1907 г. Государственная Дума была распущена.

Обсуждение аграрного вопроса в III Думе началось 23 октября 1908 г. Суть аграрных прений сводилась к одному: поддержать или не поддержать законодательство, устанавливающее свободный выход из общины и закрепление наделов крестьян в частную собственность. Жесткость прений (выступило почти 500 депутатов) свидетельствовала о понимании всеми политическими партиями важности нового аграрного курса правительства не только для крестьянства, но и для всего государства.

Октябристы не только одобрили указ от 9 ноября 1906 г., но и потребовали введения более категоричных положений о защите част-

ной собственности на землю, не волнуясь о социальных последствиях введения данного указа. Кадеты, изменившие к этому времени свою аграрную программу, поддерживая указ, понимали, что «принудительное отчуждение» помещичьей земли лучше, чем полицейский развал общины. Выступая от кадетской фракции, А.И. Шингарев заявлял: «Насаждение личной собственности... и порядка настолько ценные сокровища, что чрезвычайно рискованно подвергать их неумелым экспериментам. Мы хотим, чтобы... этот институт проводился не так, как горячие блины, а долгой, трудной, обдуманной законодательной работой» [5]. Другими словами, кадеты призывали к продуманному проведению реформы. Таким образом, идею столыпинской реформы поддержали в Думе все депутаты от монархистов и октябристов до кадетов, усматривая в ней идею, направленную к буржуазному развитию деревни.

Крестьянские депутаты III Думы без различия партийной принадлежности не поддерживали указ, как и обязательное сохранение общины. Они высказывались против насильственного ее разрушения, против сохранения помещичьего землевладения. Основная мысль выступлений крестьян заключалась в том, что указ не разрешит земельного вопроса. В частности, депутат от Вятской губернии трудовик А.Е. Кропотков заявлял: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон от 9 ноября – помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков и помещиков, а из бедняков – батраков... Мои избиратели задавали такие вопросы: отчего это делается насильственно... зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников... Наказывали мне избиратели: скажи ты в Госдуме, что так жить больше нельзя...» [5]. Таких примеров можно привести много.

Крестьянские депутаты внесли на рассмотрение III Думы свой законопроект, предусматривающий принудительное отчуждение по средней рыночной цене помещичьей земли, не обрабатываемой самими владельцами. Для проведения земельной реформы предлагалось создать местные земельные комиссии, избираемые всем населением. Но предложение крестьян Дума не поддержала.

14 июня 1910 г. был издан одобренный Думой, Государственным советом и утвержденный императором аграрный закон, основой которого стал указ от 9 ноября 1906 г. с изменениями и дополнениями, внесенными правоокебристским большинством III Думы и правительством. В соответствии с законом каждый

домохозяин, владеющий землей на общинном праве, мог требовать ее в частную собственность. Для поощрения выдела из общины закон предоставлял право крестьянам закрепить за собой имеющиеся излишки земли по выкупной цене 1861 г., т.е. в 10–12 раз ниже рыночной. На выход из общины требовалось согласие сельского схода, но, если оно не давалось в течение 30 дней, выдел осуществлялся распоряжением земского начальника. По требованию выделявшихся домохозяев община была обязана дать им взамен чересполосных земель отдельный участок.

Важным инструментом в проведении аграрной политики должен был стать Крестьянский банк, которому предоставлялось право скупки помещичьих земель, их дробления и последующей продажи как отдельным крестьянам, так и земельным объединениям. Условия продажи были достаточно жесткими: за просрочку платежей земля отбиралась и возвращалась для новой продажи. Банк тем самым способствовал возникновению мелкой и средней частной земельной собственности в деревне. Следует отметить, что авторы закона, прежде всего П.А. Столыпин, не рискнули объявить абсолютную свободу купли-продажи земли. Были введены некоторые ограничения. В частности, землю нельзя было передать лицу иного сословия, а только крестьянину, заложить в любом другом банке, кроме Крестьянского, продать за личные долги, завещать можно было только близким родственникам.

Как законодательный орган, Государственная Дума имела право рассматривать и утверждать бюджет. Однако согласно «Правилам о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов» от 8 марта 1906 г. бюджетные права Думы были ограничены. В вопросы ведения Думы не входил ряд доходных статей бюджета: железнодорожные тарифы, цены на водку, торговые договора с другими государствами и др. Кроме того, п. 9 Правил устанавливал, что суммы, внесенные в бюджет на основании ранее изданных законов, также не подлежали рассмотрению Думой. Правительство имело право самостоятельно расходовать бюджет во время перерывов в деятельности Думы. Было и положение ст. 18 вышеназванных Правил, фактически отстранявшее Думу от рассмотрения бюджетных расходов накануне и во время войны. Вместе с тем, правительство было заинтересовано в рассмотрении и утверждении бюджета Думой, так как от его одобрения представителями народа зависела судьба иностранных займов.

Большое место в деятельности III Думы занимали бюджетные вопросы. На ее заседаниях не раз возникали дискуссии представителей различных партий с правительством о бюджетном обеспечении военного и морского ведомств. 24 августа 1909 г. Николай II издал правила «О порядке применения статьи 96 Основных государственных законов», в соответствии с которыми вопрос о военных и морских штатах стал исключительной компетенцией исполнительной власти. Эти правила еще более ограничили права Думы в рассмотрении государственного бюджета. Почти все фракции IV Думы поддержали военный бюджет. Только фракция большевиков выступила в Думе с декларацией протеста.

Помимо аграрного закона, росписи доходов и расходов государства Государственная Дума всех четырех созывов рассматривала и другие важные документы. Например, I Дума обсуждала вопросы о неприкосновенности личности, об отмене смертной казни, о свободе совести и о равноправии граждан. Однако законы по этим вопросам не были приняты. В центре внимания IV Думы находились национальные проблемы, нужды военного времени, основные права человека. В частности, были

внесены законопроекты «О неприкосновенности личности», «О свободе собраний», «О свободе совести», «О свободе печати», «О всеобщем избирательном праве», «О неприкосновенности депутатов». Большинство законопроектов «либо остались на бумаге, либо дошли только до обсуждения в рамках работы думских комиссий» [6, с. 31]. В период IV Думы основное законодательство принималось в виде указов императора, распоряжений и узаконений правительства и министерств. Дума созывалась нерегулярно, ее политическая роль значительно снизилась.

Таким образом, с помощью Государственной Думы были проведены некоторые реформы, хотя и очень непоследовательные. Законодательская деятельность депутатов зависела от политики правительства, ответственного только перед императором и не заинтересованного в эффективности функционирования представительного органа. Если бы депутаты, прежде всего кадеты и октябристы, добились создания правительства, ответственного перед Думой, возможно, оно смогло бы более последовательно провести необходимые реформы, повысить тем самым авторитет государственной власти и избежать трагических событий 1917 г.

1. ПСЗ – 3. Т. XXV. 1 Отд. № 26661.

2. Государственная Дума в документах и материалах / сост. В.И. Калинычев. М., 1957.

3. ПСЗ – 3. Т. XXVI. № 28105.

4. Стенографические отчеты Государственной Думы. II Созыв. Сессия 2. Т. I. Стб. 769.

5. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. 1909. Ч. 1.

6. Аронов Д.В. Либеральная составляющая думского законодательства периода Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная Дума: материалы Междунар. науч. конф. Казань, 17–18 окт. 2014 г. М., 2015.

1. Complete coll. of laws – 3. Т. XXV. 1 Dep. № 26661.

2. The State Duma in documents and materials / comp. V.I. Kalinychev. Moscow, 1957.

3. Complete coll. of laws – 3. Т. XXVI. № 28105.

4. Verbatim reports of the State Duma. II Convening. Session 2. Vol. I. Column 769.

5. The State Duma. The third convening. Verbatim reports. Session 2. 1909. Pt. 1.

6. Aronov D.V. The liberal component of the duma legislation of the period of the First World War // The First World War and the State Duma: proc. of the Intern. sci. conf. Kazan, on Oct. 17–18, 2014. Moscow, 2015.

Вакарина Екатерина Андреевна

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России

Назарова Екатерина Александровна

кандидат исторических наук,
Краснодарский университет МВД России

(тел.: +78612583414)

Социальное страхование рабочих в горнорудной промышленности Российской империи второй половины XIX – начала XX века (правовой аспект)

В статье рассматриваются основные этапы законодательного регулирования института социального страхования рабочих в горнорудной промышленности России во второй половине XIX – начале XX в. Отмечается, что этот процесс был противоречивым и длительное время не соответствовал темпам модернизации российского общества.

Ключевые слова: социальное страхование, горнорудная промышленность, вспомогательные кассы, денежные пособия, пенсии.

E.A. Vakarina, Candidate of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

E.A. Nazarova, Candidate of History, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Social insurance of workers in the mining industry of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX century (legal aspect)

The article deals with the main stages of the legislative regulation of social insurance of workers in the mining industry of Russia in the second half of the XIX – early XX century. It is noted that this process has been controversial for a long time and did not match the pace of modernization of the Russian society.

Key words: social insurance, mining industrial, auxiliary cash, cash benefits, pensions.

Горнорудная промышленность в Российской империи еще с XVIII в. являлась одной из ведущих отраслей отечественной экономики, истоками которой были известные заводы Демидовых. Не удивительно, что на предприятиях именно этой отрасли в России было положено начало формированию института страхования рабочих, прежде всего это касалось лечения больных рабочих, выплат им денежных пособий, а также пенсионного обеспечения при временном ограничении (потере) трудоспособности и пенсионного обеспечения членов семьи рабочих, погибших по время исполнения трудовых обязанностей.

Это направление в России стало достаточно активно развиваться со второй половины XIX в., когда в результате крестьянской реформы значительное число рабочих, имевших статус крепостных крестьян, получали личную свобо-

ду и становись субъектами общегражданских законов (до этого действовавшие ранее правила в части страхования касались лиц, находившихся на государственной или военной службе, и только в минимальной степени касались низших сословий). Система социального страхования регулировалась по опыту уже действовавшего к тому времени германского законодательства. Нужно также иметь в виду, что социальное страхование промышленных рабочих в России довольно долгое время осуществлялось в обязательном порядке только на казенных (государственных) заводах. На частных заводах и фабриках с 1862 г. страховые отношения могли складываться по воле владельцев, с 1892 г. страхование рабочих стало обязательным на всех крупных предприятиях независимо от формы собственности, однако такая эффективная форма реализации

принципа страхования, как товарищества, о которых речь идет ниже, так и не стала обязательной для частных предприятий.

В горнозаводской промышленности с целью страхования рабочих учреждались горнозаводские товарищества. При этом главная цель их создания заключалась отнюдь не в заботе государства о здоровье рабочих (эта социальная ценность еще в Российской империи не имела конституционного закрепления), а, как отмечал Г.Ф. Тигранов, «для привязанности горнозаводских мастеровых к горному промыслу», что, в свою очередь, обуславливалось опасениями по поводу того, что после отмены крепостного права рабочие в массовом порядке будут уходить с заводов [1, с. 27]. Тем не менее социальное страхование как институт получил свое развитие.

8 марта 1861 г. был издан важнейший закон в рассматриваемой сфере – Положение о горнозаводском населении казенных заводов ведомства Министерства финансов [2], который предусматривал создание указанных выше горнозаводских товариществ и определял вектор дальнейшего развития института социального страхования рабочих горнорудных заводов, при этом сущностные вопросы, отрегулированные в данном законе, в последующем были усовершенствованы и действовали до 1917 г.

В ст. 55–70 этого закона определялись основные принципы социального страхования рабочих. Горнозаводские товарищества создавались, как правило, при каждом большом казенном предприятии, а для небольших заводов учреждались объединенные горнозаводские товарищества. Членами товариществ могли быть постоянно работающие на предприятии рабочие, служители и мастеровые, заключившие с администрацией предприятия («заводоуправлением») трудовой договор на год и более (далее указанные категории обозначаются как «рабочие»). Что касается временных работников, то они не попадали под действие страховых законов.

Социальное страхование осуществлялось согласно данному закону в следующих основных формах: лечение больных рабочих, выплата денежного пособия больным рабочим за счет средств предприятия, а также организация вспомогательных касс. Лечение осуществлялось в больницах, которые устраивались непосредственно при предприятиях. Выплата пособий при заболевании рабочих зависела от ряда условий. В частности, больной рабочий мог содержаться в заводской больнице за счет завода только первые два месяца, при этом выплата заработной платы для холостых одиноких рабочих прекращалась полностью,

для холостых рабочих, имевших на иждивении ближайших родственников, выплачивалась третья часть заработной платы. Рабочим, которые были женаты, но не имели детей, на время болезни выплачивалась половина заработной платы, а тем, которые имели детей, – две трети от размера заработной платы. Лечение в больнице за счет предприятия допускалось лишь в «особо уважительных случаях», при этом имелось в виду, что болезнь наступала вследствие профессиональной деятельности рабочих.

Как отмечалось выше, лечение рабочих осуществлялось за счет предприятия, т.е. затраты оплачивались из получаемой предприятием прибыли. Такой подход, разумеется, не мог удовлетворять основных выгодоприобретателей от деятельности горнорудных предприятий (государство в целом, руководители заводов, их собственники, держатели акций), которые предпринимали немало усилий для того, чтобы затраты на медпомощь складывались солидарно из средств самих рабочих, прибыли предпринимателей и бюджета – так, как это уже имело место в Западной Европе.

Эта идея солидарной социальной ответственности найдет свое воплощение в России в социальном законодательстве начала XX в. А в Законе 1861 г. находили отражение только некоторые элементы солидарного социального страхования промышленных рабочих, и это касалось прежде всего учреждения и функционирования вспомогательных касс горнозаводских товариществ. Такие кассы должны были создаваться в каждом горнозаводском товариществе. Средства вспомогательных касс должны были складываться следующим образом: во-первых, путем вычета из заработной платы рабочего – члена горнозаводского товарищества (от двух до трех процентов от размера зарплаты); во-вторых, за счет взноса из прибыли предприятия, равного сумме всех средств, поступивших в кассу в течение года по предыдущему основанию от всех членов горнозаводского товарищества.

Таким образом складывалась основная часть денежных средств вспомогательных касс. Помимо этих источников были и другие, а именно вспомогательные кассы пополнялись штрафными и договорными вычетами, которые могли иметь место в случае нарушения рабочими трудовых обязанностей, добровольными пожертвованиями и иными источниками, которые предприятие или само товарищество «изыщет». Находившиеся во вспомогательных кассах денежные средства могли направляться не иначе как самим членам горнозаводского товарищества, а также, в случае их тяжелой болезни или смерти, вдовам и детям.

Денежные пособия разделялись на две группы – постоянные и временные. К числу первых относились пенсии, выплачиваемые членам товарищества, а в случае их смерти вдовам и детям. Что касается временных пособий, то таковые предназначались для следующих категорий членов горнозаводских товариществ: больным и членам их семей в случае, если лечение в больнице продолжалось более двух месяцев, которые, напомним, оплачивались предприятием; уволенным членам товариществ по болезням без назначения пенсии. Помимо этого, выплаты могли производиться в «чрезвычайных случаях», что определялось администрацией предприятия. Законодатель определял, что «пенсии горнозаводским людям, лишившимся возможности продолжать заводские или рудничные работы от увечья, на сих работах полученного, а также пенсия вдовам и сиротам горнозаводских людей, лишившихся жизни на тех работах или от увечья, от оных полученного, производятся за счет завода. Увечные и неспособные к работам заводские люди, пользующиеся ныне призрением от завода или рудника, продолжают получать от оного то же самое содержание».

Следует заметить, что в рассматриваемом законе 1861 г. вопросы создания и функционирования вспомогательных касс были отрегулированы только лишь по основным позициям. В связи с этим законодатель обязывал Министерство финансов разработать и утвердить специальное Положение о вспомогательных кассах, «в коем имеют быть определены: порядок заведывания и управления кассами, порядок отчетности и выдачи ежегодных и временных пособий, размер и тех и других, и сроки выслуги и случаи, дающие право на пособия, и все относящиеся к тому подробности. С утверждения такого положения и введения его в действие должны начаться и самые взносы в кассы». В реальности, однако, только через двадцать лет (9 апреля 1881 г.) было издано Временное положение о вспомогательных кассах [3], а еще через двенадцать лет было, наконец, принято постоянно действующее Положение о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников [4], в котором указанные выше и другие вопросы функционирования вспомогательных касс были отрегулированы достаточно подробно.

После издания Закона 1861 г. горнозаводские товарищества стали учреждаться во всех крупных казенных горнорудных предприятиях. Так, в 1862 г. было организовано Алагирское горнозаводское товарищество на Кавказе, в 1865 г. – Нижнетуринское горнозаводское товарищество на Урале, в 1866 г. там же были учреждены сра-

зу несколько товариществ – Златоустовское горнозаводское товарищество, Миасское горнозаводское товарищество, Верхнетуринское горнозаводское товарищество, Баранчинское горнозаводское товарищество, Серебрянское горнозаводское товарищество, Каменское горнозаводское товарищество, в 1867 г. – Кушвинское горнозаводское товарищество, Нижнеисетское горнозаводское товарищество, Кузинское горнозаводское товарищество, в 1869 г. было образовано Илимское горнозаводское товарищество на Алтае, в 1873 г. – Олонецкое горнозаводское товарищество на Урале, в 1873 г. – Воткинское горнозаводское товарищество, в 1886 г. – Пермское горнозаводское товарищество и Саткинское горнозаводское товарищество на том же Урале [5, с. 30–31]. Как видно, наиболее активно этот процесс шел на Урале, что вполне объяснимо, поскольку именно в этом регионе располагался центр горнорудной промышленности Российской империи. Стали решаться и смежные с социальным страхованием вопросы. Так, в 1897 г. был издан новый фабричный закон о рабочем времени [6], согласно которому устанавливалась максимальная длительность рабочего дня 11,5 часов (в предпраздничные и субботные дни – 10 часов).

Непросто и противоречиво складывалось законодательное регулирование вопросов страховых выплат в случаях смерти и получения увечья рабочими горнорудных заводов в результате несчастных случаев на предприятии. В Положении о горнозаводском населении казенных заводов ведомства Министерства финансов (ст. 70) на этот счет указывалось, что «пенсии горнозаводским рабочим, лишившимся возможности продолжать заводские и рудничные работы от увечья, на сих работах полученного, а также пенсии вдовам и сиротам горнозаводских людей, лишившихся жизни на тех же работах, или же от увечья на оных полученного, производятся за счет завода». Однако самого порядка реализации этой нормы не было до начала XX в., и рабочие (или их родственники) могли требовать пенсии за потерю нетрудоспособности только в общегражданском порядке, т.е. подавать иск и в каждом конкретном случае доказывать, что имел место несчастный случай именно в процессе производственной деятельности на данном предприятии при выполнении конкретных обязанностей рабочего и при отсутствии вины самого рабочего. При таком подходе, требовавшем немалых затрат на адвокатов, конечно же, гарантии получения пенсии по случаю постоянного ограничения (потери) трудоспособности были минимальными. Исключение было толь-

ко для рабочих казенных заводов, где данные вопросы решались быстрее и чаще в пользу рабочих.

Между тем в этом вопросе Россия значительно отставала от Западной Европы, и все чаще в России на разных уровнях ставился вопрос о социальных гарантиях промышленным рабочим (равно как о создании профсоюзных организаций, однако данный аспект мы не рассматриваем). В 1899 г. Министерство финансов обязало заводы вести специальные журналы для регистрации производственных несчастных случаев с целью выявления статистики, на основании которой в дальнейшем планировалось издать специальный закон, причем следовало регистрировать только случаи, приведшие к потере трудоспособности, в течение трех и более суток. Однако собственники заводов не спешили раскрывать такие сведения, учитывая, что ответственность в циркуляре Министерства финансов прописана не была. И только в 1901 г. удалось свести данные о несчастных случаях в таблицы, причем речь идет только о сведениях от трех тысяч заводов при общем их числе почти восемнадцать тысяч [7, с. 43–44].

1. Тигранов Г.Ф. *Кассы горнорабочих*. СПб., 1996.

2. *Положение о горнозаводском населении казенных заводов ведомства Министерства финансов: высочайше утверждено 8 марта 1861 г.* // ПСЗ – 2. № 36719.

3. *Временное положение о вспомогательных кассах от 9 апр. 1881 г.* // Собр. узаконений. 1881. № 74.

4. *Положение о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников от 26 мая 1893 г.* // Собр. узаконений. 1893. № 131.

5. Гусятников С.П. *Очерк деятельности горнозаводских товариществ казенных горных заводов за 1902–1913 гг.* // Горный журн. 1915. № 10–11.

6. *О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности: закон Российской империи от 2 июня 1897 г.* // ПСЗ – 3. № 14231.

7. *Статистика несчастных случаев с рабочими в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции*. СПб., 1908.

8. *Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семей в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности от 2 июня 1903 г.* // ПСЗ – 3. № 23060.

Наконец, в 1903 г. был принят долгожданный страховой закон [8]. Этот акт имел важнейшее значение в развитии института страхования рабочих в России, определив принципы, которые действовали до 1917 г., ряд из них был воспринят сначала советской властью, а потом и современным российским законодательством. В ст. 1 закона указывалось, что собственники заводов обязаны выплачивать пособия рабочим за более чем трехдневную утрату трудоспособности в связи с производственным несчастным случаем, а также выплачивать пожизненную пенсию при полной утрате трудоспособности по указанной причине. Все вопросы детально расписывались. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что этот закон хотя и являлся для России прогрессивным, был принят с явным опозданием (по меньшей мере на двадцать лет) и касался только крупных предприятий, немало возражений было и по поводу сумм пособий и пенсий, что дало повод в дальнейшем использовать эти недостатки революционным организациям в своей пропаганде. В итоге до конца существования Российской империи так и не было выработано законов о страховании рабочих, которые получили бы общественное согласие.

1. Tigranov G.F. *Cash desks of miners*. St. Petersburg, 1996.

2. *Regulation on the mining population of state plants of department of the Ministry of Finance: it is most highly approved on March 8, 1861* // Complete coll. of laws – 2. № 36719.

3. *Provisional regulation for auxiliary cash desks d.d. Apr. 9, 1881* // Coll. of statutes. 1881. № 74.

4. *Regulation on auxiliary cash desks of mining associations of state mountain plants and mines d.d. May 26, 1893* // Coll. of statutes. 1893. № 131.

5. Gusyatinikov S.P. *A sketch of activity of mining associations of state mountain plants for 1902–1913* // Mountain magazine. 1915. № 10–11.

6. *About duration and distribution of working hours in institutions of the factory industry: law of the Russian Empire d.d. June 2, 1897* // Complete coll. of laws – 3. № 14231.

7. *Statistics of accidents with workers in the industrial institutions subordinated to supervision of factory inspection*. St. Petersburg, 1908.

8. *Rules about remuneration of the workers and employees who were injured owing to accidents, and it is equal members of their families in the enterprises of the factory, mining and mining industry d.d. June 2, 1903* // Complete coll. of laws – 3. № 23060.

Маркунин Роман Сергеевичкандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия
(e-mail: markunin88@gmail.com)

Дисциплинарная ответственность депутатов Государственной Думы: исторический и современный аспекты

В статье исследуются вопросы дисциплинарной ответственности депутатов первого и современного российских парламентов. Приводятся примеры мер дисциплинарной ответственности депутатов. Предлагается внести некоторые изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: Государственная Дума, парламент, депутаты, дисциплинарная ответственность, санкции.

R.S. Markunin, Candidate of Law, Assistant Professor, Saratov State Academy of Law; e-mail: markunin88@gmail.com

Disciplinary responsibility of deputies of the State Duma: historical and modern aspects

The article is devoted to investigating the disciplinary responsibility of the deputies of the first and modern Russian parliaments. Examples of measures of disciplinary responsibility of deputies are given. Proposals on the introduction of relevant changes to the current legislation are made.

Key words: State Duma, Parliament, deputies, disciplinary responsibility, sanctions.

Вопрос ответственности депутатов является актуальным, поскольку сама деятельность депутатов должна проходить в интересах населения, которое, непосредственно формируя органы представительной власти, надеется на достойное представление своих интересов и решение конкретных проблем. Ответственность же в данном случае является гарантом, обеспечивающим поддержание должного уровня профессионализма в депутатской деятельности.

Особое место в этом вопросе занимает дисциплинарная ответственность, так как она связана с особенностями депутатской деятельности, а именно с ее открытостью и публичностью. Предпосылки статуса депутата, помимо правовых и политических требований, включают также и этические нормы, соблюдение которых необходимо для тех, кто претендует осуществлять депутатские полномочия. Ответственность за нарушение этических норм, закрепленных в нормативных актах, является частью системы ответственности депутата как члена представительного органа. В настоящее время в действующем законодательстве, к сожалению, отсутствует эффективный механизм, позволяющий поддерживать дисциплину депутата на должном уровне.

Дисциплинарная ответственность депутата – вид юридической ответственности, наступающий за нарушение норм регламента органа представительной власти либо депутатской этики и выражающийся в применении мер дисциплинарного воздействия, перечень которых

устанавливается регламентом соответствующего представительного органа.

Рассмотрим правовое регулирование применения дисциплинарных санкций, предусматривающих ответственность депутатов первого и современного российских парламентов.

Нормативными правовыми актами, регулирующими правовой статус депутатов Государственной Думы в 1905–1917 гг., являются гл. X «Свода Основных Государственных Законов Российской империи» [1, с. 7, 8], Учреждение Государственной Думы [2] и Наказ Государственной Думы в 1906–1917 гг. [1, с. 29–41].

В Наказе Думы обязанностям и ответственности членов этой палаты посвящена глава «Личное положение членов Государственной Думы», содержащая нормы, которые могут быть отнесены к дисциплинарной ответственности. Эти нормы закрепляют санкции за несоблюдение обязанностей членов парламента. Наказом закреплены следующие обязанности членов представительного органа: присутствие на заседаниях Государственной Думы, на заседаниях ее комиссий; соблюдение порядка заседаний Госдумы; принятие участия в голосованиях; уведомление председателя Думы об отпуске и соблюдение его продолжительности. Некоторые из перечисленных обязанностей были подкреплены необходимыми санкциями. Так, в случае нарушения порядка членом палаты он мог быть лишен слова, а также удален с заседания или устранен на определенный срок от участия в собраниях. Практика деятельно-

сти Государственной Думы свидетельствует о разнообразных мерах дисциплинарного воздействия председателя и общего собрания в случае нарушения порядка членом палаты: призыв к порядку, замечание, лишение слова, удаление из зала, устранение от участия в заседаниях на срок от 1 до 15 дней. Важным способом воздействия председателя являлось право останавливать выступавших депутатов. Председатель пользовался этим правом в отношении тех ораторов, которые уклонялись от предмета обсуждения; произносили речи по «бумаге» или на иностранном языке, допускали оскорбления других членов Думы или посторонних лиц, неуважение к органам власти, обсуждали действия императора, призывали к коренным преобразованиям государственного строя. Как отмечал в своем дневнике Я.В. Глинка, занимавший на протяжении 11 лет деятельности Государственной Думы ведущие должности в ее Канцелярии, «разнузданность нравов и языка в Государственной Думе с трибуны и с мест не знает пределов. Систематически проявляется неуважение как самому учреждению, так и по отношению друг к другу» [3, с. 73]. Следует отметить, что с заседания Госдумы депутат мог быть удален только на основании ее коллегиального решения.

Самым массовым было удаление депутатов во время второй сессии IV Думы 22 апреля 1914 г. В процессе прений по бюджету левые члены Госдумы устроили obstruction, когда выступал председатель Совета министров И.Л. Горемыкин. В результате разразившегося скандала 22 депутата были устранены от участия в работе общего собрания на 15 заседаний [4]. В последний раз такая мера дисциплинарного воздействия применялась на пятой сессии IV Думы. 19 ноября 1916 г. социал-демократы и трудовики пытались сорвать выступление с декларацией правительства председателя Совета министров А.Ф. Трепова. По предложению председателя М.В. Родзянко, четверо членов Думы были удалены на 8 заседаний, а еще четверо – на 15 заседаний [5].

Использовались и финансовые санкции. В обязанность депутатов входило присутствие на заседаниях палаты. Каждый депутат должен был внести свое имя в ведомость присутствующих, но если он не принимал участия в поименном голосовании, то считался отсутствующим. Комиссия Думы выясняла причины неявки на заседания палаты. Отсутствующий без уважительных причин на заседании палаты лишался за каждый пропущенный день причитавшегося ему денежного довольствия.

В Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ нет главы, специально

посвященной дисциплинарной ответственности депутата. Ряд норм, которые теоретически могут быть отнесены к дисциплинарной ответственности, содержатся только в гл. 5 «Начало работы Государственной Думы. Порядок проведения заседаний Государственной Думы», закрепляющей обязанности депутата и предусматривающей санкции за их нарушение. Регламент Государственной Думы закрепляет следующие обязанности депутата как члена коллегиальной государственной структуры: обязанность присутствовать на заседаниях палаты; обязанность соблюдать правила депутатской этики; обязанность во время работы в Думе носить «деловую одежду, соответствующую официальному характеру деятельности Государственной Думы»; обязанность осуществлять право на голосование только лично.

Некоторые из перечисленных обязанностей депутатов подкреплены необходимыми санкциями. Так, постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 ноября 2016 г. № 241-7 ГД в п. 5 ст. 44 Регламента Государственной Думы внесены изменения, устанавливающие ответственность в виде уменьшения размера ежемесячных выплат в случае отсутствия депутата на заседании палаты без уважительной причины на одну шестую за каждое пропущенное заседание палаты. Решение о применении дисциплинарной ответственности в отношении отсутствующего без уважительной причины депутата Государственной Думы принимается Комитетом Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы. Введение в законодательство действовавшей в имперский период нормы о денежных санкциях за пропуски заседаний депутатами Государственной Думы без уважительных причин было вызвано массовым характером отсутствия депутатов на заседаниях. Возможность возвращения данной нормы в категорию действующих определена наличием бюджетного денежного содержания у депутатов современного российского парламента. Данный механизм повышения ответственности депутатов имеет историческое основание и эффективную апробацию.

В ст. 45 Регламента Государственной Думы закреплены такие дисциплинарные меры ответственности за нарушение депутатской этики, как предупреждение председательствующим выступающего, а в случае повторного нарушения лишение права выступления в течение всего дня заседания или на срок до одного месяца решением палаты. Целесообразно изменить порядок применения такого дисциплинарного взыскания, как лишение депутата Государственной Думы слова на одно заседание. В соответствии

со ст. 45 Регламента Госдумы лишение депутата слова на одно заседание осуществляется единоличным решением председательствующего. По мнению автора, это создает возможности для субъективных оценок в отношении эмоционально выступающих депутатов. Наказ Государственной Думы 1905–1917 гг. предусматривал лишение слова только на основании коллегиального решения – в случае необходимости пресечь противоправное выступление на заседании за лишение слова в течение дня голосовали все присутствующие.

В Государственную Думу периодически вносятся законопроекты, касающиеся мер дисциплинарной ответственности. Так, до последних изменений в Регламент депутаты фракции ЛДПР внесли на рассмотрение свой законопроект, устанавливающий обязанность депутатов посещать пленарные заседания и предусматривающий лишение полномочий, если депутат пять раз пропустил пленарные заседания без уважительных причин, факт пропусков которых подтверждался бы Верховным Судом.

Безусловно, сегодня назрела настоятельная потребность в создании системы санкций в области дисциплинарной ответственности. Вместе с тем, недопустимо применение к нарушителям мер ответственности, не установленных в регламентах. В связи с этим считаем, что следует закрепить в регламенте Государственной Думы дополнительные меры дисциплинарной ответственности. Диапазон может быть достаточно широким: от лишения слова до выдворения из зала заседаний, как это делается в некоторых странах. В случае наиболее грубого нарушения Регламента конкретные действия народного избранника также должны стать предметом обсуждения избирателями его округа. Депутат должен отчитаться за свое поведение перед избирателями и самим пред-

ставительным органом. А в крайних случаях полезно было бы закрепить возможность инициирования процедуры лишения депутатского мандата в результате виновно совершенных действий, факт которых устанавливается представителем органом.

Считаем, что наличие должной системы санкций окажет дисциплинирующий эффект на депутатов. Ответственность парламентариев перед представительным органом власти и избирателями вполне оправданна и вытекает из природы депутатского мандата. Влияние граждан на деятельность депутатов и ее контроль, а также необходимость установления их ответственности предопределяются функцией народного представительства, заключающейся в поддержании тесной связи с обществом. В таком случае ответственность депутата следовало бы понимать как отрицательное отношение государства, избирателей и общественности к депутатам, нарушившим нормальную деятельность властных структур, выражающееся в применении к виновному депутату мер общественного воздействия или установленных государством санкций [6, с. 229].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существующих мер ответственности недостаточно для обеспечения эффективной работы парламентариев. Появилась необходимость в усовершенствовании института дисциплинарной ответственности в отношении депутатов и в его должном юридическом оформлении. Совершенствование механизма ответственности оправдано не только на федеральном уровне. Считаем, что на региональном и местном уровнях власти также необходимо закреплять дополнительные меры дисциплинарного характера. Данные меры повысят уровень культуры народных представителей по отношению к своим коллегам.

1. Свод законов Российской империи. Книга первая. Т. I. Ч. 2. СПб., 1912.

2. ПСЗ – 3. Т. XXV. 1 Отд. № 26661.

3. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М., 2001.

4. Речь. 1914. № 109, 110.

5. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия V. Пг., 1917. Стб. 240–251.

6. Окулич И.П. Проблемы правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Челябинск, 2003.

1. Code of laws of the Russian Empire. The first book. Vol. I. Pt. 2. St. Petersburg, 1912.

2. Complete coll. of laws – 3. Vol. XXV. 1 Dep. № 6661.

3. Glinka Ya.V. Eleven years in the State Duma. 1906–1917: Diary and memories. Moscow, 2001.

4. Speech. 1914. № 109, 110.

5. The State Duma. Verbatim reports. Convening the fourth. Session V. Petrograd, 1917. Column 240–251.

6. Okulich I.P. Problems of the legal status of a deputy of the legislative (representative) body of state power of a subject of the Russian Federation. Chelyabinsk, 2003.

Гизатуллина Эльвира Фаридовна

Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
(e-mail: mail@kubsau.ru)

Сентябрьский (1965 год) Пленум ЦК КПСС как поворотный пункт в методах реализации государством функции управления советской экономикой

В статье анализируются решения сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и принятые в его развитие акты, которые знаменовали реформирование всей системы управления советской экономикой. Отмечается, что предоставление государственным предприятиям реальной хозяйственной самостоятельности свидетельствовало, с одной стороны, о кризисе существовавшей административно-командной экономической модели, а с другой – о решительности тогдашней правящей элиты, прежде всего Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, изменить положение к лучшему путем кардинальных решений. Дается оценка отдельным аспектам хозяйственной реформы.

Ключевые слова: реформа, Пленум ЦК КПСС, хозяйственная самостоятельность, экономический стимул, планирование, пятилетка.

E.F. Gizatullina, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru
September (1965) Plenum of the Central Committee of the CPSU as a turning point in the methods of implementation by the state of the management function of the Soviet economy

The article analyzes the decisions of the September (1965) Plenum of the Central Committee of the CPSU and adopted in furtherance of the acts that heralded the reform of the management system to the Soviet economy. It is noted that the provision of state enterprises in the real economic independence testified, on the one hand, the crisis of the existing administrative-command economic model, and on the other hand, the determination of the ruling elite, especially the Chairman of the USSR Council of Ministers A.N. Kosygin, to change the situation for the better through cardinal solutions. Assesses selected aspects of economic reform.

Key words: reform, the Plenum of the Central Committee of the CPSU, economic independence, economic incentives, planning, five-year plan.

После Октябрьской революции 1917 г. новая большевистская власть была вооружена марксистской моделью социализма в ее леворадикальном варианте [1, с. 49]. В соответствии с этим большевики объявили об огосударствлении экономики, и в довольно быстрые сроки промышленные предприятия претерпели кардинальную смену форм собственности – от частной формы собственности к форме государственной (с землей ситуация была несколько сложнее, и сельское хозяйство мы здесь не рассматриваем, хотя по большому счету и в этой сфере правила игры диктовало государство). Тем самым государство открыто взяло на себя функцию прямого управления экономикой, изъяв значительную часть этой функции у частного капитала и сделавшись, таким образом, совокупным субъектом хозяйственных отношений в промышлен-

ности (соответствующие полномочия имели законодательные и исполнительные органы власти, утверждая и реализуя экономические планы, а также государственные предприятия, которые непосредственно осуществляли хозяйственную деятельность).

Такой масштабный подход государства к методу управления общественными отношениям (в данном случае в сфере экономики) в истории других государств не встречался [2]. Однако ожидания большевиков с первых же лет функционирования советской власти оказались не оправданными, поскольку отсутствие опыта и профессиональных кадров с учетом острейшей общественно-политической обстановки в стране (Гражданская война) привели к экономическому коллапсу. Для выхода из кризиса, как известно, советская власть вынуждена была прибегнуть к новой экономической по-

литике и в некоторой степени либерализовать экономику. Затем, в период коллективизации и последующей индустриализации, система государственного управления экономикой вполне сложилась и утвердилась, что нашло отражение в Конституции СССР 1936 г., где интерес представляют следующие нормы: ст. 4, в соответствии с которой «экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» [3]; ст. 11, регламентирующая, что «хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» [3].

В период Великой Отечественной войны и в послевоенный период действовала мобилизационная модель советской экономики, где роль государства была чрезвычайно высокой. Во второй половине 1950-х гг., когда, наконец, после смерти Сталина и отказа государства от политики жестких репрессий для советской страны наступило время относительно спокойной жизни, выяснилось, что в такой ситуации прежние жестко-централизованные методы регулирования экономики уже не позволяют реально повышать уровень жизни советских граждан. И хотя многие валовые показатели семилетнего плана (1959–1965 гг.), согласно официальной статистике, выполнялись и даже перевыполнялись (например, промышленное производство увеличилось на 84% против 80% запланированного, выпуск продукции черной металлургии вырос на 67%, а цветной металлургии и вовсе более чем в два раза), по иным структурно-качественным параметрам советская экономика проседала. Так, металлургия в передовых странах уже перестала быть авангардной еще после Первой мировой войны, и на первый план выходили новые отрасли научно-технической революции (робототехника, электроника и др.), где в СССР наблюдалось отставание. Существенным минусом было снижение производительности труда, соответственно, снижены были и показатели фондоотдачи, т.е. выпуск продукции относительно стоимости основных фондов (как указывалось, общий выпуск продукции в советской эконо-

мике вырос на 84%, в то время как основные фонды по промышленности – на 100%) [4, с. 368–369].

Правящая элита не могла не понимать того, что сложившиеся методы управления экономикой (централизованное планирование с требованием выполнения валовых показателей как главного критерия оценки деятельности хозяйствующих субъектов экономической деятельности) нужно менять, и главный вектор этих изменений к середине 1960-х гг. был сформирован в результате дискуссий среди экономистов, которая развернулась в центральной печати. Характерной в этом смысле была статья ученого-экономиста Е.Г. Либермана [5], где в концентрированном виде была выражена позиция, которой придерживались многие экономисты. В этой работе ключевым являлся следующий тезис: «совершенствуя планирование, нельзя ограничиваться исправлением или дополнением отдельных плановых показателей, поскольку дело не в показателях как таковых, а в системе взаимоотношений предприятия с народным хозяйством, в способах планирования, оценки и поощрения работы производственных коллективов. До предприятия надо доводить только главные, решающие показатели, предоставляя директорам больше прав для хозяйственного маневрирования. Соответственно и оценивать предприятия следует по конечному эффекту, а не по большому числу показателей, детально регламентирующих их хозяйственную деятельность» [5].

К тому времени Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев был смещен со своих постов в октябре 1964 г., непосредственное руководство всей экономикой перешло к новому советскому премьер-министру А.Н. Косыгину, который до этого работал в должности заместителя Председателя Совета министров СССР (был заместителем Хрущева). И именно с именем Косыгина связывается реформирование советской экономики, реальное начало которому было дано на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, где в результате обсуждения доклада Косыгина было принято постановление ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [6].

Следует заметить, что на Пленуме ЦК КПСС была дана политико-экономическая и политико-правовая оценка существующего положения и определены основные направления дальнейшего развития экономики (более пред-

метно эти направления были конкретизированы в принятом несколько позже совместном партийно-правительственном постановлении, о котором речь пойдет ниже). На Пленуме ЦК КПСС прямо указывалось, что «существующая организационная структура управления, методы планирования и экономического стимулирования в промышленности не отвечают современным условиям и уровню развития производительных сил. Серьезным недостатком в руководстве промышленностью является то, что в нем преобладали административные методы в ущерб экономическим. Хозрасчет на предприятиях носит во многом формальный характер; права предприятий в хозяйственной деятельности ограничены. Работа предприятий регламентируется большим числом плановых показателей, что ограничивает самостоятельность и инициативу коллективов предприятий, снижает ответственность за улучшение организации производства. Система материального поощрения работников промышленности слабо заинтересовывает их в улучшении общих итогов работы предприятий, в повышении рентабельности производства и улучшении качества промышленной продукции» [6].

Что касается постановляющей части этого партийного форума, то здесь, как и во многих других партийных документах, много общих фраз и лозунгов, в связи с чем реформаторская сущность предлагаемых изменений, окутанная фразами о верности коммунистическому курсу, необходимости повышения уровня благосостояния всего советского народа и т.д., сразу не просматривается (примером может быть следующее положение: «В целях дальнейшего развития промышленности и повышения эффективности общественного производства, ускорения технического прогресса, увеличения темпов роста национального дохода и обеспечения на этой основе дальнейшего подъема благосостояния советского народа требуется улучшить методы планирования, усилить экономическое стимулирование промышленного производства, повысить материальную заинтересованность работников в улучшении итогов работы предприятий... От хозяйственных и плановых органов требуется большая гибкость и оперативность в планировании и управлении производством, умение своевременно учитывать меняющуюся хозяйственную обстановку, маневрировать ресурсами, увязывать производство с возросшими потребностями и спросом населения, укреплять хозяйственный расчет, быстро внедрять научно-технические достижения, находить в конкретных условиях

предприятия лучшие способы решения хозяйственных задач» [6, с. 642]; такого рода фразы многократно встречались и ранее до каких-либо перемен).

Как представляется, Пленум ЦК КПСС вынужден был обозначить и противоречие между, с одной стороны, экономическим стимулом, что характерно для капиталистической системы хозяйствования, и, с другой стороны, моральным стимулом, на что делался акцент в принятой в 1961 г. Программе КПСС [7]. Так, в рассматриваемом партийном документе указывалось, что «экономические стимулы повышения производительности общественного труда – это могучее средство движения социалистической экономики к коммунизму. В то же время партия и впредь будет неуклонно проводить курс на повышение коммунистической сознательности трудящихся, на воспитание коммунистического отношения к труду... Долг партийных организаций – всемерно развивать моральные стимулы к труду, создавать все условия для расцвета подлинно коммунистического творчества масс» [6, с. 642]. Примечательно, что о долге партийных организаций «всемерно развивать» экономический стимул к труду умалчивалось, равно как моральный стимул (в отличие от экономического стимула) в данном случае не получил оценки «могучего средства» на пути к коммунизму. Данное противоречие, на наш взгляд, при выбранном подходе реформаторов было неизбежным, поскольку многовековой опыт развития экономических отношений не знает более действенного стимула, чем экономический [8; 9], а провозглашение в СССР цели построения коммунизма в этом отношении принципиально ничего не меняло, поскольку конкретные люди в лично-семейном плане всегда хотят жить лучше, и личные интересы для абсолютного большинства людей являются приоритетными, что естественно для человека и человеческого сообщества [10].

4 октября 1965 г. в развитие партийных установок сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [11]. В этом акте имелась определенная конкретизация, сущность реформ была отражена значительно более выпукло. Так, указывалось, что «существующие методы и формы планирования и стимулирования в промышленности имеют крупные недостатки и не отвечают новым требованиям хозяйственного строительства, современным технико-эконо-

мическим условиям и уровню развития производительных сил. В плановом руководстве промышленностью чрезмерно большое место занимают административные формы и методы, а роль экономических методов принижена» [11].

Это довольно жесткая самокритика, которая ранее применительно к общей системе хозяйствования в СССР не встречалась. Фактически было заявлено, что все предшествующие годы развития советской экономики (почти 50 лет!) показали неэффективность социалистической системы управления промышленностью и низкий уровень производительности «социалистического труда». Однако признавать это советские функционеры, разумеется, не могли, и поэтому речь шла о «совершенствовании» экономической системы, но строго в рамках существующего социалистического строя.

Постановлением предписывалось, что «пятилетний план (с распределением важнейших заданий по годам) является основной формой государственного планирования развития народного хозяйства... Пятилетние и годовые планы предприятий разрабатываются ими на основе устанавливаемых вышестоящей организацией контрольных цифр. Предприятия-изготовители, исходя из контрольных цифр, заблаговременно договариваются с предприятиями-потребителями или сбытовыми и торговыми организациями об объеме, ассортименте, качестве и сроках поставки продукции и формируют портфель заказов» [11]. Здесь принципиальной представляется возможность для предприятий договариваться об условиях поставок продукции и услуг, а это уже элемент свободного предпринимательства [12].

Другим принципиальным положением следует считать решение «расширить хозяйственную самостоятельность промышленных предприятий. В связи с этим сократить число показателей плана, утверждаемых предприятиям вышестоящими организациями, ограничив их, как правило, следующими показателями: по производству: общий объем реализуемой продукции в действующих оптовых ценах. В отдельных отраслях в случае необходимости может применяться показатель – объем отгруженной продукции; важнейшие виды продукции в натуральном выражении (с указанием в том числе продукции для экспорта), включая показатели качества продукции; по труду – общий фонд заработной платы; по финансам: общая сумма прибыли и рентабельность; по капитальному строительству: общий объем централизован-

ных капитальных вложений, в том числе объем строительно-монтажных работ; ввод в действие основных фондов и производственных мощностей за счет: централизованных капитальных вложений; по внедрению новой техники – задания по освоению производства новых видов продукции и по внедрению новых технологических процессов, комплексной механизации и автоматизации производства, имеющих особо важное значение для развития отрасли; по материально-техническому снабжению – объем поставок предприятию сырья, материалов и оборудования, распределяемых вышестоящей организацией... Установить, что все остальные показатели планов предприятий утверждению вышестоящими организациями не подлежат, а разрабатываются самими предприятиями и используются плановыми органами как расчетные материалы к составлению планов» [11].

В литературе отмечается, что роль сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, определившего курс на самостоятельность госпредприятий, была значительно усилена принятым тогда же решением об отказе от территориальной системы управления экономикой посредством совнархозов и возврате к отраслевой системе, как было раньше, что отвечало интересам не только центра, но и союзных республик [13, с. 62]. По мнению Ю.А. Давыдовой и В.В. Громенко, «промышленная реформа 1965 г. стала одной из самых радикальных реформ за все годы советской власти» [14, с. 77]. И действительно, решения сентябрьского (1965 г.) Пленума можно считать поворотным пунктом в методах реализации государством функции управления экономикой [15]. Об эффективности принятых решений свидетельствуют статданные по восьмой пятилетке (1965–1970 гг.), которые многие специалисты считают «золотой». Так, «к осени 1967 г. по новой системе работали 5,5 тыс. предприятий, которые давали треть промышленной продукции и получали 45% прибыли. К апрелю 1969 г. их число возросло до 32 тыс., а объем продукции – до 77%. На протяжении всех пяти лет фиксировались рекордные для СССР темпы экономического роста, такие же, как в Японии тех лет» [16, с. 66–67]. Думается, что в современной России этот опыт должен быть востребован, учитывая, что доля государства в экономике по-прежнему достаточно большая, и здесь важно найти баланс между интересами общества, государства и отдельных работников с учетом, разумеется, рыночной составляющей экономических отношений.

1. Рассказов Л.П. Теория государства и права. 6-е изд. М., 2014.

2. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Карнаушенко Л.В. История государства и права зарубежных стран. Краснодар, 2004.

3. Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик: постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 дек. 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

4. Кузнецов А.Ю. История экономики России. М., 2004.

5. Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сент.

6. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: постановление ЦК КПСС от 29 сент. 1965 г. // Постановления партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 640–645.

7. Программа КПСС. М., 1961.

8. Орлов С.В. Человек и его потребности. СПб., 2006.

9. Человек и его потребности / отв. ред. А.Э. Назиров. СПб., 2011.

10. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека. СПб., 2001.

11. О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства: постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 окт. 1965 г. // СП СССР. 1965. № 19-20. Ст. 153.

12. Упоров И.В., Старков О.В. Финансовое право. М., 2013.

13. Фирсов Ю. Косыгин и его время // Рос. экон. журн. 2004. № 5-6.

14. Давыдова Ю.А., Громенко В.В. Экономические реформы в период «застоя» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 76–80.

15. Упоров И.В., Старков О.В., Рассказов Л.П. Теория государства и права. М., 2005.

16. Милуков А. Золотая пятилетка // Прямые инвестиции. 2009. № 9.

1. Rasskazov L.P. Theory of state and law. 6th ed. Moscow, 2014.

2. Rasskazov L.P., Uporov I.V., Kamaushenko L.V. History of state and law of foreign countries. Krasnodar, 2004.

3. About the adoption of the Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: resolution of the Extraordinary VIII Congress of Councils of the USSR d.d. Dec. 5, 1936 // News of the Central Election Commission of the USSR and All-Russian Central Executive Committee. 1936. № 283.

4. Kuznetsov A.Yu. History of economy of Russia. Moscow, 2004.

5. Liberman E.G. Plan, profit, award // Truth. 1962. Sept. 9.

6. About improvement of management of the industry, improvement of planning and strengthening of economic incentives of industrial production: resolution of the Central Committee of the CPSU d.d. Sept. 29, 1965 // Resolutions of party and the government on economic questions. Moscow, 1968. Vol. 5. P. 640–645.

7. Program of the CPSU. Moscow, 1961.

8. Orlov S.V. Human and his requirements. St. Petersburg, 2006.

9. Human and his requirements / resp. ed. A.E. Nazirov. St. Petersburg, 2011.

10. Rasskazov L.P., Uporov I.V. Natural human rights. St. Petersburg, 2001.

11. About improvement of planning and strengthening of economic incentives of industrial production: resolution of the Central Committee of the CPSU and Council of Ministers of the USSR d.d. Oct. 4, 1965 // Coll. of resolutions of USSR government. 1965. № 19-20. Art. 153.

12. Uporov I.V., Starkov O.V. Financial law. Moscow, 2013.

13. Firsov Yu. Kosygin and his time // Russian economy journal. 2004. № 5-6.

14. Davydova Yu.A., Gromenko V.V. Economic reforms in the period of «stagnation» // Theory and practice of social development. 2014. № 7. P. 76–80.

15. Uporov I.V., Starkov O.V., Rasskazov L.P. Theory of state and law. Moscow, 2005.

16. Milyukov A. Gold five-years period // Direct investments. 2009. № 9.

Конюшихина Наталья ИвановнаКубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
(e-mail: mail@kubsau.ru)

Проблемы взаимодействия органов контрразведки Кубанского краевого правительства и Добровольческой армии в период Гражданской войны

В статье рассматривается процесс организации и формирования органов кубанской контрразведки в контексте деятельности контрразведывательных органов Добровольческой армии на территории Кубанского края. Выделяют этапы становления и развития Кубанской контрразведки.

Ключевые слова: Вооруженные Силы на Юге России, Добровольческая армия, Кубанское краевое правительство, контрразведка, спецслужбы.

N.I. Konyushihina, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru
Problems of interaction of counterintelligence agencies of the Kuban Region Government and the Volunteer Army during the Civil War

The article considers the process of organization and formation of the bodies of the Kuban in the context of counterintelligence activities counterintelligence organs of the Volunteer army in the Kuban region. The stages of the formation and development of the Kuban counterintelligence are singled out.

Key words: Armed Forces in the South of Russia, Volunteer army, Kuban regional government, counterintelligence, intelligence.

Деятельность белогвардейских органов контрразведки, в том числе Добровольческой армии и Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР) в период Гражданской войны, ранее была глубоко и всесторонне изучена отечественными исследователями. Помимо этого, начиная с 90-х гг. XX в. публиковались нарративные источники контрразведчиков Добровольческой армии [1–3]. Вместе с тем, вопросы организации контрразведки Кубани и проблемы ее взаимодействия с аналогичным ведомством Добровольческой армии и ВСЮР оставались за рамками научных публикаций. Так, Н.С. Кирмель лишь констатирует, что «контрразведка Кубанского казачьего войска действовала самостоятельно» [4, с. 10]. В свою очередь, В.Г. Бортневский отмечает, что казачество Юга России, в том числе и кубанское, имело свои контрразведывательные органы, которые подчинялись «войсковым атаманам, правительствам и местным властям, но не зависимые от Главнокомандующего Добровольческой армии и ВСЮР. Первые такие учреждения возникли еще осенью 1917 г.» [5, с. 94]. Однако В.Ж. Цветков утверждает, что на Юге России в конце 1917 – начале 1918 г. контрразведка «практически полностью отсутствовала» [6, с. 128].

Между тем, архивные источники подтверждают справедливую позицию первых двух из указанных авторов. Кубанское краевое правительство, избранное Кубанской законодательной Радой в первой половине ноября 1917 г. сразу после октябрьского переворота большевиков в Петрограде, было наделено всей полнотой исполнительной власти в Кубанском крае и объявило военное положение [7, с. 360]. В конце 1917 – начале 1918 г. в условиях развязывания Гражданской войны оно рассматривало вопрос о создании органов разведки и контрразведки при Штабе Командующего войсками Кубани. В соответствии с этим было создано «Разведывательное отделение» как самостоятельное структурное подразделение. Оно подчинялось начальнику Штаба, тот, в свою очередь, – походному атаману Кубанского казачьего войска, который находился в непосредственном ведении Члена Краевого правительства по военным делам. «Разведывательное отделение» состояло из трех частей: политической, контрразведывательной и разведывательной. В его штат входили: начальник – старший адъютант Генерального Штаба (штаб-офицер); его помощники (обер-офицеры) – 3; помощник начальника для поручений (штаб-офицер); помощник начальника для поручений (обер-

офицер); начальники наблюдательных пунктов (обер-офицеры или чиновники) – 5; их помощники (обер-офицеры, чиновники или казаки) – 5. Таким образом, предполагалось, что «Разведывательное отделение» будет осуществлять функции военной разведки, военной контрразведки и политического розыска. 26 декабря 1917 г. председатель Краевого правительства Л.Л. Быч утвердил данные штаты с выделением финансовых средств на организацию спецслужбы [8, ф. Р-10, оп. 1, д. 4, л. 2, 24]. Однако довести замысел до логического завершения не удалось: вечером 28 февраля 1918 г. под натиском частей Красной армии Краевое правительство вместе с казачьими частями и обозом (всего около 6 тыс. человек) оставили столицу Кубани Екатеринодар [9, с. 71–74].

В ходе так называемого «2-го Кубанского похода» Добровольческая армия во главе с генералом от инфантерии М.В. Алексеевым и генерал-лейтенантом А.И. Деникиным 2 августа 1918 г. захватила Екатеринодар, вытеснив части Красной армии. Как вспоминал А.И. Деникин, около 9 часов вечера генерал И.Г. Эрдели со своей конной дивизией «ворвался в город», а утром следующего дня «наши колонны и штаб армии вступали в освобожденный Екатеринодар – ликующий, восторженно встречающий добровольцев» [10, с. 198]. По возвращении из изгнания в Екатеринодар после почти полугодового существования там советской власти Краевое правительство продолжило свою деятельность. К середине сентября 1918 г. штаты всех ведомств (министерств) Краевого правительства были сформированы и в соответствии с Постановлением Совета Краевого правительства № 63 считались утвержденными с 1 августа текущего года [8, ф. Р-8, оп. 1, д. 81, л. 4]. Однако органы контрразведки Кубани не были воссозданы. Это было связано с тем, что территория Кубанского края «обслуживалась» контрразведкой Добровольческой армии.

Следует отметить, что на первоначальном этапе существования Добровольческой армии разграничение функций разведки и контрразведки отсутствовало: обе спецслужбы добывали достоверную информацию о военно-политических событиях в России и регионе, поддерживали контакты с представителями стран Антанты и принимали меры к осуществлению раскрытия стратегических и тактических планов командования Красной армии [5, с. 89]. Им противостояли в первые месяцы советской власти несколько независимых друг от друга контрразведывательных органов, веду-

щую роль среди которых заняло образованное в мае 1918 г. Отделение Военного контроля Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам [11, с. 104–105].

Свою деятельность контрразведка Добровольческой армии строила на взятом за основу «Временном положении о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведки», утвержденном еще Временным правительством 17 июля 1917 г., где перед органами контрразведки ставились задачи: «обнаружение и обследование неприятельских шпионов, а также лиц, благоприятствующих неприятелю в его враждебных действиях против России и ее союзников» [12, с. 53]. В контексте Гражданской войны объектами деятельности контрразведки Добровольческой армии являлись разведчики и агитаторы большевиков, а также собственные дезертиры, расхитители, мошенники и прочий деструктивный элемент. Таким образом, главная задача, которая возлагалась на контрразведку, – обеспечение боеспособности Добровольческой армии [4, с. 4].

С середины 1918 г. контрразведка функционировала как самостоятельная структура и находилась в ведении Управления генерал-квартирмейстера Штаба Добровольческой армии (позднее – ВСЮР), а также штабов армий и корпусов. Контрразведывательная часть Ставки подразделялась на розыскное, судное и общее отделения, а также конвойную команду (74 человека). Кроме того, в систему контрразведывательных органов входила контрразведка Военного управления, задачей которой являлся контроль за организацией контрразведывательных органов, их штатной численностью и кадровым потенциалом [6, с. 130]. В ноябре 1918 г. А.И. Деникин утвердил штаты Контрразведывательного отделения (КРО) Управления генерал-квартирмейстера Штаба Добровольческой армии (16 человек), отдельных контрразведывательных пунктов в местностях (4 человека) и при штабах дивизий (2 человека) [4, с. 4].

Штаб Добровольческой армии после взятия Екатеринодара разместился во взятом в аренду особняке Х.И. Фотиади, владельца крупной обувной фабрики, «в большом доме, недалеко от Красной улицы» [13, с. 145] на углу Соборной и Борзиковской улиц (ныне – ул. Ленина, 53, где расположено ТО «Премьера»). В нем же жил и А.И. Деникин [14]. В середине июля 1919 г., будучи Главнокомандующим ВСЮР, он перенес Ставку из Екатеринодара в Таганрог [15]. Прибывший в Екатеринодар 5 августа 1918 г. М.В. Алексеев [8, ф. Р-6, оп. 1, д. 37,

л. 19] поселился в особняке пивовара М.Ф. Ирзы на Екатерининской улице (ныне – ул. Мира, 60, где расположена гостиница «Престиж»), после Февральской революции уехавшего на родину в Чехию [14, с. 169]. Но прожил там М.В. Алексеев недолго: после его кончины 25 сентября 1918 г. от воспаления легких [8, ф. 801, оп. 1, д. 247, л. 163об.–164] в особняк переехал второй заместитель председателя Особого совещания генерал от кавалерии А.М. Драгомиров (с октября 1918 г. – председатель). Отдельно отметим, что 18 августа 1918 г. М.В. Алексеев утвердил «Положение об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии», которое являлось «высшим органом гражданского управления» на территории, контролируемой Добровольческой армией [16, с. 6, 9]. Заседания Особого совещания проходили в особняке М.Ф. Ирзы два раза в неделю в вечернее время – по вторникам и пятницам, а по средам – у А.И. Деникина в особняке Х.И. Фотиади [17, с. 12]. Такой порядок сохранялся до августа 1919 г., когда Особое совещание было переведено в Ростов-на-Дону [16, с. 13]. После передислокации органов военного управления и Особого совещания на территорию Области Войска Донского в Екатеринодаре был оставлен контрразведывательный пункт Штаба Главкома, размещенный на Соборной улице, 30 [8, ф. Р-8, оп. 1, д. 157, л. 379].

К концу 1918 г. боевые действия на Кубани и Северном Кавказе завершились победой Добровольческой армии над частями Красной армии. В приказе Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады от 8 декабря 1918 г. № 2 констатировалось, что «в пределах Кубанского края вооруженная борьба с большевиками окончена» [8, ф. Р-8, оп. 2, д. 4, л. 8]. А.И. Деникин планировал перенести театр военных действий с южного на северное направление – в Донбасс и в направлении Царицына. К Добровольческой армии присоединилась Донская во главе с генерал-майором С.В. Денисовым. 26 декабря 1918 г. были созданы объединенные Вооруженные Силы на Юге России под началом Главнокомандующего А.И. Деникина, куда вошли Добровольческая и Донская армии, а позднее – Кавказская, Крымско-Азовская, Уральская, Туркестанская и Кубанская армии, войска Северного Кавказа (Терско-Дагестанского края), Юго-Западного края (Одесского района), Новороссии (Приазовье, Северная Таврия и Крым) и Киевской области [18, с. 113–117].

По мере расширения занимаемых ВСЮР территорий возникла необходимость урегули-

рования в них проблем государственно-политического устройства. В начале октября 1918 г. было принято «Временное Положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией», которое закрепляло всю полноту власти на указанных территориях за Верховным руководителем Добровольческой армии А.И. Деникиным [8, ф. Р-6, оп. 1, д. 93, л. 5]. Раздел 6-й Временного Положения зафиксировал за Кубанью автономию, причем ст. 25 содержала исчерпывающий перечень предметов ведения местной власти: полиция, тюремное дело, налоги и проч. Одновременно ст. 27 запрещала кубанской власти самостоятельно осуществлять внешние сношения, командование вооруженными силами, таможенную политику и т.д. Основным законом об управлении Кубани должен был выработаться в рамках Временного положения [8, ф. Р-6, оп. 1, д. 93, л. 8–8об.]. Таким образом, контрразведывательные органы не были отнесены к предметам ведения краевых властей Кубани.

Вплоть до конца 1919 г. Краевое правительство не поднимало вопроса об учреждении собственной контрразведки, поскольку, как указывалось выше, территория Кубани «обслуживалась» органами контрразведки Добровольческой армии, а впоследствии – ВСЮР. По словам начальника Военного управления Особого совещания генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, задача органов контрразведки на освобожденных территориях, в том числе на Кубани, заключалась «в аресте большевистских агитаторов и видных большевистских деятелей, оставляемых большевиками в районах, которые они принуждены были очищать при наступлении нашей армии; в производстве предварительного дознания относительно местных жителей, которые, во время господства большевиков в данной местности, своей деятельностью особо способствовали укреплению советской власти; в аресте в войсковых районах вновь проникавших туда большевистских агентов» [19, с. 193]. Так, в начале 1919 г. в поле зрения деникинской контрразведки попал Екатеринодарский областной комитет РКП(б), однако из-за просчета контрразведчиков был арестован только член подпольной организации профессор Валединский. Остальные большевики-подпольщики скрылись, предупрежденные о грозящей опасности [4, с. 116–117]. Вскоре органы контрразведки реабилитировали себя: в середине мая 1919 г. в Екатеринодаре они раскрыли большевистское подполье и арестовали членов Екатеринодарского городского комитета РКП(б) во

главе с А.А. Лиманским. Подпольщики координировали «руководство всеми скрывающимися отрядами и вооруженными силами в пределах достижения на территории, взятой Добровольческой армией» [20, с. 431].

Объектом оперативных разработок контрразведки являлись не только большевистские подпольные организации, но и группы иной партийной принадлежности. Так, в марте 1919 г. в Екатеринодаре была образована подпольная «Кубано-Черноморская группа независимых социалистов-революционеров» во главе с С.В. Евменьевым, задачей которой являлась «поддержка советской власти». В ходе оперативной разработки организации, которая осуществлялась начальником контрразведывательного пункта Штаба Главкома ВСЮР в Екатеринодаре полковником Орловским, было установлено, что в доме члена подпольной организации Е.И. Буцевич, которая работала казначеем в Обществе народных университетов, находится «тайная типография», где печатались прокламации к казакам и рабочим, «возбуждающие против Добровольческой армии». Вплоть до 10 октября за организацией эсеров осуществлялось оперативное наблюдение в целях выявления всех участников, после чего были арестованы и заключены под стражу в Екатеринодарскую тюрьму С.В. Евменьев, Е.И. Буцевич, М.А. Выголов и А.В. Ковалев. 18 октября дознание по ним было завершено и направлено начальнику контрразведывательной части Штаба Главкома ВСЮР для препровождения в Судебно-следственную комиссию [8, ф. Р-8, оп. 1, д. 157, л. 385–385об.]. Данное дело нашло широкий отклик среди населения города, негативно относящегося к деникинской контрразведке. Так, председатель Совета профсоюзов Екатеринодара в обращениях к Кубанской краевой Раде и Члену Правительства по делам юстиции выражал недоумение, что Краевое правительство, «стремящееся опереться на демократию, допускает как существование, так и проявление деятельности института, напоминающего царские Охранные отделения и, таким образом, несет ответственность за незаконные действия органов Добровольческой армии» [8, ф. Р-8, оп. 1, д. 157, л. 376–377].

Помимо этого имели место и факты, крайне раздражавшие само Краевое правительство. Например, в январе 1919 г. контрразведкой был задержан некий Блохин, петлюровский агент-курьер на Кубани, возвращавшийся в Киев, которому инкриминировалось распространение среди казаков проукраинских националистических брошюр и листовок, суть кото-

рых сводилась к тезису: «Готовься к борьбе с проклятым москалем, представителем Великой Руси». В рамках расследования контрразведка вышла на казаков ст. Пашковской, близ краевого центра, хранивших подобные воззвания, и в ходе ареста четырех молодых казаков «при попытке бежать» они были убиты, в связи с чем в станице вспыхнуло волнение. Краевое правительство инициировало изъятие уголовного дела из производства следователя 1-го корпуса Добровольческой армии и учредило Особую следственную комиссию по данному факту, в которую вошли по два представителя от Краевого правительства и Добровольческой армии [21, с. 26–27].

Особенно большой общественный резонанс произвело убийство председателя Кубанской краевой Рады «самостийника» Н.С. Рябовола в ночь на 14 июня 1919 г. в ростовском «Паласотеле». Поскольку между ним и А.И. Деникиным имелись существенные расхождения в государственно-политических и иных вопросах (позиция первого – «суверенная государственность Кубани», позиция второго – «единая и неделимая Россия»), сразу же пошли не только разговоры, но и прямые обвинения деникинской контрразведки в убийстве политика. Вся Кубань была потрясена этим фактом, и ситуация, без того не простая, достигла своего апогея [8, ф. Р-6, оп. 1, д. 148, л. 29]. Не так давно отечественный исследователь А.С. Пученков, изучив документальные материалы Бахметьевского архива при Колумбийском университете (США) и Государственного архива Российской Федерации, установил, что заказчиком убийства Н.С. Рябовола являлся бывший руководитель Политического отдела Краевого правительства, осуществлявшего функции политического розыска, полковник П.В. Карташев, который стоял во главе тайной военной организации, образованной в марте 1919 г. и направлявшей свою деятельность «против самостийников и большевиков» [22]. Ее членами, помимо офицеров-добровольцев, являлись сотрудники Осведомительного отдела Краевого правительства, не поддерживающие сепаратистскую политику своих лидеров. Исполнителем убийства стал Д.Б. Бологовский, который осуществлял в Добровольческой армии «непарламентские» методы политической борьбы: убийства, теракты и проч. В его «команду» вошли четверо офицеров и некто Хотимская, уроженка Петербурга. Операция была тщательно спланирована и достигла своей цели. Между тем, А.С. Пученков резюмирует, что «заказ» не исходил от Главкома ВСЮР А.И. Деникина, «действительно ни-

чего не знавшего о готовящемся устранении Рябовола» [22, с. 392].

Как бы то ни было, 7 августа 1919 г. по докладу помощника управляющего Ведомством по делам военным генерал-майора С.П. Звягинцева Совет Кубанского краевого правительства принял решение направить в Ведомство 60 тыс. руб. «для организации контрразведки в целях успешной борьбы с тайными большевистскими организациями» [8, ф. Р-6, оп. 1, д. 300, л. 1]. Несмотря на принятое постановление, процесс формирования контрразведки Ведомства по военным делам затянулся. Краевое правительство зондировало возможность деятельности в регионе собственной контрразведки, считая «безотлагательным устранение параллельного действия однотипных учреждений Краевых и Добровольческой армии, путем соглашения подлежащих ведомств». Лично А.И. Деникину были высказаны претензии по поводу того, что на территории Кубанского края его контрразведкой осуществляются обыски и аресты «без ведома и участия Краевой власти». Не был оставлен без внимания и тот факт, что к концу октября 1919 г. в Екатеринодарской тюрьме содержались свыше 300 человек, числящихся за контрразведкой ВСЮР, большей частью без предъявления обвинений. Подобные незаконные действия контрразведки вызывали обеспокоенность Краевого правительства, ответственного перед населением «в деле охраны конституционных гарантий» [8, ф. Р-6, оп. 1, д. 192, л. 103]. Впоследствии А.И. Деникин вспоминал, что институт контрразведки «никогда еще не получал такого широкого применения, как в минувший период гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, донское, кубанское и терское правительства, наконец, даже отдел пропаганды. Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием и подозрительностью» [23, с. 95].

В конце 1919 г., уже будучи руководителем Ведомства по военным делам, генерал С.П. Звягинцев подготовил доклад Совету Кубанского краевого правительства «О принятии штата Контр-Разведывательного Отделения Войскового Штаба Кубанского казачьего войска», в котором обосновывал необходимость учреждения Кубанской контрразведки в связи «с уходом из пределов Кубани Штаба Главкома ВСЮР». При этом он отмечал, что контрразведывательные органы А.И. Деникина, осуществляя «военный розыск, не поставляли Войско-

вого Атамана и Войсковой Штаб в известность о своей деятельности», в связи с чем и атаман, и штаб были лишены оперативной информации и не могли «своевременно принимать какие бы то ни было предупредительные меры». Кроме того, у них отсутствовали сведения «о настоящем положении борьбы с преступным элементом и ее постановкой в крае». Перед создаваемым Контрразведывательным отделением (КРО) ставилась цель – «объединение всей контрразведывательной деятельности в крае». Штат КРО должен комплектоваться «чинами специальных знаний», а деятельность КРО осуществляться на основании «Положения о контрразведывательной службе в Вооруженных Силах на Юге России» 1919 г. Характерно, что один из родоначальников военной разведки Российской империи генерал-майор Н.С. Батюшин, с марта 1919 г. находившийся в распоряжении Штаба ВСЮР, но не привлекавшийся к работе в спецслужбах по «партийным соображениям», впоследствии писал: «Положение о контрразведке мало улучшило ведение ее в Добровольческой армии, так как ее верхам не удалось побороть разъедавшую партийность и привлечь к работе сведущих в этом деле лиц» [24, с. 178].

27 декабря 1919 г. Совет Краевого правительства принял постановление, гласившее: «считать введение штата Контр-Разведывательного отделения Войскового Штаба Кубанского казачьего войска с 1 августа 1919 года» [8, ф. Р-10, оп. 1, д. 42, л. 249–249об.]. В штат КРО вошли: начальник отделения (полковник) – «военный юрист или специалист по производству расследований», при нем штаб-офицер для поручений – «преимущественно специалист по розыску»; обер-офицер для поручений – «Генштаба или специалист по розыску»; а также помощник по розыскной части, обер-офицеры для поручений – 3, заведующий агентурой, его помощник, заведующий наружным наблюдением (все – «специалисты по розыску»), переводчик, регистраторы – 2, фотограф, казначей, секретарь, писари (старшие – 3, младшие – 4). В судную часть вошли: помощник начальника КРО по судной части – «военный юрист или специалист по производству расследований»; обер-офицеры для поручений по судной части – 4, «преимущественно специалисты по производству расследований или с юридическим образованием»; делопроизводители (офицеры или чиновники) – 2 (один по судной части, другой – по общей). В штат КРО входила и конвойная команда: строевые (младший урядник и 10 казаков) и нестроевые

(казаки «для уборки помещений и посылок» – 3 и казаки «для услуг офицеров» – 3). Всего: офицеров и военных чиновников – 23, урядник – 1, казаков – 16, писарей – 7.

Кроме того, при КРО содержались «на особо отпускаемые суммы» агенты наружного наблюдения (филеры), количество которых определялось начальником КРО и утверждалось генерал-квартирмейстером Войскового Штаба. На них и секретную агентуру выделялось 200 тыс. руб. ежемесячно. Начальник КРО самостоятельно определял места и районы дислокации контрразведывательных пунктов с согласия генерал-квартирмейстера Войскового Штаба, а также обладал правами командира полка [8, ф. Р-10, оп. 1, д. 42, л. 250–250об.].

Пробелы в архивной источниковой базе, связанные с эвакуацией и реэвакуацией Государственного архива Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны и утерей большого количества единиц хранения, не позволяют рассмотреть конкретные оперативные мероприятия Кубанской контрразведки. Полагаем, что таковых было немного, поскольку через два месяца – 4 марта 1920 г. – Екатеринодар был взят частями Красной армии [18, с. 223–224]. Между тем исследователем В.Г. Бортневским в Архиве Свято-Троицкого монастыря Русской зарубежной православной церкви (США) были обнаружены и изучены документальные материалы двух контрразведывательных служб –

ВСЮР и Кубанского краевого правительства. По его словам, «секретные донесения о военно-политической ситуации и тяжелых конфликтах между различными антибольшевистскими силами проливают дополнительный свет на... акции Главного командования ВСЮР по изменению политических установлений на Кубани», которые не только не вытравивали «самостийничество» Краевого правительства, но еще более углубили разногласия с ним [5, с. 95].

Таким образом, в становлении и развитии Кубанской контрразведки выделяется два этапа: 1) 26 декабря 1917 г. – 28 февраля 1918 г., когда процесс организации и формирования органов контрразведки был прерван под натиском частей Красной армии; 2) 7 августа 1919 г. – 4 марта 1920 г., когда строительство контрразведывательных органов было возобновлено, но не получило своего дальнейшего развития в связи с установлением советской власти в регионе. На протяжении второго этапа на Кубани широко осуществляла свою деятельность контрразведка Добровольческой армии (Вооруженных Сил на Юге России), обслуживая интересы исключительно своего верховного командования, что не могло позитивно отразиться на взаимоотношениях с Кубанским краевым правительством. Разногласия между ними добавляли и принципиальные различия в позициях по вопросам государственно-политического устройства Кубани.

1. «Наши агенты от милиционера до наркома»: Воспоминания белого контрразведчика Николая Сигиды // *Родина*. 1990. № 10. С. 64–65.

2. Борман А.А. *Москва – 1918 (из записок секретного агента в Кремле) / предисл. и коммент. В.Г. Бортневского // Русское прошлое: Историко-документальный альманах*. 1991. № 1. С. 115–149.

3. Орлов В.Г. *Двойной агент: Записки русского контрразведчика*. М., 1998.

4. Кирмель Н.С. *Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка*. М., 2013.

5. Бортневский В.Г. *Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны // Отечественная история*. 1995. № 5. С. 88–100.

6. Цветков В.Ж. *Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917–1922 годах // Вопросы истории*. 2001. № 10. С. 121–136.

7. Рассказов Л.П. и др. *Кубанское казачество: историко-правовое исследование (ко-*

1. «Our agents from the militiaman to the People's Commissar»: *Memoirs of the White Counterintelligence Officer Nikolai Sigida // Motherland*. 1990. № 10. P. 64–65.

2. Borman A.A. *Moscow – 1918 (from the notes of the secret agent in the Kremlin) / forew. and comments. by V.G. Bortnevsky // Russian past: Historical and documentary almanac*. 1991. № 1. P. 115–149.

3. Orlov V.G. *Double agent: Notes of the Russian counterintelligence*. Moscow, 1998.

4. Kirmel N.S. *Special services of the White Movement. 1918–1922. Counterintelligence*. Moscow, 2013.

5. Bortnevsky V.G. *White Intelligence and Counterintelligence in the South of Russia during the Civil War // Domestic History*. 1995. № 5. P. 88–100.

6. Tsvetkov V.Zh. *Special services (intelligence and counterintelligence) of the White movement in 1917–1922 // Questions of history*. 2001. № 10. P. 121–136.

7. Rasskazov L.P., et al. *Kuban Cossacks: historical and legal research (the end of the XVIII*

нец XVIII в. – начало XXI в.) / под ред. Л.П. Рассказова. Краснодар, 2013.

8. Государственный архив Краснодарского края.

9. Леонтович В. Первые бои на Кубани. Воспоминания. Мюнхен, 1923.

10. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: в 4 т. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918 года. Берлин, 1924.

11. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004.

12. Иванов А.А. Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М., 2009.

13. Махров П.С. В штабе генерала Деникина // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1992. № 3.

14. Бардадым В.П. Архитектура Екатеринодара. Краснодар, 2002.

15. Вольная Кубань. 1919. 16 июля.

16. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине / под ред. С.В. Мироненко. М., 2008.

17. Рунов В.В. Особняк на Соборной. Краснодар, 2009.

18. Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003.

19. Воспоминания генерала А.С. Лукомского: в 2 т. Берлин, 1922. Т. 2.

20. Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях / ред.-сост. И.Ю. Бондарь. Краснодар, 1993.

21. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани: в 2 кн. Париж, 1962. Кн. 2.

22. Пученков А.С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. М., 2012. Т. XII. С. 385–406.

23. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: в 4 т. Т. 4: Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1925.

24. Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки: сб. документов и материалов / вступ. ст. И.И. Васильева, А.А. Зданович. М., 2007.

century – the beginning of the XXI century) / ed. by L.P. Rasskazov. Krasnodar, 2013.

8. The State Archives of the Krasnodar Region.

9. Leontovich V. The first battles in the Kuban. Memories. Munich, 1923.

10. Denikin A.I. Essays on the Russian Troubles: in 4 vol. Vol. 3: White movement and the struggle of the volunteer army. May – October, 1918. Berlin, 1924.

11. Zdanovich A.A. Domestic counterintelligence (1914–1920): Organizational construction. Moscow, 2004.

12. Ivanov A.A. Born by counterrevolution. Fight against enemy agents. Moscow, 2009.

13. Mahrov P.S. In the headquarters of General Denikin // Russian past: Historical and documentary almanac. 1992. № 3.

14. Bardadym V.P. Architecture of Ekaterinodar. Krasnodar, 2002.

15. Free Kuban. 1919. July 16.

16. The journals of the Special Meeting with the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia A.I. Denikin / ed. by S.V. Mironenko. Moscow, 2008.

17. Runov V.V. The mansion on Sobornaya. Krasnodar, 2009.

18. Klaving V. Civil War in Russia: White armies. Moscow, 2003.

19. Memories of General A.S. Lukomsky: in 2 vol. Berlin, 1922. Vol. 2.

20. Ekaterinodar – Krasnodar: Two centuries of the city in dates, events, memories / ed. and comp. by I.Yu. Bondar. Krasnodar, 1993.

21. Skobtsov D.E. Three years of revolution and civil war in Kuban: in 2 b. Paris, 1962. B. 2.

22. Puchenkov A.S. Denikin and Kuban in 1919: two episodes of relations // Russian collection: research on the history of Russia / ed. and comp. by O.R. Airapetov, et al. Moscow, 2012. Vol. XII. P. 385–406.

23. Denikin A.I. Essays on the Russian Troubles: in 4 vol. Vol. 4: Armed forces of the South of Russia. Berlin, 1925.

24. Batyushin N.S. At the origins of Russian counterintelligence: coll. of documents and materials / introd. art. by I.I. Vasilyev, A.A. Zdanovich. Moscow, 2007.

Кравец Сергей АлексеевичКубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
(e-mail: mail@kubsau.ru)

Проблемы организации милиции на Кубани во второй половине 1917 года: поиски путей решения

В статье рассматривается процесс введения в действие Положения о применении в Кубанской области постановлений Временного Правительства об учреждении милиции от 25 июля 1917 г. Анализируются проблемы его применения на местах.

Ключевые слова: Временное правительство, борьба с преступностью, милиция, охрана общественного порядка, отдел, район, уезд.

S.A. Kravets, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru

The problems of the organization of the militia in the Kuban in the second half of 1917: the search for solutions

The article examines the process of introduction in action Regulation on the application in the Kuban region of the decrees of the Provisional Government on the establishment of the militia d.d. July 25, 1917. Problems of its application in the field are considered.

Key words: Provisional Government, fight against crime, militia, protection of public order, department, district, county.

В начале 1917 г. резко возрос радикализм политических сил, имевший глубокие корни в отечественной истории [1, с. 48–49]. В результате в феврале 1917 г. произошло крушение монархии и было создано Временное правительство. Оно ликвидировало царскую полицию и приступило к строительству новых органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. 15 апреля на заседании Временного правительства было заслушано представление МВД «Об учреждении милиции» и решено «взамен наружной полиции учредить милицию» [2]. Для регламентации деятельности вновь учрежденного органа вводилось «Временное Положение о милиции», в преамбуле которого особо подчеркивалось, что «милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений» [2]. В связи с этим милиция разделялась на уездную и городскую, штаты которых составляли: начальник милиции, его помощники, участковые начальники милиции, их помощники, старшие милиционеры и милиционеры. При исполнении служебных обязанностей все милиционеры вооружались холодным оружием и револьверами, а также обязаны были носить установленную форму. Разделение уезда и города на участки, подведомственные уездным и

городским участковым начальникам милиции, осуществлялось уездными земскими и городскими управами. На местном уровне контроль за деятельностью милиции осуществлялся правительственными инспекторами милиции, назначавшимися МВД и подчинявшимся губернским комиссарам Временного правительства. Правительственный инспектор обладал достаточно широкими полномочиями: ему отчитывались начальники милиции о проделанной работе; в случаях явного несоответствия начальника милиции занимаемой должности Правительственный инспектор имел право временно отстранить его от должности, сообщив об этом местным властям; в том случае, если местные власти в течение 7 дней не уволят начальника милиции, Правительственный инспектор докладывал министру внутренних дел, который принимал окончательное решение по делу, предварительно рассмотренному в Совете МВД; после привлечения к уголовной ответственности начальника милиции Правительственный инспектор также временно отстранял его от должности впредь до решения суда.

Во Временном положении впервые был закреплён значимый демократический принцип: «Милиция охраняет общественную безопасность и порядок и защищает всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправства»

[2]. Центральным органом милиции в системе МВД являлось Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан.

В целях единообразного подхода к организации милиции как в городах, так и в отделах Кубани 17 мая 1917 г. Кубанский областной исполнительный комитет определил комплекс мер, направленных на реализацию постановления Временного правительства «Об учреждении милиции» и «Временного Положения о милиции» от 17 апреля 1917 г. применительно к Кубанской области. Предполагалось обязанности Правительственного инспектора милиции возложить на старшего помощника начальника области. Кубанская область разделялась на 7 милицейских уездов в соответствии с делением на отделы, а обязанности уездных начальников милиции возлагались на старших помощников атаманов отделов. Предлагалось учредить по одной должности помощника начальника уездной милиции на каждый отдел (милицейский уезд), причем для их содержания упразднялись должности участковых начальников в Екатеринодарском и Ейском отделах – по одной, а в Таманском, Майкопском, Лабинском, Кавказском и Баталпашинском – по две, с распределением их окладов содержания между 7 помощниками начальников уездной милиции. Помимо этого повсеместно упразднялись должности полицейских урядников, с заменой их старшими милиционерами – выполнение этих обязанностей возлагалось на помощников станичных атаманов, волостных и аульных старшин. В тех местах, где отсутствовали станичные, хуторские, сельские и аульные правления, учреждались должности старших милиционеров (вместо полицейских урядников) со своим штатом младших милиционеров. Через Кубанское областное правление указанные инициативы были доведены до сведения атаманов отделов, которые должны были сообщить свои соображения по данному вопросу применительно к вверенному им отделу [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 1–1об., 4]. На местах предложенные меры, в целом, были признаны целесообразными и к претворению их в жизнь на Кубани «препятствий не встретилось» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 15–15об].

25 июля 1917 г. в Общем присутствии Кубанского областного правления комиссар Временного правительства на Кубани К.Л. Бардиж утвердил «Положение о применении в Кубанской области постановлений Временного Правительства об учреждении милиции», состоящем из 5 глав и 29 статей [3,

ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 48–49об.]. В соответствии с Положением Кубанская область разделялась на семь милицейских отделов согласно административно-территориальному делению, а города с их территориями составляли Особые милицейские округа. Во главе милицейского отдела стоял отдельский начальник милиции, обязанности которого возлагались на старшего помощника атамана отдела, а в «ближайшую помощь» ему назначался помощник.

В каждом отделе создавался милиционный округ, который делился на милиционные районы [4, с. 359]: в Майкопском отделе их было шесть, а в Екатеринодарском, Таманском, Лабинском, Кавказском, Ейском и Баталпашинском – по пять. Милиционным районом руководил районный начальник милиции. Населенные пункты каждого отдела, имеющие станичные, хуторские и аульные правления, вместе со своими юртами (земельными владениями) составляли участки, вверенные старшим милиционерам. Их обязанности возлагались на «особо избранных» помощников станичных и хуторских атаманов, а также волостных и аульных старшин. В ведении старших милиционеров состоял штат младших милиционеров, число которых в конкретном населенном пункте определялось станичными, хуторскими, волостными, аульными и сельскими сборами.

Все структурные подразделения милиции находились в ведении Кубанского войскового правительства, которое руководило их деятельностью, отдавало указания и распоряжения, контролировало и осуществляло их ревизию, определяло форму одежды милиции, а также «передвижение кадров милиции в пределах области». Порядок назначения и увольнения от должности калькировался с «Временного Положения о милиции». Все должности полицейских приставов, надзирателей, урядников и участковых начальников упразднялись.

Содержание милиции осуществлялось из средств Государственного Казначейства и Кубанского казачьего войска в размерах, не превышающих сметные ассигнования на 1917 г. Однако в ряде объектов охраны старшие милиционеры содержались за счет частных средств: 1) у паромной переправы через Ясенское гирло; 2) на участке крестьянина Литвинова близ железнодорожной станции Гулькевичи Владикавказской железной дороги; 3) при Кубанском свекольно-сахарном заводе; 4) в экономии землевладельцев Немерюк и Реймер; 5) в Черноморской Мария-Магдалиновской пустыни; 6) в имени графа Сумарокова-Эльстон в юрте

ст. Варениковской; 7) при заводе Черноморско-Кубанского товарищества производства портландского цемента «Бетон» в ст. Верхнебаканской; 8) при заводе Новороссийского товарищества производства портландского цемента «Титан» при железнодорожной станции Тоннельная; 9) при заводе Новороссийского товарищества производства портландского цемента «Орел» близ железнодорожной станции Тоннельная; 10) в имении «Курго» торгового дома «Ершов и сыновья» в юрте ст. Старокорсунской; 11) в хут. Шереметьевском и на смежном участке землевладельца Тарашкевича в хут. Северин; 12) в Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни; 13) на войсковой косе у устья реки Кубань. Что касается всех без исключения младших милиционеров, то они содержались на местные средства.

Права и обязанности милиции Кубанской области, а также порядок деятельности определялся «Временным Положением о милиции» от 17 апреля 1917 г. В «Положении о применении в Кубанской области постановлений Временного Правительства об учреждении милиции» особо оговаривалось, что оно действует «впредь до реорганизации местного самоуправления в Кубанской области» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 54–57об.]. К Положению прилагался «Проект разделения каждого отдела на милицейские участки» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 59–66].

25 июля 1917 г. К.Л. Бардиж обнародовал Постановление Комиссара Кубанской области № 374: «В виду настоятельной необходимости проведения в жизнь мер к охранению общественного порядка в области, прошу Атаманов Отделов озаботиться учреждением милиции». Одновременно областной комиссар направил в Военное министерство все законоположения с просьбой утвердить их и ассигновать кредит на содержание милиции Кубани в сумме 97453 руб., поскольку «в виду усилившихся в области разбоев и грабежей, немедленное проведение в жизнь мер к охранению общественного порядка путем учреждения милиции является крайней необходимостью» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 68–69].

Как же на практике воплощалось в жизнь Положение о милиции в Кубанской области? Следует констатировать, что главным препятствием в организации милиции в сельских местностях стал финансовый фактор: некоторые станичные сборы постановили приговоры (решения) об отказе содержать младших милиционеров [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 128об.]. Комментируя подобную тенденцию, атаман

Кавказского отдела, например, полагал, что, поскольку содержание младших милиционеров ложится на местные средства, каждый населенный пункт избирает наименьшее их количество с целью сократить расход денежных средств, что идет в ущерб обеспечения должной охраны общественного порядка. Поэтому необходимо было первоначально определить норму младших милиционеров относительно «числа народонаселения» населенного пункта, т.е. исходить при их избрании из пропорции: один младший милиционер на 500, 1000 или более жителей «обоого пола». Не до конца был понятен и принцип выбора кандидата на должность районного начальника милиции: каждый населенный пункт выдвигает своего кандидата, или этим занимаются особо уполномоченные от станичных сборов конкретного района на съездах в местах дислокации районных начальников милиции? Не дожидаясь разъяснений, в ряде отделов атаманы использовали первый вариант избрания кандидата, так как «на должности старших и младших милиционеров должны быть избраны лица, пользующиеся доверием населения и от которых возможно было бы ожидать пользу в делах» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 74–74об., 81].

31 августа 1917 г. постановлением Кубанского областного правления по согласованию с Кубанским войсковым правительством, утвержденным К.Л. Бардижем, все должности участковых начальников были упразднены [3, ф. 449, оп. 9, д. 36, л. 40]. В тот же день Войсковым правительством во все отделы были назначены участковые начальники милиции [3, ф. 449, оп. 9, д. 36, л. 42–43]. 17 сентября Войсковое правление разъяснило, что бывшие участковые начальники, не получившие назначения на должности участковых начальников милиции, остаются за штатом [3, ф. 449, оп. 9, д. 36, л. 43об.] впредь до нового назначения. На деле же вышла парадоксальная ситуация: участковые начальники были уволены, вместо них на вновь учрежденные должности участковых начальников милиции были назначены новые лица, однако из каких источников финансирования платить им жалованье, а также как удовлетворять «денежным довольствием» находящихся за штатом бывших участковых начальников, было неясно. На неоднократные запросы атаманов отделов, «каким довольствием и в течение какого периода удовлетворять бывших участковых начальников, а также, с какого времени и какого источника удовлетворять содержанием участковых начальников милиции», из Кубанского областного правле-

ния следовала ссылка на ожидание указаний из Кубанского войскового правительства [3, ф. 449, оп. 9, д. 91, л. 1–3, 6]. Проблема была снята уведомлением Главного управления по делам милиции, что уволенные от службы чины бывшей полиции «правом на получение заштатного содержания не пользуются» [3, ф. 449, оп. 9, д. 583, л. 1].

В период с 24 сентября по 14 октября 1917 г. в Екатеринодаре проходила сессия Войсковой Рады, на которой она была провозглашена «Краевой», в связи с переименованием области в Кубанский край, а главными вопросами были принятие Конституции Кубани («Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае») и выборы войскового атамана. Свою кандидатуру на этот пост выдвинул и областной комиссар К.Л. Бардиж, однако не получил большинства голосов. Не желая усугублять ситуацию и провоцировать возможные волнения, он ушел в отставку [5, с. 156]. 25 октября К.Л. Бардиж объявил постановление по Кубанской области: «Согласно моей просьбе, МВД освободило меня от обязанностей Областного Комиссара, с передачей дел Войсковому Атаману. 25 сего октября исполнение обязанностей Областного Комиссара мною передано Войсковому Атаману Кубанского казачьего войска полковнику А.П. Филимонову. О чем объявляю во всеобщее сведение» [3, ф. 449, оп. 9, д. 100, л. 1]. Примечательно, что в этот же день в Петрограде большевики совершили государственный переворот, свергнув Временное правительство.

Первый выборный войсковой атаман Кубанского казачьего войска, он же председатель Войскового правительства А.П. Филимонов сразу же подтвердил в своем циркуляре атаманам отделов, что Войсковое правительство оставляет за собой лишь общее руководство милицией «с подчинением их служебной деятельности своему контролю, как отрасли серьезной и имеющей огромное значение для жителей области». Задача же формирования милиции в населенных пунктах, «настаивать и наблюдать» за этим входит в обязанности всех начальников милиции. Кроме того А.П. Филимонов заявил, что поскольку инструкция о порядке «употребления в дело оружия» милицией при исполнении служебных обязанностей еще не выработана, то его применение при разбойных нападениях, преследовании преступников, их аресте «диктуется крайней необходимостью». В случаях применения оружия, когда это «не обуславливается категорическим требованиям момента», ответственность воз-

лагается на начальников милиции, распоряжение которых в данном конкретном случае выполнялось, а во всех иных случаях – на лиц, «коими была допущена, не вызывающаяся временем, произвольная и никому не нужная стрельба» [3, ф. 449, оп. 9, д. 604, л. 32–33].

К концу 1917 г. стало понятно, что реформы по организации милиции на местах пробуксовывают не только из-за финансовых проблем, но и настроений населения. Почти половина станиц Кубанской области отказалась от введения у себя «Положения о применении в Кубанской области постановления Временного Правительства об учреждении милиции». Охрану общественного порядка в станицах осуществляли казачьи наряды от станичных правлений, которые, по мнению Краевого правительства, не могли удовлетворять «элементарным требованиям службы по милиции» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 105]. Между тем, опыт привлечения казаков к охране общественного порядка на Кубани имел давние традиции и успешно осуществлялся путем казачьих разъездов в местах, где отсутствовала полиция: на хуторах, кошах, участках, мостах, переправах и т.д., где по местным условиям это вызывалось необходимостью [6, с. 131]. Показательно, что на других казачьих территориях после февраля 1917 г. казаки активно привлекались к охране общественного порядка. Так, на Алтае казачество, компактно проживающее на Бийской казачьей линии, осуществляло патрулирование в населенных пунктах [7, с. 5].

Общую тенденцию неприятия Положения в отделах области можно проиллюстрировать на примере Баталпашинского отдела. Согласно рапорту атамана отдела Краевому правительству введение на территории отдела «Положения о применении в Кубанской области постановления Временного Правительства об учреждении милиции» не представлялось возможным «ввиду нежелания населения отдела иметь таковую», станичные и сельские общества повсеместно отклонили учреждение милиции, причем «препятствием к осуществлению организации милиции служит не отсутствие бюджета, а совершенное нежелание населения иметь милицию» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 150–150об.].

Не находя других путей реализации Положения о милиции на Кубани, Совет Кубанского краевого правительства 1 декабря 1917 г. постановил: в дополнение к Положению срочно организовать в каждом отделе отряды милиции количеством в 20 человек, состоящих в резерве для усиления обеспечения охраны об-

ществленного порядка, которые бы находились в ведении районных начальников милиции и содержались за счет добровольных взносов станичных обществ и «лиц, сочувствовавших делу безопасности Края» [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 120]. Однако и это постановление не нашло отклика на местах. Так, атаман Майкопского отдела назвал его невозможным, «тем более в срочном порядке», ссылаясь на то, что «добровольных взносов на содержание отрядов от станичных обществ, безусловно, не последует, как они уже отказались от введения у себя милиции. Частные же лица совсем не могут дать достаточно средств». Он предложил в качестве альтернативы создать исключительно конные отряды для достижения цели их учреждения, с содержанием каждому милиционеру 250–300 руб. в месяц, «тогда пойдет служить лучший элемент населения, а не босяки и пропойцы», а также обеспечить отряд милиции казармой и конюшней, а для его вооружения «отпустить казенные винтовки и патроны». По мнению атамана, отряды милиции должны финансироваться из казны

или из войсковых средств [3, ф. 449, оп. 9, д. 73, л. 139–140]. Естественно, постановление Краевого правительства об учреждении отрядов милиции на местах не было воплощено в жизнь. Нельзя согласиться с мнением В.Н. Горюнова, который утверждает, что население региона «поддерживало создание органов правопорядка на добровольной основе» [8, с. 40–41].

Таким образом, следует констатировать, что предпринятые Кубанским краевым правительством меры, направленные на формирование органов милиции на местах в соответствии с законоположениями Временного правительства, не увенчались успехом в полной мере. Причины этого крылись не только в финансовой составляющей, но и в менталитете местного населения – кубанского казачества, которое с неохотой и недоверием относилось ко всем инновационным подходам, как-либо изменяющим течение исторически сложившегося патриархального образа их жизни, с устоявшимися традициями, обычаями, укладом, в том числе и в сфере охраны общественного порядка в станицах и хуторах.

1. Рассказов Л.П. *Теория государства и права*. 4-е изд. М., 2013.

2. СУ. 1917. № 97. Ст. 537.

3. *Государственный архив Краснодарского края*.

4. Рассказов Л.П. и др. *Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. – начало XXI в.) / под ред. Л.П. Рассказова*. Краснодар, 2013.

5. Кирюшин С.Ю., Сень Д.В. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: Судьба белого комиссара К.Л. Бардижа // *Гуманитарная мысль Юга России*. 2005. № 1.

6. Каракулин М.В. *Казачество в обеспечении общественной безопасности в Кубанской области во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития*. 2009. № 1.

7. Карпов Р.А. *Привлечение казаков к охране общественного порядка на Алтае (февраль 1917 г. – январь 1918 г.) // Алтайский юрид. вестн.* 2013. № 1.

8. Горюнов В.Н. *Антикриминальная активность власти и населения на Юге России в 1917–1920 гг. // Современная научная мысль*. 2013. № 1.

1. Rasskazov L.P. *Theory of state and law*. 4th ed. Moscow, 2013.

2. *Coll. of statutes*. 1917. № 97. Art. 537.

3. *The State Archives of the Krasnodar Region*.

4. Rasskazov L.P., et al. *Kuban Cossacks: a historical and legal research (the end of the XVIII century – the beginning of the XXI century) / ed. by L.P. Rasskazov*. Krasnodar, 2013.

5. Kiryushin S.Yu., Sen D.V. «At home among strangers, stranger at home»: *Destiny of the white commissar K.L. Bardizh // Humanitarian thought of the South of Russia*. 2005. № 1.

6. Karakulin M.V. *The Cossacks in ensuring public safety in the Kuban region in the second half of XIX – the beginning of the 20th century // Theory and practice of social development*. 2009. № 1.

7. Karpov R.A. *Involvement of Cossacks to protection public order in Altai (February, 1917 – January, 1918) // Altai law bull.* 2013. № 1.

8. Goryunov V.N. *Anti-criminal activity of the power and the population in the south of Russia in 1917–1920 // Modern scientific thought*. 2013. № 1.

Кузьмина Алевтина Викторовна

Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
(e-mail: mail@kubsau.ru)

Деятельность Кубанского областного Комитета и Новороссийского особого Комитета Попечительств о народной трезвости в период Первой русской революции 1905–1907 годов

В статье рассматриваются проблемы организационно-правового и финансового регулирования деятельности Кубанского областного Комитета и Новороссийского особого Комитета Попечительств о народной трезвости в период Первой русской революции.

Ключевые слова: винная монополия, Кубань, Новороссийск, попечительство, пьянство, трезвость, революция.

A.V. Kuzmina, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru
Activities of the Regional Committee of the Kuban and Novorossiysk special Committee Care of People's Sobriety during the First Russian revolution of 1905–1907

The article deals with the problems of organizational, legal and financial regulatory of activities of the Regional Committee of the Kuban and Novorossiysk special Committee Care of People's Sobriety during the First Russian revolution.

Key words: wine monopoly, Kuban, Novorossiysk, guardianship, alcoholism, sobriety, revolution.

В конце XIX в. в Российской империи акцизная система взимания питейных сборов на алкогольную продукцию была заменена монопольной системой. 6 июня 1894 г. было утверждено «Положение о казенной продаже питей», которое предполагалось ввести с 1 января 1895 г. «в виде опыта» на территориях Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерний [1, собр. 3, т. 14, № 10766]. В связи с этим торговля алкогольными напитками становилась крупнейшей статьей дохода государственной казны. С другой стороны, «для ограждения населений от злоупотребления крепкими напитками» власти вводили комплекс организационно-правовых мер, направленных на борьбу с пьянством и алкоголизмом. 20 декабря 1894 г. был утвержден «Устав попечительств о народной трезвости», который регламентировал деятельность вновь учреждаемых губернских и уездных Комитетов Попечительств о народной трезвости (ПОНТ), переданных в ведение Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей (ГУНСиКПП) Министерства финансов. В сферу задач Комитетов ПОНТ входили: 1) надзор за правилами торговли алкогольной продукцией; 2) организация антиалкогольной пропаганды

и культурного досуга среди населения; 3) открытие и содержание лечебных заведений для лиц, страдающих алкоголизмом; 4) содействие общественным учреждениям, «деятельность которых направлена к достижению тех же целей, с коими учреждаются Попечительства» [1, собр. 3, т. 14, № 11152]. С 1 января 1895 г. действие Устава вводилось на территории указанных выше губерний, одновременно с введением монопольной системы, причем на нужды комитетов ПОНТ ассигновались денежные «пособия» из казны.

В развитие реформ 20 мая 1902 г. последовало законоположение об установлении казенной продажи питей в Кубанской области с 1 июля 1902 г. с образованием областного Комитета ПОНТ в Екатеринодаре «под председательством Наказного Атамана» (он же – начальник Кубанской области). Примечательно, что в соответствии с административно-территориальным делением Кубанской области «взамен уездных комитетов Попечительств о народной трезвости» учреждались Комитеты отделов «под председательством Атаманов отделов» [1, собр. 3, т. 22, № 21483]. Впрочем, архивные документы свидетельствуют, что в официальном делопроизводстве на Кубани устоялось

название «уездный Комитет Попечительства о народной трезвости». В рассматриваемое время Кубанская область включала семь отделов: Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Баталпашинский [2, с. 35–36].

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. в Кубанской области, ранее являвшейся тихой окраиной Российской империи, наблюдались совместные выступления рабочих, крестьян и даже казаков. Массовая смута не могла не повлиять на казачество при всей его довольно монолитной корпоративности [3, с. 24].

Но сословные перегородки оказались достаточно сильными и преодолеть их не удалось. Немалую роль в поражении революции сыграли конституционные и монархические иллюзии значительной части населения Кубани, особенно в сельской местности, что позволило властям в итоге одержать победу. Между тем, в отличие от большинства губерний России, в Кубанской области и в 1907 г. продолжались противостояния властей со стачечниками, причем в 1907–1908 гг. отмечался пик терроризма и экспроприаций, как правило, носивших не политический, а уголовный характер [4].

Естественно, в указанный период деятельность Кубанского ПОНТ была минимизирована, в том числе и в связи с недофинансированием из казны. Так, по распоряжению ГУНСиКПП в 1906 г. на Кубани были закрыты все чайные, приносящие убытки, за исключением расположенных в Екатеринодаре, Майкопе, селении Армавир и ст. Гиагинской [5, ф. 465, оп. 1, д. 6, л. 8–8об.]. Решением областного Комитета от 5 мая 1907 г. была закрыта библиотека в ст. Отрадной Баталпашинского уездного Комитета, а ее функции стала выполнять библиотека «министерского 2-классного училища» [5, ф. 465, оп. 1, д. 6, л. 14об.]. К январю 1907 г. областной Комитет располагал 184 народными библиотеками-читальнями, с учетом действующих при городских и станичных училищах [5, ф. 465, оп. 1, д. 6, л. 40об.].

Между тем, в период 1905–1908 гг. потребление алкоголя в городах и уездах Кубанской области в ведрах на душу населения не уменьшалось. Так, в 1905 г. этот показатель составил 0,77 (при расходе 6,15 руб. в год на человека), в 1906 г. – 0,87 (6,79 руб.), в 1907 г. – 0,84 (6,73 руб.) и в 1908 г. – 0,86 (7,02 руб.). К 1908 г. питейная торговля осуществлялась в 552 населенных пунктах Кубани посредством продажи в 380 винных лавках и 354 заведениях трактирного промысла. Кроме того, работал 31 ренский погреб с выносной продажей алкоголя и буфеты:

при театрах и общественных гуляньях с продажей казенных питей – 21, при клубках – 20, на железнодорожных станциях – 51, на вечерах, базарах и гуляньях, устраиваемых с благотворительной целью – 32 (всего 889 мест продажи спиртного). Таким образом, в 1908 г. потребление спиртных напитков крепостью 40° на Кубани составило более 2 млн ведер при численности населения на 1 января 1908 г. 2388100 человек, т.е. 0,86 ведер на одного [6].

События Первой русской революции 1905–1907 гг. наиболее сильно отразились в Черноморской губернии, где, в отличие от Кубанской области, преобладало городское население с высокой концентрацией пролетариата. Так, например, в период с 12 по 25 декабря 1905 г. в Новороссийске вспыхнуло вооруженное восстание, во главе которого стоял вновь образованный Новороссийский Совет рабочих депутатов. Под натиском рабочих и перешедших на его сторону войск местного гарнизона администрация была вынуждена бежать из города. В течение двух недель Новороссийск представлял собой республику, в которой Совет опирался на силы боевой дружины и поддержку рабочих. По их примеру после начала баррикадных боев 28 декабря в Сочи власть на несколько дней перешла к восставшим рабочим, которыми руководила Сочинская группа РСДРП, но 5 января 1906 г. восстание было подавлено [7, с. 161–162].

Несмотря на революционную ситуацию, Новороссийский особый Комитет (НОК) Попечительства о народной трезвости, учрежденный 16 октября 1900 г. [5, ф. 727, оп. 1, д. 55, л. 2–3], в соответствии с законоположением о распространении на ряд губерний, в том числе и Черноморскую, «узаконений о казенной продаже питей» и введении в них «Устава попечительства о народной трезвости» [1, собр. 3. т. 20. № 18616], продолжал осуществлять свои функции, хотя и не в тех масштабах, что раньше. Так, 8 июня 1905 г. он направил в Туапсинский особый отдел (ТОО) 1400 руб. на открытие библиотеки при Туапсинском народном доме с условием, чтобы «библиотека для пользования желающих была открыта немедленно и самый Народный дом теперь же мог бы служить для публичных народных чтений» с расширением книжного фонда и периодических изданий [5, ф. 727, оп. 1, д. 78, л. 3]. В период с 1 августа 1905 г. по 22 января 1906 г. библиотеку посетило 866 человек [5, ф. 727, оп. 1, д. 77, л. 3–3об.], но постановлением ТОО с 1 февраля 1906 г. библиотека при Туапсинском народном доме была закрыта «в виду незначи-

тельности посетителей» [5, ф. 727, оп. 1, д. 77, л. 2–2об.].

В течение 1905 г. на счете спецсредств НОК всего было 27133 руб., в том числе: остаток с 1904 г. – 11 руб., пособие от казны – 12 тыс. руб., доходы от предприятий НОК – 15122 руб. Израсходовано – 24874 руб., остаток на 1 января 1906 г. составил 2259 руб. [5, ф. 727, оп. 1, д. 74, л. 43], т.е. фактически НОК закончил год с положительным балансом, однако это было связано с революционными событиями, повлекшими за собой отсутствие масштабных культурно-просветительных мероприятий Комитета.

Смета по расходам, востребованная НОК на 1906 г., составила 14233 руб. [5, ф. 727, оп. 1, д. 253, л. 4]. Однако из ГУНСиКПП Комитет проинформировали о том, что «происходящие в последнее время беспорядки внутри страны поставили Государственное Казначейство в очень затруднительное положение, отсюда вытекает крайняя необходимость стремиться к всемерному сокращению расходов из сумм казны». На этом основании Министерство финансов предположило, что с развитием деятельности НОК «собственные средства Попечительства будут постоянно возрастать и дадут возможность постепенно сокращать размер отпускаемых казенных пособий». Поскольку «неблагоприятное положение» Государственного казначейства обязывало Министерство финансов «к особой сдержанности в отпуске субсидий из сумм казны вообще», Комитету было выделено пособие только в сумме 6 тыс. руб. и предложено принять меры «к такому направлению деятельности Попечительства, при котором она, по возможности, могла бы ограничиться ассигнованным кредитом» [5, ф. 727, оп. 1, д. 253, л. 1–1об.]. Таким образом, НОК был вынужден осуществлять свою деятельность, исходя из новых финансовых реалий.

При непосредственном содействии участкового попечителя С.И. Иванова, курировавшего сел. Геленджик, в сентябре 1906 г. НОК принял решение открыть там «школу для детей с тем, чтобы она могла быть и воскресной школой для взрослых», при этом Комитет «постановил предоставить помещение чайной, имеющуюся при ней библиотеку, необходимую мебель и вообще взять всецело содержание ее на средства Попечительства, поручив инспектору народных училищ назначить учителя и установить со своей стороны надзор за этим учебным заведением». На содержание школы до 1 января 1907 г. НОК выделил 360 рублей [5, ф. 727, оп. 1, д. 88, л. 3–3об.]. 12 октября 1906 г., после

окончания ремонта, школа была открыта «в помещении бывшей Геленджикской чайной-столовой» [5, ф. 727, оп. 1, д. 88, л. 6]. 5 марта 1907 г. инспектор народных училищ Черноморской губернии А.Л. Рукавишников докладывал в НОК, что выданные ранее деньги израсходованы, и просил выделить 300 руб., «чтобы школа могла просуществовать до конца настоящего учебного года». В мае указанная сумма была ему перечислена НОК [5, ф. 727, оп. 1, д. 88, л. 12–13об.].

Несмотря на «беспорядки внутри страны», деятельность НОК в 1906 г. стабилизировалась: три чайные-столовые Комитета посетили около 253 тыс. человек, на 28 народных чтениях побывало более 2,7 тыс. слушателей, при этом использовались 4 волшебных фонаря и 1247 картин. В числе восьми лекторов было трое «лиц духовного звания», двое учителей и трое «других профессий». НОК располагал 14 библиотеками-читальнями, причем 11 из них выдавали книги на дом, а 3 – на месте. На двух сценах (зимней и летней) состоялось 20 представлений, на которых побывало 9118 зрителей, в том числе вне городов 6 представлений, на которых присутствовало 618 человек. Помимо этого, было организовано 7 музыкальных вечеров [5, ф. 727, оп. 1, д. 74, л. 1–2, 8–15]. В течение года на спецсредства НОК поступило 24036 руб., «выписано в расход» – 23569 руб., остаток на 1907 г. составил 467 рублей [5, ф. 727, оп. 1, д. 90, л. 15об.–16]. В следующем 1907 г. спецсредства составили 16653 руб.: остаток с 1906 г., пособие от казны – 9400 руб. (испрашивалось 10,5 тыс. руб. [5, ф. 727, оп. 1, д. 253, л. 19]) и 6786 руб., «вырученных учреждениями Попечительства». Расход на содержание предприятий составил 16471 руб., «а остальные 91 руб. осталось на следующий год» [5, ф. 727, оп. 1, д. 120, л. 7]. Цифры убедительно показывают снижение денежных сумм в 1907 г. по всем показателям в сравнении с предыдущим годом.

В феврале 1907 г. НОК впервые инициировал возбуждение уголовного дела: за растрату денег в сумме 456 руб. 97 коп. в период с 14 по 31 января 1907 г. к уголовной ответственности был привлечен заведующий столовой № 2 ПОНТ Николай Веселов, которого все знали как «способного человека, всегда готового трудиться для бедного люда». Будучи арестован, он дал следствию показания, что «всю недостающую выручку он проиграл в карты в кофейне». На заседании 23 февраля 1907 г. НОК постановил: «В ограждение в будущем от могущей быть растраты сумм Попечительства,

непрерывно требовать от заведующих столовыми, чтобы они два раза в неделю сдавали выручку на имя казначея Комитета почтовыми переводами» [5, ф. 727, оп. 1, д. 92, л. 4–5].

Развивая сеть столовых, 19 января 1907 г. НОК заключил договор с «Новороссийским Домовладельческим товариществом» о найме под столовую-чайную «части принадлежащих Товариществу каменных лавок на Вокзальной улице» сроком на 1 год, «считая с 1 января», по 1200 руб. в год [5, ф. 727, оп. 1, д. 94, л. 1–2]. Поэтому не случайно на заседании НОК 31 августа 1907 г. было принято решение о возбуждении ходатайства перед ГУНСиКПП об ассигновании 11,5 тыс. руб. на поддержание в 1908 г. существующих учреждений Комитета [5, ф. 727, оп. 1, д. 92, л. 11–12].

3 сентября 1907 г. неперенный член НОК Л.А. Брюнелли доложил Комитету, что «вследствие все еще продолжающегося народного движения в Новороссийске, к устройству в Народном доме как театральных представлений, так и других народных развлечений, по примеру прежних лет, собственными силами Комитета не представляется возможным». По результатам обсуждения было принято решение, что «в течение зимнего сезона устройство в Народном доме народных чтений желательно». При этом Комитет нашел нужным «предоставить посетителям во все дни, кроме двух платных дней в неделю, предоставляемых для вознаграждения лекторов, посещение лекций и чтений бесплатное» [5, ф. 727, оп. 1, д. 92, л. 15–15об., 19об.]. Несмотря на революци-

онные волнения, в 1907 г. НОК организовал 14 театральных представлений в Новороссийске, в городе функционировала одна чайная, которую посетило почти 110 тыс. человек, были открыты двери 17 народных библиотек-читален. Что же касается ТОО, то, начиная с 1906 г., ее деятельность была фактически парализована: с 1 февраля Туапсинский народный дом был закрыт [5, ф. 727, оп. 1, д. 77, л. 2–2об.]. Как следует из отчета ТОО, чайная и столовая в народном доме в 1906 г. не открывались, а библиотека-читальня функционировала только месяц – с 1 января по 1 февраля – и приняла 75 посетителей. Народных же чтений и театральных представлений не проводилось, между тем как каменное здание народного дома было построено на городской земле, и его строительство вылилось почти в 14 тыс. руб. [5, ф. 727, оп. 1, д. 99, л. 42–50], а в 1907 г. он вообще не функционировал [5, ф. 727, оп. 1, д. 120, л. 15–18].

На основании изложенного можно констатировать, что в период Первой русской революции 1905–1907 гг. финансирование Кубанского областного и Новороссийского особого Комитетов Попечительств о народной трезвости из государственной казны существенно сократилось, в связи с чем они были вынуждены упразднить свои некупаемые учреждения и предприятия, следовательно, их деятельность в полной мере не достигала целей профилактики пьянства и пропаганды здорового образа жизни, предписанных «Уставом попечительств о народной трезвости».

1. Полное собрание законов Российской империи.

2. Кубанский календарь на 1902 год / под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1901.

3. Рассказов Л.П. и др. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. – начало XXI в.) / под ред. Л.П. Рассказова. Краснодар, 2013.

4. Очерки по истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.

5. Государственный архив Краснодарского края.

6. Статистика по казенной продаже питей. 1908 год. СПб., 1910. Вып. 3.

7. История Кубани / под общ. ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. Краснодар, 2005.

1. Complete collection of laws of the Russian Empire.

2. The Kuban calendar for 1902 / ed. by S.V. Rudenko. Ekaterinodar, 1901.

3. Rasskazov L.P., et al. Kuban Cossacks: historical and legal research (the end of the XVIII century – the beginning of the XXI century) / ed. by L.P. Rasskazov. Krasnodar, 2013.

4. Essays on the history of the Kuban from ancient times to 1920 / gen. ed. by V.N. Ratushnyak. Krasnodar, 1996.

5. The State Archives of the Krasnodar Region.

6. Statistics on state sale of food. 1908 year. St. Petersburg, 1910. Iss. 3.

7. History of the Kuban / gen. ed. by V.V. Kasyanov, N.S. Korotky. Krasnodar, 2005.

Герасимов Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: gerasimov_7676@mail.ru)

Данилов Давид Борисович

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: davsochi@mail.ru)

Проблемные аспекты третейского разбирательства в условиях реформирования гражданского и арбитражного процесса

В статье рассматриваются проблемные вопросы третейского разбирательства. Анализируется практика применения арбитражными учреждениями вступившего в силу Закона об арбитраже с учетом реформирования Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: третейский суд, арбитражные учреждения, гражданский процесс, арбитражный процесс, суды общей юрисдикции, судопроизводство.

A.V. Gerasimov, Candidate of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: gerasimov_7676@mail.ru;

D.B. Danilov, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: davsochi@mail.ru

Problem aspects of arbitration trial in the conditions of reforming of civil and arbitration process

In this article problematic issues of arbitration trial are considered. Practice of the application by arbitral organizations which entered by Law about Arbitration taking into account reforming Civil Procedural and Arbitral Procedural Codes is analyzed.

Key words: arbitration tribunal, arbitral organizations, civil process, arbitral procedure, courts of law, legal proceedings.

Уже на протяжении нескольких лет учеными-процессуалистами активно обсуждается вопрос о целесообразности принятия единого гражданского процессуального кодекса. Предполагается, что он определит порядок осуществления гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными судами по гражданским делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений в сфере гражданского оборота, предпринимательской и иной экономической деятельности.

Напомним, что сегодня гражданский и арбитражный процесс регулируется Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ и АПК РФ).

Вместе с тем, необходимо отметить, что проект указанного кодекса содержит в себе главу «Производство по делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов». С учетом

изменения законодательства в сфере третейского разбирательства нами будут рассмотрены положительные и отрицательные стороны данных нововведений.

Итак, институт третейского разбирательства с момента его возникновения рассматривался как одна из форм разрешения конфликтов в обществе. Появление данного института во многом предопределило судьбу множества рассмотренных дел. За достаточно короткий срок третейское разбирательство стало одним из наиболее популярных и эффективных альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров.

Главной проблемой рассматриваемого института в нашей стране является неопределенность в вопросе о правовой природе третейского разбирательства.

Так, по мнению Е.А. Суханова, третейский суд, подобно государственному суду общей юрисдикции и государственному арбитражному суду, представляет собой орган судебной защиты гражданских прав. Но действующее законодательство как раз говорит нам об обрат-

ном и относит все третейские суды, в том числе постоянно действующие, к негосударственным судебным органам.

Неверным представляется мнение ученых, которые относят деятельность третейских судов к государственному судебным органам. Однако действующие ГПК РФ и АПК РФ содержат в себе главы, регулирующие производство по делам, связанным с выполнением государственными судами, а именно судами общей юрисдикции и арбитражными судами, функций содействия и контроля в отношении третейских судов. Данный факт позволяет констатировать, что законодатель, отделяя третейские суды от государственных, не оставил их без внимания со стороны действующих государственных судов.

По мнению сторонников автономной теории третейского разбирательства, это не что иное, как особая система, свободная от договорных и процессуальных элементов.

Значимую роль в рассматриваемых правоотношениях играет судебная практика. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П высказал свою позицию о правовой природе третейского разбирательства и разъяснил множество неопределенностей в соотношении между третейскими судами и судами государственными. Также в постановлении указано, что обращение в третейский суд на основании заключенного ранее договора – это исключительная прерогатива сторон, заключивших договор. По волеизъявлению лиц, вступивших в договорные отношения, стороны сами вправе выбирать, в рамках какого разбирательства будет рассматриваться спор.

Обращение в третейский суд, как правило, исключает рассмотрение данного спора в судах общей юрисдикции или арбитражных судах, но в случае неисполнения одной из сторон третейского соглашения право на обращение в государственный суд восстанавливается.

Практическая значимость рассмотренных доктрин важна для понимания сущности третейского разбирательства, определения места отдельных институтов, выявления основных тенденций совершенствования законодательства.

Требования к третейскому суду всегда были скромными, что привело к существованию «карманных» судов, а это, в свою очередь, лишало стороны права на справедливое и объективное судебное разбирательство. Но с принятием Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [1] все должно измениться в лучшую сторону.

В соответствии с п. 3 ст. 3 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» постоянно действующий третейский суд считался

образованным, когда юридическое лицо принимало решение о его организации и утверждало как положение о нем, так и список третейских судей [2].

На наш взгляд, такой легкомысленный подход к образованию третейских судов привел к тому, что вместо объективного, независимого и беспристрастного судебного разбирательства все, кто хотел и мог, создали собственные «карманные» третейские суды. Более того, эти суды могли даже не находиться по своему юридическому адресу и существовать по принципу «и швец, и жнец, и на дуде игрец», когда председатель, секретарь и судья – один сотрудник, который зачастую не имел никакого юридического образования, что помогало ему принимать «объективные» решения в пользу конкретной стороны.

Например, такие третейские суды очень любили создавать многие банки, заранее составляя для клиента кредитный договор с кабальными условиями и дикими процентами. Банк прописывал в договоре подсудность спора в «карманном» третейском суде, решение которого обязательно к выполнению и обжалованию не подлежит [3, с. 50]. Таким образом, используя особенности российского законодательства, банки и другие бизнес-структуры в нашей стране превратили третейский суд в инструмент решения любого спора в свою пользу [4, с. 8].

С 1 сентября 2016 г. такая губительная и дискредитирующая практика перестала существовать, так как вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Он регулирует порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации, а также арбитраж (третейское разбирательство).

Отметим, что этот, по сути, более совершенный Закон об арбитраже содержит новый понятийный аппарат в сфере привычного третейского разбирательства, а также более основательную и детальную проработку арбитражного соглашения, процедуры введения арбитража, а также процедуры создания постоянно действующих третейских судов.

Закон об арбитраже вводит новые понятия и корректирует уже существующие. Например, понятия «арбитраж» и «третейское разбирательство» указаны в нем как синонимы и подразумевают процесс разрешения спора третейским судом и принятия им решения (арбитражного решения). Важно отметить, что теперь третейским судом будет называться единоличный арбитр или коллегия арбитров, которые рассматривают конкретное дело, а не постоянно действующий орган, созданный для рассмотрения споров [5, с. 104].

С сентября 2016 г. все третейские суды в России заменили арбитражные учреждения. Именно они будут на постоянной основе обеспечивать арбитраж, в том числе по выбору, назначению или отводу арбитров, ведению делопроизводства и распределению арбитражных сборов. В Законе об арбитраже закрепляются новые принципы арбитража, а именно:

- принцип независимости и беспристрастности арбитров;
- принцип диспозитивности;
- принцип состязательности сторон;
- принцип равного отношения к сторонам.

В рассматриваемом законе появилось революционное положение о том, что постоянно действующие третейские суды создаваться могут только при некоммерческой организации («НКО»), которая имеет право осуществлять функции постоянного арбитражного учреждения. Не допускается создание одного постоянно действующего арбитражного учреждения одновременно при двух и более НКО.

На этот счет необходимо отметить, что есть ряд технических моментов по оформлению документов, но есть и несколько размытых формулировок, например, НКО, при которой планируется создать третейский суд, должна иметь хорошую репутацию. Однако слово «репутация» очень широкое. Для кого-то 10 лет работы не репутация, а для кого-то и 2 дня после открытия могут стать значительными. Это оценочное суждение настораживает, поэтому предлагаем конкретизировать данное положение во избежание субъективного оценочного подхода.

Закон подчеркивает различия между постоянно действующим третейским судом и судом, который создается для разрешения конкретного спора, тем самым вводит некоторые ограничения в отношении последних:

- у третейских судов «ad hoc» нет права рассматривать корпоративные споры;
- у третейских судов «ad hoc» нет права обращаться к государственным судам за содействием в получении доказательств;
- стороны арбитража «ad hoc» не имеют права обращаться за оказанием содействия в государственный суд;
- соглашение о вынесении решения является прерогативой суда, а не лиц, участвующих в деле «ad hoc».

За сторонами сохраняется право на обращение в государственный суд в случае, если решение арбитража не устраивает одну из сторон «ad hoc».

Одним из нововведений является тот факт, что сторонам предоставляется право заключить соглашение о запрете обратиться в государственный суд, если даже решение арбитража не устроит одну из сторон.

Данный закон внес поправки в действующие ГПК РФ и АПК РФ в части, касающейся оказания содействия и контроля по рассматриваемым делам.

Закон об арбитраже вводит полноценный институт единых и независимых органов содействия и контроля в отношении арбитража: такие функции будут выполняться государственными судами Российской Федерации. В соответствии с поправками в АПК РФ и ГПК РФ сторонам третейского разбирательства предоставлено право обращения в государственные суды Российской Федерации за разрешением вопросов.

При этом определение, вынесенное государственным судом Российской Федерации в рамках оказания содействия третейским судам, является окончательным и обжалованию не подлежит. Государственные суды по-прежнему будут рассматривать дела об оспаривании арбитражных решений, если только стороны заранее соглашением не предусмотрели, что оно является окончательным, а также о выдаче исполнительных листов на принудительное их исполнение.

Кроме того, в рамках арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, третейский суд или сторона с его согласия могут обратиться в компетентный суд с запросом об оказании содействия в получении доказательств.

Рассматриваемый закон закрепляет особое влияние на институт третейского разбирательства со стороны государства, в лице государственных судов и иных органов. Основой такого влияния является соответствие закона природе третейского разбирательства [6, с. 18].

В соответствии с законом арбитражные учреждения запрещено создавать при коммерческих организациях. Однако данное правило применяется только к постоянно действующим учреждениям, что на практике может вызвать много споров. Также отмечается, что обязательным условием создания постоянно действующего арбитражного учреждения является получение акта Правительства РФ, принимаемого в установленном порядке на основании рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства.

Данное правило заставляет по-иному смотреть на существующие положения в процессуальном законодательстве. По сути ограничивая создание третейских судов, законодатель противоречит сущности института третейского разбирательства и не способствует его развитию [7, с. 17].

По нашему мнению, создание третейских судов только при некоммерческих организациях может снизить число обращений в указанные суды, что, в свою очередь, отразится на востребованности этого правового института.

Институт третейского разбирательства строился на диспозитивных началах, ограничения же организационно-правовой формы противоречат его правовой природе.

На наш взгляд, необходимо изменение законодательства в части статуса арбитров. На сегодняшний день арбитры не обладают должной защитой, как, например, судьи арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

В частности, предлагаем привлекать лиц, оказывающих воздействие на третейских судей, к ответственности, установленной в настоящий момент за угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судей арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Напомним, эти деяния в отношении судьи наказываются штрафом в размере от 100 тыс. до 300 тыс. руб. или в размере дохода за период от 1 года до 2 лет либо лишением свободы на срок до 3 лет (ч. 1 ст. 296 УК РФ). А посягательство на его жизнь – лишением свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо пожизненным лишением свободы (ст. 295 УК РФ). Распространение этой уголовно-правовой защиты от давления на третейских судей огра-

дит их от неправомерных действий со стороны недобросовестных участников спора.

Также было бы правильным по аналогии с АПК РФ и ГПК РФ предусмотреть досудебный порядок урегулирования конфликта и в новом ФЗ об арбитраже, а именно дополнить его нормой следующего содержания:

«Спор, возникающий из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение третейского суда после принятия сторонами мер досудебного урегулирования по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные сроки или порядок не установлены законом либо договором».

На наш взгляд, с принятием и с вступлением в силу Закона об арбитраже законодатель намерен установить контроль над любым третейским разбирательством в нашей стране. С одной стороны, это нарушает природу третейского разбирательства, его свободу и автономность от государства, но, с другой стороны, прекращается беспредел тех лиц, которые использовали механизмы третейского суда в своих целях, дискредитируя закон и лишая возможности многих людей, организации защитить свои интересы.

1. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2015 г. № 382-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 1, ч. I. Ст. 2.

2. О третейских судах в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ (в ред. от 29 янв. 2017 г.) // Собр. законодательства РФ. 2016. № 1, ч. I. Ст. 2.

3. Савченко М.С., Грибанова А.С. Проблемы института третейского разбирательства в условиях реформирования законодательства о третейских судах // Науч. журн. КубГАУ. 2015. № 107(03). С. 50–59.

4. Гин-Барисьявичене К. Реформа третейских судов: нюансы и новшества // ЭЖ-Юрист. 2016. № 4. С. 3–8.

5. Валеев Д.Х., Зайцев А.И., Фетюхин М.В. Комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» // Вестн. гражданского процесса. 2016. № 1. С. 104–127.

6. Герасимов А.В. Некоторые тенденции модернизации юридических лиц в Гражданском кодексе Российской Федерации // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 4(22). С. 18–20.

7. Данилов Д.Б. Отдельные коллизии при возбуждении и подготовке к судебному разбирательству дел об административном правонарушении за незаконное использование товарного знака в арбитражном суде: теоретические и практические вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 12. С. 17–21.

1. About arbitration (arbitration trial) in the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2015 № 382-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 1, pt. I. Art. 2.

2. About reference tribunals in the Russian Federation: fed. law d.d. July 24, 2002 № 102-FL (as amended on Jan. 29, 2017) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 1, pt. I. Art. 2.

3. Savchenko M.S., Gribanova A.S. Problems of institute of arbitration trial in the conditions of reforming of the legislation on the arbitration courts // Scientific magazine of Kuban state agrarian university. 2015. № 107(03). P. 50–59.

4. Gin-Barisyavichene K. Reform of the arbitration courts: nuances and innovations // EJ-Lawyer. 2016. № 4. P. 3–8.

5. Valeev D.H., Zaytsev A.I., Fetyukhin M.V. The comment to the Federal law «About reference tribunals in the Russian Federation» // Bull. of civil process. 2016. № 1. P. 104–127.

6. Gerasimov A.V. Some tendencies of modernization of legal bodies in the Civil Code of the Russian Federation // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 4(22). P. 18–20.

7. Danilov D.B. Separate collisions in case of excitement and preparation for legal proceeding of cases of an administrative offense for illegal use of the trademark in arbitration tribunal: theoretical and practical questions // Arbitral and civil procedure. 2011. № 12. P. 17–21.

Костюченко Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент,
Краснодарский университет МВД России
(e-mail: nikiv1948@gmail.com)

Неопределенность соотношения понятий «организация» и «управление» как причина проблем теории и практики управления

В статье автор рассматривает проблемы теории и практики управления, обусловленные неопределенностью понятий «организация» и «управление», их взаимосвязью и взаимозависимостью. Исследует причины возникновения этих проблем как результат недостаточно эффективного применения системно-функционального и диалектического подходов. Предлагает пути их преодоления на основе упорядочения понятийного аппарата, связанного с определениями понятий «организация» и «управление» в теории и практике управления.

Ключевые слова: управление, организация, функция, социальная система, элементы и структура системы, система управления.

N.I. Kostiuchenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nikiv1948@gmail.com

Uncertainty of correlation of the notions «organization» and «management» as a reason of problems in management theory and practice

In the article the author highlights the problems of management theory and practice related to uncertainty of notions «organization» and «management», their correlation and interdependence. The author investigates reasons that have led to these problems occurrence as a result of insufficient appliance of system-functional and dialectic approaches. He suggests the ways to overcome the problems on the basis of regulation of the conceptual framework, connected with definition of the notions «organization» and «management» in management theory and practice.

Key words: management, organization, function, social system, elements and structure of the system, management system.

В настоящее время в теории и практике управления социальными системами существуют проблемы неопределенности понятийного аппарата, которые имеют непосредственное отношение и к системе ОВД РФ в силу их системного характера.

Ряд проблем, связанных с полифонией мнений относительно определения понятия «функция» социальных систем, их классификации, обоснования существования отдельных функций управления и их содержания, уже были рассмотрены автором ранее [1–6]. Обоснована необходимость формирования единой терминологии в теории управления. Создана система содержательной классификации функций [6, с. 256–337] как основа разрешения проблем, существующих в теории управления и практике управленческой деятельности. Введено понятие латентности функций. Исследована полифония мнений относительно соотношения понятий «управление» и «менеджмент» [6, с. 170–182].

Вместе с тем, существующее разнообразие мнений предполагает проведение дальнейших исследований в этой сфере. Целью этих исследований является устранение неоднозначности понятийного аппарата как причины разрыва теории и практики управления.

Настоящая статья посвящена исследованию соотношения понятий «организация» и «управление», а также их взаимосвязи с понятиями «социальная система» и ее «структура». Неоднозначность определения вышеперечисленных понятий как элементов социальных систем приводит к необоснованной подмене понятия «управление» на понятие «организация» и возникновению противоречий в теории управления. В итоге результаты теоретических исследований не могут найти применения в практической деятельности субъектов управления социальными системами в части оптимизации их структур и процессов управленческой деятельности в целом.

Поскольку понятия «управление» и «организация» являются элементами социальных

систем и подсистем управления, исследование этих элементов должно вестись в первую очередь с применением системно-функционального подхода, на основе теории систем, теории управления, теории организации и диалектики. Однако в этом случае системный и диалектический подходы, как правило, остаются невосстановленными, а понятия «организация» и «управление» рассматриваются только с позиций материальных систем.

Основная причина этой ситуации кроется в отсутствии полноценного применения диалектического (метод «восхождения») и системно-функционального подходов (теории социальных систем и управления) при исследовании и формировании понятий «организация» и «управление», в чем можно будет убедиться на основе проведенного ниже анализа.

Опираясь на диалектический метод «восхождения от общего к конкретному», обратимся к философским понятиям терминов «организация» и «управление», определяющим их как социальные явления.

С точки зрения философии «понятие “организация” происходит от позднелатинского *organizo* (сообщаю стройный вид, устраиваю) и от греческого *organon* (орудие, инструмент) и означает: 1) упорядочение, налаживание, приведение в систему некоторого материального или духовного объекта; 2) расположение, соотношение частей какого-либо целого, его строение, взаимосвязь; 3) объединение, учреждение, социальный институт» [7, т. 4, с. 160].

Три приведенных значения рассматриваемого термина связаны с существующими в теории и практике управления объектами материальных и абстрактных социальных систем.

Первое значение употребляется для определения деятельности субъекта управления, направленной на «упорядочение, приведение в систему» функционирования элементов, образующих эту систему.

Второе значение определяет структуру объекта как социальной системы: «части», элементы систем, их взаимосвязи и взаимозависимости.

Третье значение определяет видовое понятие совокупности материальных объектов.

Другими словами, в первом случае мы имеем дело с определением «деятельности», связанной с объектом управления, во втором – с определением и построением структуры «организации» как системы, в третьем – с уже существующими материальными объектами (социальными институтами) того или иного вида.

Рассматривая варианты толкования понятия «организация» с точки зрения диалектики и те-

ории систем, можно утверждать, что в данном случае речь идет, прежде всего, о понятии «организация» как о виде материальных систем и практической (организационной) деятельности человека на этих объектах.

Вместе с тем, в теории социальных систем, теории управления и диалектике понятие «организация» рассматривается, прежде всего, с точки зрения абстрактных систем (теорий, классификаций, научных определений и т.д.).

Рассматривая элементы социальных систем, многие ученые (В.Г. Афанасьев, И.Л. Бачило, В.П. Сальников, С.Н. Князев, В.И. Кнорринг, Г.В. Осовская, О.А. Осовский, О.М. Рой, А. Файоль и др.) определяли понятие «организация» с теоретических позиций как функцию управления, т.е. как элемент абстрактных систем. Это связано с тем, что понятие «функция» по своей природе является понятием философским: «функция сама по себе не существует, она проявляется в процессе конкретной целенаправленной деятельности» [8, с. 110]. Однако в ряде случаев в теории организации это понятие рассматривалось авторами только с позиций конкретных материальных образований.

Как одну из функций управления (административных функций) еще в начале прошлого века А. Файоль рассматривал применительно к предприятиям горнорудной промышленности [9, с. 9–12].

Г.В. Осовская и О.А. Осовский определяли понятие «организация» как функцию процесса управления: «Организовывать – значит создавать определенную структуру. Существует много элементов, которые необходимо структурировать, чтобы организация могла выполнить свои планы и достичь своей цели» [10, с. 223–224]. Как видно, авторы употребляли термин «организация» и для определения вида материальной системы.

В.И. Кнорринг полагал, что «организация» – это обеспечивающая функция управления, направленная на создание необходимых условий для достижения целей, формирования структуры организации [11, с. 47].

С учетом сказанного можно говорить, что понятие «организация» в соответствии с методом «восхождения» необходимо рассматривать, прежде всего, как функцию (элемент) абстрактных систем управления и только при применении теоретических положений в практике управления экстраполировать понятия абстрактной системы на систему материальную – конкретный вид социальной системы. Независимо от вида системы (абстрактная, материальная) первичным определением понятия

«организация» является понятие «функция» социальных систем. Понятие «организация» как структурное подразделение материальной системы вторично и производно от понятия «функция».

Такая взаимосвязь употребления одного термина обусловлена и закономерностью детерминации элементов социальных систем (цель – задача – функция – структура) [12, с. 57–58].

Следовательно, структурные подразделения (организации), такие как министерства, департаменты, отделы, фирмы и т.д., создаются при реализации целого ряда функций социальных систем, в том числе и функций управления и организации. В материальных системах совокупность создаваемых структурных подразделений, с точки зрения «теории организации», определяется видовым понятием – «организация».

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что понятие «организация» должно рассматриваться, в первую очередь, как элемент, функция социальных систем – абстрактный объект, а реализация функции – структурный элемент, формирующий материальный объект – «организацию». В противном случае в практике управления неминуемо возникнут проблемы, связанные с формированием структуры материальных объектов. Наличие этих проблем формирования структур социальных систем отмечалось многими учеными (Ю.В. Аврутиным, А.И. Александровым, Н.И. Глазуновой, В.А. Столяровой, Ф.В. Лидер и др.).

Обращаясь к энциклопедическому определению понятия «управление», можно видеть, что одновременно с однозначным определением его как «функционального элемента, функции организованных систем различной природы» [7, т. 5, с. 282] констатируется, что «управлению» как системному явлению свойственны «три подсистемы:

1. Организации связей и отношений данной системы, задающих ее структуру.
2. Поддержания установленного режима деятельности данной системы.
3. Реализации программы достижения определенной цели» [7, т. 5, с. 283].

Иными словами, «управление» изначально рассматривается как функция социальных систем, реализующаяся «системой», которая состоит из трех элементов (перечисленных подсистем). При этом понятие «организация» является одним из элементов системы управления – подсистемой «организации структуры», производным относительно понятия «управления».

К такому выводу можно прийти и с точки зрения теории социальных систем и классификации их функций. В этом случае «организация» должна, прежде всего, рассматриваться как элемент (общая функция) социальных систем, которая является вспомогательной относительно основной функции систем – функции «управления» [6].

Это прослеживается и с точки зрения теории социальных систем, которая рассматривает явления «управление» и «организация» как функции этих систем. В силу структурного соотношения функций понятие «управление» как основная функция носит более «общий» характер, чем «организация».

На основании сказанного можно констатировать, что в социальных системах понятие «управление» первично, а «организация» – производно. Понятия «организация» и «управление» связаны между собой, являясь неотъемлемыми элементами социальных систем и их структур. Последнее обуславливает их связь с понятиями «система» и «структура». Взаимосвязь и взаимозависимость рассматриваемых понятий: «управление», «организация», «система», «структура» – объективны по своей природе. Это обусловлено тем, что «управление», «организация» и «структура» являются элементами социальных систем и должны рассматриваться с позиций теории социальных систем, с использованием диалектического и системно-функционального подходов.

К сожалению, в настоящее время в большинстве работ, посвященных социальному управлению, прежде всего в «теории организации», эти подходы отсутствуют. В результате материальные «образования» социальных систем (министерства, ведомства, организации, отделы), являясь предметом исследований, не рассматриваются учеными как разновидности социальных систем. Это приводит даже к исключению понятия функций как неотъемлемых элементов систем управления из теоретических исследований. Как следствие, исключается возможность реализации функции «управление» структурным подразделением «управления». При этом происходит подмена понятия «управление» понятием «организация». Результатом всего перечисленного являются проблемы в теории и практике управления.

В справедливости данных выводов мы убедились и при рассмотрении соотношения понятий «организация» и «управление» с точки зрения теории социальных систем и диалектики.

С учетом сказанного очевидно, что эти понятия не однозначны. Понятие «организация»

не может быть синонимом «управления» и тем более «первичным» по отношению к понятию «управление».

В силу неоднозначности терминологии теорий социального и государственного управления, теории организации и менеджмента у субъектов управления «возникает иллюзия», что детерминация этих понятий может быть обратной: «организация» – «управление».

Это связано с лингвистическим толкованием термина «организация», в котором существует вариант его употребления как видового понятия совокупности материальных объектов государства и общества: объединение, учреждение, социальный институт и т.д.

Такое толкование термина «организация» является основной причиной формирования не совсем верного мнения о том, что «управление» организацией как материальным объектом будет производно от «организации» как материального объекта.

Рассматривая понятие «организация» с точки зрения «теории организации», только как материальный объект, исследователи вполне закономерно полагают, что для обеспечения функционирования объекта необходима управленческая деятельность. Это и приводит к формированию мнения о том, что понятие «управление» производно от понятия «организация».

В данном случае исследователи не учитывают, что «организация» как материальный объект является понятием обобщенным и в то же время только частным случаем видового определения совокупности различных социальных систем: фирмы, концерна, общественного объединения и даже государства.

В связи с этим в соответствии с методом «восхождения» «организация» как материальный объект должна рассматриваться как вид «социальной системы».

Поскольку в социальных системах «управление» и «организация» являются элементами (функциями) систем, то в соответствии с общепринятой детерминацией элементов социальных систем на основе функций должна создаваться структура системы – совокупность подразделений, в том числе и подразделений «управления».

Однако в «теории организации» эта закономерность «теории управления» остается

вне поля зрения ученых. В результате при исследовании понятия «организация» как материального объекта понятие «управление» оказывается производным от материальной реализации понятия «организация». Структура «организации» как системного материального явления создается в «отрыве» от ее функций. Это приводит к проблемам теории и практики управления в части параллелизма в деятельности подразделений и разрыву теории и практики управления.

Возникновение проблем дублирования в деятельности подразделений, связанных с формированием их структуры, отмечали многие ученые: Ю.Е. Аврутин, И.Л. Бачило, Н.В. Бугель, Н.И. Глазунова, А.П. Корнев, Ф.В. Лидер, П.С. Сальников, В.А. Столярова и др. Так, Н.И. Глазунова отмечала, что «цели (задачи) организации обуславливают функции, а функции определяют структуру органа. Обусловленность структуры функциями (а не наоборот, как это порой бывает: создаем структурную единицу – должность, а то и целое министерство, а потом «придумываем» виды занятий)» [13, с. 144]. Социологические исследования, проведенные Ф.В. Лидер, показали, что функциональное дублирование деятельности ОВД РФ в ряде случаев достигает 40–50% [14].

Как видно, отсутствие исследований проблемы соотношения понятий «организация» и «управление» приводит к серьезным последствиям в практике управления. В связи с этим автором предпринята попытка исследовать эту проблему, определить причины ее появления и обосновать пути ее разрешения.

На основании рассмотренного материала можно сделать выводы, что неопределенность понятий «организация» и «управление», их соотношение, взаимосвязь и взаимозависимость с понятиями «система» и «структура» являются существенными причинами возникновения проблем и противоречий в теории и практике управления. Устранение этих проблем возможно при условии упорядочения понятий «организация» и «управление» и понятийного аппарата «теории организации», а также теории и практики управления в целом, рассмотрения материального явления «организация» как одного из видов социальных систем с использованием диалектического и системно-функционального подходов.

1. Костюченко Н.И. Многозначность определения понятия «управление» в теории управления и административного права и проблемы управления социальными системами (на примере ОВД) // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2016. № 3(33). С. 214–218.
 2. Костюченко Н.И. Функция прогнозирования как общая функция управления в правоохранительной деятельности // *Общество и право*. 2015. № 2(52). С. 334–338.
 3. Костюченко Н.И. Понятие функции социальных систем и проблемы теории управления: административно-правовой аспект // *Общество и право*. 2016. № 1(55). С. 251–256.
 4. Костюченко Н.И. Проблемы классификации функций социальных систем с точки зрения построения и реформирования структуры организации // *Науч. вестн. Луганск. ун-та внутренних дел имени Дидоренко. Спец. вып.* 2013. № 3. С. 367–375.
 5. Костюченко Н.И. Информационная функция как общая функция управления социальными системами // *Вестн. Харьков. нац. ун-та им. В.Н. Каразина. Сер. «Право»*. 2013. № 1082. С. 342–347.
 6. Костюченко Н.И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы. Краснодар, 2016.
 7. *Средняя философская энциклопедия*.
 8. Вишняков В.Г. Структура и штаты органов государственного управления. М., 1972.
 9. Файоль А. *Общее и промышленное управление* / Центральный институт труда. М., 1923.
 10. Осовская Г.В., Осовский О.А. *Основы менеджмента: учеб. 3-е изд., перераб. и доп.* Киев, 2006.
 11. Кнорринг В.И. *Теория, практика и искусство управления: учеб. для вузов по специальности «Менеджмент»*. 2-е изд., изм. и доп. М., 2001.
 12. *Основы управления в органах внутренних дел: учеб. / под общ. ред. В.П. Сальникова*. М., 2002.
 13. Глазунова Н.И. *Государственное управление: учеб. для вузов*. М., 2004.
 14. Лидер Ф.В. *Особенности использования структурно-функционального подхода в управлении органами внутренних дел: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук*. М., 2012.
1. Kostiuchenko N.I. Polysemanticism of definition «management» in the theory of management and administrative law and problems of social systems' management (on example of the Internal Affairs Agencies) // *Bull. of Krasnodar university of Russian MIA*. 2016. № 3(33). P. 214–218.
 2. Kostiuchenko N.I. Function of forecast as common management function in law-enforcement activity // *Society and law*. 2015. № 2(52). P. 334–338.
 3. Kostiuchenko N.I. Concept of social systems function and problems of theory of management: administrative and legal aspect // *Society and law*. 2016. № 1(55). P. 234–238.
 4. Kostiuchenko N.I. Classification problems of social systems from the point of view of construction and reforming of organization structure // *Sci. bull. of Lugansk university of the Interior Ministry named after Didorenko. Special iss.* 2013. № 3. P. 367–375.
 5. Kostiuchenko N.I. Information function as general management function of social systems // *Bull. of Kharkov national university named after V.N. Karazin. Ser. «Law»*. 2013. № 1082. P. 342–347.
 6. Kostiuchenko N.I. Classification of social systems functions: theory and law fundamentals. Krasnodar, 2016.
 7. *Average philosophy encyclopedia*.
 8. Vishnyaykov V.G. *Structure and staff of the state management organs*. Moscow, 1972.
 9. Fayol A. *General and industrial management / Central institute of labour*. Moscow, 1923.
 10. Osovskaya G.V., Osovsky O.A. *Basics of management: textbook. 3rd ed., rev. and augm.* Kiev, 2006.
 11. Knorring V.I. *Theory, practice and management art: textbook for high school on the specialization «Management»*. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2001.
 12. *Management fundamentals in the Organs of Internal Affairs: textbook / gen. ed. by V.P. Salnikov*. Moscow, 2002.
 13. Glazunova N.I. *State management: textbook for high school*. Moscow, 2004.
 14. Lider F.V. *Peculiarities of structure-functional approach to management of Organs of Internal Affairs: sociological aspect: auth. abstr. ... Candidate of Sociology*. Moscow, 2012.

Гриценко Василий Петрович

доктор философских наук, профессор,
Краснодарский государственный институт культуры
(e-mail: postmodernist@mail.ru)

Опошнянский Алексей Валентинович

кандидат философских наук, доцент,
Краснодарское высшее военное училище
им. генерала армии С.М. Штеменко
(e-mail: AlekseyVO9@yandex.ru)

Глобализационный тренд и этнокультурная идентичность

В статье рассматриваются особенности взаимодействия культурного унификационизма и культурного многообразия, порождающего межкультурные альянсы в разных областях жизни и сложности идентификации. Отмечается, что Юг России подвержен культурной модернизации, которая содержит неоднозначные тенденции. Позитивные результаты культурной модернизации в регионе могут быть достигнуты на основе сочетания модернизации с этнонациональными традициями региона.

Ключевые слова: глобализация, Юг России, кавказский этикет, этносоциальные процессы, социальная напряженность, соционормативные институты, традиции воспитания, модернизация культуры.

V.P. Gritsenko, Doctor of Philosophy, Professor, Krasnodar State Institute of Culture; e-mail: postmodernist@mail.ru;

A.V. Oposhnyanskiy, Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S.M. Shtemenko; e-mail: AlekseyVO9@yandex.ru

Globalization trend and ethnocultural identity

The article deals with interaction of a cultural unification and cultural diversity generates cross-cultural alliances in different areas of life and complexity of identification. The authors note that the South of Russia is subject to cultural modernization which contains ambiguous tendencies. Positive results of cultural modernization in the region can be achieved on the basis of a modernization combination to ethnonational traditions of the region.

Key words: globalization, South of Russia, Caucasian etiquette, ethnosocial processes, social tension, social normative institutions, traditions of upbringing, modernization of culture.

В свое время С. Хантингтон прогнозировал «столкновение цивилизаций» как переход от конфликта идеологий к конфликту культур в эпоху глобализации. Благодаря использованию масс-медиа мифопространство повседневности регулируется символической матрицей глобального капитализма. Вездесущей стала матрица консумеризма, которая трансформирует национальные культуры в национальные версии эталона вестернизации. Консумеризм, как идеология и практика потребительства, обнаруживает себя через фетишизируемые массовые образы потребляемых вещей. Мифологическое пространство бренда направлено на формирование идентичности и внушается как чудесное, метафизическое, футурологическое. Сформировавшиеся в итоге глобальные бренды

составляют мощную мировоззренческую конкуренцию религиям в реализации их идеологической функции [1, с. 35].

Как единые и общепринятые авангардом глобализации навязываются для разных регионов и культур принципы западноевропейской культуры, основанные на капиталистической модели мирохозяйствования и протестантской этике [2, с. 124–125]. Однако вторая половина XX в. и начало XXI в. продемонстрировали успех азиатской модели. Он демонстрирует, что нейтральные элементы, касающиеся технократических достижений, заимствуются открыто, а вот ценности, касающиеся религии, этноса, образа жизни, часто воспринимаются как чуждые или неприемлемые. Поскольку ценностно-оценочное сознание исходно связано с эмоциональными оценками и кодами, с верой,

то оно непосредственно не реагирует позитивно на образцы утилитарно-гедонистической культуры Запада. Сакрально-эмоциональный мир традиционной культуры непосредственно не рационализируется меркантильными практиками западной культуры, а напротив, позиционирует себя как позитив. Принудительная имплантация западных ценностей и массовой культуры порождает отторжение и акселерирует резистентность институтов традиционной культуры по отношению к ценностям западной цивилизации. Протестные оценки, установки и настроения реализуются в разных формах неприятия Западного проекта.

Можно предполагать две основные альтернативы: это антиглобализм, который выступает против глобализации в рамках самого западного социума, и фундаментализм (консервативный фундаментализм), который противопоставляет ценностям глобализации и западного проекта иные духовные ценности, иную веру и образ жизни, как правило, берущие начало в религиозных и культурных ценностях традиционной культуры социума или этноса. Изоляционизм можно рассматривать как частную форму консерватизма фундаменталистского толка.

Нам представляется, что рассматриваемое противоречие между глобализационным трендом и этнонациональным религиозным фундаментализмом является результатом проявления одного из основных противоречий общественного развития – противоречия между цивилизацией и культурой. Прогресс цивилизации, обусловленный технократическими достижениями, в качестве своего следствия имеет стандартизацию и унификацию. Это является объективной основой и условием технического прогресса, развития машинерии в любой ее форме – мельница, типографский станок, конвейер, компьютер, Макдональдс.

Этнонациональная (народная) культура в целом развивается путем усиления своего многообразия, что тоже объективно. Множество национальных языков, например, создает информационную избыточность для прогресса человеческого духа, интеллекта, без которого невозможен никакой другой прогресс, в том числе и технический. Поэзия, филология, расширяя знаково-смысловое пространство народа, совершенствуют человеческий интеллект. Это является фундаментальной предпосылкой для развития познания, науки и всякого прогресса.

В условиях глобализации противоречие цивилизации и культуры диверсифицировано множеством других противоречий – между ре-

лигиями, между политическими, культурными и другими системами. Однако было бы ошибкой думать, что западный и консервативный проект встречаются лишь как противостояние традиций и рациональности. Налицо встреча и борьба двух мифов. Большой миф глобализации изначально скроен по меркам и желаниям США.

Глобальные мифы конструируют ментальную ткань цивилизаций. Мегамифы включают в себя как картину мира, так и определенный способ мышления и принципы жизни. Чем отличается миф от просто теории? Он непосредственно связан с жизнью, лежит не просто в основании сознания, но и образа жизни. Между глобальными мифами есть лакуны.

Наличие лакун между картинами мира, мифами является объективной трудностью понимания [3]. Но лакуны множественны, они не только между цивилизациями, этносами и культурами, но и в межличностном пространстве бытия. У каждого Я свой язык, и личностная ментальность пребывает в режиме непрерывного перевода и автоперевода [4, с. 66–83].

Напомним, что культура в этнонациональном аспекте есть также средство адаптации этноса к сложившимся природным и социальным условиям и средство самосохранения и выживания этноса. Поэтому стремление лидера технократического (цивилизационного) прогресса превратить также собственные национальные, религиозные и пр. ценности в универсальные вызывает естественное сопротивление на уровне механизмов естественной адаптации и выживания. Этнобум, конфессиональный фундаментализм, этноцентризм и пр. тенденции являются стремлением преодолеть унификацию и самосохранить себя путем капсулирования, самоочистки традиции, реинсталляции мифологии, религии, архаики. Крайними формами такого сопротивления являются различного рода экстремизм, фундаментализм, варваризация культуры. Другими словами, сопротивление ценностной унификации проявляется в различных формах и является естественным следствием развития культуры на пути многообразия своих форм.

Согласно идеям А. Аппадурраи [5, р. 195–310; 6] вершина глобализации достигается в эпоху информатизации. Детерриториализация как результат информатизации и виртуализации уже не привязывает социальные и культурные процессы к физическому пространству. Глобальное пространство предстает в виде пяти основных символических потоков: 1) виртуально-символический трафик мигрантов, в

том числе и туристов; 2) виртуально-информационное перемещение технологий; 3) виртуально-символическое движение финансов; 4) семиотическая машина масс-медиа; 5) виртуально-идеологический поток симулякров. В ходе символического обмена и взаимодействия люди идентифицируют себя и других индивидов. В этом виртуально-символическом мире индивиды обретают гендерную, культурную, политическую, религиозную, этническую и др. идентичность, конструируя ее в потоке переживаний интенционально-феноменологически. Например, с помощью сетевой интернет-коммуникации индивид может создать несколько персональных образов идентичности в глобальном коммуникационном пространстве.

В связи с большим количеством информационных потоков и высокой скоростной динамикой информации увеличивается синергетический эффект. Идентичность формируется не территориально и не однонаправленно, а синергетически. В массовых случаях значима самоорганизация, а в персональных большое значение может иметь эффект флуктуации. Если рассматривать явление ИГИЛ, то это явление самоорганизации, возникшее в результате действия ряда мировых факторов. Действие лидера глобализации США и их союзников привело к непредсказуемому последствию – флуктуации определенных исламских кругов, в том числе военных, которые своей основной целью сделали альтерглобализм. А вот отдельные проявления экстремизма и терроризма, подобные тем, что состоялись во Франции и Германии, когда, например, водитель грузовика направляет автомобиль в толпу, – это как бы флуктуации. Отдельные, точечные проявления экстремизма являются на общем фоне результатом случайных, непредсказуемых, неоднозначных взаимодействий. Но и в первом, и во втором случае основой терроризма служит определенное отношение в культуре – негативная идентичность.

Глобализация в своей унификационной вариации и фундаментализм как ее альтернатива порождают новые вызовы цивилизационной уникальности Северного Кавказа и создают рискованную среду для сохранения этнокультурной идентичности народов региона. Как справедливо подчеркивает М. Билалов, «осмысливая прошлое и будущее человеческой истории, философы все чаще приходят к выводу, что навязывание единой цивилизационной модели губительно для человеческой эволюции, и неизбежный диалог культур, вероисповеданий и философских мировоззрений должен

происходить при признании и уважении к иной религии и культурной идентичности» [7, с. 66].

На Северном Кавказе после разрушения прежней метакультурной основы (советские идеологические ценности) в качестве истинных и основных конституировались ценности этнической культуры, а также этноэкономика и этнополитика. Приверженность этнокультурной идентичности социумов Северного Кавказа подтверждается и социологическими исследованиями.

В то время как некогда существовавшая культурная общность потеряла значение, реставрировалась этническая ментальность: кланово-семейные формы социальных связей, авторитарно-религиозные и авторитарно-политические пути решения проблем. Во многих республиках Северного Кавказа на фоне ситуации моноэтничности региональная культура, перестав быть провинциальной, превращается в оппозитивную – вступает в тесный контакт через религиозные ценности с исламскими культурными регионами зарубежья, ментально чуждыми российскому культурному пространству. Таким образом, они превращаются в периферию туранской, тюркской, исламской цивилизации.

Исследователи отмечают, что в последние десятилетия ценности в региональном исламе смещаются от так называемого мазхаба к «чистому» исламу. Приверженцы «нетрадиционного» ислама в регионе отличаются большим радикализмом, не признают значение местной языческой традиции, а также придают большое значение в позиционировании своих взглядов внешним атрибутам, таким как борода, головной убор. Надо понимать, что за спором о внешних маркерах идентичности (носить хиджаб в школу или нет) стоит спор о внутренних убеждениях, соответствующих духовным ценностям фундаменталистского ислама.

Фундаментализм предлагает идентичность на почве защиты главных нравственных ценностей обычного человека в обычной жизни. В качестве главных смыслообразующих ценностей в системе служения Аллаху позиционируются социальные ценности общежития: равенство, справедливость, солидарность. За трансцендентными схемами, о которых спорят богословы и философы, кроются вполне реальные социальные аргументы и ценности. Служение Аллаху при этом можно рассматривать как приверженность высшей справедливой системе ценностей в рамках исповедуемого, пропагандируемого и установленного в данной цивилизации мировоззрения. В связи с этим

Р.А. Ханаху и О.М. Цветков предостерегают, что «по мере увеличения числа глубоко верующих мусульман, на фоне коррупции, социальной несправедливости, расслоения уровня доходов бедных и богатых, других острых проблем, потенциал для вооруженного подполья и терроризма в Адыгее может появиться» [8, с. 102]. Самым эффективным способом контроля этих процессов является мировоззренческое воспитание в семье, школе.

Народы Северного Кавказа включены в поле исламской цивилизации, но сами ценности ислама адаптированы к традиционной культуре этих народов, их особому историческому пути в рамках соседства и совместного существования с народами России. Под влиянием российской культуры, образа жизни и хозяйствования они осуществляли свою модернизацию в XX в. Поэтому конфессиональные ценности северокавказских этносов и социумов адаптированы к конкретным условиям их существования (современные адыгейские мыслители также кропотливо изучают опыт своих соотечественников по адаптации в различных культурных, историческим и мировоззренческим условиям [9]).

Для того чтобы адаптация северокавказских этносов к современным трендам модернизации была успешной, необходимо учитывать традиционный опыт социализации. Более того, формы воспитания, принятые в горской семье, могут привнести много положительных веяний в современные методы воспитания на глобальном уровне. Педагогический и воспитательный опыт народов Северного Кавказа, горский этикет и система воспитания содержат в себе общечеловеческие ценности и поэтому могут быть использованы как тренд.

Если вестернизированная культура эпохи пост развивает тенденции мультикультурализма, стирания граней феминности и маскулинности, гендерное многообразие, культ молодости и пр., то горская система воспитания совершенствует некоторые альтернативные качества – маскулинность, почитание старших, культ матери. Эта система воспитания и этикета содержит зерна и россыпи воспитания мужественности и рыцарства. Общечеловеческий воспитательный потенциал норм этикета традиционной культуры народов Северного Кавказа делают их необычайно ценными для развития современной цивилизации. В то же время эта система воспитания сама участвует в модернизации культуры северокавказских социумов.

Использование традиционного этикета в этнически ориентированных социумах суще-

ственно для создания социальной гармонии, ведь целью этикета является нахождение конкретных правил общения в определенном коммуникативном контексте и ситуации, которые соответствуют общепринятым стратификационным (пол, возраст, социальный статус) позициям социума. Он предписывает нормы морали (нравы, обычаи, традиции), которые регулируют поведение людей в семье, публичной сфере и профессиональной этике.

Все народы, в том числе представители Северного Кавказа, являются носителями обычаев и традиций, которые эффективны и в новых условиях. Поскольку горский этикет включен во все сферы жизнедеятельности этноса и выполняет регулирующую, воспитательную и коммуникативную функции, то он имеет определяющее значение и в модернизации культуры и социума в целом. Социальный эффект этикета заключается в том, что общественное мнение и старейшины обеспечивают неукоснительный контроль за поведением представителя своего клана. Социальная репрезентация качеств того или иного индивида достигается через их публичную артикуляцию и обсуждение.

Этикет, как подсистема национальной культуры, ответственен не только за передачу опыта жизнедеятельности от субъекта к субъекту, от поколения к поколению, но и за адаптацию этноса к изменяющимся условиям среды. Поскольку принципы горского этикета отвечают за модернизационные успехи этноса, то внимание к ним и их использование является ключевым фактором для социализации представителей северокавказских этносов в отношении позитивной идентичности к представителям других этносов России.

Успехи представителей северокавказских этносов в определенных видах спорта, любовь к спорту, физическому труду, физическим упражнениям и военной деятельности свидетельствуют об эффективности этой системы маскулинного воспитания. Она основана на непререкаемом авторитете родителей, особенно отца, в семье. Отец полновластен над сыновьями, и последние должны во всем повиноваться ему, даже малое сопротивление воле родителей, по адату, является величайшим стыдом.

В то же время и отец, и сыновья несут полную ответственность за честь своей дочери (сестры), даже после ее замужества. Мужская честь, достоинство на публичном уровне приобретают статус рыцарства. Высшим проявлением рыцарства является культ матери, чуткое и глубоко заботливое отношение к ней, к

ее словам. Поэтому высшей клятвой является клятва именем отца, матери, предков.

Существует множество исследований традиционного горского этикета, которые раскрывают его важные качества, значение для педагогики и воспитания [10]. Традиционный горский этикет представляет собой систему ценностей и правил, которые имеют общечеловеческую пользу и ценность в воспитании мужественности и женственности, храбрости и отваги, выносливости и стойкости, трудолюбия и вежливости, гостеприимства, уважения к старшим и младшим, сохранения родной культуры. С этой целью горский этикет и система воспитания могут быть квалифицированы как элемент и ценность мирового культурного наследия, нематериальной культу-

ры, достойный сохранения и использования в жизни и быту современного общества. Главный элемент, например, «Этоса Благородных» в Хабзе – это общество единомышленников. Черкесский этикет – удивительная система, в которой удачно сочетаются стратификация и равенство, демократизм и подчинение старшим, – значим для мусульман этого региона и в настоящее время. Надо понимать, что использование потенциала толерантности и коммуникации традиционного этикета может служить главным средством успешного социального управления и регулирования на Северном Кавказе при правильном понимании фундаментальности этнической системы социализации для модернизации и развития региона.

1. Тихонова С.В. Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009.

2. Нехай В.Н., Шаов А.А. Этносоциальные процессы на Юге России в условиях нарастания социокультурной напряженности // Этнофилософия адыгов: от мифа к логосу: материалы круглого стола, посвященного 75-летию доктора философских наук, профессора Ханаху Руслана Асхадовича. Майкоп, 2016.

3. Данильченко Т.Ю. Мир лакун. Краснодар, 2010.

4. Люсый А.П. Нашествие качество: Россия как автоперевод. М., 2008.

5. Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* // *Global Culture*. Bristol, 1997. P. 195–310.

6. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minnesota, 1996.

7. Билалов М.И. Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама // *Исламоведение*. 2016. Т. 7. № 1(27).

8. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Мусульманская община республики Адыгея: текущая ситуация и тенденции развития // *Социологические исследования*. 2014. № 10.

9. Жане З.К. Эволюция идей Мурата Ягана: от устной традиции к логосу // *Этнофилософия Адыгов*. Майкоп, 2016. С. 20–24.

10. Битарова А.Т. *Этикет горских народов Северного Кавказа и его влияние на воспитание подрастающего поколения: дис. ... канд. пед. наук*. Владикавказ, 2002.

1. Tikhonova S.V. *Social mythology in communication space of modern society: auth. abstr. ... Doctor of Philosophy*. Saratov, 2009.

2. Nekhay V.N., Shaov A.A. *Ethno-social processes in the South of Russia in the conditions of growing socio-cultural tensions* // *Ethnic philosophy of Circassians: from myth to logos: proc. of the round table, devoted to the 75 anniversary of doctor of philosophy, professor Hanahu Ruslan Ashadovich*. Maykop, 2016.

3. Danilchenko T.Yu. *World of lacunas*. Krasnodar, 2010.

4. Lucyi A.P. *Invasion qualities: Russia as autotranslation*. Moscow, 2008.

5. Appadurai A. *Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy* // *Global Culture*. Bristol, 1997. P. 195–310.

6. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minnesota, 1996.

7. Bilalov M.I. *Symbolical model of the truth in a problem of judgment of Islam* // *Islamic studies*. 2016. Vol. 7. № 1(27).

8. Hanahu R.A., Tsvetkov O.M. *The Muslim community of the Adygea Republic: current situation and development trends* // *Sociological researches*. 2014. № 10.

9. Zhane Z.K. *Evolution of the ideas of Murat Ahan: from oral tradition to the logo* // *Ethnic philosophy of the Circassians*. Maykop, 2016. P. 20–24.

10. Bitarova A.T. *The etiquette of the mountain peoples of the North Caucasus and its influence on the education of the younger generation: diss. ... Candidate of Pedagogics*. Vladikavkaz, 2002.

Самойлов Сергей Федорович

доктор философских наук, профессор,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583516)

Тимофеева Наталья Ивановна

Краснодарский университет МВД России
(тел.: +79183514723)

Швец Анна Анатольевна

кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
(тел.: +78612583414)

*Специфические черты
теоретико-методологического
конструирования понятия
«жизненная стратегия» в психологическом
подходе социального познания*

В статье выявляются особенности психологического подхода к анализу как нормальных, так и девиантных жизненных форм стратегий индивида, которые отличают его от других важнейших направлений социального познания – социально-философского и социологического. Основами данного исследования выступают работы таких специалистов, как К. Абдульханова-Славская, Р. Пехунен, А. Адлер, Г.Е. Зборовский, К. Хорни, А. Щюц, Э.М. Ремарк.

Ключевые слова: жизненная стратегия, социальное познание, социальная философия, психологическая наука, социальный статус, индивид.

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516;

N.I. Timofeeva, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183514723;

A.A. Shvets, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Peculiar features of theoretical-methodological designing of the concept «life strategy» of psychological approach of social knowledge

The article reveals features of the psychological approach to the analysis of both normal and deviant life forms of the individual strategies which distinguish it from other important areas of social cognition – the socio-philosophical and sociological approach. Bases of this research are works of such experts as K. Abdulkhanova-Slavskaya, R. Pekhunen, A. Adler, G.E. Zborovsky, K. Horni, A. Shchyuts, E.M. Remarque.

Key words: life strategy, social cognition, social philosophy, psychological science, social status, individual.

Социальное познание представляет собой достаточно сложную по своей структуре теоретико-методологическую конструкцию, которая, помимо того, что объединяет большое число отдельных дисциплин, имеющих предметом своего исследования общество, также допускает использование двух существенно отличных друг от друга видов знания – философии и науки. При этом почти в каждой соци-

альной дисциплине существуют программы, как приветствующие, так и отрицающие такой синтез познавательных установок. В силу данного обстоятельства практически любое явление, ставшее предметом социального познания, допускает наличие исключаящих друг друга концепций и теорий. Наиболее значимыми для социального познания являются сциентическая и антисциентическая программы исследования.

Первая из них полагает, что познание социальной реальности должно осуществляться посредством преимущественно эмпирической методологии и в рамках отдельных научных дисциплин. При этом умозрительность, а тем более участие философского знания, категорически отрицается. В противоположность ей вторая, антиэциентическая программа настаивает на том, что исследование социальных процессов и явлений требует совмещения научного и философского способов познания. Выполнение данного требования означает возможность использования философских концепций и методов в процессе формирования теоретико-методологической базы научных дисциплин, главным предметом которых является общество. Кроме того, антиэциентическая программа предполагает включение в число социальных дисциплин ряда разделов философского знания, прежде всего социальной философии, философии культуры и философской антропологии.

Более целесообразным представляется применение антиэциентической программы исследования. Данный выбор объясняется, прежде всего, выгодными для социальной философии выводами, вытекающими из реализации антиэциентической программы. И действительно, формальное допущение социальной философии в число общественных наук дает ей дисциплинарные основания для использования эмпирических данных и теоретико-методологических конструкций, получаемых и создаваемых научным познанием в процессе исследования социальной реальности и общественного сознания. Осмысление результатов познавательной деятельности социальных наук придало бы философскому дискурсу в сфере исследования поведения человека в обществе целостность и фактическую обоснованность.

Из всех общественных наук, для которых поведение человека в обществе входит в число приоритетных аргументов познания, наиболее интересные теоретико-методологические разработки представлены в психологии и социологии. Данный интерес объясняется тем, что в обеих науках понятие «жизненная стратегия» находит широкое применение. Для установления специфики социально-философского понимания данной проблематики, а также для осмысления эмпирического материала, предоставляемого научными дисциплинами, считаем целесообразным исследовать интерпретации понятия «жизненная стратегия», предлагаемые психологией и социологией.

Важнейшими характерными чертами психологического подхода к пониманию феномена жизненной стратегии являются, с одной стороны, личность как субъект ее реализации, а с другой – активность как основание для выявления ее основных типов. По этой причине жизненная стратегия в психологической науке чаще всего рассматривается как жизненная стратегия личности. Оговоримся сразу, что, несмотря на всю очевидность, личность является единственным субъектом, а активность единственным критерием ее типологизации, однако выделенные параметры понятия «жизненная стратегия» имеют право на существование и требуют более подробного анализа.

В самом общем виде жизненная стратегия в психологии понимается как способ реализации индивидом своих целей, идеалов. Одним из главных аргументов К.А. Абдульхановой-Славской в пользу рассмотрения активности в качестве важнейшего критерия жизненной стратегии является то, что сами по себе проекты вне человеческой реальности их реализовать без определенного социального опыта остаются только проектами, а не собственно изначально активное поведение [1]. В обществе понятие жизненной стратегии представляет собой систему правил, организующих его энергию в направлении заранее выбранной цели. При этом важнейшим элементом жизненной стратегии являются правила, корректирующие движение к цели в связи с возникающими трудностями. Поэтому важнейшим признаком подлинной активности является гибкость в процессе реализации цели, свидетельствующая о верности индивида принятому решению, несмотря на неблагоприятные условия.

Поэтому одной из форм конкретизации активности как важнейшего параметра жизненной стратегии является отношение индивида к конфликтным ситуациям, с которыми он сталкивается. Так, согласно Р. Пехунену, возможны три основных способа поведения индивида в конфликтной ситуации: замыкание в себе, уход от активной социальной жизни; приспособление к новому положению вещей либо в форме признания негативной для себя реальности, либо в форме создания новых моделей поведения на пути поставленной цели; снятие индивидом конфликта осуществляется посредством создания новой ситуации, при которой предмет борьбы теряет свою ценность [2]. Данные способы разрешения конфликтов позволяют психологам разделять жизненные стратегии на изолирующие, фаталистические, конструктивные и творческие.

В психологической науке неоднократно предпринимались попытки определения сущности активного поведения человека в процессе реализации его жизненных планов. Одной из наиболее интересных концепций в данном отношении представляется вариант психоаналитического учения, предложенного А. Адлером. Согласно Адлеру главным стимулом поведения человека служит его желание самоутвердиться в обществе, которое он назвал социальным чувством. В свою очередь, в основании «социального чувства» лежит знаменитый «комплекс неполноценности», возникающий в силу наличия реального или мнимого физического недостатка. Желание преодолеть данный недостаток обусловлено стремлением индивида добиться признания со стороны других людей.

Реализация данного стремления может осуществляться двумя основными способами. Раскрывая их содержание, Г.Е. Зборовский в процессе изложения взглядов Адлера пишет: «Две категории были ключевыми в его творчестве: “комплекс неполноценности” и “принцип компенсации и сверхкомпенсации”. Именно в механизмах компенсации и сверхкомпенсации Адлер видел доминирующий мотив человеческих поступков и действий. Если компенсация означала желание индивида преодолеть комплекс неполноценности за счет социального чувства, связанного со стремлением к превосходству, то сверхкомпенсация подразумевала готовность преодолеть этот комплекс в результате одностороннего развития какой-либо из ряда вон выходящей черты или способности личности. При этом человек мог не осознавать такого стремления, поскольку оно оказывалось в сфере бессознательного. Заслуга Адлера состояла в попытке социологизировать бессознательное, связать его с внутренним развитием личности» [3, с. 608].

Признавая две основных жизненных стратегии – утверждение в обществе посредством получения высокого социального статуса и утверждение в культуре путем развития творческих способностей в качестве нормальных, Адлер основную часть своего учения посвятил девиантной форме самоутверждения человека. Согласно австрийскому психологу человек в процессе реализации своих жизненных планов вынужден постоянно бороться. При этом процент побед в данной борьбе намного уступает проценту поражений, но, тем не менее, человек ради сохранения своего психического здоровья должен продолжать стремиться к поставленной цели. Однако это происходит не всегда, в ряде случаев человек выбирает

девиантную стратегию жизни, которая может принимать форму психического расстройства. По мнению Адлера, разновидности таких расстройств весьма многочисленны и разнообразны. Они могут варьироваться от легких невротозов до полной потери контакта пациента с реальностью. Несмотря на внешнюю наглядность, объективность психических заболеваний, их причина носит сугубо субъективный характер. В целом логика негативной жизненной стратегии, влекущей за собой психическое заболевание, выглядит следующим образом.

Индивид, потерпев поражение в социальной жизни или устав от нее, все равно стремится к признанию людей. По этой причине он бессознательно порождает у себя психическое расстройство и тем самым привлекает к себе внимание окружающих. Не сумев добиться реального признания, он достигает признания символического, поскольку превращается в центр внимания со стороны своего ближайшего круга, в первую очередь, со стороны семьи. Единственный выход из сложившейся ситуации Адлер видит в постепенном возврате индивида к нормальной жизненной установке, предполагающей принятие реальности, признание своих неудач и формирование решимости продолжать борьбу за подлинное социальное признание.

Из краткого обзора концепции Адлера следует, что альтернатива активной жизненной стратегии влечет индивида к потере человеческого облика. В общем, для психоаналитической традиции психологической науки признание активной стратегии в качестве единственной нормальной формы поведения является типичным. Однако сама «активность» в данной психологической школе может пониматься по-разному. Так, если для Адлера нормой активности является та или иная степень социального признания индивида, то для К. Хорни она связана с реализацией индивидом заложенных в нем задатков и возможностей. Различными могут быть и оценки роли социальной среды в возникновении психических расстройств. Если Адлер всю вину возлагает на индивида, «сбежавшего» от реальной жизни в болезнь, то Хорни полагает, что общество несет за это свою долю ответственности. Согласно немецко-американскому психологу внутренние конфликты, происходящие на социальном и бессознательном уровнях человеческой психики, являются реальными искаженными отражениями борьбы, происходящей в социальном мире. Однако в целом Хорни соглашается с Адлером в том, что активность является нормой человеческой жизни.

Так же, как и австрийский психолог, Хорни концентрируется на анализе не столько нормальных, сколько девиантных форм жизненных стратегий. Субъектом реализации этих стратегий он признает особый идеальный тип – невротическую личность. Главной причиной формирования невротической личности является гиперболизация естественной потребности человека в безопасности. Испытывая постоянную тревогу по поводу реальных и воображаемых угроз, невротик стоит перед выбором трех возможных жизненных стратегий. Первая стратегия характеризуется движением к людям, стремлением во всем полагаться на других людей и не действовать самостоятельно, она свойственна так называемому слабому типу невротической личности. Вторая стратегия, напротив, представляет собой движение против людей и нацелена на достижение безопасности путем подавления индивидов. Данная стратегия приводит к возникновению деструктивного типа, который, несмотря на внешнюю активность, разрушает как социальные отношения, так и собственную психику. Третья стратегия невротической личности связана с уходом от людей и порождает так называемый устранный тип.

Общее для всех девиантных форм жизненных стратегий то, что они не являются стратегиями в полном смысле этого слова, поскольку представляют собой не рационально разработанные системы поведения, и даже не привычку, а навязчивые состояния. Так, невротик против своей воли всегда уступает, замыкается или ссорится, при этом он не учитывает специфики ситуации, в которой находится. Если же невротик поставил перед собой цель исправить свое поведение и отказаться от линейного типа поведения, то через небольшой промежуток времени он не выдерживает и вновь идет на поводу у своей расстроенной, т.е. конфликтной психики. Постоянно уступая, замыкаясь или ссорясь, он вновь порождает вокруг себя проблемы и испытывает угрызания совести. Характеризуя вечную неудовлетворенность невротика, Хорни говорит о так называемом невротическом круге, из которого выйти самостоятельно он чаще всего не может.

Подобно Адлеру, Хорни признает близость и даже генетическое родство нормальных и девиантных форм жизненных стратегий. Так, согласно теории Хорни нормальная жизненная стратегия содержит в себе те же установки, которые присутствуют и в невротических состояниях: к людям, против людей и от людей. Даже основной мотив индивидуального поведения –

стремление к безопасности – имеет в нормальном состоянии форму стремления к автономности. Однако между обеими стратегиями все же имеются различия. Прежде всего, нормальная жизненная стратегия, в отличие от невротической, имеет рациональный характер. Она продумывается и закрепляется в заранее рассчитанных действиях. Во-вторых, структура нормальной жизненной стратегии, в отличие от девиантной, состоит из всех трех элементов, а не из одного. В-третьих, автономность нормальной личности не разрушает социальные связи, а выстраивает их на определенных, установленных с другой личностью условиях. Из сказанного можно сделать вывод, что главное различие между нормальной и девиантной формами жизненных стратегий заключается в том, что в первом случае мы имеем созидающую, а во втором – разрушительную активность.

Рассмотрение активности в качестве важнейшего параметра и критерия жизненной стратегии подразумевает наличие целого ряда теоретико-методологических принципов и установок в исследовании данного феномена, важнейшими из них следует признать индивидуализм и европоцентризм. Индивидуализм активистской интерпретации заключается в том, что жизненная стратегия рассматривается в качестве результата творческих усилий индивида. В частности, из фрагмента работы Абдульхановой-Славской следует, что индивид в свободном акте творчества, исходя из своих возможностей и внешних социальных условий, конструирует собственную жизненную программу, а затем корректирует ее в процессе реализации. Данное утверждение справедливо, но далеко не во всех случаях. Например, часто линия поведения формируется индивидом исключительно под влиянием внешних условий, как это происходит в закрытых заведениях – тюрьме, армии, различных интернатах и т.д. При этом основной целью существования индивида в этих условиях является выживание в переносном, а иногда в прямом значении этого слова. Сформированные посредством данного опыта навыки и стереотипы поведения оказывают воздействие на поведение индивида на всю оставшуюся жизнь. Примерами анализа жизненных стратегий, навязанных индивиду внешней агрессивной средой, могут служить роман Э.М. Ремарка «Возращение» и социологический этюд А. Щюца «Возращение домой», осмысляющие социальный опыт ветеранов Первой мировой войны.

Но жизненная стратегия, сформированная под воздействием внешних условий, не всегда

имеет отрицательный характер. Очень часто на выбор жизненного пути и линии поведения может повлиять благоприятная социальная среда. Например, многие социально признанные люди, родившиеся в семьях творческой интеллигенции, с долей юмора утверждают, что они были лишены свободы выбора жизненного пути, поскольку с детства, видя перед собой корифеев в определенных сферах деятельности, не представляли какого-либо иного образа жизни и другой профессии.

Более существенным недостатком индивидуалистического понимания жизненной стратегии, нежели игнорирование внешних условий ее формирования, следует признать отказ от психологических концепций рассмотрения в качестве субъекта формы общественного сознания. Беря за исходную точку индивида, большинство сторонников психологического подхода не учитывают, что индивид становится личностью настолько, насколько он усваивает предметную область, цели и ценностные ориентиры определенной формы духовной жизни: экономического, политического, религиозного, философского или иного сознания, пытается их совместить или концентрируется на реализации идеального типа только одной из них.

Возможность избрания идеальных конструкций в качестве субъекта формирования жизненных стратегий объясняется тем, что в науке,

философии, религии и других формах общественного сознания разработаны подробные программы организации сознания и деятельности индивида. Таким образом, сам индивид не столько формирует жизненную стратегию, сколько выбирает из представленных социумом и культурой вариантов. Его творческий вклад может ограничиться только степенью реализации такой программы.

В социокультурном плане индивид предстает как одно из проявлений европоцентризма, поскольку именно западноевропейская цивилизация рассматривает данный принцип в качестве фундамента своей духовной культуры. Не ставя под сомнение ценность данного принципа для мирового исторического процесса, необходимо помнить, что он не является обязательным для духовных культур других цивилизаций. Например, в китайской, индийской, тибетской, арабо-мусульманской культурах индивидуализм оценивается в целом негативно, поскольку признается одним из проявлений эгоизма. Во многих из перечисленных цивилизаций активистская жизненная стратегия рассматривается не в качестве нормы человеческого поведения, а как причина неудовлетворенности индивида. В силу сказанного следует учитывать, что принцип индивидуализма не обладает универсальностью и может использоваться только как основание одного из возможных вариантов жизненной стратегии.

1. Абдулханова-Славская К.А. *Стратегия жизни*. М., 1991.

2. Пехунен Р. *Задачи развития и жизненные стратегии // Психология личности и образ жизни / под ред. Е.В. Шорохова*. М., 1987.

3. Зборовский Г.Е. *История социологии*. М., 2004.

1. *Abdulkhanova-Slavskaya K.A. Strategy of life*. Moscow, 1991.

2. *Pekhunen R. Problems of development and life strategy // Psychology of the personality and a way of life / ed. by E.V. Shorokhov*. Moscow, 1987.

3. *Zborovsky G.E. Sociology history*. Moscow, 2004.

Анистратенко Татьяна Григорьевна
кандидат политических наук,
Южный федеральный университет
(e-mail: tanis63@list.ru)

Социальная рефлексия в форме самовыражения: социально-философский анализ

В статье представлена социальная рефлексия в виде объективированной формы самовыражения, субъектного креативно-творческого процесса, характеризующего форму освоения внутреннего мира личности и окружающего социального мира. Проводится социально-философский анализ самовыражения как рефлексивной индивидуально-личностной формы и как процесса самоорганизации субъекта и саморегулируемой деятельности.

Ключевые слова: селфи-рефлексивные формы, самовыражение, социальная рефлексия, объективация рефлексивности, рефлексивная культура, творчество, объективный мир.

T.G. Anistratenko, Candidate of Political Sciences, Southern Federal University; e-mail: tanis63@list.ru

Social reflection in the form of self-expression: social-philosophical analysis

The article presents a social reflection in the form of objectified forms of expression, creative and subjective creative process characterizing the shape and development of the inner world of the individual and the surrounding social world. It conducts social-philosophical analysis of expression as a reflective individual personal forms of self-organization and as the process of the subject and the self-regulatory activities.

Key words: selfie-reflexive forms, self-expression, social reflection, reflexive objectification, reflexive culture, creativity, objective world.

«Селфи-рефлексивные» формы могут трактоваться как субъектно-центрированные рефлексивные формы или как рефлексивные «формы для-себя». Кроме них должны быть рефлексивные формы, которые могут быть названы рефлексивными «формами для-других», рефлексивными предметно ориентированными формами или объективированными, предметными формами. К ним относится, на наш взгляд, такая форма объективированной рефлексивности, как самовыражение.

Социально-философский анализ самовыражения как объективированной рефлексивной формы является актуальной исследовательской задачей, распадающейся на ряд частных исследовательских задач, в число которых входят: осмысление самовыражения с точки зрения основных характеристик, критериев, уровней, форм и функций; анализ самовыражения как процесса самоорганизации субъекта и саморегулируемой деятельности.

Самовыражение как рефлексивная индивидуально-личностная форма является объективацией рефлексивности «для-себя». Прежде всего, отдадим себе отчет в самом характере объективации и интроспективных «селфи-реф-

лексивных» форм. Объективация, как известно, есть процесс приобретения чем-либо некой внешней, объективной формы осуществления, реализации, существования.

Естественно, нет и не может быть прямой корреляции между субъективной реальностью и формами ее объективации. И, конечно, прав был Федор Иванович Тютчев, утверждая в своем стихотворении «Silentium», что мысль изреченная всегда отличается от мысли задуманной, более того, что мысль изреченная есть ложь.

Г. Зиммель видел в этом противоречии субъективного и объективного «трагедию культуры», отраженную в проблеме согласованности материальной и духовной культуры. По его мнению, культура как некоторый внутренний дух, будучи выражена в традиционных формах, закостеневаает, утрачивает свою сущность, свой дух. И это неизбежно приводит к противопоставлению ее внутреннего содержания и внешнего проявления. По сути, это противопоставление культуры в ее имманентном внутреннем понимании и жизни, противопоставление субъективного и способов его объективации [1].

Такой же конфликт между субъективным творчеством и объективацией констатировал в своей философии Н.А. Бердяев, ибо объективный мир – это то, что противостоит свободе и творчеству [2].

Нужно иметь в виду и другие грани процесса объективации как акта проецирования вовне внутренних ощущений и представлений; опредмечивания, превращения субъективной реальности в некую предметную, объективную реальность; мыслительного процесса осознания субъективных состояний (интроспекция); выхода индивида вовне (экстериоризация); процесса подчинения объективным условиям пространства, времени, причинности, рациональности; объективация – это, кроме опредмечивания, также еще и форма отчуждения.

Применительно к объективации внутренних интравертивных «селфи-рефлексивных» форм мы придерживаемся концепции Н. Бердяева, который писал, что мир объективных, предметных реальностей есть мир вторичный, а не первичный, мир явлений. Соответственно этому, объективация субъектно центрированных форм рефлексии есть проявление внутренней сущности вовне. Таким именно образом мы и намерены рассматривать объективацию разных «селфи-рефлексивных» форм. Одной из них является самовыражение.

Как пишет К.А. Абульханова-Славская, самовыражение есть одна из базисных форм объективации своих собственных представлений, связанная с тем, что для кого-то это желание повысить или утвердить свои собственные ценности, для другого выстоять перед трудностями, для третьего выражение стремления к самоутверждению [3, с. 21].

Под самовыражением понимается большой круг различных вербальных и невербальных поведенческих актов, которые индивид использует для трансляции психической, индивидуально-личностной и социальной информации о себе другим индивидам. Эти акты могут быть осознанными и неосознанными, рациональными и иррациональными, целенаправленными и нецеленаправленными. Самовыражение как объективация «селфи-рефлексивных» форм различается по критериям осознанности, целенаправленности, соответствия внутренних состояний индивида формам их внешнего проявления.

Целью самовыражения в самом общем случае является потребность индивида представить самого себя окружающим, сформулировать свой собственный образ, выразить свое отношение к миру, заявить о своих жизненных

ценностях, намерениях и предпочтениях и получить ответную реакцию на это заявление. Формы такого заявления могут варьироваться в зависимости от форм рефлексивности «для-себя», степени их интенсивности, внутренних движущих сил психических процессов, способов личностной саморегуляции, адекватности внутренних процессов и способов их внешнего проявления, соответствия внутренних ценностей и ценностей окружающего мира, индивидуально-личностной реакции на ценности окружающего мира, в зависимости от традиций, стереотипов и сложившихся правил, действующих в обществе, и, как пишет Д.Н. Узнадзе, от личностных установок, определяющих форму самовыражения, характеризующих экспансивность самовыражения, волевые усилия для внешнего самовыражения и приспособление к сложившимся обстоятельствам [4; 5].

Самовыражение как рефлексивное действие индивида вовне может проявляться по-разному. С точки зрения К.А. Абульхановой-Славской, наиболее оптимально самовыражение проявляется в выборе профессии, в развертывании, развитии и совершенствовании индивидуально-личностных качеств через освоение профессии и в самосовершенствовании при движении по ступеням профессионального мастерства [3].

С точки зрения более широкого подхода, который представляет А.Ф. Яфальян, самовыражение человека бывает эмоциональным (чувственным), интеллектуальным (ментальным) и действенным (соматическим) [6].

Самовыражение изучается с точки зрения различных исследовательских подходов. Так, Е.В. Белякова формулирует антропологический подход к изучению самовыражения [7]. Т.С. Мексичева рассматривает самовыражение как ценностное позиционирование индивида [8].

С точки зрения Н. Роджерса, самовыражение – это, прежде всего, творческий процесс саморазвития [9].

И.П. Шкуратова рассматривает самовыражение, прежде всего, как проявление индивида в общении, в процессе коммуникативного взаимодействия [10].

Шире трактуют самовыражение личности В. Франкл и Э. Фромм. Первый рассматривает самовыражение личности как такую ее активность, как поиски смысла [11], второй – как проявление души человека [12].

Современные зарубежные исследователи также широко трактуют самовыражение личности. Так, Дж.В. Гоез вообще характеризует

самовыражение личности как максимум проявления рефлексивности [13]. М. Рокич характеризует самовыражение личности как проявление природы человеческих ценностей [14].

Изучение основных исследовательских подходов в анализе самовыражения как объективации внутренних рефлексивных форм показывает, что самовыражение является сложным и многоуровневым процессом, для изучения которого требуется синтез различных познавательных методов.

Из характеристики самовыражения можно сделать выводы, что это: внешнее проявление внутреннего мира личности; демонстрация и позиционирование личностью своих ценностей, намерений и предпочтений; трансляция информации о личностном мире вовне, во внешний мир, заявление о себе как о личности с претензией занять определенное место в этом мире. Следует также резюмировать, что формы самовыражения детерминированы не только внутренним миром личности, ее внутренними ценностями, но и ценностями внешнего мира, его правилами, традициями и устоями, а спецификой личностного самовыражения выступает не только и не столько внутренняя самость, но и личностные ценностные установки, представляющие собой проекцию ценностей окружающего мира в личностном мире ценностей. Соответственно, самовыражение есть специфический рефлексивный способ воплощения личности в мире, самоорганизованный процесс и самоорганизованная деятельность, направленная на познание индивидом самого себя и окружающего мира, а также демонстрация индивидом своего внутреннего мира, своих чувств, эмоций, возможностей, способностей, намерений и устремлений.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что самовыражение индивида есть специфический способ, посредством которого он контролирует и регулирует свою активность в процессе объективации, т.е. представления своих собственных внутренних качеств во внешнем мире.

Как индивидуально-личностный способ объективации внутренних качеств, самовыражение должно обладать специфическими признаками, которые мы подразделяем на интенциональные, целевые, позиционные, признаки потребности самораскрытия и саморазвития, ценностные признаки и признаки смысловые. К интенциональным признакам самовыражения следует отнести стремление индивида представить себя во внешнем мире, выразить в нем свои собственные внутренние

качества и намерение сделать это определенным образом. К целевым признакам самовыражения нужно отнести потребность индивида представить себя окружающим, построить и оформить свой собственный образ, чем выразить свое отношение к окружающим и к внешнему миру, заявив, таким образом, о себе, о своих индивидуально-личностных качествах, ценностях, предпочтениях и намерениях занять в этом мире определенное место. Все их мы относим к первой группе целевых признаков самовыражения.

Вторая группа целевых признаков самовыражения является производной от первой и выражается в том, что целью самовыражения является потребность получить ответную реакцию на подобное представление своих внутренних качеств.

Позиционные признаки самовыражения характеризуют такой способ действий индивида, такую форму представления вовне своих внутренних качеств, которая характеризует его позицию, претензию на определенное место в этом мире, т.е. является позиционированием как формой самовыражения.

Признаки самораскрытия характеризуют такие поведенческие (деятельностные и речевые) акты, которые раскрывают содержание перечисленных выше признаков, в частности раскрывают для «прочтения» окружающими интенциональные признаки, целевые признаки и позиционные признаки таким образом, что означивание их делает возможным взаимодействие индивида с другими индивидами на основе полного или частичного принятия их как основы социального взаимодействия и построения социального порядка.

Впрочем, социальное взаимодействие возникает и на основе частичного или даже полного неприятия (отрицания) данных признаков. Просто такое взаимодействие будет иметь деструктивный характер и выразиться в той или иной форме агонии, противоборства.

Признаки самораскрытия тесно связаны с творческим процессом саморазвития, трансляции вовне личностных ценностей и самовыражением как поисками смысла.

Первые характеризуются не только выражением вовне своих личностных свойств, но и обретением новых качеств в этом социальном взаимодействии.

Вторые характеризуют то, что индивид в своем контакте с внешним миром транслирует в него свои собственные ценности, в соответствии с чем, данный вид социального взаимодействия квалифицируется как ценностный обмен.

К признакам самовыражения, как пишет Е.Л. Яковлева, надо отнести и те из них, что характеризуют временные и пространственные параметры этого процесса [15].

Это дает возможность эксплицировать процесс самовыражения как действие в социальном времени и социальном пространстве.

Е.А. Омельченко указывает, что экспликация признаков самовыражения позволяет выделить несколько основных характеристик данной формы социальной рефлексии [16, с. 42].

1. Степень осознанности и целенаправленности процесса самовыражения. Эта характеристика дает возможность подразделять агентов самовыражения по способностям контроля над тем впечатлением, которое они производят на окружающих. М. Снайдер считает, что индивиды, имеющие или развившие в себе способность к самомониторингу, больше, лучше, продуктивнее и адекватнее следуют социальным нормам, лучше осуществляют контроль своего собственного самовыражения, им более свойственна эмпатия, они более склонны к компромиссам, могут корректировать свою собственную позицию в зависимости от складывающихся социальных обстоятельств [17].

2. Естественность или искусственность создаваемого самовыражением образа. Упрощенно говоря, естественность создаваемого самовыражением образа, его адекватность и искренность – это такая характеристика, которая способствует естественности самораскрытия и самопрезентации. Концептуально говоря, естественность создаваемого образа – это посыл вовне правильной, адекватной информации о себе, о своих способностях и о своих намерениях. Именно на таком информационном обмене и информационном взаимодействии строится тот социальный порядок, посредством которого реализуется возможность самораскрытия индивида, его саморазвития, равно как и развития соответствующих социальных отношений.

3. Самовыражение, которое проявляется через активность индивида и может описываться в терминах глубины и объема самовыражения, его частоты и длительности. Самопредъявляясь, индивид как бы вводит себя в круг социальных отношений, заявляет о себе, демонстрирует себя окружающим, продвигает себя в системе уже сложившихся социальных отношений, позиционирует свое место в этих отношениях. Здесь, на наш взгляд, весьма ценным является замечание А.В. Петровского о том, что данная характеристика самовыра-

жения является характеристикой субъектной персонализации, которая состоит не столько в персональном самовыражении как адекватном процессе личностного позиционирования, сколько в позиционировании себя как субъекта, активно влияющего на социальные процессы, в частности на процессы позиционирования других людей, на их формы самовыражения, на процессы их социализации и социальной адаптации [18; 19].

4. Широта самовыражения, которая, по мнению Е.А. Омельченко, квалифицируется в зависимости от широты сфер общения, в которых происходит процесс самовыражения [16, с. 63].

Сферами самовыражения могут быть: индивидуально-личностное, интимное позиционирование, а также повседневная, клубная, профессиональная сферы, сферы национально-этнических, конфессиональных, партийных, социальных, государственных и межгосударственных отношений. По широте сфер самовыражения можно судить о степени публичности индивида и его встроенности в системы социальных отношений.

5. Вариативность презентуемых образов. Эта характеристика дает оценочные критерии способности индивида представлять и предъясвлять самые разные образы самого себя в различных социальных ситуациях. Это характеристика многогранности, поскольку чем вариативней предъясвляемые им образы, представляемые в зависимости от той или иной социальной ситуации, тем шире и объемнее личностный ролевой репертуар.

6. Нормативность или окультуренность индивида. Это, по мнению Е.А. Омельченко, означает, что индивид в своем самовыражении реализует определенную социально-ролевую позицию. А соответственно, каждая социальная роль включает себя систему предписаний. Они существуют в культуре в виде определенных традиций. И индивид, относя себя к данной культуре, идентифицируя себя с системой культурных ценностей, самовыражаясь, следует указанным предписаниям [16].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что самовыражение как процесс объективации «селфи-рефлексивных» форм является амбивалентным: с одной стороны, это следование культурным нормам и предписаниям в обретении социальной идентичности, а с другой – процесс объективации субъективных качеств, присущих личности в обретении ею индивидуально-личностной идентичности.

1. Зиммель Г. Избранное. Т. 1: Философия культуры. М., 1996.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
3. Абульханова-Славская К.А. Типология активности личности в социальной психологии // Психология личности и образ жизни / отв. ред. Е.В. Широхова. М., 1987.
4. Узнадзе Д.Н. Общая психология / пер. с груз. Е.Ш. Чомахидзе; под ред. И.В. Имедадзе. М.; СПб., 2004.
5. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001.
6. Яфальян А.Ф. Школа самовыражения: книга для педагогов и родителей по развитию, оздоровлению и взрослению детей. М., 2011.
7. Белякова Е.В. Антропологический подход как условие самовыражения школьников на комплексных занятиях: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2007.
8. Мексичева Т.С. Позиционирование ценностей в субкультуре потребителей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
9. Роджерс Н. Творчество как усиление себя // Вопросы психологии. 1990. № 1.
10. Шкуратова И.П. Самовыражение личности в общении // Психология личности / под ред. П.Н. Ермакова и В.А. Лабунской. М., 2007.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
12. Фромм Э. Душа человека. М., 2010.
13. Goethe J.W. Maximen und Reflexionen. Leipzig.
14. Rokeach M. The nature of human values. N.Y., 1973.
15. Яковлева Е.Л. Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 20–27.
16. Омельченко Е.А. Самовыражение и культура самовыражения личности (педагогический аспект). Новосибирск, 2013.
17. Снайдер М. Ребенок как личность: Становление культуры справедливости и воспитание совести: [пер. с англ.] / М. Снайдер, Р. Снайдер, Р. Снайдер-младший; под ред. и с предисл. В. Кагана. М.; СПб., 1994.
18. Петровский А.В. Общая психология. М., 1976.
19. Петровский А.В. Психология и время. СПб., 2006.

1. Simmel G. Sel. works. Vol. 1: Philosophy of culture. Moscow, 1996.
2. Berdyaev N.A. The destiny of man. Moscow, 1993.
3. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Typology of activity of the person in social psychology // Psychology of personality and lifestyle / resp. ed. E.V. Shirohova. Moscow, 1987.
4. Uznadze D.N. General psychology / transl. from Georgian by E.Sh. Chomakhidze; ed. by I.V. Imedadze. Moscow; St. Petersburg, 2004.
5. Uznadze D.N. Installation psychology. St. Petersburg, 2001.
6. Yafalyan A.F. Expressions school: book for teachers and parents on the development, improvement and maturation of children. Moscow, 2011.
7. Belyakova E.V Anthropological approach as a condition of self-expression in the school complex training: auth. abstr. ... Candidate of Pedagogics. Yekaterinburg, 2007.
8. Meksicheva T.S. Positioning values in the subculture of consumers: auth. abstr. ... Candidate of Psychology. Moscow, 2006.
9. Rogers N. Creativity as self-strengthening // Questions of psychology. 1990. № 1.
10. Shkuratova I.P. Self-expression of personality in communication // Personality psychology / ed. by P.N. Ermakov and V.A. Labunskaya. Moscow, 2007.
11. Frankl V. Man in search of sence. Moscow, 1990.
12. Fromm E. Human soul. Moscow, 2010.
13. Goethe J.W. Maximen und Reflexionen. Leipzig.
14. Rokeach M. The nature of human values. N.Y., 1973.
15. Yakovleva E.L. Emotional mechanisms of personal and creative development // Questions of psychology. 1997. № 4. P. 20–27.
16. Omelchenko E.A. Self-expression and culture of the individual self-expression (pedagogical aspect). Novosibirsk, 2013.
17. Snyder M. Child as a person: a Culture of justice and education of conscience: [transl. from English] / M. Snyder, R. Snyder, R. Snyder, Jr.; ed. and forew. by V. Kagan. Moscow; St. Petersburg, 1994.
18. Petrovsky A.V. General psychology. Moscow, 1976.
19. Petrovsky A.V. Psychology and time. St. Petersburg, 2006.

Дементьев Сергей Александрович

кандидат социологических наук,
Южно-Российский гуманитарный институт
(e-mail: sadementiev2014@yandex.ru)

Становление глобального информационного мира: глобальные трансформации в бытии человека

В статье обосновывается предположение, что новая эпоха – эпоха информационной цивилизации – породила нового человека и новое общество, у которых сформировались и продолжают формироваться новые ценности. Одновременно в информационном обществе возникают новые риски и угрозы. Это информационные риски и информационные угрозы, которые порождают условия нарушения информационной безопасности человека и общества.

Ключевые слова: глобальный информационный мир, информационная цивилизация, трансформация природы коммуникации, информационные ресурсы, информированность.

S.A. Dementiev, Candidate of Sociology, South Russian Humanitarian Institute; e-mail: sadementiev2014@yandex.ru

Becoming the global information world: global transformations in the human being

The article substantiates the assumption that a new era, the era of information civilization has spawned a new man and a new society. This new man and a new society formed and continue to form new values, but at the same time in the information society there are new risks and new threats that are typical for that era – it's information risk and IT threats that create the conditions for breakdown of information safety of man and society.

Key words: global world of information, information civilization, transforming the nature of communication, information resources, knowledge.

Масштабы трансформаций глобализирующейся информационной цивилизации необходимо оценивать не только с точки зрения революционных информационных технологий, которые делают экономику и всю общественную жизнь зависимой от них, но и по трансформирующейся человеческой природе.

Мы вполне согласимся с выводом А.Д. Иоселиани о том, что глобальному изменению и трансформации подлежат человеческая ментальность, сознание и самосознание, личные и общественные ценности [1, с. 58].

В настоящее время в исследовательской литературе широко обсуждаются различные аспекты глобализирующейся информационной цивилизации, в числе которых, кроме технологических, экономических, финансовых, политических, также обсуждаются социальные, исторические, культурологические, философские, онтологические, гносеологические, аксиологические и антропологические аспекты данной проблемы. Все авторы единодушны в том, что произошел значительный цивилизационный сдвиг, изменивший природу человека и общества.

Это выражается прежде всего в том, что становление глобального информационного мира повлекло за собой целый ряд глобальных трансформаций в самом бытии человека, в организации общества и всех его подструктур, в формировании базисных ценностей мира и человека, в изменении всей системы социальных отношений, начиная с отношения к труду, продолжая отношениями в обществе и заканчивая отношениями между людьми.

Эти обстоятельства отмечают многие исследователи, но одним из первых «забил тревогу» П. Бергер. В своей работе он показал, как многолик глобализирующийся мир. При этом он выделил следующие основные движущие силы глобализации: деловые элиты, международная культура деловых и политических кругов мира, международный бизнес, клубная культура западных интеллектуалов, массовая культура; общественные движения [2, с. 45–46].

В результате действия этих движущих сил глобализации информационной цивилизации осуществляется изменение сложившихся традиций, а порой и их откровенная ломка, значительное изменение укладов жизни, традиционных верований, традиционной морали, правил

поведения и всего образа жизни. Складывающаяся культура на основе этих новых правил и ценностей изначально противоречива: она одновременно является индивидуализированной и массовой.

При этом массовой по правилам игры и самому устройству глобального цифрового информационного мира и индивидуализированной, поскольку сам труд перестает быть массовым, сам социум атомизирован и сам индивид свою культуру не отождествляет с социальной культурой. Она может быть индивидуальной, личностной, сетевой, пользовательской, клубной или «питаться» иными ценностями тех или иных сообществ.

При этом культурное разнообразие является просто ошеломляющим. Так, например, в Китае, в этом одном из «моторов» мировой экономики, глобализация представляет собой этап модернизации, который последовательно проводится политическим руководством этой страны, ее партийным государством.

При всем влиянии западной культуры и западной экономики китайский вариант глобализации велик по масштабам, но по сути является национальной локализацией, поскольку партийное руководство страны осуществляет контроль за глобализационными процессами и дозирование любого влияния извне [3].

Таким образом, Китай идет своим путем и демонстрирует специфический национальный тип культурной глобализации – управляемый процесс, в котором партийное государство играет ведущую роль, а национальная элита продвигает западную культуру. Народные массы ее воспринимают и потребляют, но контроль и потребление западной культуры происходит постоянно со стороны партийного руководства Китая [4; 5].

Специфические черты проявления глобализации информационной цивилизации П. Бергер отмечает и на Тайване, где, по его мнению, произошел достаточно оптимальный синтез местной локальной культуры и международных культурных влияний, в котором глобальная культура не получила преимуществ над локальными, но и не получила огульного отрицания, и в Японии, где своеобразное «японофильство» стало возможно посредством совмещения культурных взглядов на современную жизнь, в котором жители «Страны восходящего солнца» уточняют свою идентичность. Специалистами такой синтез оценивается как совмещение американской, европейской и собственно японской культуры [6].

Отдавая должное Америке, как играющей самую значительную роль в процессе глоба-

лизации, П. Бергер, подчеркивая, что даже слово «американизация» часто выступает синонимом самой глобализации, отмечает, что именно США ввели в оборот глобальной экономики и политики много новых качеств. В целом, П. Бергер утверждает, что мир стал теснее, ценности мира, несмотря на их локальное своеобразие, стали унифицированными. Унифицированными стали товары, продукты и технологии. Одним из индикаторов глобализации стало глобальное распространение по всему миру английского языка, американских брендов и образа жизни [2].

Во многом это связано с деятельностью международных транснациональных корпораций, которые оказывают колоссальное влияние на экономическую, финансовую, политическую и культурную жизнь многих стран. Влияние информационной эпохи выражается в том, что мир становится все более и более цифровым и электронным, массовым и в то же время индивидуалистическим, свободным и демократическим, но и зависимым от транснационального бизнеса [7; 8; 9].

Этот мир порождает новый порядок и новые ценности. Острым является вопрос о том, насколько глобализация способствует развитию локальных экономик и культур и насколько она вредит им, составляет угрозы и риски потери культурной идентичности, самобытности, угрозы универсализации и унификации всех сторон жизни.

Возникают противоречия, которые невозможно игнорировать. Это противоречия глобализации и ее универсалистских ценностей и различных традиционных культур, национального менталитета, традиционных верований, сложившегося образа жизни.

Человек в глобальной информационной цивилизации приобретает такие новые свойства и черты, которых не было ни в традиционном, ни в индустриальном обществе. За трансформацией этих человеческих черт и ценностей не успевают социальные преобразования, сложившиеся социальные институты, правовое пространство и, конечно, ментальность людей, их психологические устои, которые выражаются в формах повседневного бытия.

Человек как социальное существо, живущее в мире постоянного общения, оказывается погруженным в новый безграничный информационно-коммуникационный континуум, в котором прежние человеческие качества и ценности попросту обесцениваются. Глобальная информация как главная ценность информационной эпохи покрывает собою все, и перед нею теря-

ют прошлое смысловое наполнение культурные ценности, ценности образования, профессии.

Мир общения человека становится другим; он из лично-приватного превращается в безличностный и безграничный мир, мир Интернета. Человек из своего приватного мирка общения, из своего привычного социума, обозримого и предсказуемого, «переселяется» в сетевое пространство, наполненное виртуальными субстанциями, информационными фантомами, симулякрами разного рода, псевдосоциальными кентаврами, которые, имея под собой некоторую реальную подоснову, по своей сути являются цифровыми суррогатами реальности.

В этом мире существует иное пространство – цифровое, течет иное время – время информационного взаимодействия, действуют иные субъекты – акторы и пользователи информационных ресурсов, наличествуют иные ценности – ценности собственности, доступа и распоряжения информацией. Это совсем иной мир, и уже само его существование – реальная опасность для человека, угроза его информационной безопасности.

Трансформируется сама природа человека, поскольку человек, будучи деятельным существом на протяжении всей истории рода человеческого, действовал по одной проверенной причинно-следственной цепочке: человеческим действиям предшествовали потребности; потребности порождали мотивы поведения; мотивы поведения предопределяли цели человеческих действий; цели детерминировали условия их достижения.

В информационном мире основной потребностью действий является овладение информацией, независимо от того, с какими целями это осуществляется: познание, накопление информации, приобретение ее, практическое использование, досуг и развлечение, информационное взаимодействие или информационный взаимообмен. По сути это содержание действий, и все они связаны с информационными операциями.

Сами действия также являются информационными процессами и составляют операции по структурированию информации, ее распределению, классификации по кластерам, сегментам и сферам, по переводу из одного знакового выражения в другое, из одной информационной системы в другую. Это, по сути, есть форма действий, и она представляет собой информационные операции.

Итак, как содержание деятельности в информационном мире, так и форма этих дей-

ствий являются информационными. Можно заключить, что в информационном мире трансформируется, изменяется сама сущностная природа человеческой деятельности. Она становится информационной. Можно ли отсюда сделать вывод о том, что раз природа человека выражается в его разумной, рациональной деятельности, а сама деятельность изменила свою природу и стала как по содержанию, так и по форме информационной, то изменилась и сама природа человека? Человек тоже стал информационным, человек стал «*homo informaticus*»?

Если приведенных аргументов в пользу трансформации самой природы человека в информационном мире недостаточно, то можно указать еще и то, что человек не только деятельное существо, это еще и существо, существующее в мире постоянного общения. И в этой сфере происходят кардинальные изменения.

Коммуникация в информационную эпоху становится глобальной и массовой. Она базируется на Интернете, этой планетарной информационной паутине. И это не столько технологическое приращение качества коммуникационного взаимодействия, сколько ее качественное изменение.

Меняется и само общество, вернее, к тем традиционно сложившимся социальным структурам и сегментам, которые существовали в эпоху традиционного и индустриального общества, добавляются новые виды социальных объединений – сетевые сообщества. Это новый вид социальности, виртуальной социальности.

Изменяется и повседневная жизнь человека информационной эпохи. Внедрение Интернета расширяет повседневную жизнь с ее повседневной и межличностной коммуникацией до возможности планетарного общения. Интернет сметает все барьеры: государственные, геополитические, религиозно-конфессиональные, языковые, межкультурные.

Возникает совершенно новый феномен – глобализация повседневной жизни; она перестает быть лично-замкнутой, индивидуальной, кастово-групповой, сословно-профессиональной. Повседневность в информационную эпоху становится глобальной, и посредством предоставленных технологиями возможностей в виде социальных сетей, инстаграмм, живых журналов, фэйсбуков, блогосфер индивидуальная и приватная, даже интимная ранее информация становится достоянием миллионов пользователей.

Все вопросы повседневной коммуникации – от заказа и приобретения товаров, покупки би-

летов, бронирования гостиниц, досуга, отдыха, развлечения и игр до поисков работы, форм обслуживания, поиска единомышленников по своему увлечению, занятию или профессии – становятся мгновенно разрешимыми и доступными.

Массовое использование различных электронных средств повседневной коммуникации приводит к последствиям, которых ранее не было в человеческой истории. Повседневный массовый индивид постоянно включен в процесс социальной коммуникации. Погружение его в повседневность (в повседневные бытовые заботы и проблемы) не выключает его благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям из общественной жизни.

Он всегда теперь информирован, он всегда может принять участие в опросе, голосовании по тому или иному общественно значимому вопросу, его мнение учитывается; благодаря превращению мира повседневности в глобальный мир он включен в общественную жизнь.

Но это имеет и другую сторону: повседневный индивид в своих индивидуально-личностных делах и вопросах при всей своей индивидуальности становится лишенным индивидуальности, он усредняется как пользователь информационных ресурсов, как актер информационного обмена и информационного потребления. Он становится массовым актером.

К тому же повседневный индивид оказывается лишенным и своей автономности, относительной независимости, интимности и приватности. Все его действия регистрируются; вся информация о нем известна, и она может стать предметом публичного обсуждения; она может стать компроматом.

В простоте и регулярности повседневного доступа к информационным ресурсам кроется еще одна опасность для индивида. Он постоянно находится под воздействием агрессивной информационной среды: рекламы, пропаганды и различных манипулятивных воздействий. За простоту доступа к информации индивиду приходится расплачиваться и простотой доступа к нему самому, к его жизни, к его менталитету и к его кошельку. А это тоже существенная информационная угроза.

Итак, мы полагаем, что именно в процессе коммуникативного взаимодействия, взаимодействия субъектов по поводу обмена информацией и могут возникать неинформационные угрозы, которые трактуются как нарушение информационной безопасности. Только в процессе коммуникативного взаимодействия уместно говорить об информационной безопасности

субъектов – пользователей информацией, поскольку информационные угрозы и риски по определению имеют значение для этих субъектов, а не для самой информации.

Как негативная ценность информация может выступать в процессе коммуникативного взаимодействия субъектов, если для передачи информации используются не те каналы информации, которые требуются. Такой же эффект может возникнуть, если информация является несвоевременной, неактуальной, недостоверной, неполной или попросту неистинной. В таких условиях информация приобретает ценность «со знаком минус».

Такое ценностное свойство информации будет способствовать тому, что субъект – пользователь информации будет несвоеременно информирован, если информация была неполной, неточной, неадекватной. Субъект будет дезориентирован в мире событий и процессов, и это является существенным нарушением информационной безопасности, информационными рисками, которые могут привести субъекта к потере социальной ориентации, утрате социального статуса, к неправильному социальному предпочтению и выбору.

Информация приобретает ценность «со знаком минус», если субъект коммуникативно-информационного взаимодействия будет лишен доступа к полной, всеобъемлющей, правдивой информации, если его информационные права будут ограничены несправедливым законом или социальным порядком. Это тоже есть нарушение информационной безопасности субъекта.

С таким же знаком будет трактоваться ценность информации, если субъект лишен возможности выбора нужной ему информации, лишен возможности ее самостоятельного понимания и интерпретации и ему навязаны некие шоры в виде пропагандистских клише, идеологических скрепов и тому подобных директивных установлений. Это тоже нарушение информационной безопасности субъекта.

В информационном обществе при формировании экономики, основанной на знании, нарушением информационной безопасности субъекта будет навязывание ему либо упрощенных, примитивных знаний об устройстве общества и его истории, либо вместо знания ему будут поставляться суррогатные продукты суеверий, мифов, политических идеологем, религиозных догм. И это тоже нарушение информационной безопасности субъекта и превращение информации в таком коммуникативном взаимодействии в свое негативное отрицание.

Свободное движение информации в глобальном информационном обществе предполагает, что разносторонняя информация дает возможность развитому субъекту самому выбирать и каналы информации, и те информационные сегменты, которые им востребованы. Интеллект субъекта – и информационная наполненность, и способность оценивать, рассуждать, предпочитать и выбирать.

Отсутствие полноты информационной картины мира и подача различной социально-политической информации по официальным каналам с односторонней оценкой событий

приводит к оскудению социального интеллекта субъекта, что тоже должно трактоваться как нарушение информационной безопасности субъекта.

Различные несанкционированные вторжения во внутренний мир субъекта посредством навязывания ему клишированных мнений и предпочтений, стереотипов суждений, шаблонов мысли и оценки, упрощенных взглядов на мир, на его настоящее, его историю и будущее, на причины и последствия событий также должны трактоваться как нарушение информационной безопасности субъекта.

1. Иоселиани А.Д. *Антропология глобального мира: человек в современной коммуникативно-информационной сфере // Век глобализации. 2013. Вып. 2(12).*

2. Бергер П., Хантингтон С. (ред.) *Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой. М., 2004.*

3. Александрова М.В. *Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М., 2003.*

4. Балданыан Л., Криворотов В. *Запад и Восток: два подхода к выживанию. Синтез противоположностей по мере роста дефицита ресурсов // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1.*

5. Иноземцев В. *Особый путь Китая // МЭиМО. 2000. № 8.*

6. Чугров С.В. *Япония: гибридизация и гармонизация // Полис. 2008. № 3.*

7. Всемирный банк. *Доклад о мировом развитии за 2012 г. «Новый взгляд на экономическую географию». М., 2012.*

8. Гонтарь Н.В. *Транснациональный бизнес как фактор институциональной модернизации экономики // Региональная экономика. 2014. № 12.*

9. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N.Y., 2012.*

1. Ioseliani A.D. *Anthropology of the global world: people in modern communication and information sphere // Age of globalization. 2013. Iss. 2(12).*

2. Berger P., Huntington S. (eds.) *The many faces of globalization: Cultural diversity in the contemporary world / transl. from English by V.V. Sapov; ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, 2004.*

3. Alexandrova M.V. *China and Russia: features of regional economic cooperation in the reform period. Moscow, 2003.*

4. Baldanyan L., Krivorotov V. *West and the East: Two approaches to survival. The synthesis of opposites with increasing scarcity of resources // Problems of the Far East. 2010. № 1.*

5. Inozemtsev V. *Special way of China // World economy and international relations. 2000. № 8.*

6. Chugrov S.V. *Japan: Hybridization and harmonization // Polis. 2008. № 3.*

7. World Bank. *World Development Report for 2012 «Reshaping Economic Geography». Moscow, 2012.*

8. Gontar N.V. *Transnational business as a factor in the institutional modernization of the economy // Regional economy. 2014. № 12.*

9. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N.Y., 2012.*

Назаренко Сергей Владимирович

кандидат социологических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ
(e-mail: svnazarenko@fa.ru)

Социальный контроль в воинских коллективах: методика социологической экспресс-диагностики нарушений уставных взаимоотношений

В статье изложены теоретические основы механизма функционирования социального контроля в воинских коллективах, методические основы его социологического изучения в контексте минимизации неуставных и формирования уставных взаимоотношений между военнослужащими.

Ключевые слова: социальный контроль, социологическая диагностика, социальные отклонения, девиации, неуставные взаимоотношения.

S.V. Nazarenko, Candidate of Sociology, Assistant Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: svnazarenko@fa.ru

Social control in military units: the sociological method of rapid diagnosis of violations of statutory relations

The article describes the theoretical basis of the mechanism of functioning of social control in military units, as well as the methodological basis of its sociological study in the context of minimizing the formation of the statutory and non-statutory relations between servicemen.

Key words: social control sociological diagnosis, social deviation, deviation, hazing.

Социальный контроль – это механизм оценки и санкционирующего воздействия в целях приведения реальных отношений в соответствие ценностно-нормативным требованиям и ожиданиям среды [1]. Он имеет ограниченный диапазон действия, так как связан с отклонениями [2, с. 162–164]. В воинских частях (подразделениях) Вооруженных Сил РФ фокусом социального контроля является девиантное поведение военнослужащих, особенно в сфере неуставных взаимоотношений [3]. Они являются следствием проявления в процессе прохождения военной службы элементов социального паразитизма – антиобщественного образа действий, образа жизни, отличительными чертами которого являются: а) извлечение нетрудовых доходов; б) уклонение от общественно полезного труда. Явно и латентно асоциальный образ жизни выполняет функцию катализатора, тем самым создает условия возникновения антисоциальных мотивов поведения личности военнослужащего. Это наиболее проявляется в различных формах неуставных взаимоотношений: 1) искривление дисциплинарной практики должностными лицами по отношению к подчиненным; 2) моральное и физическое подавление более слабых членов воинского кол-

лектива; 3) издевательства и глумления одних военнослужащих над другими, особенно старослужащих над молодыми воинами (дедовщина); 4) откровенное социальное паразитирование одних военнослужащих за счет воинской и иной деятельности других, которое проявляется в принуждении к выполнению различных личных прихотей, нехарактерных для военной службы ролей, необоснованном перекалывании или перераспределении обязанностей по службе и в быту; 5) вымогание денег, личных вещей и продуктов питания, предметов воинского обмундирования; 6) выпячивание и насаждение региональных, национальных и иных традиций, предрассудков и возникающие на этой почве конфликты, ссоры, стычки, драки, которые иногда приводят к травмам и даже гибели военнослужащих; 7) вымещение на подчиненных и иных военнослужащих плохого настроения; 8) расправа над обидчиками (самосуд) и др. К паразитическому образу жизни наиболее предрасположены люди, зависимые от алкоголя, наркотиков. Они создают «микроклимат» аморального и антисоциального поведения.

Объяснить социальные корни и реальное состояние уставных взаимоотношений в воинских коллективах возможно в рамках ком-

плексных социологических и социально-психологических исследований [4, с. 175–215]. Их частным случаем является методика социологической экспресс-диагностики нарушений уставных взаимоотношений. Алгоритм проведения оперативного прикладного военно-социологического исследования по теме «Содержание неуставных взаимоотношений в воинском подразделении (коллективе) и пути их исключений из практики общения военнослужащих» включает в себя семь шагов: первый – выявление противоречий и проблемы социального взаимодействия военнослужащих; второй – определение исследуемого объекта и предмета; третий – постановка цели и уточнение ее в задачах исследования; четвертый – выдвижение гипотез исследования; пятый – разработка и тиражирование инструментария; шестой – этап полевой работы, непосредственно социологический опрос; седьмой – обработка эмпирических сведений и подготовка отчета. Последний этап включает в себя разделы: 1) теоретико-методологический – основы теоретической интерпретации, структурной и факторной операционализации уставных и неуставных взаимоотношений как ключевого понятия исследования; 2) описательно-аналитический – социологическая статистика и аналитика относительно решаемых исследовательских задач: а) о реальном состоянии, измеряемом через объективный (V-3) и субъективный (V-4) показатели; б) о факторах (V-5) и причинах (V-6), инициирующих нарушения уставных взаимоотношений; в) о технологии оптимизации усилий по минимизации проявления неуставных взаимоотношений в воинских коллективах путем изменения социальной среды (V-7) и/или отношения личности военнослужащего (V-8); 3) технолого-управленческий – практическое консультирование, включающее разработанные на основании данных одномерного и двумерного статистического анализа эмпирической информации (ответов на вопросы) практические предложения и рекомендации командирам воинских частей и подразделений. При этом «вопрос-интрига» (V-1), «вопрос-ловушка/проверка на искренность» (V-2), а также вопрос о предрасположенности и подготовленности, т.е., соответственно, о социально-демографической (V-9) и военно-профессиональной (V-10) характеристиках респондентов вскрывают особенности реального состояния неуставных взаимоотношений в различных группах военнослужащих: первая – военнослужащий предрасположен и подготовлен; вторая – не предрасположен, но подготовлен; третья –

предрасположен, но не подготовлен; четвертая – не предрасположен и не подготовлен.

Оперативное конкретное прикладное военно-социологическое исследование (обследование) носит одноцелевой и трехзадачный характер. Если основная гипотеза формулируется для проверки и подтверждения цели социологической экспресс-диагностики, то три гипотезы-следствия – соответствующих трех задач. Как правило, сформулированные гипотезы должны быть подтверждены результатами статистического анализа ответов на вопросы, что свидетельствует о профессиональной компетентности исследователя. В типовой методике экспресс-диагностики относительно самостоятельными блоками являются следующие.

Блок № 1. Противоречие социального взаимодействия – в повседневной военно-профессиональной деятельности и межличностном общении военнослужащие не всегда или недостаточно подготовлены и предрасположены к соблюдению законности (норм права и норм морали), требований уставов, обязанностей согласно занимаемой военно-учетной специальности, однако воинское подразделение (воинский коллектив) способно выполнить поставленные перед ним задачи только при соблюдении всеми без исключения военнослужащими своих должностных и служебных обязанностей. Проблема социального взаимодействия в опросе – неисполнение (нежелание и неумение) военнослужащими своих функциональных (должностных и служебных) обязанностей при выполнении поставленных перед воинским подразделением (воинским коллективом) повседневных и учебно-боевых (боевых) задач востребует не только официальное, но и неофициальное перераспределение обязанностей, перекладывание ответственности, что является источником нарушения баланса интересов военнослужащих как участников военно-профессиональной деятельности коллективного характера и межличностного общения, а также источником напряженности, конфликтной ситуации, конфликтов.

Блок № 2. Объект – неуставные взаимоотношения среди военнослужащих в военно-профессиональной деятельности и межличностном общении. Предмет – формы реализации социальных установок (неподготовленность и неадекватность) и поведения (нежелание и неумение) личности военнослужащего, пренебрегающей или отрицающей необходимость (востребованность) соблюдения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

Блок № 3. Цель – определить социальные ситуации, способствующие появлению истоков формирования и распространения неуставных взаимоотношений, и оценить уровень (степень) угрозы их влияния на выполнение актуальных задач, стоящих перед воинским подразделением (коллективом). Задача 1 (о реальном состоянии) – описать реальное состояние неуставных взаимоотношений между военнослужащими, формы их выраженности, уровень проявления и степень распространенности в воинском подразделении (коллективе). Задача 2 (о факторах и причинах) – выявить факторы социальной среды воинского подразделения (коллектива), а также организационные и личностные причины возникновения и распространения неуставных взаимоотношений между военнослужащими. Задача 3 (о технологии оптимизации усилий) – разработать практические рекомендации командирам воинских подразделений (коллективов) по минимизации уровня проявления и степени распространенности различных (наиболее актуальных) форм неуставных взаимоотношений.

Блок № 4. Гипотеза-основание – в социальных взаимодействиях подготовленность и предрасположенность, а также желание и умение военнослужащего исполнять свои профессиональные (должностные и служебные) обязанности является залогом воспроизводства уставных взаимоотношений в воинском подразделении (коллективе), сплоченности личного состава, эффективности результатов его военно-профессиональной деятельности. Гипотеза-следствие № 1 (о реальном состоянии) – в воинском подразделении (коллективе) неуставные взаимоотношения проявляются либо в формах физического насилия (принуждения), либо социально-психологического давления, однако если социально значительные их проявления как при минимальной, так и при максимальной распространенности преимущественно носят явный дисфункциональный характер (направленность), то социально незначительные их проявления как при минимальной, так и при максимальной распространенности преимущественно носят латентный (скрытый по своим последствиям) дисфункциональный характер (направленность). Гипотеза-следствие № 2 (о факторах и причинах) – неуставные взаимоотношения в воинском подразделении (коллективе) могут быть вызваны материально-техническими (материально-бытовыми), административно-должностными (дистрибутивными), субкультурными, а также человеческим факторами, однако нарушение баланса инте-

ресов личности военнослужащего и интересов воинского подразделения (коллектива) как социальной организации (организации взаимодействий индивидов) является преимущественной основой (источком) возникновения и распространения неуставных взаимоотношений между военнослужащими. Гипотеза-следствие № 3 (о технологии оптимизации усилий) – минимизация неуставных взаимоотношений в ближайшей перспективе возможна посредством применения прямых (непосредственных) управляющих воздействий на военнослужащих, как подвергшихся фактам неуставных взаимоотношений, так и осуществляющих (практикующих) неуставные взаимоотношения в адрес других, однако в отдаленной перспективе социальная эффективность управленческих мер существенно повысится в случае реализации косвенных (опосредованных), не столько «жестких», сколько «мягких» управляющих воздействий (санкций).

Блок № 5. Анкета социологического опроса. «Уважаемый товарищ! Вы являетесь участником социологического опроса по изучению взаимоотношений между военнослужащими. Сведения, полученные в отдельно взятой анкете, оглашаться не будут. Результаты опроса будут использованы в обобщенном виде при выработке рекомендаций по координации социальных процессов, обеспечивающих взаимную доверительность при межличностном общении в воинских коллективах. Вчитайтесь, пожалуйста, в содержание каждого вопроса и обведите кружком цифру того варианта ответа, который в наибольшей степени соответствует Вашему мнению». Вопросы и варианты ответов:

I. Допустим, если бы появилась возможность перевестись в другую воинскую часть (подразделение), то что бы повлияло на Ваше решение? (Выберите 3–4 варианта ответов и/или укажите, пожалуйста, иную причину):

1. Наличие конфликтов, конфликтных ситуаций.
2. Словесные оскорбления.
3. Физическое насилие.
4. Моральное унижение.
5. Командирский произвол.
6. «Поборы», «взятие в долг (без возврата)» денежных средств.
7. Воровство, порча, отъем личного имущества.
8. Несправедливое распределение служебных обязанностей.
9. Ухудшающееся состояние здоровья.
10. Сложившиеся семейные обстоятельства.
11. Другая причина (укажите).

II. Допускают ли военнослужащие Вашего воинского подразделения неуставные взаимоотношения? 1. Да, допускают. 2. Возможно да, но не по отношению ко мне. 3. Возможно нет, так как об этом мне не известно. 4. Нет, я

точно знаю, в нашем воинском коллективе неуставных взаимоотношений нет. 5. Затрудняюсь ответить.

III. Между какими военнослужащими возникали конфликты, повлекшие неуставные взаимоотношения в Вашем воинском подразделении? (Укажите несколько вариантов, количество ответов не ограничено): 1. Между военнослужащими, исполняющими «особые» задачи командиров (начальников), и остальными военнослужащими. 2. Между военнослужащими, имеющими спортивные или иные достижения, и остальными военнослужащими. 3. Между военнослужащими, объединенными в различные национальные группы. 4. Между военнослужащими, объединенными в группы по признаку землячества. 5. Между добросовестными (имеющими поощрения, успехи в службе) и недобросовестными (имеющими взыскания, упущения по службе). 6. Между военнослужащими, соблюдающими требования уставов, и военнослужащими, которые стремятся уклониться от обязанностей. 7. Между военнослужащими разного уровня материального благосостояния (достатка). 8. Между военнослужащими разного возраста. 9. Между военнослужащими разного уровня образования. 10. Между «местными» военнослужащими и призванными из других регионов. 11. Между другими (укажите).

IV. Как Вы оцениваете взаимоотношения в Вашем воинском подразделении? 1. Отношения в основном товарищеские, доброжелательные, деловые, уставные. 2. Отклонение от уставных взаимоотношений не мешает службе, не ухудшает общение между военнослужащими. 3. Неуставные взаимоотношения помогают решить многие задачи, делают службу более комфортной. 4. Бывают трудные, конфликтные моменты во взаимоотношениях, но в общем терпимо. 5. Отношения безразличия, «мне все равно на остальных, лишь бы меня не трогали». 6. Отношения основаны по принципу «кто сильнее, тот и прав». 7. Отношения морального подавления личности. 8. Отношения, основанные на взаимной выгоде, взаимном оказании различного рода услуг, «ты мне, я тебе». 9. Отношения, носящие преимущественно неформальный характер, при котором права военнослужащего не соблюдаются. 10. Отношения, при которых военнослужащие «загнаны в угол неуставщиной». 11. Другое (укажите).

V. Что способствует нарушению уставных взаимоотношений в Вашем воинском подразделении? (Выберите 3–4 варианта ответов и/или укажите, пожалуйста, иной фактор):

1. Неудовлетворительное состояние материально-технических условий (вооружение, техника, имущество и др.). 2. Неудовлетворительные бытовые условия (столовая, казарма, баня, прачечная, чайная и т.п.). 3. Необеспеченность и ограниченность досуга (телевизор, радио, музыкальные инструменты, настольные игры, книги и др.). 4. Низкий, неэффективный контроль командиров за воинской дисциплиной военнослужащих. 5. Избирательное отношение командира к военнослужащим, разделение на «привилегированных» и иных. 6. непрофессионализм, аморальность командира. 7. Безнаказанность (дисциплинарная, уголовная) за совершенные ранее факты неуставных взаимоотношений. 8. Слабая организация воспитательной работы. 9. Недостаточное разъяснение дисциплинарной и уголовной ответственности. 10. Низкий уровень авторитета у командира (младшего командира). 11. Нежелание военнослужащего служить в армии. 12. Профессиональная неподготовленность (непригодность) отдельных военнослужащих. 13. Другое (укажите).

VI. Вследствие чего в Вашем воинском подразделении возникают ситуации, приводящие к неуставным взаимоотношениям? (Выберите 3–4 варианта ответов и/или укажите иную причину): 1. Несовместимость военнослужащих. 2. Оскорбление национальных чувств. 3. Несправедливое распределение обязанностей. 4. Предвзятое отношение командиров. 5. Бытовые условия проживания. 6. Организация приема пищи в столовой. 7. Хамство, грубость. 8. Несоблюдение личной гигиены. 9. Слабая физическая подготовленность. 10. Употребление алкогольных и наркотических средств. 11. Другое (укажите).

VII. Кто в Вашем воинском коллективе чаще всего является инициатором конфликтных ситуаций (несправедливое перераспределение должностных и служебных обязанностей, межнациональные отношения, личная неприязнь, глумления и издевательства, регион призыва, уровень образования, уровень физической силы, семейное благополучие, возраст и т.д.)? 1. Командный (офицерский) состав. 2. Командный (прапорщичий) состав. 3. Командный (сержантский) состав по контракту. 4. Командный (сержантский) состав срочной службы. 5. Военнослужащие-рядовые по контракту. 6. Военнослужащие-рядовые срочной службы. 7. Гражданский персонал. 8. Другое (укажите).

VIII. Что Вы предпринимаете, когда в Вашем воинском коллективе возникают конфликтные ситуации в сфере межличностных неустав-

ных взаимоотношений? (Выберите один из двух ответов в каждой паре): 1а. Обращался к командиру (офицеру). ↔ 1б. Обращался к старшине (прапорщику). 2а. Обращался к командиру (сержанту). ↔ 2б. Обращался к военнослужащим других воинских подразделений (землякам). 3а. Обращался к родителям (родственникам). ↔ 3б. Обращался к психологу, священнослужителю и иному гражданскому персоналу войсковой части. 4а. Заступался за сослуживца, товарища ↔ 4б. Старался примирить враждующие стороны. 5а. Наблюдал в целях недопущения нарушения уставных требований. ↔ 5б. Наблюдал, но ничего не предпринимал. 6а. Поддерживал более физически и/или морально сильного военнослужащего. ↔ 6б. Поддерживал физически и/или морально слабого военнослужащего. 7а. Занимал сторону большинства. ↔ 7б. Занимал сторону меньшинства.

IX. Вы выросли в семье, где ближайшие родственники (Выберите, пожалуйста, один из двух ответов в каждой паре): 1а. Не служили (не служат) в армии (на флоте) и других силовых структурах. ↔ 1б. Служили (служат) в армии (на флоте) и других силовых структурах. 2а. Не имели (не имеют) проблем с законом (не привлекались к уголовной ответственности). ↔ 2б. Имели (имеют) проблемы с законом (привлекались к уголовной ответственности).

X. До прохождения военной службы Вы (Укажите несколько вариантов, количество ответов не ограничено): 1. Получили опыт начальной военной подготовки (кадетский класс, суворовское училище, военно-патриотический клуб, РОСТО и т.п.). 2. Занимались в спортивных секциях, имеете спортивный разряд. 3. Занимались в музыкальной школе, школе искусств. 4. Получили религиозное воспитание. 5. Другое (укажите).

Методика, наряду с возможностью изучить уставные взаимоотношения, выявить факторы и причины, их разрушающие, является инструментом формирования социологического мышления командира воинского коллектива относительно выстраивания основ социального управления и контроля. В связи с этим спектр задач командира как агента социального контроля включает в себя: 1) социологический мониторинг состояния уставных взаимоотношений, выявление и анализ факторов и причин, ситуаций и обстоятельств, провоцирующих военнослужащих на девиантные проступки; 2) выявление и социологическое изучение противоречий и проблем, разногласий и конфликтов, детерминирующих возникновение девиантного намерения, что является начальным

этапом формирования личности военнослужащего как девианта; 3) социологическое сопровождение, сфокусированное на упреждающем выявлении военнослужащих, которые предрасположены и/или подготовлены к совершению девиантного действия, а также социологически взвешенное активное корректирующее психолого-педагогическое воздействие; 4) комплекс мер и мероприятий по устранению или нейтрализации источников, обуславливающих девиантное поведение.

Выстраиваемая командиром (начальником) и его подчиненными (исполнителями) система социального контроля в воинской части (подразделении) зависит от многих общесоциальных факторов. К примеру, если девиация на уровне вооруженных сил, тем более на уровне общества, приобретает регулярный, устойчивый и массовый характер, становится нормой-правилом поведения большинства, то общество (вооруженные силы) неизбежно: а) либо пересматривает принципы социальных отношений (уставных взаимоотношений), стимулирующих отклоняющееся поведение; б) либо производит переоценку норм-правил, ибо поведение, ранее считавшееся девиантным и/или делинквентным, потенциально может быть нормальным, нормативным. Чтобы деструктивная, дисфункциональная форма поведения – девиация не получила широкого распространения, командиру (начальнику) как субъекту управления и агенту контроля целесообразно: во-первых, расширять военнослужащим доступ к легитимным способам достижения успеха и продвижения их по административно-должностной или профессионально-квалификационной лестнице; во-вторых, соблюдать социальное равенство перед законом; в-третьих, совершенствовать отдаваемые приказы (приказания, распоряжения), приводя их в соответствие актуальным социальным реалиям; в-четвертых, стремиться к адекватности наказания за дисциплинарный проступок, административные правонарушения, преступления. Полный комплекс социального (контролирующего) воздействия, используемого для сдерживания девиантности военнослужащих, включает: 1) борьбу с девиантностью (преступностью); 2) комплексное воздействие на девиантность (преступность); 3) предупреждение девиантности (преступности); 4) деятельность по предупреждению девиантности (преступности); 5) социальный контроль над девиантностью (преступностью).

Контролирующая деятельность по минимизации (регулированию) социальных отклоне-

ний военнослужащих, с одной стороны, представляет гражданскую, административную, уголовную и иную репрессию, т.е. предупреждение в рамках гражданского, административного, уголовного и иного правосудия, а с другой стороны, профилактику (превенцию) антикриминогенного характера воздействия, находящегося за рамками современного правосудия [5]. Это контролирующее, регулирующие и управленческие воздействия, носящие психолого-педагогический и социально-педагогический характер и осуществляемые в рамках военного образования и воинского воспитания. Именно поэтому преимущественно востребована деятельность командира (начальника) по предупреждению девиантности и делинквентности в воинских коллективах, которая предполагает: во-первых, выявление, устранение или ослабление, нейтрализацию различных факторов формирования дисфункциональной лично-

сти военнослужащего, затрудняющих процесс военно-профессиональной социализации; во-вторых, выявление и пресечение начавшегося процесса неправильного формирования личности военнослужащего и ее коррекцию; в-третьих, недопущение перехода на преступный путь военнослужащих с явной или латентной антиобщественной направленностью; в-четвертых, предупреждение совершения девиаций (преступлений) военнослужащими, уже совершившими их ранее.

Таким образом, рассмотренная методика социологической экспресс-диагностики нарушений уставных взаимоотношений является инструментом субъектов военного и войскового управления в конструировании социального контроля как девиантного поведения военнослужащих, так и девиантности в воинских коллективах частей (подразделений) Вооруженных Сил РФ.

1. Александров А.Г. Проблемы защиты прав и свобод лиц, подвергшихся региональному государственному контролю // *Общество и право*. 2016. № 2(56). С. 320–326.

2. Назаренко С.В. Социальный контроль военной службы в Российской Федерации (социологический анализ на примере военнослужащих Вооруженных сил РФ). Череповец, 2007.

3. Гриб В.В. Проблемы определения и обнародования результатов общественного контроля // *Общество и право*. 2015. № 4(54). С. 56–61.

4. Назаренко С.В. Социологическое изучение организации социального контроля поведения военнослужащих в процессе военной службы. Череповец, 2002.

5. Смородинова Ю.С. Методы осуществления государственного контроля и административного надзора органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Общество и право*. 2015. № 2(52). С. 304–310.

1. Aleksandrov A.G. Problems of protection of the rights and freedoms of persons subjected to regional state control // *Society and law*. 2016. № 2(56). P. 320–326.

2. Nazarenko S.V. Social control of military service in the Russian Federation (the sociological analysis on the example of members of the Armed Forces). Cherepovets, 2007.

3. Grib V.V. Issues of definition and promulgation of public control results // *Society and law*. 2015. № 4(54). P. 56–61.

4. Nazarenko S.V. A sociological study of the organization of social control behaviour of soldiers in the military service. Cherepovets, 2002.

5. Smorodina Yu.S. Methods for implementation of state control and administrative oversight by bodies of the executive power of the constituent entities of the Russian Federation // *Society and law*. 2015. № 2(52). P. 304–310.

Артюхов Андрей Иванович

Краснодарский государственный институт культуры
(e-mail: semiotike@rambler.ru)

Калиоропуло Евгений Владимирович

Краснодарский государственный институт культуры
(e-mail: kalio@gmail.com)

Человек и интенция сверхчеловека

В неклассической философии XIX–XX вв. актуальными были мировоззренческие проблемы, связанные со смысло-жизненным поиском, переоценкой сущности и существования человека. В русской и зарубежной философии жизни и существования обсуждались проблемы нового мировоззрения, новой религии. Значительный удельный вес занимала мировоззренческая интенция к сверхчеловеку, богочеловечеству, всеединству. В статье рассматривается мировоззренческая революция в русской философии на смене веков, проводится сравнение с соответствующими идейными мотивами европейской философии жизни и существования.

Ключевые слова: неклассическая философия, русская религиозная философия, «философия жизни», экзистенциализм, мировоззренческая революция.

A.I. Artyukhov, Krasnodar State Institute of Culture; e-mail: semiotike@rambler.ru;

E.V. Kalioropulo, Krasnodar State Institute of Culture; e-mail: kalio@gmail.com

Person and intension of the superman

In nonclassical philosophy of the XIX–XX centuries the world outlook problems connected with the search of life sense, reevaluation of essence and existence of the person were urgent. In the Russian and foreign philosophy of life and existence problems of new outlook, new religion were discussed. Considerable specific weight was occupied by world outlook intension to the superman, a God-Mankind, a unitotality. World outlook revolution in the Russian philosophy on change of centuries is considered and it is compared to the corresponding ideological motives of the European philosophy of life and existence.

Key words: nonclassical philosophy, Russian religious philosophy, «life philosophy», existentialism, world outlook revolution.

Проблема предназначения человека кардинально сформулирована в русской религиозной философии, «философии жизни» и экзистенциализме. Она подверглась рассмотрению представителями этих философских течений в контексте положения человека в мире в целом, с учетом его смертности и бессмертия. Она привлекала внимание отечественных мыслителей Серебряного века Вл.С. Соловьева, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Е. Трубецкого, Н.Ф. Федорова, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева в контексте обсуждения проблем сверхчеловека, всеединства, назначения человека, взаимоотношений личности и общества.

Материалом исследования стали труды представителей традиционной отечественной философии, представителей «философии жизни» (Ницше), экзистенциалистов, а также работы отечественных и зарубежных философов по этой теме.

Теоретической основой избраны работы основных представителей русской религиозной философии (И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев и др.), философии жизни (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр), экзистенциализ-

ма (Ж.-П. Сартр, А. Камю), а также писателей и мыслителей, концептуально близких к проблематике философии жизни и экзистенциализма. Основными методами являются: проблемно-логический и сравнительный анализ идей отечественных, немецких и французских философов в социокультурном контексте XIX–XX вв.

Традиционная русская философия является философией жизни, и главной ее целью является поиск «правды жизни». Она бытийна и экзистенциальна по своей сущности. Поэтому она близка к литературе и к аналогичной тенденции в западной философии, развиваемой «философией жизни», экзистенциализмом и даже постмодернизмом.

«Философия жизни» в качестве основного субъекта-креатора рассматривает элитарного индивида особого рода: альянс интенций дионисийского начала и свободного волевого покорения обстоятельству и «общепринятых» правил жизни и создания нового мира по собственным меркам [1, с. 234]. Воля к жизни и воля к власти первична в жизненной интенции. Поиск порядка и смысла в жизни – удел слабого, так как он верит в предустановлен-

ный порядок. Для аристократа духа и рыцаря воли сложившийся порядок лишь материал, сверхчеловек сам создает правила для себя. Тема предназначения человека в этом случае разыгрывается как самопоиск индивидом собственных волевых интенций. Но с точки зрения внешней аналитической рефлексии вывод получается такой: назначение человека – быть орудием реализации «воли» – «воли к жизни», «воли к господству», «воли к покорению» мира.

В экзистенциализме человек – это тревога, он заброшен в мир, его состояние – это отчаяние. Несмотря на то, что он высшая ценность и вершина всего, он конституирован как посторонний и одинокий индивид в чуждом для него мире. Ж.-П. Сартр пишет об этом так: «Говоря о “заброшенности”... мы хотим сказать только то, что бога нет и что отсюда необходимо сделать все выводы. ...Достоевский как-то писал, что “если бога нет, то все дозволено”. Это – исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне» [2].

Для традиционной русской философии одиночество человека является результатом утраты им смысла жизни (грехопадения), а обретение смысла бытия возвращает его в соборность. Для Декарта, Ницше «Я» первично, а для экзистенциалиста Сартра человек бытийно изначально одинок, однако при этом он нагружен абсолютной ответственностью. Одиночество сущностно заключается в том, что свой выбор индивид не может возложить на другого [3].

Нам представляется, что в этом случае можно зафиксировать логическую непоследовательность в посылках экзистенциализма. «Одиночество как обреченность на выбор» означает отсутствие одиночества, так как изначально индивид положен как социально определенное существо, включенное в моральный, т.е. социальный выбор. Поэтому мы в этом случае считаем более последовательной позицию Н.А. Бердяева, согласно которой одиночество производно от социального бытия человека.

Принципы русской религиозной философии иные. Для В.С. Соловьева, И.А. Ильина человек изначально нравственен и погружен в мир нравственных законов, поступков, ответственности, заданной Богом и Писанием. Это твердь Бытия. В противоположность этому западноевропейская экзистенциалистская модель скроена на изначально эгоистических принципах. Для социального атома Библия перестала быть общепризнанным текстом культуры, стал открытым вопрос об идентичности человека.

Социально-мировоззренчески эта ситуация явилась результатом кризиса западной рацио-

нальности, который проявил себя как последствие Первой, а потом и Второй мировых войн. Линейный образ прогресса потерпел фиаско, и ему на смену пришел протест против общепринятых норм морали [4]. На смену общепринятому «идеалу» пришел принцип индивидуального позиционирования и самоутверждения в протестной форме: идентификация через бунт [5, с. 128]. Как справедливо подчеркивает А.Л. Панищев, успешная идентификация индивида через противопоставление себя ценностям общности приводит к конституированию отчужденного эгоиста как нормы [6, с. 27]. Философия экзистенциализма выросла как форма гуманитарной идеологии, которая культивировала эгоистический, индивидуалистический героизм личности XX в. как норму. Однако успеха в этом направлении ждать невозможно, так как смысл бытия невыводим из посылок абсолютного индивидуализма. Само понятие сущности человека теряется на этом пути.

В отличие от Западного проекта, проект русской отечественной философии базируется на признании нравственной сущности человека и на том, что отношение человека к Богу глубоко нравственное (В.С. Соловьев, И.А. Ильин, С. Франк) и творческое (А.Н. Бердяев) состояние. И.А. Ильин акцентирует внимание на том, что именно нравственное сознание служит источником осознания личностью своей духовной уникальности и духовной сущности «я» [7, с. 131]. Духовное самочувствие человека Ильин связывает с постоянной работой человека над собой, совершенствованием. Первичным, однако, для него является не мнение окружающих, а осознание своего собственного духовного достоинства [7, с. 325]. Осознание себя как абсолютной самоценности является, по Ильину, основой для высоконравственной позиции. Оно создает точку отсчета для стремления к абсолютному совершенству. Но идеал не осознаваем в мире материальных предметов, его можно постигнуть лишь на пути духовного самопознания. Противоречие духовных идеалов и невозможности их телесного воплощения является основным в существовании личности. В этой системе дилемма «высокое – низменное» созвучна дилемме «духовное – материальное», и обе они являются инобытием другой сущностной дилеммы – «бессмертное – смертное».

Смертность человека с особой остротой позволяет осознать его чуждость, посторонность физическому миру. Человек предназначен для духовного мира, но в физическом вещном мире он способен предать свои идеалы. Жизнь по естественным законам не совпадает и даже находится в противоречии с миром морали, что хорошо продемонстрировано И. Кантом в учении о двух мирах. Несовершенство чело-

века заключено в этой его раздвоенности, ибо смысл бытия для него существует лишь в духовном мире и отсутствует в естественном.

Эта абсурдность бытия зафиксирована и представителями экзистенциализма [5, с. 24–25]. Дуальность природы человека составляет реальную антиномию ее трагического бытия. В экзистенциализме признание абсурдности бытия закрывает, как правило, позитивное решение вопроса о смысле жизни. В русской религиозной философии позитивный ответ заключен в трансцендировании: смерть для духа оказывается не завершением, а переходом в иную, духовную, высшую форму бытия [7, с. 586].

И.И. Евлампиев рассматривает сходство идейных мотивов в творчестве Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше [8]. Он демонстрирует, что творчество Достоевского и критицизм Ницше суть стремления к мировоззренческой революции в христианстве. Основной пафос неклассических идей заключается в придании нового смысла истинному христианству: Христос трактуется как идеальный, совершенный человек, а Бог – как внутреннее содержание человеческой личности, подвигающее ее на стремление к совершенству.

В XIX в. происходила не только смена философской парадигмы от классической к неклассической, но и переоценка ценностей в культуре, религии. Ф. Достоевский, Ф. Ницше и другие мыслители вели поиск «истинного христианства». Контрапунктом этих духовных исканий были «Бог», «Мир (Универсум)», а главное – отношение Бога и Универсума. Как хорошо подчеркивает Евлампиев, на смену традиционно-догматическому христианству, в котором Бог трансцендентен, а человек дистанцирован от него фактом греха, шло духовное христианство, стремившееся к единству человеческой духовности и божественности. Принципы нового мировоззрения снимали жесткое онтологическое разделение божественного и человеческого бытия и давали мировоззренческую возможность человеку обновиться, войти в Царство Божье.

Сами по себе эти две традиции постоянно существовали в лоне развития христианства и являлись необходимым условием его развития, так как любая культурная система для своего развития требует минимум два вида языков-кодов [9, с. 258], два вида оппозитивных норм и ценностей. Это объясняется тем, что противоречие и борьба двух тенденций создает информационную избыточность и предуготовленность к будущим вызовам и позволяет вырабатывать вариативные адаптивные механизмы. Развитие может происходить как взрыв, а может складываться для социума более продуктивно, эволюционно, когда в социуме не нарушается социальное единство, а развивается

межкультурный [10, с. 299] и межличностный диалог [11, с. 318].

По-видимому, можно даже говорить о такой закономерности: наличие внутри социума нескольких видов кодов (минимум трех) и полилога между ними позволяет социуму развиваться эволюционно и эффективно. Русская культура (не только она) развивается бинарно, со взрывами, отрицанием прошлого, мессианизмом и апокалиптичностью как доминантами будущего. Западноевропейская культура иногда устроена как тернарная и в этих случаях предпочитала сохранение преемственности, эволюционизм. Задача российской культуры в эпоху глобализации видится Лотманом как переход с бинарной на тернарную структуру.

В философии неклассических мыслителей можно видеть не отрицание христианства как такового, а отрицание догматической церковной традиции во имя духовного христианства, которое понималось неклассическими мыслителями как истинное христианство [8]. Явно и откровенно эту традицию непосредственного интуитивно-мистического отношения к Богу развивает Ф.М. Достоевский. В его мировоззрении отсутствуют понятия первородного греха, искупления и спасения. Вместо принципа потусторонней или трансцендентной реальности доминирует принцип посюсторонней реальности, в которой Христос – это совершенный человек в земном бытии, что исследователи подтверждают ссылками на многие дневниковые записи писателя. В набросках к «Дневнику писателя» 1877 г. мы находим следующее принципиальное положение, продолжающее и конкретизирующее предыдущие: «Христианство является доказательством того, что в человеке может вместиться Бог» [12, с. 228]. Достижение этого идеала, восшествие к нему рассматривается как назначение отдельного человека, так и всей истории. Окончательный синтез человеческого бытия будет назван Богом или Раем, и этот всеобщий синтез впоследствии получит в традиционной русской философии Вл.С. Соловьева обозначение как Всеединство и Богочеловечество. Христос – внутренний идеал-предназначение, а Бог – чистый идеал и общее предназначение, имманентное самому человеку.

Исследователи мотивированно утверждают, что подобный мотив присущ и философии Ф. Ницше, как одного из главных родоначальников неклассической философии. Интересно отметить, что первым наброскам «Антихриста» Ф. Ницше предшествуют конспекты «Бесов» Ф. Достоевского, история Кириллова. Поиск истинного христианства он ведет по рекомендациям Достоевского. Понятия «антихрист», «сверхчеловек» и «вечное возвращение» также навеяны трудами Достоевского, они являются

концептами посюсторонней, интуитивно-мистической концепции христианства в рамках неклассической философии. «Сверхчеловек» может быть интерпретирован по-разному: как носитель идеи, воли, цели, как креатор. Земной Бог и Сверхчеловек оказываются тождественными концептами метафизики неклассической философии.

На рубеже XIX–XX вв. проблема сверхчеловека приобрела популярность в Европе и России. Особую популярность этой теме в среде российской интеллигенции придавало ее созвучие с идеями Вл.С. Соловьева. В европейской традиции этот образ встречается у Гете. Л.Н. Толстой за образом «свехчеловека» в европейской культуре видел победу идеалов зла в образах Нерона, С. Раина, Чингисхана, Наполеона. Основной поворот в культуре писатель рассматривал как замещение принципов морали принципами красоты и наслаждения, что расценивалось им как симптом краха западной цивилизации.

Н.Ф. Федоров в контексте идей «общего дела» и воскрешения всех умерших квалифицировал идеи Ницше как препятствие на этом пути, молодое же поколение русских философов-неоидеалистов (Д. Мережковский, Н. Бердяев и др.) видело в философии Ницше и идее сверхчеловека вершину европейской мысли, шаг на пути к абсолютным ценностям новой религии, к образам абсолютного духовного совершенства познания и красоты.

Особую популярность ницшеанство получило в среде российской художественной интеллигенции. Сверхчеловек органично вписался в контекст русского символизма, в дискурсы и образы «эстетического освобождения», «духовного раскрепощения», в интенции культуры будущего, романтические образы М. Горького. Эмоционально раскрепощенный, свободный, демонический тип красоты ницшеанского сверхчеловека стал воспеваться в поэзии русских декадентов З. Гиппиус, Ф. Сологуба, Н. Минского.

Российский культурный контекст эпохи Серебряного века наполнился многими концептами и коннотациями, созвучными или ассоциативно связанными с терминологическим гнездом по имени «сверхчеловек»: «богочеловек», «соборное человечество», «грядущий человек», «совершенный человек» и др. Как справедливо подчеркивает Ю.В. Синеокая, «...В сознании русских интеллектуалов путь к сверхчеловеку... понятие “сверхчеловек” трансформировалось в идею совершенствования человека» [13].

В. Соловьев и Ф. Ницше различно трактовали проблему жизни и бессмертия. Философия Соловьева оптимистична в отношении личного бессмертия, воскрешения, а Ницше рассматривает бесконечность как вечное возвраще-

ние. Напомним, что философия и первого, и второго мыслителя имела в некоторой степени мистический характер. В обеих философских системах безусловной ценностью признается человеческая личность, индивидуальность, а ее назначением считается достижение наиболее полного совершенствования человека и культуры: у Ницше – это увеличение жизненной творческой энергии индивидуума, у Соловьева – восхождение к богочеловечеству. Обретение бессмертия в концепции Соловьева доступно лишь преображенному человечеству, которое приблизится к абсолютной жизни, реализующей единство Истины, Добра и Красоты. Бессмертие проявляется как атрибут лишь абсолютного, самодовлеющего содержания индивидуальности.

Основной принцип учения Ницше о сверхчеловеке – это закон вечного повторения, возвращения всего существующего к исходному. Так же как и Соловьев, немецкий философ создает принцип жизненного predeterminedения не для обывателя, а для творца. Принципы Ницше предназначены для сильной личности, преодолевшей проклятие и страх бесконечности и способной к волевому творчеству, созданию новых ценностей. Сверхчеловек сам создает себя, новую жизнь и принципы новой жизни. Прежде всего, надо найти удовлетворение в себе самом, стать самим собою. Все это является реализацией интенции к бесконечности. Ницше вместо веры в Бога предлагает стремление к сверхчеловеку. Ницше предлагает не внешний, трансцендентный, а имманентный идеал гения. Традиционное же христианство объявляется им ложью о воскресшем Иисусе. И эта его духовная интенция в определенных идеологических формах стремилась к воплощению в социальную реальность.

Учения Соловьева и Ницше направлены на реализацию богочеловека, сверхчеловека, однако между собой они несовместимы. Ницшеанский сверхчеловек для Соловьева есть антихрист, сатанизм. Вл.С. Соловьев и Ф. Ницше стремились превратить философию в философию жизни. Их интенция жизненного мира характеризуется личностной ориентированностью, элементами мистики и иррационализма. Оба создают некую философскую мифологию сверхчеловека. Ницше – на пути индивидуализма, жизненной силы, волевой интенции и самоконструирования. Соловьев стремился к этической проповеди, единству Истины, Добра и Красоты, Софийности, к трансцендентному богочеловеческому устремлению человечества и личности.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Неклассические философско-мировоззренческие идеи развивались в Европе XIX–XX вв.

в философской, религиозной, литературно-художественной форме. Контрапунктом этих идейных поисков было переосмысление мировоззренческих концептов «человек», «Бог», «Мир» и основной мировоззренческой интенции – «отношения Мира и Бога». Переоценка концептов и ценностей осуществлялась методом реинтерпретации, нового истолкования христианской парадигмы. Основные направления реинтерпретации: 1) человек как новый человек, богочеловек, сверхчеловек; 2) обмирщение трансцендентальных идеалов, ценностей как богочеловечество на Земле; 3) новые решения проблемы «смерть-бессмертие»; 4) переход философского дискурса с номенклатуры категорий на номенклатуру экзистенциалов.

Мировоззренческая революция касалась, прежде всего, состояния умов интеллигенции – писателей, поэтов, философов, ученых и пр. Хотим отметить, что «философия жизни» зна-

чительно повлияла на состояние умов интеллигенции, на идеологический процесс последующих десятилетий, когда христианские идеалы и ценности в одежде социализма, коммунизма и других идеологий интенсивно стремились к своему жизненному обмирщению. Философия жизни и сверхчеловека, нового человека нашла воплощение в духе индустриализма, модернизации, геополитических покорений и в проектах создания нового человека, расы, мира. Экзистенциализм также поддерживает эту традицию. Однако у него возникают проблемы с обоснованием позитивной интенции человеческой жизни. Формируются сциентистский и антисциентистский типы интеллигентской мировоззренческой культуры. В гуманитарной культуре развивается иррационализация, обоснование абсурдности жизни, обесценивание истины, добра и красоты как идеалов. Эта тенденция продолжается в постмодернизме.

1. Данто Артур. Ницше как философ / пер. с англ. А. Лавровой. М., 2001.

2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. М. Грецкого. М., 2006. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/98315/Sartr_-_Ekzistencializm_-_eto_gumanizm.html

3. Кучинин С., Багрова Е.В. Экзистенциализм, проблема человека и его одиночество в экзистенциализме. URL: <http://gisap.eu/ru/node/51487>

4. Дубнов А.П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества (общедоступное введение) // Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1 / пер. Н.Ф. Гарелина.

5. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

6. Панищев А.Л. Отвергнутый человек в экзистенциализме и посторонний человек в русской религиозной философии // Фундаментальные исследования. 2004. № 3.

7. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2002.

8. Евлампиев И.И. «Посюсторонняя» религиозность Ф. Достоевского и Ф. Ницше (К вопросу о религиозном содержании неклассической философии) // Вопросы философии. 2013. № 7. URL: http://vphil.ru/index.php?id=782&option=com_content&task=view

9. Лотман М.Ю. Культура и взрыв.

10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

12. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1971–1990. Т. XXV.

13. Синеокая Ю.В. Проблема сверхчеловека у Владимира Соловьева и Фридриха Ницше. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/64090/>

1. Danto Artur. Nietzsche as philosopher / transl. from English by A. Lavrova. Moscow, 2001.

2. Sartre J.-P. Existentialism is a humanity / transl. by M. Gretskey. Moscow, 2006. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/98315/Sartr_-_Ekzistencializm_-_eto_gumanizm.html

3. Kuchinin S., Bagrova E.V. Existentialism, a problem of the person and his loneliness in existentialism. URL: <http://gisap.eu/ru/node/51487>

4. Dubnov A.P. «Falling of the West» and global problems of mankind (public introduction) // Spengler O. Sunset of Europe. Image and reality. Vol. 1 / transl. by N.F. Garelin.

5. Camus A. The revolting person. Moscow, 1990.

6. Panishchev A.L. The rejected person in existentialism and the stranger in the Russian religious philosophy // Basic researches. 2004. № 3.

7. Ilyin I.A. Axioms of religious experience. Moscow, 2002.

8. Evlampiyev I.I. F. Dostoyevsky and F. Nietzsche's «immanent» religiousness (To a question of the religious maintenance of nonclassical philosophy) // Philosophy questions. 2013. № 7. URL: http://vphil.ru/index.php?id=782&option=com_content&task=view

9. Lotman M.Yu. Culture and explosion.

10. Bakhtin M.M. Problems of poetics of Dostoyevsky. Moscow, 1979.

11. Bakhtin M.M. Esthetics of verbal creativity. Moscow, 1979.

12. Dostoyevsky F.M. Complete coll. of works: in 30 vol. Leningrad, 1971–1990. Vol. XXV.

13. Sineokaya Yu.V. Vladimir Solovyov and Friedrich Nietzsche problem of the superman. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/64090/>

Наумов Анатолий Валентинович

доктор юридических наук, профессор,
лауреат Национальной премии по литературе в области права,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
(e-mail: yasenavm34@mail.ru)

Рецензия на учебник «Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Особенная часть»

В рецензии рассматривается основное содержание трехтомного учебника по уголовному праву Республики Казахстан*, выделяются значимые особенности уголовного законодательства и его доктринального толкования.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовный кодекс, преступление, уголовное правонарушение, наказание.

A.V. Naumov, Doctor of Law, Professor, Winner of the National Award for the Literature in the Field of Law, All-Russian State University of Justice; e-mail: yasenavm34@mail.ru

Review of the textbook «Criminal law of the Republic of Kazakhstan. General part. Special part»

The review describes the main contents of the three-volume textbook on criminal law of the Republic of Kazakhstan, highlights the significant features of the criminal law and its doctrinal interpretation.

Key words: criminal law, criminal code, crime, criminal offence, punishment.

Авторский коллектив трехтомного учебника по уголовному праву Республики Казахстан является не совсем обычным. В нем значительное участие приняли не только ученые-криминалисты Республики Казахстан, но и целый ряд известных российских специалистов по уголовному праву (Ю.В. Голлик, А.И. Коробеев, В.А. Номоконов, А.В. Серебрякова, А.А. Толкаченко, А.В. Шнитенков, Н.В. Щедрин, В.А. Якушин). Для российского юриста ознакомление с учебником по уголовному праву Республики Казахстан представляет интерес в особенности в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что на просторах Содружества Независимых Государств это государство является одним из самых близких в аспекте социально-политического и экономического содружества (наши страны являются членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС). Во-вторых, уголовное законодательство Республики Казахстана хотя уходит своими корнями в советское уголовное законодательство и науку уголовного права, тем не менее по ряду принципиальных вопросов является достаточ-

но специфическим, и российскому юристу интересно увидеть, как соответствующая специфическая норма «работает» на практике и в каких случаях такие нормы могут быть использованы и перенесены в УК РФ.

Отмечая же общие исторические корни уголовного права наших стран, следует указать, что в советское время уголовно-правовая наука Казахской ССР представляла собой одну из самых заметных национальных школ уголовного права, существовавших на советском доктринальном уголовно-правовом «поле». Разумеется, обозначение этих школ как национальных является достаточно условным, и это не связано лишь с этническо-национальной принадлежностью соответствующих авторов, оставивших заметный след в уголовно-правовой теории советского права [1, с. 60].

Что же можно взять за основу выделения в советской уголовно-правовой науке ее национальных ветвей? Во-первых, это наличие в каждой союзной республике Союза ССР, в том числе и в Казахской ССР, своего уголовного законодательства, в первую очередь, своего уго-

* Уголовное право Республики Казахстан: учебник. Общая часть. Алматы, 2016. Особенная часть. Т. 1. Алматы, 2016. Т. 2. Алматы, 2017 (отв. ред. председатель Конституционного Совета Республики Казахстан д.ю.н., проф. И.И. Рогов, профессор Евразийского национального университета им. Л.М. Гумилева д.ю.н., проф. К.Ж. Балтабаев).

ловного кодекса – УК Казахской ССР (1959 г.). Самостоятельность (относительную) уголовного законодательства союзных республик не стоит преувеличивать, как и преуменьшать или даже отрицать. Конечно, ее степень существенно ограничивалась общесоюзным уголовным законодательством. Применительно к нормам Общей части УК Казахской ССР это происходило путем издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., устанавливающих признаки понятия преступления (включая виновность в форме умысла и неосторожности), определение основания уголовной ответственности и деяний, исключающих уголовную ответственность (необходимой обороны и крайней необходимости); указания особенности ответственности за неоконченное преступление (приготовление к преступлению и покушение на преступление) и соучастие в преступлении; формулирования целей наказания и установления видов наказаний, основных вопросов назначения наказания и освобождения от наказания. В Особой части такое ограничение осуществлялось изданием соответствующих общесоюзных законов (обычно указов Президиума Верховного Совета СССР). К самым значимым в этом отношении общесоюзным актам уголовного права относились Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» 1958 г. и Закон СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» 1958 г.

Серьезным ограничителем самостоятельности уголовных кодексов союзных республик была интенсивная работа общесоюзного законодателя по внесению изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство. Это делалось в виде принятия, чаще всего, указов Президиума Верховного Совета СССР, обязательных для их конвертирования в уголовные кодексы союзных республик. Масштаб таких изменений был огромен. Все они воплощались, разумеется, не только в УК РСФСР, но и во всех уголовных кодексах союзных республик. Тем не менее определенная вариативность уголовной ответственности по уголовным кодексам союзных республик сохранялась как в их Общей части, так и в более значительных проявлениях в Особой части таких кодексов. В связи с этим укажем лишь на некоторые специфические уголовно-правовые нормы (запреты), сформулированные в Особой части УК Казахской ССР 1959 г., не дублировавшие их аналоги в УК РСФСР 1960 г.

Например: «преступно небрежное или жестокое обращение со скотом» (ст. 86), «жилищная спекуляция» (ст. 169), «нарушение ограничений торговли спиртными напитками» (ст. 212), «незаконная эксплуатация автомашин» (ст. 219), «незаконное занятие автоперевозками» (ст. 220).

Указанная специфика республиканского советского уголовного законодательства позволяла авторам, занимавшимся исследованием соответствующих уголовно-правовых проблем, сосредоточиться именно на своих особенностях (т.е. сформулированных в УК конкретной республики) норм и их правоприменительной практике (не забывая, разумеется, о доктринальном толковании и общесоюзных уголовно-правовых запретов).

Уголовно-правовая наука в Казахской ССР. Значительное внимание авторами соответствующих работ уделялось исследованию следующих проблем:

истории развития уголовного законодательства и науки в республике (У. Джекебаев, Т.М. Культелеев, А. Булганбаев, С. Булатов, Б. Джунусов);

логики-юридической структуры уголовного закона (В.М. Коган);

объекта преступления (Е.К. Каиржанов);

ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения (Б. Бейсенов, Н. Гагарин);

специального субъекта преступления (Р. Орымбаев);

ответственности за предварительную преступную деятельность (В.Д. Иванов);

добровольного отказа от совершения преступления (К.С. Садыков, В.Д. Иванов, В.А. Ким);

мотивации преступления (У.С. Джекебаев, Т.Г. Рахимов, Р.Н. Судакова; нельзя не отметить, что уже в первые постсоветские годы в трудах Академии наук Казахской ССР вышла статья У.С. Джекебаева «Об уголовной ответственности юридических лиц», являющаяся одной из первых опубликованных на эту тему на постсоветском пространстве и в дальнейшем активно обсуждавшихся в уголовном праве Российской Федерации [2]).

Следует отметить, что некоторые из указанных работ получили достаточно широкий отклик в литературе на общесоюзном уровне (рецензии в научных журналах, ссылки в монографиях и научных статьях), например работы У. Джекебаева, Г. Рахимова, и Р. Судаковой, В. Когана, Е. Каиржанова, В. Иванова, Б. Бейсенова, Т. Культелеева).

Из работ, посвященных проблемам Особенной части, следует выделить монографии и научные статьи об ответственности:

за преступления против собственности (С.Я. Булатов, Н.С. Гагарин);

преступления против личности (Г.И. Баймурзин, К.Н. Казымбетов);

хозяйственные преступления (Е. Каиржанов, А.М. Мамутов, И.М. Эпельбейм, Р. Орымбаев);

преступления против правосудия (Д.Б. Бектыбаев);

преступления против порядка управления (Г.Ф. Поленов);

преступления против общественной безопасности и общественного порядка (М.А. Нигай, М. Валиев);

воинские преступления (З.О. Ашитов);

преступления, составляющие пережитки патриархально-родового быта (А.М. Мамутов).

Следует отметить, что специфические для союзной республики составы преступления, отличающиеся от уголовно-правовых запретов других союзных республик, нашли свое толкование (в числе разъяснения других норм) в книге: Комментарий к Уголовному кодексу Казахской ССР / З.О. Ашитов, Б.С. Бейсенов, А. Булгакбаев; под ред. В.Н. Маркелова, Г.Ф. Поленова. Алма-Ата, 1966.

Таковы исторические корни, сближающие законодательство и доктрину наших стран. Что же касается специфических отличий, сформулированных в УК Республики Казахстан и их доктринальном толковании в рецензируемом учебнике, то мы выделим лишь некоторые, являющиеся, по нашему мнению, основными. Применительно к Общей части уголовного права интересующие нас особенности сконцентрированы, например, на проблемах, относящихся к таким темам, как уголовный закон, уголовное правоприменение, объект уголовного правоприменения, уголовная ответственность и ее основания, множественность уголовных правонарушений и обстоятельства, исключающие общественную опасность и уголовную ответственность деяния.

Так, законодатель в новой редакции ст. 1 УК РК, указывая, что единственным источником уголовного права является УК РК, отказался от слова «исключительно», что связано с включением в него норм Конституции и нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики Казахстан, а также международных договоров. Оставляя открытым вопрос о нормативных постановле-

ниях Верховного Суда, скажем, что и применительно к УК РФ юридическая природа норм Конституции РФ и Конституционного Суда РФ, а также общепризнанных принципов и норм (ратифицированных Российской Федерацией) международного права требует такой же законодательной операции, поскольку объявляемая ст. 1 УК РФ «исключительность» норм УК РФ является надуманной. Например, УК РФ предусматривает такое законодательно не отмененное наказание, как смертная казнь (как и Конституция РФ), но никакой российский суд не вправе его применить. Термин «исключительность» теряет смысл и для многих бланкетных уголовно-правовых статей УК РФ с отсылкой к нормативным актам других отраслей права. Так как практически получается, что, например, «сегодня» уголовно наказуемой кражей является таковая на сумму тысячу рублей, а «вчера» была на сто рублей (увы, так это и было), что как бы и «освещалось» Уголовным кодексом (на самом же деле нормами административного права).

Более точной нам представляется и уголовно-правовая формулировка уголовной юрисдикции Казахстана в отношении уголовных правонарушений, совершенных в пределах исключительной экономической зоны. Она (в отличие от ч. 2 ст. 11 УК РФ) правильно распространяется лишь на такие деяния, как незаконное создание в исключительной экономической зоне зон безопасности, а также исследование, разведка, разработка естественных богатств исключительной экономической зоны, проводимые без соответствующего разрешения (что более отвечает требованиям известных норм международного права).

Для отечественного юриста значительный интерес представляет разграничение уголовных правонарушений на преступления и уголовные проступки (в особенности в связи с предложениями, поступившими от Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева (Российская газета, 7 декабря 2016 г.). Известно, что такое деление существовало в дореволюционном российском уголовном законодательстве (в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных), характерно для современного зарубежного уголовного законодательства (например, Германии, Италии, Испании). Авторы учебника напоминают, что такая проблема обсуждалась и в советском уголовном праве (в 70-е – 80-е гг. прошлого века). Казахский законодатель не дает определения уголовного правонарушения, оставляя решение

этой задачи за доктриной уголовного права. В рецензируемом учебнике дано следующее определение: «Уголовное правонарушение – совершенное виновно и характеризующееся различной степенью общественной опасности деяние (действие или бездействие), запрещенное уголовным законом под угрозой применения мер уголовной ответственности» (с. 46). При этом УК РК связывает признание деяния как преступления с совершением виновно общественно опасного деяния (действия или бездействия), запрещенного Уголовным кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни. Уголовным же проступком признается также совершенное виновно деяние (действие или бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста. Думается, что указанный правотворческий опыт заслуживает того, чтобы быть учтенным и при законодательном решении соответствующей проблемы при соответствующей на этот счет реформе УК РФ.

Следует отметить, что при достаточно традиционной для уголовно-правовой доктрины характеристике объекта преступления авторы учебника обращают внимание на, по их мнению, недостаточно оцененную роль потерпевшего от уголовного правонарушения. Они констатируют, что «указанный признак в качестве обязательного встречался в нормах Особенной части гораздо чаще, чем такие признаки состава уголовного правонарушения, как место, время, обстановка. Поэтому есть основания включить специальные признаки потерпевшего от уголовного правонарушения в число факультативных признаков состава» (с. 68).

В отличие от УК РФ, в 2003 г. исключившем из видов множественности неоднократность, УК РК сохранил этот признак, и его доктринальное толкование в рецензируемом учебнике подтверждает, на наш взгляд, такую приверженность к этому виду множественности уголовного правонарушения (со ссылкой на конкретное нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан).

Самого пристального внимания заслуживает включение казахским законодателем в число

обстоятельств, исключающих общественную опасность и уголовную ответственность деяния, такого обстоятельства, как осуществление оперативно-розыскных мероприятий или негласных следственных действий, и его доктринальное толкование. «Выделение данной нормы в самостоятельную статью УК, – пишут авторы учебника, – общественно необходимое обеспечение четких (прямых) гарантий субъектам оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованными формами преступности» (с. 221). С этим трудно не согласиться. При этом учебник концентрирует внимание на условиях правомерности указанного обстоятельства.

Соответствующие оперативно-розыскные мероприятия могут осуществляться только двумя группами субъектов: 1) сотрудниками уполномоченного государственного органа (органов внутренних дел, органов национальной безопасности и других определяемых в Законе РК «Об оперативно-розыскной деятельности» органов); 2) иными лицами, сотрудничающими с этими органами, и только по поручению такого органа.

Таким образом, первым условием правомерности осуществления оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) является определение круга лиц, имеющих право осуществлять такое мероприятие. Вторым условием является цель проведения таких мероприятий – предупреждение, выявление, раскрытие или расследование уголовных правонарушений и только в случаях их группового совершения (фактически третье условие правомерности). Четвертым условием является то, что при осуществлении ОРМ вред причиняется только правоохраняемым интересам. Пятое условие – причиненный при этом вред должен быть менее значительным, чем вред, причиняемый групповыми уголовными правонарушениями. Шестое условие: осуществление ОРМ или негласных действий является единственным способом достижения поставленной цели.

Думается, что и этот доктринальный опыт Республики Казахстан вполне заслуживает самого пристального его рассмотрения законодателем Российской Федерации.

Что касается трактовки в учебнике норм Особенной части УК РК, то при всей близости уголовного законодательства наших стран для отечественных юристов больше всего представляет интерес доктринальное толкование

уголовно-правовых норм об уголовных правонарушениях в сфере экономической деятельности, в особенности совершаемых в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в финансово-кредитной сфере, в сфере финансовой деятельности, таможенной сфере, в сфере налоговых правонарушений. В первую очередь это связано с использованием авторами нормативной базы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и соответствующего доктринального толкования этих проблем. Но Самым, по мнению рецензента, значимым моментом является ознакомление наших юристов с особенностями законодательного конструирования состава хулиганства (ст. 293 УК РК). Известно, что действующий УК РФ соединил «несоединимое», увязав состав хулиганства (ч. 1 ст. 213 УК РФ) с признаком вооруженности и мотивом (не хулиганским). То есть по нашему законодательству хулиган-

ство может быть лишено хулиганского мотива, а ведь последний едва ли не самый-самый криминообразующий данное преступление признак. Авторы учебника приводят слова Б.С. Волкова: «Поскольку хулиганский мотив входит в характеристику одноименных действий, он не может не рассматриваться как обязательный элемент субъективной стороны данного преступления. Без хулиганского мотива не может быть хулиганских действий» (Волков Б.С. Мотив и квалификация хулиганства. Казань, 1968. С. 152). Известно, что применение такой нормы о хулиганстве поставило перед правоприменителем ряд очень серьезных проблем. Наш законодатель «вместе с водой выплеснул и ребенка» и тем самым создал ряд трудно разрешимых для правоприменителя проблем. Казахстанский законодатель сумел избежать этого (не ослабив при этом уголовно-правовую борьбу с терроризмом и экстремизмом).

1. Наумов А.В. О национальных школах уголовного права в Союзе Советских Социалистических Республик // *Вестн. РПА*. 2016. № 4.

2. Изв. НАН Республики Казахстан. Сер. общественных наук. 1993. № 4.

1. Naumov A.V. About national schools of criminal law in the Union of Soviet Socialist Republics // *Journal of the RPA*. 2016. № 4.

2. Proc. of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Ser. of social sciences. 1993. № 4.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 10.04.2017
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 35,1
Тираж 1050 экз. Заказ 588
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249